АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС

КОСМИЧЕСКИЙ АПОКАЛИПСИС

КОСМИЧЕСКИЙ АПОКАЛИПСИС

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

ALASTAIR

REYNOLDS

REVELATION SPACE

АЛАСТЕР

РЕЙНОЛЬДС

КОСМИЧЕСКИЙ АПОКАЛИПСИС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44
Р35

Серия основана в 1999 году

Alastair Reynolds
REVELATION SPACE
2000

Перевод с английского В.П. Ковалевского, Н.П. Штуцер

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения The Orion Publishing Group Limited и литературного агентства Synopsis.

Подписано в печать 24.04.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 10000 экз. Заказ № 874.

Рейнольдс А.

Р35 Космический Апокалипсис: Роман / А. Рейнольдс; Пер. с англ. В.П. Ковалевского, Н.П. Штуцер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 638, [2] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-008007-7

Аластер Рейнольдс (родился в 1966 году в Южном Уэльсе) — ученый-астрофизик, дебютировавший в научной фантастике романом «Космический Апокалипсис» — романом, который критика назвала «самым масштабным произведением со времен «Гипериона» и «книгой, составившей достойную конкуренцию творчеству Питера Гамильтона и Йэна Бэнкса».

...От древней, давно исчезнувшей инопланетной цивилизации осталось немногое. Только — артефакты. Артефакты таинственные — и смертельно опасные для людей. Артефакты, тайну которых необходимо разгадать любой ценой. Потому что от этого зависит — быть или не быть Космическому Апокалипсису, катастрофе, что унесет миллиарды жизней...

Кто откроет тайну артефактов? Возможно, ближе всего к истине стоят двое — ученый, правящий инопланетной колонией землян, и его смертельный враг и вынужденная союзница — космическая авантюристка...

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44

© Alastair Reynolds, 2000
© Перевод. В.П. Ковалевский, Н.П. Штуцер, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сектоф Мантель, Северный Некхебет, Ресургем, Система Дельта Павлина, год 25510-й

Надвигалась «бритвенная буря».

Силвест стоял на краю раскопа и думал: переживут ли плоды его трудов эту ночь? Территория археологических раскопок представляла собой ряд глубоких шурфов квадратного сечения, разделенных участками всхолмленной бесплодной почвы. Шурфы закладывались по классической сетке Уиллера. Они уходили вглубь на десятки метров и были облицованы прозрачными плитами, сплетенными из гипералмазных нитей. Миллионы лет стратифицированной геологической истории лежали за этими плитами. Но вот — только одна песчаная буря, и все шурфы будут засыпаны вровень с поверхностью окружающих дюн.

— Получено подтверждение, сэр, — сказал кто-то из рабочих, подошедший к Силвесту со стороны первого краулера. Из-под маски для дыхания его голос звучал глухо. — Кювье только что передал штормовое предупреждение для всего континента Северный Некхебет. Всем группам, работающим на поверхности, приказано вернуться на ближайшие базы.

— Вы хотите сказать, что нам следует собраться и уходить в Мантель?

— Буря ожидается невероятно сильная. — Рабочий нервно стянул ворот своей ветровки. — Прикажете дать распоряжение о полной эвакуации?

Силвест поглядел на раскопки. Стенки шурфов сверкали под лучами фонарей, установленных по всей площадке.

Дельта Павлина в этих широтах никогда не поднималась столь высоко над горизонтом, чтобы дать хорошую освещенность. Сейчас же она стояла почти у самой линии горизонта, да к тому же была полускрыта густыми облаками пыли и выглядела как слабый ржаво-красный мазок на небе, который человеческий глаз почти не замечал. Скоро-скоро появятся и «пыльные дьяволята», которые помчатся над поверхностью Птеростепей тысячами игрушечных волчков. А за ними последует и главный удар бури, вздымающейся над горизонтом огромной черной наковальней.

— Нет, — сказал Силвест. — В отъезде нет необходимости. Мы тут вполне прилично прикрыты. Вон на тех валунах, к вашему сведению, почти отсутствуют следы ветровой эрозии. Полагаю, вы этого просто не заметили. Если буря будет очень сильная — что ж, запремся в краулерах.

Рабочий бросил взгляд на валуны и покачал головой, будто сомневаясь в исправности своего слуха.

— Сэр, — сказал он, — Кювье дает предупреждения такой категоричности не чаще раза или двух в год. Сила этой бури больше любой, что мы видели.

— Вы хотите сказать, больше любой, что *вы* видели, — отозвался Силвест, заметив, что взгляд собеседника вильнул в сторону. — Вот что я вам скажу. Мы не можем бросить эти раскопки. Вам ясно?

Мужчина снова обвел взглядом площадку.

— Мы можем прикрыть шурфы чем-нибудь сверху. Вкопать радиомаяки. Даже если шурфы засыплет бурей, мы найдем это место и вернемся к нему. Туда, где мы сейчас стоим. — За толстыми стеклами защитных очков метались дикие испуганные глаза. — Так ведь лучше, чем рисковать жизнями людей и оборудованием?

Силвест шагнул вперед, заставив собеседника отступить к ближайшему шурфу.

— Вы должны сделать вот что. Передайте всем рабочим группам, чтобы они продолжали копать вплоть до поступления новых распоряжений. И чтобы никаких разговоров о возвращении в Мантель. Ладно, пусть самые чувствительные приборы пока уберут в краулеры. Понятно?

— Но как же люди, сэр?

— А люди будут делать то, ради чего они сюда прибыли. Будут копать.

Силвест с осуждением поглядел на рабочего, как будто провоцируя на пререкания, но тот повернулся на каблуках

и побежал через площадку, с привычной ловкостью перепрыгивая верхушки барханчиков. Расставленные вокруг площадки гравитометры, похожие на пушки со склоненными к земле стволами, слегка подрагивали под усиливающимися порывами ветра.

Силвест подождал, а потом по такой же тропке отошел на несколько узлов сетки внутрь. В центре площадки четыре шурфа были объединены в одну шахту, стенки которой тоже укреплялись плитами. Горловина шахты имела размер 30 на 30 метров и почти такую же глубину. Силвест ступил на лестницу, ведущую вниз, и стал быстро спускаться. По этой лестнице он спускался и поднимался за последние недели столько раз, что его больше беспокоило отсутствие головокружения, нежели сама лестница. Спускаясь вдоль стены, укрытой прозрачным пластиком, Силвест как бы проплывал сквозь пласты времени: со времени События прошло более девятисот тысяч лет. Большая часть этих пластов представляла собой вечную мерзлоту, что было характерно для приполярных широт Ресургема. Вечная мерзлота никогда не оттаивала. Ниже ее — совсем близко к Событию — лежал пласт реголита — свидетельство извержений в последующий период. Само Событие отмечалось тонкой черной чертой — пеплом сгоревших лесов.

Дно шахты не было совершенно ровным. Оно ступеньками спускалось на глубину сорока метров от поверхности. Здесь были установлены дополнительные фонари, чтобы разогнать тьму. Небольшая площадка раскопа буквально кипела человеческой энергией. Дыхание приближающейся бури тут просто не ощущалось. Группа копачей работала почти беззвучно, стоя на коленях на специально подстеленных матах. Инструменты, которыми велась работа, были столь тонки и сложны, что в другую эпоху они могли бы служить хирургам. Главными копачами являлись три студента из Кювье — уроженцы Ресургема. Рядом томился робот, ожидая распоряжений. Хотя на ранних этапах раскопок машины использовались, но на финальной стадии им не доверяли. Рядом с копачами сидела женщина. На ее коленях лежал компактный компьютер, экран которого изображал таблицу эволюции черепов амарантян. Как только женщина увидела Силвеста — тот спускался почти бесшумно, — она тут же встала, захлопнув свой блокком. Женщина была одета в теплую шубу, черные волосы подстрижены геометрически четкой челкой.

— Да, вы были правы, — сказала она. — Что бы там ни было, оно большое и прекрасно сохранилось.

— У вас есть какие-нибудь предположения, Паскаль?

— А это уж скорее по вашей части, верно? Я тут только комментировать имею право. — Паскаль Дюбуа была молодой журналисткой из Кювье. Она курировала раскопки с самого начала, но иногда не брезговала и черновой работой копача, легко овладевая тонкостями работы археологов. — Мрачное зрелище — эти скелеты. Хоть это инопланетяне, все равно за них больно.

В одной из стен шахты, там, где начинались ступени, ведущие еще ниже, были вскрыты два захоронения, выложенные каменными плитами. Хотя захоронениям было как минимум девятьсот тысяч лет, могилы хорошо сохранились, расположение костей все еще грубо соответствовало анатомическому строению скелетов. Это были типичные скелеты амарантян. Неискушенный в археологии наблюдатель принял бы их за человеческие, так как эти существа тоже имели четыре конечности, две из которых служили для передвижения, рост тоже примерно соответствовал росту человека. Сходство наблюдалось и в других частях скелета. Объем черепа был примерно таким же, органы чувств, дыхания и общения расположены были сходно. Но черепа обоих амарантян были вытянуты и походили на птичьи — четкий черепной гребень тянулся вплоть до клювообразной верхней челюсти. На костях там и тут все еще висели лохмотья коричневой ткани, которая, казалось, предназначалась для удержания тел умерших в позах, говорящих об агонии. Это не были окаменелости в полном смысле этого слова: минерализация костей отсутствовала. Сами могилы пусты, если не считать костей и нескольких предметов, с которыми хоронили мертвецов.

— Возможно, — сказал Силвест, наклоняясь и трогая пальцем один из черепов, — они хотели вызвать у нас именно эти чувства.

— Нет, — ответила Паскаль. — Просто ткань высохла и кости изменили свое положение.

— А может быть, они в таком виде были с самого начала?

Пальпируя череп сквозь ткань перчатки, передававшую ощущения кончикам пальцев, он вдруг вспомнил высокий желтый зал в Чазм-Сити с акварелями на стенах, изображавшими метановые ледники. Ливрейные роботы ходили

меж гостей, предлагая сладости и ликеры. Драпри из ярко окрашенных шелков свисали со сводчатого дворцового потолка. В воздухе, согласно последней моде, светились и колыхались изображения серафимов, херувимов, колибри и фей. Он вспомнил даже гостей, в основном связанных с семьей — людей, которых он либо не знал, либо не одобрял, поскольку его друзей в публике было очень мало. Отец, как обычно, сильно опоздал. Вечер уже катился под уклон, когда Кэлвин наконец-то соизволил появиться. Впрочем, это никого не удивило: то было время осуществления самого последнего и самого великого проекта Кэлвина, так что сам процесс его осуществления уже был как бы медленной смертью его творца. Не говоря уж о последующем самоубийстве, произошедшем в разгар работ.

Силвест отлично помнил, как отец вручил ему коробку с инкрустацией в виде сплетающихся рибонуклеиновых спиралей.

— Открой, — велел Кэлвин.

Он помнил, как взял коробку, как ощутил ее непредвиденную легкость. Снял крышку и увидел гнездо, выложенное легкими прядями упаковочного материала. В нем лежал отполированный коричневый купол, по цвету ничем не отличавшийся от коробки. Это была верхняя часть черепа, видимо, человеческого. Нижняя челюсть отсутствовала.

Вспомнил он и тишину, сразу воцарившуюся в зале.

— И это все? — воскликнул Силвест достаточно громко, чтобы его услышали во всех углах зала. — Старые костяшки? Ну, спасибо, папочка. Я сражен!

— Что ж, вполне понятное чувство, — ответил Кэлвин.

Беда была в том, как сейчас же понял Силвест, что Кэлвин говорил совершенно серьезно. Череп был бесценен. Ему было двести тысяч лет. Женщина из Атапуэркн — Испания, как он вскоре узнал. Время ее погребения определялось весьма точно самим характером захоронения, но ученые, которые его раскопали, уточнили первоначальные оценки, использовав самые последние методики датировки: анализ калия и аргона в стенах пещеры, где была похоронена испанка, полураспад урана в натеках травертина, датирование треков частиц в вулканическом стекле, термолюминесцентный анализ кремния. Это были те же самые методики, которые в несколько улучшенном виде и сейчас применяются при раскопках на Ресургеме. Пока еще

физика не создала новых, более надежных методов датировки. Конечно, все это Силвест должен был тогда мгновенно понять и оценить, что перед ним самые древние человеческие останки на Йеллоустоне, доставленные с Земли в систему Эпсилона Эридана несколько сот лет назад. Находка пропала во время мятежей в колонии, и то, что Кэлвин снова ее отыскал, само по себе было маленьким чудом.

Силвест устыдился не столько собственной неблагодарности, сколько того, что он перед всеми обнаружил свое невежество, которое так легко было скрыть. Это была слабость, и он поклялся, что она никогда больше не повторится. Много лет назад он привез этот череп сюда на Ресургем, чтобы тот всегда служил ему напоминанием об этой клятве.

Он не мог позволить себе второй раз испытать подобный позор.

— Если то, что предполагаете вы, верно, — сказала Паскаль, — значит, их похоронили в таком виде по какой-то важной причине.

— Возможно, в качестве предупреждения, — отозвался Силвест и шагнул к студентам.

— Я боялась, что вы скажете нечто в этом духе, — шепнула она, следуя за ним. — И к чему же может относиться такое жуткое предупреждение?

Вопрос был явно риторический, и Силвест это хорошо понимал. Паскаль отлично знала все, что он думает об амарантянах. Ей казалось забавным поддразнивать его, напоминать об их верованиях, заставлять его повторять одно и то же, надеясь, что он все же совершит какую-нибудь логическую ошибку и запутается в собственных теориях. Такую серьезную ошибку, которая заставит Силвеста признать крушение всей стройной системы его взглядов.

— Событие... — начал Силвест, ощупывая тонкую черную полоску за прозрачной облицовочной плитой.

— Событие произошло с амарантянами, — подхватила Паскаль, — но они вряд ли могли его предвидеть. И продолжалось очень недолго. Не было у них времени хоронить трупы так, чтобы они служили предупреждением, даже если бы они имели хоть малейшее представление о том, что их ждет впереди.

— Они разгневали богов, — сказал Силвест.

— Да, — согласилась Паскаль. — Думаю, никто не станет возражать, что они могли бы интерпретировать Событие как свидетельство божественного неудовольствия и включить его в рамки своих религиозных верований, но у них не было времени оформлять эти верования в виде памятников, так как все амарантяне погибли. И вряд ли можно предполагать, что подобные специфические захоронения они делали ради будущих археологов, тем более принадлежащих к совершенно иным биологическим видам. — Паскаль натянула на голову капюшон шубы и крепко затянула завязки. Клубы песка и пыли уже залетали в шурф, а воздух в нем уже не был таким спокойным, как это казалось несколько минут назад. — Но вы-то думаете иначе, не так ли? — Не ожидая ответа, Паскаль натянула на лицо пару толстых противопыльных очков, резко изменивших выражение ее лица, когда она наклонилась к тому предмету, который студенты осторожно выкапывали из грунта.

С помощью своих специальных очков Паскаль могла считывать данные с «рисующих» гравитометров, расставленных по периметру сетки Уиллера. Показания этих приборов давали стереоскопическую картину масс, погребенных под поверхностью грунта. Силвест тоже адаптировал свое зрение к этой задаче. Грунт, на котором они стояли, стал как бы прозрачным, как бы несуществующим. Это была туманная матрица, на которой отчетливо виделось нечто огромное и напоминавшее о могилах. То был обелиск — громадный одинокий каменный монолит, обработанный вручную, окруженный серией каменных же саркофагов. В высоту он достигал метров двадцати. Пока была откопана только его верхушка. Судя по всему, на одной стороне обелиска была выбита надпись стандартными позднеамарантянскими иероглифами. Разрешающей способности гравитометров не хватало, чтобы прочесть этот текст полностью. Надо было откапывать весь обелиск; только так надпись появилась бы перед глазами.

Силвест вернул глазам обычное зрение.

— Работайте быстрее, — обратился он к студентам. — Если останутся небольшие повреждения на поверхности обелиска, не обращайте внимания. Но к вечеру вы должны обнажить хотя бы метр этой поверхности.

Кто-то из студентов, продолжая копать, стоя на коленях, спросил:

— Сэр, мы слышали, что раскопки будут прекращены?

— За каким чертом я буду прекращать раскопки?

— Буря, сэр.

— И черт с ней! — Он повернулся к Паскаль, которая внезапно сильно сжала его руку.

— Они имеют право волноваться, Дэн, — сказала она тихо, так чтобы слышал ее он один. — Я ведь тоже слышала о штормовом предупреждении. Нам уже давно следовало бы быть на пути в Мантель.

— И потерять вот это?

— Мы можем вернуться потом.

— Мы можем никогда не найти этого места, даже если я вкопаю тут радиомаяк.

Он знал, что прав. Положение раскопа на картах было трудно определить точно, так как сами карты не отличались ни точностью, ни детальностью. Они были составлены на скорую руку сорок лет назад во время полета «Лорина», оставившего пояс навигационных спутников. Этот пояс был уничтожен через двадцать лет после съемки, когда половина колонистов захватила корабль и вернулась домой. Теперь определить точно свое местоположение на Ресургеме было весьма сложно. А радиомаяки во время песчаных бурь часто ломались.

— И все же ради этого не стоит рисковать людьми, — ответила ему Паскаль.

— Ради этого я рискнул бы и большим. — Силвест ткнул пальцем в студентов. — Торопитесь! Если нужно, используйте робота. Но к рассвету чтобы верхняя часть обелиска была раскопана.

Слука — старшая среди студентов — что-то пробормотала себе под нос.

— Есть предложения? — осведомился Силвест.

Слука прекратила работу — очевидно, впервые за несколько часов. Силвест видел, как в ее глазах нарастает напряжение. Маленький скребок, который она держала, выпал из ее руки и упал рядом с ногой, затянутой в меховой муклук. Она сдернула маску, дыша во время разговора воздухом Ресургема.

— Надо поговорить.

— О чем, Слука?

Она вдохнула воздуху из маски, чтобы произнести следующую фразу.

— Не слишком ли вы полагаетесь на свою удачу, доктор Силвест?

— А ты свою только что пустила под откос.

Казалось, она его не слышит.

— Вы знаете, что нам дорога ваша работа. Мы разделяем ваши взгляды. Вот почему мы здесь, вот почему мы гнем спины на вас. Но вам не следует смотреть на нас, как на ваших рабов. — Ее глаза метнулись к Паскаль. — Именно сейчас вам могут понадобиться все ваши союзники, доктор Силвест.

— Это угроза?

— Это констатация факта. Если бы уделяли больше внимания тому, что происходит в колонии, вы бы знали, что Жирардо решил пойти на конфликт с вами. И говорят, это произойдет скорее, гораздо скорее, чем вы думаете.

По спине Силвеста побежали мурашки.

— О чем, черт побери, ты болтаешь?

— О чем? О перевороте! — Слука протиснулась мимо Силвеста, чтобы добраться до лестницы, ведущей на поверхность. Поставив ногу на первую ступеньку, она обернулась к оставшимся двум студентам, которые, не поднимая головы, продолжали заниматься своим делом — откапывали обелиск. — Работайте сколько влезет, но не говорите потом, что вас не предупредили. А если у вас есть сомнения насчет того, что значит попасть в «бритвенную бурю», то гляньте на доктора Силвеста.

Один из студентов робко поднял голову.

— Куда ты, Слука?

— Поговорить с другими бригадами копачей. Может, не все знают о штормовом предупреждении. А когда узнают, вряд ли многие будут рваться продолжать работу.

Она начала взбираться по лестнице, но Силвест протянул руку и схватил ее за каблук муклука. Она посмотрела на него сверху вниз. Теперь она была в маске, но Силвест увидел на ее лице выражение глубокого презрения.

— Слука, это конец твоей карьеры.

— Нет, — ответила она, продолжая подниматься. — Это только начало. И беспокоюсь я о вас.

Силвест покопался в себе и обнаружил — хотя и сам поразился этому, — что совершенно спокоен. Однако это было то особое спокойствие, которое свойственно океанам металлического водорода огромных газовых планет далеко за Павлином, сдерживаемым колоссальным давлением сверху и снизу.

— Так что же? — спросила Паскаль.

— Есть кое-кто, с кем я должен посоветоваться, — ответил Силвест.

Силвест по пандусу влез в свой краулер. Другой краулер был забит мешками и контейнерами, а каждый сантиметр оставшегося места занимали гамаки студентов-копачей. Студентам приходилось спать в машине, так как почти все раскопки в этом регионе находились в сутках езды от Мантеля. Краулер Силвеста был куда более комфортабелен. Примерно треть его площади была занята кабинетом Силвеста и его спальней. Остальная территория использовалась под склад, а также под каморки для старшего персонала — в данном случае для Паскаль и Слуки. Сейчас весь краулер был в его распоряжении.

Обстановка кабинета заставляла забыть о том, что это всего лишь часть краулера. Обивка из красного бархата, полки с копиями древних приборов и реликтов. Большая, элегантно изданная карта Ресургема в проеции Меркатора демонстрировала места главных находок, оставшихся от различных эпох истории амарантян. Остальное пространство стен было занято медленно пополняющимися текстами: это были академические статьи в процессе подготовки. Запись собственного сознания Силвеста на бета-уровне проделывала всю черную работу. Эту копию своего «Я» Силвест натренировал так, что она могла имитировать его литературный стиль даже лучше, чем он сам, особенно если учесть его нынешнее нервное состояние.

Позже, когда найдется время, ему придется пройтись по этим статьям, но сейчас он лишь окинул их беглым взором, направляясь к письменному столу. Этот дивный образец мебельного искусства был инкрустирован мрамором и малахитом. Его мозаика, сделанная в японском стиле, изображала сцены из ранней истории освоения космоса.

Силвест выдвинул ящик и достал из него имитационный картридж — серый брусок без всякой маркировки, вроде кафельной плитки. В верхней части бюро, набитого всякой электроникой, была прорезь. Чтобы пробудить сознание Кэлвина, требовалось лишь вложить в эту прорезь картридж. Тем не менее Силвест продолжал колебаться. Прошло много времени — по меньшей мере несколько месяцев — с тех пор, когда он последний раз возвращал Кэлвина к жизни, и та последняя встреча прошла исключительно скверно. Он тогда же поклялся, что в следующий

раз оживит Кэлвина только в случае кризисной ситуации. Теперь следовало определить, наступил ли сейчас кризис и так ли он силен, чтобы оправдать пробуждение. Дело осложнялось еще тем, что советы Кэлвина были надежны лишь в пятидесяти процентах случаев.

Силвест вложил картридж в прорезь.

Из света и теней, словно по волшебству, в середине комнаты соткалась фигура Кэлвина, сидящего в своем кресле, достойном средневекового феодала. Изображение было реальнее любой голограммы — присутствовали даже теневые эффекты, — поскольку создано оно было на основе записи образа отца, хранящегося в зрительной памяти самого Силвеста. Восстановленное на бета-уровне «Я» Кэлвина представляло его таким, каким он был на вершине своего успеха, то есть когда ему было около пятидесяти, в славные дни Йеллоустона. Странно, но он все же выглядел старше Силвеста, хотя в реальном времени изображение было на семьдесят лет моложе. Сам Силвест уже восемь лет как перешагнул в третье столетие, но омоложение, которое он прошел еще в Йеллоустоне, было совершеннее, чем во времена Кэлвина.

Если не считать этого различия, то их фигуры и черты лиц были почти идентичны. На губах обоих играла одна и та же ироническая улыбка. У Кэлвина была более короткая стрижка, и одет он был в стиле щеголя эпохи Демархов*, что контрастировало с суровостью экспедиционной одежды Силвеста. Кэлвин носил плиссированную фрачную сорочку, элегантные бриджи в шахматную клетку, заправленные в высокие сапоги буканьеров, а его пальцы сверкали драгоценными камнями и металлами. Великолепно подстриженная бородка цвета ржавчины сходила почти на нет на четко обрисованных скулах. Одной рукой он ощупывал прыщик под подбородком, а другой поглаживал резной шар, которым кончался деревянный подлокотник кресла.

Дрожь оживления прошла по его телу, в светлых глазах зажегся огонек интереса.

Кэлвин поднял пальцы в еле заметном жесте приветствия.

— Итак, — произнес он, — уровень дерьма, кажется, достиг опасной отметки?

— Воображение у тебя будь здоров...

---

* Демарх — правитель города в Древней Греции.

— Тут и воображать-то нечего, мой милый мальчик. Я просто подключился к Сети и прочел несколько тысяч последних сообщений новостей. — Он повел шеей, чтобы получше осмотреть помещение. — Неплохой кабинетик ты себе отгрохал. А кстати, как твои глаза?

— Функционируют настолько, насколько можно было ожидать.

Кэлвин кивнул.

— Похвала не слишком высокая, но ничего лучшего́ я добиться и не мог с теми инструментами, которые оказались в моем распоряжении. Мне удалось сшить примерно сорок процентов нервных волокон твоего глазного нерва, так что устанавливать лучшие камеры смысла не было. Но если у тебя на этой планете найдутся хирургические инструменты более высокого качества, я мог бы взяться за эту работу. Нельзя же дать Микеланджело зубную щетку и ожидать, что он распишет Сикстинскую капеллу.

— Хватит тебе меня дразнить!

— Да я и не думал, — ответил Кэлвин, притворяясь непонимающим. — Я просто решил, что уж если ты позволил Алисии захватить «Лорин», то мог бы по меньшей мере заставить ее вернуть нам часть медицинского оборудования.

Жена Силвеста возглавила мятеж против него двадцать лет назад. Этот факт Кэлвин никогда не упускал случая ему напомнить.

— Что ж, стало быть, я принес себя в жертву, — сказал Силвест с жестом, означающим просьбу помолчать. — Извини, но я аниминировал тебя не ради дружеского трепа, Кэл.

— Я предпочел бы, чтобы ты называл меня отцом.

Силвест демонстративно проигнорировал эту ремарку.

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Надо думать, на раскопках. — Кэлвин прикрыл глаза и прижал пальцы к вискам, стремясь сконцентрировать внимание. — Да. Подожди... Два экспедиционных краулера из Мантеля... где-то на окраине Птеростепей. Сетка Уиллера... Довольно старомодно... Впрочем, думаю, для твоих целей годится. А это что такое? «Рисующие» гравитометры... сейсмограмма... Ты нашел что-то очень важное?

В этот момент на столе заработал передатчик, сообщавший, что из Мантеля поступил сигнал выхода на связь. Силвест поднял руку, прося Кэла прервать их разговор,

чтобы он мог решить, принять ему вызов или нет. Его вызывал Генри Жанекин — специалист по биологии птиц и один из самых преданных Силвесту людей. Но, хотя Жанекин хорошо знал Кэлвина при жизни, Силвест был уверен, что тот никогда не видел записи отца на бета-уровне... и уж, во всяком случае, не в процессе общения с собственным сыном. Признание, что ему — Силвесту — нужна помощь Кэла и что для этого он вызвал его сознание из небытия, могло быть воспринято как проявление слабости.

— Чего ты ждешь? — спросил Кэл. — Прими его.

— Он не знает о тебе... о нас...

Кэлвин покачал головой, и вдруг совершенно неожиданно в комнате возник Жанекин. Силвест не сразу овладел собой, не сразу понял, что случилось. Кэлвин, видимо, каким-то образом нашел способ подчинить себе спрятанные от пользователя функции письменного стола.

Кэлвин всегда был пронырой, подумал Силвест. Собственно, именно благодаря этому качеству его и можно использовать в наши дни.

Изображение Жанекина было менее четким, нежели изображение Кэлвина, так как оно передавалось с помощью спутниковой связи из Мантеля. Сеть спутников была весьма несовершенна, да и передающие камеры видели лучшие дни, как и многое другое на Ресургеме.

— Вот и я, — сказал Жанекин, обращаясь к Силвесту, которого он увидел первым. — Добивался соединения чуть ли не час. Неужели с тобой нельзя связаться, когда ты в раскопе?

— Можно, — ответил Силвест, — но я отключил механизм вызова. Он мне надоел.

— Ах вот как! — отозвался Жанекин со слабой ноткой недовольства в голосе. — Очень разумно, черт побери! Особенно для человека в твоей ситуации! Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю? Осложнения близки, Дэн, и наверняка они ближе, чем ты... — Тут он, видимо, впервые обнаружил, что они не одни. Он уставился на фигуру в кресле и после некоторого молчания воскликнул: — Черт побери! Это вы, что ли?

Кэлвин молча кивнул.

— Это его анимация на бета-уровне, — вмешался Силвест. Необходимо было уничтожить возможность появления недоразумений. Уровни альфа и бета сильно различались между собой, так что Стоноровский этикет был очень

строг в отношении последствий, вытекавших из этого. Силвест мог бы быть обвинен по меньшей мере в грубом общественном проступке, останься у Жанекина впечатление, что перед ним — считающаяся давно утерянной запись Кэлвина на альфа-уровне.

— Я консультировался с ним... с бета-уровнем, — закончил Силвест.

Кэлвин скорчил гримасу.

— О чем? — спросил Жанекин. Он был очень стар, самый старый человек на Ресургеме, причем с каждым уходящим годом в облике Жанекина проступали все более отчетливо черты, делавшие его похожим на обезьяну. Белые волосы, усы и борода обрамляли розовое личико, довершая сходство с каким-нибудь редким видом мартышки. На всем Йеллоустоне не было другого столь талантливого эксперта по генетике, если не говорить о Миксмастерах, хотя многие считали его по уму превосходящим любого члена этой секты. Правда, его гений не бросался в глаза, он не ослеплял людей внезапными вспышками и озарениями, а находил выражение в долгих годах спокойной, но блестящей работы. Жанекин уже перешел в свое четвертое столетие, и слои, наложенные многими сеансами омоложения, уже начинали опадать с него, подобно листьям осенью. Силвест полагал, что Жанекин будет первым человеком на Ресургеме, который умрет от старости. Мысль об этом рождала печаль: хотя они с Жанекином во многом и не соглашались, но разногласия никогда не касались главного.

— Он что-то тут раскопал, — вмешался Кэл.

Глаза Жанекина сверкнули, бремя лет будто скатилось с его плеч при упоминании о научном открытии.

— Неужели?

— Да, я... — И тут случилось почти невозможное. Комната в краулере исчезла. Теперь они стояли на балконе здания, расположенного высоко над городом, в котором Силвест сразу узнал Чазм-Сити. Опять шуточки Кэлвина! Электронный стол последовал за ними и сюда, подобно верному псу. Если Кэлвин мог наладить контроль над закрытыми функциями стола, подумал Силвест, то подобный фокус ему вполне доступен. Он воспользовался стандартным наборов «видов» из памяти электронного стола. Отличная работа — вплоть до порывов ветра, щекотавших щеки Силвеста, вплоть до почти неощутимого запаха, свойственного

этому городу, запаха, который было трудно определить, но который начисто отсутствовал в более дешевых панорамах.

Это был город его — Силвеста — детства, город Эпохи Красоты. Потрясающие воображение огромные золотистые здания походили на изваяния облаков. От них доносилось гудение воздушного транспорта. Ниже их парки и сады спускались по склонам гор каскадом террас, установленных на титанических опорах, туда, где в зеленой дымке лежали поля и пастбища.

— Разве вам не приятно вновь увидеть родные места? — спросил Кэл. — Не приходит ли вам в голову, что все это могло бы быть нашим, что нашему клану стоило только протянуть руку... Кто знает, если бы нам удалось удержать бразды правления этого города, какие изменения могли бы мы произвести в нем.

Жанекин вытянулся в струнку, крепко сжимая в руке перила балкона.

— Все это очень мило, но я явился сюда не для того, чтобы любоваться красивыми видами, Кэл. Дэн, что ты мне хотел сказать до того, как нас столь...

— Столь грубо прервали? — продолжил его фразу Силвест. — Я хотел попросить Кэла воспользоваться гравитационными данными моего бюро, поскольку он уже явно научился читать мои личные бумаги.

— Это пустяк для человека моих способностей, — ответил Кэл. В одно мгновение перед ними возникло затуманенное изображение погребения и обелиска, который в натуральную величину повис прямо перед балконом.

— Ох как интересно, — воскликнул Жанекин. — Просто потрясающе!

— Совсем неплохо, — отозвался Кэл.

— Неплохо! — вскричал Силвест. — Да он больше по размерам и лучше сохранился, чем все, что удавалось пока раскопать! Это явное подтверждение существования развитой фазы амарантянской цивилизации... Возможно, фазы, непосредственно предшествующей промышленной революции...

— Полагаю, этот обелиск может оказаться в высшей степени важной находкой, — неожиданно согласился Кэл. — Ты что, предполагаешь откопать его?

— Еще несколько минут назад собирался, — ответил Силвест. — Однако возникли новые обстоятельства. Я был... Я только что узнал из своих источников, что Жирардо пла-

нирует выступить против меня гораздо раньше, чем я опасался.

— Он не осмелится выступить против тебя, если у него нет надежного большинства в Совете экспедиции, — возразил Кэл.

— Не посмеет, — согласился Жанекин, — если он планирует выступить в обычном порядке. Но информация Дэна верна. Жирардо намечает более короткий путь.

— Но ведь тогда... это означает что-то вроде мятежа?

— Полагаю, такое название технически вполне подходит, — ответил Жанекин.

— Ты уверен? — Кэлвин снова сосредоточился, глубокие морщины пересекли его лоб. — Да, ты прав. Журналисты последние дни открыто рассуждают, каковы будут следующие ходы Жирардо в условиях, когда Дэн находится на раскопках, а сама колония переживает кризис власти. И о резком увеличении числа закодированных сообщений, курсирующих между известными сторонниками Жирардо. Эти коды я, разумеется, не могу расколоть, но рост их числа действительно кое о чем говорит.

— Значит, что-то затевается, не так ли?

Слука была права, подумал Силвест. В таком случае она оказала ему услугу, хотя и угрожала покинуть раскопки. Без ее предупреждения он не оживил бы Кэла.

— Похоже на то, — подтвердил Жанекин. — Вот почему я тебя так упорно разыскивал. Мои опасения подтверждаются тем, что Кэл сказал о сторонниках Жирардо. — Пальцы Жанекина сжались на перилах. Обшлаг его пиджака, свободно свисавший с костистой руки, был украшен павлиньими «глазами». — Я не думаю, что тебе следует оставаться здесь, Дэн. Я пытался держать свои контакты с тобой на том уровне, который не вызвал бы подозрений, но есть достаточно оснований считать, что этот разговор прослушивается. Поэтому я кончаю. — Он отвернулся от панорамы и от висевшего в воздухе обелиска, а затем обратился к сидящему Кэлу: — Кэлвин... мне было приятно встретиться с вами после столь долгой разлуки.

— Побереги себя, — ответил Кэлвин, протягивая руку в направлении Жанекина. — И желаю удачи с павлинами.

Удивление Жанекина было непритворным.

— Ты знаешь о моем маленьком проекте?

Кэлвин улыбнулся и промолчал. Вопрос Жанекина не имеет смысла, подумал Силвест.

Старик махнул рукой, панорама срослась с обстановкой офиса Жанекина. Затем он сделал шаг назад и исчез вместе с этой обстановкой.

На балконе остались только двое.

— Итак? — спросил Кэл.

— Я не могу рисковать потерей контроля над колонией. — Силвест все еще был номинальным начальником всей Ресургемской экспедиции. Даже после предательства Алисии. Технически все, кто решил остаться на планете, а не возратиться домой, должны были бы считаться союзниками Силвеста, что, казалось бы, должно было укрепить его позиции. Но вышло совсем не так. Далеко не каждому, кто разделял позицию Алисии, удалось попасть на борт «Лорина» до того, как корабль ушел с орбиты. Да и среди тех, кто остался по убеждению, было немало таких, кто, первоначально симпатизируя Силвесту, понял, что с кризисом он справляется плохо, прибегая чуть ли не к криминальным методам. Противники Силвеста распространяли слухи, будто изменения в мозгу, которые сделали ему Трюкачи перед встречей со Странниками, стали проявляться в патологии, близкой к безумию. Исследования цивилизации амарантян продолжались, но очень вяло. Зато политические разногласия и склоки вспыхнули с такой силой, что погасить их было уже невозможно. Те, у кого еще сохранилась привязанность к Алисии — главным среди них был Жирардо, — создали организацию Неодолимых. Археологи Силвеста злились, в их менталитете появились черты, свойственные людям, находящимся в длительной осаде. В обеих группах гибли люди, причем их смерть никак не укладывалась в рамки несчастных случаев. Теперь все эти противоречия достигли точки кипения, а Силвест сейчас занимал отнюдь не ту позицию, которая позволила бы ему покончить с кризисом. — И в то же время я не могу бросить это. — Он указал на обелиск. — Мне нужен твой совет, Кэл. И я получу его, так как ты полностью зависишь от меня. Ты уязвим, помни это.

Кэлвин завозился в своем кресле.

— Значит, если говорить прямо, ты шантажируешь родного отца? Просто прелестно.

— Нет, — ответил Силвест сквозь сжатые зубы. — Я лишь хочу сказать, что ты можешь попасть в плохие руки, если откажешься мне помочь. С точки зрения толпы, ты

всего лишь рядовой представитель нашего блистательного клана.

— А ты, значит, не обязательно согласишься с моим советом? С твоей точки зрения я — всего лишь компьютерная программа, просто изображение, которое движется. Когда ты намерен разрешить мне попользоваться твоим телом?

— Я плохо реагирую на твое дыхание.

Кэлвин угрожающе поднял палец.

— Не надо наглеть, сынуля. Это ты аниминировал меня, а не наоборот. Можешь засунуть меня обратно в свой фонарь, если угодно. Мне там весьма удобно.

— Так я и поступлю. Но сначала дай мне совет.

Кэлвин наклонился в его сторону.

— Скажи мне, что ты сделал с записью моего сознания на альфа-уровне, и тогда я, может быть, соглашусь иметь с тобой дело. — Он дьявольски улыбнулся. — Черт, я бы мог даже рассказать тебе кое-что о Восьмидесяти. Кое-что тебе неизвестное.

— О том, что с ними произошло? — спросил Силвест. — Только то, что семьдесят девять порядочных людей умерли. Вот и все. В этом нет секрета. Но я тебя не виню. Нельзя же обвинить фотографию тирана в военных преступлениях.

— Я же вернул тебе зрение, неблагодарный маленький подонок! — Кресло повернулось к Силвесту крепкой деревянной спинкой. — Готов признать, что твои глаза трудно назвать шедевром, но чего можно было ждать в той обстановке? — Кресло снова развернулось. Теперь Кэлвин был одет точно как Силвест, так же подстрижен, а на его лице была та же мраморная неподвижность. — Расскажи мне о Странниках, — сказал он. — Поделись своими грязными секретами, сыночек. Расскажи, что случилось у Завесы Ласкаля, но только не ту вонючую брехню, которую ты сочинил, вернувшись назад.

Силвест подошел к столу, готовясь вынуть картридж.

— Подожди! — взвизгнул Кэл, простирая руки. — Хочешь услышать мой совет?

— Наконец-то мы дошли до дела.

— Ты не можешь позволить Жирардо одержать верх. Даже если мятеж неотвратим, тебе следует вернуться в Кювье. Там ты соберешь те небольшие силы, которые еще верны тебе.

Силвест поглядел в окно краулера на площадку с шурфами. По дюнам метались тени — рабочие бросали работу и бесшумно уходили под защиту своего последнего убежища — второго краулера.

— Возможно, это самая важная находка из всех сделанных на этой планете.

— И тебе придется принести ее в жертву? Если сумеешь обуздать Жирардо, то, возможно, возникнет роскошная ситуация, когда ты сможешь вернуться и завершить раскопки обелиска. Если же Жирардо победит — тогда все, что ты выкопаешь, не будет стоить ни шиша.

— Знаю, — ответил Силвест. На какой-то момент чувство вражды между ними исчезло. Суждения Кэлвина были здравыми, глупо притворяться, что это не так.

— Значит, ты последуешь моему совету?

Силвест положил руку на стол, готовясь выхватить картриж из гнезда.

— Я подумаю о нем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На борту корабля-суперсветовика, межзвездное пространство, год 2543-й

«При общении с мертвецами, — подумала Триумвир Илиа Вольева, — самая большая трудность та, что они не понимают, когда им следует заткнуться».

Она только что вошла в лифт, отходящий от мостика, дико усталая после восемнадцати часов непрерывных консультаций с различными анимациями людей, когда-то в отдаленном прошлом живших на этом корабле. Она пыталась вывернуть их наизнанку в надежде, что кто-нибудь из них проболтается о чем-нибудь, имеющем отношение к происхождению Тайника с оружием. Работа была неимоверно тяжелая, в частности, потому, что некоторые из самых давних личностей, аниминированых на бета-уровне, не говорили на современном норте, а программа по каким-то непонятным причинам отказывалась давать перевод. Во время допроса Вольева непрерывно курила, ломая голову над особенностями грамматики среднего норта, и даже теперь не могла перестать наполнять легкие дымом. Больше того,

ее спина так ныла от длительного напряжения мышц, что она нуждалась в никотине больше, чем когда-либо. Система кондиционирования в лифте работала из рук вон плохо, так что кабина буквально через несколько секунд затянулась густой дымной пеленой.

Вольева подтянула кверху обшлаг своего кожаного жакета с шерстяной подкладкой и сказала в браслет, болтавшийся на тонкой руке: «Капитанский уровень». Фраза немедленно была переадресована «Ностальгии по Бесконечности», и корабль тут же приказал микроскопической части самого себя заняться очисткой воздуха в лифте. Мгновение — и кабина рванулась вниз.

— Желаете иметь музыкальное сопровождение во время пути?

— Нет. И ты мог бы уже запомнить по тысячам предыдущих поездок, что мне нужно только одно — тишина. Заткнись и дай мне подумать.

Она спускасалась по главной оси корабля — четырехкилометровой шахте, которая проходила сквозь весь корпус сверху до низу. Вольева вошла в лифт почти у самого верхнего устья шахты (ей было точно известно о существовании 1050 этажей или палуб) и теперь спускалась со скоростью около 10 этажей в минуту. Стенки у лифта были стеклянные, удерживался он на весу силой какого-то поля, и время от времени обшивка безликой поверхности шахты тоже становилась прозрачной, позволяя определять положение лифта без помощи схемы корабля, висевшей в кабине. Сейчас она спускалась сквозь лесные заросли: то были ярусы садовых растений, одичавших от отсутствия ухода и уже гибнущих из-за того, что ультрафиолетовые лампы, имитировавшие солнечный свет, почти все разбились, а никто не позаботился их заменить. Заросли кончились, а ниже восьмисотого этажа пошли обширные помещения, где когда-то жила и отдыхала команда, насчитывавшая несколько тысяч человек. Еще ниже помещались громадные и неподвижные теперь машины, которые в те времена обеспечивали вращение жилых секций и стационарность подсобных. Потом лифт прошел мимо двухсот этажей криогенных ячеек для размещения нескольких тысяч «спящих». Теперь таковых там не наблюдалось.

Сейчас Вольева находилась уже на километр ниже своей стартовой точки, но атмосферное давление оставалось без изменения, ибо поддерживалось одной из тех редких

корабельных систем, которые еще продолжали нормально функционировать. Только какой-то инстинкт сообщил Вольевой, что при таком быстром спуске должно бы закладывать уши.

— Уровень атриума, — произнес лифт, имея в виду уже давно не используемую часть былого великолепия. — Здесь вы можете чудесно отдохнуть и развлечься.

— Как завлекательно!

— Извините?

— Я хочу сказать, что ты плохо представляешь себе, что такое отдых. Если, конечно, твое представление о нем не включает постоянное пребывание в скафандрах высшей защиты и последующую противорадиационную терапию, от которой у тебя выворачивает кишки. Лично мне это отнюдь не кажется столь уж привлекательным.

— Извините?

— Ладно, забудь, — вздохнув, отозвалась Вольева.

Еще километр помещений с пониженным атмосферным давлением. Вольева ощутила, что ее вес уменьшился, и поняла, что пролетает мимо двигателей, вынесенных за пределы корпуса корабля и укрепленных там на элегантно изогнутых стояках. Своими широко разинутыми пастями двигатели всасывали ничтожно малые количества межзвездного водорода, а затем подвергали его невообразимым методам физической обработки. Никто, даже Вольева, и притвориться не мог, будто разбирается в этих машинах. Главным было то, что они работают, а также излучают устойчивое теплое сияние из экзотических элементарных частиц. Большая часть этой радиации поглощается защитой мощного корпуса корабля, но кое-что проникает и внутрь. Вот почему лифт здесь заметно повысил скорость. Когда опасность миновала, он вернулся к прежней.

Теперь было пройдено почти две трети пути к цели. Оставшуюся часть Вольева знала лучше, чем кто-нибудь из других членов команды — Саджаки, Хегази и другие редко спускались так низко без особо важных причин. Да и можно ли было их за это упрекнуть? Ведь чем ниже они спускались, тем ближе оказывались к Капитану. Она была единственной, кого не пугала мысль об этом сближении.

Нет. Она не только не боялась этой области корабля, но даже превратила ее в свое царство. На уровне 612 она нередко выходила, добиралась до Паучника и, выведя его за пределы корпуса, слушала голоса призраков, обитаю-

щих в бескрайних просторах космоса меж звезд. Да, это всегда ее соблазняло. Но сейчас у нее была работа — специальное задание, а призраки — всегда к ее услугам, куда они денутся! На пятисотом уровне мимо нее пронеслась артиллерийская батарея. Вольева даже успела вспомнить о связанных с ней проблемах. Ей пришлось побороть искушение выйти наружу и кое-что там поразнюхать. Затем батарея исчезла. Теперь Вольева летела мимо помещения, тде находился Тайник — одна из огромных пустот внутри корабля, в которых давление находилось на нуле.

Это помещение было гигантским. Почти в полкилометра длиной. Сейчас там царила темнота, так что Вольевой пришлось восстанавливать по памяти те сорок механизмов, которые там находились. Это было не слишком трудно. Хотя многие вопросы, касавшиеся их происхождения и назначения, так и оставались без ответа, Вольева знала их местонахождение и форму так же хорошо, как слепой знает мебель своей спальни. Даже в лифте она легко представила себе, как протягивает руку и касается гладкой поверхности ближайшего механизма, просто чтобы увериться в его существовании. С тех пор как Вольева вошла в Триумвират, она почти все время отдавала изучению этих машин, но все равно не могла бы сказать, что привыкла к ним. Общаясь с ними, она нервничала, как на первом свидании, понимая, что знает о них только поверхностно, а если копнуть глубже, все может оказаться совсем не так.

Тайник она всегда покидала с чувством облегчения.

На уровне 450 лифт миновал еще одну переборку, отделявшую служебные секции от постепенно сходившего на конус кормового отсека, достигавшего почти километра длины. И снова лифт заметно ускорил движение, пролетая зону радиационной опасности, а затем стал медленно сбрасывать скорость, что говорило о близящейся остановке. Вот он уже вошел во вторую секцию криогенных палуб, коих насчитывалось двести пятьдесят, так что они могли вместить 120 тысяч «спящих», но сейчас там лежал только один. Правда, вряд ли бы кто решился определить состояние Капитана как сон. Теперь лифт еле двигался. Пройдя почти половину криогенных уровней, он остановился и радостным голосом оповестил, что достиг своего места назначения.

— Консьерж пассажирского криогенного спального уровня, — сказал лифт. — Мы готовы удовлетворить вашу

потребность в глубоком сне. Благодарю, что вы вспомнили о нас.

Дверь открылась, и Вольева ступила через порог, глядя вниз на сходящиеся стены шахты, обрамляющие бесконечную бездну под ногами. Она проделала путь, равный почти всей длине корабля (или его высоте, так как о нем было легче думать, как о гигантском здании), а шахта, казалось, уходила на невообразимую глубину. Корабль был так огромен, так идиотски огромен, что это излишество потрясало ум.

— Да, да. А теперь проваливай.

— Извините?

— Пшел вон!

Этого сделать лифт, конечно, не мог — по крайней мере без реальной причины, только по капризу Вольевой. Ему нечего было делать, как только ждать ее. Будучи единственным бодрствующим человеком, Вольева была и единственной, кто мог пользоваться лифтом.

От главной оси корабля до того места, где держали Капитана, путь пешком был немалый. Короткой прямой дорогой она идти не могла, так как целые секции корабля были заражены вирусами разрухи, вызывавшими повсеместное нарушение функций. Одни участки были затоплены охлаждающей жидкостью, другие наводнены бродячими сторожевыми крысами. Третьи патрулировались сошедшими с ума электронными сторожевыми буями, что делало эти помещения далеко не безопасными, разве что Вольевой вздумалось бы заняться охотой. А еще были отсеки, заполненные токсичными газами, отсеки, где царствовал вакуум, отсеки с высоким уровнем радиации, отсеки, в которых водились призраки.

В призраков Вольева не верила (хотя, конечно, у нее были свои привидения, проникшие через Паучник), но к остальному относилась с полной серьезностью. Правда, окрестности местонахождения Капитана она знала достаточно хорошо, чтобы не принимать уж слишком жесткие меры безопасности. Конечно, тут было холодно, и Вольева подняла воротник жакета, а фуражку поплотнее надвинула на лоб. Потом зажгла новую сигарету, и глубокие затяжки устранили царивший в голове вакуум, заменив его холодной боевой настороженностью. Одиночество ее не смущало. Конечно, тянуло с кем-нибудь пообщаться, но не до мурашек на коже. И уж совсем не хотелось бы того, что случи-

лось тогда с Нагорным. Может быть, когда они достигнут системы Йеллоустона, надо будет подумать насчет смены артиллериста.

Каким же образом это чувство тревоги пробилось через непроницаемые переборки разума?

Нет, ее встревожило не имя Нагорного. Дело в Капитане. Он тут.рядом, вернее не он, а то, чем он стал теперь. Вольева попыталась успокоить себя. Спокойствие необходимо. Ведь то, что ей предстоит осмотреть, всегда вызывает у нее приступы тошноты.

Каким-то чудом установка глубокого сна, в которой пребывал Бренниген, продолжала функционировать. Это была старая модель, очень прочно сработанная, насколько могла судить Вольева. Установка умудрялась держать клетки Капитана в стасисе, хотя оболочка морозильной камеры треснула, и через трещины полезла, отсвечивая металлом, проволочная поросль. Она походила на грибковую болезнь и заполняла всю внутренность камеры. Что бы ни осталось от Бреннигена, оно осталось в самом сердце установки.

Вблизи камеры стоял дикий холод. Вольева совсем продрогла. Однако работа есть работа. Она вытащила из кармана кюретку и с ее помощью взяла соскобы металлической поросли для анализа. В лаборатории она напустит на паразита смертельные вирусы в надежде найти такой, который подрубит плесень под корень. По опыту она знала, что такой анализ вернее всего ничего не даст. Плесень обладала фантастической способностью разрушать те молекулярные орудия, которые применяла против нее Вольева, пытаясь уничтожить паразита. Правда, особой спешки тоже не было. Морозильник обеспечивал Бреннигена температурой, лишь на несколько сот милликельвинов выше абсолютного нуля, а такой холод явно замедлял размножение грибка. С другой стороны, Вольева знала, что ни одно человеческое существо еще не выжило, побывав на таком холоде. Это ей, однако, не казалось особенно важным, учитывая состояние Капитана.

Немного охрипшим голосом она сказала в браслет:

— Открыть мой файл с информацией о Капитане. Добавить нижеследующее.

Браслет зачирикал, сообщая о готовности.

— Третье посещение Капитана после моего пробуждения. Границы распространения...

Она замешкалась, сообразив, что эта непродуманная фраза наверняка вызовет гнев триумвира Хегази. Впрочем, ее это не особенно трогало. Назвать ли эту хрень Расползающейся Чумой, раз йеллоустонцы уже придумали название? Нет, это неразумно.

— ...болезни кажутся не изменившимися в сравнении с предыдущим осмотром. Пораженная площадь увеличилась лишь на несколько миллиметров. Криогенная камера чудом продолжает работать, но мне кажется, что нам следует приготовиться к неизбежному прекращению ее функционирования в самом недалеком будущем. — Про себя Вольева подумала, что когда это произойдет, то, если Капитана не удастся немедленно перетащить в другую работающую камеру (как? — вопрос без ответа), у них сразу станет на одну проблему меньше. Ну и у самого Капитана тоже проблем не останется. Во всяком случае, на это можно надеяться.

Вольева приказала было браслету закрыть файл, но тут же добавила, искренне жалея, что не сэкономила затяжку для этой минуты:

— Согреть мозг Капитана на 50 милликельвинов.

Опыт подсказывал ей, что это была минимальная величина того необходимого подогрева, без которого мозг Капитана оказался бы в ледяном стасисе. Если больше — Чума начнет слишком быстро его трансформировать.

— Капитан? — спросила Вольева. — Вы слышите меня? Я — Илиа.

Силвест выбрался из краулера и отправился к раскопкам. Пока он говорил с Кэлвином, ветер заметно окреп. Чувствовалось, как горят щеки от ведьминской ласки летящего песка.

— Надеюсь, ваша беседа принесла пользу, — сказала Паскаль, стаскивая дыхательную маску, чтобы перекричать шум ветра. Она знала о Кэлвине, хотя напрямую с ним не общалась. — Вернули себе здравый образ мыслей?

— Позовите мне Слуку.

В обычной обстановке она бы непременно взбунтовалась от такого приказного тона. Теперь же приходилось учитывать его настроение, а потому Паскаль отправилась ко второму краулеру и вернулась вместе со Слукой и кучкой ее сторонников.

— Как я поняла, вы готовы присоединиться к нам? — Перед ним стояла Слука. Ветер гонял выбившуюся прядь волос по выпуклым очкам. Время от времени она вдыхала глоток воздуха из зажатой в кулак маски. Другой кулак упирался в бедро. — Если так, то мы готовы на разумный компромисс. Мы позаботимся о вашей репутации. Никто словом не упомянет о том, что тут происходило, когда мы вернемся в Мантель. Мы скажем, что вы приказали нам собираться в дорогу сразу же после получения штормового предупреждения. Все заслуги — ваши.

— И вы думаете, что по большому счету это имеет значение?

Слука оскалилась.

— А какое значение имеет ваш проклятый обелиск? И уж если говорить по правде, то кому нужны ваши гребаные амарантяне?

— Значит, ты никогда не видела Большой Картины? — Осторожно, но не настолько, чтобы он этого не заметил, Паскаль начала снимать сцену их разговора, стоя рядом с Силвестом и держа камеру в одной руке.

— Есть много людей, которые вообще не верят в ее существование, — ответила Слука. — Это вы сами раздули значение амарантян, чтобы хоть чем-то занять своих археологов!

— Значит, такого ты мнения, Слука? Впрочем, ты же никогда вообще не была нашей.

— Ну и что из этого?

— А из этого следует, что если бы Жирардо захотел заслать к нам предателя, то ты стала бы первым кандидатом.

Слука повернулась лицом к тем, кого Силвест чаще всего про себя называл ее бандой.

— Послушайте этого подонка! Уже ищет заговорщиков. Теперь и до нас доходит то, что уже много лет назад раскусило большинство колонистов: он псих. — Она резко повернулась к Силвесту: — С вами нам говорить не о чем. Мы уходим, как только погрузим оборудование... или даже раньше, если буря станет крепчать. Можете ехать с нами. — Она снова сделала вдох из маски; ее лицо покраснело. — А можете рискнуть и остаться здесь. Выбор зависит только от вас.

Он смотрел мимо Слуки на толпу.

— Что ж, уходите. Удирайте. Пусть ничто столь обыденное, как лояльность, не путается у вас в ногах. Ну а

если у кого-то хватит мужества остаться и кончить работу, ради которой мы сюда приехали, — милости просим. — Силвест переводил взгляд с одного лица на другое, но все стыдливо отводили глаза. Он не знал их имен. Знал только в лицо, и то лишь потому, что работал с ними. Разумеется, никто из них не прилетел на корабле с Йеллоустона, никто не бывал нигде, кроме Ресургема с его немногочисленным населением, сосредоточенным в нескольких городишках посреди пустынь. А им Силвест кажется пережитком далеких времен.

— Сэр, — сказал кто-то — возможно, тот самый парень, который первым сообщил Силвесту о штормовом предупреждении. — Сэр, не в том дело, будто мы вас не уважаем. Но ведь и о себе надо подумать. Неужели не понимаете? То, что там закопано, не стоит такого риска.

— Вот тут-то ты и ошибся, — ответил Силвест. — Рискнуть стоит даже большим, чем жизнь, гораздо большим. Не понимаешь? Событие не было ниспослано амарантянам свыше. Они сами устроили его.

Слука медленно кивнула.

— Что же, они заставили свое солнце вспыхнуть? И вы верите в эту чушь?

— Если коротко, то — да.

— Тогда крыша у вас поехала куда сильнее, чем я представляла. — Слука повернулась к нему спиной. — Заводите краулеры. Уходим!

— А оборудование? — спросил Силвест.

— Останется тут, пусть хоть сгниет, мне плевать!

Толпа стала рассасываться в направлении краулеров.

— Подождите! — закричал Силвест. — Выслушайте меня! Вам хватит одного краулера, вы разместитесь все, раз бросаете оборудование!

Слука снова обернулась к нему.

— А вы?

— А я останусь здесь. Буду кончать свою работу вместе с теми, кто останется со мной.

Она покачала головой, сорвала маску с лица и с отвращением плюнула на землю. Однако, когда она бросилась догонять свою бригаду, то повела людей ко второму краулеру — ближайшему, оставив Силвесту тот, где был его кабинет. Толпа студентов вломилась в машину, кое-кто из них нес детали оборудования, сложенные в коробки находки и кости, добытые при раскопках. Видимо, инстинкты

ученых оказывались сильнее мятежа ради спасения жизни. Силвест смотрел, как поднимаются трапы, как задраиваются шлюзы, как колоссальная машина поднимается на свои «ноги», как она разворачивается и начинает уходить от раскопок. Через минуту она уже скрылась с глаз, а грохот ее двигателя потонул в вое ветра.

Силвест огляделся, желая узнать, кто же остался с ним. Рядом стояла Паскаль. Этого надо было ждать. Он подумал, что она последует за ним даже в могилу, если будет знать, что там ее ждет сенсационная тема для очередной статьи. Была еще крошечная группка студентов, устоявших перед демагогией Слуки. К своему стыду, Силвест их имен не помнил. Может быть, в раскопах остались еще десятка полтора ребят, если повезет. Из тех, что сидели в шурфах.

Немного успокоившись, он щелчком пальцев подозвал к себе двоих рабочих.

— Начинайте разбирать «рисующие» гравитометры, они нам больше не понадобятся. — Следующая пара тоже получила задание: — Двигайтесь с дальней стороны площадки. Собирайте все инструменты, брошенные дезертирами Слуки, а также полевые дневники и упакованные образцы и находки. Когда кончите, приходите в большую шахту. Я буду там.

— Что вы хотите сделать? — спросила Паскаль, выключая камеру, которая тут же убралась в портативный компьютер.

— Полагаю, это очевидно. Хочу узнать, что написано на этом обелиске.

Чазм-Сити, Йеллоустон, система Эпсилона Эридана, год 2524-й

Консоль чирикнула как раз в то время, когда Ана Хоури чистила зубы. Она вышла из ванной, еще не стерев с губ белую пену.

— Доброе утро, Ящик.

Герметик вплыл в комнату. Его паланкин для поездок был изукрашен ярким орнаментом из завитков и спиралей. На передней стенке виднелось маленькое темное окошко. Когда глаза Аны привыкли к освещению, она смогла рассмотреть за зеленым окошком мертвенно-бледное лицо К.С. Нг'а, покачивающееся в нескольких сантиметрах от стекла.

— Эй, а ты шикарно выглядишь! — сказал он скрипучим голосом, выходящим из разговорного устройства паланкина. — Где бы мне раздобыть то, что так здорово подбадривает тебя?

— Это кофе, Ящик. И пить его надо литрами.

— Да я пошутил, — ответил Нг. — Выглядишь ты, как разваренное дерьмо.

Она стерла ладонью белую пену с губ.

— Я только что встала, подонок ты этакий.

— Прошу прощения.

Нг удалось придать своим словам такой оттенок, будто утреннее пробуждение есть некий физический атрибут, от коего он лично уже давно избавился, как избавляются от аппендикса. Вообще-то это было весьма возможно, так как Хоури никогда не присматривалась к человеку, сидевшему внутри ящика. Герметики были одной из самых экзотичных сект, возникших после Эпидемии за несколько последних лет. Не желая расставаться с имплантированными органами, которые, возможно, разрушались Чумой, и убежденные, что микробы все еще живут в относительно чистой атмосфере под Сводом, они никогда не покидали своих герметичных ящиков, за исключением тех случаев, когда герметически закупоренной оказывалась вся среда обитания. Это ограничивало мобильность герметиков пребыванием на внепланетных станциях.

Опять заскрипел голос Нг'а:

— Прошу прощения, но нам предстоит убийство, назначенное на сегодняшнее утро, если я не ошибаюсь. Ты ведь помнишь этого Тараши, которого мы пасем уже два месяца? Вспомнила? Это очень важно, чтобы ты вспомнила его, так как именно он является тем индивидом, которого тебе предстоит освободить от горестей нашей жизни.

— Отцепись, Ящик!

— Анатомически твое предложение весьма проблематично, даже если бы я был к тебе прицеплен. Но если серьезно, то мы утвердили и место, где состоится убийство, и точное время его свершения. Достаточно ли ты подготовлена физиологически к выполнению своей роли?

Хоури налила себе в чашку еще несколько глотков кофе, а остальной оставила на плите, чтобы выпить, когда вернется домой. Кофе был ее единственным пороком, который она приобрела во время солдатчины на Краю Неба. Вся хитрость в том, чтобы достичь готовности, ска-

жем, обоюдоострого лезвия, а не накачаться кофеином до такой степени, когда голова гудит, а рука, держащая оружие, дрожит.

— Я полагаю, что объем крови в моей системе кофеинообращения понизился до приемлемого уровня, если я верно поняла твой невысказанный вопрос.

— Тогда давай обсудим некоторые оставшиеся проблемы в той части, в которой они касаются оного Тараши.

Нг буквально засыпал Хоури деталями предполагавшегося убийства. Большую их часть она уже знала — они были в Плане, а некоторые она придумала сама, основываясь на технологии предшествовавших убийств. Тараши должен был стать пятой жертвой в серии совершенных ею убийств. Поэтому она уже смогла ухватить некоторые общие закономерности Игры. Хотя они и не всегда были очевидны, но Игра имела свои правила, которые выражались в сходстве главных кульминационных точек убийства. Внимание средств массовой информации было возбуждено, а имя Хоури все чаще звучало среди членов Тайных Братств, так что Ящик наверняка уже выбирал ей очередной сочный кусочек для будущих охотничьих забав. В ней крепло ощущение, что в самом недалеком времени она войдет в первую сотню убийц планеты. У нее будет самая элитарная компания.

— Ладно, — сказала она. — У Монумента, площадь восьмого уровня, западное крыло, час. Все ясно.

— А не забыла ли ты чего-нибудь?

— Верно. Где оружие, Ящик?

Нг, сидя в своей клетке, кивнул.

— Там, где его оставила добрая фея, дорогая моя.

Нг развернул свой экипаж и выехал из комнаты, оставив за собой слабый запах лубриканта. Хоури, наморщив лоб, сунула руку под подушку, лежавшую на кровати. Там, как и сказал Ящик, кое-что лежало. А вчера, когда она ложилась, ничего не было. Впрочем, теперь вещи такого рода ее не волновали. Пути Компании неисповедимы.

Вот она и готова.

Она вызвала с крыши кабельное такси. Орудие убийства спрятано под одеждой. Машина, конечно, его обнаружила, равно как и имплантаты в ее голове, и наверняка отказалась бы брать пассажирку, если бы Хоури не показала ей Знак Омеги, помещенный на мизинце правой руки, — голог-

рафическое изображение, сиявшее под полупрозрачным ногтем.

— К Монументу Восьмидесяти, — сказала она.

Силвест спустился по лестнице и прошел по дну шахты к ее дальнему краю туда, где в лужице света виднелась верхушка обелиска. Слука и один из ее сотрудников дезертировали, но оставшийся студент с помощью робота умудрился откопать около метра этого сооружения. Для этого пришлось убрать камни от саркофага, и тогда обнажился искусно обработанный обсидиановый блок. На одной из его поверхностей смелыми линиями были изображены иероглифы амарантян. Идущие рядами идеограммы говорили, что большая часть изображения — текст. Археологам были известны основы амарантянского письма, хотя они и не располагали Розеттским камнем, который им очень пригодился бы. Амарантянский язык был восьмым мертвым инопланетным языком, который раскопали люди в радиусе примерно пятидесяти световых лет от Земли. Никаких доказательств, что эти восемь видов разумных существ когда-либо входили в контакт друг с другом. Ни Трюкачи, ни Странники тут помочь не могли — у них не было ничего даже близко похожего на письменность. Силвест, которому приходилось контактировать с обеими расами, понимал это не хуже других.

Амарантянскую письменность разгадали компьютеры. На это ушло более тридцати лет — потребовалось скоррелировать множество различных артефактов, пока не удалось создать базовую модель, с помощью которой раскрыли смысл большинства известных надписей. Помогло то, что к концу существования этой расы сложился единый амарантянский язык, менявшийся очень медленно, так что одна и та же модель дала возможность расшифровывать надписи, разделенные несколькими десятками тысяч лет.

Амарантянская письменность ничем не походила на те, которые уже были известны человечеству. Все тексты были стереоскопичны. Они состояли из сплетающихся линий, которые должны были создать определенный рисунок в зрительном центре головного мозга. Предки амарантян были чем-то вроде птиц или летающих динозавров, но с разумом на уровне лемуров. В далеком прошлом их глаза располагались по обеим сторонам черепа, что привело к развитию двухкамерного мозга, где каждая половина синтезировала

собственную модель мира. Позднее амарантяне стали охотниками, развили у себя бинокулярное зрение, но система связей в мозгу все еще сохраняла следы ранних фаз развития. Большинство амарантянских артефактов отражали эту ментальную двойственность, в частности, в виде ярко выраженной симметрии идеографических символов.

Этот обелиск не был исключением.

Силвест не нуждался в специальных очках, какими пользовались его сотрудники при чтении амарантянских иероглифов. Стереоскопичность видения достигалась у него благодаря особому устройству глаз, где был использован один из наиболее удачных алгоритмов Кэлвина. Но сам процесс чтения все равно оставался пыткой, ибо требовал невероятного напряжения.

— Посвети мне, — сказал он студенту, который тут же отцепил один из переносных прожекторов, а затем вытянул руку так, чтобы осветить ту сторону обелиска, где была выбита надпись. Откуда-то сверху пришла вспышка — сильный разряд электричества между разнозаряженными пылевыми облаками.

— Что-нибудь можете прочесть, сэр?

— Пытаюсь, — ответил Силвест. — Это, знаете ли, довольно трудная задача, особенно если вам не удастся удержать лампу, чтобы свет не прыгал по поверхности.

— Извините, сэр. Я стараюсь. Но буря крепчает.

Он был прав. Даже в шахте появились пылевые вихри. Было видно, что они набирают силу, что формируются серые пылевые завесы, колышущиеся в воздухе. В таких условиях долго не поработаешь.

— Прошу меня извинить, — сказал Силвест. — Я очень ценю вашу помощь. — Чувствуя, что его слова далеко не соответствуют ситуации, он добавил: — И очень обязан вам за то, что вы остались со мной, а не ушли за Слукой.

— Выбор не так уж труден. Не все из нас готовы отбросить ваши идеи с порога.

Силвест перевел взгляд с обелиска на студента.

— *Все* мои идеи?

— Мы считаем, что по меньшей мере они все заслуживают проверки. В конце концов... в интересах колонии понять, что случилось в те далекие времена.

— Вы имеете в виду Событие?

Студент кивнул.

— Если амарантяне и в самом деле сами вызвали эту катастрофу, причем она совпала по времени с началом космических полетов... тогда это имело бы более чем академический интерес.

— Окончание фразы мне не по душе. «Академический интерес»... это звучит так, будто все остальное автоматически становится выше его. Но вы правы, нам нужно знать.

Подошла Паскаль.

— А что именно нам нужно знать?

— А что, если они действительно сумели как-то повлиять на солнце, и оно убило их? — Силвест обернулся к Паскаль, как бы желая пронзить ее взглядом неправдоподобно больших серебристых фасеточных искусственных глаз. — Так вот — нам не следует повторять их ошибок.

— Вы полагаете, это был несчастный случай?

— Я очень сомневаюсь, что они сделали это умышленно, Паскаль.

— Это-то я понимаю. — Он издевается над ней, а она этого терпеть не могла, что было ему прекрасно известно. — И еще я знаю, что инопланетяне каменного века не обладали способностью как-то влиять на поведение своего солнца. Ни случайно, ни целенаправленно.

— Мы знаем, что они были довольно развиты, — ответил Силвест. — Нам известно, что они пользовались колесом и даже порохом. У них были рудиментарные познания в оптике, они занимались астрономией в связи с интересами развития земледелия. Человечество путь от такого же уровня и до космических полетов проделало за пятьсот лет. Было бы дурацким предрассудком считать, что другие биологические виды не способны на то же самое.

— Но где доказательства? — Паскаль вскочила, с ее теплой шубы побежали потоки мелкой пыли. — О, я прекрасно знаю, что вы скажете: никакие высокотехнологичные артефакты не уцелели — они были слишком хрупкими. Впрочем, если б подобные свидетельства даже уцелели, то что это изменило бы? Даже Конджойнеры* не умеют зажигать и гасить звезды, а они в техническом отношении развиты куда сильнее прочего человечества, включая нас с вами.

— Я знаю. И это меня тревожит больше всего.

— Ладно, так что же говорит надпись?

---

* От английского глагола conjoin — соединять, сочетать.

Силвест тяжело вздохнул и снова вернулся к обелиску. Он надеялся, что короткое отвлечение от этого артефакта позволит его подсознанию поработать самостоятельно, и тогда смысл надписи внезапно прояснится, станет ослепительно очевидным, как то случилось с ответом на одну из психологических проблем, что не давали ему покоя перед визитом к Странникам. Но момент истины упрямо отказывался возникать. Иероглифы все еще прятали свой смысл. А возможно, во всем виновата напряженность ожидания?

Ведь он надеялся на что-то монументальное, на что-то такое, что сразу подтвердит его идеи, хоть они и пугали его самого.

Но надпись, видимо, просто сообщала о каком-то происшедшем здесь событии, которое, быть может, и было важно для истории амарантян, но, учитывая надежды Силвеста, носило весьма ограниченный характер. Конечно, предстоит еще сложный компьютерный анализ, да и сам Силвест видел лишь небольшой фрагмент надписи, но бремя разочарования уже согнуло его плечи, а сам обелиск его больше не интересовал. Ему не было дела до этой надписи, какова бы она ни была.

— Что-то произошло в этих местах. Может, сражение, может, сошествие бога. Вот и все. Памятный столб. Мы узнаем больше, когда откопаем его целиком и займемся датировкой слоев. Кроме того, мы сможем определить датировку самого материала артефакта.

— Значит, это не то, что вы искали?

— Сначала я думал, что именно то. — Силвест присмотрелся к самой нижней части раскопанной поверхности обелиска. Текст кончался в нескольких дюймах от глины, а чуть ниже его виднелось еще что-то, уходившее под слой вечной мерзлоты. Что-то вроде карты или диаграммы — просматривались лишь верхние части концентрических дуг. И больше ничего. Но что это такое?

Силвест не мог, да и не хотел гадать. Буря усиливалась. Звезды исчезли, над шахтой был виден лишь колыхающийся песчаный покров, похожий на машущие крылья гигантской летучей мыши. Слышался оглушительный рев ветра. Оказаться там — значило попасть в дьявольскую переделку.

— Дайте мне что-нибудь, чем копать, — сказал Силвест и начал соскребать вечную мерзлоту вокруг того места, где был саркофаг. Он работал так, будто был заключенным,

которому предстояло до наступающего восхода прорыть длинный спасительный туннель. Паскаль и студент тоже копали. А наверху дико выла песчаная буря.

— Я мало чего помню, — сказал Капитан. — Мы все еще крутимся вокруг Жировика?

— Нет. — Вольева старалась не показать ему, что их разговор повторяется многократно, иначе говоря, каждый раз, как она согревает ему мозг. — Мы покинули Крюгер 60-А несколько лет назад. После того, как Хегази добыл для нас ледяной панцирь, в котором мы безумно нуждались.

— О! Но тогда — где же мы?

— Идем к Йеллоустону.

— Зачем?

Глубокий капитанский бас гремел из динамиков, расположенных поодаль от его трупа. Сложные алгоритмы шарили по его мозговым извилинам, преобразовывая результаты в речь, отбрасывая, если нужно, все лишнее. Вообще загадкой являлось уже то, что к Капитану возвращалось сознание — ведь вся нервная деятельность должна была прекратиться уже тогда, когда температура мозга упала ниже точки замерзания. Но в мозгу Капитана трудилось множество почти микроскопических машинок. Строго говоря, думали именно они, причем действуя в условиях, когда температура была всего лишь на полкельвина выше абсолютного нуля.

— Хороший вопрос, — сказала Вольева. Что-то беспокоило ее, причем это что-то было совсем другим, нежели разговор с Капитаном. — Причина того, что мы идем к Йеллоустону, заключается в том, что...

— Да?

— Дело в том, что Саджаки полагает, будто там живет человек, который может вам помочь.

Капитан долго вникал в ее слова. На своем браслете она видела карту его мозга, по которой пробегали волны различных цветов, будто армии, выходящие на поле боя.

— Тогда этот человек — Кэлвин Силвест, — произнес Капитан.

— Кэлвин Силвест умер.

— Значит, это — Дэн Силвест. Это его решил разыскать Саджаки?

— Полагаю, другого быть не может.

— Он не пожелает прийти. Во всяком случае, в прошлый раз он отказал.

Наступило молчание. Температурные колебания время от времени отключали мозг Капитана.

— Саджаки должен был бы это знать. — К Капитану снова вернулось сознание.

— Я уверена, что Саджаки рассмотрел все возможности, — сказала Вольева, но ее тон явно свидетельствовал, что она готова поверить во что угодно, но только не в собственные слова. Нет, надо быть осторожнее, когда говоришь о другом Триумвире. Саджаки — самый верный адъютант Капитана. Они были знакомы давно — задолго до того, как Вольева вошла в команду. Насколько она знала, никто, кроме нее — включая Саджаки, — не разговаривал с Капитаном и даже не знал о существовании подобной возможности. Ни к чему было так по-дурацки рисковать, даже учитывая пробелы в памяти Капитана.

— Тебя что-то беспокоит, Илиа? Раньше ты всегда доверяла мне. Что-то, связанное с Силвестом?

— Нет, причина беспокойства гораздо локальнее.

— Что-то на борту корабля?

Вот к этому она вряд ли когда-нибудь привыкнет, подумала Вольева. Но визиты к Капитану в последние недели стали казаться ей куда более привычным и естественным делом, чем раньше. Получалось, что посещение трупа, сохраняемого в условиях сверхнизких температур, трупа, несущего временно подавляемую, но опасную для всего сущего болезнь, стало для нее немного неприятной, но совершенно необходимой обязанностью. Чем-то таким, что каждый человек обязан время от времени совершать. Сейчас, однако, в их отношениях сделан еще один шаг: она готова презреть тот риск, который остановил ее мгновение назад, когда она была уже готова выразить свое недоверие к Саджаки.

— Это насчет Оружейной... — начала она. — Помните ее, да? Помещение, из которого управляют орудиями, находившимися в Тайнике?

— Кажется, помню. Так что с ними?

— Я начала тренировать волонтера на должность артиллериста. Ему предстояло занять место в Оружейной и вступить в контакт с орудиями из Тайника с помощью вживленных в мозг имплантатов.

— Кто этот волонтер?

— Некий Борис Нагорный. Нет, вы с ним никогда не встречались, он появился на борту сравнительно недавно. Насколько возможно, я старалась держать его подальше от остальных. И уж никогда даже помыслить не могла о том, чтобы привести его сюда. Причина очевидна. — А причина была в том, что болезнь Капитана могла бы перекинуться на имплантаты Бориса, если бы они оказались рядом. Вольева тяжело вздохнула. Она подходила к кульминации своего повествования. — Нагорный всегда был несколько неуравновешенным, Капитан. Во многих отношениях человек, стоящий на грани психопатии, был для меня предпочтительнее абсолютно нормального. Так, во всяком случае, я думала тогда. Оказалось, что я недооценила глубины психопатии Нагорного.

— Ему стало хуже?

— Все случилось после установки имплантатов и первой попытки контакта с орудиями. Он стал жаловаться на кошмары. Ужасно сильные.

— Какое испытание для бедняги!

Вольева поняла. Она поняла, что испытывал Капитан, когда он заболел, но все еще сохранял сознание. Какие кошмары, наверное, посещали его! Испытывал ли он при этом боль — вопрос, но что такое боль в сравнении с пониманием, что тебя едят заживо, одновременно трансформируя в нечто совершенно чужеродное!

— Я не знаю, каковы были его кошмары, — сказала она. — Все, что я знаю, это то, что для Нагорного, чья голова и без того была набита страхами — их хватило бы на всех нас, — они оказались невыносимо тяжелыми.

— И ты уверена, что это как-то связано с Оружейной?

— Сначала я этому не верила, но потом обнаружила корреляцию с нашими занятиями, когда он занимал свое место в Оружейной. — Она закурила новую сигарету, оранжевый огонек которой был единственной теплой точкой в окружении Капитана. Находка целого блока сигарет — ее единственная радость за последние недели. — Я снова перебрала всю систему, но ничего не достигла. Скорее, ему стало хуже. — Она помолчала. — И тогда я посвятила в свою проблему Саджаки.

— Какова была реакция Саджаки?

— Потребовал, чтобы я перестала экспериментировать, во всяком случае до тех пор, пока не приблизимся к Йеллоустону. Пусть Нагорный проведет несколько лет в глу-

боком сне, может, это излечит его психопатию. Что касается меня, то я могу сколько влезет возиться с Оружейной, но Нагорного туда допускать не должна.

— Что ж... По мне — вполне разумный совет. Ты, разумеется, его отвергла?

Она кивнула, причем самое парадоксальное, ей было приятно, что Капитан сам вычислил ее преступление, и ей не пришлось размазывать всю эту тягомотину самой.

— Меня ведь разбудили на год раньше других. Дали мне время ознакомиться с Системой, велели контролировать ваше состояние. Этим я и занималась несколько месяцев. До тех пор, пока не решила разбудить Нагорного.

— Ты продолжала эксперименты?

— Да. До вчерашнего дня.

Она глубоко затянулась сигаретой.

— Не тяни, Илиа. Это похоже на зубодерню. Что случилось вчера?

— Нагорный бежал. — Вот! Наконец-то она высказалась. — У него случился сильный приступ, он накинулся на меня. Я защищалась, он бежал. Он где-то на корабле, но где — не знаю.

Капитан задумался. Она представляла, о чем он думает. Корабль очень большой, в нем есть такие области, куда даже заглянуть нельзя, ибо датчики там больше не работают. А человека, который будет скрываться активно, — вообще не отыскать.

— Придется найти его, — сказал Капитан. — Нельзя, чтобы он был на свободе, когда Саджаки и другие проснутся.

— А потом что?

— Вероятно, придется его убить. Уничтожить его надо аккуратно, тело положить в морозилку, а потом сделаешь вид, будто произошла авария.

— Вы хотите сказать, что следует представить все это как несчастный случай?

— Да. — Как обычно, на лице Капитана, которое она видела в смотровое окошко, ничего не отразилось. У него столько же возможности изменить выражение лица, как у мраморной статуи, подумала она.

Это было хорошее решение. Такое хорошее, что, замороченная собственными проблемами, она не смогла до него додуматься. До последней минуты она боялась конфронтации с Нагорным, ибо та могла привести к его смерти. А

такое развитие событий представлялось ей неприемлемым. Однако, как оказалось, ничего неприемлемого в нем нет, если взглянуть с правильной точки зрения.

— Спасибо, Капитан, — сказала Вольева. — Вы мне очень помогли. А теперь, с вашего разрешения, я собираюсь вас снова заморозить.

— Ты скоро вернешься, да? Мне приятно разговаривать с тобой, Илиа.

— Ни за какие коврижки не пропущу нашей встречи, — ответила она и приказала браслету снизить температуру мозга Капитана на 50 милликельвинов. Это отправит его назад в дрему, в бездумное небытие. Так она считала.

Вольева в тишине докурила сигарету, а потом отвела взгляд от Капитана туда — в темный изгиб коридора. Где-то там, где-то в корабельных недрах подкарауливает ее Нагорный. Он затаил на нее глубокую обиду. Он болен. У него поехала крыша.

Собака, которую надо пристрелить.

— Полагаю, мне известно, что это такое, — произнес Силвест, когда мешавший камень от саркофага был удален и открылась двухметровая поверхность верхней части обелиска.

— Ну и...

— Это карта системы Дельты Павлина.

— Что-то мне подсказывает, что вы уже давно знаете это, — отозвалась Паскаль, глядя сквозь выпуклые очки на сложный рисунок, напоминавший две слегка искаженные группы концентрических окружностей. Стереоскопически совмещенные, они должны были дать единый рисунок, как бы повисший в воздухе перед обсидиановым обелиском. Это были орбиты планет. Сомнений быть не могло. Солнце — Дельта Павлина — находилось, как и полагается, в центре и было помечено амарантянским иероглифом — пятиконечной звездой, что сразу же напоминало о Земле. Затем следовали четкие орбиты главных небесных тел этой системы. Ресургем был отмечен символом, означавшим «Мир». Сомнений нет. Это не случайный набор окружностей — около главных планет изображены их луны.

— У меня были кое-какие подозрения, — сказал Силвест. Он совершенно выдохся, но усталость, вызванная работой всю ночь, да еще в условиях постоянного страха, того стоила. Очистить второй метр обелиска было куда труд-

нее, чем раскопать первый, да и буря выла точно эскадрон баньши, примчавшийся с дикими воплями за душами археологов. Но — как это бывало и раньше и как это будет и в будущем — буря так и не сумела достичь той силы, о которой предупреждал Кювье. Теперь самое худшее уже осталось позади, хотя тучи пыли еще метались в небе, точно черные знамена. Тем не менее розовый рассвет уже начал гнать ночь. Похоже, археологи пережили бурю.

— Все это ничего не меняет, — стояла на своем Паскаль. — Мы ведь и без того знали, что они занимались астрономией. Все, что дает нам находка, — это то, что на каком-то этапе амарантяне узнали о гелиоцентричности своей системы.

— Нет, находка дает гораздо больше, — медленно произнес Силвест. — Далеко не все эти планеты видны невооруженным глазом, даже если учесть возможные физиологические особенности амарантян.

— Значит, у них были телескопы!

— Не так давно вы описывали их как инопланетян, еще не вышедших из каменного века. Теперь же согласны признать, что они умели изготавливать телескопы?

Ему показалось, что Паскаль улыбается, но в этом трудно было убедиться из-за маски у нее на лице. Паскаль подняла лицо к небу. Что-то блестящее пронеслось между барханами. Это под пылевыми облаками пролетел дельтоид.

— Судя по всему, у нас гости, — сказала Паскаль.

Они так быстро взобрались по лестнице, что все запыхались, когда оказались наверху. Хотя ветер начал спадать уже несколько часов назад, ходить по барханам было чистым наказанием. На территории раскопок царил хаос. Фонари и гравитометры повалены, некоторые сломаны, прочее оборудование валяется где попало.

Самолет кружил над головой, видимо, высматривая место для посадки. Силвест сразу понял, что прилетел он из Кювье — в Мантеле таких больших не было. На Ресургеме летающих аппаратов вообще было мало и ценились они высоко, так как только они могли поддерживать связь между поселками, расположенными в нескольких сотнях километров друг от друга. Все существующие сейчас самолеты были построены еще в первые годы основания колонии. Строили их роботы, использовавшие для этого местное сырье. Однако роботы-строители были уничтожены или похищены во время мятежа, так что все, что осталось после

них, ценилось на вес золота. Конечно, самолеты были саморемонтирующиеся и могли самовосстанавливаться после небольших аварий. Так что особого ухода за ними не требовалось. Бывало, однако, что они становились жертвами диверсий или небрежности, и потому воздушный флот колонии с годами сокращался.

Блеск дельтоида ранил Силвесту глаза. Нижняя поверхность крыла была усеяна многими тысячами тепловых элементов, раскаленных добела. Они-то и обеспечивали термический подъем машины. Их сияние было слишком сильным для алгоритма зрения, созданного Кэлвином для Дэна.

— Кто они такие? — спросил кто-то из студентов.

— Самому хотелось бы знать, — отозвался Силвест. Однако то, что самолет прибыл из Кювье, его не радовало. Он смотрел, как тот снижается, отбрасывая на землю яркие разноцветные тени — это остывали термические элементы, проходя всю гамму радуги. Самолет сел на свои полозья. Тут же развернулся складной трап, а из самолета вышла группа людей. Глаза Силвеста перешли на инфракрасный режим — так он лучше разбирал двигающиеся в его направлении фигуры. Одеты они были в темные комбинезоны, носили большие дыхательные маски, шлемы, что-то подобное пуленепробиваемым жилетам, на которых были укреплены блестящие значки Администрации. Словом, это была пресловутая милиция колонии. У всех было оружие — длинные и весьма угрюмого вида винтовки с подствольными ракетометами, которые милиционеры держали наперевес.

— Выглядят они не слишком приятно, — сказала Паскаль, тщательно выбирая слова.

Отряд остановился, не доходя нескольких шагов.

— Доктор Силвест? — спросил голос, несколько заглушаемый ветром, все еще довольно сильным. — Боюсь, у меня для вас плохие новости, сэр.

Силвест ничего другого и не ждал.

— В чем дело?

— Другой краулер, сэр, тот, что уехал раньше...

— Что с ним?

— Им не удалось добраться до Мантеля, сэр. Мы их обнаружили. Попали под оползень. На гряде собралось много пыли. У них не было ни единого шанса, сэр.

— Слука?

— Все погибли, сэр. — Человек из Администрации благодаря своей большой маске походил на слоновьего бога. — Очень жаль. Какая удача, что вы не решили выехать одновременно.

— Больше, чем удача, — ответил Силвест.

— Сэр, есть еще кое-что. — Представитель власти еще сильнее сжал свое оружие — скорее демонстрируя его наличие, чем угрожая. — Вы арестованы, сэр.

Режущий голос К.С.Нг'а заполнил всю внутренность кабельной машины. Больше всего он был похож на пронзительное жужжание пойманной осы.

— Ты все еще развиваешь в себе чувство восхищения? Я хочу сказать, в отношении нашего очаровательного города?

— Откуда это тебе известно? — спросила Хоури. — Хотела бы я знать, когда в последний раз ты вылезал из своего проклятущего паланкина, Ящик? Вряд ли это было на памяти ныне живущих?

Естественно, рядом с ней Ящика быть не могло. В ее небольшой машине для его паланкина места не было. Машина была узкофункциональной — в ней не должно было быть ничего, что способно привлечь внимание посторонних, особенно сейчас — на завершающем этапе охоты. Припаркованая на крыше машина походила на бесхвостый вертолет, свернувший свои крылышки. Важнейшей ее деталью были тонкие телескопические придатки-руки, которые заканчивались крюками, зловеще изогнутыми наподобие когтей ленивца.

Когда Хоури села в машину, дверца автоматически захлопнулась, оставив снаружи дождь и басовитый гул транспортного фона города. Ана назвала место своего назначения — Монумент Восьмидесяти, расположенный в глубоком ущелье. Машина на мгновение задумалась, вероятно, рассчитывая оптимальный путь, состояние транспортных потоков и непрерывно изменяющуюся топологию ведущих туда тросов. Процесс этот требовал времени, так как электронный мозг такси не был уж столь совершенным. Затем Хоури почувствовала, что центр тяжести машины немного сместился. Через верхнее стекло дверцы она увидела, как одна из «рук» такси вытянулась, вдвое увеличив свою длину, и как ее клешни ухватились за один из тросов, проходивших над крышей здания.

Затем нужную точку разыскала и вторая рука — на другом тросе. Резкий скачок — и машина уже в воздухе. Несколько секунд она скользит по двум тросам, затем один из них уходит в сторону, так что машина должна его отпустить. Она разжимает когти, а третья рука тут же хватает еще один трос, пересекающий дорогу машине. Снова несколько секунд скольжения в нужном направлении, снова падение вниз, снова подъем вверх, и вот уже у Хоури появляется хорошо знакомое противное ощущение в желудке. Ей нисколько не помогает и то обстоятельство, что маятниковое движение машины ощущается так, будто машина не выбирает тросы целенаправленно, а хватает их наугад, чтобы спастись от неизбежного падения вниз. Чтобы хоть немного отвлечься, Хоури стала делать дыхательные упражнения, без отдыха поочередно напрягая и расслабляя пальцы рук, затянутых в черные кожаные перчатки.

— Должен признаться, — продолжал трепаться Ящик, — что я не подвергал себя воздействию присущего городу аромата уже немалое время. Но тебе от этого вреда не будет. Воздух вовсе не так грязен, как кажется. Очистители — одна из немногих систем, которые не прекратили работу после Эпидемии.

Теперь, когда машина уже миновала группу зданий, которую можно было с известным правом назвать окрестностями жилья Хоури, перед ней стала разворачиваться гигантская панорама Чазм-Сити. Невозможно было представить себе, что этот дремучий лес уродливых строений был когда-то самым процветающим городом в истории человечества; что это было место, откуда на протяжении двух столетий изливался нескончаемый поток научных и художественных новаций. Теперь даже местный люд понимал, что этот город видывал лучшие времена. С некоторой долей иронии они именовали его Городом, Который Вечно Дремлет, ибо многие тысячи его самых богатых граждан ныне пребывали замороженными в криогенных установках, рассчитывая провести там период временного упадка, который является лишь случайным отклонением на восходящей кривой роста благоденствия и процветания.

Естественной границей города был Кратер, который как бы замыкал его в своем кольце. Диаметр Кратера составлял около шестидесяти километров, а в центре его кольца находилась Утроба, или Провал. Город был укрыт восемнадцатью куполами, занимавшими пространство между стена-

ми Кратера и Провалом. Грани куполов соприкасались, а сами они поддерживались подпорными башнями. Эти купола больше всего напоминали свисающие покровы, которыми завешивают мебель в спальне недавно усопшего. На местном жаргоне все это именовалось Москитной Сеткой, хотя существовало еще около дюжины разных названий, заимствованных из разных языков. Без куполов город не мог бы существовать. Атмосфера Йеллоустона — холодная смесь азота и метана, соотношение между которыми все время менялось, приправленная коктейлем сложных соединений водорода и углерода, — была смертельно ядовита. К счастью, Кратер защищал город от самых страшных ветров и селей жидкого метана, а смесь горячих газов, изрыгаемых Утробой, могла быть превращена в пригодный для дыхания воздух весьма простым и дешевым технологическим процессом. Кое-где на Йеллоустоне были другие поселения людей, куда меньше Чазм-Сити, но у них наблюдались куда большие трудности с созданием локальной биосферы, особенно с обеспечением населения воздухом, пригодным для дыхания.

В первые дни своего пребывания на Йеллоустоне Хоури спрашивала у местных, почему вообще кому-то пришла в голову мысль заселить планету, раз она столь негостеприимна? На Краю Неба, может, действительно все время полыхают войны, но там хоть можно жить без куполов и систем, искусственно создающих пригодную для дыхания атмосферу. Однако Хоури скоро поняла, что ожидать более или менее содержательного ответа тут не приходится, даже в том случае, если подобный вопрос сразу же не примут за наглость чужака.

Впрочем, ответ и так был ясен. Провал привлек к себе первых исследователей, вокруг которых возникло скромное поселение, а затем и что-то вроде пограничного городка. Безумцы, игроки, лопоухие мечтатели летели сюда как мотыльки на огонь, привлеченные слухами о богатствах Утробы. Кое-кто возвращался домой разочарованным, кто-то погибал в горячих ядовитых глубинах вулкана. А кучка выживших энтузиастов гордилась странной красотой этих мест. Быстро пролетели двести лет, и вот кучка строений превратилась в ЭТО!

Город непрерывно и беспорядочно рос во всех направлениях, и, казалось, густой лес его оскаленных и перепле-

тающихся зданий вот-вот исчезнет в туманной дымке Утробы. Только самые старые постройки до сих пор относительно хорошо сохранились. Эти здания, похожие на коробки, удержались во время Эпидемии потому, что в них не было систем саморемонта и самоперестройки. Напротив, новейшие небоскребы ныне напоминали странные, с торчащими обрубками ветвей и корней, куски плавника или древесные стволы в последней стадии гниения.

Когда-то эти небоскребы были гордыми и симметричными, пока Эпидемия не заставила их расти странно и беспорядочно, выбрасывая в стороны какие-то шарообразные утолщения, переплетаясь друг с другом, выделяя какие-то шишки и отростки, как у прокаженных. Теперь эти здания умерли, окоченев в странных формах, казавшихся специально разработанными безумными дизайнерами, чтобы будить в людях тревогу и дурные предчувствия. Возле них сложились трущобы, нижние ярусы превратились в смешение шанхаев и барахолок, освещавшихся по ночам факелами и кострами. В трущобах копошились маленькие фигурки людей, они шли пешком или ехали на рикшах по шатким мосткам, переброшенным через развалины. Тут почти не было повозок, использующих какой-либо вид энергии, кроме мускульной, а если и были, то только работающие на силе пара.

Трущобы никогда не поднимались выше десятого этажа небоскребов, так как могли легко обрушиться под собственной тяжестью, так что над ними еще на двести—триста метров поднимались относительно ровные, сравнительно слабо изуродованные Эпидемией стены огромных зданий. Никаких следов, что там живут люди, не было. Только на самых верхних этажах человеческое присутствие снова давало о себе знать. Там виднелись какие-то пристройки на столбах, похожие на гнезда аистов среди ветвей изуродованных небоскребов. Стекла этих пристроек отражали блеск силы и богатства. Они были ярко освещены. Сверкали неоновые рекламы. Лучи прожекторов, вырываясь из-под карнизов, выхватывали миниатюрные кабельные такси, связывавшие между собой различные районы города. Эти машины торопливо пробирались среди канатов, оплетавших здания точно хромосомные нити. У этого высотного города, возвышавшегося над трущобами, была кличка — Крона.

Здесь никогда не было настоящего дня, подумала Хоури. Она тут еще ни разу не чувствовала себя проснувшейся: Крона казалась вечно погруженной в светлые сумерки.

— Ящик, когда же у вас выберется время, чтобы счистить дерьмо с Москитной Сетки?

Нг засмеялся — будто гравий пересыпался в жестяном ведре.

— Вероятнее всего — никогда. Разве что кто-то обнаружит способ делать из дерьма деньги.

— И кто из нас сейчас хает этот город?

— Мы-то с тобой можем себе это позволить. Ведь, покончив с этим делом, мы можем удрать на спутники вместе с другими приличными людьми.

— Ага, с теми, что в коробках. Сожалею, Ящик, но меня из списков вычеркни, а то как бы я разрыв сердца не получила от восторга. — Теперь перед ней открылась Утроба, ибо кабельное такси ползло по внутренней стороне тороидального купола. Утроба представляла собой глубочайший провал в материнских породах, ее изъеденные ветровой эрозией стены сначала были довольно пологи, а затем круто обрывались в бездну. Их покрывали трубы, уходящие в рычащую глубину, откуда извергались клубы паров. Там находилась станция, производившая крекинг газов и снабжавшая город воздухом для дыхания и теплом. — Кстати, об убийстве... Что за дела с этим оружием?

— Думаешь, сумеешь с ним разобраться?

— Ты платишь, я разбираюсь. Но мне надо знать, с чем я имею дело.

— Если у тебя проблемы, то придется спросить у самого Тараши.

— Он что, сам сконструировал эту штуковину?

— До самой мельчайшей детали.

Теперь машина шла над Монументом Восьмидесяти. Хоури никогда еще не видела его под таким углом. Если говорить правду, то отсюда он казался куда менее величественным, чем если на него смотреть снизу. Сейчас он производил впечатление сильно побитого непогодой и являл довольно жалкое зрелище. Это была пирамида с квадратным основанием, сложенная наподобие зиккурата. Его нижние этажи обросли трущобами и подпорками, как корабль ракушками. Наверху мраморная облицовка уступала место зеркальным окнам, но часть стекол разбилась, а металлические рамы сломались и вылетели, чего с улицы не было

видно. Совершенно очевидно, что это место и было выбрано сценой для убийства.

Обычно о таких делах в известность заранее не ставили. Но, похоже, Тараши сам внес эту деталь в свой контракт. В контракты с будущей жертвой такие записи вносились, как правило, лишь в тех случаях, когда клиент считал свои шансы выжить и избавиться от преследователя за оговореннный период времени очень высокими. Это был способ, благодаря которому практически бессмертные богачи разгоняли скуку жизни, переставая повиноваться установленным правилам и порядкам. Если у них получалось пережить контракт, а так это и было в большинстве случаев, они могли еще долго хвастать своими подвигами.

Хоури могла датировать начало своего участия в Игре Теней совершенно точно. То был день, когда она очнулась на орбите Йеллоустона, в одном из спутников с криогенными установками, которым заправлял орден Ледяных Нищенствующих. Хотя никаких Нищенствующих на Краю Неба не наблюдалось, она кое-что о них слыхала, в том числе и об их функциях. Это была добровольная религиозная организация, посвятившая себя помощи тем, кто получил травмы при космических перелетах. Очень частым результатом размораживания после глубокого сна являлась, например, амнезия.

Это уже само по себе было плохой новостью. Может быть, ее амнезия стерла даже воспоминания о том, что она принимала участие в каком-то космическом перелете, так как последнее, что помнила Хоури, было делом весьма специфическим: она лежала в медицинской палатке на поверхности Края Неба. Причем рядом с ней лежал ее муж Фазиль. Оба были ранены в очередном сражении. Ранения жизни не угрожали и могли быть излечены в любом орбитальном госпитале. Пришел санитар и стал готовить их к погружению в криогенный сон. Их должны были охладить, отправить на орбиту в шаттле, а затем передать туда, где есть криогенная установка. Там их должны были продержать до тех пор, пока не освободятся места в хирургическом отделении. Весь процесс мог продлиться несколько месяцев, но, по словам санитара, есть неплохие шансы, что война все еще будет продолжаться, когда они снова будут готовы приступить к исполнению своих обязанностей. Хоури и Фазиль были склонны поверить санитару — в конце концов, разве они не настоящие профи?

Так. А потом она восстала от сна. Но вместо того, чтобы быть переведенной в палату для выздоравливающих в госпитале, Хоури оказалась перед сворой Ледяных Нищенствующих, говорящих с йеллоустонским акцентом. Нет, заявили они ей, нет у нее амнезии. И травмы при пробуждении тоже нет. Все обстоит куда как хуже.

Все дело было в том, что главный Нищенствующий обозвал бюрократической ошибкой. Случилось это на орбите Края Неба, когда в криогенную установку попала ракета. Хоури и Фазиль оказались среди немногих счастливцев, оставшихся в живых, но зато все их документы погибли. Попытались произвести идентификацию замороженных, но ошибок избежать не удалось. Хоури приняли за наблюдательницу-демаристку, прибывшую на Край Неба, чтобы изучать войну и уже готовившуюся к отбытию обратно на Йеллоустон, когда она попала под обстрел. Хоури прооперировали, а затем погрузили на борт корабля, уже готовившегося к старту. К сожалению, с Фазилем никаких ошибок не произошло. Пока Хоури спала в криогенной установке корабля, а ее тело переносилось черт-те куда за многие световые годы к Эпсилону Эридана, Фазиль старел — на один год за каждый год ее полета. Разумеется, сказали Нищенствующие, ошибку быстро обнаружили, но было уже поздно. Кораблей, которые отправлялись бы в нужном ей направлении, в настоящее время нет, и не будет еще лет десять. Да и если бы Хоури вернулась на Край Неба, немедленно (что опять-таки невозможно, учитывая, на какие планеты летят корабли, вращающиеся сейчас на орбитах вокруг Йеллоустона), прошло бы лет сорок, пока она снова могла бы встретиться с Фазилем. И все бы это время Фазиль не ведал, что она возвращается к нему. Так что он вполне мог бы создать себе новую семью, жениться, завести детей и даже внуков. Вернись Хоури к нему, она стала бы призраком прошлого, давно поглощенного Небытием. И все это в предположении, что Фазиль не погиб, вернувшись на фронт.

До того как Нищенствующие изложили все это Хоури, она никогда не задумывалась о скорости света. Знала только, что во всей вселенной нет ничего, что двигалось бы быстрее... но, как она теперь убедилась, это движение было слишком медленным, чтобы сохранить жизнь любви. Одно мгновение беспощадной ясности — и она поняла, что важнейшие структуры вселенной — ее физические законы —

сговорились между собой, чтобы подвести ее к пропасти, полной ужаса и потерь. Было бы легче, куда легче, если бы знать, что Фазиль умер. Теперь же между нею и им лежит океан Неизвестности — Пространство и Время. Гнев, вспыхнувший в ней, требовал выхода, чтобы не взорвать ее изнутри.

Позже, но в тот же день, к ней пришел человек, предложивший ей работу контрактника-убийцы, и она удивительно легко согласилась.

Имя человека было Таннер Мирабель. Как и она, он был бывшим солдатом с Края Неба. Таннер считался настоящим специалистом по выискиванию потенциальных убийц. Именно поэтому он сразу обнаружил талант Хоури, как только ее разморозили. Мирабель связал ее с неким мистером Нг'ом — известным герметиком. Интервью с Нг'ом не замедлило состояться. За ним последовали психометрические тесты. Убийцы, как считали на этой планете, должны быть здравомыслящими, склонными к аналитическому мышлению людьми. Они должны четко различать убийство законное и то, когда оно преступает весьма смутную границу, превращаясь в уголовное преступление. В противном случае Компания может вылететь в трубу.

Все эти тесты Хоури прошла легко.

Были и другие. Иногда заказчики требовали дико хитроумных способов своей потенциальной ликвидации, поскольку в глубине души считали, что до убийства дело не дойдет, ибо полагали себя столь умными и хитрыми, что уже воображали, как убийца остается с носом после истечения определенных контрактом дней или даже месяцев охоты. Поэтому Хоури надлежало свести близкое знакомство со всеми видами оружия. Оказалось, в этой области у нее таланты такие, о каких она и не подозревала.

Но даже она не видела ничего похожего на то оружие, которое ей доставила «добрая фея» в этот раз.

Ей потребовалось не менее минуты, чтобы понять, как собирается эта винтовка. Получилось нечто вроде снайперского карабина с чудовищно толстым перфорированным стволом. Обойма содержала несколько похожих на дротики пуль. Вблизи от головки каждой пули был выгравирован небольшой значок — голографическое изображение черепа. Это удивило Хоури — она никогда еще не применяла против своих клиентов отравленные пули.

А что за дела с этим Монументом?

— Ящик, — сказала она. — Есть еще кое-что...

В этот момент ее машина неожиданно резко пошла вниз. Рикши изо всех сил кинулись в разные стороны, чтобы избежать неминуемого столкновения. В глазах потемнело от внезапной перегрузки. Хоури провела мизинцем вдоль прорези для кредитной карточки, снимая деньги с защищенного счета на Кроне, у которой не было никаких контактов с Омегой. Это было важно, так как «цель» с хорошими связями могла бы отследить передвижения своего потенциального убийцы по ряби на поверхности финансового моря. Заметанием следов нельзя было пренебрегать.

Хоури открыла дверцу и выскочила. Здесь, как и всегда на поверхности планеты, шел мелкий дождь. Его называли «внутренним». Специфическая вонь этого района города с силой ударила в ноздри. Смесь запахов сточных труб, пота, пряностей, озона и едкого табачного дыма. Шум тоже был невыносим. Шорох шин рикш, крики, звон колокольчиков, гудки служили фоном, в который вплетались выкрики уличных торговцев, визг животных в клетках, песни бродячих певцов, голоса, говорящие на всех наречиях, начиная от современного норта и кончая каназианским.

Хоури натянула на голову широкополую фетровую шляпу и подняла воротник пальто, доходившего ей до колен. Такси вытянуло лапу и ухватилось за свисающий трос. Вскоре оно затерялось среди других пятен, раскачивающихся как маятники и стремящихся побыстрее подняться к бурому куполу «неба».

— Что ж, Ящик, — сказала она. — Делай следующий ход.

Его голос прозвучал прямо в ее мозгу.

— Верь мне. У меня хорошие предчувствия.

Совет Капитана хорош, думала Илиа Вольева. Убить Нагорного было единственным надежным решением всех проблем. Сам Нагорный облегчил эту задачу, первым попытавшись убить ее самое, что начисто обрезало все рассуждения на моральные темы.

Все это случилось несколько месяцев назад, если говорить о корабельном времени. Она оттягивала выполнение решения, но сейчас обстоятельства требовали, чтобы дело было завершено. Пройдет совсем немного времени, корабль подлетит к Йеллоустону, из заморозки выйдут остальные. Когда это произойдет, ее действия будут ограничены необходимостью поддерживать ложь, гласящую, будто Нагор-

ный умер во время пребывания в холодном сне из-за какой-то всем очевидной аварии спальной капсулы.

Теперь же ей предстояло поднапрячься и принудить себя к действию. Молча она сидела в своей лаборатории и набиралась духу, чтобы сделать то, что необходимо. Помещение, которое занимала Вольева, по стандартам «Ностальгии по Бесконечности» было совсем скромным. Она ведь могла бы отвести себе целую анфиладу залов, если бы пожелала. Только зачем ей это? Часы бодрствования были заполнены заботами о боевых системах, на остальное времени почти не оставалось. А когда она спала, то ей снова снились боевые системы. Конечно, иногда она позволяла себе немного пороскошествовать, если находилось свободное время, чтобы попользоваться — наслаждением это не назовешь — чем-нибудь эдаким. Места ей хватало. У нее была постель, кое-какая мебель, очень утилитарная по виду, хотя, откровенно говоря, корабль мог ее снабдить мебелью любого стиля и качества. К ее комнате прилегал небольшой «довесок», где она устроила лабораторию. Там она пробовала различные методы борьбы с болезнью Капитана. Ее работа в этом направлении носила весьма любительский характер, результатами она ни с кем не делилась. Зачем возбуждать напрасные надежды?

Здесь же она потом хранила и голову Нагорного.

Голова была заморожена. Держала ее Вольева в старом шлеме того космического скафандра, который, обнаружив, что его хозяин умер, сам явился к Вольевой, чтобы пройти необходимые ремонт и чистку. Вольевой приходилось слышать о шлемах с острой как бритва диафрагмой на уровне воротника, которая в случае нужды быстро и безболезненно отделяла голову от тела. Однако этот был не из их числа.

Впрочем, Нагорный тоже умер весьма любопытным образом. Вольева разбудила Капитана и изложила ему ситуацию с Нагорным. Артиллерист, по-видимому, сошел с ума в результате ее собственных экспериментов. Она подробно рассказала о проблемах, возникших при попытке подключить его к орудийным системам с помощью датчиков, вживленных в мозг. Она даже упомянула о том, что у Нагорного возникли ночные кошмары, а потом быстро перешла к рассказу, как волонтер напал на ее, а затем исчез в неведомых глубинах корабля. Капитан не стал донимать ее вопросами о кошмарах, чему тогда Вольева обрадовалась, так как ей

не хотелось обсуждать эту тему, а особенно содержание снов Нагорного.

Потом она обнаружила, что абстрагироваться от темы кошмаров становится все труднее. Дело в том, что это были не отдельные обрывки снов, не разрозненные кошмарные видения, хотя и такие могут сильно влиять на психику. Нет. Из того, что она слышала от Нагорного, можно было заключить, что кошмары повторялись многократно и отличались детализацией. По большей части они касались некоего существа, которое называлось Похитителем Солнц. Это был личный палач Нагорного. Не было ясности в том, чего Похититель Солнц старался добиться от Нагорного, но он вызывал у последнего ужас как воплощение мирового зла. Как-то Вольева заглянула в блокнот Нагорного, который нашла в его комнате. Там были карандашные наброски, сделанные как бы в лихорадочном состоянии. Они изображали жутких существ, похожих на птиц, с пустыми глазницами и выпирающими костями скелета. Если это были впечатления, почерпнутые Нагорным в моменты безумия, то ему было, чего бояться. Однако оставался вопрос: как соотносятся эти фантомы с занятиями в Оружейной? Какая ошибка в подключении нейронной системы Нагорного нанесла удар по той части мозга, которая рождает кошмары? Теперь, оглядываясь назад, Вольева понимала, что действовала слишком поспешно и грубо. Впрочем, она лишь выполняла приказ Саджаки о приведении корабельного вооружения в боевую готовность.

Итак, у Нагорного произошел срыв, и он бежал в пустынные глубины полуразрушенного корабля. Рекомендация Капитана — начать охоту на этого человека и убить его — полностью совпадала с ее инстинктивным ощущением. Однако на исполнение решения потребовались многие дни. Вольевой пришлось установить сенсорные сети в стольких коридорах, на сколько хватило сил. Она выслушала множество докладов своих сторожевых крыс, пытаясь выяснить, где прячется Нагорный. Временами ей начинало казаться, что все напрасно, что Нагорный останется на свободе, даже когда корабль окажется на орбите Йеллоустона, а остальные члены команды проснутся...

И тут Нагорный совершил две ошибки. Надо полагать, то были следствия его психического расстройства. Первая заключалась в том, что он вломился в каюту Вольевой, где оставил послание, написанное на стене его собственной

артериальной кровью. Очень простое послание. Нагорный выбрал для нее всего два слова, которые она вполне могла предвидеть:

ПОХИТИТЕЛЬ СОЛНЦ.

Затем, уже в полном безумии, он украл шлем от ее скафандра, бросив все остальное. Взломав каюту, он устроил засаду, а когда Вольева примчалась к себе, отобрал у нее пистолет, а потом прыжками потащил по длинному, постепенно закругляющемуся коридору, к ближайшей лифтовой шахте. Вольева пыталась сопротивляться, но силы Нагорного, казалось удесятерились, он держал ее стальной хваткой. И все же она считала, что у нее еще есть шанс — ведь он тащил ее туда, где ходят лифты.

Однако, как оказалось, Нагорный вовсе не собирался ждать прибытия лифта. С помощью ее пистолета он взломал дверь, ведущую к бездонным глубинам шахты, где гуляло гулкое эхо. Без всяких церемоний — он даже не сказал Вольевой «прощай!» — Нагорный швырнул ее туда.

Это была его вторая грубая ошибка.

Шахта пронизывала весь корабль — от носа до кормы. Вольевой предстояло пролететь несколько километров, прежде чем она разобьется о дно. Через несколько мгновений полета, когда ей стало казаться, что сердце вот-вот остановится, она вдруг поняла, что должно произойти. Она будет падать, пока не разобьется, независимо от того сколько — несколько мгновений или минут — займет этот процесс. Стены шахты отвесны и ровны, шансов ухватиться за что-то или замедлить падение нет.

Ее ждет смерть.

И вдруг... Нет, это случилось не сразу, за что ей потом было очень стыдно... Вдруг какая-то часть ее мозга занялась анализом ситуации совсем в другом направлении. Она вдруг увидела себя не падающей сквозь корабль, а стоящей на месте по отношению к звездам, висящей в невесомости, тогда как мимо нее взносятся вверх стенки летящего корабля. Сама Вольева не испытывала никакого ускорения, ускорением обладал лишь корабль.

А ускорение корабля поддавалось управлению с помощью браслета.

Заниматься деталями у нее времени не оставалось. Была идея, возникшая в ее уме как взрыв. Она понимала, что идею надо или воплотить немедленно, или... встретить свою судьбу. Она может остановить свое падение, заставив из-

мениться ускорение корабля на то время, которое потребуется для получения нужного эффекта.

Номинальное ускорение корабля сейчас составляло одно *g*, почему Нагорный с такой легкостью представил себе корабль в качестве дома огромной высоты, с которой он и сбросил Вольеву. Она падала уже не меньше десяти секунд — именно столько времени ее ум перерабатывал эту информацию. Что же ей делать? Уменьшить ускорение на одно *g*? Нет, это мало что даст. Лучше на одну секунду сбросить его сразу на десять *g*. Она знала — двигатели это способны дать. Такой маневр команде не повредит — она спит в своих противоперегрузочных коконах. Не повредит он и ей — она лишь увидит, как резко замедлится бег стенок корабля, пролетающих мимо нее.

А вот Нагорный — он почти беззащитен.

Реализация решения далась ей не просто. Рев воздуха в шахте лифта почти заглушал ее голос, когда она отдавала приказ через браслет. Потом наступил страшный момент, когда корабль, казалось, не желал обращать внимание на ее слова. А дальше наступило блаженство: он покорно выполнил приказ.

Позже Вольева обнаружила Нагорного. Пиковое ускорение в течение одной сеунды вообще-то не было бы фатальным, но Вольева сбросила скорость не за один прием, а методом проб и ошибок, причем каждый импульс швырял Нагорного между полом и потолком палубы.

Сама Вольева тоже была ранена. Столкновения со стенами шахты стоили ей сломанной ноги. Правда, нога потом срослась, остались лишь мрачные воспоминания о боли. Она помнила, как пользовалась лазерной кюреткой, чтобы отделить голову Нагорного, зная, что еще предстоит удаление вживленных в его мозг датчиков. Датчики были тоненькие, крохотные, выращенные в ходе трудоемкого процесса на молекулярном уровне. Ей очень не хотелось, чтобы кто-то мог этот процесс потом продублировать.

Вот теперь и пришло время их удалить.

Она вынула голову Нагорного из шлема, погрузила ее в жидкий азот. Затем сунула руки в две пары рукавиц, висевших среди прочих инструментов над рабочим столом. Крошечные блестящие инструменты тут же пришли в движение и сами опустились на поверхность черепа, готовые трепанировать его, а потом зашить с невиданной точностью. Однако до того, как череп будет скреплен, Вольевой

предстояло заменить настоящие датчики на фальшивые, с тем чтобы, если кому-нибудь пришло в голову осуществить новое расследование, никто не заметил бы отсутствия датчиков.

Голову тоже, конечно, придется пришить, но тут особо спешить не приходилось. К тому времени, когда остальные проснутся и узнают, что произошло с Нагорным, вернее, когда они узнают то, что она захочет, чтоб они узнали, то наверняка у них не возникнет особого желания рассматривать тело слишком внимательно. Конечно, проблема может возникнуть с Суджикой — ведь она и Нагорный были любовниками до тех пор, пока Нагорный не обезумел.

Как и многие другие до нее, Илиа Вольева считала, что проблемы надо решать по мере их возникновения.

А пока ее инструменты глубоко врезались в голову Нагорного в поисках того, что принадлежало ей. И тут ей пришла мысль: кем же его заменить?

Конечно, замена должна быть не из тех, кто сейчас на борту. Впрочем, на орбите Йеллоустона она наверняка отыщет какого-нибудь волонтера.

— Ящик, а не становится ли у нас тут жарковато?

Его голос пришел к ней чуть дрожащим и глухим из-за массивных домов, громоздившихся над головой.

— Так жарко, что мы можем раскалиться добела, малышка. Держись и смотри, не потеряй свои отравленные дротики.

— Да, кстати, о них, Ящик... Я...

Хоури шнырнуло в сторону, когда трое нью-комузо промаршировали мимо нее в своих, похожих на баскетбольные корзины, плетеных шлемах. Шакухачи — бамбуковые флейты — рассекали воздух перед ними, подобно тростям марионеток. Испуганная стая обезьянок-капуцинов рассеялась и попряталась в тени.

— Я хочу сказать, — продолжала она, — что, если я подстрелю кого-нибудь постороннего?

— Ничего страшного, — отозвался Нг. — Этот яд намертво привязан к биохимии Тараши. Любой другой получит от твоего выстрела лишь довольно неприятную сквозную рану.

— А если это будет клон Тараши?

— Ты полагаешь такой вариант возможным?

— Просто спрашиваю. — Ей показалось странным, что Ящик внезапно так всполошился.

— Во всяком случае, если у Тараши есть клоны и мы одного из них по ошибке пристрелим, то это будет их проблемой, а не нашей. Все это записано в контракте. Как-нибудь почитай его на досуге.

— Только в том случае, если меня заест тоска, — ответила Хоури. — Тогда, может, и решусь попробовать.

И замерла, так как все вокруг внезапно изменилось. Нг смолк, вместо его голоса возникла четкая пульсация. Пульсация не была чрезмерно громкой, но было в ней что-то зловещее, что-то вроде эхолокационных импульсов хищника. За последние полгода Хоури слышала эту пульсацию не меньше десятка раз, и каждый раз она означала, что Хоури приближается к цели. Значит, Тараши находится от нее на расстоянии не больше пятисот метров. Этот факт, соотнесенный со временем появления пульсации, говорил, что Тараши находится внутри Монумента.

С этого момента Игра становилась обычно всеобщим достоянием. Тараши это тоже было известно — такой же приборчик, как у нее, был имплантирован и ему в одной из тайных клиник Кроны. Он генерировал в мозгу Тараши сходные импульсы. По всему Чазм-Сити множество информационных сетей, специализирующихся на Игре Теней, уже посылают свои мобильные группы к тому месту, где готовится убийство. Счастливчики уже должны быть совсем радом.

По мере приближения Хоури к Монументу пульсация становилась напряженнее, но напряженность нарастала не быстро. Вероятно, Тараши находился где-то над ней, так что расстояние между ними менялось мало.

Нижняя часть постамента, на котором покоилось основание здания, была покрыта трещинами, образовавшимися в результате оползня, так как Монумент стоял вблизи Провала. В свое время в постаменте и ниже его находился торговый комплекс, но туда проникли подземные воды. Самые нижние уровни были затоплены, провалившиеся пешеходные дорожки и лестницы уходили в коричневую воду. Пирамида Монумента поднималась над затопленной площадью и основанием благодаря наличию еще одной, меньшей, перевернутой пирамиды, врезанной в материнские породы. Там и находился единственный вход в Монумент. Теперь, если ей удастся проникнуть в здание, Тараши мо-

жет считать себя стопроцентным мертвяком. Чтобы достичь этого, Хоури надо было перейти мостик, сооруженной над затопленной площадью, но тогда она будет хорошо видна засевшему внутри Монумента человеку. А любопытно бы узнать, о чем думает сейчас ее будущая жертва?

В своих снах Хоури нередко видела одно и то же: почти обезлюдевший город, где ее преследует неутомимый охотник. Но Тараши переживал это же наяву. Она вспомнила, что в ее снах охотник никогда не спешил, что и было главным источником ее страха. Она мчалась, спасая свою жизнь, она бежала на подгибающихся ватных ногах сквозь вязкий густой воздух, а охотник передвигался с медлительностью, порожденной спокойствием и мудростью.

Когда Хоури пересекла мост, пульсация стала более частой. Почва под ногами стала влажной и хлюпала. Временами пульсация прекращалась, потом возникала снова — доказательство того, что Тараши перемещается внутри Монумента. Теперь ему уже не уйти. Может, он рассчитывает завести ее на крышу Монумента? Но если он надеется воспользоваться там воздушным транспортом, то это будет нарушением контракта. А в гостиных Кроны это считается более постыдным, чем легкая смерть от пули охотника.

Она вошла в атриум внутри перевернутой пирамиды-подставки. Там было темно, и глазам пришлось привыкать к слабому освещению. Хоури достала из-под пальто ружье с отравленными пулями. На случай, если Тараши надеется бежать, проверила вестибюль. В том, что Тараши тут не оказалось, не было ничего удивительного. Атриум пуст. Видны отчетливые следы мародеров. Лупит по металлу дождь. Хоури внимательно всматривалась во множество запыленных, оббитых скульптур, свисающих на медных кабелях с потолка. Некоторые из них обрушились на мраморную террасу, острые металлические крылья птиц воткнулись в пол. Пыль, похожая на известь, покрывала их маховые перья.

Хоури подняла глаза к потолку.

— Тараши? — позвала она. — Ты слышишь меня? Я иду.

Ее немного удивляло то, что телевизионщики еще не появились. Это было странно. Конец охоты близок, а нет ни прячущихся по углам телеоператоров, ни толпы пьяных от предвкушения крови зевак, которые им всегда сопутствуют.

Тараши молчал, но она знала, что он где-то выше потолка. Хоури пересекла атриум, направляясь к винтовой лестнице, ведущей в помещение самого Монумента. Она поднималась быстро, высматривая какие-нибудь крупные предметы, которые можно было бы использовать, чтобы перекрыть Тараши возможность бегства. Тут ведь хватало разбитых произведений искусства и ломаной мебели. Хоури свалила их в кучу перед входом на лестницу. Это задержит Тараши не хуже, чем полная блокада выхода, а ей ничего другого и не надо.

К тому времени, когда она кончила свою работу, Хоури обливалась потом, а спина у нее занемела. Она взяла себя в руки и стала внимательно осматривать окрестности. Усилившаяся пульсация говорила, что Тараши совсем близко.

Верхняя часть Монумента была отведена индивидуальным погребениям Восьмидесяти. Эти маленькие мемориалы были установлены в углублениях, сделанных в величественных черных мраморных стенах, а стены поднимались к головокружительно высокому потолку, поддерживаемому колоннами со склоненными кариатидами. Стены с арками перекрывали обзор, и в любую сторону было видно только на несколько десятков метров. В треугольных потолках многих погребальных отсеков зияли дыры, и сквозь них в зал пробивался серый свет, тусклый и мрачный. Из самых больших дыр хлестала дождевая вода. Хоури заметила, что некоторые ниши пусты. По-видимому, гробницы или разграблены, или родственники усопших забрали их бренные останки, чтобы захоронить в более надежных местах. Из оставшихся могил две трети сохранились хорошо: изображения усопших, их биографии, их любимые вещи, расставленные в определенном порядке. Были и такие, где имелись голограммы статуй, а в двух случаях в открытых гробницах лежали набальзамированные тела, явно побывавшие в руках опытного таксидермиста, который заштопал самые страшные раны, нанесенные в процессе убийства.

Хоури хорошо сохранившиеся могилы не привлекали внимания Хоури, она осматривала лишь те, что подверглись налетам хулиганов. Тут было много всяких обломков. Полезными оказались и бюсты — их можно было легко передвигать, подсунув пальцы в прорези подставок. Она не стала аккуратно устанавливать их у входа на лестницу, а просто громоздила в кучу. Глаза у бюстов делались из драго-

ценных камней, но теперь почти все они были уже выковыряны. Большие статуи тащить было трудно, поэтому она смогла использовать лишь одну.

Вскоре баррикада была завершена. Ее основу составили головы бюстов. На их полных достоинства лицах никак не отражалось то, что она с ними сделала. Кучу окружали всякие мелкие предметы — вазы, библии, даже домашние роботы. Если Тараши начнет разбирать этот завал, она услышит и успеет прибежать раньше, чем он добьется своего. Убить его на этой куче голов — даже забавно: она так напоминает Голгофу.

Делая свое дело, Хоури одновременно прислушивалась к мерным шагам где-то за стенами.

— Тараши! — позвала она. — Не трудись. Отсюда нет исхода.

Его ответ прозвучал удивительно громко и уверенно.

— Ты ошибаешься, Ана. Исход будет — недаром же мы здесь.

Вот хреновина! Он не должен был знать ее имени!

— Исход в смерть?

Казалось, он забавляется.

— Что-то в этом духе.

Такую браваду в предчувствии неизбежного конца она встречала не впервые. Ане она нравилась.

— Хочешь, чтобы я тебя нашла?

— Что ж, раз уж ты столько протопала, то почему бы и нет?

— Понятно. Хочешь за свои деньги получить полное удовольствие? Твой контракт имеет столько всяких ограничений, что, должно быть, обошелся тебе в хорошую денежку.

— Ограничений? — Пульс, звучавший в ее голове, на мгновение прервался.

— Например, это оружие. И тот факт, что мы одни.

— Ах, — воскликнул Тараши, — вот это и в самом деле обошлось дорого. Но мне хотелось придать этому делу сугубо личный характер. Особенно когда оно подойдет к концу.

Хоури стало как-то не по себе. Еще никогда ей не приходилось так долго говорить со своими жертвами. Да и невозможно это было среди ревущей и жаждущей крови толпы.

Взяв наперевес винтовку с отравленными зарядами, она медленно пошла по проходу.

— А зачем пункт о сокрытии сведений от публики? — спросила она, не желая прерывать контакт.

— Мое достоинство. Я хочу сыграть в эту игру, но не хочу терять достоинство в ее ходе.

— Ты где-то очень близко.

— Да, очень.

— А ты боишься?

— Естественно. Только жизни, а не смерти. Мне понадобились месяцы, чтобы достичь такого состояния. — Его шаги смолкли. — Как тебе нравится это место, Ана?

— Думаю, его следовало бы содержать в лучшем порядке.

— Но выбрано оно хорошо, признайся?

Хоури свернула в другой проход. Ее цель стояла у одной из гробниц. Он выглядел спокойным — спокойнее статуй, которые наблюдали за их сближением. «Внутренний» дождь оставил темные пятна на его бордовой одежде, такой модной у обитателей Кроны. Прядь волос прилипла к влажному лбу. Выглядел он моложе, чем ее прошлые жертвы — то ли потому, что он действительно был моложе, то ли из-за богатства, которое давало доступ к самым дорогим приемам продления жизни. Она почему-то решила, что верно первое.

— Ты помнишь, зачем мы сюда пришли? — спросил он.

— Помню. Только не уверена, что мне это нравится.

— Не важно. Делай!

Один из лучей света, падавший из дыры в потолке, словно по волшебству упал на Тараши. Длилось это не больше секунды, но Хоури хватило времени, чтобы поднять винтовку, заряженную отравленными пулями.

Раздался выстрел.

— Отлично сработано, — сказал Тараши, и в его голосе не слышалось боли. Одной рукой он уперся в стену, чтобы не упасть, а другой дотянулся до «рыбки-меч», торчавшей у него из груди, и вырвал ее, как вырывают застрявший в одежде репейник. Острый дротик упал на пол, его конец поблескивал чем-то красным. Хоури подняла винтовку, но Тараши остановил ее, подняв окровавленную ладонь.

— Лишнего не надо, — сказал он. — Одного вполне достаточно.

Хоури казалось, что ее обязательно вырвет.

— Почему же ты не умер?

— Немного еще поживу. Если точнее, то несколько месяцев. Яд действует медленно. Так что времени для обдумывания вполне хватит.

— Для обдумывания чего?

Тараши провел по влажным волосам окровавленной рукой. Отер запачканные пылью и кровью ладони о брюки.

— Последую ли я за ней.

Пульсация в голове прекратилась. Ее внезапное исчезновение вызвало у Хоури сильное головокружение. Почти теряя сознание, она упала на пол. Контакт прервался, поняла она. Она снова победила. Впрочем, сам Тараши был еще жив.

— Это была моя мать, — сказал Тараши, указывая на ближайшее захоронение. Оно было из тех, за которыми хорошо присматривают. На алебастровом бюсте женщины не видно было даже пыли. Возможно, ее стер сам Тараши перед встречей с Хоури. Лицо не было повреждено, глаза из драгоценных камней сверкали. На аристократичных чертах ни выбоинки, ни плесени. — Надин Венг да Сильва Тараши.

— Что с ней случилось?

— Она, разумеется, умерла в процессе сканирования. Деструктивное напряжение было столь быстрым и сильным, что половина мозга еще функционировала, когда вторая была целиком оторвана.

— Мне жаль ее, хоть я и знаю, что она пошла на это добровольно.

— Не надо жалеть. Ей еще повезло. Тебе эта история известна, Ана?

— Я же нездешняя.

— Я что-то такое слышал... вроде ты была солдатом, а потом с тобой случилось что-то ужасное. Ладно, я тебе расскажу. Сканирование прошло успешно, ошибка оказалась в программе, которая должна была управлять хранением и использованием полученной информации. То есть позволять анимациям уровня альфа развиваться во времени, обогащать свою память, свои эмоции и так далее. Словом, пользоваться всем тем, что делает человека человеком. Программа работала хорошо до тех пор, пока не был сканирован последний из Восьмидесяти, что произошло ровно через год после сканирования самого первого. После этого в записях альфа стали развиваться странные патоло-

гии. Одни оказались безвозвратно погубленными, другие безнадежно зациклились.

— А ты сказал, ей повезло?

— Альфы некоторых из Восьмидесяти еще продолжали функционировать, — ответил Тараши. — Им удалось протянуть около полутора столетий. Даже Эпидемия их не коснулась — они успели уйти в защищенные компьютеры в теперешнем Ржавом Поясе. — Он помолчал. — Но там они оказались без всякого контакта с реальным миром и были обречены развиваться в невероятно сложном виртуальном.

— И твоя мать?..

— Предложила мне присоединиться к ней. Теперь технология сканирования куда выше. Она больше не убивает.

— Тогда в чем же дело?

— Но ведь это уже буду не я, верно? Просто копия. И моей матери это будет известно. В то время как сейчас... — Он потрогал пальцами крошечную ранку. — В то время как сейчас я умру в реальном мире, а та копия — все, что от меня останется. Времени на сканирование хватит — они успеют произвести его до того, как яд повредит нейронные структуры.

— А ты сам разве не мог сделать себе инъекцию?

— Это было бы быстро и отдавало бы клиникой. Ну, убил бы себя — и все тут. А когда я вовлек в это дело тебя, я оттянул решение и ввел в него момент неопределенности. Мог отказаться, сочтя жизнь более желанной, мог сопротивляться тебе, но могло случиться и так, что ты победишь.

— Русская рулетка обошлась бы тебе дешевле.

— Слишком быстро, слишком многое зависит от случая, да и настоящий стиль отсутствует. — Он сделал шаг вперед, протянул руку, взял ладонь Хоури и пожал ее так, будто заключал с ней какую-то важную сделку. — Спасибо, Ана.

— Спасибо?

Не отвечая, он пошел туда, откуда доносился шум. Груда бюстов рассыпалась с грохотом, на лестнице загремели шаги. Кобальтовая лампа разбилась на множество осколков под обломками баррикады. Хоури показалось, что она слышит шорох аэрокаров. Когда же появились люди, это были совсем не те лица, которые она ожидала увидеть. По одежде они мало походили на богачей Кроны. На троих пожилых мужчинах красовались пончо и широкополые фет-

ровые шляпы, а также толстые очки в черепаховых оправах. Над ними висели камеры-антигравы, выполнявшие все их приказания. За спинами мужчин виднелись два бронзовых паланкина. Один из них был маленький, вроде бы для ребенка. Человек в пышной курточке матадора держал в руке крошечную камеру. Две очень юные девушки держали зонтики с акварельными рисунками аистов и китайских иероглифов. Между ними стояла пожилая женщина с бесцветным лицом куклы-переростка — хрупким и почти безжизненным. Она, громко рыдая, рухнула на колени перед Тараши. Хоури никогда ее не видела, но почему-то решила, что это жена Тараши и что крошечные «рыбки-меч» отсекли ее от него.

Женщина посмотрела на Хоури своими серыми как дым глазами. Ее голос был лишен гнева.

— Надеюсь, вы дорого заплатите за это.

— Я просто выполняла работу, — ответила Хоури, но эти слова дались ей с трудом. Люди помогли Тараши добраться до лестницы. Она смотрела, как они спускаются и исчезают из поля ее зрения. Вот жена Тараши бросает ей горький последний взгляд. Вот раздается эхо их шагов по лестнице и по мраморной террасе. Еще минута, она останется одна.

Но тут сзади раздался шорох. Хоури резко повернулась, автоматически поднимая винтовку с новым патроном в стволе.

Между двумя надгробиями стоял паланкин.

— Ящик! — Она опустила винтовку. Все равно та сейчас не годилась, поскольку действие яда было жестко увязано с биохимией Тараши.

Но этот паланкин не принадлежал Ящику! На нем не было никаких рисунков, он был равномерно черен. Дверца паланкина отворилась — она никогда раньше не видела, чтобы такое происходило, — и оттуда вышел мужчина, безбоязненно шагнувший к ней. На нем была пышная курточка матадора, а вовсе не одежда герметиков, напуганных Эпидемией. В руке мужчина держал крошечную видеокамеру.

— О Ящике мы уже позаботились, — сказал он. — С настоящей минуты вы с ним никак больше не связаны.

— А вы кто такой?

Может, он связан с Тараши?

— Нет, я просто человек, которому хотелось узнать, действительно ли вы столь умелы, как это утверждали слухи. —

У мужчины был мягкий акцент, который явно не принадлежал ни местному уроженцу, ни выходцу из этой системы, ни даже жителю Края Неба. — И боюсь, слухи оказались правдивыми. На данный момент это означает, что у нас с вами будет общий наниматель.

Она подумала, не всадить ли ему дротик в глаз. Убить его это не убьет, а вот от нахальства, может, излечит.

— И кто же это?

— Мадемуазель.

— Отродясь о ней не слыхала!

Мужчина нацелил на Хоури объектив своей камеры. Камера вдруг раскрылась подобно драгоценному яичку Фаберже. Сотни крошечных элегантных лепестков цвета яшмы разошлись в новое положение. И Хоури поняла, что смотрит прямо в пистолетное дуло.

— Нет, но зато она слышала про вас.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кювье, Ресургем, год 2561-й

Он проснулся от криков.

Силвест потрогал стрелки часов, стоявших возле постели, на ощупь определяя время. До назначенной на сегодня встречи меньше часа. Шум за окном возник за несколько минут до того, как должен был сработать будильник. Любопытство заставило Силвеста откинуть простыни и прошлепать к высокому, забранному решеткой окну. По утрам он бывал полуслеп, пока искусственные глаза привыкали к новому освещению. Постельные принадлежности из грубого сурового полотна были разбросаны по всей комнате, будто ночью здесь поработал какой-то безумный художник-футурист.

Силвест отдернул занавеску на окне. Он был высокого роста, но из этого маленького окошка ничего не видел, во всяком случае, под таким углом. Вот встать бы на пачку книг, позаимствовав их на висящих полках, тогда другое дело. Но и тогда ничего интересного все равно не увидишь. Кювье построен внутри и вокруг единственного геодезического купола, большая часть которого занята шести- и семиэтажными домами-коробками, сооруженными еще в

первые месяцы существования экспедиции, когда заботились больше о прочности зданий, чем об их эстетической ценности. Здесь не было саморемонтирующихся систем, а необходимость мер, препятствующих разрушению домов, вызвала появление зданий, способных не только противостоять песчаным бурям, но и удерживать в своих стенах нужное атмосферное давление. Серые сооружения с маленькими окнами были связаны дорожками, по которым в обычное время двигались бы электромобили.

Только не сегодня.

Кэлвин дал ему глаза, которые могли увеличивать увиденное и даже его запоминать. Однако, чтобы пользоваться ими в этих целях, требовалась большая концентрация сил, как и для получения перевернутых изображений. Похожие на палочки фигурки, укороченные углом зрения, сейчас увеличились в размерах, превратились в отдельных людей, чем-то разгневанных. Они перестали быть аморфной массой, которую он видел сначала. Конечно, он и сейчас не различал выражений их лиц, он не мог бы узнать знакомых ему людей, но здорово научился распознавать по движениям настроение тех, кого он наблюдал. Основная часть толпы двигалась вдоль главной магистрали, таща плакаты с лозунгами и самодельные знамена. Если не считать забросанных грязью дверей и окон лавок, а также вырванных с корнями саженцев айвы, толпа не совершила особых разрушений, но демонстранты пока не удосужидись заметить, что в конце торговой улицы уже собирается отряд милиции Жирардо. Милиционеры только что высадились из фургона и сейчас занимались подгонкой своих пятнистых жилетов, добиваясь, чтобы они все стали одного успокоительно-желтого цвета.

Силвест с помощью губки и теплой воды умылся, затем тщательно подстриг бороду и завязал волосы в косичку. Оделся, натянул бархатную куртку и штаны, поверх которых надел кимоно с литографированными изображениями скелетов амарантян. Потом позавтракал — еда подавалась через небольшое окошечко сразу после побудки. Снова поглядел на часы. Скоро она придет. Убрал постель, и кровать превратилась в кушетку, покрытую морщинистой алой кожей.

Паскаль, как всегда, сопровождал охранник и два вооруженных робота. В комнату они не входили. Зато перед ней появлялось нечто, похожее на маленькое жужжащее

расплывшееся пятно. Более всего оно напоминало обозленную осу. Хотя пятно и выглядело довольно безобидно, но Силвест знал: рявкни только он в сторону своего биографа, и его лоб украсится еще одной дыркой в самом центре.

— Доброе утро, — сказала Паскаль.

— Не сказал бы, что оно такое уж доброе, — ответил Силвест, кивая на окно. — Честно говоря, не понимаю, как вам удалось сюда добраться.

Она села на стул с мягким бархатным сиденьем.

— У меня есть знакомые в органах безопасности. Это было не так уж и трудно, невзирая на комендантский час.

— Уже и до комендантского часа дошло?

Паскаль носила квадратную шапочку излюбленного Преобразователями алого цвета. Геометрически правильная линия черной челки подчеркивала белое, почти мраморное, лишенное эмоций лицо. Одежда ловко обнимала ее тело — полосатый черно-красный жакет и такие же брюки. При взгляде на нее почему-то возникали образы росы, морских коньков и летучих рыб, а также лиловых и розовых отблесков. Паскаль сидела, вытянув ноги вперед большими пальцами друг к другу. Верхняя часть тела наклонена в сторону тоже нагнувшегося Силвеста.

— Новые песни, доктор. Пожалуй, они вам пришлись бы по вкусу.

Так оно и было. Он сидел в тюрьме, расположенной в центре Кювье, уже почти десять лет. Новый режим, заменивший в результате переворота тот, который возглавлял он сам, стал таким же коррумпированным, как и прежний. Короче, он пошел по славному пути всех революционных правительств. Политическая стратификация общества осталась, но ее глубинная топология изменилась. Во времена Силвеста раскол был между теми, кто хотел изучать историю амарантян, и теми, кто хотел превратить Ресургем в подобие Земли — создать тут жизнестойкую, полноценную колонию, а не временный научный форпост. При этом даже Преобразователи — сторонники превращения Ресургема в некое подобие Земли — были готовы признать, что амарантяне в будущем могут стать объектом, достойным изучения. В нынешнее время политические фракции разделял лишь вопрос интенсивности процесса террафикации. Одни проповедовали его постепенность, так что он мог затянуться на целые столетия, а другие — молниеносность, скажем, создания пригодной для дыхания атмосферы, в связи с чем

обитателям пришлось бы на некоторое время вообще распрощаться с Ресургемом. Ясно было одно: осуществление даже самых скромных проектов должно навсегда похоронить многие тайны амарантян. Это, казалось, почти никого не тревожило, да и о желающих высказать другую точку зрения не было слышно. Ведь кроме немногочисленных научников, ожесточенных отсутствием средств, проблема амарантян никого не интересовала. За эти десять лет работы по истории мертвых инопланетян стали считаться уделом умственно отсталых.

Можно было ожидать, что дальше станет еще хуже.

Пять лет назад в систему Ресургема прилетел торговый корабль. Суперсветовик выключил свои двигатели и встал на орбиту планеты, превратившись для местного населения в новую яркую звезду на небе. Его капитан — Ремильо — предложил колонистам чудеса новых технологий: от товаров, производимых в неизвестных мирах, до вещей, которых колонисты не видывали со времен мятежа. Подобных закупок колония позволить себе не могла. Начались раздоры, кончавшиеся пролитием крови: это надо покупать или то? Машины или медикаменты? Пошли слухи о тайных сделках, о закупках оружия и запрещенных технологий. Хотя общий уровень жизни в колонии теперь был несколько выше, нежели при Силвесте (Паскаль причисляла сюда роботов и вживление датчиков), даже среди Преобразователей произошел раскол.

— Жирардо, должно быть, напуган, — сказал Силвест.

— Не знаю, — слишком быстро ответила Паскаль. — Мне важнее другое — наше время уходит.

— О чем вы хотели поговорить сегодня?

Паскаль бросила взгляд на портативный компьютер, лежавший у нее на коленях. За шесть миновавших столетий компьютеры принимали все возможные и невозможные формы, но эта — в виде тонкой дощечки и специального стилоса, которым по ней водили, так и не вышла из моды.

— Я хотела бы поговорить о том, что случилось с вашим отцом.

— Вы имеете в виду Восьмидесятников? Разве эта история не изучена в деталях, которых для ваших целей должно быть вполне достаточно?

— Вы правы. — Она дотронулась стилосом до темно-красных, почти кошенилевых губ. — Конечно, я сначала ознакомилась с источниками. По большей части я полу-

чила ответы на заданные вопросы. Есть лишь одна, не слишком значительная проблема, по которой у меня нет ясности.

— А именно?

Он прямо-таки преклонялся перед ней. То, как Паскаль ответила ему, ни единой ноткой голоса не выдав заинтересованности, не показав, что этой проблеме она придает особое значение, было высоким искусством. Она хотела успокоить его, усыпить его внимание.

— Вопрос касается сканирования вашего отца на альфа-уровне.

— Да?

— Я хотела бы знать, что случилось потом с этой записью.

Под слабым «внутренним» дождем мужчина с хитроумным пистолетом проводил Хоури к ожидавшему их кабельному такси. На машине не было номера, не было и других опознавательных знаков. Она была такой же незаметной, как и брошенный в Монументе паланкин.

— Входите...

— Одну минуту... — Как только Хоури открыла рот, мужчина упер ствол пистолета ей в позвоночник. Не больно, но твердо, не так чтобы ранить, а с целью напомнить — пистолет здесь. Эта деликатность показала ей, что мужчина — профессионал, и он не преминет воспользоваться пистолетом. Сделает это даже скорее, нежели какой-нибудь агрессивный болван. — Ладно, я готова. Но кто эта Мадемуазель? Она противница Игры Теней?

— Нет. Я вам уже сказал. Ваши рассуждения слишком банальны.

Ничего важного он ей не сообщит, это ясно. Уверенная, что ее следующий вопрос тоже останется без ответа, она все же спросила:

— А вы кто такой?

— Карлос Манукьян.

Ответ встревожил ее даже больше, чем его искусство в обращении с пистолетом. Он ответил слишком правдиво — это не был псевдоним. Стало ясно, что в лучшем случае он преступник, если можно говорить о преступности в этом городе, полном беззакония. И он намерен впоследствии ее убить.

Дверь машины с треском захлопнулась. Манукьян нажал кнопку на консоли, благодаря чему атмосфера Чазм-

Сити стала еще хуже — машина выбросила струю вонючего пара и, подпрыгнув, вцепилась в ближайший трос.

— И кто же вы такой, Манукьян?

— Я помогаю Мадемуазель. — Как будто этого и дебил не понял бы! — У нас особые отношения. С давних пор.

— А я ей зачем?

— Думаю, теперь это уже должно быть для вас ясно, — ответил Манукьян. Он все время держал пистолет направленным на нее, хотя глаза его время от времени переходили на навигационную консоль. — Есть один человек, и Мадемуазель хочет, чтобы вы его устранили.

— Именно этим я зарабатываю себе на жизнь.

— Вот именно. — Он улыбнулся. — Разница в том, что тот тип за это не уплатил.

Вряд ли есть нужда говорить, что идея написать биографию вовсе не принадлежала Силвесту. Инициатива исходила от человека, которого Силвест мог заподозрить в любезности меньше кого-либо другого. Случилось это шесть месяцев назад, во время одного из редких свиданий с главным виновником его заключения. Нильс Жирардо поднял этот вопрос как бы между прочим, упомянув, что он сам удивляется, почему никто до сих пор не взялся за это дело. В конце концов пятьдесят лет, проведенных на Ресургеме, это целая жизнь, и хотя эта жизнь имеет вот такой нескладный эпилог, она в определенной степени открывает перспективу, уходящую в годы Йеллоустона.

— Проблема, — сказал Жирардо, — в том, что ваши прежние биографии писались людьми, тесно связанными с той социальной средой, которую они изображали. Все они были либо рабами Кэла, либо вашими, а наша колония была столь замкнута, что не было точки, откуда виделась бы общая перспектива.

— Вы что же, считаете, что Ресургем перестал быть замкнутым?

— Хм... По-видимому, нет, не перестал, но мы сейчас имеем хотя бы преимущество взгляда издали — как во времени, так и в пространстве, что позволяет видеть вещи отчетливее. — Жирардо был приземистый, мускулистый человек с шапкой ярко-рыжих волос. — Признайтесь, Дэн, когда вы вспоминаете свою прежнюю жизнь на Йеллоустоне, вам ведь кажется, что все это случилось не с вами, а с кем-то другим, да и лет эдак сто назад?

Силвест хотел было презрительно расхохотаться, если бы — редкий случай — он не обнаружил, что полностью согласен с Жирардо. Это была неприятная минута — такое впечатление, что нарушены основные физические законы вселенной.

— До сих пор не пойму, — сказал Силвест, — почему вы поощряете это? — И кивнул на стража, который присутствовал при разговоре. — Или вы надеетесь что-то выгадать с помощью моей биографии?

Жирардо кивнул.

— Отчасти — от очень большой части, по правде говоря, — так и есть. Вы же понимаете, что Силвест — это все еще фигура, к которой люди весьма неравнодушны?

— Хотя большинство этих людей были бы рады, если бы меня повесили.

— Отчасти верно, но перед тем, как проводить вас на виселицу, они наверняка захотели бы пожать вам руку.

— И вы надеетесь чем-то поживиться от этого интереса?

Жирардо пожал плечами.

— Новый режим достаточно жестко регулирует ваше общение с миром. В наших руках оказались ваши записи и ваш архив. Этот факт дает нам возможность уже сейчас приступить к работе над биографией. У нас есть даже доступ к материалам йеллоустонского периода, о которых никто, кроме членов вашей семьи, не имеет представления. Конечно, в обращении с ними необходима особая деликатность, но не воспользоваться ими было бы глупо.

— Понятно. — Сейчас все стало ему кристально ясно. — Вы хотите все это использовать ради моей же дискредитации?

— Ну, если факты вас дискредитируют... — Жирардо оставил фразу висеть в воздухе.

— Когда вы меня сместили... вам этого было мало?

— Это было девять лет назад.

— И что?

— То, что люди начинают забывать. И тогда им следует слегка напомнить.

— Особенно если в воздухе пахнет желанием перемен?

Жирардо поморщился, как будто последнее замечание свидетельствовало о дурном вкусе собеседника.

— Можете, кстати, позабыть о Праведном Пути, особенно если рассчитываете, что они способны стать ваши-

ми спасителями. Они не остановятся перед тем, чтобы сунуть вас в еще более грязную каталажку.

— Ладно, — сказал устало Силвест. — А что я буду от этого иметь?

— А вы думаете, что вам что-то должно перепасть?

— Вообще-то да. Иначе зачем вам тут столько времени рассусоливать со мной?

— Да, ваше сотрудничество с нами может сослужить вам хорошую службу. Мы, как вы видите, могли бы работать и с теми материалами, которые захватили. Но ваш личный взгляд может оказаться очень полезным. Особенно в ряде сравнительно слабо освещенных эпизодов.

— Давайте не будем вилять. Вы хотите, чтобы я авторизовал топорную работу. Чтобы не только благословил эту грязь, но фактически помог бы вам уничтожить самого себя?

— Я мог бы облегчить ваше положение. — Жирардо обвел взглядом более чем скромную камеру, в которой содержали тогда Силвеста. — Посмотрите, какую свободу я предоставил Жанекину, чтоб он мог продолжать возиться со своими павлинами. И в вашем случае я мог бы стать весьма гибким, Дэн. Доступ к последним материалам по амарантянам, возможность общения с коллегами. Возможность публикации ваших взглядов. Может быть, даже отдельные экскурсии за пределы этого здания.

— Полевые работы?

— Пожалуй, я готов рассмотреть и этот вопрос. Словом, в таких вот примерно рамках. — Силвест вдруг отчетливо ощутил, что Жирардо с ним играет. — В общем, надо посмотреть, как пойдет дело. Биография уже пишется, но пройдет еще несколько месяцев, пока нам понадобится ваш вклад. Может, полгода. Я предлагаю подождать того времени, когда вы начнете давать нам то, что надо. Вы будете работать с автором биографии, и если ваши отношения с нею сложатся хорошо, если она сочтет их таковыми, тогда мы с вами можем продискуссировать вопрос об ограниченных полевых работах. Понимаете, дискуссия, а не обязательство...

— Что ж, попробую подогреть свой энтузиазм.

— Ладно, я с вами свяжусь. Хотите о чем-нибудь спросить, пока я тут?

— Только одно. Вы упомянули, что автор — женщина. Можно узнать, кто такая?

— Некто, чьи иллюзии вам еще предстоит поколебать, как мне кажется.

Вольева работала возле Тайника, погруженная в мысли о вооружении, когда сторожевая крыса мягко вскарабкалась ей на плечо и пропищала:

— Люди.

Эти крысы были особой принадлежностью «Ностальгии по Бесконечности». Вероятнее всего, они были уникальны и нигде больше на суперсветовиках не встречались. По уму они не слишком превосходили своих далеких диких предков, но были биохимически включены в командную матрицу корабля, а потому из мерзких вредителей превратились в необходимых членов экипажа. Каждая крыса обладала специализированными феромональными рецепторами и передатчиками, которые позволяли ей получать команды и передавать информацию кораблю. Питались они отбросами, ели практически любую органику, разве что она была прибита к полу гвоздями или еще шевелилась. Пища проходила первичную переработку в желудках крыс, а потом они бегали по кораблю и бросали помет в системы утилизации отходов. Некоторые крысы были снабжены крошечными коробочками, воспроизводившими голос и некоторое количество слов и фраз. Эти приспособления работали, когда внешние стимулы соответствовали состоянию биохимически запрограммированных условий.

Вольева своих крыс запрограммировала так, чтобы они известили ее, когда начнут потреблять человеческие отходы — омертвелую кожу и прочее, исходящие не от нее, а от других членов команды. Таким образом Вольева должна была узнать о пробуждении членов команды, даже если они оказывались в самых отдаленных отсеках корабля.

— Люди, — опять пискнула крыса.

— Да слышала я еще в первый раз! — Она спустила крысу на пол, а потом начала ругаться последними словами на всех известных ей языках.

Защитное приспособление — «Оса», сопровождавшее Паскаль, зажужжало еще громче и угрожающе приблизилось к Силвесту, ощутив в его голосе нотки нервного напряжения.

— Хотите узнать о Восьмидесяти? Ладно, расскажу. Я ни о ком из них ни капельки не сожалею. Все они знали о

риске. А волонтеров было семьдесят девять, а не восемьдесят. Люди обычно забывают, что восьмидесятым был мой отец.

— Вряд ли их можно винить за это.

— Если глупость — явление наследственное, то не следует. — Силвест старался расслабиться. Это было трудно. В какой-то момент их разговора милиция начала распылять в воздухе под куполом газ, вызывающий появление чувства страха. Окрашенный в розовые тона день стал почти черным. — Знаете что? — спросил равнодушно он. — Правительство конфисковало у меня Кэла при аресте. Он вполне способен сам рассказать вам о своих действиях.

— Я вас о его действиях и не спрашиваю. — Паскаль сделала пометку в своем компьютере. — Я хочу узнать, что стало с его записью — его моделированием на уровне альфа. Потом, после. Каждая альфа-запись содержала десять в восемнадцатой степени битов информации, — говорила она, снова что-то обводя кружком. — В привезенных с Йеллоустона материалах полно лакун, но мне все же удалось кое-что установить. Я узнала, например, что шестьдесят шесть альфа-записей находились в орбитальных хранилищах информации, что вертятся вокруг Йеллоустона. Большинство из них погибли, но информацию специально никто не стирал. Еще десять оказались в поврежденных архивах на поверхности планеты. Остаются четыре. Трое из них принадлежат либо к бедным, либо к почти угасшим линиям семьи. Остается одна альфа-запись. Ваш отец.

— К чему вы ведете? — спросил Силвест, стараясь не выдать голосом глубокой личной заинтересованности.

— Не могу я принять на веру, что запись Кэлвина пропала без следа точно так, как пропадали другие. Не получается. Институту Силвеста не надо было полагаться на кредиторов или опекунов, чтобы защить свое наследство, — это была одна из самых богатых организаций к началу Эпидемии. Так что же стало с записью Кэлвина?

— Думаете, я привез ее на Ресургем?

— Нет. Есть доказательства, что запись утеряна намного раньше. Последнее точное свидетельство ее присутствия в системе имело место более чем за сто лет до отправления экспедиции на Ресургем.

— Скорее всего вы ошибаетесь. Проверьте ваши материалы повнимательнее, и вы увидите, что эта альфа-запись была помещена во внепланетный банк данных в конце

24-го года. Институт через тридцать лет переехал, и, вероятно, туда же была перенесена и запись. Затем, в 39-м или в 40-м годах Институт был атакован Домом Рейвичей. Все данные были стерты.

— Нет, — как отрезала Паскаль. — Все это я досконально проверила. Я знаю, что в 2390 году десять в восемнадцатой битов информации были перенесены Институтом Силвеста на орбиту, а через тридцать семь лет ровно такое же количество ее было изъято оттуда же. Эти биты — не обязательно Кэлвин. С таким же успехом это могут быть биты метафизической поэзии.

— Значит, это ничего не доказывает.

Она передала ему свой компьютер. Ее свита морских коньков и летучих рыбок разлетелась роем светлячков.

— Не доказывает. Но выглядит подозрительно. Почему альфа-запись исчезла примерно в то же время, когда вы отправились встречаться со Странниками? Можно ли считать эти явления связанными?

— Вы хотите сказать, что я замешан в этом деле?

— Данные о перемещениях записи могли быть подделаны только кем-то, кто работал в организации Силвеста. Вы — очевидный подозреваемый.

— Правда, мотива не хватает.

— Это пусть вас не беспокоит, — отозвалась Паскаль, возвращая компьютер к себе на колени. — Один мотив я точно смогу найти.

Прошло три дня после сообщения сторожевой крысы о начале пробуждения экипажа, и Вольева решила, что уже достаточно подготовлена к встрече с товарищами. Как и всегда, она не особенно стремилась к этой встрече, хотя трудностей в общении с людьми не ощущала, как, впрочем, легко адаптировалась и к одиночеству. Правда, теперь ситуация была хуже. Нагорный мертв. И все об этом уже знают.

Если не считать крыс и вычесть Нагорного, то команда корабля состояла из шести человек. Нет, из пяти — если без Капитана. Да и зачем его включать, раз — как считают все остальные члены команды — он не приходит в сознание, не говоря уж о вступлении в разговоры. Они его возят с собой только потому, что не теряют надежды вылечить. Центром власти на корабле сейчас является Триумвират, куда входят Ююджи Саджаки, Абдул Хегази и, разумеется,

она сама. Есть еще два человека одного ранга, но ниже Триумвирата — Кжарваль и Суджика. В самом низу списка стоял артиллерист по фамилии Нагорный. Теперь он мертв, и его место опустело.

Во время периодов активности члены команды обычно пребывали в определенных, строго очерченных районах корабля, оставляя всю остальную территорию Вольевой с ее машинами. По корабельному времени сейчас было утро. Здесь, на уровнях, отведенных для команды, освещенность строилась по принципу «день-ночь», и сутки соответственно составляли 24 часа. Сначала Вольева посетила помещение, предназначенное для «долгого сна» команды, и нашла его пустым. Все, кроме одной капсулы, были открыты. Та — закрытая — принадлежала Нагорному. Присоединив голову обратно, Вольева поместила тело в капсулу и охладила его. Потом повозилась с капсулой, чтобы та быстро вышла из строя и Нагорный разогрелся. Он был уже мертв к этому моменту, но определить это мог только профессиональный патологоанатом. Разумеется, никто из команды не собирался выполнять тщательный осмотр тела.

Она опять подумала о Суджике. У них с Нагорным одно время была связь. Суджику не следует недооценивать.

Вольева покинула помещение с криогенной установкой, потом побывала еще в нескольких местах, где можно было бы встретить проснувшихся членов команды, а затем оказалась в лесу, пробираясь сквозь чащу уже высохших растений, пока не добралась до места, где ультрафиолетовые лампы еще действовали. Она вышла к лужайке и стала спускаться вниз по скрипучей лесенке. Лужайка была идиллической, особенно сейчас, когда весь остальной лес практически погиб. Лучи золотистого солнечного света пронизывали густые кроны пальм. Вдали звенел водопад, снабжавший водой небольшой прудик с высокими берегами. С ветки на ветку перелетали попугаи и туканы. Иногда они начинали, сидя в гнездах, визгливую перекличку.

Вольева скрипнула зубами, с ненавистью оглядывая эту искусственную красоту.

Четыре оставшихся в живых члена команды завтракали за длинным деревянным столом, заставленным тарелками с хлебом, вазами с фруктами, кусками мяса, сыра, горшочками апельсинового джема и фляжками горячего кофе. На другой стороне лужайки два голографических рыцаря делали все от них зависящее, чтобы зарубить друг друга.

— Доброе утро, — сказала Вольева, спускаясь с лестницы на травку, покрытую жемчужной росой. — Догадываюсь, что кофе вы мне не оставили.

Они подняли на нее глаза, кто-то даже повернулся на стуле, чтобы поздороваться. Она чутко наблюдала за их реакцией, пока они с тихим звоном откладывали в сторону вилки и ножи. Трое поздоровались. Суджика ничего не сказала. Голос подал только Саджаки.

— Рад снова увидеть тебя, Илиа. — Он взял со стола вазу с фруктами. — Хочешь грейпфрут?

— Спасибо. Пожалуй, не откажусь.

Вольева подошла к столу и взяла у Саджаки тарелку. На ломтиках грейпфрута блестел сахарный песок. Она умышленно села между женщинами — Суджикой и Кжарваль. Они обе были негроидного типа, с начисто обритой головой, если не считать огненных витых прядей, торчавших из макушки. Эти пряди очень много значили для Ультра — они соответствовали числу погружений в глубокий сон во время космических полетов или числу раз, когда их корабли достигали скорости света. Обе женщины присоединились к команде совсем недавно, после того, как их собственный корабль был захвачен «Ностальгией по Бесконечности». Ультра торговали своей верностью так же легко, как пресным льдом или информацией, которые у них играли роль твердой валюты. Обе были явными химерийками, хотя их трансформация была куда более скромной, нежели у Хегази. Руки Суджики ниже локтей переходили в богато гравированные тонкие бронзовые рукавицы, инкрустированные позолоченными окошечками, в которых непрерывно возникали голографические изображения. Бриллиантовые ногти сверкали ослепительно на кончиках невероятно тонких пальцев этих поддельных рук. Большая часть тела Кжарваль была органична, но глаза у нее были чисто кошачьи — с красным косо поставленным зрачком. На плоском носу не было настоящих ноздрей — всего лишь узкие жабровидные прорези, которые, казалось, говорили о ее способности жить в водной среде. Она не носила никакой одежды — просто вся, кроме глаз, ушей, ноздрей и рта, была затянута в гладкую — без единой складочки — кожу, сделанную из эбенового неопрена. Груди были лишены сосков. Пальцы изящны, но без ногтей, большие пальцы ног как бы едва намечены, точно скульптор, который ее делал, торопился перейти к новому объекту. Когда

Вольева села, Кжарваль взглянула на нее с безразличием, слишком подчернутым для искреннего.

— Как прекрасно, что ты опять с нами, — сказал Саджаки. — Ты тут работала, пока мы все дрыхли. Что-нибудь особенное было?

— Да так... То это, а то — то.

— Замечательно, — улыбнулся Саджаки. — То это, то — то. А скажи, между «тем» и «этим» ты ничего не заметила, что могло бы пролить свет на смерть Нагорного?

— А я-то все думаю, где Нагорный? Вот ты и ответил на мой вопрос.

— Но ты на мой не ответила.

Вольева занялась грейпфрутом.

— Последний раз, когда я его видела, он был жив. Не понимаю... Между прочим, отчего он умер?

— Капсула подогрела его слишком рано. Возникли нежелательные биохимические процессы. Вряд ли стоит входить в подробности.

— Во всяком случае, не за завтраком. — Очевидно, они его осматривали не очень внимательно. Если б они это сделали, то увидели бы следы ушибов, хотя она и постаралась их замаскировать. — Извини, — сказала она, бросив взгляд на Суджику. — Я вовсе не хотела показаться бессердечной.

— Конечно, нет, — сказал Саджаки, переламывая в пальцах корочку хлеба. Он твердо взглянул на Суджику своими близко посаженными косыми глазами. Будто смотрел на непослушную собаку. Татуировка, нанесенная в те дни, когда он обманным путем проник в ряды пиратов с Жировика, почти сошла, оставив светлые полоски там, где, несмотря на патентованные средства, которые он использовал в глубоком сне, она чуть-чуть просматривалась. Может быть, подумала Вольева, Саджаки сам распорядился, чтобы лекарства эти следы пребывания у пиратов оставили? И воспоминания о той богатой добыче, которую он получил? — Я уверен, что нам следует снять с Илиа всякую ответственность за то, что произошло с Нагорным. Так, Суджика?

— А почему я должна винить ее за несчастный случай? — спросила Суджика.

— Ты совершенно права. На этом и покончим.

— Не совсем, — сказала Вольева. — Может, сейчас и не лучшее время для этого, но... — Она замялась. — Дело в

том, что мне надо вынуть у него из головы свои датчики. Хотя они почти наверняка окажутся испорченными.

— А новые ты сумеешь изготовить?

— Если хватит времени, то — да. — Она вздохнула и сказала с сожалением: — Мне понадобится новый кандидат.

— Может, найдешь кого-нибудь, пока мы будем крутиться у Йеллоустона? — предложил Хегази.

Голограммы рыцарей все еще носились по лужайке, но никто не обращал на них внимания.

Холодный воздух в доме Мадемуазель показался Хоури самым чистым, которым ей пришлось дышать со времени своего прибытия на Йеллоустон. Но сказать так — значило не сказать ничего. Он был чист, но ему не хватало аромата. Скорее, он был обогащен запахами, которые она слышала в госпитальной палатке на Краю Неба: смесь йода, капусты и хлорки. В последний раз, когда видела Фазиля.

Кабельное авто Манукьяна протащило их через весь город, а потом сквозь частично затопленный подземный акведук. Они прибыли в огромную пещеру. Отсюда Манукьян провел Хоури к лифту, который поднимался с такой скоростью, что у нее заложило уши. Лифт доставил их в большой гулкий вестибюль. Возможно, это были проделки акустики, но Хоури показалось, что она находится в гигантском почти пустом мавзолее. Где-то в вышине, казалось, плыли зарешеченные окна, пропускавшие какой-то сумрачный, полуночный свет. Но поскольку было известно, что сейчас на улице еще в разгаре день, эффект это производило тревожный.

— Мадемуазель не любит дневного света, — сказал Манукьян, продолжавший ее сопровождать.

— Да быть того не может! — Глаза Хоури стали привыкать к освещению. Она уже могла различить какие-то крупные предметы в холле. — Вы-то, Манукьян, надо полагать, не из этих краев?

— Я думаю, у нас с вами есть кое-что общее.

— Вас тоже привела сюда ошибка чиновника?

— Не совсем, — ответил он. Хоури чувствовала, что Манукьян сейчас обдумывает, сколько он может ей сказать, ничем не рискуя. Это одна из его слабостей, подумала она. Для наемного убийцы, или кто он там есть, этот парень болтает слишком много. Пока они ехали че-

рез Чазм-Сити, он непрерывно хвастал своими приключениями в этом городе. Болтовня, которая, если бы она не исходила от такого хладнокровного типа с иностранным акцентом и хитрым пистолетом, не заслуживала бы внимания. Но с Манукьяном дело обстояло иначе — значительная часть его похвальбы могла оказаться правдой. — Нет, — сказал он. Его желание похвалиться явно одерживало верх над инстинктом осторожности. — Это не была ошибка чиновника в полном смысле этого слова. Но ошибка имела место — или вернее, несчастный случай.

Да, в холле было полно громоздких скульптур. Определить их истинный вид было очень трудно, но все они стояли на подставках. Длинные ноги подставок выходили из темных плинтусов. Одни фигуры напоминали огромные куски разбитой яичной скорлупы, другие — крупные обломки кораллов. Все они обладали металлическим блеском, мутный свет лишал их собственной окраски.

— Несчастный случай произошел с вами?

— Нет... Не со мной. С ней. С Мадемуазель. Тогда-то мы и встретились. Она была... Вообще-то мне бы не надо вам ничего этого рассказывать, Хоури. Если она узнает, то я труп. Прятать тела в Утробе проще простого. Знаете, что я там на днях обнаружил? Не поверите, но это был целый гребаный...

Манукьян продолжал хвалиться. Хоури удалось дотронуться до одной из фигур. Ощущалось, что она цельнометаллическая. Грани — острые. Они с Манукьяном походили на двух заядлых любителей искусства, попавших в музей в полуночный час. Казалось, скульптуры существуют в каком-то другом времени. Они чего-то выжидают, причем их терпение уже на исходе.

Странно, но она была рада присутствию Манукьяна.

— Это ее работы? — спросила она, прерывая поток речей Манукьяна.

— Возможно, — ответил он. — В этом случае можно сказать, что она пострадала из-за своего искусства. — Он остановился и тронул ее за плечо. — Хорошо. Видите эту лестницу?

— Наверное, вы хотите, чтобы я по ней поднялась?

— Вы быстро учитесь.

Едва заметно он коснулся ее спины стволом своего пистолета — просто напомнить, что ствол никуда не делся.

* * *

В иллюминаторе рядом с каютой мертвеца видны были ярко окрашенные оранжевые выбросы газа гигантской планеты. Ее затененный Южный полюс сверкал бурей полярного сияния. Сейчас корабль находился уже глубоко в системе Эпсилона Эридана, войдя в нее под небольшим углом к эклиптике. До Йеллоустона оставалось всего несколько дней полета; корабль уже вошел в зону местного транспорта, летающего в пределах световых минут и соединившего невидимой сетью все более или менее значительные обитаемые базы и космические корабли Системы. «Ностальгия по Бесконечности» стала меняться. Двигатели автоматически втянули в себя захватные поля, когда скорость корабля упала ниже той, при которой можно было идти на межзвездном водороде. Форма двигателей изменилась — широко раскрытая пасть приемника материи складывалась, как складываются лепестки цветов на закате солнца. Все-таки двигатель еще давал тягу, хотя источник реактивной массы и энергии для ее ускорения был одной из многих тайн технологии Конджойнеров. По-видимому, в этом режиме двигатели могли работать лишь ограниченное время, иначе не было бы нужды в межзвездном полете тралить космос в поисках горючего.

Мысли Вольевой разбегались, согласные заниматься чем угодно, только не тем, чем было надо.

— Я думаю, она может причинить нам неприятности, — сказала Вольева. — И серьезные.

— Если я в ней разбираюсь, то нет. — Триумвир Саджаки позволил себе слабо улыбнуться. — Суджика слишком хорошо меня знает. Она понимает, что если она посмеет выступить против члена Триумвирата, я не стану объявлять ей выговор. Даже выгонять ее с корабля, когда мы доберемся до Йеллоустона, не буду. Я ее просто убью.

— Ну, это, может быть, уж слишком. — Она говорила вяло и сама себя за это презирала. Что поделаешь, она и была сейчас вялой и слабой. — Дело не в том, что я ей не сочувствую. В конце концов лично против меня она ничего не имела, пока... пока не умер Нагорный. Если она станет выступать, может, ты на нее просто наложишь взыскание?

— Не имеет смысла, — ответил Саджаки. — Если она намерена как-то против тебя выступить, то не ограничится

мелкими пакостями. Если я просто укажу ей ее место, она найдет способ испортить тебе жизнь навсегда. Убить ее — единственный разумный выход. Удивляюсь, зачем ты пытаешься встать на ее точку зрения. Неужели не понимаешь, что кое-какие проблемы Нагорного могли перейти и к ней?

— Ты спрашиваешь, не считаю ли я ее психованной?

— Не имеет значения. Она не посмеет выступить против тебя — это я гарантирую. — Саджаки помолчал. — Ну, хватит об этом. Мне Нагорный надоел — слышать о нем не хочу.

— Я тебя вполне понимаю.

Этот разговор происходил несколько дней спустя после первой встречи Вольевой с командой. Теперь они стояли у дверей каюты погибшего, на палубе 821, собираясь войти. Помещение оставалось опечатанным с момента гибели Нагорного, а фактически даже дольше, если верить воспоминаниям Вольевой. Сама она сюда тоже не входила, чтобы не натолкнуться на что-нибудь, способное вызвать тяжелые воспоминания.

Она сказала в браслет:

— Снять меры безопасности, связанные с личными покоями артиллериста Бориса Нагорного. Приказ Вольевой.

Дверь отворилась, оттуда хлынул, похожий на сквозняк, поток холодного воздуха.

— Пошли их вперед, — сказал Саджаки.

Вооруженным роботам потребовалось всего несколько минут, чтобы обыскать каюту и установить, что никаких ловушек и опасностей тут нет. Конечно, это было маловероятно, так как Нагорный вряд ли планировал свою смерть в те времена, когда за ним охотилась Вольева. Правда, с такими, как он, осторожность никогда не может помешать. Вольева и Саджаки вошли, когда роботы зажгли свет в каюте.

Как и другие психопаты, с которыми Вольевой приходилось иметь дело, Нагорный чувствовал себя лучше в небольших помещениях. Его каюта была обставлена еще более примитивно, чем ее собственная. Здесь проявлялось стремление к высшей степени чистоты и простоты. Можно было подумать, что тут поработали полтергейсты, так сказать, с обратным знаком. Личные вещи Нагорного — их было на удивление мало — были тщательно уложены и спрятаны. Их не потревожили даже неожиданные рывки корабля, которыми Вольева убила Нагорного.

Саджаки сделал гримасу и поднес к носу рукав:

— Ну и вонища!

— Это борщ. Свекла. Мне кажется, Нагорный его обожал.

— Напомни мне, чтоб я не вздумал его попробовать.

Саджаки тщательно прикрыл дверь.

Воздух в каюте никак не мог согреться. Термометры указывали, что температура уже достигла комнатной, но каждая молекула воздуха будто несла на себе отпечаток месяцев ледяного холода. Ярко выраженная спартанская обстановка нисколько не содействовала созданию ощущения уюта. В сравнении с этим помещением даже каюта Вольевой казалась образцом комфорта и роскоши. И дело тут не в том, что Нагорный не хотел придать каюте какие-то личные черты. Совсем наоборот — он пытался это сделать, но по стандартам нормальных людей полностью провалился — результаты его усилий противоречили друг другу, а потому каюта выглядела еще мрачнее, чем если бы он оставил ее совсем пустой и голой.

А самым ужасным был гроб.

Этот вытянутый в длину ящик — единственная вещь в комнате, которая не была закреплена в тот момент, когда Вольева убивала Нагорного. Гроб не пострадал, но Вольева поняла, что раньше он стоял стоймя, доминируя в убранстве каюты и придавая ей какое-то пугающее величие. Гроб был огромен и, видимо, сработан из чугуна. Черный металл поглощал свет, подобно завесам Странников. Всю его поверхность покрывали барельефы, столь сложные, что одним взглядом проникнуть в их тайны было невозможно. Вольева рассматривала его в каком-то отупении. Меня хотят убедить, думала она, что Нагорный был способен на такое?

— Юуджи, — сказала она, — мне это совсем не по душе.

— Что ж, с тобой трудно не согласиться.

— Каким же надо быть безумцем, чтобы сделать свой собственный гроб!

— Законченным, надо полагать. Но гроб тут стоит, и, пожалуй, это единственное свидетельство, которое позволит нам заглянуть в глубину безумия Нагорного. Что ты скажешь об этих украшениях?

— Безусловно, это проекция его недуга, выражение его болезни. — Теперь, когда Саджаки успокоил ее, она была готова к действиям. — Я могла бы заняться изучением барельефов. Может, это пробудит какие-то мысли. — Она

взглянула на гроб и добавила: — Чтобы дважды не повторять одни и те же ошибки.

— Что ж, здравое рассуждение, — сказал Саджаки, наклоняясь к гробу. Он погладил затянутым в перчатку пальцем неровную поверхность, чем-то напоминавшую стиль рококо. — Нам повезло, что тебе не пришлось его убивать.

— Да, — сказала она, бросая на Саджаки недоверчивый взгляд. — Но что думаешь ты об украшениях, Ююджи-сан?

— Хотелось бы мне знать, кто или что такое Похититель Солнц, — сказал он, привлекая ее внимание к словам, вырезанных на гробе кириллицей. — Тебе это что-нибудь говорит? В контексте его психоза? Что это могло означать для Нагорного?

— Без понятия.

— Давай все же попытаемся. Я бы предположил, что в воображении Нагорного Похититель Солнц должен был предстать кем-то, с кем он имел дело ежедневно, и тут я вижу два наиболее вероятных варианта.

— Он или я! — сказала Вольева, зная, что Саджаки увести от темы не удастся. — Да, очевидно, это так. Но это нам мало поможет.

— Ты уверена, что он никогда не упоминал при тебе Похитителя Солнц?

— Уж такое я бы обязательно запомнила.

Вот это была чистая правда! И конечно, она помнила: ведь именно эти слова она написал на стене ее комнаты, написал своей собственной кровью. Ей такое выражение ничего не говорило, но это не означало, что она его никогда не слышала. По мере приближения крайне неприятного конца их не слишком долгих служебных отношений Нагорный почти ни о чем больше и не разговаривал. Его сны были заполнены Похитителем Солнц. Как и все параноики, он находил свидетельства злокачественной деятельности Похитителя в самых банальных случаях повседневной жизни. Если неожиданно гасла электрическая лампочка, если лифт завозил его не на тот этаж, во всем был виноват Похититель Солнц. Никогда — случайная порча, всегда — доказательство целенаправленных махинаций некоего существа, пребывающего за сценой, и это понимал только сам Нагорный. Вольевой хватало глупости просто не замечать очевидных признаков! Она надеялась, больше того, она почти молилась — насколько это было возможно для нее, — чтобы этот фантом рано или поздно вернулся туда,

где он возник — в подсознание Нагорного. Но Похититель Солнц ни на минуту не оставлял Нагорного в покое. И свидетельство этого — гроб, лежащий на полу.

Да... такое она бы запомнила.

— Уверен, что запомнила бы, — сказал Саджаки так, будто в его словах таился какой-то более глубокий смысл. Затем он снова обратился к барельефу. — Полагаю, нам первым делом надо снять с него копию. Она может помочь нам, но этот чертов эффект Брайля зрением воспринять трудно. Как ты думаешь, что это такое? — Он провел ладонью по радиальным линиям. — Птичье крыло? Солнечные лучи, льющиеся сверху? — Почему ему на ум пришло птичье крыло? И на каком это языке?

Вольева всматривалась, но общая запутанность изображений не давала возможности охватить всю картину целиком. Дело не в том, что ей не интересно. Вовсе не в том! Но она хотела бы заняться этим делом сама, лично, чтобы Саджаки не путался под ногами. Уж очень тут много свидетельств тех невероятных глубин, куда спустился ум Нагорного.

— Думаю, он заслуживает самого внимательного изучения, — сказала она осторожно. — Ты сказал «первым делом». А что ты собираешься делать, когда мы его скопируем?

— Я бы сказал, что ответ очевиден.

— Уничтожить проклятую штуковину, — сделала она вывод.

Саджаки усмехнулся.

— Или отдать его Суджике. Лично я — за уничтожение. Знаешь ли, гробы на кораблях — штука нежелательная. Особенно самодельные.

Лестница, похоже, вела на самое небо.

Через некоторое время — примерно ступенек через двести — Хоури потеряла им счет. Однако как раз тогда, когда ее коленки готовы были подогнуться, лестница внезапно кончилась и открылся длинный белый коридор, составленный чередой глубоко врезанных арок. У Хоури возникло ощущение, что она стоит в портике, освещенном лунным светом. Она пошла по коридору дальше, прислушиваясь к громкому эху собственных шагов, и наконец оказалась перед двустворчатыми дверями, которыми коридор кончался. Они были покрыты черной резьбой на каком-то орга-

ническом материале, обрамляющем слабо окрашенные стекла. Оттуда проникал голубоватый свет.

Видимо, она прибыла к цели.

Вполне возможно, однако, что это ловушка, что войти внутрь равносильно самоубийству. Но и повернуть обратно нельзя — Манукьян, несмотря на свой шарм, показал это достаточно недвусмысленно. Поэтому Хоури взялась за ручку и вошла. Что-то заставило ее сморщить нос. Это был очаровательный запах духов, который резко отличал воздух здесь от воздуха в других частях дома. От этого аромата у Хоури возникло чувство, будто она давно не мылась, хотя прошло лишь несколько часов с тех пор, как Нг ее разбудил и приказал идти убивать Тараши. Конечно, потом она набралась такого количества грязи, что запах собственного пота и страха теперь и за месяц не отмоешь.

— Я вижу, Манукьяну удалось доставить вас сюда в полном здравии? — произнес женский голос.

— Меня или его?

— Вас обоих, милочка, — сказал невидимый голос. — У вас обоих одинаково внушительные репутации.

За спиной Хоури щелкнула дверь. Она уже немного привыкла к обстановке, хотя это и было трудновато из-за странного розового освещения. Казалось, комната имела форму чаши с двумя окнами в виде глаз, пробитых в изогнутой стене.

— Милости прошу в мое обиталище, — сказал голос. — Пожалуйста, чувствуйте себя как дома.

Хоури подошла к закрытым окнам. По одну сторону от них стояли два кокона для глубокого сна, сверкая хромированной оболочкой. Один был запечатан и подключен, другой — открыт. Хризалиды готовы превратиться в бабочек.

— Где я?

Ставни распахнулись.

— Там, где вы были всегда.

Вид на Чазм-Сити. Но только с большей высоты, с которой она города еще не видела. Она была сейчас выше Москитной Сетки — метров на пятьдесят от ее грязной поверхности. Город лежал под этой сеткой как фантастическое колючее чудовище, сохраняемое в формалине. Хоури не понимала, где она. Может быть, в одном из тех высоченных зданий, которые она привыкла считать необитаемыми?

Мадемуазель сказала:

— Я называю его Шато де Карбо — Замок Воронья. Это за его черный цвет. Вы его видели.

— Чего вы от меня хотите? — спросила Хоури, обрывая эти объяснения.

— Хочу, чтобы вы выполнили для меня одну работу.

— Только и всего? Значит, вы привели меня сюда под дулом пистолета только для того, чтобы я выполнила для вас работу? Неужели этого нельзя было сделать, воспользовавшись обычными каналами?

— Это не та работа, о которой вы думаете.

Хоури кивнула на открытый кокон для долгого сна.

— А это каким-то боком входит в вашу игру?

— Только не надо говорить, что это вас пугает. Вы явились в наш мир вот в такой же штуке.

— Я просто спросила, что это значит.

— Все узнаете в свое время.

Хоури услышала за своей спиной слабое движение — звук был такой, будто открыли ящик картотеки.

В комнату въехал паланкин герметика. А может быть, он торчал тут с самого начала, прикрытый какой-нибудь скульптурой. Был он угловатый, без всякой отделки, с грубо сваренной черной поверхностью. Не было у него ни придатков, ни видимых сенсоров. Единственный монокль, вставленный в переднюю стенку паланкина, был темен точно глаз акулы.

— Вы, разумеется, знакомы с такими, как я, — сказал голос из паланкина. — Не надо бояться.

— Я не боюсь, — ответила Хоури.

Она лгала. В паланкине было что-то тревожное. Какое-то качество, с которым она еще не сталкивалась. Возможно, его суровость создавала ощущение, что ящик почти никогда не остается пустым. И почему-то ничтожно маленькие размеры смотрового окошка — казалось, что за ним обязательно прячется какое-то чудовище.

— Я сейчас не могу ответить на все ваши вопросы, — продолжала Мадемуазель. — Но ведь очевидно, что я не стала бы доставлять вас сюда только для того, чтобы продемонстрировать неудобства, которые я переношу. Вот! Может быть, это облегчит дело.

Рядом с паланкином возникла фигура, причем так неожиданно, что можно было подумать — ее породила сама комната.

Конечно, это была женщина. Молодая, но — парадокс! — одетая в такую одежду, какую никто тут не носил со времени Эпидемии. Она была в мерцающей мантии. Черные волосы зачесаны с гордого лба назад, их удерживала диадема, в которой горели огоньки. Вечернее платье цвета электрик обнажало плечи, грудь была открыта смелым декольте. Там, где платье касалось пола, бурлила тьма. Оно, казалось, уходило в никуда.

— Вот такой я была, — сказала женщина. — До прихода той мерзости.

— И вы не можете снова стать такой же?

— Риск несчастья, если я покину паланкин, слишком велик, даже если это произойдет в контролируемой среде обитания. Я этим средам не доверяю.

— Зачем вы доставили меня сюда?

— Разве Манукьян не объяснил вам всего?

— Он не объяснил ничего, кроме того, как мне будет плохо, если я не стану ему повиноваться.

— Как это неделикатно с его стороны! Но зато, следует признать, исключительно точно! — Улыбка чуть тронула бледные губы женщины. — Так какова же, по вашему мнению, причина, по которой мне захотелось увидеть вас?

Хоури понимала, что как бы ни развивались дальше события, она слишком много видела, чтобы спокойно вернуться к прежней жизни.

— Я — профессиональный убийца. Манукьян видел, как я работаю, и сказал, что моя репутация вполне заслуженна. Дальше... тут уж мне придется фантазировать... Мне кажется, что вы кого-то хотите убить?

— Отлично, — кивнула дама. — Но разве Манукьян не сказал вам, что это не будет походить на ваши обычные контракты?

— Он упомянул о существенных отличиях.

— И это вас не затруднит? — Мадемуазель внимательно приглядывалась к Хоури. — Это ведь интереснейший вопрос, не правда ли? Я слышала, что ваши обычные жертвы соглашаются быть убитыми еще до того, как вы выйдете на охоту. Они делают это, зная, что им не удастся — вполне вероятно — скрыться от вас и жить-поживать дальше, похваляясь своей смелостью. А вот когда вы их ловите... Я сомневаюсь, что они так же легко уходят из жизни.

Хоури вспомнила Тараши.

— Обычно нет. Они умоляют сохранить им жизнь, пытаются меня подкупить, улестить — в этом роде.

— И?

Хоури пожала плечами.

— Разумеется, я их убиваю.

— Ответ истинного профессионала. Вы были солдатом, Хоури?

— Одно время. — Ей сейчас не хотелось думать об этом. — Что вы знаете о моем прошлом и о том, что со мной случилось?

— Достаточно. Что ваш муж тоже был солдатом, что его звали Фазиль, что вы вместе с ним сражались на Краю Неба. Какая-то ошибка чиновников. Вы попали на корабль, направлявшийся к Йеллоустону. На ошибку не обратили внимания, пока вы не проснулись через двадцать лет. Слишком поздно, чтобы возвращаться на Край Неба, даже если бы оказалось, что ваш муж жив. Если бы вы туда вернулись, ваш муж был бы старше вас на сорок лет.

— Ну, тогда вы понимаете, почему я превратилась в наемного убийцу и почему у меня из-за этого не бывает бессонных ночей.

— Нет, я могу представить себе ваши чувства. Вы ничем не обязаны вселенной. И никому, кто в ней обитает.

Хоури сглотнула слюну.

— Но вам вовсе не нужен солдат, чтобы выполнить такую работу. Не знаю я, кого вы хотите прикончить, но мне известно множество людей, подготовленных гораздо лучше, чем я. Конечно, технически я приличный работник — «мажу» один раз из двадцати, но я знаю тех, кто «мажет» раз из пятидесяти.

— Вы удовлетворяете моим требованиям в другом. Мне нужен человек, который жаждет покинуть эту планету. — Женщина кивнула на открытый кокон для глубокого сна. — Говоря это, я подразумеваю очень долгое путешествие.

— За пределы этой системы?

— Да. — Ее тон был спокоен. Матерински спокоен, как будто она повторяла этот разговор уже множество раз. — Кстати, расстояние 20 световых лет. Именно на этом расстоянии находится Ресургем.

— Не могу сказать, чтобы слышала о нем.

— Если б вы слышали о нем, меня бы это неприятно удивило. — Мадемуазель вытянула левую руку, и в нескольких сантиметрах от ее ладони в воздухе повис крошечный

глобус. Этот мир был весь мрачного серого цвета, там не было ни океанов, ни рек, ни зелени. Только отблеск атмосферы, видимой, как низкая арка над горизонтом, да парочка грязно-белых ледяных шапок на полюсах говорили, что это не безвоздушная луна. — Его даже нельзя назвать новой колонией — такие планеты колониями не называются. Там есть лишь несколько крохотных исследовательских аванпостов, вот и все. До недавнего времени Ресургем не имел решительно никакого значения. Но потом все изменилось. — Мадемуазель, казалось, обдумывала, как много должна она рассказать на этой стадии. — Недавно туда кое-кто прибыл. Человек по имени Силвест.

— Имя, которое встречается довольно редко.

— Значит, вы знаете о роли, которую играет его клан на Йеллоустоне? Хорошо. Это облегчает дело. Вам будет легче найти его.

— Надо думать, что мне предстоит не только найти его?

— О да! — воскликнула Мадемуазель, схватила глобус и раздавила его в ладони. Из кулачка посыпалась пыль. — Гораздо, гораздо больше!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Новая Бразилия», Эпсилон Эридана, год 2546-й

Вольева покинула борт шаттла суперсветовика и проследовала за Триумвиром Хегази по выходному туннелю на искусственный спутник Йеллоустона — «Новую Бразилию». Миновав несколько герметичных переборок, они попали в помещение, где сила тяжести отсутствовала. Оно располагалось в «ступице» и представляло собой сферическую гостиную для транзитных пассажиров. Это было самое сердце «карусели».

Здесь можно было встретить представителей любой ветви человечества. Люди в одеждах всех цветов радуги плавали в воздухе гостиной, которая больше всего напоминала аквариум с экзотическими рыбками во время кормежки. Ультра, Пираты, Конджойнеры, Демаристы, каботажные торгаши, пассажиры межзвездных кораблей, вольные торговцы, механики — все они перемещались по, казалось, случайным траекториям, но при этом не сталкивались, хотя

от столкновения их нередко отделяли миллиметры. Некоторые, которым позволяло это строение тела, обладали подшитыми под рукавами перепончатыми крыльями. У других крылья были укреплены прямо на обнаженном теле. Те же, кто не обладал столь авантюрным складом характера, ограничивались крошечными ракетными ранцами, которые уносили их в нужном направлении, а другие передвигались на буксире миниатюрных тягачей. Личные слуги-роботы тащили багаж, а разодетые в ливреи крылатые обезьянки-капуцины шныряли между людьми, подбирая мусор и складывая его в сумки, расположенные под грудью. Воздух был насыщен китайской музыкой, которая непривычному уху Вольевой казалась завыванием ветра в каминных трубах, специально рассчитанным на создание наибольшего диссонанса. Йеллоустон, висящий в тысяче километров от «карусели», казался огромной грязно-желтой каплей, зловеще нависшей над всей этой суетой.

Вольева и Хегази добрались до дальнего конца этой транзитной сферы и через мембрану, специально созданную для пропуска людей, попали в таможенную зону. Здесь тоже не было силы тяжести. Закрепленное на стенах автоматическое оружие отслеживало каждого входящего. Центральная часть сферы была занята прозрачными «пузырями», имевшими диаметр около трех метров и открывавшимися по экватору. Почуяв новоприбывших, «пузыри» подплыли к ним, раскрылись и обволокли Вольеву и Хегази.

Внутри «пузыря» Вольевой висел небольшой робот в виде японского шлема-кобуто, снабженный сенсорными датчиками и считывающей аппаратурой, выступавшей из-под гребня. Вольева ощутила легкую щекотку, когда робот стал анализировать ее. В голове было такое ощущение, будто кто-то перекладывает там цветочки.

— Я чувствую привкус русских лингвистических структур, но определяю, что вашим привычным языком является современный норт. Достаточно ли его для выполнения необходимых формальностей?

— Сойдет, — ответила Вольева, не слишком довольная, что женский голос так легко определил русскую ржавчину, осевшую на ее норте.

— Тогда перехожу на норт. Кроме незначительных последствий глубокого сна я не нашла ни церебральных имплантатов, ни экзосомных нарушений. Нужно ли вам временное вживление для продолжения нашего интервью?

— Дай свое лицо на экран.

— Отлично.

Под краем шлема возникло лицо. Лицо женское, с незначительной монголоидной примесью. Волосы подрезаны коротко, как у Вольевой. Она решила, что чиновник, говорящий с Хегази, обязательно мужчина, усатый, темнокожий и явный химериец — словом, похож на Хегази.

— Назовите себя.

Вольева представилась.

— Последний раз посетили нашу Систему в... минуточку... — глаза женщины опустились, — восемьдесят пять лет назад. В 2461 году. Я не ошиблась?

Чувствуя, что она делает что-то не то, Вольева приблизила лицо к экрану.

— Конечно, ты права. Ты ведь запись, сделанная на уровне гамма. А теперь прекрати валять дурака и переходи к делу. Я веду торговые операции, и каждая лишняя секунда, на которую ты меня задержишь, — это лишняя секунда платы за стоянку возле той кучи собачьего дерьма, которую вы именуете планетой.

— Ваша грубость отмечена, — сказала женщина, будто делая запись в невидимом блокноте. — Для вашего сведения: многие архивы на Йеллоустоне весьма неполны по ряду разделов благодаря беспорядкам во времена Эпидемии. Когда я задаю вам вопросы, то делаю это еще и потому, что хочу проверить неподтвержденные записи. — Она немного помолчала. — Между прочим, моя фамилия — Вавилова. Я сижу с чашкой дрянного кофе и с последней сигаретой в офисе, где гуляют сквозняки, уже восьмой час из своей десятичасовой смены. Мой босс решит, что я спала, если я сегодня не заверну обратно десяток приезжих. Пока я нашла лишь пятерых. Через два часа я должна уйти, а мне еще предстоит выполнить эту квоту. Так что, пожалуйста, следите за своими нервами. — Она затянулась и выдохнула клуб дыма прямо в лицо Вольевой. — Так что, будем продолжать?

— Извините, я думала... — сказала Вольева, — ...разве у вас для такой работы не используются записи?

— Было такое счастливое время, — со вздохом произнесла Вавилова, — но с ними та беда, что они пропускают к нам слишком много всякой дряни.

Из таможенной сферы Вольева и Хегази на лифте величиной в дом спустились в одну из четырех спиц «карусе-

ли». Их вес нарастал, пока они достигли обода. Здесь сила тяжести равнялась йеллоустонской, каковая не слишком сильно отличалась от земной, принятой среди Ультра.

«Новая Бразилия» делала виток вокруг Йеллоустона за четыре часа по орбите, исключавшей попадание «карусели» в так называемый Пояс Ржавчины — кольцо обломков и мусора, возникшее после Эпидемии. «Карусель» имела десять километров в диаметре и одиннадцать сотен метров в ширину, причем основная жизнь сосредотачивалась в зоне «обода». Здесь были рассыпаны городки, крохотные деревушки и создан ландшафт типа бонсай с искусными перелесками, лазурными горами с ледяными шапками и врезанными между ними обрывистыми долинами. Все это должно было создавать иллюзию перспективы. Округлая крыша над вогнутой поверхностью колеса была прозрачной и поднималась на полкилометра вверх. По ее поверхности были уложены металлические рельсы, с которых свешивались искусственные облака. Форму облаков подбирал компьютер в соответствии с планируемыми погодными условиями. Облака содействовали и изменению перспективы в этом вогнутом мире. Вольевой они казались вполне реальными, но это потому, что настоящие облака она видела только сверху.

Из лифта Вольева и Хегази вышли на террасу, лежавшую над главным населенным пунктом «карусели» — Римтауном. Это была группа домов, расположенных между двумя обрывистыми склонами долины. Глазам было больно смотреть на этот разнобой архитектурных стилей, возникших благодаря чехарде арендаторов домов, сменивших друг друга за годы существования «карусели». На земле стояла очередь рикш, дожидавшихся пассажиров. Один из самых близких к началу очереди пил ананасный сок из банки, вставленной в специальный поддон, приваренный к оглобле повозки. Хегази протянул рикше бумажку, на которой был написан адрес — куда ехать. Рикша пробежал ее своими черными, близко посаженными глазами, затем пробурчал что-то, означавшее согласие. Вскоре они уже влились в поток электрических и педальных машин. Те старались обогнать друг друга, создавая невероятную сутолоку, а пешеходы вклинивались в каждый наметившийся просвет между машинами.

Почти половину людей на улице составляли Ультранавты. Их было легко отличить по бледности, худобе, ще-

гольскому увеличению некоторых частей тела, любви к черным оттенкам в кожаной одежде, квадратным километрам всяческих украшений и татуировок, а также профессиональным трофеям. Никто из попавшихся на глаза Вольевой Ультра не был истинным химерийцем, возможно, за исключением Хегази, который по своим размерам, вероятно, входил в пятерку самых крупных мужчин «карусели». Большинство носило прически по моде — густые косички или пряди, символизирующие число погружений в глубокий сон. Многие делали разрезы в одежде, чтобы стали видны протезы рук или ног. Вольевой пришлось себе напомнить о том, что и она принадлежит к этой субкультуре.

Ультранавты, конечно, не единственная категория людей, постоянно путешествующих в космосе. Пираты, например, составляли среди них достаточно заметную долю, насколько могла судить Илиа. Их бесспорно можно было считать жителями космоса, но в составы команд межзвездных кораблей они записывались редко, и внешне весьма отличались от похожих на привидений Ультра с их локончиками, косичками и старинными лексическими оборотами. Были и другие. Ледовые скитальцы, отколовшиеся от Пиратов, в психическом отношении были кондиционированы для перенесения одиночества, а потому чаще всего использовались для работы в поясах Куйпера, и отличались тем, что непоколебимо стояли друг за друга и ни с кем не смешивались. Жабраки — люди, измененные для пребывания в воде, — могли дышать растворенным в ней воздухом. Они работали в командах кораблей, ходивших на малые расстояния, но с большими перегрузками. Их было много в полицейских силах Системы. Некоторые Жабраки настолько отвыкли от обычного способа дыхания, что их, когда они не работали, перевозили в огромных роботизированных баках, предназначенных, вообще-то говоря, для перевозки рыбы.

Наконец, были еще Конджойнеры — потомки одной экспериментальной группы с Марса, которые систематически усиливали свои умственные способности, заменяя живые клетки механизмами, до тех пор, пока не произошло скачкообразное и странное изменение. В считанные годы они достигли совершенно непредставимого уровня мышления, но в процессе подобного преобразования им пришлось пережить страшную, хотя и короткую, войну. В толпе они сразу угадывались: недавно они с помощью био-

инженерии обзавелись большими и очень красивыми черепными гребнями с перфорацией, чтобы сбрасывать часть жара, генерируемого работающими в мозгу механизмами. В последнее время их стало меньше, но тем больше внимания они привлекали, когда появлялись. Были и другие фракции или расы людей — в частности, Демаристы, которые иногда причисляли себя к Конджойнерам, но все знали — только настоящие Конджойнеры умеют строить машины, дающие кораблям возможность идти со скоростью света.

— Подожди тут, — сказал Хегази. Рикша отъехал к тротуару, где на сложенной стопке столов для игры в карты и ма-джонг сидел старый седой человек. Хегази вложил рикше в ладонь плату и последовал за Вольевой по тротуару. Прямо к бару, который был им нужен.

— «Трюкач и Странник», — прочла Вольева надпись на вывеске. Голографическая вывеска изображала нагого мужчину, выходящего из моря. На заднем плане виднелись страшные, совершенно фантасмагорические существа, играющие в волнах прибоя. На мутном небе висел большой черный шар. — Что-то тут не то.

— Здесь собираются все Ультра. Привыкай.

— Ладно, намек поняла. Думаю, я ни в одном баре для Ультра не буду чувствовать себя хорошо, по определению.

— Ты нигде не будешь чувствовать себя хорошо, Илиа, если там не будет навигационных систем и уймы вонючего топлива.

— Что ж, на мой взгляд, вполне грамотное описание примет здравого смысла.

Из дверей на улицу вывалилась группа молодежи, воняя потом и тем, что Вольева приняла за пролитое пиво. Очевидно, они только что занимались армрестлингом: один держал протез руки, оторванный от плеча, другой пересчитывал толстую пачку денег, которую выиграл в баре. У всех были традиционные косички за долгий сон и обычные звездные татуировки, что заставило Вольеву почувствовать себя старой и завистливой. Она сомневалась, что проблемы ребят выходит за рамки того, где сегодня добыть выпивку и ночлег. Хегази бросил на них испытующий взгляд, и ребята, хотя притворялись настоящими химерийцами, несколько сдрейфили — ведь у него на лице не было ни единой детали, которая не была бы протезом.

— Пошли, — сказал он, продираясь сквозь толпу. — Улыбнись, и вперед, Илиа.

Внутри бара было темно и накурено, отчего в сочетании с музыкальными синкопами — на пульсацию ритмов Бурунди накладывались дикие человеческие вопли — и резким запахом духов и галлюциногенов, примешанных к табаку, просто захватывало дух. Вольевой потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Хегази указал ей на незанятый столик в углу, и она последовала за ним с полным отсутствием энтузиазма.

— Сядем здесь? — предложил он.

— Не думаю, что у нас такой уж богатый выбор. Мы должны выглядеть так, будто нам по меньшей мере хорошо вдвоем. Иначе люди заподозрят неладное.

Хегази покачал головой и осклабился:

— Наверняка мне в тебе что-то очень нравится, Илиа, иначе я бы тебя давно ухлопал.

Она села за столик.

— Только бы Саджаки не услышал твоих слов. Он не потерпит угроз со стороны одного Триумвира в адрес другого.

— Это не у меня проблемы с Саджаки — напоминаю на всякий случай. А теперь, что будем пить?

— Что угодно, лишь бы мой желудок это выдержал.

Хегази заказал выпивку. Его физиология пить не запрещала, и они стали ждать, пока линия доставки, проходившая под потолком, пришлет им стаканы.

— Тебя еще тревожит эта склока с Суджикой?

— Нет, — ответила Вольева, скрестив руки на груди. — С Суджикой я сама управлюсь. Кроме того, я вряд ли успею притронуться к ней хотя бы пальцем до того, как ее прикончит Саджаки.

— Он может предоставить тебе второй сбор урожая! — Прибыла выпивка в виде небольшого плексигласового облачка со съемной крышкой. Облачко свисало с небольшой тележки, бегавшей по рельсам, вмонтированным в потолок. — Я полагаю, Саджаки мог бы прикончить любого из нас, если бы дело дошло до этого.

— А ведь раньше ты ему верил? Что же заставило тебя изменить свои взгляды?

— Саджаки перестал быть собой с тех пор, как Капитан снова заболел.

Вольева оглянулась по сторонам, чтобы проверить, нет ли тут Саджаки. Ничто не может ему помешать оказаться здесь, даже рядом с ними. Хегази продолжал:

— До того, как это произошло, они оба побывали у Трюкачей. Ты об этом знала?

— Ты хочешь сказать, что Трюкачи что-то сделали с мозгом Саджаки? — Она вспомнила голого мужика, выходящего из волн океана Трюкачей. — Ведь они именно этим и занимаются, Хегази?

— Да, по́ просьбам желающих. Ты думаешь, Саджаки захотел стать еще свирепее?

— Не обязательно. Может быть — еще более целеустремленным. Эти дела с Капитаном... — Она покачала головой. — Символично.

— А ты говорила с Капитаном? — Этот вопрос она скорее прочла по губам, нежели расслышала.

— Нет. Я не думаю, что он знает, кого мы разыскиваем. Хотя все это очень скоро перестанет быть секретом.

— А твой личный поиск?

— Я же не ищу определенного человека. Мое единственное условие — он должен быть нормальнее Бориса Нагорного. Ну а отыскать такого, сам понимаешь, нет проблем. — Она позволила своему взгляду скользнуть по лицам алкашей, сидевших в зале. Хотя среди них не было явных психопатов, но зато не было и тех, кого смело можно было назвать совершенно нормальными. — Во всяком случае, я на это надеюсь.

Хегази закурил сигарету и предложил другую Вольевой. Она с благодарностью приняла ее, и минут пять они курили в полном молчании, пока сигарета не стала крохотным красным угольком, окруженным оранжевыми лепестками. Вольева подумала, что следует пополнить запас курева.

— А вообще-то мой поиск только начинается, — сказала она. — И действовать надлежит с осторожностью.

— Ты хочешь сказать, — произнес Хегази, усмехаясь с намеком, — что ты не собираешься сообщать людям о характере ожидающей их работы, пока не решишь, подходит ли тебе кандидат?

Вольева поперхнулась дымом.

— Разумеется, нет.

Окрашенный в лазурный цвет шаттл, в котором он сидел, должен был вскоре завершить полет. Ему предстояло лишь сделать прыжок от семейного поместья Силвестов до орбиты вокруг Йеллоустона. Силвесту удалось добиться своего с трудом. Кэлвин был крайне раздражен тем, что его

отпрыск имеет какие-то контакты с тем существом, которое сейчас находится в Институте. Как будто состояние разума этого существа могло заразить Силвеста в процессе таинственного симпатического резонанса. Как-никак, Силвесту уже двадцать один! Он имеет право выбирать тех, с кем хочет общаться! Да провались он, этот Кэлвин! Пусть выжжет свои нейроны в процессе того идиотства, в котором он завяз вместе со своими семьюдесятью девятью апостолами! Да и в любом случае нет у него права диктовать Силвесту, с кем ему водиться, а с кем — нет!

Он увидел перед собой огромное строение СИИС и подумал, каким нереальным это все кажется. Отрывочек из его биографии. Паскаль дала ему черновик и попросила прокомментировать. Вот он и переживает все наново, сидя в тюремной камере в Кювье, и одновременно, подобно призраку, скользит сквозь прошлое, выслеживая себя — такого еще юного! Воспоминания, давно похороненные, вдруг забили фонтанами, хотя их никто не будил. Биография все еще далека от завершения. Все еще есть возможность подходить к отдельным ее кускам с разных точек зрения и с различной степенью аналитичности в отношении внутренних связей. Это будет сложная серьезная вещь, достаточно детальная, чтобы какой-нибудь исследователь мог посвятить всю свою жизнь изучению какой-нибудь одного эпизода.

СИИС выглядел достаточно реально. Таким Силвест его и запомнил. Организационный центр Силвестовского Института Изучения Странников имел форму колеса. Эта постройка относилась еще к американскому периоду, хотя тут не было ни одного кубического нанометра, который не был бы многократно перепланирован за прошедшие столетия.

Ступица «колеса» представляла собой две серые полусферы, похожие на шляпки грибов, на которых виднелись впадины ангаров для причаливания шаттлов, а также амбразуры для весьма скромных оборонительных вооружений, разрешенных моралью Демаристов. Обод колеса был занят довольно беспорядочно размещенными жилыми модулями, лабораториями, офисами, которые соединялись сложной матрицей хитиновых полимерных труб для подачи питания, воды и так далее.

— Вот здорово! — произнес он.

— Вы в самом деле так думаете? — Голос Паскаль звучал издалека.

— Он тогда был точно таким, — сказал Силвест. — Вернее, таким он мне казался, когда я туда прилетел.

— Спасибо... Я... В общем, это было легко — самая простая часть. У нас были синьки СИИСа, а в Кювье оказались люди, которые даже знали вашего отца — например, Жанекин. Самое трудное началось потом. Не с чего было начать — только то, о чем вы рассказали тогда, вернувшись со спутника.

— Уверен, что вы с этим отлично справились.

— Что ж, сами увидите, и скорее рано, чем поздно.

Шаттл подошел к ангару. Охранники-роботы уже ожидали за шлюзом — проверили личность прибывшего.

— Кэлвин вряд ли будет обрадован, — сказал Грегори, управляющий спутником. — Но я полагаю, что отправлять тебя домой уже немного поздно.

Такие же разговоры имели место раза два-три за последний месяц, и Грегори, говоря о последствиях, каждый раз умывал руки. Теперь ему уже не надо было сопровождать Силвеста через все эти трубы-туннели к тому месту, где содержали Существо.

— Не стоит беспокоиться, Грегори. Если отец будет к вам приставать, скажите ему, что я приказал вам показать мне, что тут у вас и как.

Грегори высоко поднял брови, что означало насмешку и удивление.

— А разве не это ты делаешь в данную минуту, Дэн?

— Я просто стараюсь поддержать дружеские отношения.

— И совершенно напрасно, мальчуган. Всем нам было бы куда лучше, если бы ты прислушался к указаниям отца. При тоталитарном режиме по крайней мере знаешь, чего от тебя требуют.

Потребовалось целых двадцать минут блужданий по туннелям, ведущим к «ободу» колеса, чтобы миновать научные отделы, где группы мыслителей — людей и машин — безостановочно бились над главной загадкой Странников. Хотя СИИС установил свои базы мониторинга у всех ныне известных Завес, большая часть информации перерабатывалась и хранилась вот тут — возле Йеллоустона. Именно здесь создавались невероятной сложности теории, здесь они проверялись на фактах, которых было мало, но которые игнорировать было нельзя. Ни одна теория не протянула больше нескольких лет.

Место, где содержалось Существо, представляло собой хорошо охраняемую пристройку к ободу колеса. Кубатура была выделена щедро, хотя ничто не давало повода думать, будто получившее ее Существо может оценить этот дар. Это Существо — этого бывшего человека — звали Филипп Ласкаль.

Сейчас у него бывало сравнительно мало посетителей, а в первые дни после его возвращения от них не было отбоя. Интерес снизился сразу же, когда выяснилось, что Ласкаль не может сообщить своим инквизиторам не только ничего важного, но и неважного — тоже. Но, как вскоре выяснил Силвест, тот факт, что все перестали интересоваться Ласкалем, лично для него был весьма выгоден. Хотя редкие — раза два в месяц — приезды Силвеста, казалось, также были явно недостаточны, чтобы наладить какой-нибудь контакт между ним и тем Существом, которым стал Ласкаль.

Помещение, отведенное Ласкалю, представляло собой садик под искусственным темно-синим небом. Здесь даже дул ветерок, покачивая колокольчики, свисавшие с ветвей искривленных деревьев по краям садика.

Были в саду и дорожки, и каменные горки, и холмики, и шпалеры, и прудики с золотыми рыбками. Все это создавало своего рода лабиринт, и, чтобы обнаружить Ласкаля, нужно было затратить не менее минуты с хвостиком. Существо всегда пребывало в одном и том же состоянии: голым или полуголым и изрядно грязным, причем пальцы у него постоянно были измазаны во все цвета радуги мелками или пастелью. Силвеста обычно бросало в жар, когда он видел на вымощенной камнем дорожке рисунки Ласкаля. Это были или сложные симметричные узоры, или попытки подражания китайской или санскритской письменности, причем найти знакомые буквы или иероглифы было невозможно. Иногда то, что видел Силвест, чем-то напоминало символы математической логики или теории графов.

Затем, спустя какое-то время, Силвест сворачивал за угол и находил там Ласкаля, занятого или изображением новых рисунков, или тщательным стиранием старых. Его лицо было абсолютно неподвижно и крайне напряжено необходимостью концентрировать внимание на работе. Точно так же напрягались и мышцы тела. Иногда они казались одеревеневшими. И все это происходило в полной тиши-

не, нарушаемой лишь слабым позвякиваньим колокольчиков, шепотом воды и царапанием мелков по камню.

Силвест иногда часами ждал, чтобы Ласкаль хотя бы обратил внимание на его присутствие, что, впрочем, выражалось лишь в том, что он медленно поворачивал лицо в сторону Силвеста и тут же возвращался к своей работе. Но в это мгновение происходило и еще что-то: казалось, что оцепенение мышц слабеет, а на лице проступает призрак улыбки. То ли улыбка гордости, то ли усмешка, то ли что-то недоступное разуму Силвеста.

А потом Ласкаль снова возвращался к своим мелкам. И ничто не говорило, что он — человек — единственный человек — единственное разумное существо, — которое встретилось со Странниками и вернулось назад живым.

— В любом случае, — сказала Вольева, жадно гася выпивкой жажду, — я не думаю, что это будет просто, но и сомнений в том, что я отыщу волонтера, у меня тоже нет. Я уже дала объявление и указала наше следующее по плану место назначения. Что касается работы, там сказано лишь, что человек должен иметь вживленные датчики.

— Но ты же не возьмешь первого попавшегося?

— Конечно, нет. Хотя они и не будут об этом знать, но я отсею всех кандидатов, у которых нет военного опыта. Я вовсе не хочу, чтобы мой новобранец сломался при первом же намеке на опасность или чтобы он отказался подчиняться дисциплине. — Она уже начала расслабляться и постепенно избавлялась от воспоминаний о Нагорном. На маленькой сцене выступала девушка с золотым обручем, через который она прыгала, сопровождаемая бурей спиралевидно мечущихся лент. Музыка Вольеву не слишком интриговала, но было что-то математически завораживающее в этой музыке, что на какое-то время победило предвзятое мнение Вольевой. — Я уверена в успехе, — сказала она. — Проблемой может быть только Саджаки.

В это мгновение Хегази кивнул на дверь. Яркий дневной свет заставил Вольеву прищурить глаза. В дверях стоял человек, чья мощная фигура величественно рисовалась на фоне солнечного дня. Человек был одет в черное пальто, свисавшее ниже колен, и в шлем странной формы, который солнечный свет превратил в подобие нимба. Его профиль казался разрубленным по диагонали длинной полированной палкой, которую он сжимал обеими руками.

Комузо вступил во тьму зала. То, что выглядело деревянным мечом кендо, оказалось всего лишь бамбуковой шакухачи — традиционным музыкальным инструментом. С хорошо отработанной быстротой вошедший сунул флейту в футляр, который тут же скрылся среди складок плаща, затем с аристократической медлительностью снял свой плетеный шлем. Лицо комузо было видно плохо. Набриолиненные волосы, гладко зачесанные со лба, собирались сзади в серповидную косичку. Глаза скрыты за стеклами очков с выпуклыми стеклами. Такие носят наемные убийцы. Видимо, они были приспособлены для видения в инфракрасном свете, а потому зал с его мрачным красным освещением был виден ему хорошо.

Музыка резко оборвалась, девушка со своим обручем исчезла со сцены, как по мановению волшебной палочки.

— Они думают, это полицейский налет, — еле слышно выдохнул Хегази. В зале воцарилась такая тишина, что говорить громче было не нужно. — Местные копы иногда посылают вот таких наемников, чтобы не марать кровью свои пальчики.

Комузо обвел зал своими почти стрекозиными глазами и наконец нацелился ими на стол, за которым сидели Вольева и Хегази. Его голова двигалась как бы независимо от тела, как это бывает у некоторых видов сов. Сопровождаемый шелестом накидки, он направился к ним — казалось, плывет по полу, а не шагает. Хегази молча выдвинул ногой из-под стола третий табурет. Все это он проделал, продолжая спокойно попыхивать сигаретой.

— Рад видеть тебя, Саджаки.

Тот небрежно швырнул плетеный шлем на стол и одновременно стащил с себя свои стрекозиные очки. Опустившись на табурет, он тут же развернулся лицом к посетителям бара и сделал жест, будто что-то пил из стакана, — это означало, что он предлагает всем заниматься своими делами, тогда как они — втроем — будут заниматься своими. Постепенно шум разговоров возобновился, хотя никто не спускал глаз с их столика.

— Хотел бы я, чтобы наши обстоятельства заслуживали заздравного тоста, — сообщил Саджаки.

— А они не заслуживают? — спросил Хегази. Он выглядел настолько огорченным, насколько позволяло его протезированное лицо.

— Отнюдь, и это я могу утверждать с полной ответственностью. — Саджаки внимательно исследовал уже опустошенные стаканы, потом взял стакан Вольевой и опрокинул в рот последние капли, оставшиеся на дне. — Я тут пошпионил помаленьку, как вы можете догадаться по моему маскараду. Нет его в этой системе. И уже пятьдесят лет как нет.

— Пятьдесят? — Хегази присвистнул.

— Значит, след уже остыл, — сказала Вольева. Ее совсем не радовало, что она оказалась пророком, но она всегда считала, что такой риск существует. Саджаки отдал приказ вести суперсветовик к системе Йеллоустона. Он сделал это, исходя из самой надежной информации. Для того времени, конечно. Но это было десятки лет назад, а к тому времени, когда решение принималось, и сама информация могла устареть на десятки лет.

— Да, — ответил Саджаки. — Но не такой уж он холодный, этот след. Я знаю, куда он отправился, и нет причин, по которым он бы двинулся оттуда дальше.

— И где же это? — спросила Вольева, чувствуя, как в желудке возникает ощущение пустоты.

— Планета, которая называется Ресургем. — Саджаки поставил стакан Вольевой обратно на стол. — Довольно далеко отсюда. Боюсь, дорогие коллеги, что именно туда мы и направим свои стопы.

Он снова погрузился в свое прошлое.

На этот раз гораздо глубже — туда, где ему было двенадцать. Отрывки, которые ему показывала Паскаль, не были последовательными. Биография составлялась без строгого учета нужд линейного времени. Сначала это его дезориентировало, хотя он и был единственным человеком во вселенной, который не имел права путаться в собственной истории. Да и чувство недоумения вскоре уступило место пониманию того, что Паскаль поступила правильно, что только так и следует относиться к его прошлому — как разгадывают мозаику перемешанных событий, как относятся к акростиху, где перепутанные строчки дают право предполагать существование множества вариантов интерпретации.

Это был 2373 год — всего несколько десятилетий после того, как Бернсдоттир открыла первую Завесу. Вокруг этого таинственного явления сразу возник целый рой наук, а

также правительственных и частных исследовательских организаций. Силвестовский Институт Изучения Странников был только одним из многих подобных учреждений, но он оказался волею судеб и самым богатым и влиятельным, обладая поддержкой клана Силвестов. А потом наметился прорыв, но не благодаря плановым научным действиям этой организации, а благодаря случаю и бесспорному безумию одного-единственного человека.

Его звали Филипп Ласкаль.

Это был ученый из СИИС, работавший на одной из постоянных станций, сооруженных вокруг того, что сейчас называют Завесой Ласкаля, в системе Тау Кита. Кроме того, он был членом группы, которой следовало находиться в состоянии боевой готовности на случай, если возникнет необходимость послать людей за Завесу, хотя никто, разумеется, в такую возможность не верил. Но группа такая существовала, равно как и корабль, содержавшийся наготове, чтобы перенести ее сквозь оставшиеся до границы с Завесой пятьсот миллионов километров, буде такое приглашение со стороны Странников последует.

Ласкаль же решил не ждать.

В одиночку он проник на борт корабля СИИС и угнал его. К тому времени, когда кто-то понял, что происходит, он был уже слишком далеко, чтобы его можно было остановить. Конечно, деструктор, с помощью которого можно было взорвать корабль на расстоянии, существовал, но его применение Странники могли бы истолковать как акт агрессии, чем рисковать никто не хотел. Никто, разумеется, всерьез не ждал, что когда-нибудь снова увидит Ласкаля. И хотя тот все же вернулся, но сомневавшиеся были в известной степени правы, ибо большая часть разума Ласкаля осталась где-то в космическом пространстве.

Ласкаль и в самом деле подошел довольно близко к Завесе, когда неведомая сила схватила корабль и швырнула его обратно, возможно, не допустив его до поверхности Завесы всего лишь на несколько тысяч километров, хотя на таком расстоянии практически невозможно установить, где кончается космос, а где начинается Завеса. Никто, однако, не сомневался, что он подошел к границе ближе, чем кто-нибудь из людей, больше того — ближе, чем какое-либо живое существо.

Но и цену заплатил за это страшную.

Далеко не весь Ласкаль вернулся назад. Более того, сохранилась явно не лучшая его часть. В отличие от тех, кто раньше пытался проделать тот же фокус, тело Ласкаля не превратилось в кашу и не было разорвано на мельчайшие кусочки непостижимыми силами у Границы. Но нечто столь же бесповоротное случилось с его разумом. От его личности не осталось ничего, за исключением каких-то намеков, каких-то элементов, которые лишь подчеркивали потерю всего остального. Остались, например, те функции мозга, которые позволяли ему поддерживать свое существование без помощи машин, в какой-то степени остался контроль за действиями тела. И никаких проявлений разума. Нельзя было даже сказать, что Ласкаль реагирует на особенности среды, в которой обитает, не было указаний на то, что он помнит, что с ним произошло, что он ощущает движение времени, что он может усвоить нечто новое или вспомнить старое — то, что было до путешествия к Завесе. Он сохранил способность издавать членораздельные звуки, но хотя он произносил отдельные слова или даже обрывки фраз, смысла в них никакого не было.

Ласкаль — вернее, то, что от него осталось, — был возвращен в систему Йеллоустона, а затем помещен на спутник СИИС, где медицинские светила изо всех сил старались выстроить научную теорию, объясняющую, что с ним произошло. В конце концов они, скорее от отчаяния, нежели исходя из установленных фактов, предположили, что раздробленное, реструктурированное пространство-время вблизи Завесы было не в состоянии обеспечить существование той информационной плотности, каковая имела место в мозгу Ласкаля, а потому «разобрало» этот мозг на квантовом уровне, причем молекулярные процессы, идущие в теле Ласкаля, при этом практически не пострадали. Представьте себе текст, переведенный с такими ошибками, что он утратил смысл, который затем претерпел обратный перевод на язык оригинала.

И все же Ласкаль оказался не последним человеком, который рискнул пойти на столь самоубийственный поступок. Вокруг него сложился своеобразный культ, и приверженцы этого культа верили: несмотря на внешние признаки безумия, на самом деле Завеса даровала Ласкалю нечто вроде нирваны. Примерно раза два в десятилетие делались попытки пройти границу одной из ныне известных Завес, как пытался Ласкаль. Результаты были печальны,

никаких улучшений по сравнению со временем Ласкаля не произошло. Счастливчики возвращались полусумасшедшими, а неудачники либо вообще не возвращались, либо их корабли находили размолотыми, а их командиров размазанными по стенам в виде паштета из красной рыбы.

Культ Ласкаля продолжал процветать, а о нем самом почти забыли. Может, пускающая слюни и бормочущая бессмыслицу реальность стала слишком неподходящим объектом для подражания.

Но Силвест его не забыл. Больше того, в нем крепла навязчивая идея докопаться до окончательной истины, спрятанной где-то глубоко в этом человеке. Его семейные связи гарантировали ему встречи с Ласкалем в любое время, когда он того пожелает. Конечно, если он решит не обращать внимания на требования отца. Он стал навещать Ласкаля все чаще, соблюдая абсолютное спокойствие, пока тот занимался своими рисунками на асфальте дорожки. Силвест все еще надеялся увидеть в них ключ — ибо был убежден: рано или поздно этот ключ ему будет дарован.

И он получил... только нечто куда большее.

Теперь уже было трудно точно вспомнить, как долго ему пришлось ждать в тот день, когда он выиграл свой приз. Хоть он отдавал все силы ума тому, что делал Ласкаль, но усталость неуклонно давала о себе знать. Он был в положении человека, который часами вглядывается в длинную серию абстрактных картин. Как ни пытайся вернуть восприятию свежесть, оно все равно слабеет. Ласкаль уже приступил к шестому или седьмому изображению, причем работал все с тем же напряжением и вниманием к каждому своему штриху.

Затем, без всякого предупреждения, он повернул лицо к Силвесту и ясно произнес:

— Трюкачи предлагают ключ, доктор.

Силвест был слишком потрясен, чтобы прерывать его вопросом.

— Это было мне объяснено, — продолжал Ласкаль, — пока я пребывал в Пространстве Космического Откровения.

Силвест заставил себя как можно естественнее кивнуть. Какая-то часть его мозга сохраняла спокойствие и пыталась дать объяснения услышанному. Насколько он понимал, Ласкаль называл границу Завесы «Пространством», в котором ему было даровано «Откровение», слишком значительное для пересказа.

И тем не менее его язык, видимо, развязался.

— Было время, когда Странники путешествовали меж звезд, — говорил Ласкаль, — почти так, как это делаем мы, хотя они принадлежали к очень древнему виду и сновали между звездами уже миллионы лет. Знаете, они были иными, совсем чуждыми нам. — Он замолчал, чтобы заменить малиновый мелок на ярко-голубой. Он ни на минуту не переставал работать над своей мандалой*. Теперь Ласкаль зажал мелок пальцами ноги, а рукой стал рисовать что-то на другом, чистом краю дорожки. Изображенное им существо имело множество членов и щупальцев, носило броню, держалось вертикально и обладало весьма сомнительной симметрией тела. Оно мало походило на инопланетянина, путешествующего между звездами, а скорее напоминало чудовище, медленно ползущее по дну докембрийского океана. Чуждое и страшное.

— Это Странник? — спросил Силвест с дрожью отвращения в голосе. — Вы, значит, говорили с ними?

— Нет. Мне не удалось проникнуть сквозь Завесу, — ответил Ласкаль. — Но они со мной разговаривали. Возникали в моем мозгу. И многое поведали о своей истории и природе.

Силвест с трудом оторвал взгляд от кошмарного чудовища.

— А при чем тут Трюкачи?

— Трюкачи в нашей галактике живут уже давно, и их можно найти во многих мирах. Все, кто путешествует в этой части вселенной, рано или поздно столкнутся с ними. — Ласкаль постучал по своему рисунку. — Мы столкнулись, Странники — тоже, только гораздо раньше нас. Вы понимаете о чем я говорю, доктор?

— Да... — Ему и в самом деле казалось, что это так и есть. — Но не вижу, какова цель.

Ласкаль улыбнулся.

— Кто бы ни посещал Трюкачей, они обязательно его запоминают. Запоминают, так сказать, абсолютно, до последней клеточки его тела. До последнего синаптического соединения. Вот что такое Трюкачи. Огромная биологическая архивная система.

Это была правда, уже известная Силвесту. Конечно, люди знали еще очень мало о способностях Трюкачей, их

* Мандала — живописное, стилизованное изображение буддистского представления о вселенной.

функциях или их происхождении. Но с самого начала знакомства с ними стало ясно, что Трюкачи могут «сохранять» личности людей в своей океанской матрице, так что каждый, кто поплавал в океане Трюкачей — и попутно был «разобран» и «собран» заново, — получал нечто вроде бессмертия. Эти записи могли реализовываться по нескольку раз, могли быть наложены на мозг другого человека. Процесс, в общем, был грязноватый, чисто биологический, спрятанные записи могли контаминировать, они вступали в контакт с другими записями, так что одна запись влияла на другую. Уже в ранние годы изучения Трюкачей стало ясно, что их океаны хранят колоссальные запасы информации, что мысли инопланетян могут проникать в умы пловцов, но при этом, как правило, остаются непонятыми своими новыми владельцами.

— Итак, Трюкачи «запомнили» Странников, — подвел черту Силвест. — Но нам-то это чем поможет?

— Гораздо больше, чем кажется вам. Нам Странники кажутся страшными чудовищами, но базовая архитектура их умов в определенной степени сходна с нашей. Надо лишь игнорировать телесные различия. И наоборот, надо помнить, что они тоже общественные существа, что у них есть язык, причем тоже голосовой, что они своими органами чувств, как и мы, воспринимают окружающую среду. До известной степени человека можно обучить тому, как мыслят Странники, но при этом он сохранит свою человеческую сущность. — Ласкаль бросил внимательный взгляд на Силвеста. — Трюкачи вполне могли бы поместить нейронные структуры Странников в человеческий мозг.

Эта мысль завораживала. Достигнуть контакта не путем переговоров с инопланетянами, а как бы на время стать самим этими чужаками? Если, конечно, Ласкаль именно это имел в виду.

— И чем же это нам поможет?

— Это остановит Завесы и предотвратит наше собственное уничтожение.

— Не понял?

— Вы должны понять. Завеса — своеобразная защитная структура. Главное из того, что лежит за ней, — это даже не Странники, а технологии, которые слишком могучи и опасны, чтобы оставить их в чужих руках. Многие миллионы лет Странники прочесывали Галактику, разыскивая опасные технологии, оставшиеся после уже исчезнувших куль-

тур. Вещи, о которых я не могу и помыслить, не то что рассказать вам. Вещи, которые когда-то, возможно, и служили Добру, но которые сейчас могут быть использованы в качестве невероятно разрушительного оружия. Технологии и техника, которые должны использоваться лишь продвинутыми расами: манипулирование пространством-временем, передвижение со сверхсветовой скоростью, да мало ли что еще, чего ваш мозг воспринять не в состоянии.

Но Силвест не мог поверить, что дело именно в этом.

— Тогда Завеса... это что? Ящик с сокровищами, ключи к которым держат лишь самые продвинутые расы?

— Нет, нечто гораздо большее! Странники защищают себя от вторжения. Граница Завесы — это почти что живое существо. Она реагирует на умственную структуру тех, кто подходит к ней. Если эта структура не совпадает со структурой Странников... Завеса наносит удар. Она локально изменяет пространство-время, вызывая своеобразные искривления, чем-то напоминающие приливно-отливные течения. Эти искривления эквивалентны сильнейшим прыжкам гравитации, доктор. Вас разрывает в клочки. Но если мозг правильный... Завеса вас пропустит, направит куда надо, защитит в «кармане» спокойного пространства-времени.

Силвест понимал, что последствия этого открытия могут быть потрясающими. Думай, как Странник, и ты проникнешь сквозь Завесу. Куда? В сверкающее содержимое сундука с сокровищами! И если ты достаточно умен, чтобы открыть этот сундук, то разве ты не вправе присвоить его содержимое? Согласно Ласкалю, Странники взяли на себя роль галактического Хранителя, когда прятали эти неимоверные тайны технологии. Но разве мы просили их об этом? И в его мозгу тут же родился вопрос:

— А зачем им понадобилось сообщать вам все это, если то, что прячется за Завесой, следует прятать и защищать любой ценой?

— Я не уверен, что это было сделано умышленно. Барьер вокруг Завесы, возможно, дал сбой и не отреагировал на мою чуждость. На какое-то время. Может быть, он испортился, может, мое... гм... состояние ума ввело его в заблуждение. Но как только я начал проникать через границу, между Завесой и мной начался обмен информационными потоками. Таким образом я и узнал то, о чем рассказывал. О том, что находится за Завесой, о том, как можно обмануть ее защитные устройства. Этот фокус машинам не рас-

кусить, знаете ли... — Последняя фраза, казалось, не относилась ни к чему сказанному выше, отсюда и возникшая пауза, после которой Ласкаль продолжал: — Но вскоре Завеса, видимо, поняла, что я чужой. Она отторгла меня и выбросила назад в космос.

— А почему она просто не убила вас?

— Может, она все же не была полностью уверена в правильности своего решения. Это ведь Пространство Откровения, и я все время ощущал чье-то сомнение. Вокруг меня шли какие-то важные споры. Стремительные, быстрее мысли. Вероятно, в конце концов возобладала осторожность.

Еще вопрос. Тот самый, который Силвест хотел задать с той минуты, как Ласкаль открыл рот, чтобы заговорить.

— А почему вы так долго медлили со своим рассказом?

— Я должен извиниться за мои былые сомнения. Но сперва мне надо было переварить те знания, которые Странники вложили в мой мозг. Знания, которые были мне даны в их терминологии, а не в нашей.

Он замолчал. Все его внимание, казалось, поглощало меловое пятно, которое нарушало математическую точность его мандалы. Ласкаль лизнул палец и стер пятно.

— Впрочем, это было легче всего. Затем мне пришлось вспоминать, как общаются между собой люди. — Он поглядел на Силвеста настороженными глазами, на которые падала прядь нечесаных, как у неандертальца, волос. — Вы были ко мне добры, не то что другие. И терпеливы. Я решил, что эти сведения могут быть вам полезны.

Силвест внезапно остро ощутил, что открывшееся вдруг окошко нормальности может так же вдруг захлопнуться.

— А как мы уговорим Трюкачей произвести импринтинг разума Странников на наш мозг?

— Это просто. — Он кивнул на свой меловой рисунок. — Запомните вот эту фигуру и держите ее в памяти, когда будете плавать в океане.

— И все?

— Должно хватить. Присутствие этой фигуры в вашем мозгу будет для Трюкачей в некотором роде переводом того, что вам нужно. Конечно, желательно еще сделать им подарок. Такие важные вещи у них задарма не делаются.

— Подарок?

Силвест не понимал, какой подарок он может сделать существу, больше всего похожему на плавающий островок из морской травы и зеленых водорослей.

— Придумайте что-нибудь. Во всяком случае, это должно быть нечто, насыщенное информацией. Иначе вы станете им неинтересны. А вы не должны их утомлять. — Силвест хотел бы задать еще множество вопросов, но внимание Ласкаля снова обратилось к рисунку. — Вот и все, что я хотел сказать, — произнес он.

И оказалоєь, что это действительно все.

Ласкаль больше ничего не сказал ни Силвесту, ни кому-либо еще. А через месяц его нашли мертвым. Он утонул в прудике с золотыми рыбками.

— Эй! — сказала Хоури. — Тут есть кто-нибудь?

Она проснулась, и это все, что ей было известно. Проснулась не от какого-нибудь послеобеденного сна, а от чего-то гораздо более глубокого, долгого и почему-то холодного. Так пробуждаются после глубокой заморозки — почти наверняка, ведь подобные вещи не забываются, а ей один раз уже довелось проснуться там — на орбите вокруг Йеллоустона. Психологические и неврологические признаки были практически теми же. А вот кокона, в котором она тогда проснулась, сейчас и следа нет. Она лежала на кушетке и была полностью одета. Вероятно, кто-то перенес ее сюда, пока она еще не пришла в сознание. Но кто? И вообще — где она находится? Такое впечатление, что кто-то швырнул ей в голову ручную гранату, и память разнесло в куски. И все же место, где она лежала, о чем-то мучительно ей напоминало.

Чей-то холл? Что бы это ни было, оно заставлено удивительно безобразными скульптурами. Она или прошла мимо них несколько часов назад, или то были рецессивные фрагменты из ее детской памяти — ужасы из сказок нянюшки. Их скорченные, иззубренные, обгорелые формы громоздились над Хоури, отбрасывая тени, весьма похожие на сказочных демонов. Интуитивно, словно в дреме, она подумала, что эти фигуры должны как-то дополнять друг друга, что они именно это и делали в прошлом, но сейчас — разбитые и искореженные — они уже не могут выполнить свое предназначение.

Кто-то весьма неуверенно прошлепал по полу.

Хоури с трудом повернула голову, чтобы увидеть, кто к ней идет. Шея почти не повиновалась ей — будто сделана из крепкого дерева. Опыт подсказывал, что и все остальное

тело будет таким же окоченелым после долгого пребывания в холодном сне.

В нескольких шагах от ее ложа стоял мужчина. В лунном освещении комнаты черты его лица были почти не различимы, но что-то знакомое виделось ей в погруженном в сумрак тяжелом подбородке. Много, много лет назад она, должно быть, знала его.

— Это я, — сказал он каким-то влажным и флегматичным голосом. — Манукьян. Мадемуазель подумала, что вам после пробуждения будет приятно увидеть знакомое лицо.

Что-то это имя для нее значило. Только трудно сказать, что именно.

— Что случилось?

— Да ничего. Она сделала вам предложение, от которого вы не могли отказаться.

— И сколько я проспала?

— Двадцать два года, — ответил Манукьян и протянул ей руку. — Ну а теперь не пора ли нам пойти и поздороваться с Мадемуазель?

Силвест проснулся и увидел перед собой черную стену, проглотившую половину неба, — такую черную, что, казалось, она является отрицанием всего сущего, в том числе и себя самой. Он никогда раньше такого не видал и теперь понял, что обычная тьма, простирающаяся между звездами, совсем не такая, как эта, — она на самом деле светится, слабо люминесцирует. А в этой округлой запруде пустоты, которая именуется Завесой Ласкаля, не было ни звезд, ни каких-либо источников света, ни каких-то там фотонов, сорвавшихся с какой им заблагорассудится части электромагнитного спектра. Не было даже самого занюханного нейтрино, ни каких-либо других частиц — экзотических или совсем наоборот. И волн гравитации, и электростатических или магнитных полей тоже не было, как не было и шепота радиации Хокинга, который, согласно неким устарелым теориям о механизме Завесы, должен был просачиваться из ее Границы, отражая наличие температурной энтропии на поверхности.

Словом, ничего там не было. Единственная вещь, которую производила Завеса — во всяком случае, это было известно всем, — это полная невозможность прорваться через нее любой форме излучения. Да, и еще одно: она пре-

вращала в месиво любой объект, который имел наглость приблизиться к ее границе.

Силвеста разбудили от глубокого сна, и сейчас он пребывал в состоянии тошнотной дезориентации, которая всегда следовала за слишком быстрым пробуждением. Еще хорошо, что он был достаточно молод, чтобы справиться с этими последствиями. Его физиологический возраст равнялся тридцати трем годам, тогда как со дня его рождения прошло уже больше шестидесяти лет.

— Со мной... все в порядке? — Ему очень хотелось порасспросить врачей, сейчас занимавшихся проверкой и восстановлением его жизненных функций, но внимание его было приковано к черной пустоте за окном Станции. Как будто смотришь на угольный вариант снежной бури.

— Да вроде так, — отозвался врач, который стоял рядом и наблюдал за показаниями счетчика нейронов, отмечая появление каждой цифры мягким похлопыванием своего стилоса по нижней губе. — А вот у Вальдес явное помутнение. Значит, Лефевр теперь займет первое место. Как думаете, сможете вы с ней работать?

— Поздновато для сомнений, пожалуй?

— Шутка, Дэн. Ну а как память? Наличие амнезии после долгого сна — единственное, чего я еще не проверил.

Вопрос, казалось, дурацкий, но как только Силвест стал проверять свои воспоминания, выяснилось, что память работает замедленно, подобно документу, проходящему длинный путь у нерадивых администраторов.

— А Спиндрифт помните? — настаивал врач с ноткой тревоги в голосе. — Это очень важно, чтобы вы вспомнили про Спиндрифт...

Он помнил его, да, но в данную минуту никак не мог привязать его к другим своим воспоминаниям. А вот что он помнил прекрасно, чего не могли унести никакие волны времени, так это Йеллоустон. Он покинул его через двенадцать лет после истории с Восьмьдесятью, через двенадцать лет после физической смерти Кэлвина, через двенадцать лет после разговора с Филиппом Ласкалем, наконец, через двенадцать лет после того, как Ласкаль утопился, надо думать, выполнив свое предназначение.

Экспедиция была маленькая и достаточно хорошо технически оснащенная. Команда суперсветовика состояла в значительной степени из Химерийцев и Ультранавтов, которые редко нанимались служить вместе с людьми других

пород. Еще двадцать научников, преимущественно из СИИС, и четыре будущих контактера. Из последних на штурм Завесы пойдут только двое.

Цель экспедиции — Завеса Ласкаля, но сначала корабль должен был зайти на другую планету. Там Силвесту предстояло выполнить одно из указаний Ласкаля. Планета Трюкачей была жизненно важна для успеха экспедиции. Трюкачей следовало посетить в их собственном мире, а он находился в десяти световых годах от Завесы Ласкаля. Силвест не представлял себе, что их там ждет. Но совету Ласкаля он безоговорочно доверял. Не мог же этот человек нарушить свое долгое молчание просто ради желания пошутить!

Трюкачи вот уже больше столетия считались исключительно забавной новинкой. Они обитали в нескольких мирах, почти целиком занятых океанами. Сами Трюкачи представляли собой биохимическое сознание, охватывавшее практически весь океан. Оно состояло из триллионов симбиотических микроорганизмов, образовывавших нечто вроде «клумб» величиной с приличный остров. Все миры Трюкачей отличала тектоническая активность. Существовала гипотеза, что Трюкачи черпают энергию из гидротермальных скважин в океаническом дне и что тепловая энергия трансформируется в биоэлектрическую и передается в верхние слои океана по щупальцам органических сверхпроводников, свисающим вниз на многие километры холодной океанической темноты. Цель Трюкачей, если допустить, что таковая у них существовала, оставалась почти неизвестной. Ясно было, что они обладают способностью изменять биосферу миров, куда были занесены, действуя как единая, разумная масса фитопланктона, но никто не знал, является ли эта функция вторичной по отношению в другой, высшей. Было еще известно, хотя и слабо изучено, что Трюкачи обладают способностью хранить и передавать информацию, в этом случае выступая как единая всепланетная нейронная сеть. Информация хранится на многих уровнях, начиная от огромных переплетений щупальцев, болтающихся на поверхности, и кончая свободно плавающими в толще воды микроскопическими спиралями ДНК. Невозможно было определить, где кончается океан и где начинаются Трюкачи. Точно так же никто не знал, содержит ли планета несколько Трюкачей, или есть только одна индивидуальность, расчлененная территориально, ибо меж-

ду «островами» были перекинуты биологические мостики. Ясно было, что Трюкачи — живые хранители информации. Что-то вроде гигантских, насыщенных информацией губок. Все, что попадало в океан, тут же анализировалось миллиардами микроскопических щупальцев, частично растворялось ими, определялось в химическом и физическом смысле, а затем вся эта информация передавалась для хранения в биохимические банки информации всего океана. Как указывал Ласкаль, эта информация могла не только кодироваться и раскодироваться, но Трюкачи могли также накладывать ее на другие сознания. Предположительно такие перепечатки могли содержать информацию из менталитета других видов разумных существ, например Странников.

В течение многих десятилетий Трюкачей изучали исследовательские группы. Люди, купавшиеся в их океанах, входили в контакт с заражавшим их фитопланктоном, тем самым входя в контакт с Трюкачами, микроскопические щупальца которых проникали в кору головного мозга людей и устанавливали квазисинаптические связи между океаном и пловцами. Как говорили испытавшие это пловцы, такая связь была похожа на контакт с разумной водорослью. Сознание расширялось, оно охватывало весь океан, память уходила в древнейшие времена и почему-то зеленела. Границы восприятия делались гибче и шире, начинало казаться, что весь океан как бы анализирует тебя, что он самодостаточен. Человеческое сознание превращалось в зеркало сознания океана.

Почему-то некоторые пловцы вдруг обнаруживали у себя поразительную склонность к математике — впечатление было такое, что океан заметно усиливал их творческие способности. Некоторые уверяли, что эти способности даже на какое-то время сохраняются после выхода пловца из воды и возвращения на сушу или на орбиту. Им казалось, что в их головах произошли долгосрочные физические перемены.

В результате и возникли представления о способности Трюкачей трансформировать умственную деятельность людей. Длительные тренировки показали, что некоторые пловцы способны как бы выбирать разные формы такого преобразования. Врачи-невропатологи, работавшие на планетах Трюкачей, попытались зарегистрировать перемены, внесенные в мозг человека мозгом инопланетного проис-

хождения. Успех был частичный. Преобразования были очень тонкие, их можно было сравнить скорее с перенастройкой струн скрипки, нежели с ломкой старого инструмента и созданием нового из обломков. Да и сами изменения держались недолго — дни, в лучшем случае недели, но никогда больше года — а потом полностью исчезали.

Вот в таком состоянии были научные основы, когда экспедиция Силвеста достигла мира Трюкачей, который назывался Спиндрифт. Вот он и вспомнил его — океаны! Приливы и отливы! Вулканические цепи и постоянная, все заглушающая вонь морских водорослей. Все четыре будущих контактера заучили наизусть меловой рисунок Ласкаля. Что называется, назубок — могли бы изобразить его с закрытыми глазами. После нескольких месяцев тренировок они вошли в океан, крепко держа этот рисунок в памяти.

Трюкачи проникли в них, частично «разобрали» их мозг, а затем реконструировали его по собственным чертежам.

Когда четверо вышли из воды, то они были уверены, что Ласкаль — псих и лгун.

Никаких особенностей инопланетного происхождения они в себе не замечали. Никаких космических тайн не открыли. Когда их опросили, никто из них не признался, что ощущает себя каким-то «не таким». Никто не сообщил, что стал глубже понимать природу или внешность Странников. Зато неврологические тесты оказались более тонким орудием, нежели человеческая интуиция. Они зарегистрировали существенные изменения в менталитете — в масштабах, поддававшихся количественной оценке. Шло время, а контактеры демонстрировали все новые особенности состояния ума, некоторые из которых вообще-то свойственны людям, а вот другие совершенно им чужды. Что-то накапливалось в контактерах, хотя вряд ли кто-нибудь мог бы сказать, что эти изменения свойственны Странникам.

Как бы там ни было, а действовать надо было быстро.

Как только основные тесты были завершены, всех четырех положили в глубокую заморозку. Холод должен был как бы законсервировать наметившиеся изменения, вызванные Трюкачами, хотя они, безусловно, должны были начать блекнуть, как только контактеры проснутся, даже при условии лечения психотропными средствами.

Их держали во сне все время перелета к Завесе Ласкаля и еще несколько недель, пока исследовательский спутник совершал сложные маневры, намереваясь подойти к Заве-

се на три астрономических единицы — номинально безопасное расстояние. Разбудили контактеров перед самой отправкой к Завесе.

— Я помню, — сказал Силвест, — я помню Спиндрифт!

А затем наступила бесконечно растянувшаяся минута, когда медик, продолжая постукивать стилосом по нижней губе, внимательно разглядывал показания медицинских приборов. Наконец, он кивнул головой, что означало — Силвест испытания прошел!

— Знакомые места, а как здорово изменились! — сказал Манукьян.

Он был прав — Хоури видела это и сама. С большой высоты смотрела она вниз и никак не могла узнать Чазм-Сити. Не было больше Москитной Сетки. Город теперь был открыт стихиям, а его ничем не прикрытые башни смело поднимались в атмосферу Йеллоустона, забыв о том, как еще недавно они прятались под грязными драпировками куполов. Теперь Шато де Карбо — замок Мадемуазель — уже не входил в число самых высоких городских зданий. Поставленные на высокие колонны, чем-то неуловимо похожие на космические корабли, готовые к взлету, новые гигантские строения могучими клинками врезались в раскаленное ржавое небо. Одно из них — почему-то заставлявшее вспомнить акулий плавник, а может, острые лопатки сфинкса — смотрело на мир сотнями узких окон, и было украшено огромным математическим символом — эмблемой Конджойнеров. Как паруса белоснежных яхт реяли они над остатками трущоб, и их острые края резали на огромные ломти свежий ветер из-за гор. Только кое-где еще торчали обломанные зубы старой архитектуры — а на их верхних этажах доживали остатки Кроны. Старый город-лес падал под ударами лезвий отважных новостроек.

— Они чего-то выращивают в Провале, — продолжал Манукьян. — Аж в самой глуби. Почему-то кличут это «Лилией». — В голосе звучало застарелое отвращение. — Те, кто видел, говорят: похоже на колоссальный кусок шевелящихся вонючих потрохов. Вроде как бы божьих кишок. Их лепят прямо на стены Провала. Та пакость, которую отрыгивает Провал, — она, стало быть, ядовита, но когда она пройдет через лилиево нутро, так ею вроде бы и дышать можно.

— И все это за двадцать два года!

— Да! — Ответ пришел откуда-то сзади. По блестящей черной броне ставней прошло быстрое движение. Хоури удалось повернуться вовремя, и она увидела паланкин, который только что остановился. Его вид напомнил ей и о Мадемуазель, и о многом другом. Ей показалось, что между их последней встречей и нынешним появлением паланкина прошло не больше минуты.

— Благодарю вас, за то, что вы ее привели, Карлос.

— Теперь все?

— Думаю, да. — Ее голос рождал слабое эхо. — Времени у нас мало, знаете ли. Даже спустя столько даром прошедших лет. Я нашла корабль, на который нужен кто-то вроде Хоури, но он пробудет тут всего несколько дней, а потом уйдет из Системы. А ее надо еще натаскать, заставить выучить роль и свести с командой, пока возможность не упущена.

— А если я скажу — нет? — спросила Хоури.

— Но вы же не скажете, правда? Во всяком случае теперь, когда вы знаете, что я могу вам сделать? Вы же помните?

— Да уж, этого так просто не забудешь.

Она очень четко помнила, что именно ей показала Мадемуазель. В другом «коконе» для глубокого сна кто-то лежал. И этим «кем-то» был ее муж. Фазиль. Вопреки тому, что ей сказали когда-то, ее с ним никогда не разлучали. Их обоих доставили сюда с Края Неба. И чиновничья ошибка была совсем не та, о которой сказали Хоури. Ее просто обманули. Доказательства деятельности Мадемуазель были очевидны с самого начала. Недаром же Хоури так моментально получила место наемного убийцы в Игре Теней! Эта роль, как она теперь поняла, была нужна только для одного — для доказательства того, что она выполнит совсем другую задачу. Ну а заручиться ее согласием взяться за эту задачу было проще простого. Фазиль был в руках Мадемуазель. Если Хоури откажется сделать то, чего от нее требуют, мужа она больше не увидит.

— Я же знала, что у вас есть здравый смысл, — сказала Мадемуазель. — И вообще то, чего я от вас жду, не так уж тяжело, Хоури.

— А что там с тем кораблем, который вы нашли?

— Это торгаши, — сказал Манукьян очень спокойно. — Я сам когда-то был таким. Именно в этом качестве мне удалось спасти...

— Хватит, Карлос...

— Извините. — Он оглянулся на паланкин. — Я хотел только сказать одно: тут не угадаешь, насколько крутыми ребятами они могут оказаться.

То ли по случайности, то ли по причудам игры подсознания, но инженеры, строившие по заданию СИИС корабль для исследования Завесы, выбрали форму символа бесконечности. Он состоял из двух модулей, сходных по рисунку с мочкой уха, соединенных между собой «воротником». Модули были набиты аппаратурой жизнеобеспечения, сенсорикой и средствами коммуникации, а в «воротнике» находились двигатели и разнообразная исследовательская аппаратура. Каждый из исследователей должен был находиться в своем модуле, а в случае нештатной ситуации — например, ослабления импринтированных черт личности одного из экспериментаторов, — его модуль может быть отделен.

Включив реактивную тягу, корабль контактеров стал падать на Завесу, тогда как сама исследовательская станция отошла на безопасное расстояние — туда, где ее ждал суперсветовик. Повествование Паскаль заканчивалось тем, что контактный корабль стал быстро удаляться, уменьшаясь в размерах, пока не превратился лишь в лилово-синее пятно ракетного выхлопа с пульсирующими красным и зеленым бортовыми огнями. Вскоре они тоже исчезли. Все залила темнота, подобная расплывшейся кляксе черной блестящей туши.

Никто достоверно не знает, что произошло потом. В ходе дальнейших событий большая часть информации, собранной в полете Силвестом и Лефевр, была безвозвратно утеряна, включая и ту, которую они передавали на исследовательский спутник и суперсветовик. Не только на показания измерительных приборов, но даже на изложение последовательности событий положиться было нельзя. Все, что известно, известно со слов Силвеста. Но ведь и он, по собственному признанию, бывал близок к потере сознания и даже терял его на неизвестное время вблизи от Завесы. Так что его воспоминания трудно считать абсолютно точным источником.

Полученная информация сводилась к следующему.

Силвест и Лефевр подошли к Завесе ближе, чем кто бы то ни было из людей, включая и Ласкаля. Если то, что поведал Ласкаль, — правда, то трансформация их мозга об-

манула защиту Завесы. Эта защита направила их в относительно спокойный канал пространства-времени, тогда как вся остальная граница вокруг Завесы буквально кипела от невероятно сильных гравитационных перепадов. Никто даже теперь не может объяснить, как это случилось, каким образом механизмы глубокой защиты Завесы могли искривить пространство-время с такой безумной геометрической точностью, если его свертывание в миллионы раз более простое, потребовало бы затрат энергии больше, нежели ее заключено в массе покоя всей нашей галактики. Никто не понимает и того, как могло сознание проникнуть в пространство-время вблизи Завесы, да еще так, чтобы последняя могла распознать типы разумов, оценить их приемлемость для проникновения еще глубже, и при этом переработать и переформировать мысли и воспоминания этих разумов. Можно лишь постулировать наличие таинственной связи между процессами мышления и глубинными процессами в пространстве-времени. Возможно, одно влияет на другое. Силвест откопал где-то ссылку на антикварную теорию, умершую сотни лет назад, которая считала, что может существовать связь между квантовыми процессами в сознании и квантовыми же гравитационными механизмами, деформирующими пространство-время с помощью чего-то вроде искривления тензора Вейля. Впрочем, и теперь о сознании известно немногим больше. Безумных теорий вполне хватает. Хотя, может быть, вблизи от Завесы даже слабенькая связь такого рода между сознанием и пространством-временем может многократно усиливаться. В общем, Силвест и Лефевр мыслью пробивали себе дорогу через шторм, их переделанные Трюкачами умы успокаивали взбесившиеся силы гравитации, бушевавшие в нескольких метрах от тонких стенок корабля. Можно сказать, что они действовали как заклинатели змей, которые пробираются по дну глубокой шахты, полной шипящих кобр, и своей музыкой прокладывают среди них узкий коридор безопасности. Да, заклинатели в безопасности, но лишь до тех пор, пока музыка не теряет гармонии. Если это произойдет, змеи очнутся от своей навеянной гипнозом сонливости. Никто никогда не узнает, как близко подошли Силвест и Лефевр к Завесе, когда музыка начала сбиваться, а кобры гравитации опасно зашевелились.

Силвест утверждал, что саму границу они не перешли, и ссылался на визуальные наблюдения — больше полови-

ны видимого неба оставалось звездным. А та ничтожная часть информации, которая была спасена с исследовательского спутника, свидетельствует, что контактный корабль с двумя наблюдателями оказался внутри фрактальной пены, прилегающей к Завесе, то есть в пределах размазанной границы последней. Иначе говоря, в пределах того, что Ласкаль назвал Пространством Космического Откровения.

Лефевр почувствовала, когда это все началось. Испуганная, но с ледяным спокойствием, она поставила Силвеста в известность об изменении состояния ее трансформированного мозга. Этот мозг с нанесенными на него представлениями Странников стал очищаться, тонкая вуаль чужеродных мыслей и представлений, наложенная Трюкачами, начала сходить с него, оставляя чистую человеческую основу. Это было то, чего они боялись с самого начала, и молились, чтобы этого не произошло.

Они тут же известили о случившемся научную станцию, и там немедленно провели несколько тестов. Увы, положение оказалось критическим. Трансформация сходила на нет. Через несколько минут компонент Странников уйдет из мозга Лефевр, и она уже не сможет защищаться от кобр, мимо которых шла. Она забыла свою музыку.

И хотя надежда еще не оставила их, они стали готовиться к возможной катастрофе. Лефевр отстыковала свой модуль и включила двигатели, которые должны были отогнать его от модуля Силвеста. Ее трансформированное сознание стало нормальным. С помощью аудиовизуальной связи она известила Силвеста о том, что она ощущает, как нарастает сила гравитации, как сжимает и скручивает эта сила ее тело, как непредставимо...

Двигатели должны были унести ее модуль от обезумевшего пространства-времени вблизи Завесы, но Завеса слишком огромна, а модуль ничтожно мал. За несколько мгновений его тонкий корпус был искорежен, хотя Лефевр все еще продолжала существовать и даже могла пользоваться одним крошечным спокойным участком своего мозга. Только когда модуль лопнул, Силвест потерял с ней контакт. Воздух с ревом вырвался в пространство, но декомпрессия наступила не так быстро, чтобы заглушить нечеловеческий вопль Лефевр.

Она погибла, и Силвест это знал. Его трансформированный мозг все еще не давал змеям восстать на своего укротителя. Мужественно, в полном одиночестве, в таком полном, какого не знал ни один человек в Истории, Силвест продолжал идти на штурм Завесы.

Через какое-то время он очнулся в мертвой тишине своего модуля. Еще не придя окончательно в себя, он попытался связаться с научной станцией, которая была обязана ждать его возвращения. Ответа он не получил. И станция, и суперсветовик были безжизненны и практически разрушены. Могучий гравитационный спазм, стороной обойдя Силвеста, разорвал их на части, распорол, как немного раньше распорол модуль Лефевр. И команда корабля, включая всех Ультра, и научники станции — все они погибли. Остался один Силвест.

Зачем? Только для того, чтобы погибнуть медленно и тоскливо?

Силвест подвел свой модуль к тому, что осталось от станции и суперсветовика. Теперь его мысли были полностью свободны от Странников. Думать надо было о спасении.

Работая в одиночку, прозябая внутри изгрызенных обломков, Силвест целиком отдался изучению того, как заставить ремонтные системы суперсветовика приняться за работу. Гравитационный спазм Завесы превратил в пар и пыль тысячи тонн массы корабля, но теперь ему предстояло нести в себе лишь одного человека. Когда процесс ремонта все же начался, к Силвесту вернулась способность спать, хотя он и не мог поверить, что сумеет остаться в живых. В этих снах Силвест постепенно стал осознавать невероятную истину. Между тем моментом, когда умерла Карина Лефевр, и тем, когда он вновь обрел сознание, произошло что-то важное.

Что-то дотянулось до его мозга, что-то говорило с ним. Однако переданное ему послание было столь чужеродно, что Силвест не мог выразить его в человеческих понятиях.

Он вступил в Пространство Космического Откровения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Новая Бразилия», Йеллоустон, Эпсилон Эридана, год 2546-й

— Я в баре, — сказала Вольева в свой браслет, остановившись у дверей «Трюкача и Странника». Она уже начала жалеть, что назначила его местом встречи. Ведь она презирала это заведение почти столь же сильно, как презирала его завсегдатаев, но когда она договаривалась о встрече с

новым кандидатом, то как-то растерялась, и ей в голову не пришло ничего другого.

— А что, волонтер уже там? — Голос Саджаки.

— Нет. Разве что у нее бессонница. Если она придет вовремя и все у нас получится хорошо, то мы уйдем отсюда через час.

— Буду готов.

Расправив плечи, Вольева вошла в бар, мгновенно составив ментальные карты всех присутствующих. Воздух все еще был насыщен приторным запахом розовых духов. Девчонка, игравшая на тиконаксе, воспроизводила те же самые нервные движения. Тревожные, какие-то текучие звуки, зарождавшиеся в коре ее головного мозга, озвучивались инструментом, а затем модулировались легким прикосновением кончиков пальцев к разноцветным клавишам. Казалось, ее музыка с трудом взбирается по ступенькам высокой лестницы, а потом со звоном рушится вниз, разбиваясь на мелкие осколки терзающих нервы атональных пассажей. Иногда же звуки походили на то, как если бы львиный прайд царапал когтями передних лап ржавые металлические листы. Вольева слыхала, что для того, чтобы оценить подобную музыку, необходимо обладать специальным набором вживленных в мозг датчиков.

Она отыскала пустой стул у стойки бара и заказала порцию водки. В кармане у нее лежал шприц. Один его укол гарантировал возвращение состояния полной трезвости в тот момент, когда это могло потребоваться. Вольева уже приготовилась к тому, что этот вечер будет тянуться долго и что ей предстоит бесконечное ожидание волонтера, с которым назначена встреча. Обычно это вызывало у нее раздражение, но — к ее удивлению — сейчас она его не ощущала, оставаясь спокойной и внимательной, несмотря на своеобразное окружение. Возможно, потому, что атмосфера в баре была явно перенасыщена психотропными веществами, Вольева чувствовала себя лучше, нежели за все последние месяцы, хотя ей, как и всей команде, пришлось немало вкалывать, готовясь к перелету на Ресургем. Все же приятно иногда оказаться снова среди людей, даже таких, как завсегдатаи этого бара. Шло время, а она с интересом всматривалась в их оживленные лица, слушая разговоры, смысл которых до нее не доходил, лишь догадываясь о характере тех побасенок, какими обменивались эти профессиональные путешественники.

Какая-то девка затягивалась хукой, а потом выдыхала длинные струи дыма, похожие на выброс из дюз реактивного самолета. Она явно ждала, когда ее партнер доберется до самого пикантного места своей не слишком приличной истории, чтобы расхохотаться на весь бар. Лысый мужик с татуированным на лысине драконом во всю глотку похвалялся тем, как прошел через атмосферу газового гиганта с протухшим автопилотом, и как его измененный Трюкачами разум щелкал как орешки сложнейшие уравнения, связанные с движением атмосферных потоков. Еще одна компания Ультра, похожих на призраков в бледно-сиреневом освещении своего алькова, играла в какую-то азартную карточную игру. Один из мужчин должен был оплатить свой проигрыш прядью своей традиционной косички. Приятели крепко держали его, а победитель резал косичку карманным ножом.

Интересно, а как выглядит Хоури?

Вольева вытащила из кармана карточку и, перед тем как еще раз взглянуть на эту фотографию, незаметно ощупала ее пальцами. «Ана Хоури» — было там написано, плюс несколько строчек, касающихся скудных биографических данных. В этой женщине не было ничего, что могло бы выделить ее из рядов посетителей нормального бара. Но и в этом — ненормальном — эффект был бы сходен. Впрочем, судя по фотографии, тут она все же выглядела бы несколько более чужой, чем сама Вольева, — так, во всяком случае, подумала Илиа.

Вообще-то у Вольевой не было причин быть недовольной. Хоури казалась весьма подходящим кандидатом на их вакантное место. Вольевой удалось проникнуть в немногочисленные банки информации, сохранившиеся в Йеллоустоне после Эпидемии. В результате она получила сравнительно короткий список людей, которые ей могли бы подойти. Хоури числилась среди них как бывший солдат с Края Неба. Правда, отсутствовала всякая возможность проверить те данные, которые она выложит о себе. Поэтому Вольева оставила ее и перенесла внимание на других кандидатов. Но никто из них по разным причинам не годился, и она продолжала искать новых, все больше раздражаясь, когда оказывалось, что очередной претендент на вступление в команду тоже не подходит. Саджаки уже несколько раз предлагал ей просто похитить кого-нибудь, как будто наем матросов по фальшивым документам был чем-то луч-

ше похищений. Но ведь похищение — тоже не сахар: никакой гарантии, что похищенный окажется тем, с кем она сможет хорошо работать.

И вдруг на них как гром с ясного неба свалилась сама Хоури. Она слышала, что команда Вольевой подыскивает кого-то на свой корабль. Она готова покинуть Йеллоустон. Она не упомянула о своем военном опыте, но Вольева о нем знала. Бесспорно, Хоури просто излишне осторожна. Странно только, что она не обращалась к ним до того, как Саджаки, в соответствии с правилами, объявил об изменении маршрута.

— Капитан Вольева? Это вы, я не ошиблась?

Хоури была невысокой, гибкой и скромно одетой женщиной. Похоже, она не придерживалась обычаев какой-нибудь определенной группы Ультра. Ее черные волосы были всего лишь на дюйм длиннее стрижки самой Вольевой и не могли скрыть отсутствие на черепе следов грубо сделанных вживлений или подсоединений. Конечно, полной гарантии, что ее черепная коробка свободна от вечно жужжащих машинок, нет, но то, чего особенно боится Вольева, там наверняка отсутствует. Лицо отражает нейтральное сочетание нескольких, наиболее распространенных на Краю Неба — в родном мире Хоури — генетических типов. Черты гармоничные, но ничего поражающего воображение нет. Рот небольшой, прямой, не слишком выразительный, но эта простота уравновешивается глазами — такими черными, что кажутся почти бесцветными, и в то же время сверкающими обезоруживающей прозорливостью. Вольевой даже на минуту показалось, что Хоури насквозь видит ту паутину лжи, которую она сплела.

— Да, — сказала Вольева. — А вы, должно быть, Ана Хоури. — Она говорила очень тихо, так чтобы Хоури ее слышала хорошо, но никто из других потенциальных искателей работы не уловил бы ни слова. — Я так поняла, что вы уже обращались к нашему торговому представителю с запросом насчет возможности поступить на наш корабль.

— Я только что прибыла на «карусель». Решила сначала поговорить с вами, а уж потом начать ходить по объявлениям.

Вольева понюхала свою водку.

— Странная линия поведения. Надеюсь, вы на мои слова не обидитесь?

— Почему? Иногда команды получают столько предложений, что в личные переговоры практически не вступают. — Ана отпила глоток воды. — А я предпочитаю иметь дело с людьми. Мне хочется попасть в нестандартную команду.

— О, — воскликнула Вольева, — поверьте мне на слово — команда у нас весьма нестандартная.

— Но ведь вы торговцы?

Вольева с энтузиазмом закивала.

— Мы почти закончили свои торговые операции в системе Йеллоустона. Должна признаться, не слишком удачные. Экономика в упадке. Вернемся сюда лет этак через сто—двести, поглядеть, не пойдут ли дела получше. А по мне, так век бы не видать этих мест.

— Так что, если я захочу к вам записаться, мне следует поторопиться с решением?

— Конечно, но сначала вопрос о найме должны решить мы.

Хоури внимательно поглядела ей в глаза.

— Есть и другие кандидатуры?

— Я не имею права обсуждать с вами такие вопросы.

— Наверняка должны быть. Я хочу сказать... Край Неба... Должна быть уйма людей, которые захотят туда попасть, даже если им придется отрабатывать свой проезд.

Край Неба? Вольева постаралась не выдать себя ни одним движением мышц, пораженная своей удачей. Значит, единственная причина, по которой Хоури пришла к ней, это то, что она думает, будто корабль идет к Краю Неба, а вовсе не к Ресургему! Каким-то образом она не знает о сделанном Саджаки объявлении насчет изменения курса.

— Есть места и похуже.

— Что ж, я не отказалась бы занять местечко где-нибудь в начале вашей очереди. — Плексигласовое облачко зависло над ними, нагруженное выпивкой и наркотиками. — Какое место вы предлагаете?

— Было бы проще, если бы я все рассказала вам на борту. У вас, случайно, сумка с зубной щеткой не с собой?

— Разумеется, с собой. Я ведь очень рассчитываю на это местечко.

Вольева улыбнулась.

— Приятно слышать.

Кювье, Ресургем, год 2563-й

Кэлвин Силвест восседал в своем роскошном сеньоральном кресле у стены тюремной камеры.

— У меня есть для тебя кое-что интересненькое, — произнес он, поглаживая бороду. — Хотя и не уверен, что тебе это придется по душе.

— Тогда поторопись. Скоро придет Паскаль.

Постоянное насмешливое выражение взгляда Кэлвина стало еще более очевидным.

— А я как раз ее и имею в виду. Она ведь тебе нравится, а?

— Не твое дело, нравится она мне или нет. — Силвест вздохнул — он так и знал, что будут неприятности. Биография уже близилась к завершению, и он был активным участником ее подготовки. При всей технической правильности изложения событий и обилии тонких суждений, дающих возможность толковать их по-разному, биография получалась именно тем, чем хотел ее видеть Жирардо, — весьма хитроумным и тонким пропагандистским оружием. Пропущенный через биографический фильтр, любой аспект его деятельности был губителен для моральной характеристики Силвеста. Неизбежно складывалось своеобразное впечатление о его личности: эгоманьяк и узкомыслящий тиран. Могучий интеллект, но совершенно бессердечный человек, особенно в использовании окружающих его людей. Да, Паскаль не откажешь ни в уме, ни в искусстве. Если бы Силвест не знал всех фактов своей жизни, он бы без всякой критики принял такой биографический крен. На тексте рукописи лежала печать истины.

Тяжело с этим согласиться, но еще хуже оказалось то, что этот убийственный портрет нарисовался благодаря показаниям людей, которые хорошо знали его. И главным среди них — признать это особенно больно — был Кэлвин. Силвест очень неохотно разрешил Паскаль общаться с записью личности отца на бета-уровне. Сделал он это под давлением, но и цену, как он тогда думал, затребовал высокую.

— Я хочу, чтобы обелиск был найден и раскопан, — сказал Силвест. — Жирардо обещал мне допуск к полевым материалам, если я помогу ему уничтожить свою собственную репутацию. Я честно выполнил свою часть обязательств. Как насчет обязательств правительства?

— Это будет трудно... — начала было Паскаль.

— Не будет. И вряд ли обременит фонды вашей партии.

— Я поговорю с Жирардо, — сказала она без особой уверенности, — но с условием, что вы позволите мне общаться с Кэлвином каждый раз, когда мне это понадобится.

Это было самой отвратительной из его уступок. Но цена — если он получит свой обелиск, а не ту ничтожно малую его часть, которая была откопана перед началом переворота, — тоже недурна.

Его удивило, что Нильс Жирардо сдержал слово. Четыре месяца потребовалось на то, чтобы найти место раскопок и добыть обелиск. Без потерь не обошлось, но к этому Силвест был готов. Хорошо, что обелиск удалось откопать, так сказать, одним куском. Теперь при желании его голографическое изображение можно было тут же вызвать в камеру Силвеста, причем любую деталь обелиска для лучшего обозрения легко было увеличить до требуемого размера. Текст, выбитый в камне, не отличался ясностью, и расшифровать его представлялось практически невозможным. Сложная схема солнечной системы до сих пор еще дразнила Силвеста своей раздражающей точностью. Чуть ниже ее находилось еще одно изображение — раньше оно было скрыто грунтом. Оно было похоже на ту же схему, но в гораздо более мелком масштабе, так что вся Система превратилась как бы в гало вокруг чего-то вроде кометы. Дельта Павлина представляла собой двойную звезду — две звезды, разделенные десятью световыми часами. Амарантяне, видимо, знали об этом: на второй схеме была тщательно изображена орбита и этой второй звезды. Силвест было задумался на мгновение, почему он никогда не видел этой второй звезды по ночам? Она хоть и тусклая, но все равно должна быть ярче прочих звезд, видных с Ресургема. И тут же вспомнил, что эта вторая звезда не светит. Это нейтронная звезда — выгоревший труп, который когда-нибудь снова вспыхнет жарким голубым пламенем. А пока она такая темная, что о ней не знали вплоть до первых космических полетов. Но на схеме орбита этой невидимой звезды уже была, и ее сопровождал рой непонятных иероглифов!

Силвест не имел понятия, что они означают.

Еще хуже было то, что вниз по обелиску сползали все новые и новые схемы. Вполне вероятно, что они изображали какие-то другие солнечные системы, хотя доказать это

вряд ли кто-нибудь смог бы. Как могли амарантяне добыть это данные — о других планетах Дельты Павлина, о нейтронной звезде, о других системах, если у них не было межзвездных кораблей, сходных с теми, которыми сейчас обладали люди?

Вполне возможно, что самым важным был вопрос о возрасте обелиска. Анализ пластов, под которыми он был погребен, давал примерно 990 тысяч лет. Тогда захоронение можно было датировать что-нибудь лет на тысячу раньше События. Но для того обоснования своих догадок Силвесту нужны гораздо более точные расчеты. Во время последнего визита Паскаль он просил сделать анализ включенных электронов самого обелиска. Можно надеяться, что она принесет результаты уже сегодня.

— Она была мне полезна, — сказал он Кэлвину, который ответил на это насмешливым взглядом. — Я и не думал, что ты поймешь.

— Нет, наверное. Но зато я могу рассказать тебе то, что узнал.

Оттягивать не имело смысла.

— Ну и?..

— Ее фамилия вовсе не Дюбуа. — Кэлвин ухмыльнулся, наслаждаясь разговором. — Ее фамилия Жирардо. Она его дочь. А тебя, милый мальчик, они недурственно поимели.

Вольева и Хоури вышли из «Трюкача и Странника» в ту пропахшую потом темноту, которую здесь пытались выдать за ночь. Безработные обезьянки-капуцины повисли на ветках деревьев, обрамляющих торговую площадь, готовые в любой момент пошарить в карманах прохожих. Барабаны Бурунди глухо ухали где-то за круто искривленным горизонтом. Неоновые молнии свивались в змеиные клубки в пышных искусственных облаках, свисавших с рельсов, проложенных по «небу». Хоури говорили, что иногда из них даже идет дождик, но ей до сих пор еще не удалось попасть на это метеорологическое пиршество.

— Наш шаттл поджидает у «ступицы», — сказала Вольева. — Нам надо только сесть в радиальный лифт и пройти таможенный досмотр для убывающих.

Вагончик радиального лифта противно лязгал, не отапливался, вонял мочой и был пуст, если не считать комузо в плетеном шлеме, который брезгливо уселся на самом кра-

ешке скамейки, держа свою шакухачи между колен. Именно его присутствие, решила Хоури, остановило других пассажиров. Они решили ждать следующего вагончика, которые ходили между «ободом» и «ступицей» так часто, как бегут четки, когда лопнет соединяющий их шнурок.

Мадемуазель стояла рядом с комузо, сложив руки за спиной, вечернее платье цвета электрик свисает до полу, черные волосы собраны в скромный пучок.

— Расслабься, — сказала она. — Вольева заметит, что ты что-то от нее прячешь.

— Убирайся!

Вольева поглядела на Хоури.

— Вы что-то сказали?

— Сказала, что тут холодно.

Как ей показалось, Вольевой потребовалось слишком много времени, чтобы проглотить эту ложь.

— Не надо говорить вслух, — отозвалась Мадемуазель. — И шептать не надо. Просто представь себе то, что хочешь передать мне. Имплантат ловит отзвуки импульсов, рождаемые в голосовой сфере. Попробуй-ка.

— Пошла вон, — сказала, вернее, подумала Хоури. — Убирайся ко всем чертям из моей головы! В нашем контракте этого нет!

— Моя дорогая, — возмутилась Мадемуазель, — никакого контракта у нас не было. А было у нас... как сказать?.. Джентльменское соглашение? — Она взглянула в лицо Хоури, как бы ожидая ее реакцию. Та глянула с откровенной ненавистью. — О, хорошо, хорошо, — сказала Мадемуазель, — но обещаю, что скоро появлюсь снова.

И исчезла.

— Еле дождалась, — сказала шепотом Хоури.

— Извините? — спросила Вольева.

— Я сказала, что жду не дождусь, чтобы выйти из этого треклятого вагона!

Вскоре они добрались до «ступицы», прошли таможенный досмотр и сели в шаттл — корабль, непригодный для полетов в атмосфере. Он состоял из сферы с четырьмя ракетными выступами, направленными под разными углами, и имел название «Грусть расставания» — Ультра любят давать своим кораблям ироничные названия. Внутри шаттл чем-то напоминал рифленый желудок кита. Вольева провела Хоури через несколько переборок и узких щелей, где пришлось двигаться почти ползком, пока они не оказались

на мостике. Здесь стояли похожие на ведра сиденья, а также консоль, экраны которой показывали уйму всяких данных, относящихся к полету. Вольева повертела один из верньеров, и из консоли вылез приборчик, похожий на поднос, снабженный старинной клавиатурой. Пальцы Вольевой забегали по клавишам, вызывая изменения в колонках цифр на экранах.

Хоури с некоторым удивлением обнаружила, что у этой женщины нет вживленных датчиков и что ее пальцы — главный способ передачи и получения информации.

— Пристегнитесь, — обратилась к ней Вольева. — Вокруг Йеллоустона крутится столько всякой дряни, что, возможно, мне придется несколько раз резко менять ускорение.

Хоури выполнила распоряжение. Несмотря на некоторые неудобства, связанные с ремнями безопасности, это была первая возможность как следует отдохнуть за несколько последних дней. За то время, которое прошло с тех пор, как ее разбудили, произошло многое, и все в какой-то лихорадке. Пока она спала в Чазм-Сити, Мадемуазель выжидала, не появится ли корабль, который идет курсом на Ресургем. Учитывая, что Ресургем — не бог весть какой крупный центр и не имеет важного значения для непрерывно расширяющейся сети торговых компаний, ждать пришлось долго. С суперсветовиками всегда дело иметь трудно: ни один человек, какой бы шишкой он ни был, не имеет возможности обладать в одиночку таким судном, разве что оно находилось в руках его семейства уже несколько столетий. Конджойнеры же суперсветовиков больше не строят, а люди, ими обладающие, продавать их не расположены.

Хоури знала, что Мадемуазель свой поиск вела очень активно. И Вольева — тоже.

— Вольева, — сказала ей Мадемуазель, — проникнув в Йеллоустонские банки информации, запустила поисковую программу, которую называла «гончей».

Рядовые пользователи и даже простые компьютеризированные системы мониторинга были не в силах обнаружить тонкую работу носа «гончей». Но Мадемуазель не была ни рядовым пользователем, ни системой мониторинга. Она учуяла «гончую», как конькобежец, скользящий по тонкому льду, чувствует пузырьки воздуха под хрупкой гладью, отделяющей его от холодной темной воды.

И то, что сделала Мадемуазель дальше, тоже свидетельствовало об ее уме. Она вроде бы свистком подманила «гончую» к себе, а когда та прыжками подбежала к новой хозяйке, то Мадемуазель сломала ей шею, но перед этим распорола брюхо и выяснила все относительно информационных запросов Вольевой, то есть узнала, зачем запустили «гончую» и что поручили ей вынюхать. Суть дела заключалась в том, что «собаку» послали добыть секретную информацию о людях, имеющих опыт работы на работорговце. Иными словами, такой запрос могла сделать группа Ультра, ищущих себе нового члена команды, чтобы заполнить вакантное место. Но была тут еще одна странность, которая возбудила любопытство Мадемуазель.

Почему они ищут того, кто раньше служил в солдатах?

Может быть, они любители строгой дисциплины? Например, профессиональные торговцы, оперирующие на уровне, где прибыль невероятно высока? Может, безжалостные эксперты, использующие весьма скользкие приемчики для получения знаний и которые не погнушались бы отправиться в захолустный Ресургем, где есть перспектива получить гигантскую прибыль, скажем, лет через сто? Возможно, их организация строится по военному образцу, а не на квазианархических принципах, как это принято на кораблях большинства торгашей? Поэтому они и ищут следы былого военного опыта в биографии своих кандидатов, чтобы быть уверенными: этот человек, безусловно, подойдет их команде.

Да, вероятно, дело обстояло именно так.

Что ж, пока все было хорошо, даже если учесть ту странность, что Вольева не поправила Хоури, когда та выдала свое незнание конечного пункта полета. На самом деле Хоури этот пункт прекрасно знала — Ресургем, — но не хотела наводить Вольеву на мысль, что она стремится туда попасть. Ведь тогда Хоури пришлось бы прибегнуть к одной из нескольких легенд, подготовленных на случай, если придется объяснять причины ее желания попасть в эту захолустную колонию. Она уже готовилась пустить эту легенду в ход, но Вольева ничего не сказала об изменении маршрута, желая почему-то, чтобы ее новый рекрут считала, будто корабль идет к Краю Неба.

Это было странно, но Хоури подумала, что все станет на свое место, если принять гипотезу, что им совершенно необходим новый член команды, тем более такой, какой

им подходит. Это, конечно, бросает некоторую тень на их честность, но зато освобождает Хоури от необходимости использовать легенду. Нечего мне волноваться, решила она. Ведь далеко не все должно быть устлано розами на этом корабле, не для этого ведь, пока она спала, заправила ей в голову имплантат Мадемуазель! Имплантат был крошечный и не должен был вызвать подозрения у Ультра, поскольку и по виду, и по механизму действия был стандартным — шел к глазному нерву. Если они станут уж слишком любопытны и удалят его, все его подозрительные части или расплавятся, или перекомпануются так, что составят нечто совсем другое. Возражения Хоури против вживления ей датчика в мозг касались вовсе не риска разоблачения, а того, что Мадемуазель была вовсе не тем человеком, ежедневного присутствия которого в своей голове она добивалась. Конечно, это была всего лишь симуляция на бета-уровне, созданная, чтобы моделировать личность Мадемуазель в зрительном поле Хоури и нашептывать в ее слуховой центр высказывания этого призрака. Никто больше ни видеть, ни слышать призрака не мог, с Мадемуазель общаться должна была только Хоури. Молча.

— Назови это необходимостью быть в курсе, — сказал призрак. — Как солдат, ты, я думаю, должна проникнуться таким принципом.

— Да, я в нем разбираюсь, — сказала Хоури с грустной отреченностью. — Меня от него тошнит, но я понимаю, что вы не уберете эту сволочь из моей головы просто ради моего удовольствия.

Мадемуазель улыбнулась.

— Нагружать тебя слишком большим запасом знаний в данный момент было бы слишком большим риском. Ты можешь проговориться случайно в разговоре с Ультра.

— Постойте! — крикнула Хоури. — Мне уже известно, что вы хотите, чтобы я убила Силвеста. Так что же еще, более важное, я могу узнать?

Мадемуазель снова улыбнулась. Улыбка была доводящая до белого каления. Как у всех симуляций на бета-уровне, ее набор мимических возможностей был слишком мал, так что повторения были неизбежны и быстро надоедали.

— Боюсь, — сказала она, — что сейчас ты знаешь даже не часть этой истории. Так — крохотный осколочек.

* * *

Когда прибыла Паскаль, Силвест зорко поглядел ей в лицо, ища сходства с лицом Жирардо — таким, каким запомнил его. И как всегда обозлился на те ограничения, которые накладывало его зрение. Глаза Силвеста плохо видели кривые линии, а потому человеческие лица казались ему состоящими из острых граней, располагавшихся ступеньками.

То, что сказал ему Кэлвин, нельзя было отвергнуть как явную ложь. Правда, волосы у Паскаль были библейски черными и прямыми, а у Жирардо — рыжими и курчавыми. А вот в строении черепа имелось сходство, которое нельзя было отнести за счет случайного совпадения. Если бы не Кэлвин, то сам Силвест наверняка бы никогда не догадался. Но теперь, когда мысль была высказана, она сама нашла себе подтверждение.

— Почему вы мне лгали? — спросил он.

Она казалась искренне удивленной.

— О чем?

— Обо всем. Начнем с вашего отца.

— Моего отца? — Казалось, она успокоилась. — Ах, так вы о нем знаете?

Он кивнул, сжимая губы в тонкую белую полоску. Потом сказал:

— Одна из опасностей, которую вам надо было предусмотреть, начиная работать с Кэлвином: Кэлвин — умница.

— Должно быть, установил связь с моим портативным компьютером. Добрался до личных файлов. Вот подонок!

— Теперь вы понимаете мои чувства. Зачем вам это понадобилось, Паскаль?

— Сначала потому, что у меня не было выбора. Я хотела глубже узнать вас. Такое доверие я могла завоевать только под чужим именем. Это было нетрудно, так как о моем существовании почти никто не знал, а о моей внешности — еще меньше. — Она помолчала. — Это и есть правда. Вы мне поверили, а я ничем не предала вашего доверия.

— Это правда? Вы никогда не говорили Нильсу того, что могло бы ему помочь?

Его слова ранили Паскаль.

— Вас же предупредили о перевороте, помните? Если уж я кого и предала, так это отца.

Он снова попробовал аргументы за то, что Паскаль лжет, хотя и не знал, хочет ли он, чтоб такие аргументы нашлись. Может, она говорит правду?

— А биография?

— Это была идея отца.

— Орудие моей дискредитации?

— В биографии нет ни единого слова лжи, если допустить, что вы ее не внесли туда сами. — Она снова помолчала. — Она фактически готова к печати. Кэлвин очень помог. Это будет первая бесспорно талантливая работа, созданная на Ресургеме. Вы понимаете? Со времен амарантян, разумеется.

— Да, это произведение искусства. Вы издадите ее под своим настоящим именем?

— Так мы всегда полагали. Я, конечно, надеялась, что вы его не узнаете, пока книга не выйдет.

— Об этом не стоит беспокоиться. Наших отношений ничто нарушить не может. Ведь я всегда знал, что истинным автором является ваш отец.

— Вам будет так легче думать? Чтобы списать меня, как ничтожество?

— Вы принесли данные по ВЭ? Которые обещали?

— Да. — Она подала ему карточку. — Я не нарушаю свои обещания, доктор. Но боюсь, что то слабое уважение, которое я к вам питаю, может полностью улетучиться.

Силвест глянул на сводку данных по включенным электронам. Столбики цифр бежали перед глазами по карточке, которую он сжимал большим и указательным пальцами. Часть его мозга не могла оторваться от этих цифр даже в тот момент, когда он снова обратился к Паскаль.

— Когда ваш отец говорил со мной о биографии, он сказал, что ее автор — женщина — находится в состоянии, когда ее последние иллюзии готовы рухнуть.

Паскаль резко встала.

— Полагаю, нам лучше оставить это для другого раза.

— Нет! Погодите! — Силвест схватил ее за руку. — Простите меня. Мне надо поговорить с вами об этом, понимаете?

Она вздрогнула, потом медленно расслабилась, но выражение лица осталось настороженным.

— О чем вы?

— Об этом. — Он щелкнул ногтем по результатам анализа включенных электронов. — Это очень интересно.

* * *

Шаттл Вольевой приближался к корабельному доку. Тот находился в точке Лагранжа между Йеллоустоном и его луной, называвшейся Глаз Марко. В доке стояло около дюжины суперсветовиков. Их было тут больше, чем Хоури видела за всю свою жизнь. В «ступице» находились самые крупные корабли, а каботажная мелочь жалась к «ободу», подобно поросятам, льнущим к сосцам матки. Несколько суперсветовиков стояли в ажурных, похожих на гигантские скелеты, конструкциях. Здесь производился тщательный осмотр и ремонт ледовых щитов и конджойнеровских двигателей. Были здесь и суда постройки самих Конджойнеров — узкие и черные, будто вырезанные из одного куска космоса. Большая же часть кораблей свободно плавала на низких орбитах вокруг точки Лагранжа. Хоури догадывалась, что тут существуют строгие и сложные правила подхода: кто именно должен был уступать дорогу и кому именно, чтобы избежать столкновений, которые компьютеры могли рассчитать на несколько дней вперед. Топливо, которое будет истрачено на отвод корабля с места вероятного столкновения, стоит не так уж много в сравнении с доходами от торговли, а вот «потерю лица» возместить очень трудно. Такого скопления кораблей у Края Неба никогда не бывало, но даже там Хоури приходилось слышать о схватках между командами из-за прав на стоянку или нарушения каких-то обычаев торгашей. Обычные обитатели планет ошибочно считали, что Ультра — однородная ветвь человечества. На самом же деле они так же делились на фракции, ненавидящие друг друга, как любая другая человеческая раса.

Шаттл подходил к кораблю Вольевой.

Как все суперсветовики, он отличался невероятной обтекаемостью обводов корпуса. Ведь космос можно было считать приближением к абсолютному вакууму только на малых скоростях. А на подходе к скорости света кораблям приходится прорываться сквозь фосфоресцирующие воющие бури частиц, похожие на атмосферные потоки. Вот почему суперсветовики были похожи на лезвия ножей — узкие, сходящие на конус, оканчивающийся острым как игла носом. Две машины Конджойеров на изящных лонжеронах выглядели совсем как блистающие кинжалы. Их корпуса были одеты в ледяной панцирь и сверкали, будто вырезанные из алмаза. Шаттл на тихом ходу обошел корабль Вольевой. Это было все равно что лететь над городом. Затем в корпусе, подобно диафрагме, открылись во-

рота в ярко освещенный ангар. Вольева легкими прикосновениями пальцев к клавиатуре ввела туда шаттл, и Хоури услышала глухие удары — это штыри шаттла входили в штуцера на стенах ангара.

Вольева первой освободилась от пояса безопасности.

— Пройдемте на борт? — спросила она, но в голосе ее не было той вежливости, которую вправе была ожидать Хоури.

Выплыв из шаттла в невесомости, они оказались в одном из самых больших помещений корабля. В конце коридора, выходившего из ангара, Хоури увидела какое-то странное сооружение, состоявшее из многих неподвижных и вращающихся деталей.

Она уже начала ощущать тошноту, но решила, что будь она прокляла, если позволит Вольевой это заметить.

— Прежде чем мы двинемся дальше, — сказала Ультра, — я хочу познакомить вас с одним человеком.

Она бросила взгляд за плечо Хоури — в коридор, ведущий обратно к ангарному шлюзу. Оттуда слышались шорохи, будто кто-то пробирался, перебирая руками по рельсам, вмурованным в стены. А это значило, что на борту шаттла был еще кто-то.

Что-то тут было не так.

Поведение Вольевой не походило на поведение человека, пытающегося произвести благоприятное впечатление на будущего рекрута. Похоже, ей просто наплевать на то, что может подумать Хоури, ибо все это не имеет ни малейшего значения. Хоури оглянулась и увидела комузо, который сидел с ними в лифте. Его лицо было скрыто обычным плетеным шлемом, свою шакухачи он держал под мышкой.

Хоури что-то хотела сказать, но Вольева ее прервала.

— Приветствую вас на борту «Ностальгии по Бесконечности», Ана Хоури. Вы только что стали нашим артиллеристом. — Она кивнула комузо. — Сделайте мне, пожалуйста, одолжение, Триумвир.

— Что именно?

— Отправьте ее в нокаут, пока она не попыталась кого-нибудь убить.

Последнее, что увидела Хоури, был золотой блеск взлетевшего вверх бамбука.

Силвесту показалось, что он ощутил запах духов Паскаль задолго до того, как его взгляд выделил ее из толпы,

собравшейся на улице у стен тюрьмы. Он рефлекторно сделал к ней шаг, но два здоровенных охранника, сопровождавших его от дверей камеры, пресекли эту попытку. Свист и откровенная брань толпы, стоящей за кордоном, встретили его появление, но Силвест не обратил на это внимания.

Паскаль дипломатично поцеловала его, прикрыв соприкоснувшиеся губы ладошкой в шелковой перчатке.

— Опережу ваш вопрос, — шепнула она, и этот шепот был еле слышен в злобном шуме толпы. — О том, что происходит, я имею не больше представления, чем вы сами.

— Значит, это дело рук Нильса?

— А чьих же? Только он имеет право забрать вас из тюрьмы больше чем на день.

— Жаль, что у него нет желания наложить запрет на мое возвращение обратно в тюрьму.

— Ох, он мог бы... Если бы не был обязан одновременно угождать своим сторонникам и оппозиции. Знаете, вам давно бы пора перестать думать о нем, как о вашем главном личном враге.

Они вошли в стерильную тишину ожидавшей их машины, переделанной из маленького экспедиционного грузовичка. Машина стояла на четырех надутых шинах, расположенных по углам обтекаемого корпуса. Средства связи прятались в черном шарообразном горбе на крыше. Окрашена она была в любимый Преобразователями красный цвет. За ветровым стеклом болтались брелоки в стиле Хокусаи.

— Если бы не мой родитель, — продолжала Паскаль, — вы бы погибли во время переворота. Он защитил вас от ваших самых свирепых недругов.

— Что ж, это говорит об отсутствии у него опыта революционера.

— А что это говорит о режиме, который ему удалось свергнуть?

Силвест пожал плечами.

— Что ж, и то верно.

Охранник сел на переднее сиденье за перегородкой из армированного стекла, и машина двинулась сквозь толпу по направлению к окраине города. Проехали древесный питомник, спустились по пандусу в туннель, выехали по нему за пределы периметра. Две другие правительственные машины ехали следом. Они тоже были переделаны из гру-

зовичков, но их выкрасили в черный цвет, а сидели в них солдаты в масках и с автоматами. Проехав около километра по темному тоннелю, конвой прибыл к воздушному шлюзу и задержался там, где пригодный для дыхания городской воздух отделялся от атмосферы Ресургема. Солдаты, оставаясь на местах, натянули маски для дыхания и очки с выпуклыми стеклами. Затем машины снова выехали на поверхность. Был серый день; дорога шла между бетонных стен, по которым бежали какие-то цветные — красные и зеленые — пятна.

На бетонной площадке уже ждал самолет, прочно растопырив шасси, обутые в лыжи. Нижняя поверхность его крыльев разогрелась так сильно, что глазам было больно. Ионизированный слой воздуха между площадкой и крыльями дрожал. Водитель порылся в бардачке и достал оттуда маски для дыхания, протянул одну Силвесту и знаком предложил натянуть на голову.

— Вообще-то в этом особой необходимости нет, — сказал он. — С тех пор как вы последний раз выезжали из города, доктор Силвест, содержание кислорода в воздухе повысилось на 200 процентов. Кое-кто даже пробует дышать вообще без маски. Выдерживают минут десять без нежелательных последствий.

— Должно быть, это диссиденты, о которых я слыхал, — ответил Силвест, — те ренегаты, которых Жирардо предал после переворота. Те самые, которые, как предполагалось, будут вести переговоры с лидерами «Праведного Пути» в Кювье. Я им не завидую. Пыль должна закупорить им легкие, так же, как уже запылила им мозги.

Сопровождающий снова не обратил на его слова внимания.

— В воздух выпускают энзимы, которые связывают пылевые частицы. Это старая марсианская биотехника. Еще мы повышаем влажность воздуха, и пылевые частицы слипаются в тяжелые зерна, которые уже не переносятся ветром. В общем, содержание пыли в атмосфере падает.

— Отлично! — Силвест зааплодировал. — Какая жалость, что все это делается ради такой жалкой дыры!

Он прижал маску к лицу и стал ждать, пока ему откроют дверь. Ветер был умеренный. Острые пылинки обжигали лицо.

К самолету пришлось двигаться почти бегом.

Он показался им желанным островком свободы и тишины. Пышный интерьер был отделан в государственных красных тонах. Солдаты из других машин влезали через вторую дверь. Силвест увидел Нильса Жирардо, пересекавшего асфальтовую площадку. Жирардо шел странной раскачивающейся походкой, причем покачивание начиналось где-то вблизи плеч, так что он больше всего напоминал циркуль-измеритель на чертежной доске проектировщика, который шагает от одной точки к другой. Силвест почувствовал себя так, будто в желудок ему засунули глыбу льда. Потом начальство исчезло из виду и снова обнаружилось у края ближайшего крыла. Самолет начал подниматься над асфальтом.

Силвест протер иллюминатор и стал смотреть на Кювье — или на Ресургем-Сити, как его называют теперь, — постепенно тающий вдали. Со времени переворота он впервые видел город целиком. Вот и статуи французского натуралиста нет — снесли. Пена человеческого общежития выплеснулась далеко за пределы старого периметра Кювье. Дома с индивидуальным воздухоснабжением лепились к асфальтовым пешеходным дорожкам и транспортным артериям. Различались отдельные купола, под которыми росли изумрудно-зеленые посадки. Питомники были и просто на открытом воздухе, они лежали правильными квадратами, не слишком радовавшими глаз, готовые в недалеком будущем рвануться за город.

Облетев город, самолет взял курс на север. Внизу протянулось кружево каньонов. Время от времени попадались маленькие поселения — одни под куполом, другие вытянуты вдоль дороги. Свет, падавший от крыльев самолета, вырывал из тени отдельные детали. Все это были дикие земли, где не было ни дорог, ни трубопроводов, ни линий электроснабжения.

Силвест иногда задремывал, а проснувшись, видел все то же: прежние тропические пустыни, покрытые ныне льдом, импортированную растительность тундры. Потом на горизонте замаячило небольшое селение, и самолет кругами пошел на посадку. Силвест наклонился к окну, чтобы лучше видеть.

— Узнаю это место. Именно здесь мы нашли обелиск!

— Да, — отозвалась Паскаль.

Ландшафт был пересеченный, по большей части лишенный всякой растительности. Линию горизонта коверкали

разрушенные арки и странные столбы, которые тоже, казалось, были готовы рухнуть каждую минуту. Ровных участков почти не наблюдалось — просто глубокие расселины; местность походила на скомканную и неприбранную простыню. Самолет пролетел над застывшим лавовым потоком и, наконец, опустился на небольшую шестиугольную площадку с бронированными зданиями по краям. Был еще только полдень, но пыль в воздухе так поглощала солнечный свет, что посадочную площадку пришлось осветить прожекторами. Из дверей одного дома выскочили несколько милиционеров, прикрывая глаза от яростного света раскаленной поверхности крыльев.

Силвест взял маску, осмотрел ее презрительно и снова бросил на сиденье. Чтобы пройти такое короткое расстояние, ему помощь не нужна, а если это не так, то тем более даже виду подавать нельзя.

Милиционеры проводили их до жилья. Силвест не видел Жирардо уже много лет и был потрясен тем, каким низеньким показался ему его старый враг. Он почему-то напомнил приземистый мощный землеройный механизм, готовый прорыть глубокую траншею в сплошном базальте. Рыжие волосы коротко пострижены, жестки как проволока, испятнаны сединой. Глаза большие, смотрят вопрошающе, как у щенка пекинеса.

— Странные получаются взаимоотношения, — сказал он, когда охранник закрыл за ними тяжелую дверь. — Кто бы подумал, что у нас с вами так много общего, Дэн?

— Куда меньше, чем вам кажется, — ответил Силвест.

Жирардо повел свою группу по ребристому коридору, заставленному поломанными машинами, искалеченными до неузнаваемости.

— Думаю, вы в недоумении, что это все означает?

— У меня есть кое-какие свои подозрения.

Хохот Жирардо прозвучал в коридоре как гром, эхом отдающийся от металла машин.

— Помните обелиск, ну тот, что раскопали в этих местах? Конечно, помните, ведь это, кажется, вы раскопали его, и вы же первым указали на феноменальные результаты его датировки методом включенных электронов.

— Что-то такое припоминаю, — ядовито заметил Силвест.

Метод дал потрясающие результаты. Ни одна естественная кристаллическая структура не имеет идеально правиль-

ных кристаллических решеток. В решетке есть дефекты — отсутствующие в узлах атомы, и в этих дырах накапливаются электроны, вышибленные из остальной решетки космическими лучами или естественной радиацией. Поскольку дыры заполняются электронами с относительно постоянной скоростью, то по числу включенных электронов можно датировать предметы неорганического происхождения. Тут есть, конечно, одна трудность — метод включенных электронов может применяться лишь в том случае, если известно, что ловушки в какой-то момент прошлого были пусты. К счастью, нагревания или даже сильного освещения достаточно, чтобы освободить ловушки верхнего слоя кристаллической поверхности. Анализ обелиска показал, что все поверхностные ловушки были освобождены в одно и то же время, и произошло это 990 тысяч лет назад. Только причина, равная по масштабам Событию, могла очистить ловушки такого крупного объекта, как Обелиск.

Вообще-то ничего особенно нового в этом не было. Тысячи амарантянских артефактов удалось датировать временем после События. Но ни один из них не был погребен УМЫШЛЕННО. Обелиск же был умышленно помещен в каменный саркофаг, причем ПОСЛЕ того, как его ловушки были очищены.

После События.

Даже при новом режиме это открытие не могло не привлечь внимания к обелиску. А это, в свою очередь, стимулировало интерес к надписи, выбитой на нем. Интерпретация ее, сделанная Силвестом, носила в лучшем случае приближенный характер, но теперь ему на помощь пришли остатки содружества ученых. Снова в Кювье повеял ветер свободы. Режим снял ряд ограничений, наложенных на исследования культуры амарантян, не обращая внимания на то, что оппозиция Праведного Пути стала еще более яростной. Странные взаимоотношения, как сказал Жирардо.

— Сразу, как только мы стали догадываться о том, что нам должен рассказать этот обелиск, — между тем говорил Жирардо, — мы разбили всю здешнюю территорию на участки и принялись копать на глубину 60—70 метров. Так мы нашли десятки других обелисков, причем все они были тщательно очищены перед погребением. Надписи на всех были примерно одинаковы. Мы пришли к выводу, что это не записи того, что здесь когда-то произошло, а повествование о том, что здесь погребено.

— Должно быть, что-то очень очень большое, — сказал Силвест. — Что-то, что они запланировали совершить еще до События. Возможно, они погребли это еще до События, а опознавательные знаки — обелиски — поставили после. Последний культурный акт общества, обреченного на уничтожение. И насколько же велик этот объект, Жирардо?

— Невероятно велик.

И Жирардо начал рассказывать, как они стали исследовать этот район сначала с помощью тамперов — систем, генерирующих волны Рейли, которые проникают глубоко в грунт. Эти волны дают возможность определять положение объектов, имеющих отличную от грунта плотность и погребенных на значительных глубинах. По словам Жирардо, пришлось применить самые мощные тамперы, а это означало, что искомый объект находился на глубинах в сотни метров, то есть на пределе мощности этих приборов. Потом из Кювье были доставлены самые чувствительные рисующие гравитометры. Только тогда удалось составить общее впечатление о том, что же здесь нашли.

— Да уж, маленьким это не назовешь!

— Раскопки как-то связаны с программой Преобразователей?

— Полностью независимы. Другими словами — чистая наука. Это вас удивляет? Я же обещал, что мы не забросим изучение амарантян. Может быть, если бы вы все эти годы верили мне, мы бы сейчас бок о бок боролись против Праведного Пути — вашего настоящего врага.

Силвест ответил:

— Вы не проявляли к амарантянам ни малейшего интереса до того, как был отрыт обелиск. А он вас напугал, не так ли? Потому что это было неоспоримое свидетельство. Не что-то, что я мог бы подделать. На этот раз вам пришлось допустить возможность, что я с самого начала был прав.

Они вошли во встроенный лифт с плюшевыми сиденьями и акварелями на стенках. С лязгом закрылась стальная дверь. Один из адъютантов Жирадо открыл панель и нажал кнопку. Пол под ногами сразу провалился. Постепенно тела стали привыкать к быстрому спуску.

— На какую глубину мы спускаемся?

— Не так уж глубоко, — отозвался Жирардо. — Всего на пару километров.

* * *

Когда Хоури проснулась, корабль уже покинул орбиту вокруг Йеллоустона. Она видела сейчас планету в иллюминатор, и та казалась куда меньше, чем раньше. А район Чазм-Сити вообще смотрелся как маленькое пятнышко на поверхности. Что касается Ржавого Пояса, то он был похож на буро-коричневое дымовое колечко, слишком далекое, чтобы можно было разобрать составляющие его предметы. Теперь перед кораблем не было никаких преград — он будет разгоняться с ускорением, равным одному *g*, пока не покинет систему Эпсилона Эридана, и будет наращивать скорость, пока она не станет лишь на волосок меньше скорости света. Не случайно такие корабли назвали суперсветовиками.

Ее перехитрили!

— Это осложнение, — согласилась Мадемуазель после нескольких минут молчания. — Но не более того.

Хоури пощупала весьма чувствительную шишку на затылке — на том месте, по которому комузо — теперь она знала, что его имя Саджаки, — хватил ее своей шакухачи и сшиб с ног.

— Хорошенькое осложнение! — рявкнула она. — Они похитили меня, ты, глупая сука!

— Понизь тон, девочка. Они про меня ничего не знают, и нет причин, по которым им это надо знать в дальнейшем. — Изображение, принятое глазным яблоком Хоури, криво усмехнулось. — Если сказать правду, то сейчас я — твой единственный друг. И ты должна изо всех сил стремиться сохранить в тайне наш общий секрет. — Мадемуазель принялась любоваться своими ногтями. — Давай-ка разберем этот вопрос поспокойнее. Какова наша цель?

— Ты знаешь об этом не хуже меня, черт бы тебя побрал!

— Да, ты должна была просочиться в команду и отправиться с ними в Ресургем. Каков твой статус?

— Эта сука Вольева продолжает звать меня своим рекрутом.

— Другими словами, ты просочилась в команду с ошеломительным успехом. — Теперь Мадемуазель спокойно прогуливалась по каюте. Одна рука опирается на бедро, пальчик другой похлопывает по нижней губке. — И куда мы идем? Каков наш курс?

— У меня нет оснований думать, что это не Ресургем.

— Тогда, если говорить о главном, то ничего опасного для наших планов не случилось.

Хоури очень хотелось придушить эту стерву, но ведь призрак придушить нельзя.

— А вам не приходит в голову, что у них могут быть собственные планы? Вам известно, что сказала Вольева, когда я плюхнулась на пол без сознания? Она сказала, что я теперь их артиллерист! Интересно, что она под этим понимает?

— Это объясняет, зачем им был нужен человек с военным опытом.

— А если окажется, что я не гожусь выполнять эту работу?

— Не думаю, что ее это очень огорчит. — Мадемуазель прекратила свое хождение и обрела самое серьезное выражение лица из своего собрания мимических ужимок. — Они, видишь ли, Ультра. А Ультра имеют доступ к технологиям, которые в колониальных мирах запрещены.

— К примеру?

— У них могут оказаться средства, вызывающие возбуждение чувства лояльности.

— Что ж, спасибо, хотя бы за то, что ты сообщила мне эту важную информацию заранее.

Мадемуазель помолчала и осторожно потерла висок.

— И соответственно с этим приняла меры предосторожности.

— Спасибо и за то.

— Имплантат, который я вложила в тебя, производит антиген, ослабляющий действие их психотропных средств. Кроме того, он передает сублимированное подкрепление в твое подсознание. Терапия Вольевой будет полностью нейтрализована.

— Тогда зачем вы берете на себя труд сообщать мне, что должно случиться в будущем?

— А потому, милая девочка, что если Вольева начнет прибегать к таким средствам, тебе придется сделать вид, что они работают.

Спуск занял всего лишь несколько минут, давление и температура стабилизировались, достигнув средних для поверхности планеты показателей. Шахта имела ромбовидное сечение с максимальной шириной около десяти мет-

ров. Местами в стенах виднелись огромные ниши, где размещались оперативные пункты, склады оборудования и так далее. Были и расширения, где два лифта, идущих в противоположных направлениях, могли разойтись. Главными строителями здесь были роботы. Они покрыли стены шахты тонкой — в атом — пленкой. Она состояла из уложенных рядами нитей, которые роботы выделяли из органов, сходных с паутинными железами пауков. Свет, лившийся через стеклянный потолок, освещал полупрозрачные стены шахты, казалось, уходившие в бесконечность.

— Почему вы раньше не рассказали мне о ваших находках? — спросил Силвест. — Ведь вы тут работали многие месяцы.

— Скажем так: ваш вклад был для нас не так уж важен, — ответил Жирардо. — Во всяком случае, до сих пор, — добавил он.

На дне шахты они вошли в другой коридор, весь серебристый, чище и прохладнее того, который был наверху. Окна в его стенах позволяли видеть огромную пещеру, наполненную каким-то геодезическим и землеройным оборудованием. Силвест благодаря своим глазам мог «запоминать» увиденное, мог и увеличивать его в случае нужды. На это требовалось время, примерно такое же, как на то, чтобы сделать десяток шагов. За эту способность он, буркнув себе под нос, поблагодарил Кэлвина.

То, что он видел, заставляло его сердце колотиться все быстрее.

Прошли через пару бронированных дверей, возле которых извивались оптические охранные иллюзии, изображавшие шипящих и плюющихся ядом змей. Затем попали в холл с двустворчатой дверью в дальнем конце. Жирардо сделал знак, охранявшим дверь милиционерам, потом повернулся к Силвесту. Его блестящие глаза и общий склад лица чем-то напоминали пекинеса, но сейчас Силвесту вспомнилась японская картина с изображением дьявола, готового изрыгнуть клуб пламени и дыма.

— Ну а теперь, — сказал Жирардо, — вам придется либо потребовать деньги назад, либо замереть в благоговейном молчании.

— Сейчас посмотрим, — ответил Силвест с напускной беззаботностью, хотя пульс у него бился как бешеный, а внутри все дрожало от лихорадочного нетерпения.

Жирардо распахнул обе створки двери. Теперь они оказались в комнате размером в половину грузового лифта, совершенно пустой, если не считать нескольких простых столов, частично вделанных в стену. На одном из них лежали наушники с микрофоном, а рядом портативный компьютер, на экран которого был выведен сделанный карандашом эскиз.

Стены помещения выгибались наружу от пола, и потому потолок был заметно больше пола. Все это, плюс большие окна — по три на каждой стене, — вызывало у Силвеста чувство, что он находится в гондоле воздушного корабля, летящего под беззвездным небом над черным океаном, где не видно ни единого огонька.

Жирардо выключил свет, и стало видно то, что лежало за зеркальными стеклами окон.

С потолка пещеры — там — за окнами — свисали яркие электрические фонари. Свод пещеры, слегка искривляясь, уходил вдаль — к артефакту амарантян, расположенному значительно ниже уровня окон. Артефакт выдавался из почти отвесной стены пещеры — колоссальная полусфера безупречно черного цвета, окруженная портальными кранами и подмостьями для геодезических инструментов. Угловатые куски затвердевшей лавы все еще держались на ней, а там, где лава была счищена, поверхность гигантского механизма была гладка и темна, как обсидиан. Выступающая его часть была не менее шестисот метров в ширину, хотя больше половины артефакта оставалось в стене.

— Вы знаете, кто его сотворил? — спросил тихо Жирардо. Ответа он ждать не стал. — Он появился раньше, чем люди научились говорить. А на нем меньше царапин, чем на моем, черт бы его побрал, обручальном кольце.

Жирардо повел свою команду к шахте лифта, чтобы сделать еще один — короткий — спуск к полу огромной, вырубленной в прочных горных породах пещере. Поездка на лифте заняла не больше тридцати секунд, но Силвесту она показалась длиннее медлительных стихов Гомеровой Одиссеи. Эту находку он считал своим личным призом, она досталась ему с таким трудом, будто Силвест выкопал ее из базальта собственными окровавленными ногтями. И вот теперь загадочный механизм громоздится над Силвестом, его круто изогнутая поверхность еще испещрена приставшими к ней камнями, и без всяких подпорок нависает в воздухе над головой. Вокруг колосса выбит желоб от края

до края. Оттуда, где сейчас стоит Силвест, он кажется тонким как волос, тогда как на самом деле его ширина равна паре метров, да и глубина не меньше того.

Жирардо подвел группу к ближайшему «башмаку» — колоссальному бетонному чурбаку, внутри которого были помещения, расположенные на разных уровнях. «Башмак» стоял вровень с артефактом.

Войдя внутрь, они сели еще в один лифт, проходивший сквозь этот бетонный столб, и попали в путаницу лесов и подмостьев, которые поднимались из него, будто взнесенные взрывом. Желудок Силвеста сжался от противоречащих друг другу импульсов клаустро- и агорафобии. Он ощущал, как на него давят невообразимые мегатонны каменной породы — сотни метров над его головой, и одновременно его мутило головокружение, вызванное подъемом на вершину огромного «башмака».

Крохотные времянки и складские помещения для инструментов были вписаны в сложную каркасную композицию. Лифт подошел к одному из этих строений, и люди оказались в комплексе клетушек, где, казалось, звучат отголоски совсем недавно прерванной работы. Все объявления и предупредительные знаки были или сделаны краской, или с помощью переводных картинок. Работа тут носила временный характер, а потому не было смысла прибегать к более сложным методам маркировки.

По вибрирующему железному мостику, перекинутому от громоздкого переплетения лесов к черной скорлупе амарантянского механизма, они прошли еще немного. Теперь они были примерно на высоте половины гиганта, почти вровень с желобом. Сейчас механизм уже не казался сферическим — он был слишком близко. Просто черная стена преграждала путь, такая же огромная и бездонная, какой Силвесту запомнилась Завеса Ласкаля после возвращения со Спиндрифта. Вместе со всеми Силвест прошел вперед по мостику, пока не поравнялся с желобом.

Дальнейший путь шел по желобу вправо. С трех сторон — слева, сверху и снизу — люди были сжаты сплошной черной субстанцией, из которой состоял артефакт. Путь вел по решетчатой конструкции, укрепленной на стенке желоба с помощью прокладок с присосками, ибо материал артефакта не имел никаких шероховатостей. Справа шло металлическое, высотой до пояса, ограждение, за которым — сотни метров пустоты. Слева через каждые пять-шесть метров светили лам-

почки, прикленные к гладкой стене эпоксидкой, а через каждые двадцать метров попадались панели с какими-то непонятными закорючками.

Минуты через три крутого подъема Жирардо сделал знак остановиться. Место, куда он привел Силвеста, представляло собой невероятное сплетение кабелей, прожекторов, коммуникационных консолей. Правая стена желоба тут заворачивала внутрь.

— Нам понадобилось несколько недель, чтобы найти вход в артефакт, — сказал Жирардо. — Вообще говоря, весь желоб был заполнен базальтом. Только когда мы его выковыряли, обнаружилось место, где базальт уходил внутрь, будто пробкой затыкая вход в радиальный туннель.

— Да, ничего не скажешь, работали не хуже кротов!

— Раскопать вход было делом нелегким, — продолжал Жирардо. — По сравнению с этим расчистка желоба оказалась сущей ерундой. А тут нам пришлось сверлить, а «опилки» удалять через те же тоненькие отверстия. Кое-кто хотел воспользоваться бозерскими плазменными резаками, чтобы прорыть несколько вспомогательных туннелей и тем облегчить задачу, но на это мы не решились. А минерало-керамические сверла этот черный материал не поверждают.

Любопытство ученого заставило Силвеста подавить в себе стремление дать отпор хвастливому тону Жирардо.

— Вам удалось узнать, что это за материал?

— В основном это углерод с примесями железа и ниобия, а также нескольких редких металлов. Но структура его нам осталась неизвестной. Это не просто какая-то аллотропная форма алмаза, или даже гипералмаза, которую мы еще не открыли. Возможно, вещество нескольких — самых верхних — миллиметров по структуре весьма близко к алмазу, но, похоже, глубже этот материал претерпел какую-то сложную перестройку кристаллической решетки. Его структура в самой центральной части артефакта — на глубинах, куда мы еще не добрались, может оказаться и вообще совершенно иной. По-видимому, там кристаллическая решетка распадается на триллионы углеродных макромолекул, соединившихся в единую массу. Иногда, возможно, эти молекулы пробивают себе дорогу наверх сквозь разрывы в решетке верхних слоев, и тогда мы их обнаруживаем.

— Вы говорите так, будто это сделано нарочно?

— Возможно, так оно и есть. Может быть, эти молекулы — нечто вроде энзимов, «выведенных» для того, чтобы

ремонтировать алмазную кору там, где она оказывается разрушенной. — Он пожал плечами. — Нам ведь не удалось изолировать ни одной из этих макромолекул, во всяком случае, в стабильной форме. Они распадались всякий раз, как их извлекали из решетки.

— То, что вы описываете, — сказал Силвест, — очень похоже на форму молекулярной технологии.

Жирардо улыбнулся Силвесту. Ему явно нравилось происходящее соревнование их интеллектов.

— Но, к сожалению, мы оба знаем, что амарантяне были слишком отсталы для такой технологии.

— Естественно.

— Естественно. — Жирардо опять улыбнулся, но теперь уже всей группе. — Как, заходим внутрь?

Пройти в систему туннелей, которая вела от желоба, оказалось труднее, чем представлял себе Силвест. Он думал, что радиальный туннель будет идти внутрь на такое расстояние, чтобы пересечь «скорлупу» машины, и тогда они окажутся в ее пустом чреве. Но все оказалось совсем не так. Внутренний объем оказался настоящим лабиринтом. Туннель действительно был радиальным на протяжении метров десяти, затем круто свернул влево, а дальше начал ветвиться, превращаясь в систему ходов. Эти бесчисленные пути были промаркированы цветами и наклейками, но сама система маркировки была столь сложна, что Силвест с ходу в ней разобраться не мог. Через пять минут он уже полностью перестал ориентироваться, хотя ему и казалось, что они все еще проникли в глубь объекта не так уж и глубоко. Казалось, вся туннельная система — выдумка лопоухого дебила, который сам не знал, чего хочет. Жирардо объяснил, что весь артефакт представляет собой серию концентрических оболочек, и стал рассказывать о том, как велось изучение этого колоссального объекта.

О его существовании узнали два года назад — когда Силвесту удалось привлечь внимание Паскаль к странностям, связанным с захоронением обелиска. Больше всего времени ушло на поиски самой пещеры, где был спрятан артефакт, а детальные исследования этой похожей на муравейник структуры пали на несколько последних месяцев. В первые дни произошло несколько несчастных случаев со смертельным исходом. Ничего таинственного, просто несколько поисковых групп потерялись в незакартированных секциях лабиринта или упали в вертикальные шахты, ко-

торые не успели загородить. Одна лаборантка умерла с голода, так как отошла слишком далеко, не захватив с собой даже хлебных крошек, чтобы разбрасывать их за собой. Ее нашли роботы через две недели — в нескольких минутах ходьбы от уже исследованных туннелей.

Проход через последнюю оболочку был труднее, чем через предыдущие четыре. Здесь начался спуск, и вскоре была пройдена последняя — горизонтальная — часть туннеля, конец которой был освещен белым светом.

Жирардо что-то шепнул своему рукаву, и свет погас.

Дальше пришлось идти в полутьме. Вдруг затрудненное дыхание людей перестало с гулом отражаться от близких стен, и они вышли на простор. Единственный доносившийся сюда звук был чмоканьем воздушных насосов.

— Держитесь, — сказал Жирардо. — Сейчас начнется.

Силвест напрягся. Он боялся, что снова потеряет чувство ориентации. Вспыхнул свет. На этот раз Силвест не разозлился на театральность поведения Жирардо. Сейчас оно было ему понятно, так как оправдывалось радостью открытия, хотя бы и вторичного. Конечно, он понимал, что оно было все же суррогатным, но разве в этом дело? Да и кто его знает, как оно на вкус — ощущение первооткрывательства. Ему было просто жаль всех остальных членов группы, которые не чувствовали сейчас того, что ощущал он. Но тут все эти мысли Силвеста были отодвинуты на задний план тем, что он увидел.

Это был инопланетный город!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

— Я подозреваю, — сказала Вольева, — что ты принадлежишь к числу тех, во всех других отношениях вполне разумных людей, которые гордятся тем, что не верят в призраков?

Хоури поглядела на нее и слегка нахмурилась. Вольева с самого начала знала, что эта женщина отнюдь не дура, и ей было интересно видеть реакцию на заданный ею вопрос.

— Призраков, Триумвир? Вы шутите?

— Ты скоро узнаешь обо мне одну вещь, — ответила Вольева. — Она состоит в том, что я почти всегда абсолютно серьезна и шуток терпеть не могу. — Она указала на дверь, сквозь которую они только что вошли, плотно сидящую в красно-бурой от ржавчины переборке корабля. Дверь была очень прочная, на ней сквозь пятна плесени и пласты ржавчины проступало относительно четкое стилизованное изображение паука.

— Вперед! Я пойду за тобой.

Хоури без всяких колебаний выполнила приказание. Вольева была вполне удовлетворена. За три недели, которые прошли после того, как эта женщина была украдена, или рекрутирована, если вам больше нравятся смягченные понятия, Вольева применяла к ней весьма сложный комплекс психотропных средств, назначением которых было возбудить у пленницы чувство лояльности. Лечение уж заканчивалось, осталось принять еще несколько доз, которые обеспечат пролонгированное — почти бесконечное — действие этих средств. Скоро чувство лояльности будет сидеть в этой женщине так прочно, что она станет не только безупречно послушной, но и само послушание превратится у нее в своего рода инстинкт, в принцип, благодаря которому она не сможет нарушить распоряжение так же, как рыба не может дышать нигде, кроме воды. Доведенный до крайней степени выражения (Вольева надеялась, что этого не произойдет), инстинкт этот заставит Хоури не только беспрекословно подчиняться распоряжениям корабельной команды, но еще и обожать их всех за то, что ей позволяют выполнять ее работу. Однако Вольева решила остановиться до того, как программирование этой женщины дойдет до подобной стадии. После ее более чем бесполезных экспериментов с Нагорным она решила, что ей не нужна новая безмолвная морская свинка. Ей будет даже приятно, если Хоури сохранит способность к выражению определенной дозы недовольства.

Как она и обещала, Вольева шла за Хоури, но отойдя на несколько метров от двери, Хоури остановилась: дальше идти было некуда.

Вольева приказала диафрагме двери закрыться.

— Где мы, Триумвир?

— В моем личном убежище, — ответила Вольева. Она что-то сказала в свой браслет, отчего свет зажегся, хотя периферия комнаты осталась затененной. Каюта имела

форму толстой торпеды, по длине вдвое больше ширины. Внутренняя отделка отличалась пышностью — четыре обитых малиновым бархатом кресла, привинченных к полу рядом друг с другом. Место для еще двух, но от них остались лишь винты в полу. Чехлов на креслах не было. Стены каюты были отделаны медью, они мягко закруглялись и казались выполненными из черного сверкающего обсидиана или полированного мрамора. В комнате имелась еще консоль черного дерева, прикрепленная к подлокотнику одного из кресел, в которое и уселась сама Вольева.

Она раскрыла консоль, ознакомилась с показаниями различных счетчиков и циферблатов, отделанных бронзой. Под циферблатами находились бронзовые же таблички и инкрустации из слоновой кости и дорогих пород дерева. Ознакомление с показаниями приборов заняло немного времени, так как посещения Паучника Вольева совершала регулярно, но ей было приятно касаться кончиками пальцев оправы приборов и нежно поглаживать их.

— Я предлагаю тебе сесть, — сказала она. — Мы сейчас отправимся.

Хоури повиновалась и села рядом с Вольевой, которая тут же начала поворачивать выключатели из слоновой кости, наблюдая, как зажигаются лампочки у отдельных циферблатов, а стрелки вздрагивают, когда ток подключается к приборам. Вольева испытывала что-то вроде садистского наслаждения, видя, что Хоури ничего не понимает, не знает даже, в какой части корабля они находятся и что именно сейчас должно произойти. Что-то залязгало, последовал сильный толчок, как будто эта каюта была спасательной шлюпкой, готовой оторваться от корабля-матки.

— Мы двигаемся, — поставила Хоури диагноз. — Что это такое? Роскошный лифт для членов Триумвирата?

— Нет, это попахивало бы декадентством. Мы просто находимся в старой шахте, которая ведет к наружной поверхности корабля.

— Тебе нужна каюта, которая возила бы тебя по кораблю? — Известная доля презрения, питаемого Хоури к привычкам Ультра, снова проступила наружу. Как ни странно, но она доставила Вольевой извращенное наслаждение. Значит, ее терапия не полностью разрушила личность этой женщины, а лишь изменила ее.

— Мы отправляемся на поверхность корпуса корабля. И не просто так, — сказала она. — Если бы это была обычная прогулка, мы бы пошли туда пешком.

Движение было достаточно равномерным, хотя иногда раздавались щелчки и полязгивания, говорившие о проходе через воздушные шлюзы и о тяговых системах, помогающих их проходить. Стены были, как и прежде, черны, но Вольева знала, что вскоре все изменится. Тем временем она продолжала следить за Хоури, пытаясь догадаться, боится ли та или просто любопытствует. Если Хоури умна, то уже должна была бы сообразить, что Вольева уделяет ей слишком много времени, чтобы, скажем, убить ее, но, с другой стороны, военный опыт этой женщины на Краю Неба должен был научить ее не принимать на веру ничего и никогда.

А вот ее внешний вид со времени появления на корабле значительно переменился. И с терапией связана лишь малая часть этих изменений. Ее волосы и раньше были пострижены коротко, сейчас же они полностью исчезли. Только у самой макушки возник коротенький вторичный «меховой» покров. Ее череп был изрыт тонкими шрамами цвета лососины. То были следы операций Вольевой, когда она вскрывала череп Хоури с целью вживления в мозг трансплантатов, находившихся ранее в голове Бориса Нагорного. Были и следы других хирургических операций. На теле Хоури имелось множество мелких шрамов, оставшихся после извлечения шрапнели, залеченных шрамов от лучевых ожогов, от пуль и так далее. Все это сувениры дней солдатской службы. Некоторые шарики шрапнели вошли слишком глубоко, чтобы медики с Края Неба занялись их извлечением. По большей части опасности для жизни они не представляли, так как состояли из биоокисей инертных металлов и находились далеко от жизненных центров. Но иногда медики оказывались настоящими лопухами. Совсем близко к поверхности тела Хоури, прямо под кожей, Вольева нашла несколько шрапнелей, которые надо было обязательно изъять. Что она и сделала, предварительно рассмотрев каждую из них в лаборатории. Все шрапнельки, кроме одной, никаких подозрений не вызывали. Их металлический состав не мог взаимодействовать с индукционными полями артиллерийской инженерии. Вольева каталогизировала дробинки и убрала их в сейф. Одну же дро-

бинку она изучала долго, хмурясь, пока не убрала вместе с другими, здорово изругав медиков.

Работа была грязная, но все же не такая, как операции на мозге. В течение столетий имплантаты или выращивались *in situ*, или их создавали для безболезненного введения через уже имеющиеся естественные отверстия в голове, но такие вещи не годились для крайне тонких и точных имплантатов, применяемых в артиллерии для связей между механизмами и артиллеристами. Тут единственным способом для их вживления была трепанация черепа с помощью пилы и скальпеля. Такая работа требовала уймы шитья и уборки после операции. Все осложнялось еще наличием в мозгу Хоури более ранних имплантатов. Тщательно изучив их, Вольева решила, что необходимости удалять их нет. Более того, рано или поздно снова придется ставить точно такие же, чтобы Хоури могла действовать за пределами своих служебных обязанностей так же, как действовала раньше. Имплантаты принялись хорошо, и уже через день Вольева усадила Хоури — предварительно усыпив — за пульт артиллериста. Она убедилась, что корабль способен нормально контактировать с новыми имплантатами, а они с ним. Дальнейшая проверка могла подождать до тех пор, пока не будет закончена терапия, связанная с внедрением инстинкта лояльности. В общем, заняться всем этим можно будет в то время, когда остальная команда ляжет в глубокий сон.

Осторожность — это слово приобрело для Вольевой теперь особый смысл. Именно из-за недостаточной осторожности возникли все неприятности с Нагорным.

Она не может позволить себе совершить новую ошибку.

— Откуда у меня возникло ощущение, что ты отрабатываешь со мной какой-то новый тест?

— Нет, это не тест. Это просто... — Вольева махнула рукой. — Извини меня, ладно? Слишком долгий разговор...

— А что я могу еще сделать для тебя? Прикинуться, что вижу призраков?

— Дело не в том, чтобы увидеть. Нет, Хоури. Их надо услышать.

Теперь за черными бортами движущейся каюты показался свет. Оказалось, что ее стены вовсе не черные, а прозрачные — просто казались черными в темноте шахты. Теперь же в дальнем конце шахты показался свет. Конец путешествия проходил в полном молчании. Каюта продолжа-

ла подниматься к свету, пока ледяной голубоватый сумрак не затопил ее со всех сторон. А затем она оторвалась от корпуса корабля.

Хоури вскочила с кресла, подбежала к стеклу и прижалась к нему пылающим лицом. Стекло, конечно, оказалось гипералмазом, так что никакой опасности, что оно разобьется или что Хоури выпадет наружу, не было. Однако выглядело оно тонким и хрупким, а человеческий разум не в состоянии принимать на веру несколько вещей сразу. Глядя вниз, Хоури могла различить восемь паучьих ног, с помощью которых капсула цеплялась за корпус корабля. Теперь она поняла, почему Вольева в разговоре с ней как-то назвала эту каюту «Паучником».

— Не знаю, кто ее построил или что, — говорила Вольева. — Думаю, что она была сооружена или одновременно с самим кораблем, или тогда, когда он должен был перейти в другие руки. Разумеется, если предположить, что у кого-то нашлись деньги, чтобы купить его. Я полагаю, что эта каюта служила очень хитроумной игрушкой для привлечения потенциальных клиентов. Отсюда и такая роскошь отделки.

— То есть ее использовали для того, чтобы взвинтить цену?

— Вообще-то это кажется весьма вероятным, особенно если мы примем в качестве постулата, что у кого-нибудь может возникнуть потребность оказаться вне корабля, вот как у нас с тобой. Если корабль идет с ускорением, то любой прибор наблюдения, находящийся на его поверхности, должен иметь такое же ускорение, иначе он сорвется и улетит назад. Нет особых проблем, если речь идет о фотокамере, но если у вас на борту люди, то проблема обязательно возникнет. Кто-то должен управлять вот такой штуковиной или хотя бы уметь программировать автопилот, чтобы он делал за вас то, что вам нужно. Паучник решает проблему тем, что физически становится частью корабля. Управлять им — пара пустяков — он просто ползет по кораблю на своих восьми коленях.

— А что случится, если...

— Если он потеряет сцепление? Ну... во-первых, этого никогда еще не случалось, но если бы и случилось, то у каюты есть магнитные присоски, есть специальные когти, способные проникнуть в обшивку. Если же и это не помогло бы, то заверяю тебя, каюта может двигаться и сама —

автономно, выдерживая ту же скорость, которую имеет и корабль. Если же и этого мало... — тут Вольева помолчала. — Что ж, если все, о чем сказано, не сработает, тогда мне придется встретиться с моим любимым божеством и как следует обсудить создавшуюся ситуацию.

Хотя Вольева сама никогда не отводила Паучник от места выхода на поверхность корпуса больше, чем на сотню метров, но он мог бы проползти вокруг всего корабля. Возможно, такое путешествие было бы не слишком разумным мероприятием — тащиться при огромной скорости корабля по его брюху сквозь радиационную бурю, от которой каюту Паучника обычно защищала толстая корабельная броня, было бы весьма опасно. Стены каюты были слишком тонки, все остальное — принесено в жертву странной и беззащитной красоте.

Паучник — ее самый потайной секрет. Его нет даже на синьках корабля и, насколько она понимает, члены команды о его существовании ничего не знают. Будь все хорошо, такое положение сохранилось бы до конца жизни Вольевой, но артиллерийские проблемы заставили ее понизить планку секретности. Даже при отвратительном нынешнем состоянии корабля сеть шпионящих технических устройств Саджаки была невероятно обширна. Паучник был одним из тех немногих мест, где Вольева могла чувствовать себя защищенной и без опаски обсуждать со своими рекрутами самые секретные вопросы, говорить о том, во что она не хотела бы посвящать остальных членов Триумвирата. По этой причине ей пришлось выдать тайну Паучника Нагорному, дабы обсудить с ним во всех подробностях проблему Похитителя Солнц. В течение нескольких месяцев, пока его состояние все ухудшалось, она жалела об этой откровенности, вечно опасаясь, что он выдаст тайну Паучника Саджаки. А вообще-то в данном случае волноваться ей не следовало: к трагическому концу своей жизни Нагорный так глубоко погрузился в кошмары, что физически не мог вмешиваться в тонкости внутренней политики корабля. А теперь он унес секрет в могилу, и некоторое время Вольева могла спать спокойно, не боясь, что ее святилище будет вот-вот обнаружено. Возможно, сейчас она тоже делает ошибку, о которой она снова будет жалеть: ведь она поклялась себе не рисковать больше каютой, но, как всегда, конкретные обстоятельства оказались сильнее и заставили ее нарушить прежнее решение. Было нечто, что ей необходи-

мо обсудить с Хоури, причем призраки были лишь своего рода приманкой, чтобы Хоури не смогла заподозрить существования куда более глубоких причин.

— Я пока никаких призраков не видела, — сказала Хоури.

— Еще увидишь, вернее, услышишь. И очень скоро, — последовал ответ.

Действия Триумвира странны, думала Хоури. Несколько раз Вольева намекала, что эта каюта — ее тайное личное убежище на борту корабля, и что остальные — Саджаки, Хегази и еще две женщины — даже не подозревают о существовании Паучника. Странно, что она решилась выдать свой секрет Хоури так быстро, то есть после столь недавнего знакомства. Вольева — одиночка, выделяющаяся замкнутостью даже среди экипажа военизированных химерийцев, и Хоури не могла бы поверить, что ею вдруг овладел приступ доверчивости. Она всячески демонстрирует Хоури свое дружелюбие, но в ее дружеских жестах есть что-то искусственное. Они слишком запланированы, в них нет ощущения спонтанности. Когда Вольева делает подобный жест — например, приглашает поболтать, посплетничать, пошутить, всегда возникает ощущение, что она часами репетировала свое обращение, чтобы оно прозвучало совершенно натурально. Хоури встречала таких людей и раньше — на войне. Сначала они кажутся цельными, но потом оказывается, что они или иностранные шпионы, или стукачи, собирающие информацию для старших офицеров. Вольева старается говорить о Паучнике как бы мельком, случайно, но Хоури понимала, что призраки — лишь приманка, а вовсе не главное в этом разговоре. В голову Хоури лезли разные мысли, в том числе и такая, что Вольева привела ее сюда, чтобы здесь и оставить. Не обязательно живую.

Оказалось, что это не так.

— Кстати, есть одна вещь, о которой я хотела тебя спросить, — легкомысленным тоном сказала Вольева. — Слова «Похититель Солнц» тебе пока ничего не говорят?

— Нет, — ответила Хоури. — А должны?

— Да нет, едва ли... Просто вспомнилось, вот и все. Слишком долго объяснять, почему... ладно, не бери в голову.

Все это звучало не более убедительно, чем предсказания гадалки из трущоб.

— Ладно не буду, — ответила Хоури и спросила сама: — А почему ты сказала «пока»?

Вольева внутренне обругала себя. Неужели она все испортила? Пожалуй, нет. Она задала вопрос совершенно беспечно, а в поведении Хоури не было ничего, свидетельствовавшего, что она не просто удивилась... и все же... сейчас не время делать ошибки.

— Неужели я так сказала? — воскликнула она, надеясь, что придала голосу нужную дозу удивления, смешанного с небрежностью. — Просто, должно быть, сказалось так, вот и все. — И тут же сменила тему: — Погляди-ка вон на ту звезду, на ту, что слегка красноватая...

Теперь, когда глаза уже немного привыкли к обступившему Паучник межзвездному пространству, с огромной скоростью летевшему назад, голубое свечение выхлопов мешало меньше, и в черной бездне можно было различить несколько звезд.

— Это солнце Йеллоустона?

— Да, это Эпсилон Эридана. Вот уже три недели, как мы покинули его систему. Еще немного времени, и ты с трудом обнаружишь эту звезду. Мы пока движемся со скоростью, составляющей всего несколько процентов от световой, — но мы ее непрерывно наращиваем. Скоро видимые нами звезды начнут смещаться, созвездия станут менять очертания, пока наконец звезды не соберутся в две группы: одна впереди нас, другая — позади. Будет похоже, что мы находимся где-то посередине длинного туннеля, в который свет поступает с обоих концов. А еще звезды поменяют цвет. Это будет выглядеть странно, так как цвет звезды зависит от ее спектрального типа. От того, сколько энергии она выделяет в различных частях спектра, включая инфракрасный и ультрафиолетовый. Но тенденция будет такова: цвет тех, что впереди, будут сдвигаться к голубой части спектра, тех, что позади, — к красной.

— Наверно, это очень красиво, — произнесла Хоури, не слишком впопад, — но я никак не пойму, при чем тут призраки?

Вольева слегка улыбнулась.

— Я чуть не забыла о них. Просто позор!

И тут же сказала что-то браслету, но так тихо, что Хоури не расслышала, о чем она попросила корабль.

Стонущие голоса проклятых душ заполнили каюту.

— Вот и призраки, — сказала Вольева.

* * *

Бестелесный Силвест парил над похороненным городом. Окружавшие его стены вздымались ввысь. Их покрывали надписи, число которых было эквивалентно минимум десяти тысячам печатных томов амарантянского текста. Хотя иероглифы были всего несколько миллиметров в высоту, а он парил в сотнях метров от стены, ему достаточно было лишь сфокусировать свое зрение на определенном участке, чтобы четко увидеть написанные там слова. Когда он делал это, переводящие алгоритмы начинали перерабатывать текст в нечто близкое к каназианскому, а собственные полуинтуитивные процессы Силвеста продолжали процесс расшифровки надписей. Обычно Силвест соглашался с программами, но иногда они упускали некоторые существенные контекстно-зависимые тонкости.

Одновременно, пребывая телом в Кювье, он вслепую делал короткие заметки, на ощупь заполняя ими страницу за страницей в своем бюваре. В последние дни ему особенно нравилось писать пером, избегая, насколько возможно, новейших технических средств. Цифровые устройства были слишком доступны его врагам для последующего манипулирования. Во всяком случае, если его записи разорвать и уничтожить, они просто навсегда исчезнут, а не вернутся к нему, чтобы преследовать его в образе, приспособленном для использования в чьей-то чуждой идеологии.

Он закончил перевод очередного раздела, дойдя до изображения фигуры со сложенными крыльями, что означало конец абзаца. Потом оторвался от танцующей перед глазами стены, покрытой иероглифическими надписями, вложил в бювар закладку, закрыл его, сунул, не глядя, в ящик стола и вытащил другой бювар. Открыв его на закладке, Силвест провел пальцем по странице сверху вниз, определяя на ощупь, где кончается написанный чернилами текст. Положив книгу точно параллельно краю стола, он установил перо на конец текста и стал писать дальше.

— Слишком усердно работаешь, — сказал голос Паскаль.

Она вошла в комнату так тихо, что Силвест ее не услышал. Теперь ему следовало представить ее или стоящей около него, или сидящей рядом с ним в кресле, как оно и было на самом деле.

— Кажется, я что-то сумел нащупать, — шепнул он.

— Все еще хочешь прошибить головой эти древние надписи?

— Кто-то из нас должен треснуть первым. — Он отвел свой бестелесный взор от стены и направил его в центр Города. — И все же я надеюсь, что на это понадобится теперь не так уж много времени.

— Я — тоже.

Он знал, на что она намекает. Восемнадцать месяцев назад Нильс Жирардо продемонстрировал им Погребенный Город амарантян. Год назад обсуждался вопрос об их свадьбе с Паскаль, и она была отложена до тех пор, пока Силвест не сделает серьезного прогресса в расшифровке настенных надписей. Вот сейчас он и был занят этим... и боялся. Больше не будет предлогов откладывать. И она знает об этом не хуже его самого.

И почему все это превращается в такую сложную проблему? Или проблема стала проблемой потому, что он сам ее так классифицировал?

— Опять ты хмуришься, — сказала Паскаль. — У тебя снова трудности с надписями?

— Нет, — отозвался Силвест. — Они перестали быть проблемой. — И это была правда. Просто его второй натурой стала привычка совмещать бимодальные потоки амарантянского письма с предполагаемым будущим его и Паскаль. Это немного напоминало работу картографа со стереоскопическим изображением местности.

— Дай и мне взглянуть.

Он слышал, как она движется по комнате, как разговаривает с электронным бюро, приказывая ему открыть второй канал для ее сенсорики. Эта консоль, которая давала Силвесту доступ к электронной модели Города, появилась вскоре после их первого визита в его погребенный оригинал. На этот раз идея принадлежала не Жирардо, а Паскаль. Успех «Спуска во тьму» — недавно опубликованной биографии Силвеста — сильно укрепил ее влияние на отца, и Силвест не стал спорить, когда она предложила ему — в буквальном смысле — ключи от Города.

Разговоры о грядущем бракосочетании были у всех на устах. Большая часть сплетен, достигавших ушей Силвеста, касалась того, что мероприятие это чисто политическое, что Силвест ухаживал за Паскаль, видя в этом средство, так сказать, вернуться во власть, что — если смотреть цинично — брак лишь средство для достижения цели, а

цель — экспедиция на Цербер-Гадес. Возможно, в какие-то мгновения подобные мысли действительно посещали Силвеста. В его подсознании, возможно, возникало подозрение, а не придумал ли он свою любовь к Паскаль, имея в виду эти амбиции? Да, крошки истины тут могли иметь место. Но с его современной точки зрения он сам не мог бы сказать, как обстоят дела: так или иначе. Он был уверен, что если любит Паскаль (а такое допущение у Силвеста было равносильно признанию в любви), то одновременно он не настолько слеп, чтобы не видеть выгод, которые ему сулит этот брак. Он и теперь уже мог публиковать статьи — скромные, основанные на небольших порциях расшифровки амарантянских текстов. Совместно с Паскаль. И Жирардо там упомянут в качестве лица, оказавшего помощь. Пятнадцать лет назад Силвест все это счел бы для себя позором, но сейчас ему с трудом удавалось возбудить в себе чувство недовольства собой. Важнее было другое.

Город был важным шагом вперед для понимания сути События.

— Я уже здесь, — сказала Паскаль громче, хотя и была сейчас так же бестелесна, как Силвест. — Мы смотрим на Город с одной точки?

— Что ты видишь?

— Шпиль, храм — не помню, как ты его называешь.

— Верно.

Храм находился в геометрическом центре Погребенного Города и имел форму срезанной трети яйца. Верх его был вытянут и превращен в башню, украшенную высоким шпилем, гордо возвышавшимся над городскими крышами. Здания вокруг храма больше всего напоминали взъерошенные гнезда птичек-ткачиков. Возможно, в их архитектуре сказывался некий давно забытый родовой императив амарантян. Подобно уродливым богомольцам, они жались к огромному шпилю, венчавшему храм.

— Тебя что-то беспокоит?

Силвест завидовал Паскаль. Она посетила Город не меньше дюжины раз. Она даже лазила на верх храма, воспользовавшись винтовой лестницей, которая шла внутри шпиля до самого его конца.

— Фигура на шпиле. Она тут как-то не к месту.

Фигура выглядела маленькой и изящно вырезанной в сравнении со всем остальным в Городе, хотя и достигала 10—15 метров в высоту, то есть была вполне сопоставима с

египетскими изваяниями в Храме Царей. Судя по данным, полученным во время раскопок, Погребенный Город был построен в масштабе 1:4. Значит, в настоящем городе фигура должна была достигать метров сорока в высоту. Но если этот город и в самом деле существовал на поверхности, то он вряд ли пережил огненные бури События, не говоря уж о последующих 990 тысячах лет выветривания, оледенения, метеоритных атак и тектонических подвижек.

— Ты ощущаешь, что она тут не к месту?

— Да. Она изображает амарантянина, но больше таких скульптур я тут не видел.

— Может быть, это божество?

— Вполне возможно. Но я не понимаю, зачем ему придали крылья.

— А! И в этом вся проблема?

— А ты приглядись внимательнее к Городу сама, если не доверяешь мне.

— Лучше ты проведи меня туда, Дэн.

Направление их взглядов изменилось. Они по крутой дуге отошли от шпиля и спустились вниз.

Вольева внимательно следила за тем воздействием, которое окажут на Хоури голоса. Она была уверена, что где-то в броне самоуверенности этой женщины найдется брешь сомнения и страха. Например, мысль, что призраки действительно существуют, что Вольева и в самом деле нашла способ проникнуть в их фантомную эманацию.

Звуки, издаваемые призраками, состояли преимущественно из стонов — глухих и нутряных, а также продолжительных воплей и завываний, таких низких, что они ощущались скорее кожей, чем слухом. Иногда они были похожи на свист ветра, проходящего через тысячи миль пещер. Было ясно, что это не природный феномен, не шелест потока элементарных частиц, обтекающих корпус корабля, что это даже не флюктуация процессов, происходящих в машинах. Нет, в завываниях призраков слышались голоса ночи, вопли ужаса, вой осужденных, и хотя ни единого слова разобрать было нельзя, но в них угадывалась структура человеческой речи.

— Что ты думаешь об этом?

— Но ведь это и в самом деле голоса, правда? Человеческие голоса. Только они звучат так устало, так изношенно, так печально... — Хоури внимательно вслушивалась. —

Несколько раз мне показалось, что я разбираю отдельные слова.

— И, конечно, ты поняла, кто они такие? — Вольева приглушила звуки так, что они превратились в бесконечный стон хора мучеников. — Это члены команд, такие же, как ты или я. Они служат на других кораблях и говорят друг с другом через необозримые пространства пустоты.

— Тогда почему... — Хоури заколебалась. — А, погоди... Я поняла... Они летят быстрее, чем мы, да? Гораздо быстрее. Их голоса звучат медленнее, потому что они в буквальном смысле медлительнее... часы на кораблях, летящих со скоростью, близкой к световой, идут медленно...

Вольева кивнула. Она была слегка разочарована тем, как быстро Хоури во всем разобралась.

— Растяжение времени. Конечно, некоторые из этих кораблей идут нам навстречу, и тогда доплеровское смещение слегка снижает эффект растяжения, хотя последний, как правило, все же остается сильнее. — Она пожала плечами, видя, что Хоури еще не вполне разобралась в тонкостях принципов релятивистских связей. — В нормальных условиях «Бесконечность» все это подвергает обработке, удаляет искажения, вызванные эффектом Доплера и растяжением времени, и переводит в речь, которая понятна.

— Покажи ее мне.

— Нет, — ответила та. — Не стоит. Конечный продукт почти весь одинаков: банальности, техническая информация, хвастливая риторика.

И это еще наиболее интересная часть спектра. А на том конце, что просто наводит тоску — параноидальные сплетни или идиотские происшествия, которые не дают людям покоя по ночам. Очень много разговоров между двумя кораблями, случайно встретившимися в космосе. Они обмениваются добрыми пожеланиями. Тоже ничего интересного. Во время полетов со скоростью, близкой к световой, корабли встречаются не реже раза в несколько месяцев. Примерно половина посланий написана заранее, так как команда обычно лежит в глубоком сне.

— Иными словами, все — обычная болтовня.

— Именно так. Мы забираем ее туда, куда направляемся.

Вольева лениво откинулась в своем кресле. Она отдала распоряжение звуковой системе продолжать откачивать из космоса эти печальные стоны на еще более высокой то-

нальности. Этот сигнал, говоривший о человеческом присутствии, который должен был заставить звезды казаться чуть менее далекими и холодными, оказывается, имеет совершенно обратный эффект. Так и рассказы о призраках, которыми обмениваются возле ночного костра, лишь сгущают мрак, царящий за пределами освещенного круга. На какое-то мгновение — она его ощутила, не важно, что там Хоури подумала, — ей показалось, что вера, будто заборные пространства космоса заселены призраками, вполне имеет право на существование.

— Заметила что-нибудь? — спросил Силвест.

Стена состояла из гранитных блоков, вытесанных в форме шевронов. В пяти местах она прерывалась воротами и домиками для стражи. Над воротами — изваяния голов амарантян, но не в реалистическом стиле, а в том, что сходен с искусством Юкатана. Фреска, тянущаяся вдоль всей наружной поверхности стены, изготовлена из керамических плиток и изображает амарантян, выполняющих различные общественные обязанности.

Паскаль помолчала, прежде чем ответить. Ее взгляд надолго останавливался на различных фигурах, изображенных на фреске.

Вот они несут какие-то сельскохозяйственные орудия, которые мало чем отличаются от известных из истории развития земледелия у людей. Вот они тащат пики, луки, что-то вроде мушкетов, но позы амарантян вовсе не похожи на позы сражающихся — они формализованы и неподвижны, будто извлечены из глубин египетского искусства. Были там и амарантянские хирурги, и каменотесы, и астрономы — оказывается, были у них и зеркальные, и линзовые телескопы, что подтвердили и позднейшие раскопки — и картографы, и стекольщики, и изобретатели воздушных змеев, и художники. Под каждой символической фигурой тянулась цепочка иероглифов, выполненных золотом и синим кобальтом, которые обозначали ряд профессий, связанных с главной специализацией данной фигурки.

— Ни у кого из них нет крыльев, — сказала Паскаль.

— Верно, — отозвался Силвест. — Если они и были раньше, то теперь превратились в руки.

— Но почему ты возражаешь против статуи с парой крыльев? Люди же никогда не имели крыльев, но это не помешало им изобрести крылатых ангелов! Меня скорее удив-

ляет, что биологический вид, который действительно когда-то обладал крыльями, так редко пользуется их изображениями в своем искусстве.

— Да, конечно, но ты забыла их миф о Сотворении Мира.

Только в последние годы этот миф — основа основ — стал понятен археологам. Его извлекли из дюжины более поздних и приукрашенных версий. Согласно мифу, амарантяне когда-то делили Небо с другими, похожими на птиц, созданиями, которые существовали на Ресургеме в те времена, когда им всем принадлежала эта планета. Но стаи амарантян того времени были последними, знавшими радость свободного полета.

Они заключили соглашение с богом, которого звали Творец Птиц, обменяв умение летать на дар разума. В тот день они подняли свои крылья к Небу и смотрели, как всепожирающий Огонь превратил их в пепел, навсегда отняв у амарантян Небо.

А для того чтобы они об этом всегда помнили, Творец Птиц оставил им обрубки крыльев, бесполезные для полета, хотя и достаточные для того, чтобы вечно напоминать о потере и чтобы научиться писать свою историю. Огонь вспыхнул в их умах, но то был огонь жажды жизни. Этот свет, сказал Творец Птиц, будет гореть вечно — до тех пор, пока они не попробуют победить Творца и снова вернуться на Небо. Было сказано, что если они добьются этого, то Творец Птиц отнимет у них души, которые были им дарованы в День Сожжения Крыл.

Силвест, конечно, понимал, что это лишь попытка культуры подставить своему взгляду отражающее зеркало. Что ей придавало особое значение, так это железная логичность, пропитавшая всю цивилизацию амарантян: одна религия, победившая все остальные, и сохранившаяся (при разных толкованиях) на протяжении нескончаемой череды столетий. Без сомнения, она сформировала поведение и мышление амарантян в столь сложных формах, что их и представить себе невозможно.

— Я поняла, — сказала Постель. — Как биологический вид они не смогли смириться с бескрыльем и создали миф о Творце Птиц, чтобы ощутить определенное превосходство над птицами, которые все еще умели летать.

— Да. И пока эта вера работала, у нее оказался один весьма неожиданный побочный эффект: она удерживала

от поиска любых других новых путей полета. Подобно мифу об Икаре, она создала прочную узду для коллективного мышления.

— Но в таком случае... фигура на шпиле...

— Огромный двукрылый салют какому-то богу, в которого они верили в прошлом.

— Но почему они сделали это? — воскликнула Паскаль. — Религии умирают медленно и новыми сменяются постепенно. Я не могу представить, что они построили этот город и все, что в нем есть, просто как оскорбление старому богу!

— И я тоже. Что и дает начало рождению новой мысли.

— Какой?

— Что утвердился новый бог. С крыльями.

Вольева решила, что пришло время показать Хоури, с чем она будет иметь дело на своей новой должности.

— Держись крепче, — сказала она, когда лифт уже приближался к орудиям из Тайника. — Людям обычно бывает не по себе, когда такое случается с ними впервые.

— Бог мой! — воскликнула Хоури, инстинктивно прижимаясь к задней стенке лифта, когда сцена, представшая перед ее глазами, вдруг как бы внезапно многократно расширилась: крошечный жучок-лифт, ползущий по бескрайней складке пространства. — Мне кажется, этот зал слишком огромен, чтобы поместиться внутри корабля!

— О, это пустяки. Тут есть еще четыре помещения столь же колоссальных размеров. Одно из них предназначено для тренировок перед операциями на поверхности планет. Еще два — пусты или лишь частично заполнены воздухом. В четвертом стоят шаттлы, а также приспособления, предназначенные для движения внутри систем обеспечения. А это отведено для хранения орудий из Тайника.

— Ты имеешь в виду вон те штуковины?

— Да.

В зале находилось сорок орудий, причем ни одно из них не походило на другое. И тем не менее в их конструкции было нечто, выдававшее общность происхождения. Все механизмы были исполнены из сплава зеленовато-бронзового цвета. Каждый был размером не менее чем в половину среднего космического корабля, однако не создавалось впечатления, что это и является их функцией. На корпусах не было ни иллюминаторов, ни входных люков, ни маркиро-

вок, ни выступающих коммуникационных систем. Хотя на некоторых были вроде бы отверстия для установки верньеров, но на самом деле они, по-видимому, были нужны чтобы передвигать орудия или чтобы прикреплять к ним какие-то детали. Словом, боевой корабль, несущий эти орудия, должен был сам обеспечивать их перемещение и вывод на цель.

Все это было в высшей степени странно и непонятно.

— Машина класса «Ад», — сказала Вольева. — Так назвали ее строители. Конечно, дело было несколько столетий назад.

Вольева молча наблюдала за тем, как Хоури оценивает взглядом титанические размеры ближайшего к ней орудия. Подвешенное вертикально, с длинной осью, ориентированной согласно тяге корабля, оно выглядело как церемониальная шпага, свисающая с потолка зала какого-нибудь барона-забияки. Как и другие орудия, этот механизм был окружен каркасом, добавленным кем-то из предшественников Вольевой, и на каркасе были установлены приборы для контроля и маневрирования. Все орудия стояли на рельсах, образующих трехмерный лабиринт на нижнем уровне зала. Рельсы уходили куда-то вниз, к воздушным шлюзам в корпусе корабля, через которые орудия можно было выпустить прямо в пространство.

— Кто же их создал? — спросила Хоури.

— Достоверно мне не известно. Возможно, Конджойнеры в одной из своих инкарнаций. Все, что мы знаем, это то, как их обнаружили — спрятанными на астероиде, который вращался вокруг карлика, настолько отдаленного, что, кроме номера в каталоге, о нем никто ничего не знал.

— Ты тоже там была?

— Нет. Это случилось задолго до меня. Я лишь унаследовала их от последнего хранителя, а он — от своего предшественника. С тех пор я их изучаю. Мне удалось обнаружить подход к контрольным системам тридцати одного орудия, и я поняла — очень приближенно — около восьмидесяти процентов кодов, необходимых для их активации. Однако в действии я проверила всего семнадцать орудий. Из них только два — в условиях, которые можно назвать боевыми.

— Ты хочешь сказать, что и в самом деле воспользовалась им в бою?

— Ну, ведь я уже кое-что знала про них.

Не надо, подумала Вольева, перегружать Хоури былыми преступлениями. Во всяком случае — сейчас. Через какое-то время Хоури будет знать эти орудия так же хорошо, как и она сама, а может, и лучше, более интимно, что ли, поскольку будет познавать их с помощью вживленных в нее нейронных датчиков.

— И что же получилось?

— Некоторые из них могут разорвать на части целые планеты. Другие... Не хочу даже гадать. Я бы не удивилась, узнав, что они могут доставить неприятности даже звездам. Те, кто захотел бы ими воспользоваться... — Она оборвала фразу.

— А против кого ты направила свои орудия?

— Против врагов, конечно.

Хоури глядела на Вольеву несколько бесконечно долгих безмолвных секунд.

— Не знаю, то ли ужасаться тому, что такие вещи существуют на свете, то ли испытывать облегчение от того, что на спуске лежат наши пальцы, а не...

— Разумеется, — сказала Вольева. — Так лучше.

Описав несколько кругов, Силвест и Паскаль вернулись к шпилю. Крылатый амарантянин выглядел точно так же, как и раньше, но сейчас им показалось, что он взирает на Город с императорским безразличием. Было очень соблазнительно предположить, что новый бог и в самом деле овладел Городом. А что еще могло подвигнуть горожан на сооружение подобного монумента, как не страх перед божеством? Однако сопроводительный текст на шпиле было безумно трудно перевести.

— Здесь есть упоминание о Творце Птиц, — сказал Силвест. — Значит, есть шанс, что шпиль имеет отношение к мифу о Сожженных Крыльях, если даже крылатый бог и не является воплощением Творца Птиц.

— Да, — ответила Паскаль. — А вон и иероглиф Огня, он стоит совсем рядом с иероглифом, означающим крылья.

— Что еще ты видишь?

Паскаль постаралась сосредоточиться. Текли минуты.

— Тут есть какое-то упоминание о стае отступников.

— Отступников в каком смысле? — Он проверял ее, она понимала это, но повторение ценно само по себе. Перевод Паскаль поможет Силвесту оценить, насколько субъективен его собственный анализ.

— Стая отступников, которые не согласились на уговор с Творцом Птиц, а может, нарушили этот уговор впоследствии.

— Именно так решил и я. Только беспокоился, не сделал ли при этом парочки ошибок.

— Кто бы они ни были, но они получили кличку Отверженные. — Паскаль вертела текст и так и этак, проверяя гипотезы одну за другой, на ходу пересматривая свой перевод. — Похоже, они сначала были в составе стаи, которая согласилась на условия Творца Птиц, но потом — позже — изменили свое мнение.

— А ты не можешь прочесть имя их вождя?

Она начала:

— Их вела личность по имени... — И тут она умолкла. — Нет, я не могу прочесть эту строчку сходу. И вообще, что все это значит? Ты полагаешь, они существовали в действительности, что ли?

— Возможно. Я бы взял смелость предположить, что они были атеистами, которые поняли, что миф о Творце Птиц — всего лишь миф. Конечно, в глазах фундаменталистской части населения это должно было выглядеть далеко не лучшим образом.

— Поэтому они и были отлучены?

— Конечно, если все это случилось в действительности. Но я все думаю: а что, если это была своего рода технологическая секта? Вроде анклава ученых? Амарантяне, которые готовы были экспериментировать, вопрошать природу своего мира?

— Подобно средневековым алхимикам?

— Да. — Эта аналогия ему очень понравилась. — Возможно, они даже подбирались к экспериментам с полетами, подобно Леонардо. Учитывая отсталый характер амарантянской культуры, это было все равно что плюнуть в глаза самому Господу Богу.

— Согласна. Но если мы признаем, что все это имело место в реальности... что были отлученные... то, что же произошло с ними? Просто вымерли?

— Не знаю. Ясно одно: Отверженные сыграли огромную роль. Они очень важны, это не мелкая деталь в мифе о Творце Птиц! О них говорится в надписи на шпиле много раз. Да и в других местах этого проклятого Города. Куда чаще, нежели в других амарантянских древностях.

— Но ведь Город — он был позже, — спорила Паскаль. — Не считая обелиска-маркера, это самая юная из всех найденных пока древностей. Его можно отнести ко времени События. Почему Отверженные появляются снова, после столь долгого отсутствия?

— Ну, — ответил Силвест, — может, они просто возвратились?

— После... чего? Десятков тысяч лет?

— Возможно. — Силвест усмехнулся. — Если они вернулись после долгого отсутствия... Это могло стать причиной... создания статуй...

— Тогда статуя... Ты не думаешь, что это мог быть портрет их лидера, того, которого звали... — Паскаль ткнула в тот иероглиф, о котором шла речь до того. — Ведь это же символ Солнца, не так ли?

— А остальное?

— Я не уверена... Выглядит, как иероглиф глагола... воровать... Но как они сопрягаются?

— Сложи одно с другим. Что у тебя получилось?

Он молча представил себе ее мучения.

— Тот, Кто Крадет Солнца? Похититель Солнц? Что это значит?

Силвест пожал плечами.

— Об этом я спрашиваю себя с утра. И об этом, и о другом.

— О чем?

— Почему мне кажется, что я уже где-то слышал это имя?

После Оружейной они отправились, но уже на другом лифте, в самое сердце корабля.

— Ты вела себя правильно, — сказала Мадемуазель. — Вольева искренне верит, что завоевала тебя и что ты на ее стороне.

Мадемуазель более или менее постоянно была с ними, молча совершая обход корабля под руководством Вольевой и лишь изредка вмешиваясь со своими замечаниями и насмешками, предназначенными для одной Хоури. Это было крайне неприятно для Хоури, которая никак не могла отделаться от ощущения, что Вольева тоже слышит их бесшумную беседу.

— Возможно, она права, — ответила Хоури, автоматически произнося слова ответа в уме. — Она, видать, еще круче, чем вы.

Мадемуазель обозлилась.

— Ты-то помнишь, что я тебе говорила?

— Будто у меня есть выбор.

Пытаться заткнуть рот Мадемуазель, когда она настроилась говорить — все равно что заставить умолкнуть привязавшийся надоедливый мотивчик. Деваться от ее поучений было некуда.

— Слушай, — долдонила Мадемуазель, — если мои контрмеры провалятся, то не возникнет ли у тебя потребность выдать меня ей?

— У меня уже был такой соблазн.

Мадемуазель бросила на Хоури косой взгляд, и та почувствовала мимолетное удовлетворение. В некоторых отношениях Мадемуазель — вернее, ее имплантированная в мозг Хоури персона — казалась всемогущей. Вместе с ней к Хоури пришли готовые знания, однако теперь новые знания могли прийти только в том случае, если они получены Мадемуазель через ощущения самой Хоури. А может, она получает знания и тогда, когда Хоури не задействована? Вряд ли такое возможно, а то как бы Мадемуазель не попала под надзор следящих систем?

— Вольева убьет тебя. Она уже убила своего последнего рекрута. Говорю тебе это на случай, если ты сама этого не поняла...

— Возможно, для этого у нее были достаточно веские основания.

— Ты о ней ничего не знаешь, впрочем, как и обо всех других. Я — тоже. Мы еще даже с Капитаном не познакомились.

Вот с этим не поспоришь. Имя Капитана Бреннигена несколько раз всплывало в разговорах, когда Саджаки или кто-нибудь другой проявлял неосторожность в присутствии Хоури, но обычно они почти никогда не говорили о своем командире. Ясно, они же не были Ультра в полном смысле этого слова, хотя и старались изо всех сил создать противоположное впечатление. Даже Мадемуазель обманули. Они отлично поддерживали свое реноме, соблюдая все обычаи торгашей — ну, точно обычные Ультра.

Однако что же лежало за этим фасадом?

Артиллерист, сказала Вольева. А теперь Хоури повидала кое-какое оружие из имеющегося на корабле. Вообще-то слухи насчет того, что у торгашей на кораблях бывает секретное оружие, ходили упорно. Говорили, что оно им

нужно, дабы решать возникшую напряженность между клиентом и продавцом, а то и для пиратских действий против других кораблей. Только то оружие, которое видела она, выглядело слишком мощным, чтобы применять его в мелких стычках, тем более что общий уровень вооружения этого корабля и без того был очень высок — чтобы решать обычные проблемы торгашей, его было более чем достаточно. Тогда зачем же подобный арсенал? Саджаки, возможно, имеет в голове какой-нибудь особый план дальнего прицела, думала Хоури, и это ее тревожило. Не менее тревожным было и предположение, что никакого плана у них вообще нет, а оружие из Тайника Саджаки просто таскает с собой, дожидаясь повода применить его. Ну, как хулиган, который шляется по округе с ножом, надеясь найти повод, чтобы пустить его в ход.

Неделями Хоури создавала и разрушала различные гипотезы, но так и не нашла такой, которая показалась бы ей достаточно вероятной.

Конечно, ее тревожила не одна военная сторона природы корабля. Она же сама была рождена для войны. Война была ее средой обитания, и хотя Хоури была готова рассматривать возможность существования других состояний Бытия, война оставалась для нее чем-то родным и близким. Однако приходилось признать, что войны, знакомые ей по Краю Неба, и близко не дотягивали до таких, в которых можно было использовать орудия из Тайника. Хотя Край Неба был достаточно тесно связан с межзвездной торговой сетью, средний технологический уровень сражающихся сторон в его войнах на столетия отстал от Ультра, которые иногда становились на околопланетную орбиту. Кампанию можно было выиграть легко, купив у Ультра хоть одно их орудие... Но таких орудий мало, цены на них огромны, да и их обслуживание обойдется... В истории этой колонии даже ядерное оружие было применено всего несколько раз. И то это было до рождения Хоури. Она видела жуткие вещи, вещи, снившиеся ей в ночных кошмарах, но все же никогда еще не встречала оружия, способного вызвать мгновенную гибель целой планеты. А орудия Вольевой были еще страшнее.

И, возможно, их уже пару раз применяли. Вольева намекнула, что это могли быть пиратские рейды. Ведь существует немало слабозаселенных планетных систем, лежащих в стороне от торговых путей, где врага можно уничтожить начисто и никто ничего никогда не узнает. Причем

некоторые из этих гипотетических врагов могут быть столь же аморальны, как любой из членов команды Саджаки. Их прошлое может быть замарано актами самой невероятной жестокости. Тогда... да... тогда вполне вероятно, что кое-что из Тайника там испытали. Но Хоури подозревала, что каждый раз это делалось для конкретной цели — для самосохранения, для тактического удара по врагу, чьи ресурсы тебе по горло необходимы. Самые тяжелые орудия из Тайника вряд ли были испытаны. Что дальше планируется делать с этим оружием, как именно пустить в ход эту мощь, способную разрушить целые миры, было пока не ясно — может быть, даже и самому Саджаки. Возможно также, что решающее слово принадлежит не ему. Саджаки все еще служит капитану Бреннигену.

Кто бы ни был этот таинственный Капитан.

— Приветствую тебя в Оружейной, — сказала Вольева.

Сейчас они были где-то посередине корабля. Вольева дистанционно открыла люк в потолке, спустила из него складную металлическую лестницу и сделала знак Хоури подняться.

Вскоре голова Хоури вынырнула из пола большой сферической комнаты, набитой всевозможными изогнутыми и суставчатыми механизмами. В самом центре этого серебристо-голубоватого сверкания стояло почти прямоугольное черное кресло с балдахином, увешанное приборами и датчиками. К нему тянулась змеиная куча кабелей. Кресло было закреплено в карданове подвесе и могло двигаться независимо от движения корабля. Кабели от кресла шли к скользящим контактам, передающим ток между элементами подвеса, и уходили от внешней сферы в изогнутую стену комнаты, тоже увешанную приборами. В помещении резко пахло озоном.

В Оружейной не было ни одного прибора, установленного меньше чем несколько столетий назад. Большинство же предметов было куда старше, хотя уход за ними явно первоклассный — они просто сверкали чистотой.

— Стало быть, ради вот этого тут все и наворочено? — Хоури протискалась сквозь люк и, скользя между гнутыми щитами, добралась до кресла. Оно казалось очень массивным и в то же время манило обещанием надежности и уюта. Хоури не смогла преодолеть соблазн и скользнула в него, позволив черной бархатной громаде обнять себя под тихое пение сервомеханики.

— И как ты себя тут чувствуешь?

— Будто я здесь не первый раз, — ответила Хоури, голосом, который звучал глуховато из-за тяжелого шлема, опустившегося ей на голову.

— А это так и есть, — ответила Вольева. — Ты была тут, но до того, как полностью пришла в себя. Имплантат в твоем мозгу тоже знает дорогу сюда, да и с Оружейной он знаком — вот отсюда и половина ощущений, будто тебе тут все не ново.

То, что сказала Вольева, — правда. Хоури ощущала это кресло, как мебель, среди которой выросла, как вещь, на которой ей знакома каждая царапина, каждая складочка. Она чувствовала спокойствие и бодрость, как после долгого отдыха, ощущала желание что-то сделать, как-то использовать силу, которую ей дарует это кресло. Это желание росло с каждой секундой.

— Я могу отсюда управлять орудиями из Тайника? — спросила она.

— Таково наше намерение, — ответила ей Вольева. — Но не только из Тайника. Ты сумеешь управлять всеми главными оружейными системами, находящимися на борту «Бесконечности», и с такой легкостью, будто они являются непосредственным продолжением твоего собственного организма. Когда ты полностью подчинишь себе Оружейную, тебе покажется, что ты растешь и расширяешься, готовая вместить в себя весь корабль.

Хоури уже начала ощущать что-то в этом роде. Во всяком случае, ей уже показалось, что она растекается по креслу. И хотя это было мучительно приятное ощущение, но ей не хотелось, чтобы оно затягивалось надолго. Сделав волевое усилие, она освободилась от кресла, и его мягкие складки отпустили ее.

— Я не уверена, что мне это нравится, — сказала Мадемуазель.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

Никогда не забывая, что она находится на борту корабля (по причине незначительных изменений в искусственной силе тяжести, вызываемых крошечными колебаниями тяги, в свою очередь порожденных таинственными квантовыми причудами во внутренностях двигателей Конджой-

неров), Вольева подошла к зеленой лужайке и остановилась на ржавой лесенке, ведущей вниз к свежей травке.

Если Саджаки знает, что она здесь, то, очевидно, не хочет этого показывать, так как стоит молча и неподвижно на коленях возле уродливого пня, в том месте, которое они выбрали для неформальных встреч. Но он не мог не ощутить ее присутствия. Вольева знала, что Саджаки посещал Трюкачей на водяной планете Спиндрифт, сопровождая туда капитана Бреннигена, когда Капитан еще мог покидать корабль. Она не знала цели этой поездки (ни Саджаки, ни Капитана), но ходили слухи, что Трюкачи что-то сделали с корой их головного мозга, невероятно усилив ощущение пространства, дали способность мыслить в четырех-пяти измерениях. Причем изменения были такими, каких Трюкачи не делали практически никогда. Они были постоянными.

Вольева спустилась по лесенке, сильнее чем надо наступив на последнюю ступеньку. Раздался громкий звук. Саджаки повернулся к ней без малейшего выражения удивления на лице.

— Есть новости? — спросил он, читая ее мысли.

— Есть, насчет нашей *ставленницы*, — ответила она. Вдруг почему-то выскочило русское слово. — Я имею в виду нашу протеже.

— Рассказывай, — небрежно бросил Саджаки. Он был одет в серое как пепел кимоно. Роса с травы пропитала штаны до колен, сделав их оловянно-черными. Свою шакухачи Саджаки положил на пень, отполированный до блеска локтями. Из всей команды сейчас бодрствовали только он и Вольева. Им предстояло лечь в глубокий сон в двух месяцах пути от Йеллоустона.

— Она теперь наша, — сказала Вольева, становясь на колени напротив Саджаки. — Основа ее приобщения заложена.

— Что ж, рад твоим новостям.

Над лужайкой пролетел тукан, сел и тут же взлетел с ветки — живая россыпь чистых красок.

— Мы можем представить ее капитану Бреннигену.

— Нет, сейчас время неподходящее, — сказал Саджаки, разглаживая складку кимоно. — Или тобой руководят другие соображения?

— Насчет знакомства с Капитаном? — Она нервно хмыкнула. — Да нет.

— Значит, дело серьезнее.

— Какое дело?

— То, что у тебя на уме, Илиа. Выкладывай.

— Меня беспокоит Хоури. Я не хочу подвергать ее риску заработать те же психозы, что и Нагорный. — Она остановилась, ожидая — нет, надеясь, — что Саджаки как-то отреагирует. Но единственным ответом был шум водопада и полное отсутствие выражения на лице второго Триумвира. — Понимаешь, — продолжала она, почти заикаясь от собственной неуверенности, — я больше не убеждена, что она на данной стадии является подходящим объектом.

— На данной стадии? — Саджаки спросил так тихо, что Вольевой почти пришлось читать у него по губам.

— Речь идет о том, что она входит в Оружейную сразу после Нагорного. Это слишком опасно, а я думаю, что Хоури для нас слишком ценна, чтобы так рисковать. — Она остановилась, собираясь сказать самое трудное. — Наверное, стоит найти еще одного рекрута — не такого одаренного. На этом промежуточном объекте я сниму все оставшиеся шероховатости, прежде чем снова заняться Хоури как нашим главным кандидатом.

Саджаки поднял свою шакухачи и задумчиво поглядел вдоль нее. На конце бамбука был небольшой заусенец — возможно, след от удара по голове Хоури. Он потрогал его большим пальцем, пригладив к стволу.

Когда он заговорил, то голос его был так спокоен, что казался страшнее самого дикого гнева.

— Итак, ты предлагаешь искать нам нового рекрута?

Фраза прозвучала так, будто сказанное ею — самая абсурдная, самая идиотская чушь, которую ему когда-либо приходилось слышать.

— Только на промежуточный этап, — ответила Вольева, чувствуя, что торопится, что ненавидит себя за это, презирает себя за неожиданное заискивание перед этим человеком. — До тех пор, пока ситуация не стабилизируется. А затем мы снова используем Хоури.

Саджаки кивнул.

— Что ж, звучит разумно. Один Бог знает, почему мы не подумали об этом раньше. Разве что потому, что у нас было слишком много других причин для беспокойства. — Он положил шакухачи, но не убрал от нее руку. — Этого не поправить. Значит, остается только найти нового рекрута. Это ведь не должно быть особо трудно? Хоури мы нашли,

почти не напрягаясь, не так ли? Да, мы уже два месяца летим среди звезд, и наш следующий порт захода — приграничный поселок, известный только картографам, но я не вижу проблем с поиском нужного человека. Мне кажется, что желающих придется отгонять целыми табунами, а ты как думаешь?

— Постарайся быть благоразумным, — сказала Вольева.

— В чем же я проявляю неблагоразумние, Триумвир?

Еще мгновение назад Вольева была напугана, теперь же она дико разозлилась.

— Ты сильно изменился, Ююджи-сан, — ответила она. — Не с тех ли пор, как...

— С каких именно пор?

— С тех самых, как вы с Капитаном были у Трюкачей. Что с вами там произошло, Ююджи? Что с твоей головой сделали инопланетяне?

Он странно посмотрел на нее. Посмотрел так, будто этот вопрос был очень важен, но он сам так и не догадался о том, чтобы задать его самому себе. Разумеется, это был всего лишь обманный ход. Саджаки с такой быстротой взмахнул шакухачи, что Вольева уловила лишь вихрь чего-то, окрашенного в цвет меда. Удар был сравнительно слаб — видимо, в последний момент Саджаки все же удержал руку, но врезавшаяся в ребра Вольевой бамбуковая палка бросила ее в траву лицом вниз. Сначала ее поразила не боль, даже не потрясение от удара Саджаки, а колючая, холодная влажность травы, щекотавшей ноздри.

Саджаки лениво обошел пень.

— Ты всегда задаешь слишком много вопросов, — сказал он, вытаскивая что-то из складок кимоно. Это что-то вполне могло быть шприцем.

Полуостров Некхебет, Ресургем, год 2566-й

Силвест с замиранием сердца нашаривал в кармане флакон и был уверен, что не найдет.

И все же флакон оказался на месте. Маленькое чудо.

Внизу сановники и священнослужители входили в амарантянский город, медленно направляясь к центральному храму. Обрывки их разговоров достигали слуха Силвеста вполне отчетливо, хотя за то короткое время, пока они находились в зоне слышимости, он успевал понять лишь одну-другую пару слов. Сам он стоял в нескольких десятках мет-

ров над ними на балюстраде, выстроенной уже людьми. Она была вделана в черную стену, которая, подобно половинке яичной скорлупы, охватывала весь город.

Это был день его свадьбы.

Он многократно видел храм в компьютерных изображениях, но сам так давно здесь не был, что почти позабыл, насколько храм огромен. Это был странный, но всегдашний эффект работы с компьютерными моделями — как бы точны они ни были, исследователь никогда не мог отделаться от мысли, что это все же не реальность. Сейчас Силвест стоял под крышей храма и смотрел вверх, где в сотнях метров над головой сходились угловатые каменные арки, и не чувствовал ни головокружения, ни страха, что эта многовековой древности конструкция прямо сейчас рухнет ему на голову, а испытывал в это второе за свою жизнь посещение Погребеннго Города унизительное чувство собственной незначительности. Яйцо, в котором покоился Город, было само по себе абсурдно колоссально, но оно по крайней мере являлось произведением вполне распознаваемой зрелой технологии, хотя Преобразователям этот факт заблагорассудилось игнорировать. Город же, заключенный в яйце, выглядел как продукт горячеченого воображения фантаста пятнадцатого века. Особенно поражала крылатая фигура, стоявшая на шпиле. Чем дольше он смотрел, тем сильнее ему казалось, что все это существует ради одной цели: отпраздновать возвращение Отверженных.

Во всем этом не было никакого смысла, но зато эти мысли позволяли отвлечься от предстоящей церемонии.

Чем больше он смотрел, тем более понимал, вопреки своему первому впечатлению, что эта крылатая фигура — и вправду амарантянин, точнее, гибрид амарантянина и ангела, которого скульптор изваял с глубоким пониманием (скорее даже ученого, чем художника) того, что влечет за собой появление крыльев. Увиденная глазами, лишенными оптических устройств Силвеста, которые давали возможность фокусировать расстояния, эта фигура, как бы ни шокировала такая мысль, представляла собой крест. При увеличении же крест превращался в амарантянина с мощными распростертыми крыльями. Цвета побежалости окрашивали эти металлические крылья в разнообразные оттенки, и каждое маховое перо горело на солнце своим собственным цветом. Как в любом изображении ангела, сде-

ланном людьми, крылья не заменяли руки, а были третьей равноправной парой конечностей.

Только этот ангел был куда реальнее других изображений ангелов, которые приходилось видеть Силвесту. Он казался — хоть это и было абсурдом — анатомически верным. Скульптор не просто прилепил крылья, он слегка изменил физическое строение этого тела. Руки, предназначенные для работы, он опустил по торсу немного ниже, а также чуть удлинил. Грудная клетка стала шире, чем требовала норма, на ней доминировала похожая на ярмо мышечно-костная структура, раздвинувшая плечи. От этого «ярма» отходили крылья, что придавало фигуре почти треугольную форму, несколько напоминавшую воздушного змея. Шея существа была длинной, а голова — вытянутой, похожей на птичью. Глаза глядели вперед, хотя, как и у всех амарантян, бинокулярность зрения была ограничена. Тем не менее они были посажены в глубокие костистые глазницы.

Ноздри над верхней челюстью были широко раскрыты, будто для того, чтобы обеспечить дополнительный приток к легким воздуха, необходимого для работы крыльев. Но не все в фигуре казалось верным. Приняв, что масса тела этого ангела была равна массе тела среднего амарантянина, приходилось признать, что даже такие мощные крылья не могли обеспечить полет. Так зачем же они? Для украшения? Неужели Отверженные подверглись радикальной биоинженерии только затем, чтобы обременить себя чудовищно непрактичными крыльями?

Или у них была какая-то другая цель?

— Хотите передумать? — Силвеста силой вырвали из глубин его размышлений. Голос продолжал: — Вам все еще кажется, что это была неудачная мысль?

Силвест отвернулся от балюстрады, выходившей на Город:

— Кажется, для моих возражений уже поздновато.

— В день свадьбы? — Жирардо усмехнулся. — Что ж, вы еще не сели окончательно на мель, Дэн. В любой момент можете дать задний ход.

— И как бы вы к этому отнеслись?

— Полагаю, что очень плохо.

Жирардо был в накрахмаленной парадной одежде, щеки его слегка покраснели от несомых ветром песчинок. Он взял Силвеста под локоть и увел от перил.

— Как давно мы с вами друзья, Дэн?

— Я не стал бы называть это дружбой. Скорее, взаимное паразитирование.

— Ох, да бросьте вы, — сказал с огорчением Жирардо. — Неужели вы считаете, что я хотя бы раз отяготил вашу жизнь за последние двадцать лет сверх необходимости? Думаете, я получал наслаждение, сажая вас под замок?

— Давайте скажем, что вы подходили к этой задаче не без некоторого энтузиазма.

— Только потому, что я заботился о ваших интересах.

Они сошли с балкона в один из низких туннелей, которые пронизывали оболочку вблизи города. Мягкое покрытие пола заглушало шаги.

— А кроме того, — продолжал Жирардо, — если вам самому это неясно, Дэн, в тот момент народ жаждал крови. Не посади я вас в каталажку, вас бы просто разорвали на клочки.

Силвест слушал и молчал. Многое из того, что говорил Жирардо, было верно на теоретическом уровне, но это вовсе не означало, что Жирардо руководствовался тогда именно этими мотивами.

— Политическая ситуация была в те времена куда проще. Ведь тогда у нас еще не было Праведного Пути, который сейчас причиняет нам столько неприятностей.

Они достигли шахты лифта и вошли в кабину, новую и чистую, как операционная. На стенах висели фотографии и рисунки, изображающие различные пейзажи Ресургема до и после природоохранных мероприятий, проведенных правительством. Среди прочих был и снимок Мантеля.

Столовая гора, на которой стоял поселок, утопала в зелени листвы, с ее вершины падал водопад, на горизонте виднелось голубое, с перьями облаков, небо. В Кювье сейчас образовалась целая индустрия создания компьютерных изображений и имитаций будущего Ресургема, и в эту индустрию ринулись многие — от художников-акварелистов и до профессиональных дизайнеров сенсорных представлений.

— А с другой стороны, — продолжал Жирардо, — среди ученых тоже существуют радикальные элементы, приходящие в бешенство из-за пустяков. Только на прошлой неделе один из деятелей Праведного Пути был застрелен в Мантеле, и уверяю вас, что виновником был не наш агент.

Силвест чувствовал, что лифт почти достиг уровня города.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что фанатики есть по обеим сторонам рубежа. И вы, и я начинаем уже смотреться как самые умеренные. Мрачная мысль, не правда ли?

— Радикализация идет с обоих концов, хотите вы сказать?

— Что-то в этом роде.

Они вышли через черную, испещренную трещинами стену оболочки Города к толпе журналистов, проверявших в последнюю минуту перед началом готовность аппаратуры. Репортеры в желтых очках от плавающих видеокамер гоняли камеры по воздуху, и камеры витали, как тусклые воздушные шарики. Один из генетически измененных павлинов Жанекина ходил вокруг, что-то клюя на земле, и за ним с шелестом тащился сложенный хвост. Вперед выступили два сотрудника службы безопасности с золотыми эмблемами на плече, сопровождаемые намеренно страшными оптическими иллюзиями. За ними брели роботы-слуги. Сотрудники провели полное сканирование Силвеста и Жирардо, а затем жестом направили их к небольшой времянке, поставленной неподалеку от похожего на гнездо скопления жилых помещений амарантян.

Внутри строения было пусто, если не считать стола и двух простых стульев. На столе стояла бутылка красного американского вина и два стеклянных бокала с матовым узором ландшафтов.

— Садитесь, — сказал Жирардо. Сам он обошел стол и налил вина в бокалы. — Не понимаю, какого черта вы так дергаетесь. У вас же это не в первый раз?

— В четвертый.

— И все по обычаям Стонора?

Силвест кивнул. Он вспомнил два первых раза, двух женщин, которых ему даже трудно было различить в памяти. Обе они завяли под гнетом известности, которую принесло им имя Силвестов. Наоборот, его женитьба на Алисии — последней жене — с самого начала планировалась как общественное событие. Она привлекла внимание к близящейся экспедиции на Ресургем и дала этому мероприятию дополнительное денежное вливание, которого как раз и не хватало. Тот факт, что новобрачные были влюблены,

был почти несущественным — приятный довесок к главным причинам.

— У вас сейчас в голове опять перестановка мебели, — сказал Жирардо. — Вам никогда не хотелось, чтобы каждый раз можно было избавляться от прошлого?

— Вам наша церемония покажется необычной.

— Возможно, — отозвался Жирардо, стирая ладонью красные капли вина с губ. — Видите ли, я никогда не принадлежал к субкультуре Стонора.

— Но вы же вместе с нами прибыли с Йеллоустона?

— Да, но родился я не там. Моя семья происходит с Гранд-Титона. Я прибыл на Йеллоустон за семь лет до отправки экспедиции на Ресургем. Так что времени, чтобы приобщиться к традициям Стонора, у меня было маловато. А вот моя дочь Паскаль ничего, кроме стоноровского общества, не знала. Или, во всяком случае, той его версии, которую мы сюда привезли. — Он понизил голос. — Я так понимаю, что тот флакон должен быть при вас? Могу ли я взглянуть на него?

— Вряд ли я мог бы вам в этом отказать.

Силвест полез в карман, вынул маленький стеклянный цилиндрик, который носил с собой весь день, и передал его Жирардо. Тот нервно повертел флакон в руках, наклоняя в разные стороны, следя за пузырьками, перемещавшимися, как в ватерпасе. Что-то темное висело в этой жидкости, волокнистое и раскидистое.

Жирардо осторожно поставил флакончик, и тот тонко прозвенел, будто ударился о хрустальную столешницу. Жирардо смотрел на него с плохо скрываемым ужасом.

— Это больно?

— Нет, конечно. Мы же не садисты, как вам известно. — Силвест улыбнулся, втайне радуясь, что Жирардо не по себе. — Может быть, вы предпочли бы, чтобы мы обменялись верблюдами?

— Уберите это.

Силвест снова положил флакон в карман.

— Ну а теперь скажите мне, кто тут нервничает, Нильс?

Жирардо налил себе еще вина.

— Извините. Служба безопасности прямо на ушах стоит. Не знаю, что их беспокоит, но это передается и мне, насколько я понимаю.

— Я ничего такого не заметил.

— А вам и не положено. — Жирардо пожал плечами странным движением, начавшимся где-то от живота. — Они говорят, что все в норме, но после двадцати лет я знаю их куда лучше, чем им кажется.

— Зря беспокоитесь. Ваши милиционеры — ловкие ребята.

Жирардо мотнул головой, будто откусил кусок жутко кислого лимона.

— Не думаю, что отношения между нами когда-нибудь станут нормальными, Дэн. Но почему вы все ваши сомнения трактуете против меня? — Он кивнул на открытую дверь. — Разве я не дал вам сюда полного доступа?

Да, и все это дало лишь один результат: заменило дюжину вопросов тысячью других.

— Нильс, — начал Силвест. — В каком состоянии сейчас ресурсы колонии?

— В каком смысле?

— Я знаю, что положение изменилось после того, как прилетал Ремильо. То, что в мое время было бы немыслимо... сейчас это можно сделать, была бы политическая воля.

— Что, например? — с сомнением в голосе спросил Жирардо.

Силвест снова полез в карман, но вместо флакона вынул оттуда листок бумаги и развернул его перед Жирардо.

— Вы узнаете этот чертеж? Мы нашли его на обелиске, а здесь он встречается по всему Городу. Это схема солнечной системы амарантян, сделанная ими же.

— Увидев этот Город, я почему-то легче верю в то, во что раньше не верил совсем.

— Отлично. Тогда выслушайте меня. — Силвест провел пальцем по самой большой окружности. — Это орбита нейтронной звезды — Гадеса.

— Гадеса?

— Это имя было дано, когда мы впервые картировали систему. По ней мотается еще один здоровенный кусок камня, размером в планетарную луну. Его назвали Цербером. — Он ткнул пальцем в сплетение линий, изображавших систему «нейтронная звезда — планетоид». — Почему-то это было очень важно для амарантян. Я думаю, все это имеет отношение к Событию.

Жирардо театральным жестом схватился за голову. Потом искоса поглядел на Силвеста.

— Вы это серьезно?

— Да. — Тщательно, не отводя взгляда от Жирардо, он сложил бумагу, и снова упрятал ее в карман. — Нам надо исследовать эту систему и узнать, что именно уничтожило амарантян. Пока оно не уничтожило и нас.

Войдя в каюту Хоури, Саджаки и Вольева велели ей одеться потеплее. Хоури заметила, что и они были одеты теплее обычного. Вольева была в застегнутой на «молнию» летной куртке, Саджаки — в толстом вязаном свитере, расшитом сверкающими ромбами.

— Я что-то напортачила? — спросила Хоури. — Вы хотите выбросить меня в шлюз? Мои успехи в моделировании боевой обстановки оказались никудышными, и меня списывают?

— Не говорите глупостей, — сказал Саджаки. Только его лоб и нос выглядывали из меховой оторочки свитера. — Если бы мы собирались вас убить, стали бы мы заботиться, чтобы вы не простудились?

— Кроме того, — сказала Вольева, — твое обучение уже давно закончилось. Ты теперь у нас в активе. Убить тебя — это значило бы в каком-то смысле предать нас самих. — Под длинным козырьком ее фуражки виднелись только нос и подбородок. Она как бы дополняла Саджаки — они вдвоем составляли одно непроницаемое лицо.

— Как приятно знать, что вы обо мне заботитесь.

Все еще не вполне уверенная в своем положении — возможность, что они планируют какую-то мерзость, продолжала казаться ей весьма вероятной, — Хоури порылась среди своих вещей, пока не обнаружила там куртку с подогревом. Она была изготовлена на корабле и чем-то напоминала арлекинский наряд Саджаки, только свисала с плеч Хоури чуть ли не до колен.

Лифт доставил их в ту часть корабля, которую Хоури не знала совершенно. Пришлось несколько раз пересаживаться с лифта на лифт, проходить сквозь узкие длинные пересекающиеся туннели. Это, как объяснила Вольева, было связано с тем, что вирус парализовал и нарушил большие участки внутренней транспортной системы. Отсеки, по которым пришлось идти, слегка отличались обстановкой и уровнем технологии, будто вся эта часть корабля была брошена на разных стадиях строительства сотни лет назад. Она все еще нервничала, но что-то в поведении Саджаки и Вольевой подсказывало ей, что они скорее планируют что-то вроде

церемонии посвящения, а не хладнокровное убийство. Больше всего они напоминали парочку ребятишек, готовых отколоть хулиганскую выходку — во всяком случае, Вольева, так как Саджаки действовал и говорил куда более спокойно, будто чиновник, выполняющий неприятную, но необходимую обязанность.

— Поскольку вы теперь — член нашего коллектива, — сказал он, — настало время вам узнать чуть больше о нашей ситуации. Может быть, вам приятно будет узнать и причину нашего полета к Ресургему.

— Я думала, что торговые интересы...

— Это лишь прикрытие, да и не слишком правдоподобное, если сказать по правде. Ведь Ресургем — в экономическом отношении — почти ноль. Ничтожный опорный пункт для проведения научных исследований, так что покупать ему у нас нечего. Конечно, наши данные о Ресургеме изрядно устарели, так что, когда мы туда доберемся, мы займемся и торговлей, но это далеко не главная причина нашего посещения.

— Так какова же она на самом деле?

Лифт, в котором они спускались, медленно сбрасывал скорость.

— Говорит ли вам что-нибудь имя Силвест? — спросил Саджаки. Хоури напрягла все силы, чтобы действовать так, будто это самый обыденный вопрос, а не такой, от которого у нее в мозгу вспыхнуло магниевое пламя.

— Еще бы. На Йеллоустоне все знают Силвеста. Для тамошнего народа он был почти что богом. Или дьяволом. — Она замолчала, надеясь, что ее голос звучал нормально. — Хотя... подождите... Какого Силвеста вы имеете в виду? Старика, который затеял всю эту чушь с бессмертием? Или его сына?

— Формально говоря, — ответил Саджаки, — обоих.

Лифт с лязгом остановился. Когда двери его распахнулись, у Хоури появилось ощущение, что ее ударили по лицу мокрой холодной тряпкой. Она с благодарностью вспомнила совет одеться потеплее, хотя все еще леденела от последнего вопроса.

— Дело в том, что они вовсе не были настоящими негодяями, — продолжала она. — Лорин — отец старика... он и после смерти почитается за героя, а старик... Как же его звали?

— Кэлвин.

— Точно. Даже после того, как он погубил всех этих людей... Потом был еще его сын — Дэн. Он пытался исправить принесенное отцом зло с помощью Странников. — Хоури дернула плечом. — Меня там, конечно, не было в те времена. Я знаю лишь то, что говорили люди.

Саджаки шел коридорами, залитыми мрачным серо-зеленым светом, огромные сторожевые крысы — наверное, мутанты, — мчались прочь, заслышав приближающиеся шаги. Потом было место, чем-то напоминавшее трахею дифтерийного больного — коридорчик, заполненный массой желеобразного и грязного искусственного льда, венозными сосудами трубопроводов и кабелей, скользкими от чего-то, похожего на человеческую харкотину. Вольева называла это корабельной слизью — органическое вещество, вызванное к жизни неполадками системы регенерации в прилегающих отсеках корабля.

Хоури терзал лишь холод.

— Роль Силвестов в нашем деле весьма сложна, — сказал ей Саджаки. — Чтобы объяснить вам ее подробно, потребуется время. А сейчас я хочу познакомить вас с Капитаном.

Силвест все осмотрел лично, проверяя, не забыто ли что-нибудь серьезное. Удовлетворенный, он выключил изображение и присоединился к Жирардо в прихожей сборного домика. Музыка взлетела крещендо, а затем упала до почти невнятного бормотания. Изменилось освещение, голоса присутствующих понизились до шепота.

Силвест и Жирардо вышли на яркий свет, в басовое гудение органа. Извилистая дорожка вела к центральному храму, застеленному коврами ради торжественного случая. Дорогу окаймляли деревья с колокольчиками, высаженные в защитные купола из прозрачного пластика. Эти звенящие «деревья» представляли собой вертикально стоящие скульптуры, чьи многочисленные «руки» заканчивались изогнутыми разноцветными зеркалами. В древние времена они звенели и меняли положение, повинуясь часовому механизму, насчитывавшему свыше миллиона лет и скрытому в пьедестале. Сейчас ученые склонялись к выводу, что «деревья» — часть сигнальной системы, охватывавшей весь город.

Звуки органа стали громче, когда Силвест и Жирардо вступили в храм. Его яйцеобразный купол украшали пласт-

тины тщательно обработанного цветного стекла, похожие на огромные цветочные лепестки.

Они чудесным образом уцелели, несмотря на предательски медленное воздействие времени и силы тяжести. Проникавший сквозь них свет, казалось, пронизывал весь храм успокоительным розовым сиянием. Центральную часть огромного зала занимало высокое основание шпиля, поднимавшегося над храмом. Оно было высоким и могучим, как ствол секвойи. Временные сиденья для сотни наиболее знатных жителей Кювье веером расходились от одной стороны этого гигантского ствола. Силвест обвел взглядом зрителей, треть которых ему была хорошо известна, а процентов десять составляли его личные друзья и соратники. Зрители по большей части были одеты в тяжелые зимние одежды, подбитые мехами. Силвест узнал Жанекина с его серебристо-белой козлиной бородкой и белыми волосами, водопадом сбегающими с боков почти лысого черепа. Он стал еще больше похож на старую обезьяну. Некоторые из птиц Жанекина тоже присутствовали в зале — их выпустили из дюжины бамбуковых клеток. Силвесту пришлось признать, что Жанекин вывел точные копии павлинов, вплоть до гребешков на головах и ярких бирюзовых плюмажей. Их создали из цыплят путем сложнейших манипуляций с генами. Аудитория, которая была почти не знакома с работой Жанекина, громко аплодировала. Жанекин же краснел, будто кровь выступала на снегу, и готов был от смущения навсегда исчезнуть в своей широкой меховой парке.

Жирардо и Силвест подошли к прочному столу, на который было направлено внимание всей аудитории. Стол был древний — вырезанный на нем орел и латинские надписи восходили к временам первых американских поселенцев на Йеллоустоне. На углах виднелись сколы. На столе стоял мореного красного дерева ящик с крышкой, застегнутой золотыми изящными замками старинной работы.

Позади стола скромно стояла женщина, одетая в сине-белое вечернее платье. Застежка на платье представляла собой сложную комбинацию двойного герба — Ресургем-Сити и Преобразователей — с эмблемой миксмастеров: две руки, держащих «кошкину колыбель» ДНК. Женщина, как это было хорошо известно Силвесту, не была настоящим миксмастером. Миксмастеры были гильдией стоноровских биоинженеров и генетиков, и никто из них не участвовал в экспедиции на Ресургем. Однако их символ, который сюда

был привезен, выражал веру в науки, связанные с изучением Жизни: генную инженерию, хирургию и терапию.

Неулыбчивое лицо женщины в розовом свете казалось застывшим. Волосы были собраны в пучок, пронзенный двумя шприцами.

— Я — Ординатор Мессинджер, — сказала она голосом, разнесшимся по всему залу. — Я облечена властью, данной мне Ресургемским Экспедиционным Советом, совершать браки между жителями этого поселения в том случае, если такие союзы не входят в конфликт с генетическими правилами колонии.

Ординатор открыла сундучок красного дерева. Там лежал переплетенный в кожу предмет, размером с Библию. Женщина вынула его, а затем раскрыла, причем раздался треск сухой кожи. Открывшиеся поверхности имели матово-серый цвет, похожий на цвет сланца, смоченного водой. На поверхностях виднелись следы каких-то микрокристаллических образований.

— Положите ладони на ближайшую к вам страницу, джентльмены.

Оба положили руки на ближайшую поверхность. Последовала флюоресцентная вспышка, что означало — книга приняла отпечатки их ладоней. Затем раздался звонок — биопсия сделана. Когда операция кончилась, Мессинджер взяла книгу и приложила к ней свою ладонь.

Затем Ординатор попросила Жирардо перед лицом присутствующих объявить, кто он таков. Силвест видел, как по лицам зрителей пробежали легкие улыбки. В этом зрелище было нечто абсурдное, хотя Жирардо всячески старался вести себя как ни в чем не бывало.

Затем такая же просьба была обращена к Силвесту.

— Я — Дэниел Кэлвин Лорин Силвест, — начал он, воспользовавшись той формой своего имени, которой пользовался так редко, что пришлось поднапрячься, чтобы не ошибиться. — Единственный биологический сын Розали Сютейн и Кэлвина Силвеста, родившийся в Чазм-Сити на Йеллоустоне. Я родился 17 января 125 стандартного года после второго заселения Йеллоустона. Мой календарный возраст 215 лет, если же считать с учетом специальных медицинских процедур, то физический возраст 60 лет по шкале Шарова.

— Каковы известные вам ваши реализации?

— Насколько мне известно, я реализован лишь в одном воплощении, в той биологической форме, которая делает это заявление.

— Тем самым вы подтверждаете, что вам не известны ваши реализации в виде записей альфа-уровня либо иных тьюринговых симулякров, как в этой, так и в иных солнечных системах?

— Мне неизвестно о существовании таких объектов.

Мессинджер сделала в своей книге несколько пометок специальным стилосом. Точно такие же вопросы были заданы и Жирардо — стандартные параграфы церемонии Стонора. Со времен Восьмидесяти члены секты Стонора исключительно подозрительно относились к компьютерным моделям вообще и в частности к таким, которые несли в себе реализацию личностной души. Особенно им не нравилась возможность, что некая реализация личности — биологическая или иная — может заключать контракты, ничем не обязывающие другие реализации, в том числе брачный контракт.

— Все это документально подтверждено, — произнесла Мессинджер. — Невесте разрешается подойти.

В розовом свете возникла Паскаль. Ее сопровождали две женщины, закутанные в мантильи цвета пепла, множество камер-антигравов, личных телохранителей, в том числе механических ос, а также бесчисленные оптические иллюзии — цветы с капельками росы на лепестках, бабочки, как бы лившиеся нескончаемым потоком по платью новобрачной. Это было искусство лучших мастеров-иллюзионистов Кювье.

Жирардо поднял толстые, как окорока, руки и поманил дочь к себе.

— Ты прелестна, — шепнул он ей.

То, что видел Силвест, было красотой, доведенной до компьютерного совершенства. Он знал, что Жирардо видит нечто иное — настоящее, мягкое, человечное. Как будто один из них видел живого лебедя, а другой — его хрустальную фигурку.

— Положите руку на книгу, — сказала Ординатор.

Отпечаток влажной ладони Силвеста был все еще виден — будто рисунок береговой линии вокруг более бледного острова плоти Паскаль. Ординатор попросила ее объявить о своем происхождении подобно тому, как это сделали Силвест и Жирардо. Задача Паскаль была проще: она не

только родилась на Ресургеме, но и никогда не покидала эту планету. Ординатор Мессинджер запустила руку в шкатулку еще глубже. Пока она копалась там, глаза Силвеста рыскали по лицам свидетелей церемонии. Он видел Жанекина, чье лицо было еще бледнее обычного, что казалось почти невозможным. Там — в глубине шкатулки — лежал, отполированный до голубого блеска люминесцентной бактерицидной лампы, гибрид между старинным пистолетом и ветеринарным шприцем.

— Узрите же брачный пистолет, — сказала Ординатор, показывая залу содержимое шкатулки.

Холод пронизывал до костей, но Хоури скоро перестала его замечать — температура превратилась для нее просто в абстрактное качество здешней атмосферы. История, которую ей рассказали ее товарищи по экипажу, была слишком странной, чтобы помнить о холоде.

Они долго стояли возле Капитана. Его имя, как ей сказали, было Джон Армстронг Бренниген. Он был стар, непредставимо стар. В зависимости от системы, избранной для определения его возраста, ему было где-то от двухсот до пятисот лет. Деталей его рождения никто не знал, они затерялись в переплетениях политической истории. Кое-кто считал, что он родился на Марсе, но не исключено, что это произошло на Земле, а возможно, где-нибудь в городских трущобах земной Луны или на одном из сотен спутников, болтавшихся в космосе между Луной и Землей в те далекие времена.

— Ему было уже больше ста лет, когда он покинул Солнечную систему, — сказал Саджаки. — Он долго выжидал, пока это станет возможным и, наконец, оказался одним из тысячи землян, которых отправили на первом корабле, посланном Конджойнерами с Фобоса.

— Во всяком случае, некто по имени Джон Бренниген был на том корабле, — сказала Вольева.

—Да, — отозвался Саджаки, — в этом никаких сомнений нет. Это был именно он. Потом... Дальше проследить его историю опять очень сложно. Весьма вероятно, что Капитан умышленно запутал свое прошлое, чтобы сбить со следа своих врагов, а их к тому времени должно было набраться совсем немало. О нем есть сведения во многих солнечных системах, отстоящих друг от друга на многие световые десятилетия. Но ничего достоверного.

— А как он стал вашим Капитаном?

— Несколько столетий спустя, после заходов в различные миры, после многих далеких и долгих полетов и многочисленных никем не подтвержденных появлений, он появился где-то на окраинах системы Йеллоустона. Старел он медленно, как то и полагалось в связи с относительно малой скоростью течения времени при полетах на околосветовых скоростях, но все же старел, а техника долголетия в те времена была разработана куда хуже, чем в наше время. — Саджаки помолчал. — Большая часть его тела уже тогда состояла из протезов. Поговаривали, что Джон Бренниген в те времена уже не нуждался в скафандре, покидая корабль в космосе, так как мог дышать вакуумом. Еще шли слухи, будто он способен был жить в условиях высоких температур и в жутком холоде, а его сенсорика могла принимать сигналы всего известного спектра. Говорили, что от мозга, с которым он родился, у него осталась лишь малая часть, а его голова была набита всевозможными кибернетическими узлами — настоящая похлебка из крошечных думающих машинок и небольшого количества органики.

— И что из этого было правдой?

— Возможно, больше, чем хотелось бы верить людям. Ну и вранья тоже хватало. Говорили, будто он побывал у Трюкачей на Спиндрифте за много лет до того, как Трюкачи вообще стали известны науке; что эти инопланетяне произвели необычайные трансформации в остатках его мозга; что он встречался и контактировал как минимум с двумя разумными биологическими видами, которые человечеству до сих пор еще не знакомы.

— Он и в самом деле побывал у Трюкачей, — сказала Вольева Хоури, — Триумвир Саджаки присутствовал при этой встрече.

— Это случилось гораздо позже, — оборвал ее Саджаки. — Нам важно знать о его взаимоотношениях с Кэлвином.

— А как они встретились?

— Этого никто не знает точно, — сказала Вольева. — Наверняка нам известно лишь то, что Капитан был ранен — не то в результате несчастного случая, не то неудачной военной операции. Жизни Капитана непосредственной угрозы не было, но нужна была срочная помощь, а обращаться к любой из официальных групп в системе Йеллоустона он не хотел — это было бы чистым самоубийством. У Капитана было слиш-

ком много врагов, чтобы отдать свою жизнь в руки какой-нибудь организации. Ему было нужно найти человека, которому он мог бы довериться. По-видимому, Кэлвин именно таким и оказался.

— Кэлвин был как-то связан с Ультра?

— Да, хотя он вряд ли в этом кому-нибудь признавался публично. — Вольева улыбнулась, под козырьком фуражки появился широкий зубастый полумесяц. — Тогда Кэлвин был молод и принадлежал к числу идеалистов. Когда ему передали раненого, он решил, что это своего рода дар Божий. В те времена у него еще не было возможности проверить на практике свои самые дикие идеи в отношении кибернетики. Теперь у него оказался идеальный пациент и единственно, что было необходимо, так это абсолютное соблюдение секретности. От этого выгадывали оба. Кэлвин мог испытывать на Капитане все свои безумные кибернетические гипотезы, тогда как Бренниген надеялся выздороветь и стать чем-то более значительным в сравнении с тем, чем он был до встречи с Кэлвином. Можно считать — то был прекрасный пример взаимовыгодного симбиоза.

— Вы хотите сказать, что Капитан согласился быть подопытным кроликом у этого подонка? Для его чудовищных опытов?

Саджаки пожал плечами. Его толстые одежды придали этому движению что-то кукольное.

— Бренниген смотрел на это иначе. Если иметь в виду все остальное человечество, то для него Капитан уже и до этой операции был монстром. Все, что мог сделать Кэлвин, это продвинуть Капитана по той же дороге еще чуточку дальше. Вам придется проглотить это. — Вольева кивнула, но в выражении ее лица было нечто, говорящее, что она далеко не во всем согласна со своим Триумвиром.

— И в любом случае это было до Восьмидесяти. Имя Кэлвина было еще ничем не запятнано. А для самых продвинутых Ультра вмешательство в мозг Бреннигена лишь слегка превышало норму. — В голосе Вольевой звучало отвращение.

— Продолжайте.

— Прошло почти целое столетие, прежде чем Капитан снова столкнулся с кланом Силвестов, — сказал Саджаки. — К этому времени он уже командовал нашим кораблем.

— А что случилось?

— Он снова был ранен. На этот раз серьезнее. — Осторожно, будто снимая нагар со свечи, Саджаки тронул крошечный пучок серебристой растительности на Капитане. Это место выглядело так, как если бы отлив оставил на лужице воды немного соленой пены. Саджаки деликатно вытер влажные пальцы о свитер. Хоури готова была поклясться, что от этого пальцы не стали чище. Они должны были чесаться и гореть огнем подкожного заражения.

— К сожалению, — сказала Вольева, — Кэлвин к этому времени умер.

Конечно же! Он умер вместе с остальными Восьмьюдесятью! Физически он должен был умереть последним, чтобы не потерять своей корпоративной чести.

— Хорошо, — сказала Хоури. — Он умер в момент сканирования своего сознания и записи его на компьютер. Разве нельзя было украсть запись и заставить ее помочь вам?

— Мы бы так и сделали, если бы это было возможно. — Низкий голос Саджаки отразился от стен коридора, напоминавшего человеческую глотку. — Но его запись альфа-уровня исчезла. А дубликатов не было — альфа-записи защищены от копирования.

— Значит, если говорить прямо, — сказала Хоури, надеясь покончить с этой похожей на морг обстановкой, — без Капитана вы оказались в луже дерьма.

— Не совсем, — откликнулась Вольева. — Видишь ли, все это случилось в очень интересный период истории Йеллоустона. Дэниел Силвест только что вернулся из экспедиции к Странникам и был жив и здоров. Его спутнице повезло меньше, но ее смерть лишь добавила пикантности героическому возвращению Силвеста. — Она помолчала, а потом добавила с каким-то птичьим любопытством: — Ты слышала о его «Тридцати днях в дебрях», Хоури?

— Возможно. Напомни мне.

— Столетие назад Силвест исчез на целый месяц, — сказал Саджаки. — Еще минуту назад стоял среди людей, произнося тост в честь Общества Стонора, а через минуту его уже не было нигде. Ходили слухи, что он исчез через городской купол. Напялил скафандр и отправился куда-то замаливать грешки своего папочки. Жаль, что это неправда — очень трогательный был бы сюжет. Фактически же, — тут Саджаки показал рукой на пол, — этот месяц он провел тут. Мы его взяли.

— Вы похитили Дэна Силвеста? — Хоури расхохоталась: ее поразила абсурдность происходящего. И тут же вспомнила, что разговор касается человека, которого ей предстоит убить. Хохот немедленно оборвался.

— Приглашение на борт — более предпочтительный термин, — ответил Саджаки. — Хотя я должен признать, что выбора у него не было.

— Я хочу понять, — спросила Хоури. — Вы похитили сына Кэлвина? А что это давало вам?

— Кэлвин предпринял ряд мер предосторожности, прежде чем начать сканирование самого себя, — ответил ей Саджаки. — Первая была довольно простой, но ее нужно было начать осуществлять еще за несколько десятилетий до того, как начнется работа по главному проекту всей его жизни. Проще сказать, каждая минута его жизни отныне стала записываться с помощью специальной системы. Каждая секунда, когда он прогуливался, когда спал, буквально каждая. На протяжении многих лет машины подмечали и фиксировали все особенности поведения Кэла. И в любой ситуации они могли на этой основе предсказать с высокой степенью точности его поведение.

— Иначе говоря, сканирование на бета-уровне?

— Да, но на таком бета-уровне, который требует значительно большей подготовки и куда более сложен, нежели другие, уже существовавшие к этому времени.

— Согласно некоторым дефинициям, такая компьютерная модель уже обладала сознанием. Кэлвин мог доверять или не доверять таким дефинициям, но фактически он непрерывно продолжал совершенствовать эту модель, — сказала Вольева. — Она могла создать образ Кэлвина столь реальный, столь похожий на настоящего человека, что у вас создавалось ощущение — вы действительно находитесь в его присутствии. Но Кэлвин сделал и еще один шаг вперед. Это был как бы его страховой полис.

— А именно?

— Клонирование. — Саджаки ухмыльнулся и почти незаметно кивнул Вольевой.

— Он клонировал сам себя, — продолжала та. — Используя подпольную черную генную технологию, прибегая к помощи некоторых своих самых засекреченных клиентов. Кое-кто из них был Ультра. Если бы не они, мы бы и до сих пор ничего не узнали об этом. На Йеллоустоне клонирование было под запретом, ввоз необходимой техноло-

гии — тоже. Молодые колонии всегда являются жертвами чиновничьего произвола в интересах сохранения максимального разнообразия генетического фонда. Кэлвин оказался хитрее властей и богаче тех, кого он подкупал. Вот почему ему удалось выдать собственный клон за своего сына.

— Дэн! — воскликнула Хоури, и этот одинокий вскрик всколыхнул зловонный рефрижераторный воздух. — Вы хотите сказать, что Дэн — клон Кэлвина?

— Дэн про это ничего не знает, — ответила Вольева. — Кэл не желал, чтобы Дэн проник в эту тайну. Нет, Силвест — такая же жертва лжи, как все население Йеллоустона. Дэн считает себя совершено самостоятельной личностью.

— Не понимает, что он — всего лишь клон?

— Нет, и с течением времени его шансы узнать это делаются все меньше и меньше. Кроме союзников Кэлвина — Ультра, — не знает почти никто. А Кэлвин использовал все средства, чтобы заставить их молчать. Было там несколько слабых звеньев... Кэлвину, например, пришлось рекрутировать одного из ведущих генетиков планеты... Силвест потом выбрал его для участия в своей экспедиции на Ресургем, не представляя, какие тесные связи между ними существуют. Сомневаюсь, что он с тех пор узнал правду или хотя бы стал о ней догадываться.

— Но каждый раз, когда он смотрится в зеркало...

— Он видит себя, а не Кэлвина, — ответила Вольева, явно наслаждаясь тем, как каждое ее откровение разрушает основы мировоззрения Хоури. — Он клон, но не знает, что похож на Кэлвина до последней потовой железки под кожей. Генетик — Жанекин — сумел создать косметические различия между Кэлвином и Дэном так, чтобы люди видели лишь семейные черты сходства во внешности и поведении. Очевидно, он же постарался привить Дэну и некоторые черты его «матери», Розали Сютейн.

— Все остальное просто, — вмешался Саджаки. — Кэл вырастил свой клон в среде, максимально приближенной к той, в которой рос сам с малолетства. Вплоть до тех стимулов в определенные периоды жизни мальчика, породивших некоторые черты характера, о которых Кэлвин сам не знал — появились они естественным путем или выработаны воспитанием.

— Ладно, — сказала Хоури. — Согласимся на время считать, что все это правда и зададимся вопросом: ну и что?

Кэл же должен был понимать, что Дэн не будет проходить те же стадии развития, которые проходил он сам, как бы ни контролировал он жизнь мальчика. Как насчет тех впечатлений, которые ребенок получает еще в период пребывания в утробе матери? — Хоури покачала головой. — Сумасшествие! В лучшем случае Кэлвин мог рассчитывать на получение грубого приближения к себе.

— Я думаю, — сказал Саджаки, — что это и было то, на что он надеялся. Кэл рассматривал это клонирование как одну из предосторожностей. Он знал, что процесс сканирования, которому он готовился подвергнуть себя и еще семьдесят девять человек, разрушит его материальное тело, а потому хотел получить другое, в которое он сможет вернуться, если жизнь в машине в конце концов придется ему не по нраву.

— Так и вышло?

— Возможно. Но не в этом дело. Во времена Восьмидесяти операция по обратному переносу сознания — от машины к человеку — была еще за гранью возможного. Реальной причины торопиться не было. Кэл всегда мог держать свой клон в глубоком сне до тех пор, пока тот не понадобится. Мог сделать и еще один клон — уже из клеток мальчика. Он умел заглядывать далеко вперед, этот Кэлвин!

— Если считать, что обратный перенос сознания возможен.

— Что ж, Кэлвин понимал, что вероятность положительного результата его действий не слишком велика. У него поэтому и был подготовлен еще один путь для продления жизни, кроме обратной перезаписи.

— А именно?

— Его запись на уровне бета. — Саджаки теперь говорил не торопясь, холодно, ледяным тоном, таким ледяным, как воздух в помещении Капитана. — Хотя формально эта запись не имела сознания. Но это была весьма детализированная факсимильная копия Кэлвина. Ее относительная простота означала, что ее проще закодировать и переписать во влажную среду мозга Дэна. Куда проще, нежели импринтировать туда перезапись на альфа-уровне.

— Я слышала, что первичная запись на уровне альфа куда-то исчезла, — сказала Хоури. — Так что того Кэлвина, который мог бы продолжать свое дело, фактически не ос-

талось. Не трудно догадаться, что и Дэн повел себя куда более независимо, чем захотелось бы Кэлвину.

— Это еще мягко говоря, — кивнул Саджаки. — История Восьмидесяти стала началом упадка Института Силвеста. Дэн сбросил с себя кандалы, так как больше интересовался тайной Странников, нежели кибернетическим бессмертием. У него оставалась запись отца на бета-уровне, хотя он, видимо, не понимал ее истинного значения. Он, скорее, рассматривал ее как семейную реликвию, чем как нечто неизмеримо более важное. — Триумвир снова усмехнулся. — Думаю, если бы он знал, что это такое, он бы ее уничтожил, хотя это означало бы его собственную аннигиляцию.

Понятно, думала Хоури. Запись на бета-уровне — это что-то вроде демона, который рвется изо всех сил, чтобы получить тело нового хозяина. Он еще не полностью обрел сознание, но обладает мощной потенцией и тонкой изобретательностью, с которой подражает истинному интеллекту.

— Меры предосторожности, придуманные Кэлвином, были весьма полезны для нас, — продолжал Саджаки. — В бета-записи было заключено вполне достаточно опыта Кэлвина, чтобы вылечить Капитана. Все, что было нужно, — это уговорить Дэна позволить Кэлвину временно поселиться в его мозгу и теле.

— Но Дэн мог бы кое-что заподозрить, когда этот план осуществился так легко?

— Но это вовсе не было так легко, — признался Саджаки. — Еще как не легко! Те времена, когда Кэлвин одерживал верх, походили скорее на бешеное овладевание. Особенно трудно было контролировать движения. Чтобы подавить личность Дэна, нам приходилось давать ему коктейль из нейроингибиторов. А это означало, что когда Кэлвин наконец прорывался, тело, в котором он оказывался, было почти парализовано нашими наркотическими препаратами. Получалось так, будто блистательный хирург отдавал приказы пьянице. И... при этом... для Дэна эта история была особенно противна... и очень болезненна, как он говорил.

— Но дело сделали?

— Верно. Однако это произошло сто лет назад, а сейчас самое время посетить того же врача еще раз.

* * *

— Ваши флаконы, — сказала Ординатор.

Одна из закутанных в мантильи сопровождающих Паскаль выступила вперед, держа в руке флакон, похожий на тот, который Силвест вынул из своего кармана. Только цвет их был различен. Жидкость во флаконе Паскаль — ярко-красная, а у Силвеста — тронутая желтизной. Внутри флаконов плавали гроздья более темной субстанции. Ординатор взяла оба флакона и подержала их некоторое время на виду, прежде чем поставить на стол.

— Мы готовы приступить к свадебному обряду, — сказала Ординатор, а затем задала обычный вопрос, нет ли среди присутствующих лиц, кого-нибудь, кто имеет биологические или этические соображения, по которым обряд венчания не должен состояться. Возражений, конечно, не последовало.

Но в этот странный напряженный момент, казалось, таящий многочисленные нарождающиеся возможности, Силвест заметил среди зрителей женщину под вуалью. Незнакомка порылась в сумочке, достала изящный закрытый рубиновой пробкой флакончик с какими-то янтарными духами и откупорила его.

— Дэниел Силвест, — произнесла Ординатор, — берешь ли ты в жены эту женщину по законам Ресургема до тех пор, пока этот брак не будет аннулирован по данной или иной легальной системе?

— Беру, — ответил Силвест.

Тот же вопрос, но уже обращенный к Паскаль.

— Беру, — ответила она.

— Тогда наложим узы.

Ординатор вынула из своей шкатулки брачный пистолет и переломила его в замке. Затем взяла красный флакон, который принесла прислужница Паскаль, вложила его в казенную часть пистолета и защелкнула затвор. Иллюзорные огоньки пробежали по стволу оружия. Жирардо положил руку на предплечье Силвеста, поддерживая его, а Ординатор прижала сходящийся на конус ствол к черепу Силвеста, чуть выше глаза. Силвест был прав, когда говорил Жирардо, что церемония не слишком болезненная, но и приятной ее не назовешь. Он ощутил внезапный холод в тот момент, когда жидкий гелий ударил ему в череп. Неприятное ощущение длилось недолго, а небольшая ссадина на коже должна была зажить через несколько дней.

Иммунная система мозга куда слабее, нежели у тела в целом, и клетки Паскаль, плававшие в бульоне из содержимого клеток-хелперов, скоро сольются с клетками самого Силвеста. Их объем ничтожно мал — меньше десятой доли процента от массы мозга, но трансплантируемые клетки несут на себе нестираемый отпечаток личности Паскаль — тончайшие нити голографических вместилищ памяти и характера.

Ординатор удалила из пистолета использованный флакон и вложила на его место желтый. У Паскаль это был первый брак, и она с трудом скрывала свое волнение. Жирардо придерживал ее за руки, пока Ординатор вводила в ее мозг нейронный материал Силвеста. Паскаль сильно вздрогнула, когда это произошло.

Силвест не стал выводить из заблуждения Жирардо, считавшего, что имплантат действует постоянно. Он знал, что здесь не тот случай. Трансплантируемая нейронная ткань помечена безвредными изотопами, которые позволяют выполоть и уничтожить чужеродные клетки с помощью специальных вирусов развода. До сих пор Силвест не прибегал к такой процедуре и надеялся, что так будет и дальше, независимо от числа браков. В его мозгу жили призрачные образы его прежних жен (так же, как в их головах — его образ), а теперь там будет жить и образ Паскаль. Говоря по правде, в памяти Паскаль тоже появятся очень бледные воспоминания о женах Силвеста, которых она никогда не видела.

Таковы стоноровские обычаи.

Ординатор аккуратно укладывала брачный пистолет в шкатулку.

— Согласно закону Ресургема, брак отныне формально заключен, — сказала она. — Объявляю вас...

В этот момент запах духов настиг птиц Жанекина.

Женщина, которая открывала янтарный флакончик духов, уже исчезла, оставив пустое кресло. Нежный странный аромат, исходивший от флакона ее духов, заставил Силвеста почему-то вспомнить о хрупких осенних листьях. Ему показалось, что сейчас он расчихается.

Что-то было не так.

Зал, казалось, осветился резким бирюзовым светом, будто одновременно раскрылась сотня вееров, окрашенных пастелью. Это распушили свои хвосты павлины Жанекина. Со свистом раскрылись миллионы павлиньих глаз.

Внезапно воздух посерел.

— Ложись! — завопил Жирардо. Он как безумный рвал ногтями кожу на шее. Из нее что-то торчало, что-то маленькое и изогнутое. Немея, Силвест взглянул на свой костюм и увидел с полдюжины колючек, изогнутых в виде запятых, воткнувшихся в ткань. Им не удалось проткнуть ее, но он боялся до них дотронуться, чтобы стряхнуть на пол.

— Это орудия убийства! — хрипел Жирардо. Он рухнул под стол, потянув за собой Силвеста и свою дочь. Среди присутствующих воцарился хаос. Охваченная ужасом толпа возбужденных людей рвалась к выходу.

— Они воспользовались птицами Жанекина, — буквально визжал в ухо Силвесту Жирардо. — Отравленные колючки были у них в хвостах!

— Ты ранен, — сказала Паскаль, слишком ошеломленная, чтобы в ее голос мог вкрасться хотя бы оттенок чувства. Над их головами посверкивали вспышки и клубился дым. Слышались отдельные вопли. Краем глаза Силвест увидел женщину с духами, обеими руками державшую обтекаемый пистолет устрашающего вида. Она поливала из него присутствующих, рубчатый ствол выбрасывал холодные импульсы энергии. Над ней висело несколько антигравных камер, безучастно регистрирующих бойню. Силвест никогда не видел такого оружия, каким пользовалась женщина. Он был уверен, что оно произведено не на Ресургеме, так что были лишь две возможности: или его привезли с Йеллоустона вместе с переселенцами, либо его продал торгаш Ремильо, который побывал здесь уже после переворота. Стекло — амарантянское стекло, — выдержавшее уже десять тысяч столетий, со звоном трескалось наверху. Брызгами карамели оно неслось с высоты, осыпая визжащую публику потоками острых зазубренных осколков. С бессильной яростью Силвест смотрел, как рубиновые стрелы вонзаются в плоть подобно замороженным молниям. В воплях испуганных людей тонули стоны раненых.

Телохранители Жирардо реагировали не слишком эффективно и крайне медленно. Четверо были уже убиты, из их лиц торчали колючки. Одному удалось прорваться к сиденьям, и он безуспешно пытался вырвать у женщины пистолет. Другой палил из своего автомата, уничтожая птиц Жанекина.

Жирардо стонал. Залитые кровью глаза закатились, руки бесцельно хватали воздух.

— Надо уходить! — кричал в ухо Паскаль Силвест. Она все еще, видимо, была в шоке от пересадки нейронов и воспринимала случившееся как в тумане.

— Мой отец!...

— Он мертв.

Силвест опустил тяжелое тело Жирардо на холодный пол храма, стараясь держаться под прикрытием стола.

— Эти колючки смертельны, Паскаль. Мы уже ничего для него не можем сделать. Если останемся здесь, то только разделим его судьбу.

Жирардо все еще старался что-то прохрипеть. Возможно, то было слово «уходите», может — лишенное смысла восклицание.

— Но не можем же мы его так бросить, — еле прошептала Паскаль.

— Если мы этого не сделаем, его убийцы добьются, чего хотели.

Слезы заливали ее лицо.

— Куда же мы скроемся?

Силвест в отчаянии огляделся. В зале довольно сильно потемнело из-за дыма от автоматных очередей, который заполнил все помещение храма. Должно быть, стреляли люди Жирардо. Дым скручивался в цветные спирали и клубы, похожие на шарики танцоров. Как раз в это мгновение свет вообще погас. Его либо отключили снаружи, либо разбили фонари выстрелами. Помещение погрузилось в полную тьму.

У Паскаль перехватило дыхание.

Зрение Силвеста почти автоматически переключилось на инфракрасный режим.

— Я все вижу, — шепнул он ей. — И пока мы будем вместе, нам не следует бояться темноты.

Молясь, чтобы миновала опасность от птиц, Силвест медленно поднялся на ноги. Зал храма светился серо-зеленым светом. Женщина с духами была мертва, в ее боку еще пылала горячая рана величиной в добрый кулак. Янтарный флакончик валялся на полу у ее ног. Силвест догадался, что запах духов явился своеобразным гормональным пусковым устройством, нацеленным на рецепторы, вложенные Жанекином в своих птиц. Значит, он по уши влип в это дело. Но и сам Жанекин был мертв. Из его груди торчал узкий кинжал, а от него по вышитому жилету тянулись горячие разводы. Силвест схватил Паскаль и подтолкнул

ее к выходу — к арочному коридору, украшенному скульптурами и рельефными амарантянскими иероглифами. Вроде бы женщина с духами была единственным убийцей в зале, если не считать Жанекина. Но сейчас в зал входили ее друзья. Они были в камуфляжных костюмах, лица туго обтянуты дыхательными масками и инфракрасными очками.

Силвест поспешно вновь спрятал Паскаль за грудой перевернутых столов.

— Они ищут нас, — прошипел он. — Но думают, наверное, что мы уже мертвы.

Оставшиеся в живых телохранители Жирардо отступили и заняли оборонительную позицию за стульями и креслами, которые веером спускались от цоколя шпиля к полу. Силы, конечно, были неравны: прибывшие имели тяжелое вооружение — босеровские винтовки. Милиция Жирардо могла выставить против них лишь лазеры небольшой мощности и автоматы с обычными пулями. Оружие повстанцев разрывало милиционеров чуть ли не пополам с легкостью и какой-то небрежной яростью. Половина присутствовавших в зале была убита или валялась без сознания. Многие из них приняли на себя основной залп отравленных колючек павлинов. Поскольку самих птиц вряд ли можно было счесть особо опасными, их пропустили в зал без всякой проверки. Силвест заметил, что две птицы были еще живы, тогда как немного раньше ему казалось, что они все убиты. На них все еще действовали пахучие частицы вещества духов, их хвосты складывались и расходились, точно веера в ручках нервных куртизанок.

— У твоего отца было при себе оружие? — спросил Силвест и тут же понял, что употребил прошедшее время. — Я хочу сказать... после переворота?

— Не думаю, — ответила Паскаль.

Конечно же. Жирардо никогда бы не сказал об этом дочери. Силвест быстро ощупал его тело, надеясь отыскать спрятанное оружие под праздничным костюмом. Ничего.

— Придется обойтись без него, — сказал Силвест, будто констатация этого факта могла хоть чем-то изменить ситуацию. — Они убьют нас, если мы не удерем, — наконец выдавил он.

— В лабиринт?

— Нас увидят, — отозвался он.

— Но, может быть, не узнают? — настаивала Паскаль. — Кроме того, они же не знают, что ты видишь в темноте? — Хотя Паскаль и была сейчас практически слепа, она смотрела ему прямо в лицо. Ее рот был приоткрыт — почти круглое олицетворение надежды. — Только дай мне сначала проститься с отцом.

Она нащупала в темноте тело Жирардо и поцеловала отца в последний раз в жизни. Между тем Силвест изучал возможности отхода. Как раз в это мгновение мятежник, карауливший выход, был убит телохранителем Жирардо. Фигура в маске сложилась почти пополам, тепло ее тела стало растекаться лужей на полу, мелкие ручейки тепловой энергии впитывались в щели пола.

Путь был свободен, хоть ненадолго. Паскаль нащупала руку Силвеста, и они стремительно кинулись к проходу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На пути к Дельте Павлина, год 2546-й

— Я так понимаю, что вы уже слышали новости о Капитане? — спросила Хоури, когда Мадемуазель скромно кашлянула у нее за спиной. Если не считать иллюзорного присутствия Мадемуазель, Хоури пребывала в данный момент одна в своей каюте, перебирая в уме то, что ей рассказали Вольева и Саджаки о целях полета.

Улыбка Мадемуазель была идеально спокойна.

— Все это несколько осложняет наше положение, не так ли? Я, конечно, учитывала возможность того, что у команды могут оказаться какие-нибудь связи с Силвестом. Мне это показалось логичным, учитывая странность их решения лететь к Ресургему. Но я не смела и вообразить столь круто закрученный сюжет.

— Полагаю, «круто закрученный» — весьма подходящее определение.

— Их отношения... — призраку потребовалось какое-то время на подбор слов, хотя Хоури все это казалось просто плохой театральщиной, — ...интересны. Наши действия могут быть несколько... ограничены ими.

— Вы уверены, что все еще хотите его убить?

— Абсолютно. А эти новости только подкрепляют мои чувства. Кстати, существует опасность, что Саджаки попытается привести Силвеста на борт корабля.

— А разве это не облегчает нашу задачу убить его?

— Конечно, но такое убийство меня не удовлетворило бы. Тогда тебе пришлось бы придумать способ разрушить весь корабль. Удастся ли тебе сохранить собственную жизнь — это уж твоя проблема.

Хоури нахмурилась. Может, это и ее проблема, но во всем этом она не видит никакого смысла.

— Но если я гарантирую, что Силвест мертв...

— Этого недостаточно, — ответила Мадемуазель с совершенно новым для Хоури упрямством. — Убийство — это лишь часть того, что ты должна сделать. И далеко не главная. Тебе придется совершить весьма сложное убийство.

Хоури с нетерпением дожидалась конца речи женщины.

— Ты не должна дать ему возможность что-либо заподозрить. Еще даже за секунду до своей смерти он не должен ничего подозревать. Больше того, ты обязана убить его в тот момент, когда он будет находиться в полном одиночестве.

— Это входило в план с самого начала...

— Пусть так, но сказанное мной должно быть исполнено неукоснительно. Если вдруг окажется, что полной изоляции Силвеста достичь нельзя, смерть его придется отложить на другое время. И никаких компромиссов, Хоури.

Впервые они обсуждали проблемы предстоящего убийства в таких деталях. По-видимому, Мадемуазель решила, что Хоури имеет право узнать чуть больше, чем знала раньше. Впрочем, картина все еще оставалась не совсем полной.

— А оружие?

— Можешь выбрать то, которое тебе понравится больше, но с условием, что в нем не будет кибернетических компонентов выше определенного уровня сложности, о котором я скажу позже. — И прежде чем Хоури успела возразить, она добавила: — Вполне можно взять лучевое оружие, но при уверенности, что оно никогда не принадлежало самому Силвесту. Взрывчатка и пулевое оружие тоже вполне подходят для наших целей.

Учитывая особенности нашего корабля, подумала Хоури, здесь должно найтись достаточно всякого железного

стреляющего лома, который только и дожидается меня. Когда наступит время, я сумею подобрать что-нибудь умеренной убойности, и у меня останется еще время, чтобы изучить его свойства, прежде чем пустить его в ход против Силвеста.

— Наверняка я сумею подыскать что-либо подходящее.

— Я еще не закончила. Ты не должна приближаться к нему, и не должна убивать его вблизи от кибернетических устройств. Эти условия я также уточню позже, когда мы будем ближе ко времени убийства. Чем в большей изоляции он будет, тем лучше. Если тебе удастся захватить его на поверхности Ресургема, в ситуации... где он будет беспомощен, ты удовлетворишь мои требования полностью.

По-видимому, для Мадемуазель сказанное имело огромное значение, так что Хоури постаралась ничего не забыть и все запомнить, хотя звучало это иногда наподобие средневековых заклинаний против лихорадки.

— И ни в коем случае не позволяй ему покинуть Ресургем. Пойми, что, если на орбите Ресургема появится какой-нибудь суперсветовик, даже наш, Силвест обязательно попытается проникнуть на него. Этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах.

— Я поняла, — сказала Хоури. — Его надо убить внизу. Это все?

— Не вполне. — Призрак улыбнулся. Ухмылка была совершенно вурдалачья, Хоури еще не приходилось видеть такого в арсенале Мадемуазель. Может быть, подумала она, та истощила свой набор выразительных средств, оставив лишь кое-что для специальных случаев. — Конечно, я захочу иметь доказательство его гибели. Вот этот имплантат зафиксирует обстоятельства смерти, но когда ты вернешься на Йеллоустон, я хочу получить от тебя физическое доказательство, подтверждающее свидетельство имплантата. Я хочу получить останки, и не только пепел. То, что у тебя будет, ты поместишь в вакуум. Запечатаешь и изолируешь от корабля. Если надо, замуруй в камень, но все равно доставь мне. Я нуждаюсь в доказательствах.

— А потом?

— А потом, Ана Хоури, я отдам тебе мужа.

Силвест не останавливался даже перевести дыхание, пока они с Паскаль не достигли внешней скорлупы Города и не проникли в нее, сделав несколько сот шагов по лаби-

ринту туннелей, пронизывающих эту оболочку. Он шел наугад, игнорируя знаки, оставленные археологами, стараясь лишить своих преследователей всякой надежды на отыскание пути их бегства.

— Не так быстро, — взмолилась Паскаль. — Я боюсь заблудиться.

Силвест закрыл ей рот ладонью, хотя и знал, что ее потребность заговорить вызвана подсознательным желанием забыть о недавнем убийстве отца.

— Надо соблюдать тишину. Сейчас в «скорлупе» полно патрулей Праведного Пути, жаждущих перехватить беглецов. Мы должны обойти их.

— Но мы же заблудимся, — сказала она, понизив голос. — Дэн, люди уже погибали здесь. Они не сумели выбраться отсюда, и голод убил их.

Силвест втолкнул Паскаль в узкий штрек, оставленный строителями и уводивший куда-то в густую и душную тьму. Стены были скользкие, на полу — ни дощечки настила.

— Вот чего здесь никогда не случится, — сказал он, гораздо более спокойно, чем чувствовал себя на самом деле, — так это того, что мы с тобой заблудимся. — Он постучал пальцем по глазу, хотя темнота была такая, что для Паскаль этот жест пропал впустую. Подобно зрячему среди слепых, Силвест начисто забывал, что большая часть его бессловесных средств общения пропадает зря. — Я могу «проиграть» заново каждый шаг, который мы сделали до сих пор. А стены прекрасно отражают тепло, полученное от наших тел. Мы тут в гораздо большей безопасности, чем были бы в Городе.

Она долго-долго молчала и тяжело дышала у него за спиной. Наконец прошептала:

— Я надеюсь, что это не один из тех редких случаев, когда ты ошибаешься. Потому что иначе мы получили бы слишком дурное предзнаменование в самом начале нашей супружеской жизни. Ты так не думаешь?

Ему было не слишком весело — кровавая бойня в храме все еще стояла перед глазами. И все же он рассмеялся, что как бы смягчило жестокость реальности. Это было хорошо, ибо когда он подумал и успокоился, то понял, что страхи Паскаль вполне оправданны. Даже если бы выход из лабиринта был ему известен, то это знание могло бы оказаться никчемным, если, например, туннели окажутся слишком скользкими, чтобы вскарабкаться наверх или, скажем, если,

как утверждают слухи, лабиринт иногда сам начинает изменять свою конфигурацию. Затем... волшебные у него глаза или нет, но с голоду-то они вполне могут умереть, как умерли те несчастные идиоты, которые еще до них покидали уже разведанный путь сквозь лабиринт.

Все глубже и глубже уходили они в лабиринт амарантян, ощущая как лениво изгибается туннель, как причудливо, подобно дождевому червю, точит он свой путь сквозь толстую скорлупу Города. Впасть в панику было еще страшнее, чем потерять направление, а заставить себя сохранять спокойствие — куда как тяжело.

— Как ты думаешь, сколько времени нам придется здесь пробыть?

— День, — сказал Силвест. — К этому времени должны подойти подкрепления из Кювье.

— И на чьей стороне они будут?

Силвест, выставив плечо вперед, пролез через суженное горло туннеля. Дальше туннель расходился натрое. Силвест мысленно бросил монетку и двинулся влево.

— Хороший вопрос, — сказал он, но так тихо, чтобы жена его не услышала.

А что, если этот инцидент был лишь эпизодом переворота, охватившего всю колонию, а вовсе не локальным актом терроризма? Что, если Кювье уже вышел из-под контроля правительства Жирардо и теперь находится в руках Праведного Пути? Смерть Жирардо оставила без управления громоздкую партийную машину, важнейшие шестерни которой пропали в храмовом зале во время брачной церемонии. В этот момент слабости революционеры, задумай они блицкриг, могли добиться многого. Возможно, все уже кончено, бывшие враги Силвеста сброшены с трона власти, и новая неизвестная сила захватила главенство. В этом случае торчать в туннеле — просто терять время.

Правда, в конце-то концов они с Жирардо перестали быть врагами.

Наконец, они вышли к широкой плоской горловине, в которой сходилось несколько туннелей. Там было где посидеть, а воздух был чист и свеж. Значит, система подкачки воздуха работала совсем близко. С помощью инфракрасного зрения Силвест наблюдал, как осторожно садится Паскаль, как шарят ее руки по трещиноватому полу, боясь нащупать крысу, острый камень или чей-то череп.

— Порядок! — сказал Силвест. — Здесь мы в безопасности. — Эти слова, будучи произнесены вслух, казалось, приобрели особую реальность. — Если кто-то появится, мы успеем скрыться. А пока будем лежать тихо и ждать.

Конечно, сейчас, когда волнения, связанные с их побегом, отошли на задний план, Паскаль снова начнет думать об отце. Этого ему не хотелось. Во всяком случае, сейчас.

— Старый тупица Жанекин, — сказал он, надеясь хоть как-то отвлечь ее от мыслей об отце. — Должно быть, они его шантажировали. Так чаще всего и бывает.

— Как? — с трудом спросила Паскаль. — Как именно бывает чаще всего?

— Коррумпируют тех, кто вне подозрения. — Его голос был так тих, что почти переходил в шепот. Газ, использованный при атаке в храме, почти не затронул легких Силвеста, но все же поразил его голосовые связки. — Жанекин многие годы работал над этими птицами. Во всяком случае, с тех пор, как мне он мне знаком по Мантелю. Все началось с того, что ему захотелось получить безвредные живые скульптуры. Он повторял, что колония, вращающаяся на орбите Павлина, просто обязана иметь у себя несколько живых павлинов. Но кто-то нашел для них куда более эффектную работенку.

— А не могло ли быть, что эти птицы были сами по себе ядовиты? — отозвалась Паскаль, задумчиво растягивая последнее слово. — Налили в них яду, как в ходячие бомбы...

— Почему-то я сомневаюсь, чтобы Жанекин позволил испоганить так много своих драгоценных павлинов.

Возможно, в воздухе было что-то, от чего Силвест вдруг почувствовал такую усталость и сонливость. Сейчас они в безопасности. Если бы киллеры шли за ними по следам — они ведь уже давно обнаружили, что Паскаль и его нет среди трупов, — то появились бы в этой части «скорлупы» уже давно.

— Я никогда не верила, что у отца есть настоящие враги, — говорила между тем Паскаль. Ее фраза повисла в тишине этого чуждого им пространства. Силвест понимал ее страх: она слепа, она полагается только на его заверения, само это место является для нее воплощением ужаса. — Я никогда не думала, что кто-нибудь убьет его, не верила, что появится кто-то, кого можно подвигнуть на такое дело. Хотя, похоже, желающие для этого все же нашлись.

* * *

Вместе с другими членами команды Хоури пришлось лечь в глубокий сон на большую часть времени полета к Ресургему. Но до этого она много часов провела в Оружейной, где подвергалась воздействию всевозможных смоделированных ситуаций. Спустя какое-то время эти ситуации стали возникать и в ее снах, причем в таких масштабах, когда термин «смертельная усталость» уже не мог служить адекватным выражением последствий, вызываемых повторением упражнений, придуманных для нее Вольевой. И все же пребывание в обстановке Оружейной ей нравилось, так как здесь, ей казалось, она находит убежище от преследующей ее тревоги. В Оружейной, например, проблема Силвеста превращалась во что-то вроде нервной почесухи — не больше. Хоури, как и раньше, понимала, что находится в почти безвыходной ситуации, но здесь этот факт не казался ей таким критическим. Оружейная стала для нее всем, она ее не боялась. После тамошних занятий Хоури до наступления ночи пока еще оставалась сама собой, что давало ей основания считать, будто Оружейная вряд ли виновата в ее состоянии. И вообще, вряд ли то, что с ней сейчас происходит, окажет воздействие на исход ее миссии.

Все изменилось лишь тогда, когда «псы» вернулись домой.

Это были ищейки Мадемуазель — кибернетическая агентура, которую та спустила с поводков во время одного из занятий Хоури в Оружейной. «Псы» прорыли себе дыру в Системе через нейронные связи, воспользовавшись одной простительной слабостью Системы. Вольева установила защиту от атаки со стороны программного обеспечения, но она никак не предполагала, что опасность будет исходить от мозга человека, подключенного к Оружейной. Через мозг Хоури псы прошли в мозг Оружейной и донесли об этом Мадемуазель. В тот вечер, когда они были спущены, они не вернулись к Хоури, ибо им потребовалось несколько часов, чтобы обнюхать каждую клеточку и каждую нишу в грандиозной византийской архитектуре Оружейной. Они оставались там больше дня, до тех пор, пока Вольева снова не подключила Хоури к мозгу Оружейной.

Затем «псы» вернулись к Мадемуазель, она декодировала их и вычислила дичь, которую они загнали.

— У нас есть на корабле «заяц», — сказала Мадемуазель Хоури, когда они остались одни в Оружейной после занятий. — Нечто спряталось в системе Оружейной, и я готова держать пари, что Вольева об этом не знает сама.

Именно с этого момента Хоури перестала относиться к Оружейной с былым спокойствием и хладнокровием.

— Продолжайте, — сказала она, чувствуя, как кровь холодеет в ее жилах.

— Существо информационного происхождения. Больше я о нем ничего сказать не могу.

— «Псы» что-нибудь установили?

— Да, но... — Казалось, Мадемуазель снова не хватает слов. В данном случае Хоури почудилось, что тут обманом не пахнет: имплантат имел дело с ситуацией на много световых лет удаленной от того, чем располагал опыт Мадемуазель. — Дело не в том, что «псы» увидели это или часть этого. Оно ведь слишком незаметное, иначе защита Вольевой его давно бы обнаружила. Если сказать точнее, то они обнаружили скорее его отсутствие в том месте, где оно только что находилось, почувствовали что-то вроде «ветерка», который поднялся в процессе его перемещения.

— Сделайте одолжение, — прервала ее Хоури, — попробуйте говорить немного яснее.

— Сожалею, — ответила Мадемуазель, — я не могу отрицать, что появление этого существа вызывает беспокойство.

— Вызывает у вас? А у меня? — Хоури покачала головой, почти онемев от случайной жестокости реальности. — Ладно, как вы думаете, что это такое? Может быть, вирус из числа тех, что поедают этот проклятый корабль?

— Нет, для этого оно слишком сложное. Защитные системы Вольевой все же поддерживают корабль в рабочем состоянии, невзирая на эти вирулентные организмы. Ей даже удалось приостановить распространение Расползающейся Чумы. Но этот... — Мадемуазель поглядела на Хоури с очень убедительным выражением ужаса. — «Псы» его испугались, Хоури! В каком-то смысле он проник в них и оказалось, что он умнее всего, с чем мне приходилось до этого встречаться. Он не атаковал их, и это пугает меня еще больше.

— Почему?

— Потому что наводит на мысль, что это существо ждет своего часа!

* * *

Силвест так никогда и не узнал, как долго они спали. Возможно, то были минуты, заполненные лихорадочными, истощающими запасы адреналина сновидениями, где их преследовала боль хаоса и бегства, а может быть — часы или даже большая часть дня. В любом случае то не была естественная усталость, честно свалившая их с ног. Разбуженный чем-то, Силвест ощутил, подобно удару молнии, что они дышат усыпляющим газом, который закачали в систему воздухоснабжения туннелей. Неудивительно, что воздух показался им с самого начала каким-то душистым и свежим!

Какие-то звуки, будто крысы бегают на чердаке.

Он на ощупь нашел Паскаль и разбудил ее. Она пришла в сознание с чем-то вроде жалобного стона и лишь после нескольких минут полузабытья проснулась окончательно. Силвест всматривался в ее лицо, искаженное инфракрасным зрением, и видел, как смесь ужаса и страдания постепенно вытесняется выражением безразличия.

— Надо уходить, — сказал Силвест. — Они гонятся за нами. В туннели пущен газ.

Царапающие звуки приближались с каждой секундой. Паскаль все еще находилась на грани сна, но ей все же удалось открыть рот. Голос звучал так, будто ему приходилось пробиваться сквозь вату. Она спросила:

— Куда пойдем?

— Вот сюда, — ответил Силвест и подтолкнул ее к ближайшему узкому туннелю. Сон еще качал ее. Силвест помог ей удержаться на ногах, протиснулся вперед и взял Паскаль за руку. Впереди клубился мрак, и Силвест видел лишь на несколько метров вперед. Он понял, что слеп почти так же, как его жена.

И все-таки лучше так, чем никак.

— Подожди, — сказала Паскаль. — У нас за спиной свет, Дэн.

И голоса. Теперь он хорошо слышал их, хотя и не разбирал слов. Лязг металла. Надо полагать, химические сенсорные устройства уже давно следят за ними, а феромональные «нюхачи» уже почуяли в воздухе запахи человеческого страха и паники и передают эту информацию в графическом виде прямо в мозг преследователям.

— Быстрее, — шепнула Паскаль. Он бросил взгляд назад. Яркий свет слепил глаза. Это было голубое сияние,

глубоко проникавшее в штрек. Сияние дрожало, будто исходило от ацетиленовой горелки. Он попытался идти быстрее, но туннель круто шел вверх, и находить трещины в почти зеркально гладких стенах, за которые можно было бы уцепиться, становилось почти невозможно. Как лезть вверх по обледеневшей трубе.

Звуки тяжелого дыхания, металла, царапающего стену, лай команд.

Слишком крут подъем. Приходится напрягать все силы, чтобы удержать равновесие, не поскользнуться, не рухнуть вниз.

— Стань за моей спиной, — приказал Силвест, оборачиваясь к голубому свету.

Паскаль забежала сзади.

— Что дальше?

Свет дрожал, но непрерывно усиливался.

— У нас нет выбора, — сказал Силвест. — Мы не можем ускользнуть от них, Паскаль. Придется вернуться и встретить их лицом к лицу.

— Это самоубийство!

— Может быть, им будет труднее убивать нас, если они посмотрят нам в глаза.

Силвест в душе считал, что четыре тысячи лет человеческой цивилизации отлично доказали лживость этого постулата, но другой надежды у него не было, так что ее слабость особого значения не имела. Жена обхватила его сзади руками и прижалась щекой к щеке, вглядываясь в сторону преследователей. Она дышала испуганно и прерывисто. Силвест не сомневался, что он дышит ничуть не лучше.

Враги в буквальном смысле слова обоняли их ужас.

— Паскаль, — прошептал Силвест, — я должен сказать тебе кое-что.

— Сейчас?

— Да, сейчас. — Он уже не мог различить, где ее дыхание, где — его. Вырывавшийся из их уст воздух, казалось, барабанил по его коже. — Это на тот случай, если я больше никому не успею сказать. Я и без того слишком долго держал это в секрете.

— Ты хочешь сказать... на случай нашей смерти?

Он обошел ее вопрос молчанием. Какая-то часть его мозга была занята подсчетом того, сколько секунд или десятков секунд жизни осталось у них. Слишком мало, чтобы рассказать так, как он хотел.

— Я солгал, — шептал он. — Солгал о том, что произошло у Завесы Ласкаля.

Она хотела перебить его.

— Нет, подожди, — жарко шептал Силвест. — Выслушай меня... мне надо поделиться... я не могу больше держать это в себе.

Голос был еле слышен.

— Все, что я рассказывал, — это полуправда. — Ее глаза широко раскрылись — овальные пустоты на тепловой маске лица. — Все случилось наоборот. Это не трансформированный мозг Карины Лефевр стал разрушаться, когда мы стали приближаться к Завесе, а...

— Что ты хочешь сказать?!

— Это был мой мозг. Это из-за меня мы чуть не погибли. — Он помолчал, ожидая, что или она скажет что-то, или их преследователи выйдут из голубого сияния, которое надвигалось все ближе и ближе. Когда ничего этого не произошло, Силвест продолжил, видимо, увлеченный самим процессом исповеди. — Моя трансформация, наведенная Трюкачами, стала выветриваться. Гравитационные поля вблизи Завесы уже схватили нас. Карина должна была погибнуть, если я не отделю свой модуль от ее.

Он почти физически ощущал, как Паскаль пытается соединить эту информацию с той записью, которую она носит в своей памяти и которая является частью Истории, выученной еще в ранние годы жизни. То, что он говорит, не было, не могло быть, не должно было быть правдой! Все ведь так просто! Трансформированный мозг Лефевр начал сдавать. Она принесла себя в жертву, катапультировав свой модуль, чтобы Силвест получил шанс вступить в контакт с чем-то совершенно чужеродным. Иначе и быть не могло! Она знает это... И вдруг это оказывается ложью!

— Вот, что я тогда должен был сделать! Сейчас, когда все уже позади, об этом легко говорить, но тогда я не смог... ни сразу, ни потом. — Паскаль не видела выражения его лица. Выражало ли он сейчас радость или... — Я не смог привести в действие механизм катапультирования.

— Почему?

Он подумал: она хочет, чтобы он ответил, что это было невозможно по техническим причинам, что пространство спокойного космоса было слишком ограничено, что гравитационные перепады прижали его к полу, лишили его подвижности, что они будто срывали у него мясо с костей. Но это была бы ложь, а сейчас он не смел лгать.

— Я боялся, — сказал Силвест. — Боялся, как никогда в жизни. Больше всего боялся умереть в этом чужом для меня мире. Боялся того, что случится с моей душой в том месте, где я оказался. В том, которое Ласкаль называл Откровением Космоса. — Он откашлялся, зная, что времени почти не осталось. — Это звучит иррационально, но тогда я все это ощущал всей своей шкурой. Компьютерные модели не подготовили нас к этому ужасу.

— И все же ты это сделал?

— Гравитационные вихри рвали на куски наш корабль. Они исполнили ту работу, которую должны были сделать ракетные заряды. Я не погиб... и не могу понять почему? Ведь я был обречен.

— А Карина?

Прежде чем он успел ответить — если допустить, что у него был готовый ответ, — тошнотворный запах газа ударил им в лицо. Опять усыпляющий газ, но теперь в несравненно более сильной концентрации. Он заполнил легкие, и Силвест забыл и о Завесе Ласкаля, и о Карине, и о своей роли во всем, что с ней случилось. Теперь во всей вселенной было лишь одно неотложное дело — вычихать из легких этот газ.

Это и еще одно — содрать кожу с зудящих пальцев!

В голубом сиянии показался человек. Маска скрывала его лицо и не давала возможности увидеть его выражение, но поза красноречиво свидетельствовала об усталом безразличии. Лениво он поднял левую руку. Сначала Силвесту померещилось, что в ней зажат мегафон с широким раструбом, но то, как он его держал, говорило, что у предмета есть гораздо более важное предназначение.

Он целился спокойно и методично, пока оружие не оказалось направленным прямо в глаза Силвесту.

А потом — в этой мертвой тишине — он сделал что-то, и в мозг Силвеста вошла раскаленная игла боли.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мантель, Северный Некхебет, Ресургем, год 2566-й

— Жаль, что с вашими глазами случилось такое, — сказал голос, когда целая вселенная боли и судорог миновала. На какое-то время Силвест погрузился в вихрь мыслей, стараясь восстановить в памяти порядок недавних событий. Где-то в недалеком прошлом находились его свадьба,

кровавая бойня, бегство в лабиринт, усыпляющий газ... и больше ничего, связанного с настоящим. У него было ощущение, что он пытается связать биографию из пригоршни непронумерованных фактов, биографию, события которой казались дразняще знакомыми.

...невероятная боль в голове, когда какой-то человек направил на него свое оружие...

Он ослеп.

Мир исчез, его заменила неподвижная серая мозаика. Ужасное недавнее происшествие лишило его глаза способности видеть. На одно из лучших произведений рук Кэлвина обрушился сокрушительный удар. Глаза не просто повреждены, они уничтожены.

— А вообще-то это к лучшему, что вы не видите нас, — продолжал голос, который теперь казался гораздо ближе. — Конечно, можно было завязать вам глаза, но мы не знали, на что еще способны эти две ваши механические милашки. Может, они могут видеть через любую нашу ткань? В общем, так было проще. Нацелить на вас магнитный импульс... Ну, может, причинить боль... пережечь несколько проводников... жаль, конечно... — Голос ухитрился звучать не слишком огорченным.

— Что с моей женой?

— С девчонкой Жирардо, что ли? С ней полный порядок. В ее случае не потребовались никакие жесткие меры.

Может быть, потому, что он ослеп, Силвест стал особенно чувствительным к движениям вокруг. Он догадался, что они летят на самолете, пробивающемся через каньоны и долины в попытке избежать песчаной бури. Он подумал: кому принадлежит самолет и кто вообще сейчас заправляет делами? Удержали ли сторонники Жирардо власть в Кювье, или вся колония перешла в руки Праведного Пути? Ни то, ни другое энтузиазма не вызывало. Он мог заключить союз с Жирардо, но тот умер, а у Силвеста было полным-полно врагов в руководстве партии Преобразователей — людей, которые порицали Жирардо за то, что он оставил Силвесту жизнь после первого мятежа.

И все же он жив. А слепым ему уже доводилось быть. Он не забыл эти ощущения и знал, что сумеет с ними справиться.

— Куда мы летим? — спросил Силвест. Они связали его и очень сильно затянули веревки, нарушив кровообращение. — Обратно в Кювье?

— А если и так? — спросил голос. — Я бы удивился, узнав, что вы туда с нетерпением рветесь.

Самолет накренился и тошнотворно рухнул в «яму». Потом долго выбирался из нее, из последних сил выгреб наверх, точно игрушечная яхта, попавшая в океанский шторм. Силвест попытался восстановить в памяти карту каньонов вблизи Кювье, но это было бессмысленной тратой сил. Он был, возможно, ближе к амарантянскому городу, нежели к дому, но с равным успехом мог находиться в любом другом месте планеты.

— Вы... — Силвест заколебался. Он подумал, а не стоит ли ему изобразить полное отсутствие интереса к собственной судьбе, но тут же отверг эту мысль. — Вы — из Преобразователей?

— А вы как полагаете?

— Думаю, вы из Праведного Пути.

— Ну что ж, можно и поаплодировать.

— И вы теперь хозяева положения?

— Вот это уж точно! — Охранник попытался вложить как можно больше удали в свой ответ, но Силвесту показалось, что он подметил некоторое колебание. Неуверенность, подумал он. Вполне возможно, что у них у самих нет данных, насколько удачен их переворот. То, что сказал стражник, могло быть и правдой, но если коммуникации на планете испорчены, то как можно поручиться за прочность их власти? Вполне вероятно, что силы, верные Жирардо, удержат столицу, а возможно, и другие населенные пункты планеты. Вполне вероятно, что сейчас эти люди исходят из веры, что их союзники в других местах тоже восторжествовали.

Кто его знает, может, они и правы.

Чьи-то пальцы натянули ему на лицо маску, ее твердые края больно врезались в кожу. Однако это неудобство было все же переносимым в сравнении с острой непрерывной болью в поврежденных глазах.

Дышать в маске было совсем не легко. Ему пришлось потратить немало сил, чтобы научиться вдыхать воздух через фильтр для песка, вделанный в хобот маски. Две трети кислорода, попадавшего в легкие, теперь поступали из атмосферы Ресургема, а последняя треть — из баллончика со сжатым воздухом, висевшего под «хоботом». В баллончике содержался и углекислый газ для возбуждения дыхательного центра.

Силвест почти не почувствовал, как сел самолет, он даже не понял, что посадка уже произошла, пока не открылась дверь. Охранник отвязал его и довольно небрежно толкнул в сторону, откуда шел холод и задувал ветер.

Было ли там темно? Или все еще не зашло солнце?

Об этом и многом другом он не имел ни малейшего представления, да и откуда ему было знать?

— Где мы? — спросил Силвест. Маска делала его голос глухим, речь звучала невнятно, как речь идиота.

— А какая тебе разница? — Голос охранника не изменился. Силвест понял, что охранник дышит прямо атмосферным воздухом. — Даже если бы город был где-то рядом, что вовсе не обязательно, ты и шагу не смог бы ступить, не угробившись.

— Я хочу поговорить с женой.

Стражник схватил его за руку и оттащил куда-то, где Силвест ощутил себя еще более потерянным. Он споткнулся, но охранник не дал ему упасть.

— Поговоришь, когда нам будет удобно. Я ж тебе сказал, что она в порядке? Ты что, не веришь мне или что?

— Я только что видел, как вы убили моего тестя. Как вы думаете, после этого я могу вам верить?

— Я думаю, что тебе стоит пригнуться.

Чья-то рука прижала ему голову и толкнула в укрытие. Ветер перестал колоть уши. Голоса сразу обрели способность отдаваться эхом. За спиной захлопнулась дверь и разом обрубила завывание бури. Хотя он и ослеп, но какое-то чувство подсказывало ему, что Паскаль находится не здесь, не рядом с ним, что он должен надеяться, что ее увезли в другое место, а похитители не врут и Паскаль в безопасности.

Кто-то сорвал с него маску.

Дальше был быстрый марш-бросок по узким — цеплялись плечами за стенки — коридорам, где воняло дешевым антисептиком. Ему помогли спуститься по лязгающей железной лестнице, ступить в два скрипящих лифта, которые увезли его на неизвестную глубину. Потом его ввели в какое-то большое помещение, где гуляло гулкое эхо, а воздух пропах металлом, но был относительно свеж. Потом они прошли мимо воздуховода — из него снаружи доносился визг ветра. Иногда Силвест слышал голоса, ему даже послышались знакомые интонации, но разгадать, кому они принадлежат, он так и не сумел.

И вот теперь комната.

Он почему-то был уверен, что она выкрашена в белую краску. Он почти физически ощущал чистое давление кубического помещения.

Кто-то подошел к нему. Дыхание подошедшего разило капустой. Силвест почувствовал, как этот кто-то легко касается его лица. Руки облечены во что-то матерчатое, пахнущее дезинфекцией. Вот пальцы коснулись глаз, а затем по фасеткам глазного яблока застучало что-то твердое.

Каждый легкий удар зажигал непереносимую боль где-то в височных отделах мозга.

— Вылечи их, когда я прикажу, — сказал голос, который был ему, безусловно, знаком. Это был женский голос, но со странной хрипотцой, превращавшей его почти в мужской. — А пока пусть поживет слепым.

Уходящие шаги. Должно быть, та, которая говорила, жестом отпустила конвой. Теперь, оставшись в одиночестве, Силвест стал вдруг терять чувство равновесия. Куда бы он ни повернул лицо, перед ним всюду стояла одна и та же серая геометрическая матрица. Ноги становились ватными, но ухватиться было не за что. А может быть, он находится на высоте метров в десять над полом?

Он стал падать навзничь, махая руками в жалкой попытке сохранить равновесие.

Кто-то схватил его за руку и удержал. Удары пульса звучали так, будто рядом пилили дыру в деревянной перегородке.

Чье-то дыхание.

Потом влажный щелчок. Силвест понял: Она открыла рот, а потом закрыла его снова. Теперь Она, должно быть, улыбалась, радуясь увиденному.

— Кто ты? — спросил он.

— Ах ты, жалкий мерзавец! Ты даже и голоса моего не помнишь.

Ее пальцы сжали его предплечье, ее опытные пальцы отыскали нужный нерв и нажали на него в нужном месте. Он испустил визг. Визг наказанного щенка. То был первый болевой импульс, заставивший его забыть боль в глазах.

— Клянусь, — простонал Силвест, — я не знаю тебя!

Она ослабила давление. Когда нерв и нервные окончания вернулись в прежнее положение, боль в глазах появилась вновь. А рука онемела до самого плеча.

— А должен был бы помнить, — сказал тот же женский голос. — Я — та, которую ты много лет считал мертвой, Дэн. Погребенной под оползнем.

— Слука!

Он вспомнил.

Вольева как раз шла к Капитану, когда случилась эта неприятность. Теперь, когда остальная команда, включая Хоури, погрузилась в глубокий сон, в котором и собиралась пребывать всю дорогу до Ресургема, Вольева снова вернулась к своей старой привычке разговаривать со слегка «подогретым» Капитаном. Чтобы он мог хотя бы фрагментарно соображать, было необходимо поднять температуру его мозга на какую-то долю кельвина. За последние два с половиной года это стало для нее рутиной, и будет продолжаться еще столько же, пока корабль не приблизится к Ресургему, а остальная команда не выйдет из сна. Конечно, разговоры происходили не так уж часто — она не рисковала согревать Капитана регулярно, так как после каждого нагрева Чума отвоевывала новую площадь и у тела самого Капитана, и у окружающей его территории. И все же это были оазисы человеческого общения среди недель, занятых непрерывной борьбой с вирусами, уходом за оружием и войной с продолжающимся разрушением основ существования корабля.

Поэтому, в определенном смысле, Вольева с нетерпением ждала этих разговоров, даже если Капитан нередко не подавал знака, что помнит, о чем они беседовали в последний раз. Еще хуже было то, что в их отношениях за последнее время возникла некая холодность. Отчасти это было следствием того, что Саджаки не удалось найти Силвеста в системе Йеллоустона, а это обрекало Капитана на по меньшей мере еще одно пятилетие пытки. А может, и гораздо дольше, если Силвеста не удастся отыскать и на Ресургеме, что казалось Вольевой теоретически вполне вероятным. Затрудняло дело и то, что Капитан все время добивался от нее сведений о том, как идет поиск Силвеста, а она каждый раз сообщала ему, что поиск менее успешен, чем можно было бы ожидать. В эту минуту Капитан всегда мрачнел (за это она вряд ли могла его винить), и тон разговора менялся. Иногда Капитан вообще становился некоммуникабельным. Когда спустя несколько дней или даже недель она пыталась снова заговорить с ним об этом, ока-

зывалось, что он начисто позабыл о прошлом разговоре, и они снова проходили тот же тернистый путь, разве что Вольевой удавалось изложить ему как-то иначе те же самые безрадостные сведения и вложить в свой рассказ что-то оптимистическое.

Еще одной темой, которая бросала мрачную тень на их разговоры, было то, что все их беседы возникали исключительно по инициативе Вольевой и что она не переставала настаивать на вопросах о визите Капитана и Саджаки к Трюкачам. Вольева заинтересовалась подробностями этого визита только в последние годы, когда пришла к выводу, что изменение личности Саджаки произошло примерно в это же время. Конечно, само посещение Трюкачей имело целью как-то трансформировать работу мозга, но почему Саджаки позволил им изменить себя к худшему? Он стал куда более жестоким, стал деспотичнее, перестал выносить малейшее противоречие, тогда как раньше был строг, но справедлив. Был самым уважаемым членом Триумвирата. А теперь она ему не доверяет. И все же вместо того, чтобы пролить свет на эти изменения, Капитан агрессивно отказывается отвечать на ее вопросы, вследствие чего ее настроение ухудшается, а любопытство — обостряется.

Теперь она шла к Капитану, а все те же вопросы жгли ее с новой силой. Она опять думала о том, как ей ответить на неизбежный вопрос Капитана о Силвесте и как по-новому подойти к проблеме Трюкачей. Поскольку шла она туда привычным путем, то неизбежно должна была посетить и Тайник.

Вот тогда-то Вольева и обнаружила, что одно из орудий — самое страшное — было кем-то передвинуто.

— В ситуации произошли изменения, — сказала Мадемуазель. — Некоторые были делом случая, другие — нет.

Было странно ощущать себя снова в сознании. Не говоря уж о том, что она снова слышала Мадемуазель. Ведь последним, что помнила Хоури, было то, как она влезает в «кокон» для глубокого сна, а над ней склоняется Вольева, отдающая распоряжения своему браслету. Теперь же она ничего не видела, ничего не ощущала, не чувствовала даже холода. Но все же знала — непонятно как, — что находится в «холодном» сне и продолжает спать и в данную минуту.

— Где... когда... я нахожусь?

— Все еще на борту корабля. Примерно на полпути к Ресургему. Идем с очень большой скоростью — всего на один процент ниже скорости света. Я слегка повысила температуру твоих нейронов. Этого достаточно для разговора.

— А Вольева не заметит?

— Боюсь, что если бы это и произошло, то было бы наименьшей из наших проблем. Ты помнишь Тайник и то, что я обнаружила нечто, прячущееся в архитектуре мозга Оружейной? — Подтверждения Мадемуазель ждать не стала. — Послание, которое мне доставили мои «псы», было очень трудно расшифровать. Три года подряд... но теперь сказанное там стало яснее.

Хоури представила, как Мадемуазель отрубает головы «псам», изучая топологию их электронных внутренностей.

— Стало быть, «заяц» — реальность?

— О да! И враждебная, но об этом немного позже.

— Известно ли, что он такое?

— Нет, — ответила Мадемуазель, но ответ явно был неполон. — Впрочем, то, что мне удалось выяснить, не менее интересно.

То, о чем хотела рассказать ей Мадемуазель, имело отношение к топологии Оружейной. Оружейная была невероятно сложным собранием компьютеров. Уровни их взаимодействия складывались в течение десятилетий корабельного времени. Сомнительно, чтобы один человеческий мозг — даже мозг Вольевой — мог понять хотя бы самые основы этой топологии. Взаимопроникновение уровней друг в друга, наложение этих уровней было просто непостижимо. Но в одном смысле Оружейную было нетрудно представить: она была почти полностью отделена от остального корабля, и поэтому большая часть высших функций вооружения могла быть задействована только тем, кто занимал ее кресло. Оружейную изолировала плазменная стена, пропускавшая информацию только вовне. Причины этого были чисто тактические. Поскольку орудия (и не только из Тайника), когда ими пользуются, выдвигаются на внешнюю поверхность корабля, то они потенциально представляют собой путь для проникновения в корабль вражеских видов вооружения, в том числе и вирусного. Поэтому Оружейная изолирована, защищена от остальных хранилищ информации корабля ловушкой, открытой лишь в одном направлении. И никакой объект не мог пройти через эту одностороннюю дверь и войти в Оружейную.

— А теперь, — сказала Мадемуазель, — зная, что мы все же обнаружили этот объект в Оружейной, я прошу тебя сделать логический вывод.

— То, что туда попало, попало по ошибке.

— Да! — Ответ Мадемуазель прозвучал так, будто ей самой эта мысль пришла в голову только сейчас. — Полагаю, мы должны рассмотреть и эту возможность. Конечно, нечто могло попасть в Оружейную и через вооружение, но я думаю все же, что оно попало туда через люк. Больше того, мне известно, когда через этот люк проходили в последний раз.

— Как давно?

— Восемнадцать лет назад. — И прежде чем Хоури успела что-либо сказать, Мадемуазель добавила: — Это по корабельному времени, а по мировому — лет за восемьдевять до того, как тебя рекрутировали.

— Силвест! — с удивлением сказала Хоури. — Саджаки сказал, что он попал сюда по единственной причине: только он мог вылечить капитана Бреннигена. Даты совпадают?

— В достаточной степени убедительно. Это должен быть 2460 год — лет двадцать с хвостиком после возвращения Силвеста от Странников.

— И вы думаете, он привез *это* — что бы оно ни было — с собой?

— Все, что нам известно, мы знаем от Саджаки. Силвест впустил в себя имитацию сознания Кэлвина, чтобы вылечить капитана Бреннигена. В какой-то момент этой операции Силвест соединился с информационным пространством корабля. Возможно, что именно таким путем «заяц» сумел проникнуть сюда. Потом — очень скоро — он попал в Оружейную сквозь дверь, открывающуюся в одну сторону.

— И с того времени обретается там?

— Видимо, так.

По-видимому, так оно и было. Когда Хоури чувствовала, что в ее голове складывается вполне достоверное представление (или почти достоверное), неизвестно откуда вдруг выскакивал какой-нибудь новый факт и ее схема разлеталась в клочки. Она чувствовала себя средневековым астрономом, который создает космологические теории, стараясь увязать с ними открытия, сделанные с помощью новейших средств наблюдения. Вот и сейчас она никак не могла пред-

ставить себе, каково могло быть отношение между Силвестом и Оружейной. Впрочем, можно было об этом и не думать, сославшись на собственное невежество. Мадемуазель и ту ведь перехитрили!

— Вы говорили, что это существо враждебно, — сказала она, тщательно выговаривая каждое слово, так как не была уверена, что сможет задать много вопросов, если ответы на них усваиваются мозгом с таким трудом.

— Да. — Снова колебание. — «Псы» были моей ошибкой. Я оказалась слишком самоуверенной. Надо было понять, что Похититель Солнц...

— Похититель Солнц?

— Так он себя называет. «Заяц», я хочу сказать.

Вот это плохо! Откуда она узнала имя этого существа? Вдруг Хоури вспомнила, что Вольева спрашивала у нее, не значат ли для Хоури что-нибудь эти самые слова. Но есть кое-что и похуже: ей кажется, что их же она слышала во сне, и совсем не так давно. Хоури уже открыла рот, чтобы заговорить, но Мадемуазель опередила ее.

— Он использовал «псов», чтобы бежать, Хоури. Целиком или хотя бы частично. Он воспользовался ими и проник в твой мозг!

В новой тюрьме у Силвеста не было надежного ориентира для определения времени. Единственно, в чем он был уверен, так это в том, что с момента пленения времени прошло уже много. Силвест подозревал, что его пичкают наркотиками, из-за которых он впадает в сон, похожий на кому, и почти не видит снов. Когда же они ему снились — что бывало крайне редко, — то, хотя в них он не был полностью слепым, эти сны все равно касались проблем зрения, в частности, того, как важно сохранить тот жалкий его остаток, которым он владеет. Когда же Силвест просыпался, то перед глазами была все та же серая пелена. Правда, по прошествии времени ему стало казаться, что это серое начинает терять былую структуру. Сперва это был строгий серый геометрический орнамент, давно наложенный на его мозг и просто выдавливаемый им наружу. Постепенно этот орнамент превратился в серую бесконечность. Ее цвет потерял свою специфичность — теперь это было просто полное отсутствие других красок.

Его волновало то, чего он лишился. Возможно, окружавшая его обстановка была такой скудной и спартанской,

что его фильтрующий мозг отверг бы ее, будь она хоть все время на виду. Но теперь он ощущал лишь беззвучную замкнутость камня, многих мегатонн камня. Он постоянно думал о Паскаль, но с каждым днем становилось все труднее удержать в памяти ее образ. Серая пелена, казалось, просачивается в его мозг, покрывая его как бы коркой мокрого бетона. Пришел день, когда Силвест прикончил свой последний питательный рацион, и тогда дверь подвала открылась и к нему приблизились два голоса.

Первым был голос Джиллиан Слуки.

— Делай с ним, что хочешь, — каркнула она, — но в определенных пределах.

— Надо бы дать ему наркоз, пока я буду оперировать, — отозвался другой голос — мужской и простуженный. Силвест узнал запах капусты, исходивший от дыхания этого человека.

— Может, и надо, но он перебьется. — Слука поколебалась, а потом добавила: — Я не жду никаких чудес, Фолкэндер. Я просто хочу, чтобы этот подонок посмотрел мне в глаза.

— Дай мне несколько часов, — попросил Фолкэндер. Раздался глухой стук — это он положил что-то тяжелое на стол с тупыми краями. — Я постараюсь, — почти пробормотал он. — Но насколько мне известно, глаза и без того у него были хреновые, а ты его еще и ослепила.

— У тебя есть час.

Покидая камеру, она с лязгом захлопнула дверь. Силвест, привыкший к тишине, как к кокону, почувствовал, что у него в мозгу что-то сдвинулось. Слишком долго он ловил самые слабые звуки — ключи к собственной судьбе. Их, говоря по правде, не было, но, вслушиваясь, он вновь привыкал к тишине.

Он носом почувствовал, что Фолкэндер придвинулся ближе.

— Работать с вами — честь для меня, доктор Силвест, — сказал голос почти почтительно. — Я уверен, что мне удастся восстановить многое из того, что она разрушила, было бы только время.

— Она дала вам час, — ответил ему Силвест. Собственный голос звучал для него незнакомо. Слишком много времени прошло с тех пор, как он разговаривал с кем-нибудь, а не мычал что-то во сне. — А что можно сделать за час?

Он слышал, как Фолкэндер роется в своих инструментах.

— В крайнем случае, немного улучшить зрение, — Он разделял слова хмыканьем. — Конечно, я сделаю больше, если вы не будете мне мешать. Я ведь не могу обещать, что операция будет вам приятна.

— Я верю, что вы постараетесь.

Чужие пальцы скользнули по его глазам, слегка нажимая на них.

— Я всегда восхищался вашим отцом, знаете ли. — Еще одно хмыканье, почему-то напомнившее Силвесту о павлинах Жанекина. — Всем известно, что эти глаза сделал вам он.

— Его бета-модель, — поправил Силвест.

— Конечно, конечно... — Силвесту казалось, что он видит, как Фолкэндер старается поддержать свое дырявое достоинство. — Не альфа — ведь та запись, как известно, исчезла за годы до того.

— Я продал ее Трюкачам, — глухо сказал Силвест. После долгих лет умолчания истина выскочила у него изо рта, подобно крошечному кислому семечку.

Фолкэндер издал странный трахейный звук, который, как решил Силвест, мог быть чем-то вроде хмыканья.

— Конечно, конечно... Знаете, я прямо удивляюсь, что вас до сих пор еще никто в этом не обвинил. Нет, каков все же пресловутый человеческий цинизм! — Резкий воющий звук заполнил комнату. За ним последовала рвущая нервы вибрация. — Думаю, вам придется навсегда распроститься с цветным зрением. Монохромное изображение будет, пожалуй, самым лучшим из того, что у меня может получиться.

Хоури решила, что, возможно, ее хватит на то, чтобы перевести дух, собраться с мыслями, а потом прислушаться — не слышно ли дыхание этого существа, захватившего место в ее голове. Однако Мадемуазель еще не закончила речь.

— Я уверена, что Похититель Солнц уже делал аналогичную попытку, — говорила она. — Я имею в виду твоего предшественника, разумеется.

— Вы хотите сказать, что «заяц» пытался проникнуть в голову Нагорного?

— Именно так. Только в случае с Нагорным не было гончих «псов», на которых можно было бы прокатиться.

Похитителю Солнц пришлось прибегнуть к более грубому способу.

— Достаточно грубому, чтобы свести Нагорного с ума?

— Похоже на то, — качнула головой ее компаньонка. — Вполне возможно, что Похититель Солнц всего лишь попытался навязать ему свою волю. Он решил сделать из Нагорного свою марионетку. Вероятно, он проникал через подсознание во время занятий в Оружейной.

— А теперь скажите точно, как обстоят мои дела?

— Пока еще — ничего себе. У него было слишком мало «псов», так что причинить тебе большой ущерб он не сумел.

— Что случилось с «псами»?

— Мне, разумеется, пришлось их вскрыть, чтобы узнать, что в них было. Но, сделав это, я подставилась Похитителю Солнц. Правда, «псы» в известной степени ослабили его и ограничили его возможности, поэтому его атака на меня была очень грубой. Мне повезло, так как иначе я не успела бы собрать свои средства защиты. Его не так уж трудно было отбить, но ведь и я имела дело со сравнительно малой его частью.

— Значит, мне ничто не грозит?

— Ну, не совсем так. Мне удалось выгнать его из того имплантата, в котором я нахожусь сейчас. К сожалению, моя защита не распространяется на другие имплантаты, в том числе и на те, которые вживлены самой Вольевой.

— Следовательно, он все еще в моей голове?

— Он мог бы обойтись даже без «псов», — сказала Мадемуазель. — Он мог войти в имплантаты, установленные Вольевой, сразу же, как только она впервые привела тебя в Оружейную. Но ясное дело, «псы» оказались самым удобным путем. Если бы он не попытался напасть на меня через них, я бы, возможно, не ощутила его присутствия в других имплантатах.

— Мне тоже так кажется.

— Отлично. Значит, мои действия оказались эффективными. Помнишь, как ловко я приняла меры, помешавшие Вольевой привить тебе чувство лояльности?

— Да, — мрачно ответила Хоури, которой вовсе не казалось, что те меры сработали так быстро и хорошо, как то казалось Мадемуазель.

— Ну, так эти действия очень похожи на те. Единственная разница между ними состоит в том, что я сейчас выс-

тавляю барьеры против тех областей мозга, которые Похититель Солнц уже занял. Последние два года мы ведем сражения... — Она помолчала, а затем, видимо, под влиянием своего рода эйфории, добавила: — Я думаю, это можно назвать холодной войной.

— Недаром же я лежу в холоде...

— И медленной, — продолжала Мадемуазель. — Холод лишал нас энергии, которую иначе мы бы направили на другое. И конечно, нам приходилось действовать осторожно, чтобы не поранить тебя. Если бы мы тебя повредили, то ты потеряла бы ценность и для меня, и для Похитителя Солнц.

Хоури же подумала о том, почему собственно этот их разговор стал вообще возможен:

— Но теперь, когда я согрелась...

— Ты все правильно поняла. Наша кампания заметно интенсифицируется после этого подогрева. Я думаю, возможно, Вольева что-то заметила. Заброшенный ею невод, вероятно, ловит твои мысли прямо сейчас. Вполне возможно, что ей уже известна та война, которую мы ведем с Похитителем Солнц. Я бы предпочла затаиться, но тогда Похититель Солнц использует это время для того, чтобы разрушить мою систему контрмер.

— Но вы могли бы заставить его перейти к защите...

— Думаю, могла бы. Но на тот случай, если мне не удастся заставить его отступить, я хотела, чтобы ты знала, что происходит.

Это было, пожалуй, разумно. Лучше знать, что Похититель Солнц проник в ее мозг, чем считать, что у нее все чисто.

— И еще я хочу предупредить тебя. Основная часть этого существа находится в пределах Оружейной. Я не сомневаюсь, что он постарается завладеть тобой полностью или частично, как только наступит подходящий момент.

— Ты хочешь сказать, что это может произойти даже в следующий раз, когда я окажусь в Оружейной?

— Должна признать, что выбор у него весьма ограничен, — сказала Мадемуазель, — но я подумала, что тебе лучше представлять ситуацию во всей ее сложности.

Хоури решила, что она еще очень далека от этого, хотя все, что говорит призрак, — в общем, верно. Лучше быть предупрежденной об опасности, нежели не иметь о ней представления.

— Знаете, — сказала она, — если Силвест несет ответственность за появление здесь этого существа, то убить его будет для меня истинным наслаждением, и тут никаких проблем не возникнет.

— Отлично. А мои новости не так уж беспросветно темны, уверяю тебя. Когда я послала «псов» в Оружейную, я послала туда и свою аватару*. Из доклада вернувшихся гончих, я узнала, что моя аватара Вольевой не замечена. Во всяком случае, до недавнего времени. Правда, с тех пор прошло уже больше двух лет... но у меня нет оснований думать, что это произошло.

— Если аватара не была уничтожена самим Похитителем Солнц.

— Разумное предположение, — согласилась Мадемуазель, — но если Похититель Солнц так умен, как я предполагаю, то он не сделает ничего, что может привлечь внимание к нему самому. А он не может быть уверен, что аватару в Систему запустила не Вольева. У нее ведь могли возникнуть собственные сомнения.

— А зачем это сделали вы?

— Для того, чтобы в случае необходимости самой захватить контроль над Оружейной.

Если бы у Кэлвина была могила, думал Силвест, то он вертелся бы там быстрее, чем Цербер вертится вокруг нейтронной звезды Гадес, в бешенстве от насилия, учиненного над его лучшим изделием. Конечно, Кэлвин уже давно умер и не имел тела, причем задолго до того, как его имитационная модель соорудила зрительный аппарат для Дэна. Подобные рассуждения позволяли хотя бы частично забывать о боли. А уж если говорить правду, то без боли не проходило и минуты с тех пор, как он попал в плен. Фолкэндер, безусловно, делал себе незаслуженные комплименты, когда сказал, что его хирургия хоть в какой-то степени усилит страдания Силвеста.

В конце концов — чудесным образом — боль начала даже спадать.

Было похоже, что в мозгу образовался вакуум — холодный, заполненный пустотой желудочек, которого там раньше не было. Но изъять боль было как изъять какую-то важную подпорку из организма. Силвесту казалось, что он сей-

* воплощение.

час упадет, что все его внутренние балконы и карнизы кренятся под напором собственного веса и грозят рухнуть. Требовались огромные усилия, чтобы восстановить хоть часть внутреннего равновесия.

И вот теперь в поле его зрения стали появляться какие-то бесцветные полупрозрачные призраки.

Через секунду они стали твердеть и приобретать отчетливые очертания. Стены комнаты — голой и лишенной мебели, как он и ожидал, — фигура в маске, склонившаяся над ним, ладонь Фолкэндера, одетая в нечто, похожее на перчатку из металлического хрома. Перчатка кончалась не пальцами, а множеством щупальцев, как у спрута. Эти манипуляторы тоже сверкали металлом. В одном глазу этого человека торчала сложная лупа — вернее, система луп, — соединенная с перчаткой с помощью суставчатого кабеля. Его лицо было бледным, как брюхо ящерицы, единственный видимый глаз казался расфокусированным и синюшным. Лоб забрызган каплями крови. Кровь выглядела серо-зеленой, но Силвест все равно знал, что это кровь.

Говоря по правде, все, что он видел, было серо-зеленым.

Перчатка исчезла — Фолкэндер стащил ее с запястья другой рукой. Какая-то жирная мазь покрывала кожу кисти, ранее скрытую перчаткой.

Он стал складывать в чемоданчик свои инструменты.

— Что ж, я чуда не обещал, — сказал он. — Да вам его и не следовало ожидать.

Силвесту показалось, что Фолкэндер движется толчками, и ему потребовалось время, чтобы понять: глаза улавливают всего 3—4 изображения в секунду. Мир двигался рывками, подобно карандашным рисункам, которые ребятишки делают на полях учебников, а затем приводят в движение, пропуская страницы между большим и указательным пальцами. Каждые несколько секунд происходили крайне огорчительные изменения глубины и резкости изображения. Сам Фолкэндер, например, представился как-то врезанным в стену камеры. Иногда часть поля зрения «складывалась» и оставалась в таком виде секунд десять, даже если Силвест переводил глаза в другую точку.

И все-таки — это было зрение. Вернее — двоюродный брат-идиот настоящего зрения.

— Спасибо, — сказал Силвест. — Это... все же улучшение.

— Я думаю, нам пора идти, — ответил врач, — мы уже на пять минут опаздываем.

Силвест кивнул, и даже этого слабого движения головой было достаточно, чтобы вызвать пульсирующую мигрень. Но эта боль была ничто в сравнении с тем, что он испытывал, когда Фолкэндер занимался его глазами.

Он сам встал с кушетки и пошел к двери. Может быть, потому, что сейчас он шел к дверям с определенной целью (в первый раз он чуть не врезался в нее), сам факт перехода через порог показался ему чем-то чуждым и противоестественным. Он чувствовал себя так, будто должен шагнуть в пустоту с вершины утеса. Он потерял чувство равновесия. Как будто свойственное ему раньше чувство равновесия привыкло к слепоте, а возвращение зрения вызвало полную разбалансировку организма. И все же головокружение уже стало проходить, когда парочка громил из Праведного Пути выскочили в коридор и подхватили его под руки.

Фолкэндер тащился сзади.

— Будьте осторожнее. Возможны искажения...

Но хотя Силвест и слышал его слова, их смысла он не улавливал. Теперь он знал, где находится, и это обрушилось на него как удар. После двадцати лет разлуки Силвест снова был дома.

Его тюрьмой был Мантель — место, которого он не видел и почти не вспоминал со времени переворота.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На подходе к Дельте Павлина, год 2564-й

Вольева сидела одна в огромной полусфере капитанского мостика под голографическим изображением системы Ресургема. Ее кресло, подобно остальным — пустым, было установлено на длинной телескопической суставчатой «руке», пользуясь которой, можно было мгновенно перенестись в любую точку мостика. Подперев подбородок, Вольева в течение многих часов всматривалась в модель планетарной системы, как дитя в блестящую игрушку.

Дельта Павлина казалась кусочком разогретой до красного каления серой амбры, сидящим в центре орбит один-

надцати главных планет, которые занимали на модели те же места, что и планеты в натуре на данную минуту. Пятна астероидной пыли, камней и осколков ядер комет вращались по своим эллипсам. Вся система была окружена как бы гало — узким поясом Куйпера, состоящим из ледяной мелочи. Пояс отличался выраженной асимметрией — результат воздействия нейтронной звезды, невидимого двойника Павлина. Рассматриваемое Вольевой было компьютерной моделью, а вовсе не отражением видимой с корабля картины. Конечно, сенсоры корабля были достаточно чуткими, чтобы собрать данные с нынешнего расстояния, но, во-первых, изображение было бы искажено релятивистскими эффектами, а во-вторых, это был бы снимок системы, какой она была годы назад, то есть положение планет было бы совсем иным, нежели сейчас. Поскольку стратегия подхода будет опираться на использование газовых гигантов системы для камуфляжа и гравитационного торможения, Вольевой было необходимо знать их положение на момент прибытия туда корабля, а не то, как они располагались в прошлом. И не только это. Прежде чем корабль встанет на орбиту Ресургема, обогнавшие его киберы-разведчики уже канут в небытие, а потому исключительно важно организовать их полет при оптимальном расположении планет.

— Выпускай «гальку», — приказала она, удовлетворенная тем, что ей показала имитационная модель. Следуя полученному приказу, «Бесконечность» выпустила около тысячи крошечных зондов, выстрелив их перед носом сбрасывающего скорость корабля медленно расходящимся веером. Вольева снова отдала приказ своему браслету, и перед ней тут же открылось окно, в котором появилась картина, запечатленная камерой на корпусе. Основная масса «гальки» уже сильно уменьшилась в размерах, явно увлекаемая невидимой силой. Облако все дальше и дальше уходило от корабля, пока не превратилось в размытый нимб, который, в свою очередь, тоже исчез. «Галька» летела на околосветовой скорости и должна была достичь системы Ресургема за несколько месяцев до того, как там появится корабль. Каждый маленький зонд направится к планете, захватывая фотоны в пределах ее электромагнитного поля. Информация с каждого зонда будет передана на корабль с помощью точно сфокусированного лазерного луча. Данные каждого отдельного зонда весьма скромны, но когда они будут ском-

бинированы, получится очень четкая и подробная карта Ресургема. Эта карта не скажет Саджаки, где находится Силвест, но зато обрисует ситуацию в главных силовых центрах планеты, а главное — что особенно важно — какие виды защиты эти центры способны выдвинуть против корабля.

Это был тот вопрос, по которому и Саджаки, и Вольева полностью разделяли общую точку зрения: если они найдут Силвеста, то вряд ли он без принуждения захочет взойти на борт.

— Вы знаете, что случилось с Паскаль? — спросил Силвест.

— Она в безопасности, — ответил глазной хирург, который вел Силвеста по изогнутым и одетым камнем туннелям, проложенным под Мантелем. — Во всяком случае, я так слышал, — добавил он, несколько приглушая радость Силвеста. — Могу и ошибаться, но не думаю, что Слука могла убить ее без веской причины. Зато заморозить ее — это вполне в ее власти.

— Заморозить?

— Ну, пока та ей не понадобится. Вы уже должны были понять, что Слука заглядывает очень далеко вперед.

Непрерывно накатывавшие волны тошноты грозили одержать верх над Силвестом. Глаза болели, но он все еще напоминал себе, что все-таки это зрение. Без него он был бессилен, без него не мог оказать хоть какое-нибудь сопротивление. С ним, впрочем, бегство тоже было невозможно, но он хотя бы не был обречен тащиться, ощупывая каждый шаг, как это делают все слепые. То зрение, которым он сейчас обладал, вызвало бы смех у самых низших видов беспозвоночных. Стереоскопическое зрение было крайне ограниченно, цвет присутствовал лишь в виде оттенков серо-зеленого.

То, что он знал — то, что помнил, — сводилось вот к чему.

Он не видел Мантель с ночи переворота — двадцатилетней давности, первого переворота, поправил он себя. Теперь, когда Жирардо свергнут, Силвест должен был привыкать думать о собственном свержении в чисто исторических рамках. Режим Жирардо не прикончил сразу этот поселок, хотя его нацеленность на амарантянские исследования противоречила программе Преобразователей. Пять или шесть лет после переворота поселок продолжал жить, но постепенно лучшие

ученики Силвеста переводились в Кювье, а их тут заменяли инженеры-экологи, ботаники и специалисты по геоэнергетике. Наконец Мантель пал до уровня очень плохо финансируемой испытательной станции, чьи программы считались изъеденными молью и безнадежно устарелыми. Годами ходили слухи, что лидеры Праведного Пути в Кювье (или в Ресургем-Сити, или как его там еще называли) руководились кем-то извне, какой-то кликой бывших соратников Жирардо, которые разошлись с ним сразу же после первых мероприятий, последовавших за переворотом. Предполагалось, что эти отчаюги отчасти изменили свою физиологию, что позволило им жить вне куполов, в условиях запыленной и бедной кислородом атмосферы, используя биотехнологию, закупленную у капитана Ремилью.

Появление подобных баек — дело вполне естественное. Но после спорадических атак на некоторые аванпосты байки стали смотреться куда достовернее. Затем, насколько было известно Силвесту, Мантель забросили совсем, а это означало, что его нынешние обитатели могли здесь жить гораздо раньше, чем состоялось убийство Жирардо. Месяцы, а может, и годы.

Вели они себя так, будто давно уже были здесь хозяевами. Когда его ввели в комнату, Силвест понял, что именно здесь разговаривал с Джиллиан Слукой сразу после его доставки сюда из Города. Как давно это было, он не знал. Впрочем, комнату тоже не узнал, хотя в былые времена, когда жил в Мантеле, возможно, бывал в ней часто. Сейчас он не видел в ней никаких предметов, которые подсказали бы ему что-либо. Убранство комнаты, меблировка, какими бы они ни были раньше, сейчас, должно быть, были полностью заменены. Слука стояла к нему спиной, рядом со столиком, руки в перчатках скромно лежали на бедрах. Волосы собраны в заплетенный «хвост», свисающий до лопаток. Одета в длинную — до колен — рифленую куртку с кожаными наплечниками. Ее цвет представился зрению Силвеста как грязно-оливковый. В углах комнаты вертелось несколько глобусов, стоящих на тонких, изогнутых как лебединые шеи, подставках. Что-то похожее на дневной свет лилось с потолка, но глаза Силвеста не отследили никакого источника тепла.

— Когда мы говорили с вами сразу после вашей поимки, — сказала хрипло Слука, — мне показалось, что вы меня не узнали.

— Я всегда считал, что вы погибли.

— Парни Жирардо всегда хотели, чтобы вы так считали. История о гибели нашего краулера под оползнем — чистая ложь. На нас напали... Они, разумеется, думали, что вы на борту.

— Но почему они не убили меня позже, когда нашли на раскопках?

— Они пришли к выводу, что живой вы им более полезны, чем труп. Жирардо же не идиот — он всегда использовал вас с прибылью.

— Если бы вы остались на раскопках, ничего бы не случилось. Но как вам вообще удалось уцелеть?

— Кое-кто вылез из краулера еще до нападения палачей Жирардо. Мы захватили разное оборудование и перетащили его в Каньоны Птичьей Лапы. Там же поставили и надувные палатки. Это все, что я видела в течение целого года. При нападении меня тяжело ранило.

Силвест провел пальцем по крапчатой поверхности одного из глобусов, стоявших на пьедестале. Теперь он знал, что они изображают: топография планеты на разных этапах выполнения программ преобразования поверхности Ресургема.

— А почему вы не присоединились к Жирардо в Кювье? — спросил он.

— Он считал, что от меня слишком много хлопот, и не рвался принять меня в свои объятия. Жирардо был готов сохранить нам жизнь, но только потому, что убийство такого количества людей могло бы привлечь внимание. — Она помолчала. — К счастью, мы захватили с собой кое-какие игрушки Ремильо. Самыми полезными среди них оказались энзимы мусорщиков. А пыль нам не слишком вредила.

Силвест снова обратился к глобусам. Со своим поврежденным зрением он мог лишь догадываться о расцветках, принятых для изображения, но полагал, что на глобусах показано последовательное поступательное движение к зелено-голубой гамме. Высокие плато должны были превратиться в материки, омываемые океанами. Степям предстояло смениться лесами. Потом он перевел глаза на последние глобусы, изображавшие возможную версию картины Ресургема через несколько столетий. На ночной стороне планеты сверкали цепочки городов, на дневной — была видна россыпь игрушечных природных

заповедников. Паутинки звездных мостов тянулись от экватора к орбитам. Что станется с этой хрупкой экологией, подумал он, если солнце Ресургема вновь вспыхнет, как это случилось 990 тысяч лет назад, когда амарантянская цивилизация уже почти подходила к нашему современному уровню развития?

Не слишком радужная перспектива.

— Кроме биотехники, — спросил он, — что еще дал вам Ремильо? Поверьте, я спрашиваю из чистого любопытства.

Кажется, она в хорошем настроении.

— Вы не спросили меня о Кювье. Это меня удивляет. — И добавила: — И о своей жене — тоже.

— Фолкэндер сказал мне, что Паскаль в безопасности.

— Так оно и есть. Возможно, я разрешу вам встретиться с ней. А теперь попрошу вашего внимания. Нам не удалось захватить столицу. Остальной Ресургем наш, но люди Жирардо продолжают удерживать Кювье.

— Город цел?

— Нет, — ответила она. — Мы... — Она бросила взгляд через его плечо на Фолкэндера. — Позовите Делоне, будьте добры. И пусть принесет образчик даров Ремильо.

Фолкэндер вышел, оставив их вдвоем.

—Я так понимаю, — сказала Слука, — что между вами и Нильсом было заключено соглашение. Хотя слухи, доходившие до меня, были весьма разноречивы, но им все же можно верить. Не угодно ли вам просветить меня?

— Все это было неофициально, — ответил Силвест. — Что бы вы там ни слышали.

— Я поняла так, что он ввел в игру свою дочь, чтобы обрисовать вас в нелицеприятном свете?

— В этом был определенный смысл, — устало ответил Силвест. — Есть определенная пикантность в том, чтобы получить мою биографию, написанную членом семьи моего же тюремщика. А Паскаль молода, но не настолько, чтобы не интересоваться успехом. Никто ничего не терял. Паскаль вряд ли потерпела бы неудачу, хотя, говоря по чести, она отлично и с энтузиазмом делала свое дело. (Он поморщился, вспомнив, как близко она подошла к истине в вопросе о судьбе имитационной альфа-модели Кэлвина. Не раз он убеждался в том, как верно она отбирает и оценивает факты и тем не менее воздерживается от их включения в биографию. Теперь Паскаль знает гораздо больше, в частности, о том, что

случилось у Завесы Ласкаля и о смерти Карин Лефевр, которая была вовсе не такой, как описал он, вернувшись в Йеллоустон. Жаль, ему не удалось поговорить с Паскаль после того, как он ей об этом рассказал.) — Что касается Жирардо, — продолжал он, — то он испытывал удовольствие, видя, что его дочь связана с действительно очень важным проектом. Не говоря уже о том, что я был открыт миру для более детального изучения. Я был ценной бабочкой в его коллекции, но пока биография не была написана, он не мог выставить меня для всеобщего обозрения.

—Я познакомилась с вашей биографией, — сказала Слука, — но у меня нет уверенности, что Жирардо получил именно то, что хотел.

— Тем не менее он обещал сдержать свое слово. — Его глаза расфокусировались, и на какое-то мгновение женщина, с которой он говорил, показалась ему отверстием, вырезанным в виде женской фигуры в стене. За этим отверстием лежала бесконечность.

Странное мгновение прошло. Он продолжал:

— Я хотел получить право организовать экспедицию к Цербер-Гадесу. Думаю, что Жирардо уже был готов дать мне свободу рук, если у колонии найдутся средства.

— Вы думаете, там что-то есть?

— Вы же знакомы с моими идеями, — ответил Силвест, — и не можете отрицать, что они логичны.

— Я нахожу их увлекательными, как и любую умозрительную конструкцию, основанную на иллюзии.

Как раз, когда она произносила эти слова, открылась дверь и вошел человек, которого Силвест еще никогда не видел, но понял, что это — Делоне. Его сопровождал Фолкэндер. Больше всего Делоне походил на бульдога. Его лицо покрывала многодневная щетина, на лысой голове топорщился малиновый берет. Глаза были окружены красными рубцами, на шее висели очки. Грудь перетягивал тканый ремень, ноги утопали в меховых муклуках.

— Покажи ту страховитую штучку нашему гостю, — приказала Слука.

Делано держал за толстую рукоять какой-то, по-видимому, тяжелый темный металлический цилиндр.

— Возьмите ее, — сказала Слука Силвесту.

Тот так и сделал. Оружие, как он и ожидал, было тяжелым. Рукоять крепилась к верхушке цилиндра. Под ней

располагался единственный ключ зеленоватого оттенка. Силвест положил цилиндр на стол — он был слишком тяжел, чтобы долго держать в руке.

— Откройте его.

Силвест нажал на ключ — ничего другого не оставалось. Цилиндр раскрылся как русская матрешка. Верхняя половинка поднялась на четырех металлических подпорках, которые опирались на чуть меньший цилиндр, до тех пор скрытый внутри. Этот меньший тут же раскрылся, в свою очередь, обнажив следующий. Процесс продолжался, пока не появилось шесть или семь «скорлупок».

Самым последним на свет появился небольшой серебристый столбик. В его боковине было прорезано крошечное оконце, за которым находилось освещенное углубление. В нем можно было видеть нечто вроде булавки с круглой головкой.

— Надеюсь, вы знаете, что это такое? — спросила Слука.

— Могу сказать лишь, что оно произведено не здесь, — ответил Силвест, — и что я не думаю, чтобы его привезли с Йеллоустона. Таким образом, остается лишь наш доблестный благодетель Ремильо. Это он продал его вам?

— Его и еще девять ему подобных. Осталось еще восемь, ибо один использован против Кювье.

— Это оружие?

— Люди Ремильо называли его «Раскаленная пыль», — ответила Слука. — Эта штука — источник антиматерии. Головка булавки содержит одну двадцатую часть грамма антилития, чего для наших целей было более чем достаточно.

— Я не знал, что такое оружие существует. Да еще столь компактное.

— Это понятно. Данная технология поставлена вне закона чертову уйму лет назад. Никто даже не помнит, как их производят.

— И что оно делает?

— У него эффект двух килотонн. Достаточно, чтобы сделать на месте Кювье большую дыру.

Силвест кивнул, пытаясь оценить результаты сказанного. Своим внутренним взором он попробовал представить себе, что случилось с теми, кто умер или был ослеплен булавочной головкой, которую Праведный Путь применил против столицы. Легкая разница в давлении внутри куполов и вне их должна была привести к появлению бе-

шеных вихрей, прочесывающих ухоженные улицы и площади города. Он видел вырванные с корнем деревья и кустарники, изломанные штормом, видел птиц и животных, унесенных ураганом. Те люди, которые пережили взрыв — вряд ли их было много, — должны были искать спасения под землей, причем быстро, пока они не погибли от удушья, когда наружный воздух заменил улетевшую атмосферу куполов. Конечно, воздух планеты сейчас ближе к тому, который нужен для дыхания, чем был двадцать лет назад, но надо уметь с ним обращаться, а времени оставалось считанные секунды. Он и гроша медного не дал бы за их шансы выжить.

— Зачем? — спросил он.

— Это была... — Слука запнулась. — Я хотела назвать это ошибкой, но вы бы могли возразить, что ошибок на войне не бывает, бывают лишь более удачные и менее удачные решения. Во всяком случае, у нас не было намерения воспользоваться «булавочными головками». Люди, стоявшие за Жирардо, должны были бы сдать город, как только они узнали о нашем оружии. Но так не получилось. Самому Жирардо о существовании его было известно, но он не успел передать эту информацию своим подчиненным. Никто не поверил, что оно у нас есть.

Не было необходимости говорить Силвесту об остальном. То, что произошло, было предельно ясно. Разозленные тем, что их не принимают всерьез, бандиты пустили в ход свое страшное оружие. И тем не менее столица все еще обитаема. Верные Жирардо силы пока удерживают город. Он представил себе, как они пытаются руководить планетой из своих подземных бункеров, тогда как на поверхности пыльные бури гоняют по улицам обломки прежних куполов.

— Как видите, — заговорила женщина, — никто не должен нас недооценивать, а меньше всего те, кто еще сохранил привязанность к режиму Жирардо.

— И как же вы собираетесь использовать остальные «булавочные головки»?

— Для просачивания. Если удалить весь этот декорум, то «булавочную головку» можно скрыть хоть в зубном дупле. Их не найдут даже при глубоком медицинском осмотре.

— Вот, значит, каков ваш план! Найти восемь волонтеров и хирургическим путем ввести им в организм эти шту-

ки? Потом вся эта восьмерка явится в город? На этот раз вам, конечно, поверят...

— Все верно, кроме того, что нам нужны волонтеры, — ответила Слука. — Они, конечно, хороши, но можно обойтись и без них.

Не обращая внимания на собственный внутренний голос, Силвест сказал:

— Джиллиан, пятнадцать лет назад вы мне нравились куда больше.

— Можете забрать его обратно в камеру, — обратилась она к Фолкэндеру. — Он мне изрядно надоел.

Силвест чувствовал, как хирург тянет его за рукав.

— Могу ли я еще поработать над его глазами, Джиллиан? Я хотел бы еще изменить кое-что, хотя, конечно, ему придется за это расплатиться со мной болью.

— Делайте что хотите, — отозвалась Слука. — Только не чувствуйте себя обязанным. Теперь, когда он у меня, должна признаться, что я разочарована. Думаю, он мне тоже нравился больше в прошлом, пока Жирардо не превратил его в мученика. — Она передернула плечами. — Он слишком ценен, чтобы выбросить, но за неимением лучшего я могу его заморозить, до тех пор, пока он мне не понадобится снова. Может, это будет через год, а может — через пять. Я хочу вот что сказать, доктор Фолкэндер: не стоит вкладывать много сил в то, что может вам быстро надоесть.

— Хирургия часто может быть сама по себе наградой.

— Но я и без того вижу прилично, — вмешался Силвест.

— О нет, — ответил Фолкэндер, — я могу сделать для вас гораздо больше, доктор Силвест. Я ведь практически еще только начал.

Вольева была внизу у Капитана Бреннигена, когда сторожевая крыса сообщила ей, что информация от «гальки» поступила. Она как раз собрала свежие образцы грибка с периферии Капитана — ее ободрил успех одного из ретровирусов, недавно примененного ею против Чумы. Этот вирус Вольева вывела от одного из военных кибервирусов, которые попали на корабль во время сражения. К ее удивлению, он и в самом деле сработал, во всяком случае, на тех образцах грибка, которыми она тогда располагала. Как раздражает, когда тебя отрывают от важного дела ради того, что ты сама выпустила из корабля девять месяцев назад и о

чем уже давно успела позабыть! На мгновение она даже не поверила, что столько прошло времени. Тем не менее ее взволновала перспектива узнать от киберразведчиков столь долго ожидаемые новости.

Вольева вошла в лифт, идущий наверх. Да, в самом деле, девять месяцев! Кажется невероятным, но ведь так бывает частенько, когда ты по горло занята работой. Этого следовало ожидать. Умом-то она понимает, что времени прошло много, но вот в ту часть мозга, которая ведает хранением и переработкой такого рода сведений, информации, видно, добраться не удалось. А казалось бы, чего уж проще? Корабль давно идет на скорости, равной одной четверти световой, через сто дней они достигнут точки перехода на орбиту Ресургема, то есть понадобится хорошо отработанная стратегия перехода. А для этого необходимы данные «гальки».

Снимки Ресургема и космоса в его окрестностях были уже сконцентрированы на капитанском мостике. Они были сделаны во всех спектрах электромагнитных полей и даже кое-каких экзотических элементарных частиц. Это был первый хорошо отработанный взгляд на возможного противника. Вольева широко раскрыла доступ этой информации в свой мозг, чтобы в случае кризиса он мог распоряжаться ею с быстротой инстинкта. «Галька» облетела Ресургем с обеих сторон, чтобы иметь подробные сведения как о ночном, так и о дневном полушарии. Само облако «галек» растянулось по линии полета таким образом, что разница между появлением первого кибера и последнего составила пятнадцать часов. Иначе говоря, оба полушария были исследованы при различных уровнях освещенности. «Галька», летевшая как бы от Дельты Павлина, имела возможность собирать информацию о наличии выбросов нейтрино от атомных реакторов и силовых установок антиматерии на поверхности планеты. Обследовавшие же ночную сторону искали данные о тепловом излучении, чтобы определить городские центры и орбитальные спутники. Некоторые тщательно обнюхивали атмосферу, измеряя содержание чистого кислорода, озона и азота и делали выводы о степени воздействия колонистов на естественный биом.

Вольеву удивило, что колонисты, торчащие здесь уже больше пятидесяти лет, сохранили такой удивительно низкий уровень жизни. На орбитах не было обнаружено никаких крупных искусственных конструкций, не было и сле-

дов космических перелетов внутри Системы. Только немногочисленные исследовательские спутники облетали планету, ведя аэрофотосъемку и оценивая природные ресурсы. На поверхности «галька» не зафиксировала крупных промышленных центров, что вызывало большие сомнения в способности колонистов противостоять агрессии и быстро восстановить разрушенную экономику. Разоружить население Ресургема и посеять среди него панику было не трудно, что существенно облегчало разработку плана действий.

Нельзя сказать, что колонисты были совсем бездеятельны. В атмосфере Вольева обнаружила следы весьма существенных изменений. Содержание свободного кислорода было куда выше, чем она ожидала. Киберы, работавшие в инфракрасном спектре, выявили пункты забора геотермической энергии, расположенные вдоль линий материковых разломов. Наличие нейтрино в полярных районах говорило о вероятном существовании заводов, которые производят кислород, а также атомных установок, расщепляющих молекулы воды и льда на кислород и водород. Кислород, надо полагать, выпускался в атмосферу или закачивался в купола населенных пунктов, тогда как водород оставался на установках. Вольева насчитала около пятидесяти населенных пунктов. Большинство — мелкие; ни один из них даже близко не приближался по населению к единственному главному. Она вполне допускала, что есть еще множество совсем маленьких — типа семейных ферм или гомстедов, которые «гальками» не регистрировались.

Было и еще кое-что.

Система Ресургема была бинарной. Дельта Павлина являлась источником жизни, но, как известно, у нее имелся погасший близнец. Этот темный компаньон был нейтронной звездой, отделенной десятью световыми часами от Дельты, что давало возможность обеим звездам обзавестись собственными планетными системами со стабильными орбитами. У нейтронной звезды была всего одна планета. Факт ее существования был известен Вольевой и раньше, еще до появления информации от «гальки». Банк данных корабля добавил к этому различного рода комментарии и уйму плохо воспринимаемых цифр. Этот мир не был интересен в химическом отношении, не обладал атмосферой и был биологически инертен — его стерильность обусловили ветры с нейтронной звезды еще в те времена, когда она была пуль-

саром. Вряд ли нечто большее, нежели просто кусок железистого шлака, думала Вольева. Надо полагать, ничего полезного он не содержит.

И вот в этих местах «гальки» обнаружили источник нейтрино. Он был очень слабым, еле-еле фиксировался, но игнорировать его было нельзя. Вольева некоторое время обдумывала ситуацию и пришла к банальному выводу: только машина могла так «расписаться».

И это ее очень беспокоило.

— Ты что же, все это время провела на ногах? — спросила Хоури, пробудившись от долгого сна. Сейчас они с Вольевой шли навестить Капитана.

— Ну, не совсем так, — ответила Вольева. — Даже мое тело нуждается в каком-то отдыхе. Я как-то попыталась справиться с этим... есть такие лекарства... и имплантаты, которые вмешиваются в работу ретикулярной формации — того участка мозга, где возникают сны. Но ведь все равно нужно куда-то сбрасывать яд усталости... — Она поморщилась. Хоури стало ясно, что Вольевой тема имплантатов так же приятна, как зубная боль.

— Что-нибудь произошло за это время?

— Ничего такого, что могло бы тебя касаться, — отозвалась Вольева, затягиваясь сигаретой. Хоури уже решила, что эта тема исчерпана, но тут Триумвир разразилась неожиданным пассажем: — Впрочем, раз уж ты мне напомнила... кое-что случилось. Фактически случились две вещи, хотя я и не знаю, какой из них следует придать большее значение. Первая тебя пока не касается. Что же до второй...

Хоури искала в лице Вольевой доказательства того, насколько состарили эту женщину те семь лет, которые прошли со времени их последней встречи. Никаких следов. Ни намека. А это означает, что Вольева скомпенсировала семь лет вливанием ряда специально разработанных лекарств. Если она и выглядела иначе, чем раньше, то это благодаря тому, что отпустила волосы, тогда как прежде стриглась наголо. Они и теперь были коротки, но все же смягчали резкие очертания рта и скул. Я бы сказала, думала Хоури, что она скорее выглядит на семь лет моложе, чем на семь старше. Уже не в первый раз она пыталась определить физиологический возраст этой женщины, но безрезультатно.

— И что же это?

— Было нечто непонятное в твоей нейронной активности, пока ты лежала в глубоком сне. Ее вообще не должно было быть. Но то, что я видела, вряд ли можно было бы назвать нормальным даже у бодрствующего. Похоже было, что у тебя в голове шла небольшая война.

Лифт прибыл на этаж Капитана.

— Интересная аналогия, — сказала Хоури, выходя в холодный коридор.

— Если бы только аналогия. Я сомневаюсь, конечно, что ты хоть что-нибудь помнишь.

— Ровным счетом ничего, — отозвалась Хоури.

Вольева молчала до тех пор, пока они не добрались до той человеческой туманности, которая раньше звалась Капитаном. Блестящий, отвратительно скользкий, он походил не на человека, а скорее на ангела, рухнувшего на твердую гибельную поверхность планеты. Древний «кокон» для глубокого сна все еще хранил Капитана, хотя совсем разболтался и растрескался. Он еще функционировал, но еле-еле, а холод, который он вырабатывал, теперь уже не обеспечивал задачи сдерживать непрерывно наступающую Чуму. Капитан Бренниген пустил множество корней, похожих на щупальца, которые уходили глубоко в корабль. Вольева следила за ними, но была бессильна остановить их рост. Конечно, можно было их срезать, но кто мог предсказать, какое действие это окажет на Капитана? Насколько Вольева понимала, именно эти корни поддерживали в нем жизнь — если бы она осмелилась применить к современному положению Капитана этот термин. Вольева как-то сказала, что когда-нибудь корни охватят весь корабль и тогда уже никто не различит — где корабль, а где — Капитан. Конечно, этот рост можно было остановить, можно было полностью изолировать эту часть корабля, можно было даже катапультировать ее, отрезать, как поступали старинные хирурги с гангренозными членами больных. Объем пространства, который сейчас занимал Капитан, был так мал, что корабль вряд ли заметит его исчезновение. Без сомнения, трансформация будет продолжаться, но так как нужной материи скоро не станет, вирус болезни обратится к внутренностям тела, и вскоре энтропия вытеснит жизнь из того, что еще недавно было Капитаном.

— Ты рассматривала такую возможность? — спросила Хоури.

— Да, рассматривала, — ответила Вольева, — но я надеюсь, что до этого не дойдет. Все пробы, которые я беру... мне кажется, я продвигаюсь. Я нашла противоядие — ретровирус, который вроде бы сильнее Чумы. Он разрушает механизм Чумы скорее, чем Чума уничтожает его. Но пока я имею дело с пробами очень маленьких объемов. Не знаю, что еще я могу предпринять: проверка на самом Капитане — это дело врачей, а я для такой работы не обладаю нужной квалификацией.

— Конечно, — быстро сказала Хоури. — Но если этого не сделаешь ты, значит, вы все надежды возложите на Силвеста, так, что ли?

— Возможно, но нельзя недооценивать его искусства, и искусства Кэлвина, кстати.

— И он поможет вам просто за так?

— Нет, конечно, но он ведь и в первый раз помог нам не по собственной воле. И все-таки нам удалось отыскать выход.

— Ты имеешь в виду силу убеждения?

Вольева на минуту смолкла. Она брала соскоб с одного из похожих на трубку щупальцев, которое как раз в эту минуту собиралось нырнуть в переплетение кишок канализации корабля.

— Силвест человек увлекающийся, — сказала она. — А такими людьми легче манипулировать, чем они воображают. Они так увлечены своей единственной целью, что далеко не всегда способны заметить, как их подчиняют чьей-то воле.

— Например, твоей?

Вольева сняла тонкий, как волос, соскоб и спрятала его для проведения дальнейших анализов.

— Саджаки говорил тебе, что мы привели его на борт во время его так называемого пропавшего месяца?

— «Тридцать дней в дебрях»?

— Дурацкое название, отдающее Библией, — ответила Вольева, скрипнув зубами. — Зачем оно им понадобилось? Так и кажется, что у Силвеста уже тогда был своего рода мессианский комплекс! Во всяком случае, я так думаю. Ну, так вот, именно тогда мы и пригласили его на корабль. Любопытное совпадение — это произошло ровно за тридцать лет до того, как Ресургемская экспедиция покинула Йеллоустон. Ну а теперь я открою тебе маленький секрет. Перед тем как мы прибыли на Йеллоустон и рекрутирова-

ли тебя, мы и слыхом не слыхали об этой самой экспедиции. Мы все еще надеялись найти Силвеста на самом Йеллоустоне.

По собственному опыту с Фазилем Хоури отлично понимала, какие трудности стояли перед командой корабля, но на всякий случай она решила, что естественнее будет продемонстрировать наивность.

— По-моему, это было глупо — не проверить сначала.

— Вовсе нет. Мы даже попытались это сделать, но дело в том, что наша самая надежная информация, к тому времени, как мы ее получили, уже устарела на несколько десятков лет. А когда мы стали на ее основе действовать и рванули на Йеллоустон, она устарела еще в два раза.

— Тогда вам просто не повезло. Семья Силвестов всегда была связана с Йеллоустоном, так что вполне логично было рассчитывать, что ее юный отпрыск все еще крутится где-нибудь поблизости.

— Да, но, к сожалению, мы ошиблись. Но интересно то, что мы, кажется, могли себя избавить от этих хлопот. Силвест, когда мы его приволокли на корабль, вполне мог уже обдумывать свою экспедицию на Ресургем. Если бы мы тогда слушали его внимательнее, то могли отправиться прямо туда, не теряя времени на Йеллоустон.

Пропутешествовав по множеству лифтов и коридоров, что вели от помещения Капитана к лужайке, Вольева остановилась и почти шепотом отдала приказ своему браслету, который никогда не снимала с запястья. Хоури знала, что Вольева обращается к одной из систем корабля, но в чем состоял приказ, догадаться было невозможно.

Яркая зелень лужайки была праздником для души после холода и мрака капитанского коридора. Воздух был теплый, напоенный запахом цветов. Ярко окрашенные птицы, владевшие воздушным пространством этого огромного помещения, сверкали, пожалуй, слишком сильно для глаз Хоури, уже привыкших к темноте. На какой-то момент Хоури так отвлеклась, что не сразу заметила — они с Вольевой уже не одни. Теперь она увидела еще трех человек, расположившихся вокруг огромного пня, стоя на коленях в росистой траве. Одним из них был Саджаки, переменивший прическу на такую, какой Хоури еще не приходилось видеть. Теперь он был лыс, если не считать заплетенной в узел пряди на самой макушке голого черепа. Вторым чело-

веком, которого она тут же узнала, была Вольева — волосы снова коротко подстрижены, что подчеркивало угловатую форму головы. Теперь она выглядела как более пожилая копия той Вольевой, что стояла рядом с Хоури. Третий собеседник — сам Силвест.

— Присоединимся к ним? — предложила настоящая Вольева, спускаясь по шаткой лестнице к травяному ковру лужайки.

Хоури послушно пошла за нею.

— Это из времени... — Она остановилась, чтобы вспомнить дату, когда Силвест исчезал из Чазм-Сити. — Около 2460 года, верно?

— В самую точку, — отозвалась Вольева, поворачиваясь к Хоури и бросая на нее удивленный взгляд. — Ты что, специалист по датам жизни Силвеста? Впрочем, не имеет значения. Важно то, что мы записали весь его визит, и я знаю, что в одном месте он сделал одно важное замечание, которое... в свете того, что нам сейчас известно, кажется мне довольно странным.

— Интригующим.

Хоури подскочила, так как последние слова принадлежали не ей, а раздались откуда-то из-за ее спины. Она оглянулась, и перед ней возник образ Мадемуазель, стоящей на самом верху лесенки.

—Так я и знала, что непременно снова увижу твою противную рожу, — сказала Хоури, даже не пытаясь говорить тише, поскольку птичий крик заглушал ее слова, а сама Вольева уже намного опередила ее. — Тут как тут, точно фальшивая монета.

— Ну, во всяком случае, тебе теперь известно, что я еще здесь, — произнесла Мадемуазель. — Вот если б меня не было, у тебя могли бы возникнуть основания для тревоги. Это означало бы, что Похититель Солнц прорвал мою оборону. А там, возможно, наступила бы очередь и твоего рассудка, и мне даже думать не хочется, как бы это отразилось, с учетом характера Вольевой, на твоих перспективах в качестве члена команды этого корабля.

— Заткнись и дай мне послушать, что скажет Силвест.

— На здоровье, — коротко ответила Мадемуазель, не покидая своего наблюдательного пункта.

Хоури присоединилась к Вольевой и остальным трем.

— Конечно, — говорила настоящая Вольева, обращаясь к Хоури, — я могла бы транслировать этот разговор в лю-

бую точку корабля, но в реальности он происходил здесь, и я решила просмотреть его в том же самом месте. — Говоря это, она рылась в кармане своей куртки, откуда добыла пару очков с выпуклыми тонированными стеклами, которые тут же надела. Хоури поняла, что, не имея имплантатов, Вольева может смотреть эту запись только с помощью прямого перевода на сетчатку глаз. Пока она была без очков, она вообще никого на лужайке не видела.

— Итак, вы видите, — говорил Саджаки, — что в ваших собственных интересах сделать то, чего мы желаем. В прошлом вы уже пользовались сотрудничеством Ультра, например, при путешествии к Завесе Ласкаля. Так что достаточно вероятно, что оно потребуется вам и в будущем.

Силвест положил руку на срез пня. Хоури внимательно всматривалась в него. Она видела множество изображений Силвеста, но это показалось ей самым реалистичным и жизненным из всех попадавшихся ей ранее. Она тут же поняла почему. Сейчас Силвест разговаривал с двумя хорошо известными ей людьми, а не с анонимами — выходцами из истории Йеллоустона. А это большая разница. Он был красив, невероятно красив, на ее взгляд, но она сомневалась, чтобы эта запись подверглась ретушированию. Его длинные вьющиеся волосы обрамляли могучий лоб ученого. Глаза были ярко-зеленые. Даже если бы она могла заглянуть в них лишь перед тем, как убить его — а такая ситуация, если исходить из распоряжений Мадемуазель, была вполне возможна, — то и тогда это дорогого стоило бы — так прекрасны они должны были быть в действительности.

— То, что вы говорите, чертовски похоже на шантаж, — сказал Силвест. Голос у него был гораздо ниже, чем у любого из присутствовавших. — Вы говорите так, будто у вас — Ультра — есть со мной некие обязывающие меня соглашения. Может, на кого-нибудь это и подействует, Саджаки, но, боюсь, не на меня.

— Тогда вы можете получить неприятный сюрприз в следующий раз, когда попытаетесь заручиться поддержкой Ультра, — ответил Саджики, поигрывая какой-то щепочкой. — Давайте проясним ситуацию. Если вы откажете нам, то в дополнение ко всем неприятностям, которые вы можете на себя навлечь, получите железную уверенность, что никогда в жизни не покинете своей родной планеты.

— Сомневаюсь, что это создаст для меня большие неудобства.

Вольева — на этот раз сидящая за столом — покачала головой.

— Вряд ли это так. Наш шпион, видимо, прав. Ходят слухи, что вы пытаетесь найти деньги для финансирования экспедиции к системе Дельты Павлина.

— Ресургем? — фыркнул Силвест. — Не знаю. Там же нет ничего интересного.

Настоящая — живая — Вольева сказала:

— Он явно солгал. Теперь это очевидно, хотя тогда я приняла его слова за чистую монету и решила, что слух, который до меня дошел, лжив.

Саджаки что-то ответил Силвесту, тот снова заговорил, на этот раз как бы защищаясь:

— Послушайте, я не отвечаю за слухи, на которые вы ссылаетесь, и не советую вам полагаться на них. Нет никаких данных, указывающих на то, что туда стоит лететь. Почитайте литературу, если мне не верите.

— Странное дело, — сказала настоящая Вольева, — я проверила. И он оказался прав. Если основываться на том, что было известно в те времена, то не было ни малейшей причины думать об экспедиции на Ресургем.

— Но ты же только что сказала, что он врал!

— Конечно, врал. Взгляд в прошлое подтверждает это. — Она покачала головой. — В самом деле, здесь все кажется странным и даже парадоксальным. Через тридцать лет после этой встречи экспедиция все же вылетела на Ресургем. Значит, слухи были верны. — Она кивнула на Силвеста, занятого жарким спором с ее собственной сидячей версией. — Но тогда ведь никто и слыхом не слыхал про каких-то там амарантян. Так откуда же, во имя самого дьявола, он заимствовал мысль от полете именно на Ресургем?

— Должно быть, он что-то знал, если и в самом деле что-то нашел там.

— Да, но откуда пришла к нему эта информация? Исследования этой системы до его экспедиции велись с помощью автоматов и были слишком поверхностны. Насколько мне известно, ни одно из них не было столь тщательным, чтобы доказать, будто на Ресургеме могла существовать разумная жизнь. А Силвест знал это.

— Значит, тут какая-то путаница.

— Но мне известно, что это правда, — повторила Вольева. — Поверь мне, я знаю, что говорю.

Сказав это, она присоединилась к своей копии и наклонилась к Силвесту так, что Хоури увидела отражение его немигающих глаз в фасетках очков Вольевой.

— Что же ты знал? — спросила она. — Или, что более важно: откуда ты это узнал?

— А он и не подумает ответить тебе, — поддразнила ее Хоури.

— Сейчас — возможно, — ответила ей Вольева. Потом она улыбнулась. — Но ведь очень скоро настанет время, когда он — только настоящий — будет сидеть на том же месте — вон там. И тогда мы получим ответ.

Она еще не кончила фразу, когда ее браслет громко зачирикал. Звук был странный, но совершенно очевидно — он выражал тревогу. Наверху без всякого предупреждения синтетический дневной свет стал кроваво-красным и запульсировал в ритме писка браслета.

— Что это? — встрепенулась Хоури.

— Тревога! — ответила Вольева. Она прижала браслет к губам, затем сорвала свои темные очки и стала всматриваться в крошечный дисплей, вделанный в браслет. Он тоже пульсировал красным. Хоури видела, как бегут по дисплею буквы, но прочесть слова не смогла.

— А почему тревога? — выдохнула Хоури, боясь помешать Вольевой. Она не заметила, как исчезли изображения, но они бесшумно улетучились в какую-то часть памяти корабля, которая совсем недавно вызвала их к жизни.

Вольева снова взглянула на браслет. Лицо ее побледнело.

— Одно из орудий в Тайнике...

— Да? И что же?

— Оно готовится к бою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На подходе к Дельте Павлина, год 2565-й

Они мчались по изогнувшемуся коридору, тому самому, что вел от лужайки к ближайшему радиальному лифту.

— О чем ты говорила? — кричала Хоури, напрягая голос, чтобы переорать рев сирены. — Что значит: «готовится к бою»?

Вольева не хотела терять силы, отвечая на вопросы, до тех пор, пока они не достигли уже ожидавшей их кабины лифта, которой Вольева тут же дала приказ ехать к ближайшей шахте, идущей вдоль всего корабля. Ехать, игнорируя все существующие ограничения скорости движения. Когда кабина лифта тронулась рывком, Вольеву и Хоури вжало в зеркальную стенку с такой силой, что последние остатки воздуха в легких со свистом вылетели у них изо рта. Красное освещение кабины непрерывно пульсировало. Вольева ощутила, что в том же ритме начало биться и ее сердце. Наконец ей с трудом удалось заговорить.

— Я имела в виду именно то, что сказала. Существуют системы, которые контролируют каждое орудие из Тайника. Одна из них только что обнаружила поступление энергии в «свое» орудие.

Вольева умолчала, что это она установила мониторинг и что сделала это в первую очередь из-за того механизма, который, как ей показалось, начал передвигаться. Вольева до сих пор надеялась, что это перемещение было всего лишь галлюцинацией, вызванной одиноким дежурством. Теперь же она знала — это не так. Но как же оно может само двигаться? Вопрос вполне разумный. А вот сколько-нибудь разумного ответа на него не было.

— Я просто надеюсь, что произошел какой-то сбой в системах мониторинга, — сказала она только для того, чтобы хоть что-то ответить. — А не в самом боевом механизме.

— Но зачем ему это может понадобиться — готовиться к бою?

— Не знаю! Неужели ты не заметила, что я ко всему этому отношусь, мягко говоря, без особого спокойствия?

Кабина радиального лифта резко сбросила скорость и после серии сильных толчков и рывков перешла в продольную шахту. Теперь она падала с такой скоростью, что тела Вольевой и Хоури, казалось, потеряли свой вес.

— Куда мы направляемся?

— В зал для боевых машин из Тайника, разумеется! — Вольева с бешенством глянула на своего рекрута. — Я не знаю, что там происходит, Хоури, но что бы это ни было, я хочу увидеть это собственными глазами. Я хочу увидеть сама, что там случилось.

— Орудие готовится к бою, что же еще?

— Не знаю. — Вольева старалась быть максимально спокойной. — Я пробовала порыться в протоколах старых на-

блюдений, но ничего подобного не обнаружила. Такой ситуации я не ожидала.

— Но так же не может продолжаться! Не может же оно само отыскать себе цель и нанести по ней удар?

Вольева взглянула на свой браслет. Может быть, цифры показаний не верны, может, произошло замыкание в системе мониторинга... Она надеялась, что дело именно в этом, так как то, что сейчас сообщал ей браслет, было очень скверными новостями.

Орудие из Тайника двигалось.

Фолкэндер сдержал свое обещание: операции, которые он проделывал над глазами Силвеста, редко были приятны, чаще — весьма болезненны, а иногда делали пациента жертвой настоящей агонии. В течение нескольких дней хирург Слуки истощал мешок своего умения, обещая Силвесту вернуть ему такие важные функции, как цветное зрение, возможность ощущать перспективу и плавные движения, но пока ему так и не удалось убедить больного в том, что врач обладает нужными для этого техническими средствами и необходимым опытом. Силвест же объяснял Фолкэндеру, что его глаза с самого начала не были идеальны. У Кэлвина не хватало необходимых инструментов. Но даже то примитивное зрение, которое дал ему Кэлвин, было лучше, нежели тот унылый, бесцветный, двигающийся рывками мир, в котором он сейчас оказался. И тем не менее Силвест уже не в первый раз выражал мнение, что страдания, связанные с ремонтом глаз, не стоят тех результатов, которых хотел добиться хирург.

— Я думаю, вам лучше бросить это дело, — говорил он.

— Я вылечил Слуку, — отвечал Фолкэндер, а в поле зрения Силвеста плясало чудовищно окрашенное слоистое и плоское изображение дергающейся человеческой фигуры. — Вы — ничуть не более сложная проблема.

— Ну и что будет, если вы вернете мне зрение? Свою жену я не увижу, так как этого не разрешает Слука. А стена в камере — это всего лишь стена в камере, как бы отчетливо ты ее ни видел. — Он замолчал, так как волна боли хлестнула его по вискам. — А если по правде, то, возможно, слепота даже лучше. В этом случае реальность не обязательно будет лупить тебя по зрительному нерву каждый раз, когда ты открываешь глаза.

— Нет у вас глаз, доктор Силвест! — Фолкэндер дернул что-то, и поле зрения Силвеста покрылось очень болезненными розовыми розетками. — А поэтому, прошу вас, бросьте вы жалеть себя. Вам это не идет. Кроме того, вполне возможно, что вам не придется так долго пялиться именно на эти тюремные стены.

Силвест заинтересовался.

— Что имеется в виду?

— Имеется в виду, что скоро многое придет в движение, если то, что я слыхал, — хоть наполовину правда.

— Какая информационная насыщенность!

— Я слышал, что у нас вскоре могут появиться гости, — сказал Фолкэндер, дополняя свой ответ новым болезненным уколом.

— Хватит вам говорить загадками. Когда вы говорите «у нас», то кого вы имеете в виду? И что за гости?

— Все, что до меня доходит, — слухи, доктор Силвест. Я уверен, что в должное время Слука сама расскажет вам обо всем.

— Не рассчитывайте на это, — пробурчал Силвест, который не питал особых иллюзий насчет мнения Слуки о его — Силвеста — полезности. Со времени прибытия в Мантель он пришел к прочному убеждению, что Слука держит его здесь только потому, что он служит ей чем-то вроде кратковременного развлечения. Он для нее лишь сказочный зверь, полуприрученный, но весьма сомнительной полезности и еще меньшей необходимости. Он не думал, что она доверится ему, если дело будет сколько-нибудь важным, а если и доверится, то только по одной из двух причин: или ей будет мало собственной стены для разговора, или она изобрела новое средство допекать его словесной пыткой. Уже несколько раз она намекала на идею погрузить его в глубокий сон на то время, пока она придумает для него какую-либо форму практического использования. «Я была права, когда поймала вас, — говорила она, — и я не утверждаю, что вы вообще бесполезны. Просто мне пока не приходит в голову, как вас лучше использовать. Но зато я не вижу смысла позволять кому-то другому использовать вас в своих интересах». Из этой точки зрения Силвест сделал здравый вывод, что Слуке достаточно безразлично, будет он жить или нет. Живым он доставлял ей развлечение и в перспективе мог даже принести какую-то пользу, если баланс сил в колонии изменится. С другой стороны, его немедленное убийство вряд ли вызвало бы серьез-

ные неприятности. Более того, оно придало бы Силвесту новое качество: он уже никогда не мог бы восстать против Слуки.

В свое время пришел конец и болям, которые он терпел во имя будущего. Он вернулся в мир спокойного света и почти приемлемых расцветок. Силвест часто подносил руку к глазам, медленно поворачивая из стороны в сторону, наслаждаясь ее прочностью и объемностью. На коже виднелись линии и складки, о которых он напрочь забыл, хотя прошли лишь десятки дней или несколько недель с тех пор, как его ослепили в туннелях амарантянского города.

— Совсем как новенькие, — сказал Фолкэндер, складывая свои инструменты в автоклав. Странная перчатка с металлическими щупальцами отправилась туда в последнюю очередь. Когда Фолкэндер снимал ее со своих женственных пальцев, она сжималась и дергалась, будто выброшенная на песок медуза.

— Усилить освещение, — приказала Вольева своему браслету, когда лифт доставил их в тот отсек, где хранилось оружие из Тайника.

Ощущение собственного веса вернулось к ним сразу же, как только кабина лифта стала сбрасывать скорость. Когда лифт остановился в зале, свет тут же вспыхнул, освещая колоссальные формы странного назначения.

— Где он? — спросила Хоури.

— Подожди, — отозвалась Вольева. — Мне надо сориентироваться.

— Я не вижу, чтоб что-то двигалось.

— Я — тоже... пока.

Вольева прижалась к стеклянной стенке кабины и, склонив голову набок, пыталась заглянуть за угол того орудия, которое казалось самым огромным. Ругаясь про себя последними словами, она заставила кабину спуститься еще на двадцать—тридцать метров и нашла такое положение, при котором пульсация красного света в кабине прекратилась, равно как и вой сирены.

— Взгляни, — сказала Хоури, когда наступило подобие тишины. — Не двигается ли там что-то?

— Где?

Она ткнула пальцем почти вертикально вниз. Вольева еще сильнее склонила голову, а затем снова отдала приказ браслету:

— Вспомогательное освещение в квадрант пять помещения Тайника. — Затем обратилась к Хоури: — Давай посмотрим, что надо этой свинье.

— Ты ведь говорила об этом не всерьез?

— О чем?

— О сбое в системе мониторинга?

— Конечно, нет, — ответила Вольева и еще сильнее сощурилась, когда дополнительное освещение включилось, залив ослепительным светом ту часть зала, которая находилась прямо под ногами. — Это просто был оптимистический взгляд на вещи, который я начинаю быстро терять.

Данное оружие, сказала Вольева, принадлежит к числу разрушителей планет. Она не уверена, что разбирается в принципах его устройства, а еще менее в том, каковы последствия его применения. Но кое-что она подозревает. Она испытала его годы назад на самом низком пределе его возможностей. Против маленькой луны. Если экстраполировать, а она здорово умеет экстраполировать, то это орудие может уничтожить планету с расстояния сотен астрономических единиц. Внутри него имеются такие штуковины, в которых наблюдаются перепады гравитации, равные тем, что имеют место в Черных Дырах, и, к ее удивлению, эти штуковины не обнаруживают желания испариться. Каким-то образом эта установка создает солитон — уединенную волну — в геодезической структуре пространства-времени.

И вот это орудие ожило без ее команды. Оно скользило по залу, пользуясь сетью рельсов, которые должны были неизбежно вывести его в открытый космос. Это было вроде как если бы небоскреб вышел прогуляться по городу.

— Что мы можем предпринять?

— Предлагай, я готова слушать.

— Знаешь ли, тебе придется согласиться с тем, что у меня было не так уж много времени, чтобы пораскинуть мозгами.

— Ладно, давай же, Хоури!

— Надо попробовать заблокировать его. — Лоб Хоури наморщился, будто она не только напряженно думала, но еще и испытывала жесточайшую мигрень. — У тебя ведь тут должны быть шаттлы?

— Да, но...

— Тогда воспользуйся одним из них, чтобы заблокировать выход. Или по тебе это слишком уж примитивно?

— В данный момент таких слов как «слишком примитивно» в моем словаре нет.

Вольева поглядела на свой браслет. Орудие продолжало двигаться вдоль стены зала, больше всего напоминая огромного панцирного слизняка, ползущего по собственному скользкому следу. В конце зала стала открываться гигантская диафрагма. Через этот пролет рельсы вели в темное помещение, расположенное под залом. Сейчас орудие находилось уже на уровне арки.

— Я могу заставить прийти в движение один из шаттлов... только на его вывод за пределы корабля потребуется слишком много времени. Боюсь, мы не успеем...

— Действуй! — прикрикнула Хоури. На ее лице каждая мышца, казалось, кричала о невыносимом напряжении. — Будешь тут чесаться, так мы и этот последний шанс потеряем.

Вольева кивнула, но на свою подругу поглядела с некоторым подозрением. Та казалась удивленной куда меньше самой Вольевой, но зато волновалась почему-то даже больше. Впрочем, она права — идею с шаттлом следовало немедленно реализовать, хотя больших шансов на успех тут нет.

— Нам нужно еще кое-что, — сказала она, вызывая систему управления шаттлами.

Орудие уже наполовину прошло сквозь диафрагму и готовилось проскользнуть в следующую камеру.

— Кое-что еще?

— Да, на случай, если эта мера нам ничего не даст. Проблема зародилась в Оружейной, и, возможно, именно оттуда нам следует остановить проклятый механизм!

Хоури побледнела.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты села в кресло.

При спуске в Оружейную лифт летел с таким ускорением, что пол с потолком поменялись местами, и почти то же самое случилось в желудке Хоури. Вольева отдавала лихорадочные, почти неслышные распоряжения своему браслету. Потребовалось несколько мучительных секунд, чтобы связаться с нужным автоматом, потом еще несколько, чтобы преодолеть сопротивление механизмов системы безопасности, которые не желали допустить запрещенных действий по дистанционному управлению шаттлами. Еще боль-

ше времени ушло на разогрев двигателей одного из шаттлов, потом пришлось ждать, когда же машина освободится от механизмов, удерживающих ее в доке, и наконец, когда она выйдет из дока за пределы корабля. По выражению Вольевой, шаттл вел себя так, будто он все еще не проснулся. Поскольку суперсветовик был все еще под тягой, маневрирование шаттла было затруднено.

— Что меня беспокоит, — сказала Хоури, — так это то, что собирается орудие делать, когда оно выберется наружу. Вблизи нас что-нибудь есть в космосе?

— Ясное дело, есть. Ресургем. — Вольева снова посмотрела на браслет. — Но, возможно, орудие все же вряд ли получит свой шанс.

Именно это мгновение Мадемуазель избрала для своего появления. Каким-то образом она исхитрилась проникнуть в лифт и заняла там место так, чтобы не мешать ни Хоури, ни Триумвиру.

— Она ошибается. То, на что вы надеетесь, не сработает. Я контролирую нечто большее, нежели орудие из Тайника.

— Признаешься, значит?

— А зачем отрицать? — Мадемуазель гордо улыбнулась. — Ты же помнишь, что в Оружейной я оставила свою аватару. Так вот, аватара сейчас контролирует уже весь Тайник. И я теперь уже никак не могу влиять на ее действия. Она настолько же далека от меня, как я далека от моего главного «Я» — там, в Йеллоустоне.

Лифт замедлил ход. Вольева была занята комплексом мелких цифр, быстро сменявших друг друга на браслете. Упрощенная голограмма показывала шаттл, двигавшийся вдоль корпуса корабля — крошечная рыбка-приманка играла у гладкого бока гигантской акулы.

— Но ведь ты отдала аватаре приказ? — спрашивала Хоури. — Ты же должна знать, что она там затевает?

— О, я отдала ей крайне простое распоряжение. Если контроль Оружейной отдаст в распоряжение аватары любую систему, способствующую выполнению полученного задания, то аватара обязана произвести действия, приближающие достижение поставленной перед ней цели.

Хоури закрутила головой — она не поверила ни единому слову Мадемуазель.

— А я-то думала, что ты хочешь, чтоб я убила Силвеста!

— Это оружие может помочь достичь этой цели куда быстрее, чем я предполагала раньше.

— Нет! — крикнула Хоури, когда смысл слов Мадемуазель проник в ее сознание. — Ты не посмеешь уничтожить целую планету, чтобы убить одного-единственного человека!

— Да неужто в нас заговорила совесть? — Мадемуазель скорбно покачала головой и надула губки. — А ведь раньше насчет Силвеста мы никаких сожалений не высказывали. Так почему же смерть других — тебе неизвестных — так тревожит тебя? Разве это не просто вопрос масштаба?

— Это просто... — Хоури замялась, поняв, что то, что она собиралась сказать, никак на Мадемуазель не подействует. — Просто... не по-человечески. Думаю, тебе этого не понять.

Кабина лифта остановилась, дверь распахнулась, открыв вид на полузатопленный проход к Оружейной. Хоури чуть замешкалась, пытаясь оценить свое состояние. С момента начала спуска она страдала от головной боли, какой раньше даже и представить себе не могла. Сейчас боль вроде бы начала проходить, но Хоури не имела ни малейшего желания думать о том, чем могла быть вызвана такая боль.

— Быстро, — скомандовала Вольева. — Выходи!

— Чего ты не можешь понять, — продолжала Мадемуазель, — так это причины, по которой я готова тратить силы на уничтожение этой колонии, чтобы быть уверенной в смерти всего лишь одного человека.

Хоури последовала за Вольевой, ее сапоги по колено ушли в вонючую слизь.

— Ты чертовски права, этого я не понимаю. И постараюсь остановить тебя, вне зависимости от того, понятно мне это или нет.

— Вряд ли, если ты узнаешь все факты, Хоури. Пожалуй, даже торопить меня станешь.

— Тогда ты сделала ошибку, утаив от меня важную информацию.

Они пробирались из одного полузатопленного помещения в другое, распахивая плотно прикрытые двери в переборках. В жидкой слизи болтались дохлые сторожевые крысы, которые всплывали, когда уровень в отсеках выравнивался и течение вымывало их из щелей, куда они забились, чтобы умереть.

— Где шаттл?

— Припаркован у шлюза, — ответила Вольева, оборачиваясь, чтобы взглянуть в лицо Хоури. — А боевая машина пока еще не вылезла.

— Значит ли это, что мы побеждаем?

— Скорее, что мы еще держимся. А еще я хочу, чтобы ты оказалась в Оружейной.

Мадемуазель исчезла, но ее бестелесный голос все еще звучал, хотя эха в этих жутких коридорах он не будил.

— Ничего у вас из этого не получится. Все системы в Оружейной контролирую я. Так что ваше присутствие там более чем бессмысленно.

— Если это так, то почему ты так настойчиво стараешься отговорить меня от посещения Оружейной?

Мадемуазель промолчала.

Еще две переборки, и вот они уже в том месте, откуда открываются двери в Оружейную. Женщины бросились туда бегом, но им пришлось подождать, пока по наклону не стечет слизь из коридора.

Вольева нахмурилась.

— Что-то там не то!

— Что именно?

— А ты не слышишь? Дикий шум! — Она склонила голову набок, вслушиваясь. — И этот бардак творится прямо в Оружейной!

Теперь Хоури и сама услышала его. Это был высокий механический гул, будто работала разваливающаяся древняя заводская машина.

— Что это?

— Не знаю. — Вольева помолчала. — Впрочем, надеюсь, это не то, что я думаю. Пошли внутрь!

Вольева вытянулась и попыталась открыть дверцу люка, расположенного прямо над ее головой. Дождь «корабельной слизи» хлынул из люка на плечи обеих женщин. Лестница из легкого металла упала к их ногам. Машинный скрежет многократно усилился. Теперь уже не приходилось сомневаться — шум действительно раздавался из Оружейной. Яркое освещение в Оружейной было включено, но оно казалось каким-то неустойчивым, будто там двигалось нечто огромное, время от времени затмевая ослепительный свет ламп. И что бы это ни было, двигалось оно с большой скоростью.

— Илиа, — сказала Хоури, — что-то мне это не нравится.

— Ты в своем мнении не одинока.

Снова зачирикал браслет Вольевой. Та было наклонилась, чтобы получше рассмотреть его, но тут вселенский гром потряс каждую жилку корабля. Обе женщины плюхнулись на пол и заскользили по нему. Хоури уже почти удалось подняться, когда новая волна «корабельной слизи» подкосила ее, и она снова рухнула. Некоторое время она глотала эту слизь — нечто наиболее близкое к дерьму из всего испробованного за время службы в армии. Вольева схватила ее за локти и поставила на ноги. Хоури мощно рвало, она выплевывала литры слизи, но избавиться от мерзкого вкуса было невозможно.

Браслет Вольевой уже снова светился в красном режиме.

— Какого черта...

— Шаттл! — воскликнула Вольева. — Мы его только что потеряли!

— Что?

— В смысле, он только что взорвался, — закашлялась Вольева. С ее лица лилась слизь. Видно, ей и самой пришлось хлебнуть немалую толику этой дряни. — Как я поняла, орудию из Тайника даже не пришлось спихивать его со своей дороги. Все сделало обычное корабельное вооружение — просто расстреляло шаттл.

Невыносимый шум в Оружейной наверху все еще продолжался.

— И ты хочешь, чтобы я туда пошла?

Вольева кивнула.

— И немедленно. Посадить тебя в кресло — единственная надежда, которая у нас еще осталась. Не бойся, я буду с тобой.

— Нет, вы только послушайте ее, — внезапно прорезался голос Мадемуазель. — Как всегда, готова заставить тебя сделать то, чего сама не может — кишка тонка!

— У нее же нет имплантатов! — во весь голос выкрикнула Хоури.

— Что ты там говоришь? — с недоумением в голосе спросила Вольева.

— Ничего. — Хоури поставила одну ногу на нижнюю ступеньку. — Просто послала одну старинную подружку ко всем чертям. — Подошва тут же соскользнула с покрытой слизью железки. Еще одна попытка. Хоури нашла что-то, за что можно было ухватиться, и поставила на ступеньку

другую ногу. Теперь ее голова оказалась почти на уровне короткого лаза, ведущего в Оружейную, до которой оставалось еще метра два.

— Не попадешь ты сюда, — прошипела Мадемуазель. — Я ведь контролирую движения кресла. И как только твоя головенка высунется в Оружейную, кресло тут же размозжит ее.

— С удовольствием поглядела бы на твою рожу, когда это случится.

— Хоури, неужели ты до сих пор не понимаешь, что тут происходит? Потеря головы — самое незначительная из тех неприятностей, которые тебя ждут!

Теперь лицо Хоури было всего лишь в нескольких сантиметрах от входа в Оружейную. Она видела, как кресло, укрепленное на рычагах, носится по широким дугам, пересекая из конца в конец все пространство Оружейной. Оно не было рассчитано на подобную акробатику, и ноздри Хоури скоро заполнила едкая вонь перегоревших проводов, уже успевшая изрядно загрязнить воздух.

— Вольева! — крикнула она в лаз. — Ты же возилась тут с распроклятой проводкой! Не можешь ли ты снизу отключить кресло от электроснабжения?

— Отключить кресло от питания? Конечно. Но что нам это даст? Мне ведь нужно, чтобы ты вступила в ментальный контакт с Оружейной.

— Чего-нибудь да даст! Пусть эта скотина хоть перестанет скакать по всей комнате!

Наступила пауза, во время которой, как представлялось Хоури, Вольева восстанавливала в памяти старинные схемы электропроводки корабля. Хотя она лично создала Оружейную, но с той поры прошли уже многие годы корабельного времени, а такая простая вещь, как главный кабель, надо полагать, не требовала ни ремонта, ни улучшения.

— Ладно! — наконец-то крикнула Вольева. — Там есть выход главного кабеля. Мне кажется, я смогу его перерубить.

Вольева повернулась и спустя мгновение исчезла из виду. Отсюда все казалось таким простым: всего и делов-то — отключить энергопитание! Но, может быть, думала Хоури, Вольевой придется искать какой-нибудь сложный резак? А времени мало. Нет, у Вольевой наверняка найдется что-нибудь, например, тот маленький лазер, которым она срезает пробы с Капитана для анализа. Она же вечно таскает его с собой.

Мучительные секунды уходили одна за другой, а Хоури все думала об орудиях из Тайника, медленно вылезающих из корпуса и нацеливающихся куда-то в космос. Впрочем, сейчас они уже наверняка наведены на цель — на Ресургем. Они накапливают энергию, готовясь спустить с цепи пульсирующую гравитационную смерть.

И вдруг все наверху смолкло.

В Оружейной полная тишина и яркий свет. Кресло замерло неподвижно на своих длинных шарнирах — трон, внезапно остановленный и повисший внутри изящной воздушной клетки.

Вольева крикнула снизу:

— Хоури, в Оружейной есть дублирующее энергообеспечение. Она его задействует, как только ощутит нехватку энергии в главном кабеле. Это значит — времени, чтобы добраться до кресла, у тебя в обрез.

Хоури прыжком вскочила в Оружейную, вылетев из люка как черт из табакерки. Тонкие тяжи из легких сплавов выглядели еще более острыми, нежели прежде. Она двигалась с предельной быстротой, она перепрыгивала через тросы и провода, перескакивала через шарниры или ныряла под них. Кресло все еще не двигалось, но чем ближе она к нему, тем выше будет опасность, когда оно придет в движение. Если бы это случилось сейчас, думала Хоури, стены моментально окрасились бы липким красным цветом.

И вот она уже в кресле. Набросила на себя крепежный ремень и только-только застегнула пряжку, как кресло взвыло и рванулось. Шарниры валили кресло то на спину, то вперед, оно моталось туда и сюда, оно переворачивалось в воздухе до тех пор, пока все чувства ориентации не отказались служить Хоури. Движения были резкие, ей казалось, что у нее сейчас сломается шея, глаза вылетят из орбит. И все же рывки явно слабели.

Она хочет утомить меня, думала Хоури, а не убить. Пока.

— Не пытайся совать нос в мои дела, — уговаривала ее Мадемуазель.

— Боишься, я разрушу твои вонючие планы?

— Ничего подобного. А не напомнить ли тебе о Похитителе Солнц? Он ведь выжидает, когда же наступит его очередь сделать свой ход.

Кресло все еще металось, но его рывки уже не могли помешать нормальному мыслительному процессу Хоури.

— А что, если его и на свете-то нет? — сказала она. — Может быть, ты его придумала, чтобы изобрести еще один способ давления на меня?

— Ну тогда валяй действуй!

Хоури заставила шлем опуститься ей на голову, что существенно уменьшило головокружение. Пальцы легли на кнопку. Оставалось лишь легонько нажать на нее, включить ток и соединить собственную психику с управлением боевого механизма.

— Не получается, а? Это потому, что в своем подсознании ты больше веришь мне. Как только включишься, так обратного пути уже не будет!

Хоури усилила давление на кнопку и тут же ощутила свое растущее сопротивление моменту наступления контакта. А затем — то ли мышцы бессознательно сократились, то ли где-то в отдаленных уголках мозга еще тлела мысль о необходимости такого поступка — Хоури с силой надавила на кнопку. Оружейная как бы обволокла ее — ощущение, которое возникало уже тысячи раз во время проведенных здесь тактических учений. Сначала изменились пространственные параметры. Тело будто исчезло, его место заняло изображение корабля и ближайшего окружения, затем возникла серия мешающих друг другу тактико-стратегических ситуаций, непрерывно обновляющих и проверяющих собственные показатели и решения, а также обрисовывающих в реальном времени вероятные разрушения.

И все эти данные ассимилировались в мозгу Хоури.

Орудие из Тайника уже превратилось в спутник корабля, неподвижно зависший в нескольких сотнях метров от его корпуса. С учетом известных Хоури незначительных искривлений световых волн, которые возникают при большой скорости движения, боевые выступы на поверхности орудия были угрожающе направлены по ходу корабля — к Ресургему. Вблизи шлюза, из которого вышел в космос этот механизм, на корпусе появились угольно-черные пятна — след от сожженного шаттла. Рядом с ними были заметны и вмятины в борту корабля. Хоури ощущала их как своего рода уколы и помехи, которые немели по мере того, как в дело вступали средства автоматического ремонта. Датчики, предназначенные для слежения за силой тяжести, улавливали рябь гравитационных волн, исходящую от орудия. Хоури отлично ощущала как периодические, так и нерегулярные гравитационные сквозняки, пронизывающие тело

корабля. Орудие начало вращаться вокруг корабля, постепенно удаляясь от него во все увеличивающемся темпе. Черные жерла его боевых стволов также закрутились все быстрее и быстрее.

И еще Хоури ощущала, как нечто принюхивается к ней — нет-нет, не из космоса, а из самой Оружейной.

— Похититель Солнц обнаружил твое появление, — шепнула ей Мадемуазель.

— Это не имеет значения. — Хоури уже дотянулась до сознания Оружейной, просунула свои виртуальные пальцы в кибернетические апертуры. — Я подчиню себе защитные системы корабля. Мне нужно каких-нибудь несколько секунд...

Но что-то было не так. Она ощущала вооружения не так, как ощущала во время учений. Они явно сопротивлялись выполнению ее приказов. Интуиция подсказывала ей: за эти вооружения идет борьба, а она — всего лишь третий участник в этом соревновании.

Мадемуазель — а точнее, ее аватара — пыталась блокировать оборонительные вооружения на корпусе, чтобы не дать обратить их против орудия из Тайника. Что касается последнего, то оно находилось вне досягаемости Хоури, будучи отгорожено от нее несколькими силовыми полями. А вот кто сопротивлялся Мадемуазель, пытаясь привести корабельную артиллерию в боевую готовность? Надо думать, то был Похититель Солнц. Теперь Хоури уже яснее ощущала его присутствие. Нечто огромное, мощное, но в то же время зависящее от необходимости быть невидимым и ловко, тщательно маскировать свои действия, скрывая их за обычными потоками информации. Многие годы ему это удавалось, и Вольева даже не подозревала о его существовании на корабле. Но теперь Похитителя Солнц вынудили к совершению отчаянных поступков, и он стал подобен крабу, которого наступающий отлив заставил перебегать из одного укрытия в другое. В Похитителе Солнц не было ничего человеческого. Ничто не говорило о том, что этот третий, присутствующий в Оружейной, хоть чем-то связан с Землей или является записью сознания какого-либо реального существа. Нет, Похититель Солнц ощущался как чистый Разум, как будто он всегда существовал лишь в виде сводки данных и останется таковым на веки вечные.

Иначе говоря, он ощущался как ничто, как место, где ничего нет, но которое тем не менее достигло высочайшего уровня организации.

Неужели она и в самом деле будет действовать в союзе с ним?

Может быть. А если от этого зависит возможность остановить Мадемуазель, то — да.

— Ты еще можешь отступить, — предупредила Мадемуазель. — В данный момент он занят, он не может использовать всю свою силу, чтобы полностью подчинить себе твое сознание. Но скоро все изменится.

Наводка корабельных вооружений уже находилась под контролем Хоури, хотя вся эта система работала с большим скрипом. Теперь Хоури попыталась задействовать тормоза в орудии из Тайника — сейчас эта громадина была окружена сферой потенциальной аннигиляции. Оставалось лишь добиться от Мадемуазель, чтобы она сдала свой контроль над этой машиной, которой нужна была лишь микросекунда, чтобы прицелиться и накрыть цель выстрелом.

Хоури чувствовала — Мадемуазель слабеет, а она, Хоури, а точнее — Хоури и Похититель Солнц, — побеждают.

— Не делай этого, Хоури! Ты не знаешь, что стоит на кону.

— Тогда просвети меня, сука! Говори, кто тут главный, из-за чего сыр-бор разгорелся!

Между тем орудие из Тайника все отдалялось от корабля — знак того, что Мадемуазель еще продолжает контролировать его. Пульсация гравитационного излучателя убыстрялась, теперь толчки следовали друг за другом с такой быстротой, что почти сливались. Догадаться, через какое время орудие из Тайника даст залп, было нельзя, но Хоури понимала, этот момент может настать буквально через несколько секунд.

— Слушай, — сказала Мадемуазель. — Ты хочешь знать правду, Хоури?

— Ты чертовски права!

— Тогда соберись с мужеством. Сейчас ты все поймешь!

И в эту минуту, когда она уже готовилась взять в свои руки управление системой огня, Хоури почувствовала, что ее тянут куда-то в совершенно другом направлении. Странно было то, что она продолжала как бы частично оставаться сама собой. Момент, когда это чувство ее совершенно покинуло, Хоури полностью упустила.

* * *

Они находились на поле битвы, окруженные автоматически приспосабливающимися к окружающей обстановке надувными сооружениями — временными полевыми госпиталями или выдвинутыми вперед командными пунктами. Небо лазурное, чуть подернутое белыми облаками, но зато испещренное грязными, перекрещивающимися полосами ракетных выхлопов. Выглядело это так, будто огромный, как мир, осьминог выбросил в стратосферу весь запас «чернил» из своих желез. На самом деле полосы выбрасывали, а затем метались между ними, многочисленные реактивные самолеты с острыми крыльями. Ниже их звеньев гудели беспилотные дирижабли, а еще ниже — толстые, с вздутыми животами, транспортные вертолеты. Они жались к периферии лагеря и время от времени садились, чтобы выгрузить боевые машины пехоты, солдат, санитарные машины или вооруженных роботов. На зеленом участке в углу лагеря стояли шесть дельтовидных цельнометаллических глухо задраенных самолетов на шасси, сверху выкрашенных под цвет выжженной солнцем земли. Их люки, сделанные в виде диафрагм, были закрыты.

Хоури споткнулась и упала на жесткую траву. На ней был камуфляж, сам приобретающий нужную мимикрирующую окраску. Сейчас он имел цвет пятнистого хаки. В руках Хоури держала легкую винтовку, стрелявшую пулями. Металлическое цевье было выгнуто, чтобы соответствовать изгибу ладони. Голову прикрывал шлем, с него свисал телевизионный экранчик, в данный момент изображавший подробную карту поля боя, переданную с дирижабля наблюдения.

— Сюда, пожалуйста.

Кто-то из клистирных трубок махнул ей в направлении надувной госпитальной палатки. Внутри санитар забрал у нее винтовку, прицепил к оружию бирку с фамилией Хоури и поставил в ряд с восемью другими орудиями убийства, варьировавшими от похожих на ее винтовку среднего калибра, палившей пулями, способными разом уничтожить разве что взвод, до таких, которые лучше не применять против врага, находящегося с тобой на одном континенте. Рычание дирижаблей постепенно стихало, а затем и вовсе прекратилось, заглушенное специальным силовым полем, обеспечивавшим тишину в палатке. Теперь, когда рука Хоури

освободилась от оружия, стало можно убрать телеэкранчик за гребень шлема. Тем же движением она сняла с глаз прилипшую от пота прядь волос.

— Вон туда, Хоури.

Ее провели в отделенную перегородкой заднюю часть палатки, через помещение, заполненное больничными койками, ранеными и тихонько позвякивающими металлом автоматами-санитарами, которые склонялись над ранеными и почему-то походили на механических зеленых лебедей. Снаружи изредка доносился вой истребителей и серии пушечных залпов, но на эти звуки никто из присутствующих внимания не обращал.

Наконец Хоури привели в крошечный выгороженный закуток, где не было ничего, кроме письменного стола. Стены были украшены знаменами участников Северной Коалиции. А еще в комнате стоял здоровенный глобус Края Неба, водруженный на бронзовую подставку и украшавший один конец стола. Глобус был геологический, он показывал тектонику — платформы и складчатые зоны, а вовсе не политические границы, из-за которых шла война. Впрочем, Хоури на него вообще внимания не обратила, не видя ничего, кроме человека, который сидел за столом. Он был одет в полную военную форму: застегнутый на все пуговицы мундир из дешевой оливковой ткани, золотые эполеты, внушительная выставка орденов и медалей Северной Коалиции через всю грудь. Черные блестящие волосы лежали на голове красивыми волнами.

— Сожалею, — сказал Фазиль, — что все произошло таким вот образом. Но раз уж ты тут... — Он показал на стул. — Садись, нам надо поговорить. И... время не ждет. Такие уж у нас с тобой дела.

Как в тумане Хоури вспомнилось совсем другое место. В памяти всплыла какая-то камера с железными стенами, стул, и хотя в этом воспоминании было нечто тревожное (будто драгоценное время мчалось куда-то опрометью), оно казалось даже более реальным, нежели ее нынешние ощущения. Но потом Фазиль полностью завладел ее вниманием. Он выглядел точно таким, каким ей помнился, хотя она никак не могла понять, когда же она виделась с ним в последний раз. Правда, на его щеке виднелся шрам, которого она не могла припомнить, и еще он отрастил усы, а может быть, он что-то сделал с теми, которые носил когда-то — они, вероятно, выросли из той черной щетины, так

что теперь свисали двумя крысиными хвостиками по обеим сторонам верхней губы.

Она последовала приглашению Фазиля и опустилась на стул.

— Она — Мадемуазель — боялась, что дело все же может дойти до этого, — между тем говорил Фазиль. Его губы еле двигались, а может быть, даже оставались неподвижными под прикрытием усов. — Поэтому она предприняла кое-какие меры предосторожности. Пока ты еще находилась на Йеллоустоне, она имплантировала в твой мозг серию воспоминаний, добраться до которых очень и очень непросто. Они должны были активизироваться, то есть стать доступными твоему сознанию, только тогда, когда она сочтет это нужным. — Он протянул руку и раскрутил глобус, потом резким движением остановил его. — По правде говоря, процесс «открытия» доступа к этим воспоминаниям идет уже некоторое время. Ты наверняка помнишь внезапный приступ мигрени, случившийся с тобой в лифте?

Хоури лихорадочно искала точку опоры. Какую-нибудь точку в реальности, на которую могла бы положиться.

— А это? Что это такое?

— Маленькое приспособление, — ответил Фазиль, — сплетенное отчасти из реально существующих воспоминаний, которые Мадемуазель обнаружила у тебя и нашла подходящими для своих целей. Эта встреча, например. Разве она не напоминает тебе нашу первую встречу, любимая? Только та происходила во время высадки десанта на высоте 78, в дни кампании в Центральных провинциях, как раз перед вторым десантированием на полуострове Красном. Тебя прислали ко мне, так как мне требовался кто-нибудь для засылки в тыл противника, кто-нибудь знакомый с секторами, недавно захваченными войсками южан. Из нас получилась неплохая упряжка, верно? Отличная, в некоторых отношениях. — Он нежно погладил усики и снова крутанул глобус. — Конечно, я вызвал тебя сюда, вернее будет сказать — ОНА вызывала тебя сюда, не для того, чтобы предаваться воспоминаниям. Нет, разумеется. Тот факт, что эти воспоминания ожили, означает, что определенная доза истины для тебя открыта. Вопрос в том, готова ли ты ее принять.

— Конечно, я... — Хоури оборвала фразу. В том, что говорил Фазиль, толку было мало, но ее больше волновало смутное воспоминание о другом месте, о страшном стуле в

какой-то железной комнате. У нее было ощущение, что в этом воспоминании есть нечто недосказанное, есть какая-то ошибка в самом процессе раскрытия этого воспоминания. Ей казалось, что где бы ни находилась та комната, но она — Хоури — обязана быть там, чтобы присоединить свои усилия к какой-то борьбе, к чьему-то сопротивлению. И какая бы это ни была борьба, ей — Хоури — было ясно: времени не остается и она не должна терять его на то, что стоит у нее перед глазами.

— О, не беспокойся об этом, — сказал Фазиль, видимо, без труда читавший ее мысли. — Ничего этого в реальном времени не происходит. Да и в ускоренном времени Оружейной — тоже. Неужели с тобой никогда не случалось, чтобы кто-то реальный будил тебя, но его действия становились частью снящегося тебе сна, задолго до того, как ты просыпалась по-настоящему? Понимаешь, о чем я? Твой пес лижет тебе лицо, чтобы разбудить, а во сне ты падаешь за борт корабля. А ведь на этом корабле ты была еще задолго до падения в море. — Фазиль помолчал. — Память, Хоури. Память пробуждается мгновенно. Сон казался реальным, но он возник мгновенно, возник в тот момент, когда собака стала лизать твое лицо. Возникла проекция прошлого. Та, которую в реальности ты не переживала. Так и с этими воспоминаниями.

Упоминание Фазиля об Оружейной вызвали кристаллизацию концепции стальной комнаты. Хоури еще острее ощутила необходимость опять быть в том помещении, чтобы принять участие в драке. Детали ее все еще были туманны, но зато Хоури чувствовала всю важность своего участия в борьбе.

— Мадемуазель, — между тем говорил Фазиль, — могла почерпнуть множество обстоятельств из твоего прошлого, а многое могла и сочинить, исходя из единичного факта. Но она понимала: делу можно помочь, поместив тебя в такую обстановку, где обсуждение военных проблем окажется совершенно естественным.

— Военных проблем?

— Собственно говоря, войны как таковой. — Фазиль улыбнулся, что заставило кончики его усов встопорщиться, точно демонстрируя принципы строительства консольных мостов. — Но не такой, о которой ты читала. Нет. Боюсь, что для этого та война миновала слишком давно. — Внезапно Фазиль вскочил, оправил мундир и затянул пояс. — Пожалуй, нам лучше перейти в конференц-зал.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Край Неба, 61-А, Созвездие Лебедя, год 2483-й (компьютерная имитация)

Конференц-зал, куда Фазиль привел Хоури, ничем не походил на те, в которых ей доводилось бывать раньше. Он явно был слишком велик для надувных палаток вообще и уж никак не мог помещаться внутри этой. И хотя Хоури неоднократно приходилось встречаться с различной моделирующей аппаратурой, она еще никогда не имела дела с такой, которая была бы способна показать то, чему она была свидетелем сейчас. Она занимала почти всю площадь пола — примерно 20 метров диаметром — и была окружена со всех сторон дорожкой с металлическими перилами.

Это была карта всей Галактики.

То, что делало изображение с точки зрения существующей и известной Хоури аппаратуры невозможным, заключалось в одном-единственном факте: глядя на карту, она получала — то есть каким-то образом усваивала — информацию о каждой звезде в Галактике, от самых холодных, еле теплящихся красных карликов, до самых ярких бело-голубых суперзвезд. И дело было не только в том, что здесь присутствовали все звезды Галактики, которые можно увидеть, когда на них совершенно случайно падает взгляд. Нет, их было несравненно больше. Просто всю Галактику здесь можно было понять с одного взгляда. Хоури так и восприняла ее как единое целое.

Она могла запросто сосчитать точное количество звезд в ней!

Их было 466311922811. Пока она считала, один из супергигантов превратился в сверхновую, так что ей пришлось изменить итог.

— Это фокус, — сообщил ей Фазиль. — Кодификация. В Галактике звезд больше, чем клеток в человеческом мозгу. Если их запоминать, это заняло бы нежелательно большую часть ассоциативной памяти. Хотя это не значит, что ощущение всеведения не поддается имитации.

Картина Галактики была столь детальна, что назвать ее картой просто язык не поворачивался. Все звезды были изображены согласно своим качествам: цвет, светимость, размеры, бинарность, положение, вращение. И все это отражалось с абсолютной точностью, причем были отмечены

еще и области формирования звезд — прозрачные, мягко светящиеся облака конденсированных газов, в которых мерцали угольки эмбрионов будущих светил. Были там и совсем недавно сформированные звезды, окруженные дисками протопланетного материала, а если того хотела Хоури, то открывался вид и на планетные системы, вращающиеся вокруг своих центральных солнц на невероятных скоростях, подобно микроскопическим моделям. Были там и совсем старые звезды, уже сбросившие скорлупу своих фотосфер, обогатив ими нищее межзвездное пространство и превратив его в основной протоплазменный резервуар, из которого когда-нибудь родятся будущие поколения звезд, миров и цивилизаций. Были там и останки сверхновых — регулярных и случайных, расширявшихся по мере охлаждения и излучавших свою энергию в мировое пространство. Иногда в гуще процессов звездной гибели Хоури могла наблюдать появление молодого пульсара, выбрасывающего пучки радиоволн на точных и почти не меняющихся диапазонах, работающего словно часы, брошенные в каком-нибудь всеми забытом императорском дворце, давным-давно заведенные в последний раз и обреченные тикать, пока их не остановит ледяная вечность. А еще видела она черные дыры. Одна из них (ныне еще спящая) находилась в центре Галактики, окруженная сопутствующими роями обреченных звезд, которые в один прекрасный день по крутым спиралям рухнут в недра дыры и дадут пищу для апокалиптического взрыва рентгеновского излучения в тот момент, когда их начнут рвать и перемалывать.

Но в этой галактической трагедии была заложена не только простейшая астрофизика. Хоури познала здесь гораздо большее, как будто каждый новый слой воспоминаний перекрывал прежние слои. Она узнала, например, что Галактика кишит жизнью, что миллионы культур разбросаны в квазибеспорядке по ее гигантскому медленно вращающемуся диску.

И все, что она видела, было прошлое. Далекое, далекое прошлое.

— На самом деле, — произнес Фазиль, — все это показывает состояние Галактики примерно миллиард лет назад. Если считать, что начало вселенной было положено за 15 миллиардов лет до этого, то миллиард — здоровенный кусок времени, даже считая по галактической шкале.

Они стояли рядом, нагнувшись над перилами, украшавшими дорожку, — совсем как парочка зевак, остановившихся на минуту, дабы полюбоваться своим отражением в темной воде пруда с утками.

— Чтобы дать тебе более четкое представление, скажу, что миллиард лет назад человечество еще не существовало, — продолжал Фазиль. — Больше того, еще и динозавров не было! Они появились где-то миллионов 200 лет назад, то есть примерно за одну пятую того времени, с которым мы тут имеем дело. Сейчас у нас тут примерно докембрий. Жизнь на Земле уже есть, но не многоклеточная. Если очень повезет, можно встретить что-нибудь вроде губки. — Фазиль снова поглядел на модель Галактики. — А вот в других местах дела обстояли иначе.

Около миллиона различных цивилизаций (Хоури не была уверена в точности этой цифры, но ей показалось, что точность в этом случае отдавала бы детской педантичностью — вроде как определять возраст взрослого человека с точностью до месяца), возникших в разное время, а следовательно, и имевших разный возраст, существовали тогда в Галактике. Если верить Фазилю (хотя Хоури лишь частично улавливала ход его рассуждений), Галактика только четыре миллиарда лет назад достигла такого состояния, чтобы в ней могли появиться разумные существа и цивилизации. Но когда эта точка минимальной галактической зрелости была достигнута, возникновение и развитие цивилизаций пошло далеко не в унисон. В процессе развития разума некоторые культуры возникли в мирах, где по тем или иным причинам ход эволюции замедлился и отстал от нормы, или возникшая жизнь подверглась воздействию природных катастроф.

Так или иначе, через два-три миллиарда лет после возникновения жизни на тех или иных мирах некоторые из цивилизаций уже вошли в эру космических перелетов. По достижении этой точки развития многие из них расползлись по всей Галактике, хотя, разумеется, были и такие домоседы, которые предпочитали колонизировать лишь собственные солнечные системы, а некоторые даже ограничивались лишь спутниками своей планеты. Обычно же, однако, темп продвижения по Галактике был достаточно быстрым: средняя скорость распространения составляла от одной десятой до одной сотой скорости света. Это может показаться медленным, но на самом деле скорость была

потрясающая, учитывая, что разумной жизни было всего миллиард лет, а диаметр Галактики равнялся ста тысячам световых лет. Если бы не всякого рода препятствия, то любой народ, обладавший космическими кораблями, мог стать доминирующим в Галактике за сравнительно короткое время — каких-нибудь несколько миллионов лет. И возможно, что если бы такое на самом деле случилось, то есть установилось бы политическое господство одной цивилизации, то дела пошли бы совсем иначе.

Произошло же так, что первая космическая цивилизация имела очень малую скорость экспансии, и столкнулась с экспансионистской волной второй — более юной — цивилизации. Вторая цивилизация, хотя была моложе, не уступала первой по технологическому уровню и вполне была способна при необходимости быть агрессивной. За неимением лучшего термина их отношения можно было назвать галактической войной. Там, где обе расширяющиеся империи сталкивались, возникали неожиданные трения, и они со скрипом крушили друг друга, как огромные жернова. А вскоре возникла третья, а там и четвертая силы, которые тоже были вовлечены в конфликт. Неизбежно, что в свалку в конце концов оказались втянуты, в той или иной степени, несколько тысяч космических цивилизаций. Называли эту войну по-разному на нескольких тысячах языков ее участников. Некоторые ее определения с трудом могут быть адекватно переведены на современные человеческие языки. Но несколько участников свалки назвали ее почти одинаково: со скидкой на трудности перевода и взаимопонимания — чем-то вроде Войны Утренних Зорь.

Война охватила всю нашу галактику и еще две сателлитных, вращавшихся вокруг Млечного Пути. В нее втянулись не только отдельные планеты, но и целые солнечные системы, созвездия и спиральные рукава. Хоури поняла, что следы этих сражений видны еще и сегодня, надо лишь знать, где их искать. Последствия войны обнаруживаются в виде аномальных концентраций погасших звезд в некоторых районах Галактики, или в появлении странных сочетаний еще горящих, расположенных, например, в виде строгих цепочек. На многие десятки световых лет тянутся полосы обломков от гигантских систем вооружений. Есть громадные объемы пустоты, где должны быть звезды, а по законам динамики формирования солнечных систем, и планеты, но там нет ничего, кроме холодных обломков и

прочего звездного мусора. Война Утренних Зорь длилась долго — дольше, чем эволюционные процессы самых горячих звезд. Впрочем, если сравнивать с жизнью вселенной, то война не так уж и долга — так, слегка трансформировавший Галактику спазм.

Могло случиться, что ни одна цивилизация не вышла бы из нее без потерь, что никто из вступивших в Войну Утренних Зорь игроков не стал бы ни победителем, ни побежденным. Хотя по масштабам вселенной война была не такой уж долгой, но в масштабах представлений разумных существ она длилась бесконечно. Сотни их видов за это время появились и успели исчезнуть, погибнув или изменившись внешне до неузнаваемости при ассимиляции их другими. Некоторые из них стали подобием машин. Другие совершили, так сказать, круг в обратном направлении, то есть из машин превратились в органические субстанции. Третьи сублимировались и полностью сгинули с полей сражений. Еще кое-кто превратил свое тело и дух в информационные матрицы и нашел вечное убежище в тщательно оберегаемых компьютерах. Были и такие, которые приносили самих себя в жертву.

И все же одна цивилизация в конечном счете вышла из горнила войны более сильной, нежели другие. Возможно, ей повезло, и она оказалась среди самых мелких участников войны, а пострадав меньше других, превратилась в мощную силу, восседающую на окружающих ее развалинах. А может быть, эта цивилизация явилась результатом коалиции нескольких, по горло сытых войной, видов. Все это, впрочем, значения не имеет, так как они сами, надо думать, о своем происхождении ничего не знали. Были они — во всяком случае, тогда — гибридом машин и химерийцев, с примесью каких-то местных позвоночных. Они даже не побеспокоились дать себе постоянное имя.

— Правда, — сказал Фазиль, — они его обрели, нравится оно им или нет.

Хоури поглядела на мужа. Пока он излагал ей историю Войны Утренних Зорь, она умудрилась узнать что-то о том, где она сейчас находится и о нереальности всего происходящего. То, что Фазиль сказал о Мадемуазель, наконец-то соединилось с какими-то обрывками памяти самой Хоури об истинном настоящем. Теперь она почти ясно представляла себе Оружейную, знала, что место, где сейчас находится — этот обрывок ее переделанного прошлого — всего

лишь интерлюдия. А мужчина — вовсе не Фазиль. Это просто реконструкция из ее памяти. Правда, в то же время он в какой-то степени Фазиль, каким она его помнила.

— И как же их назвали? — спросила она.

Он помолчал, прежде чем дать ответ, а когда ответил, то обставил это какой-то театральной серьезностью.

— Подавляющие. И тому была причина, которая вскоре стала очевидной.

И он объяснил ей, объяснил просто, чтобы она хорошенько поняла. Знание обрушило их огромные и спокойные как глетчеры дома, и они этого никогда не смогли забыть. И Хоури поняла кое-что еще — то, что, как она решила, являлось главным содержанием всего урока. Она поняла, почему Силвест должен умереть.

И почему, если необходимо погубить планету, чтобы убить Силвеста, такая цена не так уж непомерна.

Охрана явилась как раз тогда, когда Силвест погрузился в сон без сновидений. Он был измотан последней операцией.

— Собирайся, соня, — сказал тот, что был повыше — здоровенный мужик с висячими седыми усами.

— Зачем вы пришли?

— Так мы и станем портить тебе сюрприз, — сказал второй, похожий на хорька, поигрывая автоматом.

Его повели какой-то нарочно запутанной дорогой: слишком уж много было поворотов, чтобы их принять за случайность. Сектор, куда его доставили, показался Силвесту незнакомым. Это была или старая часть Мантеля, перестроенная и переоборудованная людьми Слуки, или совсем новая группа туннелей, прорытых уже после захвата города. Какое-то время Силвест думал, не переводят ли его в новую камеру, но это казалось маловероятным: стражи оставили его одежду в покинутой камере, и там только недавно сменили белье. Фолкэндер говорил о возможности изменения статуса Силвеста в связи с какими-то визитерами, о которых он упомянул вскользь. Так что планы Слуки могли и измениться.

Однако, как он вскоре убедился, изменения планов не произошло.

Комната, в которой он оказался, была такой же спартанской, как и его собственная. Двойник последней, начиная от одинаково голых стен и до противного запаха пищи.

И тут и там — сходное сокрушающее надежду ощущение, что стены невероятно толсты, а туннель уходит в самую глубь горы. Все так похоже, что на минуту ему померещилось, будто чувства его обманули и охранники таскали его по круговому туннелю, в результате чего он оказался в своей прежней камере. От них и не такого можно ждать... Ладно, не все ли равно, будем считать это прогулкой или упражнением...

Но как только Силвест пригляделся внимательнее, ему стало ясно, что комната — другая. На постели сидела Паскаль, и когда она подняла глаза, он понял, что она удивлена ничуть не меньше его самого.

— У вас есть ровно час, — сказал усатый, хлопнув своего напарника по спине. Оба вышли и тут же заперли дверь.

Последний раз, когда Силвест видел Паскаль, она была в наряде новобрачной, волосы были зачесаны сверкающими пурпурными волнами, а ее самое окружала целая армия иллюзорных фей и волшебников. С равным успехом все это могло бы и присниться Силвесту. Теперь на ней был комбинезон — такой же грязный и не по размеру, как и на нем самом. Стрижка под горшок, под глазами то ли круги бессонницы, то ли синяки — может быть, и то и другое. Она казалась тоньше и меньше ростом, чем помнилось ему — наверное, потому что сутулилась. Ноги босые... а белая пустота комнаты кажется такой огромной.

Силвест не помнил, было ли время, когда Паскаль казалась такой хрупкой и такой прекрасной. И было ли время, когда бы ему было труднее поверить, что она — его жена? Он хорошо помнил ночь первого мятежа, когда она ждала его в раскопе со своими бесчисленными вопросами, вопросами, которые позже соткутся в главный — кто он такой на самом деле? Что он мог сделать и что сделал? Ему казался невероятным тот поток событий, который свел их вместе в этой самой одинокой из комнат.

— Они все время твердили мне, что ты жива, — шепнул Силвест. — А я боялся им поверить.

— А мне они сказали, что ты ранен, — ответила Паскаль. Ее голос был тих, будто она боялась стряхнуть дремоту, нарушив тишину. — Они не хотели сказать — как, а я боялась расспрашивать, допуская, что они могут сказать и правду.

— Они меня ослепили, — ответил ей Силвест, впервые после операции трогая кончиками пальцев твердую поверх-

ность глаз. Вместо взрыва боли, как после взрыва сверхновой, к чему он уже привык, появился лишь туман дискомфорта, который исчез тут же, как только он убрал пальцы.

— Но сейчас ты видишь?

— Да. И если по правде, то ты — главное, ради чего стоит иметь зрение.

Она вскочила с кровати и бросилась к нему на шею. Он ощутил ее легкость и нежность — было страшно ответить ей объятием — казалось, он раздавит ее. И все же он крепко прижал Паскаль к себе, и она ответила тем же, хотя тоже, видимо, опасалась нанести ему какой-то вред, будто оба они были призраками, неуверенными в реальном существовании друг друга. Они обнимались так долго — им показалось — целые часы. Куда больше, чем им было отпущено. И вовсе не потому, что время тянулось медленно, а потому, что оно просто перестало иметь какое-либо значение. Теперь оно подчинялось им, его можно было укорачивать или удлинять усилием воли. Силвест жадно пил красоту ее лица, тогда как она искала нечто человеческое даже в пустоте его механических глаз. А ведь было время, когда она боялась даже мельком коснуться взглядом его лица. Теперь это время кануло в бездонную глубину. Силвесту же было вовсе не трудно проникнуть в глубину глаз Паскаль, поскольку она все равно не представляет себе, чего он ищет там с такой настойчивостью. А ему сейчас искренне хотелось, чтобы она поняла, как пристально вглядывается он в ее лицо, как страстно хочет, чтобы она получила радость от сознания, что он считает ее такой пленительной и пьянящей.

И вот они уже целуются, вот, спотыкаясь и не размыкая объятий, идут к постели. Через минуту сбрасывают свои мантельские комбинезоны, оставив их грязной грудой возле постели. Силвест подумал, что за ними, возможно, наблюдают. Это было не исключено, даже — вероятно. И оказалось — не имеет ни малейшего значения. Сейчас — и на тот час, который им дали, — он и Паскаль одни во всем мире. Стены комнаты, казалось, раздвинулись до бесконечности, она открывается отсюда прямо во вселенную. Они занимались любовью уже не впервые, хотя предыдущие встречи были очень редкими. Трудно было найти возможность побыть действительно наедине. Теперь же — и при этой мысли Силвест чуть не расхохотался — они были му-

жем и женой, и необходимость прятаться практически исчезла. И тем не менее им приходится урывать минуты для интимных ласк. Силвест вдруг даже ощутил за собой какую-то вину, и ему понадобилось время, чтобы понять причину этого. Наконец, когда он долго лежал, спрятав лицо на груди Паскаль, он понял, откуда это чувство. Дело в том, что между ними осталось недосказанное, им надо высказать друг другу так много, а они тратят драгоценное время для археологических изысканий в собственных телах. Но Силвест знал — так оно и должно быть.

— Я жалею, что все так быстро кончается, — сказал он, когда чувство времени вернулось к нему и стало обычным. Теперь он уже прикидывал, много ли осталось у них от подаренного часа.

— В последний раз, когда мы разговаривали с тобой, — сказала Паскаль, — ты мне сказал кое-что.

— Да, о Карине Лефевр. Я ведь должен был сказать тебе об этом, ты поняла? Это звучало чудовищно, но я ведь думал, что погибну. Мне обязательно надо было поделиться с тобой. Или даже с кем-нибудь другим. То, что я держал в себе долгие годы...

Бедро Паскаль казалось ледяным в сравнении с бедром Силвеста. Она провела ладонью по его груди, как будто исследуя ее.

— Что бы там ни случилось, ни я и никто иной не имеем права судить тебя.

— Но ведь я струсил!

— Нет, то была не трусость. Просто инстинкт самосохранения. Ты находился в самом страшном месте вселенной, Дэн, не забывай этого. Филипп Ласкаль отправился туда без трансформации мозга Трюкачами, и погляди, что с ним случилось. То, что ты вообще сохранил рассудок — уже доказывает твою смелость. Ведь безумие было для тебя куда более легким выходом.

— Но она же могла выжить! Черт побери, ведь даже оставив ее умирать, я мог бы хоть частично облегчить свою вину, если бы у меня хватило смелости рассказать потом всю правду! Это послужило бы своего рода искуплением. Бог свидетель, Карина заслуживала лучшего, а я убил ее, да еще и оболгал.

— Ты не убивал. Убила Завеса.

— Я даже этого не знаю.

— Чего?

Он повернулся на бок и замолк, пристально вглядываясь в лицо Паскаль. Когда-то его зрение было способно надолго сохранять прочные отпечатки увиденного. Теперь эта способность исчезла.

— Я хочу сказать, — сказал Силвест, — что даже не знаю, действительно ли она погибла там. Во всяком случае — не знал тогда. Ведь я-то выжил, а я ведь потерял способность, наложенную на мой мозг Трюкачами. А что, если она спаслась, как спасся я сам? Ее шансы были выше, чем у меня, хотя и ненамного. Что, если она выжила подобно мне? Что, если ей удалось спастись, но она просто не сумела дать мне знать об этом? Ее могло унести далеко от края Завесы, прежде чем я сам вырвался оттуда. Я же, когда починил суперсветовик, и не подумал искать ее. Мне и в голову не пришло, что она могла уцелеть.

— По очень весомой причине, — ответила ему Паскаль. — Она погибла. Ты можешь критиковать свои действия сейчас, но тогда интуиция подсказала тебе, что она мертва. Ведь если бы она не умерла, то наверняка нашла бы способ связаться с тобой.

— Этого я не знаю. Мне-то не удалось.

— Тогда перестань думать об этом. Иначе ты никогда не расстанешься с прошлым.

— Слушай, — воскликнул он, вспомнив слова Фолкэндера, — ты говорила тут с кем-нибудь, кроме тюремщиков? Например, со Слукой или еще с кем-нибудь?

— Со Слукой?

— С женщиной, которая держит нас тут? — Силвест с его острым чувством исследователя понял, что Паскаль тюремщики почти ничего не сказали. — У нас слишком мало времени, я могу объяснить тебе происходящее лишь в нескольких словах. Люди, которые убили твоего отца, принадлежат к Праведному Пути. Они Преобразователи, насколько я могу об этом судить, вернее, какая-то ветвь этого движения. А находимся мы в Мантеле.

— Я догадывалась, что нахожусь за пределами Кювье.

— Кстати, из того, что они мне говорили, получается, что Кювье был ими атакован. — Силвест не стал сообщать ей остальное, например, что город теперь с поверхности, видимо, необитаем. Ей это знать не обязательно, особенно сейчас, когда этот город — единственное место на планете, которое ей известно. — Я не знаю, кто там сейчас правит, возможно, это люди, лояльные твоему отцу, но может, и

сторонники Праведного Пути. По словам Слуки, твой отец встретил ее отнюдь не с распростертыми объятиями, когда взял Кювье. У нее накопилось достаточно злобы, чтобы организовать его уничтожение.

— Долго же она копила эту злобу!

— Вот почему у нее, возможно, не самый взвешенный характер на этой планете. Я думаю, что наш захват вовсе не входил в ее планы, но она нас заполучила и теперь просто не знает, что с нами делать. Ясно, что наша потенциальная ценность не позволяет ей нас уничтожить, но пока... — Силвест помолчал. — Не важно. Что-то происходит. Что-то меняется. Человек, ремонтировавший мои глаза, сказал, что ходят слухи о гостях...

— Каких гостях?

— И мне тоже было интересно. Но он ничего больше не сказал.

— Очень соблазнительно пофантазировать, верно?

— Если только что-нибудь и способно изменить ситуацию на Ресургеме, так это только прилет Ультра.

— Для Ремильо время еще не пришло.

Силвест кивнул.

— Если корабль на подходе, то можно смело держать пари, что это не Ремильо. Но кто, кроме него, захочет торговать с нами?

— Эти люди могли прилететь не ради торговли.

Возможно, то был признак своего рода высокомерия, но Вольева терпеть не могла, чтобы кто-нибудь выполнял ее работу, как бы абсурдно ни выглядела альтернатива. Она была рада — если радость в данном случае уместный термин — разрешить Хоури сесть в кресло и попытаться одним залпом сбить с неба орудие из тайника. Она готова была даже признать, что воспользоваться помощью Хоури — единственный разумный выход из создавшейся ситуации. Но это вовсе не означало, что она сама будет тихонько сидеть, наблюдая за естественным ходом событий. Вольева знала свой характер. Что ей было необходимо, чего она жаждала всем сердцем — это атаковать ту же проблему, но с другой отправной точки.

— Свинство, — сказала она по-русски, ибо как она ни старалась, но готовый ответ никак в голову не приходил. Каждый раз как ей казалось, что решение, как пресечь дальнейшее продвижение орудия, найдено, другая часть ее мозга, забегая вперед, обнаруживала дефекты в логической цепи.

Происходило что-то вроде проверки ее способности мыслить, где она выступала критиком тех самых решений, которые возникали у нее по ходу дела. И они отбрасывались еще до того, как ее сознание успевало их отчетливо сформулировать. И еще она чувствовала — отвратительное, кстати, ощущение, — что она этим сама подрывает шансы на успех.

Вот с чем сейчас ей предстояло бороться.

Вольева употребила слово «свинство», так как оно, во-первых, осуждало некомпетентность, а во-вторых, выражало отвращение, которое она испытывала, заставляя свой мозг снова и снова возвращаться к той же самой теме. Ведь решение-то в конечном счете зависело от того, что сейчас происходит в голове Хоури. А внутренний взор Хоури в данный момент был обращен к абстрактной мысленной схеме системы вооружений корабля. В эту схему входил и мозг Оружейной и даже мышление самой Вольевой, ибо Оружейная — дело ее рук. Сейчас она вела мониторинг всей ситуации, используя нейронные датчики своего браслета. В голове Хоури бушевала буря — в этом нет сомнения. И эта буря запускала свои трепещущие щупальца в управление всей системой вооружения.

Вольева понимала, что все это как-то взаимосвязано. Вся история Оружейной, начиная с самого начала — безумие Нагорного, Похититель Солнц, самоактивация орудия из Тайника и вот теперь эта буря в голове Хоури, предвещающая возникновение некоей новой аберрации, входит составляющей в одну общую проблему. Но знание, что решение есть или что по меньшей мере существует ответ, объясняющий всю картину, увы, практически ни к чему не вело.

А самым тревожным аспектом во всем этом было то, что даже в такой момент, как сейчас, часть сознания Вольевой работала над этой абстрактной проблемой, а не над тем, что было жизненно важно именно сию минуту. Вольевой казалось, что ее мозг — комната, битком набитая талантливыми учениками. Все они по отдельности блестящи, и если бы они слушали ее объяснения, то наверняка смогли бы выдать потрясающие результаты. Однако некоторые из этих ребятишек не желают объединяться, они лениво поглядывают в окна, игнорируя ее призывы сосредоточиться на важном, ибо находят собственные мысли куда более интересными, нежели скучный урок, на проведении которого настаивает она.

У нее мелькнула мысль, скорее даже воспоминание. Оно касалось серии защитных полей, которую она установила примерно сорок лет назад по корабельному времени. Она считала, что поля станут последней преградой, сдерживающей проникновение извне разрушительных вирусов. Ей даже в голову не пришло, что они и в самом деле могут понадобиться, и уж тем более в такой ситуации, как та, что сложилась сейчас.

И вот, надо же, почему-то она вспомнила о них.

— Это Вольева, — сказала она в браслет, чуть ли не задыхаясь и пытаясь вытащить из памяти все необходимые команды. — Надо проверить протоколы, касающиеся контрмер против инсургентов. Степень серьезности — лямбда плюс, максимальная согласованность боевых действий и мер обороны, полное автоматическое подавление отказов, уровень осторожности по девятой степени Армагеддона, красные альфа-пропуска, все привилегии Триумвиров сохраняются, все привилегии нетриумвиров отменены. — Вольева перевела дыхание. Она надеялась, что цепочка отданных распоряжений открыла ей все двери, ведущие к сердцу оперативной матрицы корабля. — А теперь, — продолжила она, — вызвать и запустить программу «Паралич». — Про себя же она прошептала: «И побыстрее, черт побери!»

«Паралич» — программа, вызывающая активизацию всех защитных полей, которые она установила. Программу написала сама Вольева, но это было так давно, что она с трудом вспомнила, что конкретно делает программа и на какую часть корабля распространяется ее действие. Это была своего рода игра — Вольева хотела парализовать объем корабля достаточный, чтобы обезвредить орудие из Тайника, но в то же время не настолько большой, чтобы помешать своим собственным попыткам остановить это орудие.

— Свинство, свинство, свинство...

По дисплею ее браслета бежали сообщения, свидетельствующие о сбоях в программе. Вольеву извещали, что различные системы, которых должен был бы коснуться «Паралич» и прекратить их функционирование, в настоящее время под его контролем не находятся. Они не доступны вмешательству этой программы. Большая их часть относится к глубинным корабельным системам. Если бы «Паралич» сработал, это имело бы для корабля такие последствия, какие имел бы для человека сильный удар по голове: внезапное прекращение работы всех ме-

нее важных систем и общий коллапс — впадение в состояние временной неподвижности. Имел бы место определенный ущерб, но на поверхностном уровне, то есть того сорта, который Вольева могла бы устранить, скрыть или объяснить каким-нибудь враньем. Но «Паралич» сработал по-другому. Как если бы у человека отказали только поверхностные слои, да и то частично. Все это совершенно не отвечало интересам Вольевой. Однако она поняла, что парализованными оказались бы и те автономные орудия защиты корпуса, которые не являются полностью зависимыми от Оружейной и которые только что уничтожили шаттл. Сейчас она может попытаться разыграть тот же самый гамбит еще раз. Конечно, орудие из Тайника успеет уйти еще дальше, и теперь речь пойдет не просто о том, чтобы помешать ему. Однако если она сможет получить в свое распоряжение еще один шаттл и сумеет вывести его в космос, то перед ней возникнет ряд новых возможностей.

Еще несколько секунд, и весь ее оптимизм разлетелся осколками отчаяния. Возможно, «Паралич» и должен был бы сработать так, как она рассчитывала, но за истекшие сорок лет различные корабельные системы переплелись и сомкнулись таким образом, что «Паралич» коснулся тех областей, которые Вольева вовсе не собиралась трогать. Во всяком случае, шаттлами теперь управлять было нельзя, они оказались защищены от воздействия Вольевой. Она испробовала некоторые обходные команды Триумвиров, но ни одна из них не сработала. Вряд ли удивительно — «Паралич» создал разрывы в командной сети, разрывы, которые никакими программными средствами заштопать было нельзя. Чтобы добраться до шаттлов, Вольевой нужно было, так сказать, физически соорудить мосты, а для этого ей были необходимы схемы, составленные сорок лет назад при разработке программы. Это требовало нескольких дней упорной работы.

А у нее всего лишь считанные минуты.

Ее засасывало. Не в шахту отчаянного уныния, а скорее в бездонный колодец свинцовой гравитации. Она рухнула в глотку этой бездны, потекли драгоценные минуты, и тут вдруг она вспомнила еще кое-что. Нечто такое очевидное, о чем должна была вспомнить давным-давно.

Она вскочила и опрометью бросилась бежать.

* * *

Хоури вломилась в Оружейную.

Быстрый взгляд на часы реального времени подтвердил, что Фазиль не обманул ее — ни одна минута реального времени не была потеряна. Просто какой-то фокус: ей ведь казалось, что в надувной палатке она провела по меньшей мере час, а вышло, что на все ее приключения ушла ничтожная часть секунды. Все необходимое время осталось в ее распоряжении, хотя понять это было просто невозможно. И все же расслабляться нельзя — события, которые происходили задолго до того, как были запущены ее воспоминания, были страшны и жестоки. Ситуация и сейчас не потеряла своей остроты.

Орудие из тайника уже наверняка находится на грани взрыва. Его гравитационные излучения не улавливаются кораблем, подобно свистку, который вдруг перешел на ультразвук. Возможно, оно в эту самую секунду уже готово открыть огонь. Кто его сдерживает? Может быть, Мадемуазель? Почему ей так важно, чтобы Хоури была на ее стороне? Если орудие не сработает, возможно, Хоури опять окажется единственным средством Мадемуазель для достижения ее цели?

— Одумайся, — произнесла Мадемуазель. — Одумайся, Хоури. Ты уже должна была понять, что Похититель Солнц — нечто совершенно чуждое людям. А ты ему помогаешь!

Умственное усилие, которое понадобилось для того, чтобы улавливать слова, звучащие в мозгу, почти истощило Хоури.

— Ладно, я почти готова поверить тебе, что он чужой. Вопрос в другом: а кто такая ты сама?

— Хоури, у нас нет времени для выяснения отношений.

— Сожалею, но мне кажется, что данная минута ничуть не хуже любой другой, чтобы внести полную ясность. — Формулируя мысли, Хоури продолжала удерживать свое прежнее место в борьбе, хотя часть ее — та часть, которая была потрясена увиденным в воспоминаниях, уговаривала сдаться и передать Мадемуазель полный контроль над орудием из Тайника. — Ты хочешь убедить меня, что Похититель Солнц был привезен Силвестом из-за Завесы?

— Нет, не хочу. Ты сама видела факты и сама сделала из них логический вывод.

— Черта с два! — Хоури снова набирала силу, хотя ее все еще было недостаточно, чтобы перетянуть чашу весов. — Ты все время из сил выбиваешься, чтобы стравить меня с Похитителем Солнц. Теперь, справедливо или нет, уверяешь, что он подонок и олицетворение зла, но ведь он имеет право на защиту. Откуда ты все знаешь? Разве что ты сама инопланетянка...

— Хорошо, давай на минуту согласимся, что дело обстоит именно так.

Что-то новое привлекло внимание Хоури. Даже с учетом серьезности сражения, в котором она принимала участие, это новое явление было достойно того, чтобы отвлечься и уделить небольшую частичку внимания изменившейся ситуации.

В свалку включился еще один участник!

Он находился вне действия мозга системы вооружений. Это было не виртуальное существо, а вполне материальное, такое, которое только что отсутствовало или было незаметно, а теперь вдруг объявилось на поле боя. В момент, когда Хоури его обнаружила, оно находилось вблизи корабля. По ее мнению — в очень опасной близости, фактически так близко, что было частью корабля или... его паразитом.

Размером он был с очень маленький космический корабль, его центральная массивная часть имела не больше десятка метров от носа до кормы. Больше всего он напоминал толстую ребристую торпеду, из которой торчали восемь суставчатых ног. И шагал он ими прямо по поверхности корабля. Самое странное, что оборонительная артиллерия корабля по нему не стреляла, хотя еще недавно она без всяких колебаний расстреляла шаттл.

— Илиа! — выдохнула Хоури. — Илиа, уж не думаешь ли ты... — И тут же: — Черт, ты же именно это и думаешь!

— Какое идиотство, — вторила ей Мадемуазель.

Паучник отделился от корпуса корабля; каждая из его восьми ног одновременно отцепила свои клешни от брони. Поскольку корабль уже значительно сбросил скорость, могло показаться, что Паучник продолжает падать вперед, причем со значительным ускорением. Обычно, говорила в свое время Вольева, в таком положении Паучник должен был бы воспользоваться своими тормозными ракетами, чтобы восстановить контакт с кораблем. Сейчас она этого, видимо, не сделала, так как Паучник продолжал падать, а ракеты все не вклю-

чались. Хоури наблюдала за происходящим как бы с разных точек зрения и в таких ракурсах, которые были просто невозможны для человека без имплантатов Оружейной, имеющих выход на камеры, расположенные на корпусе корабля. Поэтому Хоури ясно увидела, как выбросили бело-фиолетовое пламя ракеты, расположенные в средней части Паучника — там, где похожее на торпеду тело крепилось к треножнику с бесполезными сейчас ногами. Сияние выхлопов высветило эти ноги, показывая их поочередно, быстрыми вспышками, когда Паучник преодолевал свое падение. Сейчас Паучник вполне мог бы уцепиться и занять прежнее место на корпусе. Но Вольева использовала ракеты не для того, чтобы снова приблизиться к кораблю и ухватиться за него. Через несколько секунд Паучник уже летел, но теперь в направлении орудия из Тайника.

— Илиа... Я не думала...

— Доверься мне... — донесся до нее голос Триумвира, вошедший в мозг системы вооружений таким слабым, будто Вольева находилась в другой половине вселенной, а не в нескольких километрах от Хоури. — У меня есть нечто, что из снисходительности можно было бы назвать планом. Или, скажем, шансом на продолжение драки.

— Не могу сказать, что мне все это по душе...

— Мне тоже, если тебя это интересует. — Вольева помолчала. — Между прочим, Хоури, когда все это кончится, и если мы с тобой обе будем живы, что сейчас, кажется, трудно гарантировать... нам придется выискать время поболтать...

Может, она болтает просто так, чтобы заглушить чувство страха?

— Поболтать?

— Ну да, обо всех этих делишках. О проблемах с Оружейной. Для тебя это будет шанс избавиться... от тех крошечных секретов, которые так тебя тяготят и которыми тебе следовало бы поделиться со мной гораздо раньше.

— Вроде чего?

— Ну, для начала, насчет того, кто ты такая на самом деле.

Паучник быстро преодолевал расстояние, отделявшее его от орудия из Тайника, используя ракеты для торможения, но он все еще оставался в относительной близости от корабля, поскольку их скорости пока еще совпадали. Даже с растопыренными лапами Паучник составлял менее трети

от величины орудия. Сейчас он куда меньше походил на паука, скорее уж на несчастную каракатицу, готовую исчезнуть в пасти медленно плывущего кита.

— Тогда это будет весьма долгий разговор, — ответила Хоури, чувствуя, и, насколько она могла понять, вполне обоснованно, что скрывать ей от Вольевой почти нечего.

— Ладно. А теперь извини, я тут собираюсь попробовать одну штуку где-то на грани рискованного и невозможного.

— То есть самоубийственного, — заметила Мадемуазель.

— Кажется, тебе это все доставлят удовольствие?

— И огромное, тем более что от меня здесь ничего не зависит.

Вольева установила Паучник вблизи выдвинутого вперед «рыла» орудия. Хотя она и подошла близко, но все-таки недостаточно, чтобы растопыренные шевелящиеся ноги Паучника могли ухватиться за гладкую поверхность монстра. Во всяком случае, орудие начало медленно и неритмично поворачиваться, покачиваясь из стороны в сторону с помощью собственных ракетных двигателей. Оно явно старалось избежать столкновения с Вольевой, хотя его попытки были ограничены инерцией движения. Похоже было, что страшный монстр, вылезший из ада, испугался крохотного паучка. Хоури услышала четыре близких выстрела, следовавших один за другим. Возможно, стрелявшее болванками орудие опустошило обойму.

Хоури наблюдала, как из тела Паучника вылезли четыре абордажных крюка и бесшумно опустились на поверхность орудия. Эти крюки обладали способностью мгновенно пробуривать металл на глубину нескольких десятков сантиметров, а затем внутри распускаться, как цветок, так что жертва отцепиться уже не могла. Тросы, которые заканчивались крюками, натянулись и засверкали в свете ракетных выхлопов. Теперь они стали сокращаться, и Паучник постепенно подтягивался к орудию, которое все еще продолжало выполнять свои маневры, пытаясь избежать столкновения с ним.

— Роскошно! — воскликнула Хоури. — А я уж готовилась уничтожить эту погань. Что мне делать теперь?

— Будет необходимость — стреляй! — ответила Вольева. — Если тебе удастся прицелиться так, чтобы не задеть меня, то я попытаюсь уцелеть. Броня этой кабины крепче,

чем кажется. — Последовала пауза, после которой донеслись слова Вольевой: — А! Отлично. Вот я и поймала тебя, кусок летучего дерьма!

Теперь лапы Паучника уже обхватили выступ орудия. По-видимому, оно отказалось от намерения сбросить Паучника и, надо думать, для этого были веские основания. Хоури показалось, что Вольева добилась не слишком многого, несмотря на свой смелый маневр. Орудие вроде бы не было сильно сковано присутствием Паучника.

Между тем борьба за контроль над корабельной артиллерией обрела весьма серьезные масштабы. Несколько раз Хоури казалось, что эти орудия перешли под ее команду, что системы, подчиненные Мадемуазель, слабеют и теряют позиции, но эти небольшие победы все же не давали Хоури возможности взять точный прицел и открыть огонь. Если Похититель Солнц и помогал ей, то сейчас она этого не ощущала. Хотя, возможно, отсутствие этого ощущения следовало отнести за счет его особого коварства. Кто знает, может быть, не будь тут Похитителя Солнц, Хоури уже давно бы проиграла бой, и освобожденная Мадемуазель спустила бы с цепи то, что содержалось в орудии из Тайника. Правда, сейчас все это уже не казалось столь важным. Хоури наконец-то поняла намерения Вольевой. Тормозные ракеты Паучника работали изо всех сил, сводя на нет все усилия более массивного и неуклюжего орудия. Вольева тянула орудие вниз, в направлении бело-голубого сияния, вырывавшегося из ближайшей пасти конджойнеровского двигателя. Она явно собиралась уничтожить эту штуковину в смертельных выхлопах.

— Илиа, — спросила Хоури, — ты хорошо все... обдумала?

— Обдумала? — На этот раз никакого сомнения не было в том, что раздалось женское хихиканье, хотя оно явно было показным. — Никогда в жизни я еще не делала ничего настолько не обдуманного, Хоури. Но в данный момент я альтернатив не вижу. Разве что ты немедленно овладеешь теми проклятущими орудиями.

— Я... Я стараюсь...

— Тогда старайся дальше и не мешай мне. На всякий случай, если у тебя не получится, у меня есть над чем сейчас пораскинуть мозгами.

— И тогда вся ее жизнь прошла у нее перед глазами? Я правильно поняла?

— Это опять ты? — Хоури старалась сделать вид, что Мадемуазель ее не интересует. К этому времени она поняла, что все появления Мадемуазель преследуют лишь одну цель — отвлечь Хоури от главного. А это, разумеется, могло изменить ход сражения. Так что Мадемуазель вовсе не была тем легкомысленным незаинтересованным наблюдателем, которым она пыталась прикинуться.

Теперь Вольевой осталось преодолеть лишь метров пятьсот, чтобы орудие оказалось под пламенем выхлопов двигателей. Орудие продолжало сопротивляться, его ракеты работали вовсю, но тяга у него была меньше, чем у Паучника. Оно и понятно, подумала Хоури. Проектировщики вспомогательной системы, которая должна была обеспечить движение и посадку орудия, вряд ли подумали о том, что ему придется еще и защищать себя «в рукопашном бою», а если и подумали, то с усмешкой.

— Хоури! — крикнула Вольева. — Секунд через тридцать я эту свинью отпущу. Если арифметика меня не подвела, никакие корректирующие тормозящие удары не смогут остановить дрейф орудия к лучу.

— Здорово, правда?

— Ну вроде бы... Но должна тебя предупредить. — Голос Вольевой почему-то затих и даже почти исчез — видимо, прием был нарушен всплесками энергии вблизи от выхлопов двигателя корабля, к которому Вольева подошла на расстояние вряд ли полезное для органических веществ. — Мне подумалось, что если и удастся разрушить орудие из Тайника... то часть силы взрыва... возможно, неизвестной субстанции... может обратить вспять луч, обеспечивающий тягу кораблю... — Последующая пауза была явно отлично рассчитана. — Если такое произойдет, то результаты могут быть далеко... не оптимальны.

— Что ж, спасибо, — ответила Хоури. — Благодарю за моральную поддержку.

— Черт! — отозвалась Вольева спокойно и тихо. — В моем плане обнаружился недочет. Полагаю, орудие воздействовало на Паучник каким-нибудь защитным излучением типа электромагнитных волн. Или так, или это радиация тяги, но что-то воздействовало на аппаратуру управления... — Раздался звук — возможно, то была еще одна попытка задействовать стальные старинные переключатели на консоли. — Я хочу сказать, что мне, кажется, от него не оторваться. Я приклеилась к этому дерьму.

— Тогда отключи тягу. Это-то ты можешь сделать?

— Конечно, иначе как бы я могла убить Нагорного? — В голосе Вольевой явно ощущалась нехватка оптимизма. — Нет, тяга мне тоже не подчиняется, она, надо думать, была заблокирована, когда я ввела в действие программу «Паралич». — Вольева начала заикаться. — Хоури, положение кажется мне отчаянным... Если ты овладела корабельным вооружением...

Снова вмешалась Мадемуазель, чей голос звучал в мозгу Хоури очень серьезно.

— Она погибла, Хоури. И при том угле, под которым тебе пришлось бы стрелять, половина орудий не сработает, чтобы не нанести ущерба самому кораблю. Да и тебе самой, считай, повезет, если удастся остаться в живых, сокрушив корпус орудия из Тайника.

Она была права. Хоури и не заметила, как целые блоки потенциально пригодного вооружения отключились, так как она потребовала от них взять цель, расположенную в опасной близости от некоторых частей корабля. Остались лишь малые калибры, неспособные нанести противнику серьезный ущерб.

Может быть, именно поэтому что-то сдвинулось.

Неожиданно вооружение корабля оказалось скорее под контролем Хоури, нежели ее противников. И, как она поняла, тот факт, что оставшиеся системы были слабоваты в отношении залпового огня, оказал ей определенную услугу. Ее планы внезапно изменились. Теперь ей требовалась хирургическая точность, а не грубая сила.

В те мгновения, пока Мадемуазель еще не успела захватить обратно власть над бортовыми вооружениями, Хоури изменила систему их наведения и ввела команды, обеспечившие их перевод на новые цели. Ее приказы были точны до предела и требовали безукоризненного и немедленного выполнения. Орудия, которые только что двигались как в тумане, сейчас мгновенно развернулись на цели, выданные им Хоури. Но этой целью был вовсе не монстр из Тайника, а нечто совершенно иное.

— Хоури, — начала было Мадемуазель, — я уверена, что тебе следует все хорошенько обдумать, с учетом...

Но Хоури уже открыла огонь.

Жгуты плазмы рванулись к орудию из Тайника, но не непосредственно к нему, а к тем тяжам, которые соединяли его с Паучником. Они аккуратно срезали все восемь

ног, а затем и четыре тяжа, к которым крепились «кошки». Паучник метнулся в сторону от смертельно опасного луча тяги, его ноги были обрублены до колен.

Что же до орудия из Тайника, то оно влетело в луч, подобно бабочке, коснувшейся раскаленной лампы накаливания.

Дальнейшее заняло всего лишь несколько мгновений, продолжительность которых вряд ли могли бы определить человеческие органы чувств. Хоури и потом не могла припомнить ни их последовательности, ни их сути. Материальная оболочка орудия исчезла в одну миллисекунду, вскипев клубами пара, состоявшего исключительно из атомов разнообразных металлов. Было совершенно невозможно утверждать, что виной этого кипения и всего последующего было прикосновение к лучу. Возможно, уже к моменту начала разрушения орудие начало выворачиваться наизнанку.

В любом случае события наверняка разворачивались не так, как могли бы предположить проектировщики орудия.

Одновременно — или почти одновременно — то, что осталось от орудия под его улетучившейся оболочкой, вырвалось наружу в виде извержения гравитации, изрыгнувшего раскаленное пространство-время. Что-то жуткое происходило с материей в непосредственной близости от орудия из Тайника, причем явно не то, что должно было произойти. Радуга изогнувшихся звездных лучей приобрела почти шаровую форму, обволакивая корчащуюся массу плазмы-энергии. Какое-то мгновение сферичная радуга была устойчива, но тут же она стала пухнуть, осциллируя точно мыльный пузырь, готовый вот-вот лопнуть. А затем, в какую-то ничтожно малую частичку времени, сфера рухнула и с растущей по экспоненте скоростью исчезла.

И тут же исчезло все остальное, не оставив даже обломков, даже пыли — просто усеянный звездами кусок космоса.

Потом появился слабый отблеск, смахивавший на ультрафиолет. Сияние стало расти, превращаясь в яркую зловещую сферу. Волна вспухающей плазмы ударила по кораблю, сотрясая его с дикой силой. Хоури почувствовала этот удар, даже сидя в своей Оружейной в кресле на растяжках. На дисплеях помчалась информация — хотя Хоури в этот момент меньше всего мечтала о знаниях, — что взрыв лишь слегка повредил некоторые корабельные системы и что имел место короткий пик подъема радиации, который

теперь миновал, и радиационный фон близок к норме. Гравитационные показатели тоже в норме.

Пространство-время было пробито на квантовом уровне, благодаря чему наблюдался ничтожный выброс энергии Планка. Ничтожный, разумеется, в сравнении с обычными потоками энергии, присутствующими в пене пространства-времени, но за пределами оболочки корабля этот ничтожный выброс был как взрыв атомной бомбы в соседней комнате. Пространство-время мгновенно залечило раны, залатав разрывы до того, как могли возникнуть вредные последствия, оставив лишь несколько лишних монополей Дирака, квантовый мусор черных дыр малой массы и других аномальных и экзотических частиц как свидетельство, что произошло нечто необычное.

Орудие из Тайника сработало неудовлетворительно.

— Ну и ладно, — сказала Мадемуазель, причем ее голос звучал скорее разочарованно, чем как-то иначе. — Надо думать, ты гордишься сделанным.

Но в ту минуту внимание Хоури было занято другим: через виртуальное пространство Оружейной к ней рвалась пустота. Она попыталась отодвинуться, разорвать связь...

И не успела.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Орбита Ресургема, год 2566-й

— Кресло мне, — сказала Вольева, входя в капитанскую рубку. Укрепленное на журавлиной шее кронштейна, кресло послушно скользнуло к ней. Она застегнула на себе ремень, а затем отправила кресло подальше от стены, пока наконец оно не стало вращаться вокруг огромного голографического изображения сферы, занимающего всю середину большого помещения рубки.

Сейчас сфера показывала Ресургем, но зрители вполне могли бы принять его за увеличенное в несколько сот раз глазное яблоко мумифицированного древнего трупа. Вольевой было известно, что это не просто точное изображение Ресургема, найденное в архивах. Оно было сделано в реальном времени с помощью тех самых камер, которые в эту минуту глядели вниз с корпуса корабля.

Ресургем никак нельзя было назвать красивой планетой. Если не считать грязно-белых ледниковых шапок на полюсах, общий тон поверхности был тоскливо-серым. Некоторое разнообразие вносили лишь ржавые струпья да несколько голубоватых пятен в экваториальной зоне. Океаны еще прятались подо льдом, так что пятнышки открытой воды почти наверняка были обязаны своим возникновением искусственному подогреву, предотвращающему замерзание. Тепловая энергия передавалась либо по системам теплотрасс, либо вырабатывалась на местах путем сложных процессов метаболизма. Были и облака, но преимущественно в виде редких высоких перистых плюмажей, а не громоздких кучевых структур, которые обычно формируются у планет с атмосферой над водными пространствами. Ближе к ледяным шапкам облаков становилось больше, да и над населенными пунктами наблюдались их небольшие клочковатые скопления. Видимо, там на фабриках или вырабатывался пар, или лед сублимировался в воду, кислород и водород. Тут же находились и редкие полоски растительности, достаточно крупные, чтобы их можно было рассмотреть и без увеличения масштаба изображения планеты. Других свидетельств человеческой деятельности видно не было, за исключением огней на теневой стороне, которая сменялась каждые девяносто минут. Даже при сильном увеличении населенные пункты было трудно заметить, поскольку они — за исключением столицы — были погружены в почву. Часто дома вообще не поднимались над поверхностью — над ней виднелись разве что антенны на крышах, да посадочные площадки и скромные полоски теплиц. А вот столица...

Именно она и вызвала наибольшую тревогу.

— Когда откроется «окно», соедини нас с Триумвиром Саджаки, — сказала Вольева Хегази, бросив острый взгляд на остальных членов команды, чьи кресла были разбросаны в беспорядке по залу, хотя и недалеко друг от друга. Лица сидящих освещались серым светом, исходившим от голограммы.

— Через пять минут, — ответил ей Хегази. — Еще пять томительных минут, и мы узнаем, какие наслаждения дорогой Саджаки готов разделить с нами, ежели иметь в виду наших новых друзей — колонистов. Ты уверена, что вынесешь муки ожидания?

— Попробуй сам угадать.

— А чего тут гадать? — Хегази усмехался или, вернее, пытался изобразить что-то похожее на улыбку, хотя это было практически невозможно, учитывая слишком большое число химерийских протезов на его лице. — Забавно, но если бы я не знал тебя лучше, то сказал бы, что тебя это все не увлекает.

— Если он не нашел Силвеста...

Хегази предостерегающе поднял руку в рукавице.

— Саджаки еще не сообщил о результате. Нет смысла забегать вперед.

— Значит, ты уверен, что Саджаки найдет Силвеста?

— Пожалуй, нет. Во всяком случае, этого я не говорил.

— Если есть что-то, что я ненавижу, — сказала Вольева, холодно глядя на Триумвира, — так это идиотский оптимизм.

— О, не грусти! Бывают вещи и хуже.

Да, пришлось ей сознаться, бывают. И с раздражающей регулярностью они, видимо, решили случаться с ней! Удивительно только, что недавний водопад несчастных случаев продолжал набирать силу с каждой новой неудачей. Теперь Вольева с тоской вспоминала мелкие неприятности с Нагорным — он пытался всего лишь убить ее. Это наводило на грустные мысли: не придется ли когда-нибудь и сегодняшний день вспоминать с ностальгией по этим спокойным временам.

Неприятности с Нагорным были, конечно, предвестием. Это стало очевидным сейчас, но тогда она рассматривала их как изолированный инцидент. А на самом-то деле это был указатель на нечто худшее в грядущем. Вроде как сердцебиение предвещает скорый инфаркт. Она убила Нагорного, но совершив это, нисколько не продвинулась в выяснении вопроса о том, что именно довело его до безумия. Затем она рекрутировала Хоури, и проблемы не то чтобы стали повторяться — скорее, начали разыгрываться вариациями главной темы этой зловещей симфонии. Хоури явно не была безумной. Пока, во всяком случае. Но она сыграла роль катализатора для худшего и куда менее локального безумия. В ее голове бушует буря, какой Вольева еще не видела. А затем еще инцидент с орудием из Тайника, который чуть не угробил Вольеву, а мог вообще разнести в пыль весь корабль вдобавок к приличному количеству народа на Ресургеме.

— Пришло время давать ответы, Хоури, — сказала она еще до того, как проснулись прочие члены команды.

— Ответы на что, Триумвир?

— Перестань строить целку! — прикрикнула Вольева. — Для этого я слишком устала, а потому знай, что я так или иначе выбью из тебя правду. Во время кризиса с орудием из Тайника ты слишком раскрылась. И если ты думаешь, что я забыла что-нибудь из сказанного тобой, то ты глубоко заблуждаешься.

— О чем это ты?

Они находились в одной из заселенных крысами зон корабля. Здесь, как считала Вольева, подслушивающих устройств Саджаки следовало опасаться не более чем в любой другой зоне корабля — кроме разве что Паучника.

Она толкнула Хоури к стене так, что вышибла у нее из легких почти весь воздух. Пусть знает, что не надо недооценивать силу Вольевой или переоценивать ее терпение.

— Позволь мне кое-что разъяснить тебе, Хоури. Я убила Нагорного — твоего предшественника, так как он обманул мои надежды. Потом я успешно скрыла истину о его гибели от остальной команды. И не воображай, что я не сделаю того же с тобой, если ты дашь мне для этого основания.

Хоури оттолкнулась от стены, на ее щеки вернулся румянец.

— Что именно ты хочешь узнать?

— Начни с того, кто ты такая. В предположении, будто мне известно, что ты — подсадная утка.

— Как же я могу быть подсадной уткой? Ведь меня завербовала ты сама.

— Да, — ответила Вольева, давно продумавшая этот поворот разговора, — так это было обставлено. Те, кто за тобой стоит, сумели так направить мои поиски, чтобы казалось, будто я сама себя выбрала. А на самом деле выбирала совсем не я. — Вольева, конечно, понимала, что прямых доказательств нет, но это была простейшая гипотеза, объясняющая все факты. — Ты собираешься это отрицать?

— Но почему ты думаешь, что я — подсадная утка?

Вольева остановилась закурить сигарету — одну из тех, которые она купила у Стоноров на карусели, где она завербовала — или нашла — Хоури.

— Потому, что ты слишком много знаешь о вооружениях. Кажется, ты и о Похитителе Солнц наслышана. И меня это очень беспокоит.

— Ты сама упомянула о Похитителе Солнц сразу после того, как заманила меня на борт. Разве не помнишь?

— Да, но твое знание идет куда глубже, чем это может быть объяснено информацией, полученной от меня. Если уж по правде, так мне иногда казалось, что обо всей ситуации ты знаешь не меньше меня. — Вольева сделала паузу. — Но есть и кое-что поважнее. Нейронная активность у тебя мозгу, пока ты лежала в глубоком сне. Надо было мне внимательнее изучить имплантаты, с которыми ты к нам заявилась. Они явно не так просты, как кажутся. Так как же ты можешь все это объяснить?

— Ладно... — Голос Хоури зазвучал иначе. Она явно поняла, что дальше отрицать бессмысленно. — Только слушай внимательно, Илиа. Я знаю, что у тебя самой есть кое-какие тайные мыслишки, есть вещи, о которых ты не хочешь говорить Саджаки и другим. Насчет Нагорного я сама догадалась, но есть и еще кое-что, например, связанное с орудиями из Тайника. Я знаю, ты не хочешь, чтобы это стало достоянием всех, иначе бы не тратила столько усилий на заметание следов.

Вольева кивнула, понимая, что отрицать сказанное смысла нет. Может, Хоури кое-что пронюхала и о ее делах с Капитаном?

— Так чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы все, что будет сказано тебе сейчас, осталось бы между нами. Как, разумное предложение?

— Я только что сказала, что могу убить тебя, Хоури. Ты не в том положении, чтобы ставить условия.

— Да, ты можешь меня убить. Или хотя бы попытаться это сделать. Но что бы ты ни говорила, вряд ли тебе удастся скрыть мою смерть так же легко, как смерть Нагорного. Потеря одного артиллериста — несчастный случай. Потерять двоих — это уже безответственность.

Мимо шмыгнула крыса, обрызгав их водой. Вольева швырнула в нее окурком, но крыса уже успела исчезнуть в отверстии стены.

— Значит, я не должна говорить даже то, что ты подсадная утка?

Хоури пожала плечами.

— Делай как знаешь. Но как отнесется к этому Саджаки? По чьей ошибке на корабль проник шпион?

Вольева ответила не сразу.

— Ты это все заранее продумала?

— Я знала, что рано или поздно ты все равно задашь мне кое-какие вопросы, Триумвир.

— Тогда начнем с самого очевидного: кто ты такая и на кого работаешь?

Хоури вздохнула и заговорила, явно сдаваясь:

— Многое из того, что известно обо мне — правда. Я — Ана Хоури, служила солдатом на планете Край Неба... хотя и двадцатью годами раньше, чем думаешь ты. Что же до остального... — Она помолчала. — Знаешь, я бы с удовольствием попила кофейку.

— Кофе нет. Привыкай.

— Ладно. Я нанята экипажем другого корабля. Никаких имен не знаю. Прямого контакта не было, но они уже давно положили глаз на ваше оружие из Тайника.

Вольева затрясла головой.

— Ерунда! О нем не знает никто.

— Это ты так думаешь. Ведь вы же его испытывали? Должны же быть выжившие, свидетели, о которых ты не знаешь. Постепенно поползли слухи, что ваш корабль возит серьезные штуки. Может, достоверно никто ничего не знает, но известно достаточно, чтобы нашлись желающие получить свой кусок пирога.

Вольева молчала. Услышанное ее потрясло, будто она вдруг узнала, что ее самые интимные привычки выставили на всеобщее обозрение. Тем не менее услышанное, надо признать, лежало в пределах возможного. Утечка вполне вероятна. Многие члены команды корабля уходили с него — и не всегда добровольно. И хотя они вроде бы не имели доступа к секретам, особенно к секретам Тайника, но упущения всегда возможны. Или, как сказала Хоури, кто-нибудь видел, как испытывались орудия, остался жив, и пошли слухи.

— Эта другая команда... Ты можешь не знать имена, но ведь должна же ты знать название корабля?

— Нет. С их стороны было бы глупо дать мне информацию, кто они такие.

— Что же тебе тогда известно? Как они намеревались украсть у нас это оружие?

— Вот тут-то и возникает Похититель Солнц. Похититель Солнц — боевой вирус, который им удалось протащить на борт вашего корабля, когда вы в последний раз были в Йеллоустоне. Очень хитрая, быстро адаптирующаяся штучка, результат долгих исследований в области боевого программирования. Разработан с целью проникновения во вражеские установки и ведения психологической

войны против существующих в них субличностей, сводя их с ума путем сублимированного внушения. — Хоури помолчала, давая Вольевой время проглотить наживку. — Но ваша оборона очень прочна. Похититель Солнц ослабел, эта стратегия не удалась. Им пришлось выжидать. Шанс у них появился лишь тогда, когда вы снова вернулись в Йеллоустон, почти столетием позже. Я — это следующая линия атаки: засылка на борт корабля агента-человека.

— Как была осуществлена первая вирусная атака?

— Вирус внедрили через Силвеста. Они знали, что вы хотите доставить его на борт, чтобы вылечить Капитана. Он, не имея об этом представления, протащил сюда вирусную программу, а затем заразил ваши системы, пока находился в медицинском отсеке, ухаживая за Капитаном.

Очень правдоподобная и потому очень тревожная история. Доказательство существования другого столь же хищного и решительного экипажа. Что ж, слишком глупо было бы думать, что только Триумвират Саджаки способен на подобные ухищрения.

— Каковы твои функции?

— Оценить, какой ущерб нанесен Похитителем Солнц вашей мощи. Если возможно, захватить контроль над кораблем. Для этого Ресургем очень хорошо подходит: далек от торговых путей и не находится под контролем сильной политической системы. Если бы захват удался, свидетелей, кроме жалких колонистов, не осталось бы. — Хоури вздохнула. — Но честно тебе скажу: план оказался глубоко и безнадежно дерьмвоым. Программа Похитителя Солнц провалилась. Он слишком опасен и слишком легко адаптируется. Привлек к себе внимание, когда довел Нагорного до безумия. Да и дотянуться-то смог только до одного Нагорного. Затем он принялся за Тайник...

— Одичавшее орудие?

— Ага. Это напугало меня. — Хоури вздрогнула. — Тогда я убедилась, что Похититель слишком силен. И мне никак не взять его под контроль.

Еще несколько дней после этого Вольева продолжала задавать Хоури вопросы, которые позволяли проверить различные аспекты ее истории и сверить их с событиями на борту. Разумеется, Похититель Солнц вполне мог оказаться каким-нибудь вирусом... хотя, конечно, это было нечто более тонкое, оружие куда более изобретательное, нежели

ей когда-либо приходилось слышать за все годы своей работы. Но значило ли это, что такую гипотезу можно отбросить? Нет, разумеется. В конце-то концов известно, что Похититель Солнц существует. История Хоури фактически была первым объяснением, имеющим смысл. Она объясняла, почему попытки вылечить Нагорного не удались. Ведь он сошел с ума не под воздействием тонких эффектов сочетаний имплантатов. Его свело с ума — просто и грубо — существо, которое было создано именно для этой цели. Неудивительно, что оказалось так трудно подойти к решению проблем Нагорного! Конечно, оставался еще беспокоивший ее вопрос о том, почему безумие Нагорного выразилось с такой мощью и почему именно в такой форме (достаточно вспомнить лихорадочные наброски кошмарных птиц и барельефы на его гробе). Но кто знает, не усилил ли Похититель Солнц имевшийся ранее психоз, предоставив подсознанию Нагорного выбрать выражающие его образы?

Таинственную «другую» команду тоже нельзя было сбросить со счетов. Просмотр корабельных журналов показывал, что другой суперсветовик — «Галатея» — находился в районе Йеллоустона во время обоих последних посещений этой планеты кораблем Вольевой. Может быть, это и была команда, ответственная за появление Хоури на борту.

На данный момент это объяснение было не хуже других. Одна вещь очевидна: Хоури совершенно права, сказав, что эту информацию следует утаить от других Триумвиров. Саджаки и в самом деле возложит на нее всю вину за грубое нарушение правил безопасности. Он, конечно, накажет Хоури... но наказание придется понести и Вольевой. Поскольку ее отношения с ним за последнее время стали особенно напряженными, очень возможно, что он решится пойти даже на убийство. В этом он может и преуспеть — у него сил не меньше, чем у нее. Вряд ли его остановит то, что он потеряет своего главного эксперта по вооружению и единственного, который хоть что-то понимает в орудиях из Тайника. Его аргументы, вероятно, будут состоять в том, что она уже продемонстрировала полную некомпетентность в этом отношении. Было и еще кое-что, чего Вольева никак не могла упускать из виду. Что бы ни произошло с тем орудием из Тайника, но именно Хоури спасла ей жизнь.

Как это ни было противно, но своей жизнью Вольева обязана подсадной утке.

Ее единственным решением, когда она беспристрастно рассмотрела ситуацию, было: оставить все, как есть, будто ничего не произошло. Миссия Хоури потерпела крах, теперь о захвате корабля и речи быть не могло. Тайная причина появления этой женщины на борту не имела ничего общего с грядущей попыткой доставить на корабль Силвеста, да и вообще во многих отношениях Хоури была полезным членом команды. Теперь, когда Вольева знает правду и когда первоначальной цели миссии Хоури больше не существует, Хоури, можно сказать с уверенностью, сделает все, что в ее силах, дабы полностью соответствовать своему месту в судовой роли. И вряд ли имеет значение вопрос о том, сработала ли попытка Вольевой привить Хоури чувство лояльности или нет. Все равно Хоури будет вести себя так, будто программа сработала, а со временем притворство станет привычкой, неотличимой от истины. Она даже не захочет покинуть корабль, если такая возможность возникнет. В конечном счете на свете есть места и похуже. Пройдут месяцы или годы субъективного времени, и Хоури станет настоящим членом экипажа, ее прошлое двойственное положение останется секретом, известным только ей да Вольевой. А потом и Вольева все позабудет.

Таким образом, Вольевой скоро удалось убедить себя, что вопрос о подсадной утке решен окончательно. Конечно, проблемой останется Похититель Солнц, но теперь с Вольевой будет работать Хоури, и они вместе скроют это дело от Саджаки. Ведь есть и другие вещи, которые следует скрыть от Триумвира. Вольева поставила перед собой задачу уничтожить любую ниточку, которая могла бы послужить доказательством, что происшествие с орудием из Тайника вообще имело место, и сделать это до того, как Саджаки и другие проснутся. Дело оказалось нелегким. Во-первых, надо было ликвидировать повреждения, нанесенные самому кораблю, зачистив все участки корпуса, которые пострадали при взрыве орудия. Для этого пришлось ускорить системы авторемонта, причем проследить, чтобы все прежние шрамы и впадины от давних столкновений с метеоритами или места с плохой зачисткой были бы восстановлены во всех деталях. Затем Вольева проконтролировала память авторемонтной системы и стерла там всякий намек на проведение подобного рода работ. Ей пришлось отремонтировать и Паучник, хотя ни Саджаки, ни другие даже не подозревали о его существовании. Лучше перестрахо-

ваться, чем раскаиваться потом, хотя ремонт был не из легких. Затем Вольевой пришлось стереть все следы включения программы «Паралич». На все это ушло больше недели.

Труднее всего было скрыть потерю шаттла. Какое-то время Вольева подумывала, не соорудить ли ей новую машину, собрав нужный материал по разным секциям. Для этого потребуется эквивалент примерно одной девяностотысячной массы корабля. Однако такой план был слишком рискован, и кроме того, она сомневалась, удастся ли ей достаточно надежно «состарить» новую машину, то есть добиться, чтобы она выглядела не столь новой и обман не был заметен. Поэтому Вольева приняла более простое решение: подчистила информацию о корабле так, чтобы она показывала на один шаттл меньше, чем их было на самом деле. Саджаки, конечно, мог это заметить. Все могли заметить, но доказать свою правоту они не могли бы. Наконец, Вольева создала новое орудие из Тайника. Разумеется, это был всего лишь макет, подделка, которая должна была громоздиться на прежнем месте и выглядеть устрашающей в тех редких случаях, когда Саджаки заглянет во владения Вольевой. На уничтожение следов происшествия потребовалось шесть дней тяжелой физической работы. На седьмой день она отдыхала, и ей удалось настолько успокоиться, что никто из остальных не догадался, как много ей пришлось потрудиться. На восьмой день Саджаки проснулся и потребовал отчета о том, чем она была занята те годы, пока он пребывал в криогенном сне.

— А! — ответила она. — Ничем таким, о чем хотелось бы написать домой.

Его реакцию — как и многое другое в поведении Саджаки в эти дни — было трудно понять. Даже если ей удастся вывернуться на этот раз, она не имеет права на новые ошибки. И тем не менее, хотя они еще не установили контакта с колонистами, события стали развиваться в том направлении, где она за ними не могла уследить. Ее мысли вернулись к нейтринной «подписи», которую она обнаружила вблизи нейтронной звезды этой системы, потом она подумала о том чувстве тревоги, которое не покидает ее с тех пор. Источник нейтрино все еще остается там, и, хотя он слаб, она изучила его достаточно хорошо. Он находится на орбите нейтронной звезды и вращается не только вокруг нее, но и вокруг того каменного тела величиной с луну,

которое было ее спутником. Конечно, этого источника не было, когда вся система исследовалась несколько десятилетий назад, и это наводило на мысль, что источник нейтрино имел какое-то отношение к колонистам Ресургема. Но как они могли доставить его туда? Ведь, по-видимому, не могли даже искусственные спутники выводить на орбиту, и наверняка не могли бы послать зонд на самую окраину своей системы. Тем более что корабль, который их доставил на Ресургем, вообще пропал. Вольева предполагала увидеть «Лорин» на орбите вокруг планеты, но там его не оказалось. Теперь, что бы ни говорили факты, она таила где-то на задворках мозга мысль, что колонисты все же способны на сюрпризы. Это был еще один камень, увеличивавший гору ее тревог.

— Илиа, — сказал Хегази, — мы почти готовы. Столица выходит из ночной тени.

Вольева кивнула. Корабельные камеры с большой разрешающей способностью, понатыканные на корпусе, сейчас все будут нацелены на точно определенное место в нескольких километрах от границы города и сфокусированы на точке, определенной еще до отбытия Саджаки на поверхность Ресургема. Если он не попал в беду, то сейчас будет ожидать их там, стоя на вершине столовой горы и глядя прямо на встающее солнце. Точность во времени была исключительно важна, но Вольева не сомневалась — Саджаки будет в назначенной точке в назначенное время.

— Я поймал его! — воскликнул Хегази. — Стабилизаторы изображения барахлят...

— Покажи нам.

В глобусе вблизи столицы открылось «окошко», которое стало быстро расширяться. Сначала то, что виднелось в «окошке», было плохо различимо. Какое-то размытое пятно, слегка напоминающее человека, стоящего на скале. Вдруг изображение стало четче, и Саджаки уже можно было распознать. Вместо громоздких адаптивных доспехов, которые Вольева видела на нем в последний раз, Саджаки был одет в серое пальто, длинные полы которого полоскались вокруг ног, обутые в высокие сапоги — на вершине столовой горы гулял ветер. Воротник пальто поднят, чтобы закрыть уши от ветра, но лицо хорошо видно.

Оно совсем не было похоже на обычное лицо Саджаки. Черты его лица немного изменили, подогнав под средний

фенотип, рассчитанный по генетическим профилям всех членов экспедиции, улетевшей с Йеллоустона на Ресургем, и отражавшему преимущественно франко-китайский набор генов этих первопоселенцев. Саджаки не вызвал бы ничего, кроме любопытных взглядов, вздумай он прогуляться в полдень по улицам города. Ни в его внешности, ни в его акценте не было ничего, что могло бы выдать чужака. Лингвистические программы проанализировали с десяток стоноровских диалектов, распространенных среди населения Йеллоустона, и по сложным лексическим моделям рассчитали вероятную эволюцию этих диалектов в единый язык Ресургема. Если бы Саджаки решил вступить в контакт с кем-нибудь из поселенцев, его вид, его легенда и речь убедили бы собеседника, что Саджаки прибыл из какого-нибудь медвежьего угла планеты, а вовсе не из другого мира.

Такова была общая идея.

Саджаки не имел с собой никаких предметов, которые могли бы его выдать, если не считать подкожных имплантатов. Обычные коммуникационные средства типа «земля—орбита» были бы слишком подозрительны и легко обнаруживались, а объяснить их присутствие при задержании было бы трудно. Поэтому сейчас он просто говорил, четко артикулируя слова, по несколько раз повторяя одну и ту же фразу, тогда как корабль своими инфракрасными сенсорами замерял приток и отток крови вблизи рта Саджаки, а затем моделировал соответствующие сокращения мышц и движения челюсти. Затем эти движения сверялись с архивными записями разговоров Саджаки, что давало возможность восстановить произносимые звуки. Конечный этап включал грамматические, синтаксические и семантические модели для слов, которые, вероятнее всего, произносил бы в данной ситуации Саджаки. Система выглядела сложно — и была сложной, но уши Вольевой не улавливали никакого несоответствия между движением губ и синтетическим голосом, который она слышала удивительно ясно и четко.

— Я исхожу из того, что вы меня слышите, — говорил Саджаки. — Для протокола: пусть это будет мой первый рапорт с поверхности Ресургема после моей высадки. Вам придется извинить меня, если иногда я буду отклоняться от главной темы или стану сбиваться. Я не писал доклад заранее, так как это весьма опасно — меня могли бы задержать вместе с ним на выходе из города. Здесь все совсем не так, как мы ожидали.

Это уж точно, подумала Вольева. Колонисты — во всяком случае, часть их, — конечно, узнали о прибытии корабля на орбиту Ресургема. Предположительно с помощью радарного луча, отраженного корпусом корабля. Однако они стремились установить контакт с «Бесконечностью» не больше, чем корабль пытался связаться с колонистами, и это беспокоило Вольеву не меньше источника излучения нейтрино. Такая скрытность говорила о паранойе и о тайных намерениях — не только ее собственных. Но она заставила себя не думать об этом, так как Саджаки продолжал говорить, и она не хотела упустить ни единого слова из его доклада.

— Я могу многое сказать о колонии, — говорил он, — но «окно» может захлопнуться. Поэтому начну с тех новостей, которых вы ждете с нетерпением. Я установил местонахождение Силвеста. Теперь вопрос лишь в том, как его доставить к нам.

Слука с трудом допивала кофе, сидя напротив стоящего Силвеста за разделявшим их продолговатым черным столом. Раннее ресургемское солнце проникало в комнату сквозь наполовину приспущенные жалюзи, бросая яркие полоски на кожу женщины.

— Мне нужно ваше мнение по одному вопросу.

— Гости?

— Соображаете! — Она налила Силвесту чашку и сделала жест рукой в направлении кресла. Силвест сел в него, сиденье опустилось, и теперь он оказался вдруг ниже своей собеседницы.

— Удовлетворите мое любопытство, доктор Силвест, и скажите, что именно вы слышали.

— Я не слышал ничего.

— Тогда и времени вам на рассказ потребуется немного.

Он усмехнулся сквозь туман усталости. Второй раз за этот день его будили тюремщики, и сейчас они притащили его сюда в полусонном состоянии. Он все еще ощущал запах Паскаль, аромат ее тела обволакивал его и заставлял думать о том, спит ли она сейчас в своей камере где-то рядом, в том же Мантеле. Чувство одиночества, которое он испытывал, смягчалось радостной новостью, что она жива и невредима. Ему говорили то же самое и до их встречи, но у него не было оснований считать, что люди Слуки говорят правду. Какую ценность представляет Паскаль для после-

дователей Праведного Пути? Даже меньше, чем он сам. Ему было ясно: сейчас Слука обдумывает вопрос, оставить ли его в живых.

И все же... Что-то изменилось. Ему разрешили встречу с Паскаль, и он был уверен, что эта встреча не последняя. Проистекает ли это из остатков гуманности у Слуки или из чего-то совсем иного? Может, кто-то из них ей скоро понадобится, и она решила, что сейчас самое время возбудить в них чувство признательности щедрой подачкой?

Силвест сделал глоток кофе, и усталость отступила.

— Все, что я слышал, это то, что у нас могут быть гости. Из этого я сделал собственные выводы.

— Которыми, надеюсь, вы поделитесь со мной?

— А может быть, мы сначала поговорим о Паскаль?

Слука поглядела на него поверх чашки, а затем кивнула, как заводная китайская кукла.

— Вы предлагаете свои знания в обмен... на что? Некоторое послабление режима содержания?

— Это было бы, мне кажется, разумно.

— Все зависит от качества ваших рассуждений.

— Рассуждений о чем?

— О том, кем могут быть эти гости. — Слука глянула на блики восходящего солнца. Ее глаза сузились от тусклого красного сияния. — Я ценю ваше мнение, хотя и сама не знаю почему.

— Но сначала скажите мне, что известно вам.

— Дойдем и до этого. — Слука согнала с лица улыбку. — Во-первых, должна вам сказать, что ваше положение не слишком выгодное.

— В каком смысле?

— Кто такие эти люди, если они не команда Ремильо?

Ее реплика означала, что его разговор с Паскаль, а следовательно, и все, что между ними происходило, прослушивались. Эта новость шокировала Силвеста гораздо меньше, чем он мог ожидать. Видимо, он в глубине души, сам того не зная, все время чувствовал, что так оно и есть, хотя и старался подавить подозрения.

— Послушайте, Слука, вы же сами приказали Фолкэндеру упомянуть о гостях, не так ли? Это было мастерски сделано.

— Фолкэндер просто выполнял свою работу. Так кто же они? У Ремильо уже есть опыт торговли с Ресургемом.

Разве разумно с его стороны возвращаться сюда так скоро за вторым куском пирожного?

— Слишком скоро. У него вряд ли хватило времени даже для того, чтобы добраться до какой-то другой системы, не говоря уж о неважных перспективах торговли. — Силвест освободился от мягких объятий кресла и подошел к окну с жалюзи. Через стальную решетку он увидел северные склоны горы, окрашенные в оранжевые тона, похожие на стопку книг, готовых вспыхнуть ярким пламенем. И еще он заметил — небо теперь более голубое. Не красное, как прежде. Значит, из атмосферы удалены мегатонны песчаной пыли, которые заменены водяными парами. А может, это проделка его измененного зрения?

Потрогав стекло, он сказал:

— Ремильо никогда не вернулся бы так скоро. Из всех торгашей он самый ловкий и опасный — за редчайшими исключениями.

— Тогда кто они?

— Те самые исключения.

Слука позвала адъютанта, чтобы он унес кофе. Когда со стола убрали, она снова предложила Силвесту сесть. Затем взяла только что отпечатанный лист бумаги и протянула его Силвесту.

— Информация, которую вы сейчас прочтете, дошла до нас три недели назад от агента на наблюдательной станции в Восточном Некхебете.

Силвест кивнул. Он знал о наблюдательных станциях. Даже настаивал на создании этих небольших обсерваторий, разбросанных по всему Ресургему, чтобы вести наблюдения за звездами в поисках аномальных излучений.

Чтение для Силвеста было не легче расшифровки амарантянских текстов. Ему приходилось собирать слова по буквам, пока их смысл, наконец, не достигал мозга. Кэл знал о процессе чтения не так уж много и свел дело к механическому процессу — глаз движется вдоль строчки, собирая слова. Он ввел специальное устройство, чтобы «глаза» Силвеста могли выполнять такую работу, но Фолкэндер не сумел восстановить столь сложную механику.

Впрочем, смысл документа Силвест уяснил.

Исследовательская станция в Восточном Некхебете зарегистрировала энергетическую пульсацию, гораздо более яркую, нежели что-либо виденное раньше. Если коротко, то вспышка была такова, что вызвала опасения, не собира-

ется ли Дельта Павлина повторить тот же процесс, который в свое время уничтожил амарантян — колоссальный корональный выброс, известный, как Событие. Более тщательные наблюдения показали, что вспышка исходила не от звезды, но от чего-то, отстоявшего от нее на несколько световых часов и расположенное на самой окраине Системы. Спектральный гамма-анализ вспышки выявил небольшой, но вполне измеримый эффект Допплера в несколько процентов от скорости света. Вывод очевиден — вспышка связана с космическим кораблем на последнем этапе сброса межзвездной ходовой скорости.

— Что-то случилось, — сказал Силвест, спокойно принимая новость о появлении космического корабля. — Какая-то авария двигателя.

— У нас тоже возникла такая мысль. — Слука постучала ногтем по бумаге. — Однако через пару дней мы поняли, что дело не в этом. Эта штука все еще там — излучение слабое, но ошибки быть не может.

— Значит, корабль пережил взрыв?

— Или что-то иное. Но к тому времени мы уже смогли наблюдать голубоватый след выхлопов. Сброс скорости идет нормально, будто никакого взрыва и вовсе не было.

— У вас есть гипотеза на этот счет, не так ли?

— Половинка гипотезы. Мы думаем, что взрыв обязан своим происхождением испытанию оружия. Какого — неизвестно. Ничто другое не могло выделить такое количество энергии.

— Оружие? — Силвест пытался не выдать своего волнения, он хотел, чтобы вопрос прозвучал лишь как возглас удивления, чтобы все прочие эмоции, которые он чувствовал, были бы изгнаны, хотя сам ощущал лишь одну — чистый ужас.

— Странно, верно?

Силвест наклонился вперед. По его спине пробежала холодная дрожь.

— Эти гости, кто бы они ни были — я полагаю, что они понимают нашу ситуацию.

— Вы имеете в виду политическую ситуацию? Вряд ли.

— Но они могли попытаться установить контакт с Кювье.

— Вот то-то и странно. От них ничего не слышно. Даже писка.

— А кому все это известно?

Его голос прервался. Даже он сам не услышал ни звука — будто горло перехватило.

— Знают не более двадцати человек во всей колонии. Специалисты из обсерватории, дюжина наших — здесь, и еще некоторое их количество — в Ресургем-Сити. Иначе говоря, в Кювье.

— Это не Ремильо.

Слука положила бумажку на стол, ее опасное содержание тут же исчезло — как бы испарилось.

— У вас есть соображения, кто это может быть?

Силвест хотел бы знать, не выдает ли его смех, насколько близок он был к истерике.

— Если я прав, а я ошибаюсь не так уж часто, то это не просто дурная новость для меня. Это дурная новость для нас всех.

— Продолжайте.

— Долгая история.

Слука только плечом передернула.

— А мне спешить некуда. Да и вам тоже.

— Во всяком случае, сейчас. Это уж точно.

— Что?

— Это просто мои личные подозрения.

— Хватит играть в дурацкие игры, Силвест!

Он кивнул, понимая, что сейчас нет никакого смысла что-либо утаивать. Этим своим самым глубоким страхом он уже поделился с Паскаль, так что Слуке осталось услышать лишь заполнение некоторых пробелов в его истории и узнать о вещах, которые ускользнули от нее при подслушивании. Если он будет сопротивляться, Слука все равно найдет способ выяснить все, что ей нужно — или от него, или — что хуже — от Паскаль.

— Это очень старая история, — начал он. — Она уходит во времена, когда я только что вернулся на Йеллоустон от Странников. Вы помните, что тогда мне пришлось исчезнуть на некоторое время, не правда ли?

— Но вы же всегда говорили, что тогда ничего не произошло!

— Я был похищен Ультра, — сказал Силвест, не желая замечать ее реакции. — Взят на борт суперсветовика, крутившегося на орбите Йеллоустона. Один из команды был покалечен, и они хотели, чтобы я его... «отремонтировал». Полагаю, это правильный термин.

— Отремонтировал?

— Капитан стал почти химерийцем.

Слука вздрогнула. Было ясно, что она — как и большинство колонистов — имела мало опыта в общении с радикально измененными членами сообщества Ультра, так как видела их лишь в теледрамах.

— Это были не совсем обычные Ультра, — продолжал Силвест, не видя причин, почему бы ему не поиграть на нервах Слуки. — Они слишком долго болтались в космосе, слишком долго были оторваны от того, что мы называем нормальным человеческим обществом. Даже по стандартам Ультра они были слишком параноидальны, слишком воинственны.

— Но даже в этом случае...

— Я понимаю, о чем вы думаете: раз они являются отбросами какой-то чуждой и далекой нам культуры, то какими же негодяями должны они быть? — Силвест подавил презрительную улыбку и покачал головой. — Именно так и я думал в те дни. Потом я узнал их лучше.

— Например?

— Вот вы упоминали об оружии. У них оно было. У них были орудия, с помощью которых можно легко уничтожить такую планету, как эта.

— Но ведь не станут же они это делать без причины?

Силвест улыбнулся.

— Мы узнаем это, когда они доберутся до Ресургема.

— Да... — Слука с трудом выдавила это слово. — Фактически они уже здесь. Взрыв имел место три недели назад, но... хм... его значение не было очевидно некоторое время. А пока суд да дело... они сбросили скорость и вышли на орбиту Ресургема.

Силвесту потребовалось какое-то время, чтобы вернуть себе способность дышать. Он гадал, насколько намеренно выдала Слука эту новость. То ли она случайно раньше позабыла сообщить об этой детали, то ли сохранила ее в запасе умышленно, чтобы повергнуть его — Силвеста — в состояние полной дезориентации. Если верно последнее предположение, то оно сработало безукоризненно.

— Подождите, — воскликнул Силвест, — вы только что сказали, что об этом известно лишь немногим. Но разве можно не заметить суперсветовик на орбите?

— Гораздо легче, чем вы полагаете. Их корабль — самый темный объект в Системе. Все его излучения находятся преимущественно в инфракрасной зоне спектра — конечно, так оно и должно быть, но кроме того, он, по-види-

мому, изменил их с тем, чтобы они соответствовали спектру нашего атмосферного водяного пара. Поэтому его излучение не доходит до поверхности. Если бы последние двадцать лет мы не накачивали воду в атмосферу... — Слука с горечью покачала головой. — Ладно, не имеет значения. Во всяком случае, сейчас на небо никто особого внимания не обращает. Они могли прилететь, зажечь неоновые вывески и никто бы их не заметил.

— Но вместо этого они даже не оповестили о своем прибытии.

— Хуже. Они приняли все меры, чтобы скрыть, что они уже тут. Если бы не тот проклятый взрыв... — Слука замолчала и поглядела в окно, но сейчас же вновь переключилась на Силвеста. — Если это те люди, о которых вы говорили, то вы должны знать, что им здесь нужно!

— Это-то совершенно ясно, как мне кажется. Им нужен я.

Вольева внимательно выслушала остальную часть доклада Саджаки с поверхности Ресургема.

— До Йеллоустона почти никакой информации с Ресургема не доходило, причем после первого мятежа ее количество резко уменьшилось. Теперь мы знаем, что Силвест пережил тот мятеж, но через десять лет был свергнут в результате нового восстания. Это было десять лет назад. Его посадили в тюрьму, но со всеми удобствами, должен заметить, которые оплачивались новым режимом, так как тот видел в Силвесте важное политическое орудие. Такая ситуация нас очень устроила бы, ибо вычислить местоположение Силвеста было бы просто. Мы оказались бы в очень удобной позиции для переговоров с людьми, которые, возможно, стали бы возражать против передачи его нам. Сейчас, однако, ситуация стала гораздо сложнее.

Саджаки помолчал, и Вольева заметила, что он слегка повернулся, отчего пейзаж за его спиной чуточку изменился. Дело в том, что их угол обзора менялся в связи с переменой положения корабля над головой Саджаки, но последнему это было известно, и он поворачивался так, чтобы его лицо все время было хорошо видно с корабля. Для зрителя, стоящего на соседней возвышенности, Саджаки являл бы странное зрелище — молчаливая фигура смотрит на горизонт, шепчет непонятные молитвы и медленно поворачивается на каблуках с точностью часовой стрелки. Никто бы

не догадался, что у этого человека односторонняя связь с космическим кораблем, вращающимся на орбите, а вовсе не галлюцинации безумца.

— Как мы установили, оказавшись на расстоянии зрительной связи с планетой, ее столица — Кювье — пострадала от сильных множественных взрывов. Насколько нам удалось установить, эти события случились сравнительно недавно по колониальному времени. Мои исследования говорят, что произошел еще один переворот — когда и было задействовано мощное оружие — примерно восемь месяцев назад. Переворот удался не полностью. Прежний режим все еще контролирует развалины Кювье, хотя его лидер — некий Жирардо — был убит во время беспорядков. Движение Праведный Путь — нападающая сторона — контролирует большинство периферийных поселений, но между лидерами нет согласия, и возможны столкновения между отдельными группами. За неделю, которую я тут провел, имели место девять атак на город, и кое-кто из жителей поговаривает о саботаже. Агенты Праведного Пути, видимо, работают и среди руин. — Саджаки сделал паузу, чтобы собраться с мыслями, и Вольева подумала: а не ощущает ли он симпатии к этим саботажникам? Если да, то указаний на это в его голосе — никаких.

— Что касается моих действий, то самым первым был приказ скафандру разобраться на части. Конечно, соблазнительно было добраться до Кювье прямо в нем, но риск показался мне слишком большим. И все же путешествие оказалось легче, чем я опасался. Мне удалось присоединиться к группе прокладчиков труб, возвращавшейся с севера, и я воспользовался этим как предлогом для посещения Кювье. Сначала они держались настороженно, но водка соблазнила их, и они взяли меня в свою машину. Я сказал, что водку гнали в Фениксе — поселке, из которого якобы происхожу я сам. О Фениксе они ничего не слыхали, зато водке ужасно обрадовались.

Вольева кивнула. Водка, а также чемоданчик, набитый всякими сувенирами, были изготовлены на борту корабля перед отправкой Саджаки на Ресургем.

— Население живет сейчас преимущественно под землей в катакомбах, вырытых еще шестьдесят лет назад. Конечно, сейчас атмосферный воздух более или менее доведен до состояния, когда им можно дышать, но заверяю вас, это занятие доставляет мало удовольствия, и ты постоянно

чувствуешь себя как перед приступом удушья. Чтобы добраться до этой горы пешком, мне пришлось затратить значительные усилия.

Вольева про себя усмехнулась. Если уж Саджаки признается в пережитых трудностях, значит, его поход был настоящей пыткой.

— Говорят, что Праведный Путь имеет доступ к марсианской генетической технологии, — продолжал он, — которая облегчает дыхание в такой атмосфере, но я особых достижений в этом плане не видел. Мои приятели — трубопрокладчики — помогли мне получить комнату в общежитии, где живут горняки из окрестностей, и она полностью совпадает с моей легендой. Я не стал бы называть здешнюю обстановку и удобства блестящими, но моим целям они соответствуют, ибо цели эти — сбор информации. В процессе ее сбора я получил много сведений — противоречивых и весьма туманных.

Саджаки уже почти замкнул круг, по которому вращался. Солнце теперь находилось за его правым плечом, что сильно мешало считывать слова с его губ. Корабль, конечно, полностью переключился на инфракрасный спектр и теперь ориентировался только на изменения кровообращения в коже лица Саджаки.

— Очевидцы говорят, что Силвесту и его жене удалось избежать смерти, когда был убит Жирардо, но после этого их никто не видел. Это случилось восемь месяцев назад. Люди, с которыми я разговаривал, и кое-какие собранные мной данные привели меня к заключению: Силвест находится у кого-то в плену, но на этот раз его держат вне города, возможно, в одной из ячеек Праведного Пути.

Теперь Вольева насторожилась. Она прекрасно понимала, куда все это ведет. В таких случаях всегда чувствовалось дыхание неизбежности. Отличие нынешней ситуации от прежних заключалось в том, что неизбежность была связана с тем, что она знала о Саджаки, а не том человеке, которого он искал.

— Видимо, вести переговоры с официальными властями, кто бы они ни были, дело бесполезное, — продолжал Саджаки. — Я сомневаюсь, что они отдали бы нам Силвеста, даже если бы захотели, что тоже сомнительно. А это оставляет нам, к несчастью, только одну возможность.

Вольева напряглась. Вот оно!

— Мы должны создать ситуацию, когда передача нам Силвеста окажется в интересах всей колонии. — Саджаки

улыбнулся, белые зубы ярко сверкнули на фоне темного лица. — Излишне упоминать, что я уже начал закладывать фундамент для подобных действий. — Теперь Саджаки прямо обращался к Вольевой, в том не было сомнений. — Вольева, ты можешь заняться необходимыми формальностями, согласно собственному разумению.

В обычной обстановке Вольева могла бы ощутить чувство удовлетворенного самолюбия, ибо точно вычислила намерения Саджаки. Но не сейчас. Она чувствовала только медленно наползающий ужас осознания того, что после всего, что уже было когда-то, Саджаки вновь намерен заставить ее проделать то же самое. И худшей компонентой ее страха было понимание: она наверняка выполнит то, чего он от нее ждет.

— Давай, — сказала Вольева. — Он не кусается.

— Я знакома со скафандрами, Триумвир. — Хоури помешкала, а затем ступила в белизну комнаты. — Просто не думала, что снова их увижу. Уж не говоря о том, чтобы снова напяливать на себя эту дрянь.

Четыре скафандра стояли прислонившись к стене удручающе белого складского помещения, шестью палубами ниже капитанского мостика, рядом с помещениями, предназначенными для грядущих тренировок.

— Нет, вы только послушайте ее, — сказала одна из присутствовавших женщин. — Треплется, будто ей предстоит нечто большее, нежели натянуть на себя эту проклятущую штуковину на несколько минут. Ты же вряд ли отправишься с нами вниз, Хоури, так что нечего тебе заранее писать на пол.

— Благодарю за совет, Суджика. Обязательно постараюсь запомнить.

Суджика передернула плечами — очевидно, не желала тратить эмоции на фырканье — и подошла к предназначенному ей скафандру. За ней последовала и ее подружка — Сула Кжарваль. Приготовившиеся принять своих будущих обитателей, скафандры напоминали лягушек, из которых выпустили кровь, выпотрошили, изрезали, растянули и пришпилили к вертикальной доске. По своим нынешним конфигурациям скафандры имели антропоморфный вид с подчеркнуто длинными ногами и распростертыми для объятия руками. На руках отсутствовали пальцы, да и кистей, собственно говоря, не было — просто нечто ластообразное, хотя по приказу своего

«обитателя» скафандры могли быстро отрастить любые манипуляторы, в том числе и пальцы.

Хоури, как она и говорила, действительно была знакома со скафандрами. Правда, на Краю Неба они попадались редко, их завозили с других планет, покупали у торгашей Ультра, залетавших к разрываемой войнами планете. На Краю Неба не было достаточно хороших мастеров, чтобы воспроизводить эти изделия, а потому скафандры в той армии, где служила Хоури, стоили фантастических денег — могущественные тотемы, ниспосланные самими богами.

Скафандр просканировал Хоури, снимая размеры, чтобы адаптироваться к ее фигуре. Хоури стояла на месте, когда скафандр шагнул вперед и принял ее внутрь себя — мелькнула и погасла вспышка клаустрофобии. Уже через несколько секунд скафандр плотно застегнулся и наполнился гель-воздухом, что давало возможность совершать такие движения, которые иначе раздавили бы «обитателя». Скафандр расспросил Хоури о тех незначительных изменениях, которые она пожелала бы сделать для подгонки оружия и регулировки автономных систем скафандра. Конечно, никакие виды оружия, кроме самых легких, в зале №2 развернуты не будут. Сценарии боевых действий, которые здесь будут испытываться, — довольно безобидная смесь реальных физических акций и смоделированных действий, касающихся применения тяжелого вооружения. Впрочем, существовало одно условие. Каждый аспект тренировки должен был восприниматься с полной серьезностью, в том числе использование безграничных возможностей индивидуальной подгонки оружия, которыми обладали скафандры, для обезвреживания врага, имевшего несчастье попасть в сферу их действия.

Их было трое, не считая Хоури. Впрочем, ее всерьез и не рассматривали в качестве участника десанта на поверхность планеты. Командиром была Вольева. Хотя в ее беседах с Хоури и проскакивали намеки, что она родилась в космосе, Вольева нередко высаживалась на различные планеты и приобрела нужные, почти инстинктивные рефлексы, увеличивавшие шансы выживания на поверхности. Среди этих рефлексов было и глубочайшее уважение к законам тяготения. То же самое можно было сказать и о Суджике. Она родилась либо на обитаемой станции, либо в суперсветовике, но посетила достаточно миров, чтобы обрести легкость движений на суше. Ее хрупкость, подобная

обманчивой хрупкости клинка, придававшая ей такой вид, будто на большой планете она и шагу не ступит, не поломав себе все кости, ничуть не обманывала Хоури. Суджика была как здание, сооруженное отличным архитектором, прекрасно знающим, какие напряжения надлежит перенести его творению, и испытавшим высокое наслаждение, придавая этому зданию изысканную легкость и красоту. Кжарваль — женщина, всегда сопровождавшая Суджику, — была совершенно иной. В отличие от подруги в ней, казалось, было мало чего от химерийцев. Все ее члены были натуральными, но в тоже время в ней не чувствовалось ничего человеческого. Лицо — плоское и гладкое, будто оптимизированное для пребывания в водной среде неизвестной планеты. Кошачьи глаза походили на красные шарики, лишенные зрачков. Ноздри напоминали жаберные отверстия, а рот — невыразительный прямой разрез. Он почти не двигался, когда женщина говорила, но частенько кривился, придавая лицу выражение некоторой экзальтации. Она не носила одежды, но даже в прохладе склада не казалась Хоури нагой. Скорее это была голая женщина, облаченная в какой-то гибкий и быстро сохнущий полимер. Настоящая Ультра, другими словами, продукт неизвестного, но явно не дарвиновского происхождения. Хоури слышала истории о результатах биоинженерных работ по выведению особых человеческих линий, полученных где-то подо льдами таких планет, как Европа, или о водяных людях, биологически приспособленных к жизни в космических кораблях, заполненных водой. Сула казалась ей живым гибридом этих сказок и мифов. Но вообще-то она с тем же успехом могла быть и чем-то совершенно иным. Может быть, все эти трансформации она произвела из прихоти. Может быть, в них не было никакого смысла, а может, они служили прикрытием для какой-то более глубокой цели, например, чтобы замаскировать совершенно другое существо. Но как бы там ни было, она знавала другие миры, и сейчас это имело существенное значение.

Саджаки тоже знал уйму миров, но сейчас он находился на Ресургеме, и было неясно, какую же роль он должен будет сыграть в освобождении Силвеста, когда (или если) оно произойдет. О Триумвире Хегази Хоури знала мало, но по отдельным репликам составила впечатление, что этот человек никогда не ставил ногу ни на что, что не было бы не искусственным. Неудивительно, что Саджаки и Вольева

отвели Триумвиру Хегази преимущественно обязанности тылового обеспечения. Ему не надо было — да он и не хотел — спускаться на почву Ресургема, даже если бы это стало возможным.

Оставалась сама Хоури. Ее опыт не вызывал сомнений. В отличие от других членов команды, она родилась и воспитывалась на планете и, что еще важнее, вела на ней боевые действия. Вполне вероятно, ничто не вызывало в этом сомнений, что войны на Краю Неба ставили Хоури в ситуации куда более сложные, чем те, в которые случалось попадать другим членам команды. Их походы сводились к закупкам товаров, заключению торговых сделок или просто туризму, если не к наблюдениям за жизнью людей-эфемерид. Хоури же выглядела бывалым солдатом, попадавшим в переделки, где не трудно было и жизнь потерять. И все же ей везло — она вышла из всех сражений практически без царапин.

С этим никто на корабле не спорил.

— Но это не то, к чему я тебя готовила, — сказала ей Вольева спустя некоторое время после инцидента с орудием из Тайника. — Совсем не то. Я не сомневаюсь, что ты справишься со скафандром не хуже любой из нас, что ты вряд ли струсишь под огнем противника.

— Хорошо, но тогда...

— Я не могу снова рисковать жизнью моего артиллериста. — Они разговаривали в Паучнике, но Вольева все равно понижала голос. — Чтобы идти на поверхность Ресургема, нужны лишь три человека, а это значит, что в тебе необходимости нет. Не только я, но и Суджика, и Кжарваль умеют обращаться со скафандрами. Фактически мы уже приступили к тренировкам.

— Тогда разреши мне хоть в них участвовать.

Вольева подняла руку, явно намереваясь отказать и в этой просьбе, но тут же передумала.

— Ладно, Хоури. Будешь тренироваться с нами. Только это ничего не меняет.

О да, это она понимала. Между Вольевой и Хоури теперь сложились совсем другие отношения — такие, какими они стали после того, как Хоури выдала ей басню, что она — Хоури — подсадная утка другой команды. Мадемуазель уже давно подготовила ее к той миленькой беседе, и это сработало отлично, вплоть до намека на «Галатею», которая, будучи совершенно ни при чем, была расчетливо

даже не названа по имени, чтобы Вольева могла сделать вывод сама и получить от этого процесса определенное удовлетворение. Это была хитрая приманка, но важно было одно — Вольева ее заглотала. Вольева приняла и сказочку насчет Похитителя Солнц — что он часть разработанной людьми программы проникновения в тыл противника, — так что на данный момент ее любопытство было вполне удовлетворено. Теперь они с Вольевой равны, у обеих есть что прятать от остальных членов команды, хотя то, что Вольева думает о Хоури, весьма далеко от истины.

— Я поняла, — сказала Хоури.

— Хотя оно и обидно, — усмехнулась Вольева. — У меня ведь такое впечатление, что тебе всегда хотелось встретиться с Силвестом. Конечно, у тебя будет такой шанс, когда мы вернемся на борт...

Хоури улыбнулась.

— Ну, до этого нам еще идти и идти, верно?

Зал №2 был двойником того зала, где стояли орудия из Тайника, но в отличие от него, не содержал ничего, кроме пустоты. Давление в нем поддерживалось выше одной стандартной атмосферы. В этом не было ничего особенного — он представлял собой самый большой резервуар годного для дыхания воздуха на борту корабля, и по этой причине использовался для подачи воздуха в те отсеки, где обычно был вакуум, когда в них почему-либо требовалось войти без скафандров.

Обычно здесь поддерживалась сила тяжести, соответствующая одному *g*, которая обеспечивалась тягой корабля или вращением цилиндрического зала вокруг своей продольной оси. Сейчас тяга отсутствовала — корабль крутился на орбите вокруг Ресургема, так что сила тяжести вырабатывалась только вращением зала и была направлена в направлении от продольной оси к стенам этого огромного цилиндра. В центре зала сила тяжести отсутствовала, предметы свободно зависали в воздухе на несколько минут, пока какой-либо толчок не уводил их в сторону. А потом их уносило все дальше и дальше, все ниже и ниже. При этом ничто в зале не падало по прямой, во всяком случае, с точки зрения наблюдателя, стоящего на вращающейся стенке барабана.

Они вошли в зал через стальную дверь, вделанную в торцевую стену. Дверь в то же мгновение захлопнулась. Ее

внутренняя поверхность была покрыта ожогами и вмятинами от действия различных видов оружия. Точно такие же следы обнаружились и на всех стенах зала. Насколько могла видеть Хоури (а видеть она могла на любое расстояние, благодаря видеосистемам скафандра), на оболочке зала не было ни одного квадратного метра, который не был бы не обожжен, исцарапан, измочален, истыкан, измолочен, оплавлен или корродирован каким-нибудь видом оружия. Вероятно, некогда стены были серебристыми, теперь же стали почти красными, что тоже указывало на огромное количество полученных ими ранений. Освещение зала исходило не от стационарных источников света, а от свободно плавающих управляемых устройств, каждое из которых выбирало какой-то участок стены и заливало его ярким безжизненным светом. Устройства непрерывно перемещались подобно рою испуганных светляков. В результате ни одна тень в зале не оставалась неподвижной более нескольких секунд, и было невозможно смотреть в каком-либо направлении без того, чтобы через мгновение не оказаться залитым ослепительным светом, смазывавшим все детали и тени.

— Ты уверена, что справишься? — спросила Суджика, когда дверь плотно захлопнулась за ними. — Остерегайся нанести скафандру ущерб. Слыхала поговорку: испортишь один, купишь другой. Таково правило.

— Ты лучше заботься о собственном, — огрызнулась Хоури. Затем она переключилась на личный канал, чтобы ее могла слышать одна Суджика. — Возможно, мне только кажется, но у меня сложилось впечатление, что ты не слишком меня любишь?

— Это почему же ты вообразила такое?

— Думаю, что это дело каким-то образом упирается в Нагорного, — сказала Хоури и замолкла. Ей пришло в голову, что личные каналы фактически таковыми не являются, но с другой стороны, она ведь не собиралась говорить ничего такого, что не было известно любому возможному слушателю. Особенно Вольевой. — Не знаю, что с ним случилось, за исключением того, что ты с ним была очень близка.

— Близка — не то слово, Хоури.

— Ладно, пусть вы были любовниками. Я не хотела так говорить, боялась обидеть тебя.

— А ты не бойся меня обидеть, девочка. Все было так давно.

Их прервал голос Вольевой:

— Оттолкнуться и спуститься к стене зала, всем троим!

Они повиновались, используя свои скафандры в режиме небольшого усиления, чтобы оттолкнуться от плит, образующих заднюю стенку цилиндра. С того момента, как они вошли в зал, они находились в состоянии невесомости, но чем ближе было к полу-потолку, тем больше росла центробежная сила, и появилось ощущение веса. Изменение было небольшим — гель-воздух сглаживал его, — но все же создалось ощущение верха и низа.

— Я поняла, за что ты меня терпеть не можешь, — продолжила разговор Хоури.

— Уж это точно.

— Я заняла его место. Выполняю его роль. После... того что с ним случилось, тебе приходится иметь дело со мной. — Хоури старалась, чтобы ее голос звучал убедительно, как будто все сказанное она не принимает близко к сердцу. — Если бы я была на твоем месте, думаю, что чувствовала бы то же самое. Я тебе вовсе не враг, Суджика.

— Не следует обманываться.

— В чем?

— В том, что ты понимаешь хоть одну десятую того, что здесь происходит. — Теперь скафандр Суджики находился почти рядом со скафандром Хоури. Их белая бесшовная броня должна была вот-вот врезаться в израненную стену зала. Хоури видела когда-то изображения сказочных белых китов, которые живут или жили в далеком прошлом на Земле. — Слушай, — сказала Суджика, — ты думаешь, я такая дура, что ненавижу тебя за то, что ты заняла пустующее место Бориса? Не унижай меня, Хоури.

— Поверь, это совсем не входит в мои намерения.

— Если я ненавижу тебя, то по очень веской причине. Потому, что ты принадлежишь ей! — Она выплюнула последнее слово, как сгусток чистой ненависти. — Вольевой! Ты ее игрушка. Я ненавижу ее, а поэтому, естественно, мне отвратительно все, что с ней связано. Особенно то, что она ценит. И конечно, если бы мне удалось нанести ущерб какой-нибудь ее собственности, уж не думаешь ли ты, что я бы этим не воспользовалась?

— Я никому не принадлежу, — ответила Хоури. — Ни Вольевой, ни кому другому. — Тут же она обозлилась на себя, что так активно оправдывается, и вспыхнула непри-

язнь к Суджике, которая ее на это спровоцировала. — И вообще это не твое дело! Знаешь что, Суджика?

— Умираю от желания узнать.

— Из того, что я слышала, Борис был не самым здравомыслящим из обитателей вселенной. И еще я думаю, что Вольева не столько довела его до безумия, сколько просто попыталась использовать его психическую неустойчивость в своих целях. — Она позволила своему скафандру слегка замедлить полет и первой мягко коснулась ногой шероховатой стены. — Но это дело у нее не получилось. А задумано было здорово. Может быть, вы с Нагорным стоите друг друга?

— Может оно и так, но...

— Что?

— Я не обязана притворяться, будто мне нравится все, что ты мне говоришь, Хоури. Факт, что если бы мы не входили в одну команду и не таскали на себе скафандры, то я с удовольствием показала бы тебе, как я умею ломать шеи. Впрочем, такая возможность мне еще может представиться в самом недалеком будущем. Однако должна тебе кое в чем признаться. У тебя есть мужество. Обычно ее куколки теряют его быстро. Впрочем, иногда она сама поджаривает их себе на обед еще раньше.

— Ты хочешь сказать, что судила обо мне несправедливо? Извини, если не услышишь от меня слов благодарности.

— Я хочу сказать, что ты, может быть, не настолько ей принадлежишь, как она думает. — Суджика рассмеялась. — Это не комплимент, девочка, а всего лишь констатация. И тебе может не поздоровиться, когда она это поймет. Кстати, это вовсе не значит, что я вычеркнула тебя из своего списка сволочей.

Хоури нашла бы, что ответить, но все, что было у нее на языке, утонуло в голосе Вольевой, которая обратилась к ним по общему каналу со своего наблюдательного пункта, находившегося где-то в середине зала.

— В следующем упражнении особых правил нет, — сказала она. — Во всяком случае, таких, которые были бы вам известны. Ваша задача — оставаться в живых до тех пор, пока не будет дан отбой. Вот и все. Начинаем через десять секунд. Пока будет продолжаться это упражнение, я для вас недоступна и вопросов не принимаю.

Хоури выслушала все без особой тревоги. На Краю Неба тренировки без правил случались часто, да и в Оружейной —

тоже. Смысл их заключался в том, что глубинная «изюминка» сценария была так замаскирована, что получалось как бы упражнение в состоянии дезориентации, хаоса, который может сопровождать провал операции.

Началась разминка. Вольева наблюдала за ними с высоты, а в это время из замаскированных люков на них поперли автоматические цели. Эти цели не представляли собой ничего особенного, во всяком случае, сначала. В начале игры скафандры пользовались относительной автономией в обнаружении и выборе целей. Они проделывали все это раньше, чем сидевшие в них люди, так что все, что оставалось на долю «владельцев», это принять решение об уничтожении «противника». Потом цели вдруг перестали быть пассивными, принялись палить в ответ, не так чтобы очень метко, но зато непрерывно наращивая темп и частоту огня, так что даже их бесприцельная пальба стала опасной. И сами цели стали мельче, проворнее и выскакивали из люков быстрее и чаще. Вслед за ростом угрозы скафандры женщин стали терять многие свои функциональные достоинства. На шестом или седьмом раунде их способность к автономным действиям заметно упала, сенсорные сети, которые каждый скафандр намотал на себя, рвались, так что бойцам приходилось все больше полагаться на собственное зрение. Но хотя трудность упражнения и росла, Хоури, которой уже приходилось видеть подобные сценарии, стала действовать хладнокровнее и расчетливее. Надо было лишь хорошо помнить, насколько сохранился запас функциональной пригодности скафандра. Ведь у них еще было оружие, энергия и умение летать.

На начальной стадии упражнения три женщины не поддерживали между собой связи — они настроились на то, чтобы выявить свои собственные умственные пределы. Это было для них чем-то вроде второго дыхания, или того состояния стабильности, которое наступает тогда, когда перейдены рубежи обычного напряжения. Войти в такое состояние было равнозначно вхождению в транс. Существовали определенные возможности концентрации, ресурсы сил, которые можно было ввести в действие, что-то вроде чтения мантр, позволяющего достигнуть состояния медитации. Все это никак не было делом желания — пожелал, и вот ты уже там! Скорее это походило на тяжелый подъем на какую-то почти недоступную высоту. Но когда ты ее одолел и, если надо, взобрался еще чуточку выше, ты вдруг

обнаруживаешь, что твои движения стали более плавными, а недоступная высота уже не кажется тебе такой трудной и высокой. Но ты бы ее не покорил никогда, если бы не прибег к могучему ментальному напряжению!

Именно на подходе к такому состоянию Хоури почудилось, что она видит Мадемуазель.

Это не было отчетливое видение. Просто на периферии чувств возникло впечатление, что — мгновенно — мелькнуло некое тело, чуждое этому залу и что оно могло бы принадлежать Мадемуазель. Ощущение исчезло так же быстро, как и появилось.

Могла ли это быть она?

Хоури не видела Мадемуазель со времени инцидента в Оружейной. Последнее обращение Мадемуазель к Хоури было оскорбительнее, чем когда-либо. Случилось это после того, как Хоури помогла Вольевой прикончить орудие из Тайника. Мадемуазель тогда предупредила ее: оставаясь в Оружейной так долго, Хоури привлечет к себе внимание Похитителя Солнц. И в самом деле, в момент, когда Хоури захотела покинуть сферу мозга Оружейной, она ощутила, как Нечто бросилось к ней. Ей померещилось, что на нее несется непрерывно растущая Тень, но она ничего не ощутила, когда, как ей показалось, эта Тень обволокла ее. Было похоже, что в Тени вдруг образовалась дыра, и Хоури проскочила сквозь нее не пойманной. Впрочем, Хоури сомневалась, что все произошло именно так. Правда, весьма возможно, была куда хуже. Хоури крайне не хотелось рассматривать возможность того, что Тенью был Похититель Солнц, но полностью игнорировать ее было нельзя. А принять такое за данность — значило согласиться, что Похититель Солнц умудрился перенести в ее мозг еще больший кусок самого себя!

Знание даже того, что там уже находится небольшая частичка этой твари, занесенная туда «псами» Мадемуазель, и то была непомерным грузом для Хоури. Но эта частичка все же была под контролем. Мадемуазель могла сдерживать ее. Теперь же Хоури пришлось принять к сведению, что до нее сумела добраться куда большая часть Похитителя Солнц. И именно с тех пор ее покинула Мадемуазель, которой не было видно, пока бестелесный и почти невидимый призрак ее, которого, возможно, и вообще-то не было, не промелькнул перед глазами Хоури в боевом зале. Слабый фрагмент ее воображения. Нечто, что нормальный человек счел бы за игру света где-то за гранью поля зрения.

Если это была она... Что могло это означать после столь долгого перерыва?

Кончилась первая фаза упражнений. Хоури, Суджика и Кжарваль проверили состояние скафандров. Не все их функции восстановились, кое-какие из них оказались утеряны надолго. Женщины поняли, что правила игры нынче будут другие.

— Что ж, — оценила их действия Вольева, — видала я результаты и похуже.

— Я бы приняла это за комплимент, — откликнулась Хоури, надеясь вызвать хотя бы смутные чувства товарищества, — но беда в том, что Илиа всегда подразумевает буквально то, что говорит.

— Значит, хоть одна из вас поняла правильно, — резко ответила Вольева, — но не бери в голову, Хоури. Особенно сейчас, когда дела принимают куда более серьезный оборот.

В дальнем конце зала начала открываться другая бронированная дверь. Из-за постоянно меняющегося освещения Хоури воспринимала происходящее как серию неподвижных сияющих кадров, изображающих различные стадии движения. Что-то такое валило из этих дверей: масса эллипсоидальных объектов, каждый длиной около метра, светлого металлического цвета, снабженный многочисленными придатками, торчащими винтовочными стволами и манипуляторами. Металлическую поверхность разнообразили щели и амбразуры.

Управляемая охрана. Хоури знала их — или очень похожих — еще по Краю Неба. Их прозвали волкодавами из-за ярости атак, а еще потому, что они всегда нападали стаями. Хотя на войне они использовались преимущественно для деморализации противника, Хоури хорошо знала, что они способны на многое и что ее скафандр отнюдь не гарантирует ей безопасность. Волкодавы созданы для устрашения, а не для разведки. Вооружены сравнительно легким оружием, но этого оружия много и действует оно синхронно. Стая волкодавов могла, например, сосредоточить, если это было стратегически оправданно, весь огонь на одном человеке. Именно единомыслие делало их такими страшными противниками.

Но было и еще кое-что. В массе выливающихся из ворот беспилотных волкодавов виднелось и несколько более крупных объектов, тоже из светлого металла, но не облада-

ющих сферической симметрией волкодавов. Во вспышках ослепительных и непрерывно меняющих места источников света, Хоури показалось, что она узнала эти предметы. Тоже скафандры и вряд ли дружелюбно настроенные.

Теперь волкодавы и вражеские скафандры разбегались в стороны от главной оси зала, направляясь к ожидающим начала тренировки женщинам. С того момента, как открылись ворота, вероятно, прошло секунды две, но Хоури казалось, что куда больше, ибо ее мозг за это время уже успел переключиться на тот быстрый темп работы, который жизненно необходим в такого рода схватках. Многие из наиболее важных автономных функций скафандров отказали, но рутинные действия, связанные с выбором цели, почти полностью сохранились, поэтому Хоури приказала скафандру сосредоточиться на волкодавах, пока не стрелять, но брать каждого на прицел. Она знала, что ее скафандр сам свяжется с двумя другими партнерами, с которыми выработает единую кратковременную стратегию и распределит цели. Знала она и то, что этот процесс для владельцев скафандров проходит незаметно.

Но где, черт бы ее побрал, Вольева?

Возможно ли, что она перемещается из одного конца зала в другой, а на какое-то время даже оказывается впереди стаи противников? Да, возможно. Движение в скафандре, особенно при данном уровне компрессии, может быть настолько быстрым, что человек может исчезнуть в одной точке и появиться в сотне метров от нее в мгновение ока и не будет никем замечен. Однако вражеские скафандры, что вошли через другую дверь, должны были заставить Вольеву покинуть зал и проделать путь назад через корабельные коридоры и лестницы. Даже в скафандре и даже пользуясь заранее изученным путем, вряд ли можно проделать это за считанные секунды, не превратившись по дороге в лужицу. А нет ли тут другого, более короткого хода? Какая-нибудь шахта, через которую можно пройти быстро?

Вот черт!

В Хоури стали стрелять.

Палили волкодавы, надеясь пробить ее скафандр своим сравнительно слабым лазерным оружием, стрелявшим двумя лучами из злобных, близко расставленных глаз, помещенных в верхней полусфере их эллипсоидальных тел. К этому времени камуфляж волкодавов, адаптируясь к цвету металлического пола, уже превратил их в пурпурные ром-

бовидные лепешки, которые, казалось, то исчезали из виду, то снова появлялись. Ее собственный скафандр — серебряный и отполированный до слепящей зеркальности, отражал большую часть получаемой энергии, но все же прямые попадания наносили ему определенный ущерб. Да, Хоури несла потери, и это потому, что она уделяла слишком много внимания исчезновению Вольевой, и соответственно отвлекалась от хода сражения. Эта диверсия — явно затея самой Вольевой. Хоури огляделась, желая убедиться в правильности информации скафандра, что пока все ее компаньонки живы. Справа и слева от нее стояли Суджика и Кжарваль, похожие на огромные антропоморфные капли ртути. Они явно не были ранены и отвечали на огонь противника.

Хоури приказала своему скафандру вести огонь, который по интенсивности должен лишь слегка превосходить интенсивность огня противника и не преследовать цели его полного уничтожения. Скафандр перешел на низкоэнергетические лазеры, появившиеся на его плечах и укрепленные на турелях. Хоури видела, как оба луча соединяются перед ее глазами и пронизывают пространство, оставляя после себя лиловый хвост ионизированного воздуха. Задетый в полете сверкающей «стрелой» волкодав или обрушивался на пол, или взрывался, как огненный цветок. Да уж, без скафандра в этом зале делать нечего, ежели говорить по правде.

— Ты слишком медлишь, — сказала ей Суджика по общему каналу, хотя бой еще не кончился. — Если бы бой был реальным, нам пришлось бы соскабливать тебя со стенки.

— А сколько раз в жизни тебе приходилось бывать в рукопашной схватке, Суджика?

Кжарваль, которая до сих пор не произнесла ни слова, вдруг вмешалась в разговор:

— Мы все участвовали в сражениях, Хоури.

— Вон оно как! А бывали ли вы при этом так близко к врагу, чтобы слышать, как он вопит о пощаде?

— Я хотела сказать... мать твою! — Кжарваль, видимо, задело.

Ее скафандр скорчился, он мгновенно претерпел целую серию диких цветных камуфляжных изменений — то становился черным как космос, то белым как снег, то красным с прожилками, то разноцветным, как тропические за-

росли, что делало Кжарваль похожей на дверь, ведущую прямо из зала в сердце джунглей неизвестной планеты.

Потом ее скафандр как бы запнулся и разом восстановил свой серебряный полированный вид.

— Меня тревожат вон те чужие скафандры.

— Для этого они и торчат здесь. Чтоб ты заволновалась и напортачила.

— Нам нужна помощь, чтобы напортачить? Что-то новенькое.

— Заткнись, Хоури, и веди этот чертов бой.

Она так и сделала. Это было проще всего.

Грубо говоря, треть атакующих волкодавов была уничтожена, а из все еще открытых дверей в конце зала новых подкреплений не поступало. Зато скафандры — а их было, насколько могла судить Хоури, три штуки — до сих пор никаких действий не предпринимали. Они топтались возле двери и медленно продвигались в направлении пола, корректируя спуск выбросом тонких, как иглы, струек воздуха из своих каблуков. Делая это, они одновременно принимали цвет и текстуру, свойственные полу. Трудно сказать, были они с «владельцами» или без них.

— Они входят в сценарий, эти скафандры — зачем-то же их сюда притащили!

— Я уже велела тебе заткнуться, Хоури!

Но она все равно продолжала гнуть свое:

— Мы выполняем задание, верно? Значит, надо разобраться в обстановке, иначе мы понятия иметь не будем, с кем воюем!

— Хорошая мысль, — отозвалась Суджика. — Давайте откроем совещание.

К этому времени волкодавы и скафандры трех женщин уже перешли на лучи из радиоактивных частиц. Возможно, что лазеры были все же настоящими — это следовало признать весьма вероятным, — хотя Хоури казалось, что столь серьезные виды оружия могут быть только смоделированными. В конце-то концов вряд ли было бы здорово, если бы окончание тренировки ознаменовалось дырой от взрыва в стене и тем, что весь запас воздуха вырвался бы в космос.

— Давайте примем за факт, — сказала Хоури, — что нам известно, кто мы такие и зачем мы здесь, где бы это «здесь» ни было. Следующий вопрос: известно ли нам, кто такие вон те подонки в скафандрах?

— Для меня это слишком заумно, — сказала Кжарваль, пытаясь укрыться от прицельного огня.

— Если мы ведем этот разговор, — продолжала Хоури, упорно не замечая въедливых подначек подружки Суджики, — тогда мы должны решить, кто они такие. И что они — наши враги. А это значит, нам следует прикончить этих сволочей прежде, чем они сделают с нами то, что они собираются сделать.

— Ты любое удовольствие можешь испортить, Хоури.

— Как ты сама изволила раньше заметить, меня там внизу не будет.

— Аминь.

— Э... люди... — начала Кжарваль, которая уже заметила то, что до Хоури и Суджики дошло только мгновение спустя. — Мне все это не по душе!

А увидела она кисти на трех вражеских скафандрах, причем эти кисти сокращались и отращивали оружие, которого раньше на них не было. Процесс шел быстро, будто надувался воздушный шарик, принимающий форму какой-то зверюги.

— Стреляйте в этих говнюков, — произнесла Хоури так спокойно и холодно, что сама испугалась. — Всем скрестить лучи на левом скафандре. Начать с малой мощности, с коническим расхождением, а затем подмести пол по горизонтали.

— С каких пор ты отдаешь нам...

— Делай, что сказано, блин!

Но Суджика уже палила вовсю, и Кжарваль — тоже. Теперь все три женщины стояли во весь рост, примерно на расстоянии метров десяти одна от другой, направляя огонь своих скафандров на одного из врагов. Были задействованы и пульсаторы антиматерии. Да уж, ежели они настоящие, то от зала мало чего останется!

Вспышка! Такая яркая, что Хоури ощутила, будто свет накатился на нее и запустил когти ей прямо в глаза. Вспышка такой силы просто не может быть смоделированной. Звук взрыва по сравнению с ней показался слабым, но взрывная волна отбросила Хоури назад, швырнув на изъеденную стену зала. Удар походил на тот, что получился бы, если б тебя изо всех сил кинули на толстый пружинящий матрац в дорогом отеле. Скафандр на мгновение вышел из строя. Когда зрение вернулось к Хоури, она увидела, что приборы либо сдохли, либо дают вместо показаний бессмысленный

набор цифр. В течение нескольких секунд агонии все оставалось в таком же виде, пока не включился запасной мозг скафандра, который тут же начал восстанавливать то, что поддавалось восстановлению. Упрощенный — но хотя бы понятный — дисплей вернулся к жизни, показывая, что осталось, а что уничтожено. Большая часть главного калибра вышла из строя. Автономность скафандра снизилась на пятьдесят процентов, способность принимать самостоятельные решения катилась в сторону машинного автоматизма. Отказали три сервомотора суставов. Способность к полету потеряна, во всяком случае, до тех пор, пока за нее не примется авторемонт, которому понадобится не меньше двух часов для построения обходных решений.

Ох, и в дополнение к этому, согласно биомедицинскому осмотру, у скафандра не хватало одной руки — от локтя и ниже.

Она с трудом села, и, хотя все инстинкты говорили ей, что пришло время, когда главное — постараться остаться в живых и правильно оценить обстановку, — ей приспичило сначала осмотреть свою отстреленную руку. Правая рука находилась именно в том состоянии, о котором сообщала медсистема скафандра: перемещенная масса размозженной кости, мяса и кусков металла. А выше — обрубок, обработанный гель-воздухом от шока и для предотвращения потери крови и давления. Впрочем, это была та деталь, которую следовало считать обязательной. Боли, конечно, не было — еще один аспект, в котором имитация была полностью реалистичной, так как скафандр был обязан передать болевому центру приказ на какое-то время заткнуться.

Оценить... оценить ситуацию.

Во время взрыва Хоури полностью потеряла ориентацию. Сейчас она огляделась, но сочленения шлема заело. Откуда-то тянет дымом. Дым висит кольцами в воздухе, видимо, его вытягивает вентиляционная система зала. Освещение мигает — оставшиеся в целости немногочисленные плавающие светильники придают зрелищу эффект заикающейся киноленты. Неподалеку валяются обломки двух скафандров, получивших такие страшные повреждения, которые могли быть лишь результатом комбинированного попадания снарядов-пульсаторов. Скафандры так изуродованы, что Хоури не в состоянии определить, были они обитаемы или нет. Третий скафандр поврежден меньше, он лишь оглушен, как был оглушен ее собственный. Сейчас

он валяется в десяти—пятнадцати метрах возле изгиба обожженной стены. Волкодавов не видно — либо бежали, либо уничтожены. Трудно сказать, что именно.

— Суджика? Кжарваль?

Тишина. Даже собственного голоса почти не слышно, а уж об ответе — что и говорить. Каналы связи между скафандрами нарушены — согласно подробностям доклада о повреждениях, на которые она раньше не обратила внимания. Плохо, Хоури. Очень плохо.

И никаких идей о том, кто противник.

Покалеченная рука скафандра уже через секунду была им же самим исправлена, обгоревшие лохмотья упали на пол, наружная «кожа» ползком обволокла обрубок. Смотреть на это было противно, хотя Хоури уже приходилось наблюдать подобное, участвуя в моделируемых сценариях на Краю Неба. Самым отвратительным было сознание, что немедленный ремонт этого ранения невозможен, и придется дожидаться, пока санитары не эвакуируют ее из зоны боя.

Тот — другой — менее поврежденный скафандр уже двигался, сейчас он даже встал, точно так же, как и скафандр Хоури. У вражеского скафандра полный набор конечностей, а из амбразур высовываются стволы нескольких видов оружия. Все они нацелены на Хоури, подобно дюжине змей, готовых к прыжку.

— Кто ты? — спросила она, забыв, что коммуникационные каналы замолчали и, может быть, навсегда. Краем глаза она заметила, что из редеющих клубов угольно-черного дыма где-то сбоку от нее появились еще два скафандра. Кто они? Остатки той группы из трех скафандров, что появились вместе с волкодавами? Или ее товарки?

Одинокий вооруженный скафандр приближался к Хоури, причем с большой осторожностью, будто она была бомбой, готовой взорваться в любой момент. Потом остановился, постоял. Его кожа старалась принять расцветку, соответствующую окраске стены зала и дымовой завесе. Но удавалось это ему плохо. Хоури пыталась догадаться, чем в это время занят ее собственный скафандр. Был ли ее лицевой щиток мутным или прозрачным с той стороны? Изнутри не скажешь, а на указателе повреждений об этом ничего не говорилось. Если какое-нибудь оружие противника «увидит» сквозь щиток лицо человека, заставит это убить ее или, наоборот, удержит от выстрела? Хоури нацелила свое собствен-

ное оружие на скафандр, но ничто не говорило ей — целится она во врага или в онемевшего друга.

Она дернулась, пытаясь поднять здоровую руку и указать на свое лицо, чтобы другой скафандр тоже показал лицо сидящего в нем человека.

Вместо этого другой скафандр открыл огонь.

Хоури снова ударило о стену, невидимый снаряд попал куда-то в область желудка. Ее скафандр взвыл, рой свернутых в спирали точек скрыл поле зрения Хоури. Еще до того, как она врезалась в стену, ее оглушил громовой рев — это, сливаясь в единый взрыв, начали действовать все сохранившие активность виды ее вооружения.

«...твою мать!» — подумала Хоури. Ей было очень больно, боль выедала внутренности, и это странным образом смешивалось с мыслями о предательстве и о том, что все это вовсе не игра.

Хоури снова поднялась на ноги, и тут же еще один снаряд атакующего пролетел совсем рядом с ней. Третий попал Хоури в бедро. Она стала падать назад, руки хватали воздух где-то на периферии поля зрения. С ее руками что-то случилось, а точнее — не случилось, хотя и должно было случиться. Они казались вполне целыми — ни намека на то, что одна из них была недавно оторвана.

— Вот блин, — пробормотала она. — Что же, мать их так и перетак, тут происходит?

Атака продолжалась, каждый выстрел, попадавший в Хоури, отшвыривал ее назад.

— Говорит Вольева, — раздался голос отнюдь не обеспокоенный и не слишком заинтересованный. — Всем слушать меня внимательно. В сценарии обнаружена ошибка! Приказываю всем прекратить огонь.

Хоури снова сбили с ног, на этот раз с такой силой, что через прокладку «гель-воздуха» она почувствовала мощный шлепок. А тут еще боль в бедре, причем скафандр не делает ничего, чтобы эту боль снять и уменьшить дискомфорт.

«Вот так и уйдет жизнь», — подумала она.

Да, сейчас работает настоящее оружие. Во всяком случае, у того скафандра, который ее атаковал.

— Кжарваль! — кричала Вольева. — Кжарваль! Прекрати пальбу! Ты же убьешь Хоури!

Но Кжарваль — теперь-то Хоури поняла, кто был ее противником, — не слышала, не могла слышать или — что еще страшнее — не могла остановиться.

— Кжарваль! — снова крикнула Триумвир. — Перестань, или мне придется тебя обезоружить!

Но Кжарваль уже не могла остановиться. Она продолжала вести огонь, и Хоури ощущала каждое попадание как удар плети, она корчилась под этими ударами, она готова была ногтями процарапать себе дорогу сквозь металл стены, который тоже страдал под ударами, и оказаться в безопасности пространства, лежащего за стеной.

А потом Вольева опустилась откуда-то из середины зала, где она оставалась все это время, невидимая, и сразу же открыла огонь по Кжарваль, сначала из легкого оружия, а затем стала наращивать мощь огневого шквала. Кжарваль ответила тем, что часть своего огня переадресовала вверх на опускавшегося Триумвира. Снаряды попадали в Вольеву, выжигая черные пятна на ее скафандре, вырывая фрагменты из гибких сочленений, сбивая орудия, которые ее скафандр выдвигал из амбразур, и уничтожая его. Все же Вольевой вскоре удалось подавить сопротивление своей подчиненной. Скафандр Кжарваль стал сморщиваться, теряя свою прочность. Его орудия выбывали из строя, снаряды шли мимо цели, разлетаясь по всем углам зала.

Наконец — вряд ли прошло больше минуты с того момента, когда Кжарваль стала палить по Хоури, — скафандр Кжарваль рухнул на пол. Сейчас он, там, где он не почернел от попаданий снарядов Вольевой, представлял собой путаницу психоделических расцветок и быстро сменяющих друг друга геометрических узоров, сквозь которые торчали разбитые стволы оружия и приборы. Конечности скафандра бессмысленно рубили воздух, из них беспрестанно выдвигались и тут же втягивались различные манипуляторы и большие — размером с ребенка — чудовищные кисти человеческих рук.

Хоури встала на ноги, стараясь не кричать от боли, которой раненая нога выражала протест против движения. Скафандр обвис на ее плечах, точно мертвое тело, и все-таки ей удалось сделать несколько шагов и доковылять до места, где лежала Кжарваль.

Вольева и другая фигура в скафандре — должно быть, Суджика — уже стояли там, наклонившись над останками скафандра и пытаясь прочесть медицинский диагноз на дисплее.

— Мертва, — сказала Вольева.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мантель, Северный Некхебет, Ресургем, год 2566-й

В тот день, когда пришельцы впервые объявили о своем прибытии, Силвест был разбужен толчком беспощадного белого света. Он поднял руку умоляющим жестом, ожидая, пока глаза приспособятся к новому освещению, пройдя через довольно сложный процесс адаптации. В такие моменты с ним было практически невозможно разговаривать. Слука, видимо, это хорошо понимала. Теперь, когда его глаза лишились многих первоначальных функций, им требовалось гораздо больше времени, чтобы начать работать нормально, и Силвесту приходилось выжидать, пока закончится продолжительный и медлительный процесс проб и ошибок, в котором его глаза анализируют различные фокусировки, что, кстати, сопровождается весьма болезненными ощущениями.

Как сквозь туман он ощущал присутствие сидящей рядом Паскаль, которая прикрывала простыней обнаженную грудь.

— А ну просыпайтесь! — прикрикнула Слука. — Оба. Я подожду снаружи, пока вы оденетесь.

Паскаль и Силвест впопыхах кое-как натянули одежду. За открытой дверью Слука и двое охранников терпеливо ждали. Все трое, по-видимому, были без оружия. Силвеста вместе с женой проводили в официальный сектор Мантеля, где утренняя смена приверженцев Праведного Пути собралась вокруг четырехугольного экрана. Термосы с кофе, утренний завтрак — все это стояло на столе, никем не тронутое. Что бы там ни происходило, подумал Силвест, этого было достаточно, чтобы отбить нормальный аппетит. Он слышал чей-то голос — громкий и резкий, — будто исходивший из громкоговорителя. Одновременно шел общий оживленный разговор, так что Силвесту лишь иногда удавалось уловить несколько слов из передачи. К сожалению, разборчиво произносилась только его собственная фамилия — она повторялась довольно часто тем, кто обращался с экрана к аудитории.

Он протолкался вперед, чувствуя, что присутствующие относятся к нему сейчас с гораздо большим уважением, нежели когда-либо в последнее время. А может, это просто

жалость к тому, чья участь решена окончательно и бесповоротно?

Паскаль подошла к нему и встала рядом.

— Ты узнал эту женщину? — спросила она.

— Какую женщину?

— Ту, что на экране. Ту, на которую ты смотришь.

Но Силвест на продолговатом экране видел лишь, как на картинах пуантилистов, множество серебристо-серых мазков.

— Мои глаза плохо адаптируются к видео, — сказал он, обращаясь одновременно и к Слуке, и к Паскаль. — И я ни черта не слышу. Может, вы мне расскажете, что я пропустил?

Из толпы вышел Фолкэндер.

— Я могу немного подогнать ваше зрение к изображению на экране, если хотите. На это уйдет буквально несколько минут. — Он оттащил Силвеста от толпы зрителей и увел его в уголок комнаты. За ними последовали Слука и Паскаль. Там Фолкэндер раскрыл свой чемоданчик и вынул из него несколько блестящих инструментов.

— А теперь вы, конечно, скажете мне, что больно не будет совсем, — сказал Силвест.

— Даже не подумаю, — отозвался Фолкэндер. — Ведь это все равно была бы неправда, верно? — Затем он щелкнул пальцами, обращаясь не то к Паскаль, не то к своему помощнику. Силвест этого так и не понял, так как поле его зрения вдруг сильно сузилось. — Дайте ему чашку кофе, это его отвлечет. А когда он увидит экран, ему потребуется что-нибудь покрепче кофе.

— Так плохо?

— Боюсь, Фолкэндер не шутит, — вмешалась Слука.

— Мне кажется, вы просто развлекаетесь за мой счет, — сказал Силвест. Он тут же закусил губу, стараясь сдержать стон от первого каскада боли, вызванного действиями Фолкэндера. Правда, дальше на протяжении всего хода этой маленькой операции боль не усиливалась. — Вы собираетесь меня пристрелить, чтоб не мучился? Во всяком случае, у вас должна быть важная причина для того, чтобы будить меня в середине ночи.

— Ультра объявили о своем присутствии, — сказала Слука.

— Ну, это я и без вас понял. А как они это сделали? Высадились из шаттла в центре Кювье?

— Пока ничего столь нахального. Но худшее наверняка впереди.

Кто-то сунул ему в руку чашку кофе. Фолкэндер сделал небольшой перерыв, чтобы дать возможность Силвесту отпить глоток. Кофе был горек и почти остыл, но сонливость он прогнал. Силвест услышал голос Слуки:

— То, что мы показываем сейчас на экране, — повтор аудиовизуальной записи их послания, которое передается непрерывно вот уже более тридцати минут.

— С корабля?

— Нет, видимо, им удалось подключиться прямо к нашей системе спутниковой связи и воспользоваться нашими передатчиками.

Силвест кивнул и тут же пожалел о сделанном движении.

— Значит, они все еще опасаются, как бы мы не определили их местопребывание.

Или, подумал он, хотят навязать нам представление о своем техническом превосходстве. Об их способности проникать в наши информационные системы. Это больше похоже на правду и подчеркивает не столько наглость Ультра вообще, сколько наглость и решительность определенной корабельной команды. Зачем объявлять о своем присутствии в общепринятом порядке, когда можно поджечь кустарник и тем самым напугать туземцев до полусмерти? Теперь ему вряд ли нужно подтверждение того, что он знал об этих людях. Он понял, что это именно они, сразу же после того, как их корабль вошел в систему Дельты Павлина.

— Следующий вопрос, — спросил он. — Кому адресовано послание? Думают ли они, что имеют дело с планетарным правительством, с которым придется договариваться?

— Нет, — ответила Слука, — Послание адресовано жителям Ресургема, независимо от их политического или культурного статуса.

— Очень демократично, — вмешалась Паскаль.

— На самом деле, — произнес Силвест, — я сомневаюсь, что это имеет отношение к демократии. Особенно если это те люди, о которых я думаю.

— Кстати об этом, — прервала его Слука. — Вы так и не объяснили достаточно убедительно, кем могут быть эти люди.

Силвест тут же оборвал ее.

— Прежде чем мы приступим к детальному анализу, не считаете ли вы возможным познакомить меня с содержа-

нием послания? Особенно если я, как мне представляется, имею какой-то личный интерес в этом деле.

— Вот и все. — Фолкэндер отошел в сторону и с треском закрыл чемоданчик. — Я же обещал, что операция займет считанные минуты. Можете смотреть на экран. — Он усмехнулся. — Ну а теперь окажите мне личную услугу: не убивайте вестника, который принес неприятное известие, ладно?

— Давайте сначала поглядим, что за известия, — ответил Силвест. — А уж там я сам буду решать.

Все оказалось куда хуже, чем он предполагал.

Силвест снова пробился вперед, хотя к этому времени зрителей стало заметно меньше — они неохотно расходились для работы в других районах Мантеля. Теперь того, кто говорил с экрана, было слышно лучше, и он мог различить модуляции женского голоса, снова и снова повторявшего одни и те же фразы, сказанные впервые совсем недавно. Значит, обращение было коротким. Это не предвещало ничего хорошего. Кто станет пересекать бескрайние межзвездные просторы космоса, только чтобы оповестить о своем прибытии в колонию в столь кратком, если не сказать больше, послании? Только те, у которых нет ни малейшего желания обаять местных жителей и чьи требования и желания абсолютно ясны. Это соображение великолепно соответствовало тому, что он знал о команде, которая могла явиться за ним. Те не были разговорчивы.

Он еще не различал лица говорящей, хотя голос, казалось, нашептывал воспоминания о давным-давно прошедших годах. А когда появилось изображение — Фолкэндер наладил взаимодействие нервных волокон, — он вспомнил все!

— Кто она такая? — спросила Слука.

— Ее зовут Илиа Вольева — во всяком случае, так ее звали в последний раз, когда мы виделись, — пожал плечами Силвест. — Может, оно так и есть, а может — нет. Все, что я знаю, это то, что любые свои угрозы она тут же подкрепляет делами.

— И она кто? Капитан?

— Нет, — сказал Силвест, отвлекаясь от воспоминаний. — Нет, она не Капитан.

Лицо женщины ничем особенным не отличалось. Оно было бледным, почти бесцветным, волосы короткие, чер-

ные, черты лица — нечто среднее между эльфом и скелетом, глаза посажены глубоко, чуть раскосые и бесстрастные. Она почти не изменилась с тех пор. Впрочем, это характерно для Ультра. Если для Силвеста со времени их последней встречи прошли десятилетия, то для Вольевой — всего лишь несколько лет, десятая или даже двадцатая часть времени, прожитого Силвестом. Для нее их последняя встреча — частичка недавнего прошлого, тогда как для Силвеста — запись в пыльных анналах истории. Конечно, для него это плохо. Вольева отлично помнит его манеры, обусловленные самыми предсказуемыми чертами его поведения. Он — противник, с которым она сталкивалась совсем недавно. А Силвест с трудом вспомнил ее голос, а когда попытался припомнить, как она к нему относилась, оказалось, что он все забыл. Конечно, потом он вспомнит, но именно эти провалы памяти дают Вольевой огромное преимущество.

Как странно все. Он ошибочно считал, что заявление сделает Саджаки. Не настоящий Капитан, иначе зачем бы им являться сюда. Капитан наверняка снова заболел.

Тогда — где же Саджаки? Силвест заставил свой ум отвлечься от этих вопросов и сосредоточился на том, что сейчас скажет Вольева.

После двух или трех повторений весь ее монолог был собран в его мозгу и Силвест был уверен, что сможет повторить слово в слово. Они знали, чего хотят, эти Ультра. И еще они знали, что надо делать, чтобы получить это.

— Я Триумвир Илиа Вольева с суперсветовика «Тоска по Бесконечности», — вот как она представилась. Никаких «здрасьте», никаких привычных слов благодарности за судьбу, позволившую им пересечь космические пространства и благополучно добраться до Ресургема.

Подобное, Силвест знал, было вовсе не в стиле Вольевой. Он хорошо помнил ее непоколебимое спокойствие. Вечно занята возней со своими вооружениями, редко снисходит к чему-нибудь, напоминающему нормальные человеческие отношения. Он несколько раз слышал, как другие члены команды подшучивали — хотя вообще-то они этого почти не способны делать, — что Вольева предпочитает общество сторожевых крыс обществу своих товарищей по команде.

Какие уж тут шутки!

— Обращаюсь к вам с орбиты, — продолжала она. — Мы изучили уровень вашей технологии и сделали вывод, что вы для нас военной опасности не представляете. — Она сделала паузу, прежде чем продолжить тоном, который напомнил Силвесту учительницу, предостерегающую учеников не совершать мелких проступков, вроде глазения в окна или неаккуратного обращения с личными компьютерами. — Однако, если вы совершите какой-нибудь акт, который может быть расценен как попытка нанести нам ущерб, мы ответим массированным и непропорциональным проступку ударом. — Она почти улыбалась. — Тут будет действовать не правило «око за око», а, скажем, «город за око». С орбиты мы в состоянии уничтожить любой ваш населенный пункт.

Вольева наклонилась вперед, ее глаза большой хищной кошки, казалось, заполнили весь экран.

— Еще важнее то, что мы все согласились поступить с вами именно таким образом, если появится необходимость. — Она сделала драматическую паузу, отлично понимая, что в эту минуту вся аудитория в ужасе ловит каждое ее слово. — Если бы я захотела, это событие могло бы произойти буквально через несколько минут. И не воображайте, что воспоминание об этом хоть как-то потревожит мой сон.

Силвест понимал, куда она гнет.

— Но давайте отвлечемся от столь печальных обстоятельств, хотя бы на несколько минут. — Вольева даже улыбнулась, хотя если говорить о качестве улыбки, то по холоду она была близка к абсолютному нулю. — Вы, должно быть, недоумеваете, зачем мы сюда прибыли.

— Все, кроме меня, — откликнулся Силвест почти про себя, но Паскаль его услышала.

— Среди вас есть человек, которого мы разыскиваем. Наше стремление получить его так сильно и так неотложно, что мы решили не соблюдать обычных... — Вольева снова улыбнулась, и эта улыбка была жалкой копией первой, — ...дипломатических правил. Имя этого человека — Силвест. Никаких объяснений, кто это, не требуется, если его репутация не изменилась со времени нашей последней встречи.

— Разве что слегка запачкалась, — буркнула Слука, а затем, обращаясь к Силвесту, добавила: — Вам придется подробно рассказать мне об этом предыдущем свидании, знаете ли. Вряд ли вам это может повредить.

— Знание фактов не принесет вам никакой реальной прибыли, — ответил Силвест и вернулся к экрану.

— В обычных условиях, — продолжала Вольева, — мы начали бы диалог с соответствующими властями и стали бы торговаться с ними из-за выдачи Силвеста. Возможно, таковы были и наши первоначальные намерения, но осмотр вашей столицы — Кювье — с орбиты, убедил нас, что такой подход был бы ошибочен. Мы сделали вывод, что в настоящее время у вас нет силы, с которой можно было бы вести переговоры. Я боюсь, что у нас не хватит терпения разговаривать с каждой из склочничающих между собой фракций.

Силвест покачал головой.

— Врет она! Они и не думали торговаться. В любой ситуации. Я хорошо знаю этих людей. Жестокие подонки.

— Это вы нам уже говорили.

— Наш выбор довольно ограничен, — продолжала Вольева. — Нам нужен Силвест, а наша разведка утверждает, что он... скажем, не на свободе.

— И это все с орбиты? — спросила Паскаль. — Вот это разведка, так разведка!

— Слишком хороша, — поддержал ее Силвест.

— Поэтому, — продолжала Вольева, — дело будет обстоять следующим образом. Через двадцать четыре часа Силвест объявит нам о своем местонахождении, используя передачи вашего радио. Для этого он или выйдет из своего укрытия, или те люди, которые держат его в заточении, освободят его. Подробности мы оставим на ваше усмотрение. Если Силвест мертв, тогда вместо него нам должны быть представлены точные данные, подтверждающие это. Примем ли мы эти доказательства — зависит исключительно от нас.

— В этом случае то, что я жив, — величайшее благо для вас. Сомневаюсь, чтобы вам удалось убедить Вольеву.

— Неужели она так непреклонна?

— И не только она одна, но и вся команда.

Но Вольева все еще говорила:

— Итак, двадцать четыре часа. Мы будем слушать. И если мы ничего не услышим, или заподозрим обман в любой форме, мы вас накажем. У нашего корабля есть кое-какие возможности — если не верите, спросите Силвеста. Если на следующий день мы его не услышим, мы используем эти возможности против одного из ваших мелких на-

селенных пунктов. Мы уже выбрали цель, о которой идет речь, и характер нашей атаки будет таков, что ни единого человека там в живых не останется. Вам ясно? Ни одного. А еще через двадцать четыре часа после этого, если мы не получим нашего неуловимого Силвеста, мы разрушим Кювье. — Тут Вольева снова предложила зрителям свою бледную улыбку. — Хотя, кажется, вы и сами там неплохо поработали.

На этом послание закончилось, после чего началось снова с кратким предисловием Вольевой. Силвест выслушал его дважды, прежде чем Слука отвлекла его внимание.

— Они этого не сделают, — сказала она. — Не посмеют.

— Это варварство, — добавила Паскаль, получив поощрительный кивок от их хозяйки. — Как бы он им ни был нужен, они не сделают того, о чем говорят. Я имею в виду разрушение целиком города.

— Вот тут ты не права, — отозвался Силвест. — Они уже делали такое, и я не сомневаюсь, что они готовы повторить это еще раз.

В глубине души Вольева не была уверена, что Силвест жив, но с другой стороны, о том, что его тут может не оказаться, она тоже предпочитала не думать, ибо последствия такой ошибки в расчетах были бы катастрофичны. И не важно, что все делалось по приказу Саджаки, а не по ее собственному. Если результата не будет, он накажет ее так же жестоко, как наказал бы, если бы она сама все это подстроила и затащила корабль в эту мерзкую глушь.

Вольева не ждала, что разворот событий начнется в первые же часы после ее объявления. Это было бы чересчур оптимистично. Тут требовался ряд совпадений: чтобы тюремщики Силвеста не спали, чтобы их тут же известили о ее предупреждении. Если исходить из реалистичных предпосылок, то следует ожидать, что полдня уйдет на розыск нужных людей по командной цепочке. И еще требуется время, пока начальство проверит достоверность полученного известия. Но когда прошли первые десять часов, а затем и целый день, стало ясно, что ее угрозы следует подкрепить действием.

Конечно, колонисты не молчали. Десятью часами раньше анонимная группа вышла в эфир с известием об останках, которые они выдавали за останки Силвеста. Останки были брошены на вершине столовой горы, а их «первоотк-

рыватели» вернулись в свои пещеры, куда датчики корабля последовать не могли. Вольева послала вниз беспилотного разведчика, чтобы он исследовал человеческие останки, но они, хотя и оказались генетически близки, все же не полностью соответствовали образцам тканей, взятых у Силвеста во время его первого пребывания на корабле. Было соблазнительно наказать колонистов за эту выходку, но, подумав, Вольева решила пока воздержаться от карательных мер. Они действовали под влиянием страха и не преследовали личных выгод, за исключением желания жить. Да и ни к чему было Вольевой отпугивать никакие группы колонистов, которые могли бы выступить с инициативой. Удержала она своих соратников и тогда, когда еще два человека попытались выдать себя за Силвеста, ибо оба не лгали, а искренне верили в свою подлинность.

Но теперь время обманов прошло.

— Я все-таки удивляюсь им, — сказала Вольева. — Полагала, что они его сразу выдадут. Но, видимо, в этой ситуации одна сторона серьезно недооценивает другую.

— Но ты же не можешь отступить, — возразил Хегази.

— Конечно, не могу, — ответила Вольева так удивленно, что можно было подумать — мысль о милосердии никогда не приходила ей в голову.

— И все же придется, — заметила Хоури. — Ведь не станешь же ты в самом деле...

Это были ее первые слова за весь день. Возможно, у нее не было сил, чтобы заставить себя обратиться к тому монстру, на которого она сейчас работала, — к этой тиранической и жестокой инкарнации приятной и спокойной ранее Вольевой. Было трудно не сострадать Хоури. Ведь когда она заглянула в свою душу, то тоже увидела там нечто чудовищное, хотя на самом деле дело отнюдь не обстояло так плохо.

— Если угроза высказана, — сказала Вольева, — то в общих интересах привести ее в исполнение, раз требования не выполнены.

— А если колонисты не в состоянии их выполнить? — возразила Хоури.

— Это их проблема, а не моя, — пожала плечами Вольева.

Она связалась с Ресургемом и сказала то, что должно быть сказано: выразила разочарование тем, что Силвест не появился, и повторила прежние требования. Она не была

уверена, что сказанное прозвучало достаточно убедительно и колонисты поверили в серьезность ее угроз. Тогда у нее возникла новая идея. Она отстегнула свой браслет, прошептала в него команду принять в ограниченном диапазоне распоряжения третьего лица и не причинять ему вреда.

Затем передала браслет Хоури.

— Ты хочешь потешить свою совесть? Попробуй.

Хоури внимательно рассмотрела прибор, будто он свободно мог оскалить зубы или брызнуть ей в лицо ядовитой слюной. Наконец поднесла его ко рту, не надевая на запястье.

— Валяй, — подбодрила ее Вольева. — Я говорю серьезно. Говори что хочешь, но уверяю тебя: ничего хорошего из этого не выйдет.

— Говорить с колонистами?

— А почему бы и нет, если ты думаешь, что сумеешь убедить их лучше, чем я?

Некоторое время Хоури молчала, затем нерешительно сказала в браслет:

— Меня зовут Хоури. Не знаю, имеет ли это значение, но я не вхожу в экипаж корабля и не согласна с тем, что собираются сдлать эти люди. — Большие испуганные глаза Хоури обежали мостик, будто она ожидала немедленного возмездия за свои слова. Однако все прочие не проявили к ее словам ни малейшего интереса. — Меня рекрутировали, — продолжала Хоури, — и я тогда не знала, кто они такие. Им действительно очень нужен Силвест. Они не лгут. Я видела орудия, которые есть на корабле, и я думаю, они их используют.

У Вольевой на лице было написано скучающее безразличие, будто все идет так, как она ожидала, — ну чистая скука.

— Я жалею, что вы не выдали Силвеста. Полагаю, Вольева говорит серьезно, что собирается наказать вас за это. Я хочу сказать одно: лучше бы вам поверить ей. И может быть, если кто-то из вас может привести его сейчас, вы еще не опоздаете...

— Хватит!

Вольева отобрала назад свой браслет.

— Я продлеваю данный вам срок еще на один час. Только на час.

Прошел и этот час. Вольева рявкнула в браслет шифрованную команду. Стрелка искателя цели задрожала на кар-

те северных широт Ресургема. Красное перекрестье выискивало цель со скучным спокойствием акулы, пока не замерло на точке вблизи северной полярной шапки. Тут перекрестье налилось кровью, запульсировало, а надпись информировала Вольеву, что корабельные орудия, действующие в пределах радиуса орбиты — самая слабая из систем корабля, — активизированы, заряжены, нацелены и готовы к действию.

Вольева еще раз обратилась к колонистам.

— Народ Ресургема, — сказала она. — Сейчас наши орудия нацелены на небольшое селение Феникс. Это точка, находящаяся на 54-м градусе к северу и на 20-м градусе к западу от Кювье. Через тридцать секунд Феникс и его окрестности перестанут существовать.

Женщина облизала губы кончиком языка, прежде чем продолжать.

— Это последнее предупреждение, после чего мы на 24 часа прекратим вещание. За это время вы должны выдать нам Силвеста, иначе мы перейдем к более значительным целям. Вы можете почитать себя счастливчиками, что мы начинаем с такого малого поселка, как Феникс.

Общий тон обращения, как оценила его Хоури, был тоном учительницы, которая терпеливо объясняет ученикам, почему наказание, которое она собирается наложить на них, оказывается в их интересах и постигло их в результате собственного неразумного поведения. Вольева избегала таких слов, как «оно ранит меня больше, чем вас», но если бы и употребила их, то нисколько не удивила бы Хоури. По правде говоря, никакой поступок Вольевой не удивил бы Хоури. Ей казалось, что она близка к истине, относя эту даму к совершенно особому классу живых существ. И не только Вольеву, но и всю команду. Хоури ощутила позыв на рвоту, вспомнив, что еще недавно она имела глупость воображать и даже высчитывать, в какой степени она сама сходна с ними. А теперь, когда они сорвали маски со своих лиц, под ними оказались драконьи морды.

Вольева выстрелила.

Какое-то время — бесконечно долгое и насыщенное ужасом — ничего не происходило. Хоури даже подумала, уж не блеф ли все это? Но эта надежда прожила лишь до тех пор, пока стены мостика не дрогнули, будто он — всего лишь старинное морское судно, наскочившее на айсберг. Потом по каюте прошла еще одна волна гула, погасившая вибра-

цию. А потом, как бы стирая все сомнения Хоури, где-то далеко раздался мощный рев.

Это корабельные орудия дали залп.

По поверхности голографической проекции Ресургема побежали цифры, показывающие состояние вооружений в момент непосредственно после залпа. Хегази сверился с экраном, расположенным перед его креслом. Его окуляры щелкали и жужжали по мере снятия информации.

— Элементы подавления выпущены, — произнес он холодным голосом, лишенным даже намека на чувство. — Система наведения подтверждает точность расчетов. — Затем с хорошо отрепетированной медлительностью он перевел взгляд на глобус.

Хоури последовала его примеру.

Там, где до сих пор не было ничего интересного, возникло вдруг докрасна раскаленное пятнышко. Оно находилось совсем близко от северной ледяной шапки Ресургема и выглядело точно мерзкий крысиный глаз, выглядывающий из-под корки мира. Пятно быстро темнело, как темнеет игла, вытащенная из пламени очага. И все же оно оставалось мучительно ярким, так как темнело не столько остывая естественным путем, сколько потому, что его закрывала завеса гигантских облаков, состоявших из поднятых в воздух обломков раненой планеты. В разрывах, то и дело появлявшихся в этом бушующем черном шторме, Хоури видела танцующие щупальца молний, невыносимым ослепительным светом озарявших ландшафт на сотни километров вокруг. Ударная волна мчалась по радиусам от места взрыва. Хоури наблюдала за ее продвижением, пользуясь данными об изменении индекса рефракции воздуха. Так рябь на мелководье вдруг как бы превращает россыпи подводных камней в дрожащую жидкость.

— Поступает предварительный отчет, — сказал Хегази голосом усталого пономаря, читающего самый скучный отрывок писания. — Функциональные параметры оружия: в пределах номинала. 99,4 процента вероятности полной нейтрализации цели. 79 процентов вероятности, что в радиусе 200 километров нет выживших, разве что под километровой броней.

— На мой взгляд, отличный результат, — откликнулась Вольева. Она еще несколько минут рассматривала язву на теле Ресургема, видимо, наслаждаясь мыслью о разрушениях планетарного масштаба.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мантель, Северный Некхебет, год 2566-й

— Они блефуют, — сказала Слука, и тут внезапный ложный рассвет возник на северо-восточном горизонте, превратив гряды и скалы в угольно-черный иззубренный рисунок. Вспышка вначале была похожа на магниевую, но окончилась пурпурным проблеском. На какое-то время она вывела из строя зрение Силвеста, оставив в его глазах на месте свечения бесцветные пятна.

— Других догадок не будет? — спросил он.

На какое-то время Слука лишилась дара речи. Она лишь смотрела на зарево, будто завороженная его блеском и вестью о содержащейся в нем угрозе.

— Он же сказал, что они это сделают! — выкрикнула Паскаль. — Надо было слушаться его! Он знает этих людей. Он знал, что они выполняют сказанное!

— Я не верила, что они пойдут на это, — ответила Слука, и голос ее был тих, будто она говорила сама с собой. Несмотря на зарево, вечер оставался тишайшим, свободным от музыки ветров Ресургема. — Полагала их угрозу слишком чудовищной, чтобы ее можно было исполнить.

— Для них нет ничего слишком чудовищного, — отозвался Силвест, зрение которого уже вернулось к норме и он мог читать выражение лиц женщин, стоявших рядом с ним на вершине горы Мантель. — Теперь, надеюсь, вы будете понимать Вольеву буквально. Она всегда выполняет свои обещания. Через двадцать четыре часа она повторит то же самое, если вы не отдадите ей меня.

Слука как будто его не слышала.

— Может быть, нам пора спуститься вниз. — Вот и все, что она сказала.

Силвест согласился, хотя, прежде чем уйти в глубь горы, им пришлось потратить несколько минут на определение направления, с которого появилась вспышка.

— Мы знаем, когда это произошло, — сказал Силвест, — и нам известно направление. Когда придет ударная волна, мы узнаем еще и расстояние до вспышки. Населенные пункты на Ресургеме расположены далеко друг от друга. Так что нужную нам точку определить будет не трудно.

— Она же назвала нам поселок, — сказала Паскаль.

Силвест кивнул.

— Я хоть и верю каждой ее угрозе, но знаю и то, что вообще-то ей доверять нельзя.

— Не знаю я никакого Феникса, — сказала Паскаль, когда они спускались на грузовом лифте вниз. — А я думала, что знаю почти все сравнительно недавние поселки. Впрочем, последние годы я была довольно далека от работы Правительства.

— Она должна начать с чего-то очень маленького, — задумчиво проговорил Силвест. — Иначе у нее не будет простора для давления на вас. Мы можем предположить также, что Феникс — легкая цель. Поселок геологов или каких-нибудь других ученых. Нечто такое, отчего судьба остальной колонии почти не зависит. Одним словом, там были только люди.

Слука покачала головой.

— Мы говорим о них в прошедшем времени и никогда не говорили в настоящем. Как будто единственная цель их существования заключалась в том, чтобы погибнуть.

Силвест почувствовал себя совсем больным. На грани приступа рвоты. Это, подумал он, единственный случай в моей жизни, когда подобное ощущение вызывается внешними обстоятельствами, чем-то таким, в чем он не принимал непосредственного участия. Так плохо ему не было даже тогда, когда умирала Карина Лефевр. Ошибку или глупость совершил сейчас не он. И когда он спорил со Слукой насчет того, способна ли команда корабля выполнить свою угрозу, какая-то часть его мозга склонялась к мысли, что на самом деле они на это не пойдут, что он ошибается, а Слука и ее единомышленники правы. Может, будь он в положении Слуки, он бы тоже проигнорировал бы предостережение, как бы ни был уверен. Карты всегда выглядят иначе, когда играть ими приходит ваша очередь. Они как бы заряжены другими возможностями.

Ударная волна пришла тремя часами позже. К этому времени она выглядела как сильный порыв ветра, но этот порыв казался совершенно неуместен в штилевой ночи. Когда волна прошла, воздух забурлил шквалами вроде тех, что бывают перед началом страшных песчаных бурь. Время прихода волны указывало, что цель атаки находилась менее чем в трех с половиной тысячах миль (сейсмические данные подтвердили это) к северо-востоку. Слука, Силвест и Паскаль вернулись в кабинет, прогнали усталость с

помощью крепкого кофе, а затем затребовали из архивов Мантеля карты колонии.

Силвест попивал кофе, испытывая нервное возбуждение.

— Начнем с того, что это должен быть недавний поселок. Эти карты не устарели?

— Нисколько, — ответила Слука. — Они получены из Центрального картографического управления Кювье около года назад, еще до восстания.

Силвест взглянул на карту, лежавшую на столе у Слуки, точно сказочная топографическая скатерть. Территория, которую она охватывала, составляла около двух тысяч квадратных километров, то есть была достаточной, чтобы на нее попало поселение даже с довольно грубо определенными координатами.

Никаких признаков существования Феникса они не обнаружили.

— Нам нужны более свежие карты, — бурчал Силвест. — Может, поселок создан год назад.

— Это очень трудно организовать.

— И все же постарайтесь. Решение надо принять в течение 24 часов. И решение, может быть, самое важное за всю вашу жизнь.

— Не заноситесь, доктор. Я уже почти решила выдать вас им.

Силвест пожал плечами, будто его это никак не касалось.

— Даже в этом случае, вам все равно нужно знать факты. Вы же собираетесь вести с Вольевой торг. Если нет уверенности, что ее угрозы реальны, у вас может возникнуть желание блефовать.

Слука смотрела на него долго и пристально.

— Мы до сих пор имеем — в принципе — доступ к архивам Кювье через системы спутниковой связи. Но ими не пользовались с тех пор, как были взорваны купола. Было бы рискованно прибегать к ним, ведь наши противники могут проследить эту связь и выйти на нас.

— Думаю, сейчас это никого не волнует.

— Он прав, — вмешалась Паскаль. — Пока тут идут такие дела, мало кого в Кювье будут волновать мелкие нарушения секретности. Я считаю, можно рискнуть ради получения обновленных карт.

— Сколько времени это займет?

— Час, может, два. А вы что, планируете куда-нибудь съездить?

— Нет, — ответил Силвест, даже не улыбнувшись. — Но кто-нибудь может взять да и принять решение за меня.

Они вышли на поверхность еще раз, пока в Кювье выполнялись их заявки на пересмотр картографических материалов. На северо-восточном секторе горизонта звезд не было. Просто бугор черного Ничто, отчасти похожий на гаргантюанскую скрюченную фигуру, торчащую над горизонтом. Должно быть, то была поднявшаяся в высокие слои атмосферы стена пыли, медленно ползущая к ним.

— Она окутает наш мир на целые месяцы, — сказала Слука. — Впечатление такое, будто вулкан взорвался.

— И ветер усиливается, — отозвался Силвест.

Паскаль кивнула.

— Неужели этого добились они — усилили ветер так далеко от места атаки? А что, если их оружие привело к радиоактивному заражению?

— Надеюсь, им этого не понадобилось, — ответил Силвест. — Им достаточно было оружия, использующего кинетическую энергию. Зная Вольеву, можно допустить, что она не сделает ничего сверх самого необходимого. Но ты права, беспокоясь о радиации. Этот взрыв, надо думать, проделал дыру сквозь всю литосферу. Каковы будут выбросы из коры — можно лишь гадать.

— Наверное, нет надобности проводить столько времени на поверхности.

— Согласен. Но, пожалуй, это относится ко всей колонии в целом.

У входной двери появился один из адъютантов Слуки.

— Карты готовы?

— Нам нужно еще полчаса. Есть сведения, что последствия взрыва очень сильные. Есть новости и из Кювье. Мы их узнали из радиопередачи.

— Продолжай.

— По-видимому, корабль снимал... хм... после атаки. Они передали эти снимки в столицу и теперь их распространяют по всей планете. — Адъютант вытащил из-за пазухи потрепанный карманный компьютер. С его плоской поверхности смотрело лиловатое изображение лица владельца. — Снимки — тут.

— Показывай.

Адъютант положил компьютер на зернистую почву, сглаженную постоянными ветрами.

— Должно быть, они делали съемку в инфракрасном спектре.

Снимки были отличные и страшные. Расплавленные горные породы все еще змеями текли из кратера, а также выбрасывались фонтанами из десятков внезапно появившихся на свет божий вторичных вулканчиков. Все следы существовавшего здесь ранее человеческого поселения были стерты, поглощены пастью кальдеры, которая достигала одного-двух километров в поперечнике. На внутренних склонах и дне кальдеры можно было различить стеклянистые гладкие полосы, похожие на асфальт и черные как ночь.

— Мне однажды показалось, что мы ошибаемся, — сказала Слука. — Я надеялась, что вспышка и даже ударная волна... словом, надеялась, что это трюк, какой-то театральный эффект... А теперь я не вижу других возможностей для получения подобного результата, кроме того, как проделать в брюхе планеты вот такую дыру!

— Скоро мы узнаем больше, — отозвался адъютант. — Я полагаю, что здесь можно говорить откровенно?

— Это больше всего касается Силвеста, так что пусть слушает.

— Кювье послал самолет к месту атаки. Они смогут проверить, сфабрикованы снимки или нет.

К тому времени, когда они вернулись под землю, карты, заменившие устарелые копии из архивов Мантеля, уже были готовы. Все снова прошли в кабинет Слуки, чтобы рассмотреть их. На этот раз в их руках оказались свидетельства, что картографическая информация обновлена только несколько недель назад.

— Все сделано отлично, — заметил Силвест. — Картографы выполнили свои обязанности, хотя город вокруг них рушился. Их преданность науке вызывает восхищение.

— Плевать мне на их мотивы, — сказала Слука, проводя пальцами по одному из глобусов, стоявших вдоль стен. Она, видимо, хотела укрепить в себе чувство контакта со всей планетой, которая продолжала вращаться, даже выходя из-под контроля Слуки. — Если Феникс, или как там его еще кличут, есть на карте, то этого мне за глаза хватит.

— Он там есть, можешь не сомневаться, — буркнула Паскаль. Ее палец пополз по району взрыва вверх и остановился на крошечной нумерованной точке в пустынных и

безлюдных предгорных районах. — Это единственный поселок в интересующих нас местах. И вообще — единственный в северных широтах. А кроме того, он называется Феникс.

— А что о нем еще известно?

Адъютант Слуки, низенький человечек с маленькими набриолиненными усиками и козлиной бородкой, что-то тихо сказал своему компьютеру, видимо, приказав карте дать еще какую-то информацию. На экране появилось несколько значков возле общей таблицы.

— Не так уж много. Просто несколько многосемейных бараков, соединенных трубопроводами. Подземные мастерские. Никаких путей сообщения, хотя маленькая посадочная площадка есть.

— Население?

— Трудно назвать населением, — произнес адъютант. — Около сотни или что-то в этом роде. Всего восемнадцать жилых помещений для семей. Большая часть жителей — выходцы из Кювье. — Он пожал плечами. — Фактически если она и впрямь думала ударить по колонии, то мы отделались легким испугом. Сотня человек или около того... что ж... это трагедия. Но я удивлен, почему она не ударила по более крупной цели. Ведь никто из нас даже не знал о существовании этого поселения. И вдруг выбирается такая точка — почти ничего не значащая... Вам это не кажется странным?

— Дивное в своей абсурдности рассуждение, — отозвался Силвест, против желания кивая головой.

— Что?

— Я говорю о человеческой способности горевать. Она не дает возможности ощутить должную эмоциональную реакцию, если число мертвых достигает лишь нескольких десятков человек. В таком случае состадание не просто выравнивается: оно исчезает, оно падает до нуля. Согласитесь, это так. Никто из нас не сожалеет об этих людях. — Силвест поглядел на карту. Он думал, каково это было для тех людей, когда они услышали о тех нескольких секундах жизни, которые им отвела Вольева. Он думал, были ли среди них такие, которые бежали из своих домов, чтобы увидеть небо и на несколько долей секунды ускорить грядущую аннигиляцию. — Но я знаю одно: теперь у нас есть все доказательства, что эта женщина держит слово. А это значит, что вы должны отпустить меня к ним.

— Мне не хочется терять вас, — сказала Слука. — Но, кажется, у меня нет выбора. Вы, конечно, захотите связаться с ними?

— Разумеется, — ответил Силвест — И, конечно, со мной уйдет и Паскаль. Но есть еще кое-что, что вы должны сделать для меня до ухода.

— Услуга? — В голосе Слуки звучала слабая насмешка, как будто это было нечто, чего она от него никак не ожидала. — Так что же я могу сделать для вас теперь, когда мы стали добрыми друзьями?

Силвест усмехнулся.

— Фактически ее будете оказывать не вы, а доктор Фолкэндер. Дело касается моих глаз.

Со своего наблюдательного пункта — плавающего в воздухе и подвешенного на кронштейнах кресла — Триумвир Вольева рассматривала результаты своей работы на лежащей у нее под ногами планете. Эта работа очень четко и во всех деталях отражалась на проекционном голографическом дисплее капитанской рубки. Последние десять часов она наблюдала преимущественно рану на теле Ресургема, которая распространяла свои темные циклопические отростки от центра к периферии. Это служило доказательством, что погода в том регионе, как и на всей планете, получила толчок к формированию нового и опасного равновесия. Согласно собранным местным данным, колонисты называли подобное состояние атмосферы «бритвенными» бурями по причине «бреющего» эффекта пыли и песка, переносимого сильными ветрами. На это было интересно смотреть, как смотрят на вскрытие неизвестного вида животных. Хотя у Вольевой и был больший опыт знакомства с чужими планетами, чем у других членов команды, все же существовали вещи, которые ее удивляли и тревожили на этих мирах. Тревожило, например, то, что простая дыра, проделанная в литосфере Ресургема, оказала столь сильный эффект не только в непосредственной близости от места, которое атаковала Вольева, но и в тысячах километрах от него. Она прекрасно понимала, что в конце концов на планете не останется ни одной точки, которая во вполне измеряемых масштабах не будет затронута ее действиями. Пыль, которую она подняла в атмосферу, рано или поздно осядет. Мелкие, черные, слегка радиоактивные пылинки распределятся относительно равномерно по всей планете.

В районах с умеренным климатом они будут смыты в связи с изменением колонистами погодных условий, если их работа в этом направлении будет продолжена. Но в арктических районах, где дождей не бывает, мелкая пыль будет лежать многие столетия, никем не тревожимая. Потом ее перекроют другие отложения, и она станет частью геологической истории планеты. Возможно, думала Вольева, через несколько миллионов лет на Ресургем прибудут другие существа, обладающие чем-то вроде человеческого любопытства. Они захотят узнать историю планеты и в процессе ее изучения возьмут пробы коры литосферы, что уведет их в далекое прошлое. Безусловно, слои ископаемой пыли будут не единственной тайной, с которой они столкнутся, но они наверняка задумаются над ней, хотя, может быть, и мимолетно. Вольева не сомневалась, что будущие исследователи придут к совершенно неверным выводам в отношении происхождения этой пыли. Им и в голову не придет, что этот слой — результат акта сознательного воздействия...

Вольева проспала лишь несколько часов из минувших тридцати, но ее нервная энергия казалась неистощимой. Конечно, в ближайшем будущем ей придется за это расплатиться, но сейчас она чувствовала себя так, будто несется во весь опор, наполненная неизбывной силой. Но даже и при этом она не сразу вернулась из глубин напряженного внимания, когда Хегази придвинул к ней свой стул.

— Что случилось?

— Я получил кое-что, что может быть связано с нашим парнем.

— С Силвестом?

— Или с кем-то, кто выдает себя за него. — Триумвир впал в одно из своих состояний, которые, по мнению Вольевой, означали, что он вступает в полный душевный контакт с кораблем. — Не могу проследить линию связи, которой он пользуется. Она идет через Кювье, но готов держать пари, что физически он там отсутствует.

— Что же он говорит?

— Просит выйти на связь с ним. Бубнит одно и то же.

Хоури слышала чьи-то шаги, хлюпающие по полуторадюймовому слою слизи, которая затопила весь капитанский уровень.

У нее не было никакого рационального ответа на вопрос, зачем она сюда спустилась. Возможно, причина зак-

лючалась в том, что теперь, когда она перестала верить Вольевой — единственному человеку, кому она могла доверять, особенно сейчас, когда Мадемуазель исчезла после разрушения орудия из Тайника, — Хоури пришлось обратиться к иррациональному. Единственным человеком, который не предал ее на корабле и не стал ей ненавистным, был тот, от кого она никак и никогда не могла получить ответа.

Она почти немедленно поняла, что шаги не принадлежат Вольевой, но в них чувствовалась настойчивость, которая говорила, что человек знает, куда идет, а не просто случайно забрел в эту часть корабля.

Хоури выбралась из жидкой грязи. Седалищная часть ее штанов промокла и стала скользкой от слизи, но темный цвет материи скрывал урон, нанесенный одежде.

— Успокойся, — сказала фигура, которая без опаски шагнула из-за поворота. Свободно свисающие руки сверкали металлическим блеском, от металлических кистей исходило многоцветное сияние голографических узоров.

— Суджика! — узнала ее Хоури. — Откуда ты тут взялась, черт бы тебя побрал?

Суджика покачала головой, на лице появилась тонкогубая улыбка.

— Как я нашла сюда дорогу? Да очень просто, Хоури. Пошла за тобой. Когда выяснила общее направление, мне стало ясно, куда ты идешь. Поэтому я пошла дальше не торопясь, так как решила, что мы можем немного поболтать.

— Поболтать?

— Насчет нашей ситуации. — Суджика широко развела руками. — Здесь — на корабле. И особенно об этом гребаном Триумвирате. От тебя ведь не ускользнуло, что у меня есть претензии к одному из его членов?

— К Вольевой?

— Да, к нашей общей подружке Вольевой. — Суджика умудрилась так произнести это имя, что придала ему грандиозно похабное выражение. — Как ты знаешь, она пришила моего любовника.

— Я поняла, что тут были... проблемы.

— Проблемы? Ха! Ничего себе! Ты, Хоури, значит, называешь проблемой, когда кого-нибудь доводят до безумия? — Она помолчала, потом придвинулась ближе, хотя все еще сохраняла почтительное расстояние от разламыва-

ющейся на куски раки, в которой лежал Капитан. — А может, мне лучше звать тебя просто Ана, раз уж мы с тобой так... хм... подружились?

— Зови как хочешь. Все равно это ничего не меняет. Я сейчас могу ненавидеть ее до самых печенок, но это еще не значит, что я ее предам. Лучше бы нам не начинать этот разговор.

Суджика серьезно кивнула.

— Видно, она тебя достала своей терапией лояльности, верно? Послушай, Саджаки и другие далеко не так опасны, как ты думаешь. Ты можешь рассказать мне все.

— Все не так просто, как кажется.

— Это еще почему?

Суджика стояла, подбоченясь, ее закованные в рукавицы руки нежно лежали на узких бедрах. Женщина была прекрасна в том худощавом стиле, который характерен для рожденных в космосе. Физиологические процессы у нее шли на минимальном уровне, и если бы ее скелетно-мускульная структура не была химерийски укреплена, то очень сомнительно, что она смогла бы переносить нормальную силу тяжести. Однако сейчас, со всеми этими подкожными добавлениями, Суджика была безусловно сильнее и гибче, чем любой не оснащенный ими человек. Ее сила чем-то напоминала обоюдоострый клинок именно из-за кажущейся хрупкости. И еще она напоминала женскую фигурку оригами, вырезанную из режущей как нож бумаги.

— Не могу сказать, — ответила Хоури. — Но Илиа и я... у нас есть общие секреты. — Она тут же пожалела о сказанном, но ей так нужно было выпустить воздух из этой нахальной и властной Ультра. — Я хочу сказать...

— Послушай, я уверена, что именно такой она и жаждет тебя видеть. Но ты спроси себя вот о чем, Хоури: как много из того, что ты помнишь, — реально? Не может ли быть так, что Вольева каким-то образом ухитрилась повлиять на твою память? Она ведь пыталась поступить так и с Борисом. Пыталась «лечить» его, стирая память о прошлом, но у нее не получилось. Он все еще слышал голоса, с которыми должен был бороться. Может, и с тобой происходит такое? Нет ли каких новых голосов, которые плавают в твоем мозгу?

— Если и есть, — ответила Хоури, — то с Вольевой они ничего общего не имеют.

— Значит, есть. — Суджика гордо усмехнулась, подобно школьнице, одержавшей победу в трудной игре и не желающей показать, как ей это приятно. — Впрочем, есть у тебя голоса или нет, не имеет значения. Важно то, что ты потеряла свои иллюзии, связанные с ней. И с Триумвиратом в целом. Не станешь же ты прикидываться, что тебе нравится то, чем они заняты сейчас?

— Я не уверена, что понимаю их действия, Суджика. У меня в голове такая путаница. — Хоури чувствовала, как холодная мокрая ткань брюк липнет к ее коже. — Вот почему я и пришла сюда, если хочешь знать. В поисках мира и тишины. Чтобы остудить голову.

— И чтобы узнать, не поделится ли он с тобой мудростью? — Суджика кивнула в сторону Капитана.

— Он мертв, Суджика. Может быть, я единственный человек на борту, который это понимает, но это так.

— А если Силвест вылечит его?

— Даже если и сможет, то захочет ли этого Саджаки?

Суджика понимающе кивнула.

— Конечно, конечно. Это понятно. Но послушай... — Ее голос понизился до конспиративного шепота, хотя единственными слушателями могли быть попискивающие крысы. — Они нашли Силвеста. Это я узнала перед тем, как спустилась сюда.

— Его нашли? Он уже здесь?

— Нет, конечно, нет! Они лишь установили с ним контакт. Они еще даже не знают, где он. Знают только, что жив. Им все еще надо исхитриться доставить его на борт. Вот тут-то и появляешься ты. И я — тоже. Если по правде.

— Что ты хочешь сказать?

— Не стану притворяться, что понимаю, что случилось с Кжарваль в тренировочном зале, Хоури. Возможно, у нее и в самом деле крыша поехала, хотя я знала ее лучше всех на корабле и могу сказать, что она не из тех, у кого мозги всмятку. Как бы там ни было, Вольева получила основания, чтобы прикончить ее, хотя я не знала, что эта сука ненавидит Кжарваль до такой степени.

— Тут вины Вольевой нет.

— Ладно, пусть. — Суджика покачала головой. — Это в данную минуту не важно. Но зато это означает, что она нуждается в тебе для выполнения своей задачи. Ты и я, Хоури, а может, и ее Сучье Величество, должны спуститься на поверхность планеты и привезти Силвеста.

— Откуда ты это все знаешь?

Суджика отрицательно качнула головой.

— Официально — ниоткуда. Но когда поживешь на корабле с мое, начинаешь многое узнавать, минуя обычные каналы.

На минуту воцарилось молчание, нарушаемое лишь отдаленным звоном капель, падающих из прохудившейся трубы в затопленном коридоре.

— Суджика, зачем ты все это говоришь? Я думала, ты меня ненавидишь до печенок.

— Может, так оно и было, — ответила женщина. — Раньше. Но теперь нам нужны все союзники, каких только можно заполучить. И я подумала, что ты будешь довольна, получив предупреждение. Особенно если предположить, что у тебя есть малая капля ума, и ты можешь понять, кому можно верить, а кому — нет.

Вольева обратилась к своему браслету:

— «Бесконечность», сравни голос, который ты сейчас услышишь, с имеющимися на борту записями голоса Силвеста. Если ты не сможешь установить тождество, немедленно дай мне знать по закрытому каналу связи.

Голос Силвеста ворвался в каюту на середине фразы:

— ...если слышите меня. Повторяю, мне надо знать, слышите ли вы меня. Я требую, сука, чтобы ты опознала меня. Я требую, ты, гребаная, чтобы ты меня опознала...

— Это точно он, — сказала Вольева, и ее голос перекрыл звук мужского. — Я бы узнала этот наглый голос где угодно. Отключите его. Я полагаю, мы еще не установили, где он находится?

— К сожалению. Нам придется адресовать послание всей колонии и принять на веру, что у него есть средства нас услышать.

— Уверена, что эту важную деталь он не оставил без внимания. — Вольева проконсультировалась со своим браслетом, удостоверилась, что корабль еще не смог опровергнуть гипотезу, будто услышанный голос принадлежит Силвесту. Возможна ошибка, ибо Силвест, который когда-то был на борту, много моложе того человека, которого они ищут, так что сверка голосов затруднена и не может быть точной. Но даже с учетом этих обстоятельств, похоже, они обнаружили искомого человека, и он не является очередным обманщиком, желающим «спасти» колонию.

— Ладно. Дай-ка мне ту частоту, на которой шла передача. Силвест? Говорит Вольева. Скажите что-нибудь, если слышите меня.

Теперь его голос звучал яснее.

— Давно пора... мать вашу!

— Думаю, нам придется классифицировать это как «да», — сказал Хегази.

— Нам надо обсудить проблему, как взять вас на борт, и я думаю, было бы гораздо легче, если бы могли воспользоваться защищенным каналом. Если вы скажете, где находитесь в настоящее время, мы проведем тщательную проверку указанного района и найдем ваш передатчик, избежав, таким образом, необходимость связываться с Кювье...

— А зачем вам все это нужно? Разве вы хотите, чтобы я знал нечто, чего остальная колония знать не должна? — Голос Силвеста смолк, но Вольева явно ощутила его недовольство. — Во всяком случае, раньше вас это никак не стесняло. — Снова пауза. — Кроме того, мне не нравится то обстоятельство, что я имею дело с вами, а не с Саджаки.

— Он недосягаем, — ответила Вольева. — Объясните, где находитесь.

— Сожалею, но это невозможно.

— И все же придется это сделать.

— Какого черта! Вы же обладаете огромными возможностями. Найдите верное решение.

Хегази махнул рукой, делая Вольевой знак, чтобы она отключила звук.

— Вероятно, он не может выдать свое местопребывание.

— Не может?

Хегази постучал металлическим пальцем по металлической же переносице.

— Его похитители могут возражать. Они готовы отпустить его, но не хотят выдать место своей дислокации.

Вольева кивнула, находя, что мнение Хегази может оказаться близко к истине. Она опять включила звук.

— Ладно, Силвест. Думаю, ваша позиция ясна. Предлагаю компромисс, принимая за данность, что вы можете передвигаться по местности. Ваши... гостеприимные хозяева, надо полагать, смогут организовать что-либо после краткого предупреждения. Верно?

— У нас есть транспорт, если вы это имеете в виду.

— В таком случае у вас в распоряжении шесть часов. Достаточно времени, чтобы забраться подальше от того ме-

ста, где вы находитесь сейчас. Но если через шесть часов мы от вас ничего не услышим, мы предпримем атаку на нашу следующую цель. Это ясно всем заинтересованным лицам?

— О да! — ядовито отозвался Силвест. — В высшей степени ясно.

— И еще одно.

— Да?

— Возьмите с собой Кэлвина.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Северный Некхебет, год 2566-й

Силвест почувствовал, как самолет, вынырнувший из подземного ангара Мантеля, уклонился от песчаникового склона столовой горы и стал набирать высоту. Силвест протер в иллюминаторе окошко, но густая пыльная завеса мешала увидеть что-либо кроме горы, в которой были прорыты туннели базы. Потом и гора ушла куда-то из-под сверкающего плазменным огнем крыла. Силвест знал, что никогда больше не вернется сюда. И не только Мантеля не увидит, но и всей колонии тоже.

Машина была самая маленькая и самая дешевая, которую только удалось найти в Мантеле. Вряд ли она была больше планера, на котором Силвест летал когда-то в Чазм-Сити. Летела она довольно быстро, так что за шесть часов могла оставить между собой и Мантелем весьма приличное расстояние. Самолет брал четырех человек, но сейчас в нем были только Силвест и Паскаль. И все же, несмотря на определенную свободу перемещения, они пока оставались пленниками Слуки. Ее люди составили программу полета задолго до вылета из Мантеля. Самолет мог отклониться от плана полета, только если автопилот решит, что погодные условия требуют изменения курса. Если же условия посадки на месте будут удовлетворительны, то самолет высадит Силвеста и его жену в заранее согласованном месте, о котором будет сообщено Вольевой и ее команде. Если условия посадки будут плохими, в том же районе будет найдено более подходящее место.

Самолет не будет находиться на месте высадки долго. После того как Силвест и Паскаль сойдут с него, имея до-

статочный запас продовольствия, чтобы выжить в условиях наступающей бури несколько часов, самолет тут же отправится в Мантель, тщательно избегая немногих радарных систем, которые могли бы сообщить в Ресургем-Сити обратную трассу полета. Тогда Силвест свяжется с Вольевой и информирует ее о своем местонахождении. В этом случае он будет вести открытую передачу, и Вольева легко определит точку, где находится Силвест. После этого все перейдет в руки Вольевой. Силвест сам не знает, как именно будут разворачиваться события и каким образом она доставит его на корабль. Это ее проблема, а не его. Он знал одно: операция на ловушку не похожа. Хотя Ультра нуждаются в Кэлвине, но последний совершенно бесполезен им без Дэна Силвеста. Так что пусть заботятся и о нем, да получше. А если та же логика не будет применена к Паскаль, Силвест принял кое-какие меры предосторожности, которые быстро исправят ситуацию.

Самолет спускался. Сейчас он летел чуть ниже невысоких гряд, используя их как укрытия. Каждые несколько секунд он разворачивался и летел сквозь узкие, похожие на каньоны коридоры, которые отделяли друг от друга столовые горы. Видимость была почти нулевая. Силвест надеялся, что топографическая карта, на которой самолет основывал свои маневры, не устарела и учитывает возможность оползней. В противном случае полет может окончиться раньше, чем пройдут отпущенные Вольевой шесть часов.

— Где, черт побери... — Кэлвин, который только что появился в кабине, очумело огляделся. Он, как всегда, покоился в огромном очень мягком кресле. Для таких габаритов фюзеляж был слишком мал, и отдельные части кресла, на удивление всем, скрывались в стенах и в потолке. — Черт побери, да где же это я? Ничего не понимаю! Что случилось, во имя дьявола? Скажите же мне?

Силвест повернулся к жене.

— Проснувшись, Кэлвин первым делом обнюхивает местное кибернетическое пространство, разрешает ему получить данные о себе, устанавливает временные параметры и так далее. Беда в том, что в данном случае кибернетическое пространство отсутствует, поэтому он несколько сбит с толку.

— Перестань болтать обо мне так, будто меня здесь вовсе нет! Где я, черт побери?

— Ты в аэроплане.

— В аэроплане? Вот так новость! — кивнул головой Кэл. К нему явно возвращалось присутствие духа. — В самом деле — новинка! Кажется, я никогда не летал на них. Уверен, что ты не откажешь своему старенькому папочке и сообщишь ему основные факты?

— Именно для этого я тебя и разбудил. — Силвест остановился, чтобы закрыть иллюминаторы ставнями. Теперь в них ничего не было видно. Непрерывные пыльные вихри напоминали ему о том, каково будет на том месте, где их высадят. — И не думай ни на минуту, что я сделал так потому, что соскучился по ссорам, Кэл.

— А ты вроде постарел, сынок?

— Да, видишь ли, некоторым из нас приходится заниматься делами, которые имеют отношение к проблеме, как умудриться выжить в этой энтропийной системе.

— О! Это печально, весьма печально.

Вмешалась Паскаль:

— Прекратите! Сейчас не время подпускать друг другу шпильки!

— Не знаю, не знаю, — отозвался Силвест. — Пять часов кажутся мне весьма долгим временем. А ты как думаешь, Кэл?

— Ты совершенно прав. Да и вообще, что она понимает? — Кэл бросил на Паскаль злобный взгляд. — Это у нас такая традиция, милочка. Мы таким образом... как бы это выразиться... проясняем отношения. Если он проявляет что-то, хоть отдаленно похожее на сердечность, я тут же начинаю бить тревогу. Это означает, что он собирается заставить меня оказать ему очень затруднительную для меня услугу.

— Нет, — возразил Силвест. — Для получения затруднительных одолжений я просто угрожаю стереть твою запись. Я пока не нуждался в получении от тебя ничего столь серьезного, чтобы притворяться приятным, и, надеюсь, такое время никогда не настанет.

Кэлвин подмигнул Паскаль.

— Он, конечно, прав. Глупо с моей стороны.

Он выглядел весьма импозантно в своем фраке цвета пепла, со стоячим воротником, с рукавами, покрытыми переплетающимися золотыми шевронами. Обутая в сапог нога закинута на колено другой, длинная фалда закрывает эту ногу как бы завесой из мягких складок. Его бородка и усы отросли, и их трудно было назвать пушистыми. Они

создавали блистательную скульптурную композицию, которая может появиться на свет лишь заботами армии преданных и отлично вышколенных слуг-автоматов. Янтарный монокль-компьютер закрывает одну глазницу (причуда, поскольку Кэлвину сразу же после рождения были сделаны имплантаты для прямой связи с Сетью). Волосы (он носит их сейчас длинными) зачесаны назад и образуют там нечто вроде маслянистой ручки амфоры, соединяясь с черепом вторично вблизи от макушки. Силвест попытался датировать весь этот ансамбль, но не сумел. Вполне возможно, он был результатом воспоминаний Кэла о каком-то определенном моменте тех лет, когда он правил в Йеллоустоне. Но с равным успехом этот облик мог возникнуть из ничего, чтобы убить время и избавиться от скуки, когда все дела давно переделаны.

— Итак?

— Аэроплан несет меня на свидание с Вольевой, — сказал Силвест. — Ты ее, конечно, не забыл?

— Как можно забыть? — Кэлвин удалил монокль и задумчиво потер его о рукав. — И как же это у вас получилось?

— Долго рассказывать. Она надавила на колонию. У них не осталось другого выбора, как выдать меня. И уж если по правде, то и тебя тоже.

— Она хочет меня?

— Не стоит, пожалуй, разыгрывать такое удивление.

— А я и не удивлен. Просто разочарован. Ну и, разумеется, уж больно внезапно все это на меня свалилось. — Кэлвин вставил монокль обратно, и увеличенный глаз сверкнул за янтарным стеклом. — Ты думаешь, мы нужны ей оба в качестве гарантии? Или у нее есть более конкретные пожелания?

— Последнее более вероятно. Хотя она и не спешит объявить о своих намерениях.

Кэлвин задумчиво покивал головой.

— Итак, ты имел дело только с Вольевой?

— Тебе это кажется странным?

— Я бы ожидал, что на определенном этапе свой нос должен высунуть наш друг Саджаки.

— Я тоже, но она ни разу не объяснила его отсутствия. — Силвест передернул плечами. — Но имеет ли это значение? Один хуже другого.

— Верно, но, имея дело с Саджаки, лучше понимаешь ситуацию.

— Более примитивен, хочешь сказать?

Кэлвин уклончиво мотнул головой.

— Считай как хочешь, но он по крайней мере держит слово. И он — или кто у них там сейчас главный — имел совесть не беспокоить тебя до сих пор. Сколько времени прошло с тех пор, когда мы в последний раз были на борту этого готического безобразия, которое они именуют «Тоской по Бесконечности»?

— Около ста тридцати лет. И куда меньше для них — всего несколько десятилетий, как я понимаю.

— Я думаю, нам следует ожидать худшего.

— Чего именно?

— Того, — начал Кэлвин с наигранным спокойствием, — что на нас возложат определенную задачу, связанную с неким джентльменом. — Он скосил глаза на Силвеста. — Кстати, а многое ли ей известно?

— Гораздо меньше, чем я думала, кажется. — Паскаль вовсе не выглядела довольной.

— Я рассказал ей лишь кое-что, — ответил Силвест, глядя в пространство между женой и записью отца на бета-уровне. — Для ее же блага.

— Ах, большое спасибо!

— Конечно, у меня были собственные сомнения...

— Дэн, чего, собственно, хотят эти люди от тебя и твоего отца?

— Боюсь, это еще одна довольно длинная история.

— У нас с тобой есть пять часов — ты только что сам сказал. Конечно, если вам обоим удастся отвлечься от вашего сеанса взаимного обожания.

— Не слыхал никогда такого названия. Какое-то представление о ситуации у нее есть, сынок?

— Да, — согласился Силвест. — В корне неверное.

— И все-таки тебе стоило бы рассказать ей больше — так сказать, представить картину в целом.

Самолет сделал особенно резкий разворот. Кэлвин был единственным, кто не ощущал физических особенностей полета.

— Ладно, — сказал Силвест, — хотя мне и сейчас кажется, что ей лучше знать меньше, чем больше.

— А почему бы вам не дать мне возможность судить об этом самой? — спросила Паскаль.

Кэлвин усмехнулся.

— Начни рассказ со сведений о милейшем капитане Бреннигене — мне кажется, так будет лучше.

Таким образом, Силвест рассказал жене все. До сих пор он искусно обходил вопрос, почему команда Саджаки так хочет заполучить его. У Паскаль было право знать это, конечно... но сам сюжет был настолько омерзителен для Силвеста, что он изо всех сил старался оставить его в стороне. Он, разумеется, лично не имел ничего против капитана Бреннигена, даже сочувствовал этому человеку, с которым произошла такая жуть. Капитан был уникальной личностью с уникальной и страшной судьбой. И если он (насколько мог судить Силвест) в настоящее время находился без сознания, то в прошлом был вполне энергичен и проницателен и может снова стать таким же в будущем, если, что мало вероятно, его удастся излечить. Ну и что в том, что в туманном прошлом за Капитаном числились даже преступления? Безусловно, этот человек расплатился за прежние грехи своим нынешним положением. Нет, любой человек пожелал бы Капитану удачи, а большинство людей захотели бы одолжить ему свою энергию, чтобы помочь, если, конечно, им бы это ничем плохим не грозило. Да и небольшой риск тоже был бы вполне оправдан.

Но то, чего команда хотела от Силвеста, — было куда большим, нежели просто риск лично собой. Они могут потребовать, чтобы он подчинился Кэлвину, разрешил Кэлвину войти в его мозг и взять на себя контроль над его — Силвеста — моторикой. Даже одна мысль об этом вызывала у Силвеста неодолимое отвращение. Даже взаимодействие с Кэлвином как с имитацией бета-уровня — и то было весьма неприятным. Он чувствовал себя так, будто встречается с привидением отца. Он уничтожил бы эту запись годы назад, если бы она не оказалась несколько раз удивительно полезной, но вообще само сознание, что она существует, заставляет его содрогаться. Кэл был слишком проницателен и хитер в своих... в своих суждениях. Он прекрасно знал, что случилось с его записью на альфа-уровне, хотя никогда не жаловался по этому поводу и даже не заговаривал об этом. Но каждый раз, когда Силвест допускал его в свой мозг, ему казалось, что Кэлвин все глубже запускает в него свои щупальца. Каждый раз Кэлвин узнавал его все лучше и лучше и учился более точно предсказывать поведение Силвеста. Так во что же превращается

тогда он сам, если то, что он считал своей свободной волей, так легко копируется обрывком компьютерной программы, теоретически не имеющей собственного сознания? Это было хуже, чем, например, обезличивающий процесс перезаписи сознания. Даже в физическом смысле процедура была отвратительна. Его собственные моторные сигналы блокировались у самого их источника, их блокировала похлебка из лекарственных препаратов, воздействующих на нервную систему. Он был парализован — и все же двигался, как человек, одержимый демоном. Кошмарные переживания, испытывать которые вторично у него не было ни малейшего желания.

Нет, думал Силвест. Капитан может отправляться ко всем чертям. С какой стати он должен жертвовать своей человеческой сущностью, чтобы спасти кого-то, кому следовало помереть уже давным-давно? Сейчас большим преступлением, чем дать Капитану страдать, было стремление его команды заставить Силвеста облегчить эти страдания такой ценой.

Кэлвин, конечно, видел все это в другом свете... не столько испытание, сколько возможность...

— Конечно, я был первым, — сказал он. — Давно, когда я еще был материален.

— Первым в чем?

— Первым, кто обнаружил его. Но уже тогда он был в значительной степени химерийцем. Некоторые технологии, примененные для того, чтобы он не рассыпался, датируются временем до эпохи Просвещения. И одному Богу известно, как стара была плоть Капитана. — Он погладил бороду и усы, как будто вспоминая весь ужас этой комбинации. — Все это было, разумеется, еще до Восьмидесяти. Но я уже тогда был известен как смелый экспериментатор, работающий на рубежах самых радикальных позиций химерийской науки. Меня не устраивала мысль просто об обновлении той технологии, которая была создана до Просвещения. Мне хотелось пойти дальше того, чего им удалось достигнуть. Я хотел обогнать их, пусть нюхают пыль из-под моих колес. Я хотел двинуть науку так далеко вперед, чтобы дряхлая оболочка Капитана расползлась на нитки, а я бы потом соткал ее наново.

— Ладно, хватит о тебе, Кэл, — сказал Силвест. — Мы ведь обсуждаем положение Бреннигена, помнишь?

— Надо же было обрисовать всю сцену в целом, мой дорогой, — подмигнул Кэлвин. — Так или иначе, Бреннигеи был уже в большой степени химерийцем, а я — тем, кто был готов применить к нему экстремальные меры. Когда он заболел, его друзьям не оставалось ничего, как купить мои услуги. Конечно, все провели под большим секретом, дело было подсудное даже для меня. Меня все меньше интересовала проблема физиологических модификаций, зато рос интерес к нейронным трансформациям — до одержимости, если тебе угодно. В частности, мне хотелось найти способ наложения нейронной деятельности прямо на... — Кэлвин смолк, прикусив нижнюю губу.

— Бренниген использовал его, — продолжал Силвест, — а в обмен помог Кэлу установить связи с некоторыми богачами из Чазм-Сити. Это были потенциальные клиенты для программы Восьмидесяти. И если бы Кэл как следует вылечил Капитана, то на этом вся история Бреннигена благополучно и закончилась бы. Однако Кэл схалтурил и ограничился минимумом того, что мог сделать. Так, чтобы, так сказать, отделаться от соратников Бреннигена. Если бы он сделал все, как надо, у нас не было бы сегодняшних неприятностей.

— Он хочет сказать, — перебил Кэлвин, — что результат моих ремонтных работ нельзя рассматривать как вечный. Было неизбежно, учитывая особенности химерийской науки, что другие аспекты физиологии в свое время потребуют снова нашего внимания. А тогда — ввиду сложности работы, которую я проделал, — не оставалось буквально ни одного человека, к которому он мог бы обратиться.

— Вот тогда-то они и вернулись, — сказала Паскаль.

— На этот раз он командовал кораблем, на который мы собирались сесть. — Силвест посмотрел на «запись». — Кэл уже умер. История с «Восьмьюдесятью» вызвала к нам всеобщую ненависть. Все, что от Кэла осталось, — запись на бета-уровне. Не стоит говорить, что Саджаки — он уже в это время появился на корабле — находился в крайне дурном расположении духа. Именно он и отыскал выход.

— Выход?

— Как заставить Кэлвина работать на Капитана. Они обнаружили, что могут сделать это через меня. Запись на бета-уровне хранила знания о химерийской хирургии. Я же был мясом, необходимым для того, чтобы двигаться и

выполнять работу. Ультра называли этот процесс «каналированием».

— Но тогда этим человеком мог бы быть и не ты, а кто-то другой? — спросила Паскаль. — Если у них была бета-запись Кэла, то разве не мог один из них действовать, как — если использовать твое дивное определение — как мясо?

— Нет, хотя они наверняка предпочли бы твой вариант — это сделало бы их независимыми от меня. Дело в том, что каналирование срабатывает только тогда, когда между бета-записью и человеком, с которым она контактирует, существует большое сходство, родство. Ну, как перчатка и рука, на которую она натягивается. Со мной и Кэлвином получалось, так как он — мой отец. Много точек генетического сходства. Если бы произвести «вскрытие» наших генов, их было бы трудно различить.

— А теперь?

— Они опять вернулись.

— Но теперь уже потому, что нахалтурил он сам, — сказал Кэлвин, прикрывая свою ремарку тонкой улыбкой самодовольства.

— Вини себя, поскольку ты сидел в водительском кресле, а я делал только то, что ты приказывал, — вызверился Силвест. — Если по правде, так большую часть времени я вообще был без сознания. Хотя все равно ненавижу каждую минуту того проклятого времени.

— И теперь они снова собираются заставить тебя? — вскричала Паскаль. — И из-за этого произошло то, что произошло? Атака на поселок? Только чтобы заставить тебя помочь их Капитану?

Силвест кивнул.

— На всякий случай повторю, если ты не обратила внимания раньше: люди, с которыми нам приходится иметь дело, на самом деле людьми — в том смысле, который мы вкладываем в это слово, — не являются. Их моральные ценности, как и представления о времени... несколько абстрактны.

— В этом случае я не стала бы называть это делом. Шантаж — вот что это такое.

— Что ж, — сказал Силвест. — Ты и тут ошибаешься. Видишь ли, на этот раз Вольева допустила небольшой просчет. Она предупредила меня о своем прибытии.

Вольева подняла взгляд к сфере, изображавшей Ресургем. В данный момент точное местонахождение Силвеста

было ей абсолютно неизвестно, как волновая функция в квантовой механике до измерения. Но через несколько минут в их руках окажутся точные триангуляционные данные, основанные на радиоперехвате, и волновая функция рассыплется мириадами не выбранных пока возможностей.

— Ты поймал его?

— Сигнал очень слабый, — ответил Хегази. — Та буря, которую ты вызвала, порождает множество ионосферных возмущений. Ручаюсь, ты этим гордишься.

— Ты лучше запеленгуй его, паразит.

— Спокойствие и еще раз спокойствие.

На самом деле Вольева вовсе не сомневалась, что сигнал от Силвеста в скором времени придет. Тем не менее, когда он появился, она не могла не ощутить чувства облегчения. Он означал, что еще один элемент в хитроумном плане, как залучить Силвеста на борт, уже реализован. Вольева, разумеется, не собиралась предаваться иллюзиям, будто работа окончена. И еще: в требованиях Силвеста содержалось нечто наглое, будто это он отдает приказы о том, как должны развиваться события. А из-за этого ей приходилось гадать, действительно ли она и ее коллеги командуют парадом. Если Силвест поставил себе цель посеять в ее уме сомнения, то ему, безусловно, это удалось. Будь он проклят. Она приготовилась, зная, что Силвест — эксперт в играх такого рода, но, видимо, в подготовке оказались изъяны. Тогда она сделала в игре шаг назад и спросила себя: а как шли дела до сих пор? В конце концов еще немного и Силвест окажется у них в плену. Вряд ли такой исход ему по вкусу, особенно когда он узнает по какой причине они так жаждали его заполучить. Если бы он распоряжался своей судьбой, то сейчас наверняка не находился бы в ситуации, когда его вот-вот поволокут на борт.

— Ага, — сказал Хегази, — мы его зафиксировали. Хочешь послушать, что говорит этот подонок?

— Включай.

Голос Силвеста ворвался в каюту, как это уже происходило шесть часов назад, но сейчас он довольно сильно отличался от прежнего. Каждое слово, которое произносил сейчас Силвест, звучало на фоне завываний песчаной бури, более того, почти заглушалось ею.

— Я уже здесь, а где же вы? Вольева, ты меня слышишь? Я спрашиваю, ты меня слышишь? Мне нужен ответ! Вот мои координаты относительно Кювье, так что

прочистите свои грязные уши. — После этого он повторил — для уверенности несколько раз — целую строчку цифр, которые указывали его местоположение с точностью до ста метров. Информация излишняя, так как пеленгация, производимая сейчас с корабля, дает те же самые результаты. — Спускайтесь к нам! Мы не можем ждать долго, мы попали в самое сердце «бритвенной бури», и мы погибнем, если вы не поторопитесь!

— М-м-м, — промычал Хегази. — Думаю, что в подобной ситуации было бы невредно дать этому бедолаге какой-нибудь ответ.

Вольева взяла сигарету и закурила. Она с удовольствием выдохнула струйку дыма, прежде чем ответить.

— Через час, не раньше. Полагаю, ему не вредно будет слегка поволноваться.

Хоури услышала слабый шаркающий звук, когда распахнутый скафандр шагнул к ней. Спиной, задней поверхностью рук, ног и головы, она ощутила мягкое, но настойчивое давление. Периферийный обзор показал ей боковые части шлема, плотно облегающие голову и почему-то оказавшиеся влажными. Затем она ощутила, как руки и ноги скафандра обхватили ее конечности. Вот и пустота грудной клетки захлопнулась с таким звуком, будто кто-то вытащил из кастрюльки последний кусок пудинга.

Периферическое зрение сузилось, но все-таки ей было видно, как смыкаются вдоль разрезов конечности скафандра. Еще секунду-другую виднелись швы, но внезапно исчезли и они, будто затерявшись в ровной белизне «шкуры» скафандра. Шлем закрыл ей лицо, наступила тьма, которая тут же исчезла, когда перед глазами возник светлый овал ее лицевого щитка. Затем темноту сменил свет множества циферблатов и счетчиков. Еще немного, и внутренность скафандра заполнится гель-воздухом, который защитит своего «хозяина» от перегрузок во время полета. Пока же Хоури вдыхала относительно чистую смесь азота и кислорода при обычном давлении.

— Я провел тестирование своих функций и состояния систем безопасности, — проинформировал ее скафандр. — Будьте добры, подтвердите, что вы желаете получить полный контроль над данной боевой единицей.

— Да, я готова.

— В настоящий момент я приостанавливаю действие большинства автономных функций управления. Мои действия ограничиваются ролью советника, если вы не потребуете чего-либо иного. Полная автономность контроля может быть восстановлена путем...

— Все поняла, спасибо. А как дела у других?

— Все остальные единицы рапортуют о готовности.

Раздался голос Вольевой.

— Мы отправляемся, Хоури. Веду отряд я. Спуск треугольником. И ни единого движения без моей команды. Поняла? Все только по приказу.

— Не волнуйся, у меня своих планов нет.

— Я вижу, ты ее держишь под каблуком, — вмешалась по открытому каналу Суджика. — Она и в сортир ходит по команде?

— Заткнись, Суджика. Ты тут только потому, что знакома с другими мирами. Шаг из рядов... — Вольева сделала паузу. — Ладно, скажем так: с нами не будет Саджаки, который мог бы сдержать мой нрав, если я потеряю терпение, а у меня вполне хватит пороху, чтобы потерять часть этого терпения.

— Кстати о порохе, — сказала Хоури. — У меня на приборах нет данных о вооружении.

— А это потому, что тебе не положено. — Это опять Суджика. — Илиа не доверяет тебе, а то начнешь палить по первому попавшемуся объекту, который шевельнется. Верно я говорю, Илиа?

— Если мы столкнемся с неприятелем, — сказала Илиа, — я разрешу тебе пользоваться оружием, можешь не сомневаться.

— А почему не сейчас?

— Потому, что сейчас в этом нет нужды, вот почему. Ты тут пятая спица в колеснице! Твое дело помочь, если план не сработает. А этого произойти не должно. — Было слышно, как она переводит дыхание. — А если произойдет, получишь свое драгоценное оружие. И тогда будь с ним поосторожнее.

Как только они оказались снаружи, корабельный воздух был изгнан из скафандров и заменен гель-воздухом — жидкостью, пригодной для дыхания. На какой-то момент Хоури показалось, что она тонет, но ей еще на Краю Неба приходилось неоднократно пользоваться скафандрами, так что ощущение дискомфорта скоро прошло. Теперь нормаль-

ная речь стала невозможной, но шлем скафандра имел в себе датчики, которые интерпретировали мысленные команды. Микрофоны в шлеме переводили звуки, поступающие снаружи, на соответствующие частоты, благодаря чему голоса, которые слышала Хоури, звучали совершенно нормально. Хотя спуск был труден и переносился тяжелее, чем спуск в шаттле, он все же не причинял больших неприятностей, если не считать изменения давления на глазные яблоки. По показаниям счетчиков Хоури установила, что перегрузки составили шесть *g*. Их вызвало действие ракетных двигателей, встроенных в спины и каблуки скафандров. Вольева руководила спуском, построив скафандры клином, у которого два «обитаемых» скафандра шли непосредственно за ней, а три подчиненных им пустых составляли арьергард. На первой стадии спуска скафандры сохраняли то положение, которое приняли еще на борту корабля, как бы повторяя в упрощенном варианте конфигурацию человеческого тела. Но когда на них появились первые отблески верхних слоев атмосферы Ресургема, скафандры заметно изменили свою форму. Их корпуса согнулись под углом в 45 градусов. Мембраны, скрепляющие конечности с основным корпусом, сжались, и эти детали жестко срослись с ним. Руки скафандров изменили положение. Теперь они были напряжены и вытянулись вперед. Шлемы вжались и как бы стали более плоскими. Над ними образовалась своего рода пологая арка из соединенных рук. Колонны ног срослись и образовали пылающий хвост. Прозрачные полосы, оставляемые скафандрами, быстро мутнели и гасили свечение, вызванное вхождением в атмосферу. Скафандры принимали столкновение с атмосферой таким образом, что сложный рисунок ударной волны ослаблялся и отражался микрорельефом их «шкуры». Хотя прямое видение в таких условиях не работало, скафандры продолжали воспринимать окружающую обстановку на других частотах и прекрасно справлялись с задачей адаптирования этих данных к человеческим чувствам. Глядя по сторонам и вниз, Хоури видела другие скафандры, каждый из которых был погружен в слегка светящуюся оболочку розовой плазмы.

На высоте двадцати километров скафандры использовали свои ракеты, чтобы замедлить падение до скорости звука, и трансформировали себя в соответствии с условиями уплотнившейся атмосферы в летательные аппараты раз-

мером чуть больше человеческого тела. На спинах скафандров возникли плавники-стабилизаторы, лицевые щитки стали прозрачными. Покоясь в «объятиях» скафандра, Хоури почти не ощущала этих изменений, она чувствовала лишь колебания давления стенок скафандра, что заставляло ее немного менять положение тела.

На высоте пятнадцати километров шестой скафандр вышел из общего строя и переключился на сверхзвуковой полет, одновременно придав себе идеальную аэродинамическую форму, которую человеческое тело могло бы обрести лишь с помощью сложнейшей хирургической операции. Используя ракетную тягу, он через несколько секунд исчез за горизонтом, двигаясь быстрее любого искусственного предмета, когда-либо посещавшего атмосферу Ресургема. Хоури знала, что этот скафандр должен подобрать Саджаки, встретившись с ним в заранее определенном месте, откуда тот недавно связывался с кораблем, закончив свои дела на Ресургеме.

На отметке десяти километров — сохраняя молчание, поскольку лазерная связь между скафандрами была полностью заблокирована, — они впервые столкнулись с последствиями песчаной бури, которую пробудили к жизни действия Вольевой. Сверху из космоса буря выглядела черной и непроницаемой, как плато, сложенное из пепла. Внутри, однако, она светилась, чего Хоури никак не ожидала. Свет был цвета сепии, как бывало в Чазм-Сити в непогожий денек. Грязная радуга окружала солнце, но вскоре она исчезла — скафандры окунулись в штормовую пелену. Теперь свет не столько просачивался к ним сверху, сколько с трудом пробивался сквозь слои песка и пыли, подобно пьянице, карабкающемуся со ступеньки на ступеньку. Поскольку в гель-воздухе вес почти не ощущается, Хоури быстро потеряла ощущение верха и низа и инстинктивно доверилась внутренним системам скафандра, передав управление им. То и дело — хотя ракеты и стремились выровнять полет — она ощущала «ямы», в которые проваливался скафандр. Когда скорость упала ниже скорости звука, скафандры снова перестроили себя, став более стройными. Земля была всего лишь в нескольких километрах, а самые крупные вершины столовых гор лежали всего в нескольких сотнях метров внизу. Теперь скафандрам было труднее удерживать строй — то один, то другой скрывался в облаках пыли.

Хоури начала волноваться. Она никогда не пользовалась скафандрами в условиях, хотя бы отдаленно напоминающих эти.

— Скафандр, — сказала она, — ты уверен, что сможешь справиться с этой ситуацией? Я не хотела бы, чтобы ты свалился с неба прямо со мной.

— Хозяин, — ответил тот, стараясь изо всех сил выглядеть оскорбленным, — когда пыль станет проблемой, я тебя об этом немедленно информирую.

— Порядок. Я ведь просто так спросила.

Теперь уже вообще ничего не было видно. Похоже было, что плывешь в потоке грязи. Иногда в буре появлялись разрывы, и тогда видны становились высокие стены каньонов и столовые горы, но большую часть времени Хоури окружали лишь бесформенные клубы пыли.

— Ничего не вижу! — сказала она.

— А вот так лучше?

Да, так было лучше. Казалось, она одним движением век смигнула бурю, и та перестала существовать. Теперь Хоури видела на десятки километров, чуть ли не до линии горизонта в тех местах, где ее не закрывали более близкие каменные стены. Похоже было, что она летит солнечным днем, но этому впечатлению противоречило освещение — болезненные тона зеленого цвета.

— Это монтаж, — сказал скафандр. — Он сконструирован из снимков, сделанных в инфракрасном спектре, моментальных замеров пульсатора-радара и гравиметрических данных.

— Весьма мило, но не надо уж так задирать нос. Когда мне надоедают машины, даже самые умные, у меня возникает непреодолимое желание их унизить.

— Понятное дело, — сказал скафандр и заткнулся.

Хоури вызвала на лицевой щиток карту местности. Скафандр и сам знал, куда лететь, и шел на координаты точки, где Силвест выходил в эфир, но проявлять активный интерес казалось Хоури как-то более профессиональным. Три с половиной часа прошло с тех пор, как Вольева разговаривала с Силвестом. За это время он не сможет далеко уйти от места назначенного рандеву, даже если по какой-то причине вдруг захочет избежать визита на корабль. Датчики скафандров без всякого труда обнаружат его, разве что беглецу удастся отыскать удобную и глубокую пещеру. Но и

тогда детекторы скафандров найдут тепловые и биохимические следы, оставленные по пути.

— Внимание всем! — сказала Вольева, впервые после вхождения в атмосферу используя общий канал связи. — Через две минуты мы будем в назначенном месте встречи. С орбиты сообщают, что скафандр Триумвира Саджаки только что обнаружил хозяина и принял его в себя. В настоящее время Саджаки направляется к нам, но так как его скафандр двигается медленно, он доберется сюда не ранее чем через десять минут.

— Он встретится с нами? — спросила Хоури. — А почему он не возвращается прямо на корабль? Неужели думает, что нам не справиться, если он не будет дышать нам в затылок?

— Ты что! — вмешалась Суджика. — Саджаки ждал годы, десятки лет, вот этого самого момента! Да ни за что на свете он не согласится пропустить такую триумфальную минуту!

— Но Силвест же не станет драться, не так ли?

— Нет, если, конечно, не спятит от радости, — включилась опять Вольева. — Но верить не следует ничему. Я с ним хорошо знакома. А вы обе — нет.

Хоури почувствовала, что ее скафандр возвращается к той конфигурации, которой обладал на корабле. Мембрана, изображавшая спинной плавник, исчезла, а собственные конечности Хоури освободились. Теперь они уже не походили на какие-то крыловидные придатки. Кисти рук скафандра разъединились, образовав что-то вроде отростков, похожих на митенки. Чувствовалось, что если понадобятся более сложные действия, то появятся и гибкие пальцы. Уже можно выпрямить позвоночник, принявший почти вертикальное положение, хотя некоторый наклон вперед еще сохранился. Скафандр удерживал высоту с помощью тяги и был непроницаем для пыли.

— Минута до цели, — сказала Вольева. — Высота двести метров. В любой момент мы можем вступить в зрительный контакт с Силвестом. Помните, нам нужна и его жена. Они вряд ли далеко друг от друга.

Устав от бледно-зеленого изображения, Хоури вернулась к нормальному зрению. Теперь другие скафандры она различала с большим трудом. Находились они на довольно приличном расстоянии от стен каньона, от трещин и скалистых выступов. Поверхность была плоской почти на ты-

сячу метров в любом направлении, если не считать отдельных валунов и канав. Но даже когда в буре открывались разрывы — очажки спокойствия в хаосе, — видеть отчетливо на расстояние больше нескольких десятков метров было невозможно. Поверхность почвы представляла собой сплошное кипение песчаных потоков. В скафандре же было прохладно и тихо, что придавало всей ситуации опасный привкус нереальности. Если бы Хоури попросила, скафандр вернул бы слышимость, но это мало бы что изменило, кроме впечатления, что снаружи дует чертовский ветер.

Она вернулась к бледно-зеленому изображению.

— Илиа, — сказала она. — Я все еще безоружна. Чувствую себя очень неуверенно.

— Дай ей чем-нибудь поиграть, — поддержала Суджика. — Жалко тебе, что ли? Пусть убирается и палит по скалам, пока мы с тобой займемся Силвестом.

— Пошла ты...

— Грубишь, Хоури. Ты что, не понимаешь, что я пытаюсь тебе помочь? Или ты надеешься убедить Вольеву в одиночку?

— Ладно, Хоури, — отозвалась Вольева. — Разрешаю минимальный уровень защиты. Хватит с тебя?

Если по правде, то нет. Теперь скафандр Хоури получал автономную привилегию на защиту себя от внешней угрозы и даже — до некоторой степени — право действовать активно, предупреждая возникновение опасной ситуации. Сама же Хоури не могла положить и пальца на спусковой крючок. И это могло представить значительные сложности в том случае, если она решится пристрелить Силвеста, — эта мысль была отброшена не до конца.

— Ага, спасибо. Извините, что я не ору от счастья, — ответила она.

— Всегда пожалуйста...

Секундой или двумя позже они приземлились — мягко, точно пять невесомых перышек. Хоури ощутила дрожь, когда ее скафандр отключил ракетные двигатели, а затем принялся производить целую серию изменений в своей анатомии. Основные счетчики и циферблаты от полетного режима перешли на стандартный. Они сообщили, что, если ей будет угодно, она может передвигаться в своем обычном темпе. Если бы ей захотелось, она вообще могла покинуть скафандр, но вряд ли без его защиты прожила бы хоть недолго в условиях песчаной бури. Хоури чувствовала себя

почти счастливой в тишине и уюте скафандра, хотя это мешало ей ощущать себя полноправным участником экспедиции.

— Мы разделимся, — сказала Вольева. — Хоури, я передаю управление двумя пустыми скафандрами твоему. Оба будут следовать за тобой, повторяя каждое движение твоего скафандра. Все мы делаем по сотне шагов вперед. Задействовать все датчики активного поиска, а также вспомогательные частоты. Если Силвест близко, мы эту свинью отыщем.

Оба пустых скафандра уже подошли к Хоури, они жались к ее ногам, как испуганные охотничьи псы. Подчинены они ей, конечно, на короткое время. Вольева поручила ей присматривать за пустыми скафандрами в виде утешительного приза за разоружение самой Хоури. Но брюзжать не стоит. Ее единственный резонный аргумент в пользу желания быть вооруженной состоит в том, что ей нужно убить Силвеста. Вряд ли подобный аргумент смог бы переломить настрой Вольевой. И все же стоило запомнить, что сам скафандр может оказаться смертельно опасным оружием, даже если все его вооружения не работают. На тренировках на Крае Неба ее обучали, как человек в скафандре может нанести поражение врагу просто с помощью грубой силы. Противника буквально разрывали на куски.

Хоури смотрела, как Вольева и Суджика расходятся в заранее оговоренных направлениях, двигаясь в своих скафандрах, переключенных на ходьбу, обманчиво медлительно. Обманчиво — потому что они могли развивать скорость газелей, если это требовалось, но в данных условиях такая быстрота была ни к чему. Хоури переключила бледно-зеленое изображение на нормальное. Суджика и Вольева исчезли, что было плохо. Хотя в буре время от времени появлялись разрывы, но обычно Хоури не видела ничего дальше протянутой руки.

Внезапно Хоури почувствовала, что видит нечто — кого-то или что-то, — двигающееся в пыли. Это длилось одно мгновение, и ей не удалось разглядеть ничего, что можно было бы назвать хотя бы мимолетным впечатлением. Хоури уже было начала думать, не клуб ли это пыли, на мгновение принявший форму человеческой фигуры, как вдруг видение возникло снова.

Но теперь фигура была ближе. А потом выступила из объятий шторма и стала видна во всех деталях.

— Давненько не видались, — сказала Мадемуазель. — Я надеялась, что, увидев меня, ты обрадуешься сильнее.

— И где же ты, черт бы тебя побрал, была?

— Хозяин, — вмешался скафандр, — я не могу понять ваше последнее мысленное утверждение. Не угодно ли вам повторить то, что было сказано, еще раз?

— Скажи ему, чтоб не обращал на тебя внимания, — сказал пылевой призрак Мадемуазель. — У меня мало времени.

Хоури приказала скафандру не обращать внимания на то, что она говорит мысленно, до тех пор, пока она не произнесет кодового слова. Скафандр принял приказ с выражением высочайшего недовольства, будто его еще никогда не просили сделать нечто, столь выходящее за рамки, и ему придется серьезно продумать условия дальнейшего рабочего сотрудничества на будущее.

— Ладно, — сказала Хоури. — Тут только я и ты, Мадемуазель. Хочешь рассказать, где ты ошивалась все это время?

— Немного погодя, — сказала женщина. Она уже стабилизировалась, но все еще не обрела былой четкости. Выглядела она скорее как грубый набросок самой себя. Или как фотография не в фокусе, которую можно рассматривать и так, и эдак. — Сначала я сделаю все, что смогу, для тебя, а то ты можешь наделать глупостей вроде попытки забодать Силвеста... Так. Поглядим... Задействовать главную систему скафандра... Обойти запреты, наложенные Вольевой... все очень просто. Я просто разочарована тем, как легкомысленно она смотрит на дело, особенно если учесть, что это последний раз, когда я могу...

— О чем ты болтаешь?

— О том, как снабдить тебя оружием, девочка. — Пока она говорила, один из счетчиков изменил конфигурацию, показывая, что некоторые до того выключенные вооружения снова включились. Хоури ощупала кончиками пальцев этот арсенал, хотя лишь частично верила, что видимое ею — реальность. — Вот и все, — сказала Мадемуазель. — Еще что-нибудь поцеловать, пока я здесь?

— Полагаю, мне нужно поблагодарить...

— Можешь не беспокоиться, Хоури. Благодарность — это последнее, чего я ожидаю от тебя.

— Разумеется, теперь у меня нет иного выхода, как прихлопнуть того подонка. И ты думаешь, я еще должна благодарить тебя за это?

— Тебе же показали... хм... доказательства. Улики, так сказать.

Хоури кивнула, и ее затылок прижиался к внутренней отделке скафандра. Этот костюм для жестов не приспособлен.

— А, насчет Подавляющих? Конечно, я еще до сих пор не знаю, есть ли в этой истории правда...

— В таком случае рассмотри альтернативу. Ты воздержишься от убийства Силвеста, а все это окажется правдой. Вообрази, как скверно ты себя почувствуешь, особенно если Силвест... — пылевой образ выдавил мрачную улыбку, — выполнит свое предназначение.

— Но моя-то совесть будет чиста?

— Без сомнения. И я надеюсь, что это будет весьма утешительным соображением, когда весь ваш человеческий род будет уничтожен системой Подавляющих. Конечно, тебя, по всей видимости, уже не будет, чтобы пожалеть о своей ошибке. Подавляющие работают эффективно. Но это сама узнаешь в свое время.

— Ладно, спасибо за совет.

— Это еще не все, Хоури. Тебе не приходило в голову, что мое отсутствие до сего времени имело весьма весомую причину?

— И в чем же она?

— Я умираю. — Мадемуазель дала этому слову улететь с порывом пыльной бури, а затем продолжила: — После инцидента с орудием из Тайника Похититель Солнц умудрился ввести еще основательную порцию самого себя в твой мозг. Это ты уже, конечно, знаешь. Ты же ощутила, как он вошел в тебя, верно? Я помню твои крики. Они были выразительны. Какое это, должно быть, странное ощущение. Такое проникновение, как изнасилование...

— Но с тех пор он не сделал ни единой попытки повлиять на меня.

— А тебе не приходило в голову хотя бы спросить: а почему?

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, моя милая, что все это время я изо всех сил пыталась задержать его размножение в тебе. Вот почему ты меня не видела и не слышала. Я была слишком занята, сдерживая его. И без того было тяжело иметь с ним дело... даже с той небольшой частью, которую я впустила в тебя вместе с моими «гончими». Но тогда мы с ним достигли

какого-то соглашения или равенства. На этот же раз все было иначе. Похититель Солнц стал сильнее, а я, наоборот, ослабеваю с каждой его атакой.

— Ты хочешь сказать, что он еще здесь?

— Еще как! И единственная причина, почему ты этого не чувствовала, заключается в том, что он тоже был занят войной, которую мы оба вели в твоей черепной коробке. Разница в том, что он все время побеждал, что он разрушал меня, он захватывал мои системы, использовал против меня мою же оборону. О, он ловкач, запомни мои слова.

— И что же будет?

— По-видимому, произойдет то, что я проиграю. Я могу сказать это с уверенностью. Это математическая аксиома, основанная на его недавних победах надо мной. — Мадемуазель опять улыбнулась, будто она испытывала извращенное чувство гордости за свой точный строго математический отчет. — Я могу еще несколько дней сдерживать его продвижение, но затем со мной будет покончено. А может, и раньше. Я значительно ослабила себя тем, что вот сейчас появилась перед тобой. Но у меня нет выбора. Я должна принести в жертву время, чтобы восстановить твою способность пользоваться оружием.

— Но когда он победит...

— Не знаю, Хоури. Будь готова ко всему. Он может оказаться для тебя гораздо более плохим жильцом, чем была я. Ты же знаешь, что он в конце концов сделал с твоим предшественником. Превратил бедолагу в безумца. — Тут Мадемуазель отступила, будто, натянув плащ из пыли, она готовилась покинуть сцену прямо сквозь занавес. — Сомнительно, чтобы мы встретились еще раз, Хоури. Мне кажется, я должна пожелать тебе удачи. Но сейчас я прошу у тебя одного: сделай то, ради чего ты тут находишься. И сделай это как следует. — Она отступила еще дальше, ее тело переломилось, будто рисунок углем, разорванный пополам порывом ветра. — У тебя есть для этого необходимые средства.

Мадемуазель пропала. Хоури какое-то время выжидала, не столько собираясь с мыслями, сколько пинками сгоняя их в кучу, чтобы хоть секунду помолчали. Затем она назвала кодовое слово, которое восстановило связь между ней и скафандром. Вооружение, как она отметила с огромным чувством облегчения, функционировало, как и обещала Мадемуазель.

— Сожалею, что вмешиваюсь, — сказал скафандр. — Но если вы пожелаете восстановить полную видимость, то, надо полагать, заметите, что наша компания выросла.

— Компания?

— Я только что призвал к вниманию другие скафандры. Но вы — самый близкий объект.

— Надеюсь, это не Саджаки?

— Это не Триумвир Саджаки, нет. — Возможно, это было лишь воображение Хоури, но скафандр, как ей показалось, обиделся, что она сомневается в его опытности в делах подобного рода. — Даже если будут нарушены правила безопасности, скафандр Триумвира не прибудет сюда раньше, чем через три минуты.

— Тогда это Силвест.

К этому времени Хоури уже была переключена на рекомендованный сенсорный канал. Она увидела приближающуюся фигуру, вернее, фигуры — их было две — и они хорошо различались. Еще два «обитаемых» скафандра приближались к Хоури тем же самым неторопливым шагом, которым они недавно уходили на поиски.

— Силвест, я надеюсь, вы нас слышите, — раздался голос Вольевой. — Оставайтесь там, где находитесь. Мы взяли вас на прицел с трех сторон.

Ее голос врезался в слуховой канал, как нож.

— Я решил, что вы бросили нас умирать. Приятно знать, что вы все-таки соизволили прибыть...

— Не в моих правилах нарушать слово, — ответила Вольева. — Как вам, без сомнения, хорошо известно.

Хоури же начала готовиться к убийству Силвеста, хотя до сих пор еще не решила, будет ли она его совершать. Она вызвала систему наведения на цель, взяла фигуру Силвеста в перекрестье прицела, после чего выбрала наименее смертоносное из орудий скафандра. Это был средний лазер, встроенный в голову скафандра. Он был очень мал в сравнении с прочими видами оружия и фактически предназначался для того, чтобы предупреждать потенциального противника, заставляя его отступать и искать себе другую цель. Но против безоружного человека, да еще на столь близком расстоянии, его бы мало не показалось.

Теперь Силвест должен был мгновенно умереть в полном соответствии с пожеланием Мадемуазель.

Суджика резко ускорила шаг и приближалась к Вольевой значительно быстрее Силвеста. Именно в это мгнове-

ние Хоури заметила некую странность в скафандре Суджики. В одной из его похожих на птичью лапу рук торчало нечто аленькое и поблескивающее металлом. Нечто, похожее на оружие, а именно — на легкий пистолет-бозер. Суджика поднимала руку спокойно, неторопливо, как это и должен делать профессионал. На мгновение Хоури обрела странное ощущение невероятности всего происходящего. Как будто она видела себя со стороны, извне, не из собственного тела, наблюдая, как поднимает свое оружие, чтобы прикончить Силвеста.

Что-то тут было не так!

Суджика поднимала оружие на Вольеву!

— Я так понимаю, что у вас есть план... — говорил Силвест.

— Илиа! — завопила Хоури. — Ложись! Она...

Оружие Суджики было куда мощнее, чем казалось по виду. Возникла яркая вспышка горизонтально направленного пучка света. Лазерный луч пронесся мимо Хоури и вонзился в скафандр Вольевой. Прозвучали сигналы тревоги, предупреждая об огромном разряде энергии в местности сравнительно малого радиуса. Хоури машинально переключилась на высокий уровень боевой готовности, индексы на дисплее запрыгали, указывая, что подчиненные им системы вооружений готовы разрядиться без разрешения Хоури, если ее скафандру будет угрожать опасность.

Скафандр Вольевой сильно пострадал. Был вырван большой кусок из его груди, обнажая тесно уложенные гидротермальные слои брони и оборванные концы проводов и кабелей. Суджика снова прицелилась и выстрелила.

Теперь взрыв произошел глубже, врезавшись в рану, которую открыл раньше. Раздался крик Вольевой, но он был слаб и звучал как бы издалека. Хоури показалось, что она услышала нечто вроде стона, но с вопросительной интонацией. Скорее шок, чем боль.

— Это тебе за Бориса! — выкрикнула Суджика, и голос ее был неприлично громок. — За то, что ты сделала с ним во время своих экспериментов! — Она опустила пистолет так спокойно, будто была художником, готовым положить последний мазок на свой шедевр. — А вот это тебе за то, что ты убила его!

— Суджика! Не надо! — кричала Хоури.

Скафандр женщины даже не обернулся.

— Почему не надо, Хоури? Разве я не говорила, что затаила на нее злобу?

— Саджаки будет здесь через минуту-другую!

— И к этому времени все будет выглядеть так, будто ее убил Силвест! — Суджика фыркнула. — Ты что, думала, что я этого не учла? Я вовсе не собиралась позволить набить из себя чучело только за то, что отомстила этой старой тряпке. Она того не стоит.

— Я не позволю тебе убить ее!

— Не позволишь? Как это остроумно, Хоури. А как ты думаешь остановить меня? Я что-то не помню, чтобы она восстановила твой контроль над вооружением скафандра, и не думаю, чтобы она сейчас была в состоянии это сделать.

Суджика была права.

Вольева была искалечена, ее скафандр потерял непроницаемость. Может быть, ранение было очень серьезным. И если Вольева и издавала какие-нибудь звуки, то скафандр был слишком поврежден, чтобы их воспроизвести.

Суджика опустила свой бозер, целясь ниже.

— Один заряд на то, чтобы прикончить тебя, Вольева, а затем я подброшу пистолет Силвесту. Он, конечно, будет все отрицать, но свидетелем у нас будет Хоури, а я не думаю, что она подтвердит его версию. Я права ведь, верно? Признайся, Хоури, я собираюсь оказать тебе услугу. Ты бы убила эту суку сама, будь у тебя такая возможность.

— Вот тут ты ошиблась. Ошиблась в двух пунктах.

— Что?

— У меня есть возможность ее убить, но я не стану этого делать, несмотря на все то, что сделала она. — Хоури хорошо выбрала момент: хватило доли секунды, чтобы нацелить лазер. — Прощай, Суджика. Не скажу, что мне это приятно.

Она выстрелила.

Когда несколько минут спустя прибыл Саджаки, то от Суджики уже не осталось ничего, что заслуживало бы погребения.

Собственный скафандр Суджики заметно изменил форму, перейдя на высший уровень защиты. Он выбрасывал из себя заряды плазмы, вылетавшие из направляющих, которые он вырастил по обеим сторонам головы. Однако скафандр Хоури тоже успел перестроиться, ожидая чего-то в

этом духе, и, в дополнение к изменению внешнего вида своей брони, что позволило ему отражать попадания плазмы (он перестроил текстуру своей брони и приложил к своей «шкуре» мощные электрические токи, которые гасили молнии плазмы), он приготовился использовать значительно более страшные виды оружия, отказавшись от детских игрушек вроде плазмы и лучей элементарных частиц, перейдя на куда более эффективные пульсаторы, выпускающие крохотные нанодробинки из собственного антилитиевого резервуара. Каждая дробинка была одета в оболочку из обычной материи и разгонялась до скорости, составлявшей значительную часть световой.

У Хоури не было времени даже перевести дыхание. После того как скафандр получил разрешение на применение оружия, все остальное он делал сам.

— У нас были... кое-какие трудности, — сказала она, когда спустившийся Триумвир коснулся ногами земли.

— Ну, ты уж скажешь, — отозвался тот, оглядывая поле боя: израненный обрубок скафандра, внутри которого находилась Вольева, раскиданные повсюду радиоактивные лохмотья, когда-то бывшие Суджикой, а в центре всего этого — нетронутые взрывом, но слишком ошеломленные, чтобы говорить или бежать, — Силвест и его жена.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Точка рандеву, Ресургем, год 2566-й

Силвест мысленно многократно репетировал эту встречу. Он старался предусмотреть все возможные пути развития грядущих событий. Даже тех, которые, будучи основаны на его собственном понимании ситуации, представлялись ему самому фантастическими и вряд ли осуществимыми. Но подобного разворота событий он не мог предположить, и по очень простой причине. Даже когда произошло то, что произошло, он так и не смог понять, что же случилось на самом деле и почему ход событий так сильно отличался от нормального.

— Если это вас утешит, — сказал Саджаки голосом, перекрывавшим вой ветра благодаря усилителям, расположенным в голове его чудовищного скафандра, — то должен сказать, что я тоже мало что понимаю.

— Это меня утешает бесконечно, — ответил Силвест, пользуясь тем же частотным каналом, который он применял в переговорах с командой, хотя ее представители последней (или то, что от них осталось) стояли перед ним сейчас на расстоянии, которое можно было преодолеть обычным голосом. — Можете считать меня наивным, но в такие мгновения я просто мечтаю, чтобы вы, Саджаки, взяли это дело в свои руки со свойственной вам беспощадной эффективностью. А пока вы, как мне кажется, тянете резину.

— Мне это нравится не больше, чем вам, — ответил Ультра. — Но вам станет легче — и это в ваших же интересах, — если вы будете считать, что все уже находится под контролем. Теперь же мне следует уделить внимание моей раненой коллеге. Хочу также настоятельно порекомендовать вам побороть в себе искушение совершить какой-нибудь идиотский поступок. Надеюсь, подобные мысли не приходили вам в голову, Дэн?

— Вы слишком хорошо меня знаете, чтобы делать подобные предположения.

— Проблема именно в том, что я слишком хорошо знаю вас. Впрочем, не будем углубляться в прошлое.

— Хорошо, не будем.

Саджаки направился к Вольевой. Силвест знал, что имеет дело с Триумвиром Ююджи Саджаки еще до того, как тот заговорил. Как только его скафандр возник в поле зрения, явившись из глубин шторма, лицевой щиток скафандра стал прозрачным, а за ним появилось слишком хорошо знакомое Силвесту лицо. Оно угрюмо всматривалось в картину, открывшуюся перед ним. Хотя в это и трудно было поверить, но со времени их последней встречи Саджаки почти не изменился. Неудивительно — ведь для Саджаки прошло всего лишь несколько лет субъективного времени. Силвест же за это время прожил две или три жизни людей прошлого. Момент был поистине захватывающий.

Чего не знал Силвест, так это того, кто были остальные два члена команды. Был, разумеется, еще и третий, но он или она уже перешли ту границу, за которой Силвест не мог рассчитывать когда-либо свести знакомство с этой личностью. А из тех двух, которые не были мертвы, один, похоже, был близок к этому состоянию. Именно он сейчас получал помощь от Саджаки. Оставался, значит, еще один, который в ошеломленном молчании стоял несколько в стороне. Странно, но этот не пострадавший член команды

почему-то держал свое оружие нацеленным на Силвеста, хотя последний был безоружен и не имел абсолютно никакого желания оказывать сопротивление своим поимщикам.

— Она выживет, — сказал Саджаки, когда его скафандр в течение минуты пообщался со скафандром раненой. — Но нам нужно как можно скорее вернуться на корабль. А уж тогда будем выяснять, что тут произошло.

— Это была Суджика, — произнес незнакомый Силвесту женский голос. — Суджика пыталась убить Вольеву.

Значит, убитая — Ее Сучье Величество Триумвир Илиа Вольева!

— Суджика? — воскликнул Саджаки. На минуту это имя повисло между ними и показалось, что Саджаки не мог — или не хотел — поверить тому, что говорит эта третья — пока безымянная — женщина. Но затем, когда ветер снова злобно накинулся на них, он вновь повторил это имя, только сейчас в голосе Саджаки таилась тень понимания. — Суджика. Да. В этом есть смысл.

— Я думаю, она хотела...

— Потом расскажешь, Хоури, — сказал Саджаки. — У нас будет много времени. И, разумеется, твоя роль в этом инциденте тоже должна быть объяснена. Объяснена так, чтобы полностью удовлетворить меня. Но все надо делать по порядку. — Он кивнул на раненую Вольеву. — Ее скафандр поддержит ей жизнь еще несколько часов, но на корабль доставить ее не сумеет.

— Я так понимаю, — сказал Силвест, — что вы заранее предусмотрели способ забрать нас всех с поверхности планеты?

— Один маленький совет, — отозвался Саджаки. — Не следует меня сликшом раздражать, Дэн. Заполучить вас стоило мне серьезных трудов, и все же не думайте, будто я не способен уничтожить вас хотя бы только ради удовольствия сделать это.

Силвест уже давно ожидал от Саджаки чего-то в этом духе. Он даже встревожился бы, скажи тот при встрече что-то иное. Но если Саджаки верил в силу своих слов, что сомнительно, то тогда он был дураком. Он явился сюда из такой дали — по меньшей мере от Йеллоустона, а может, и еще дальше, — чтобы разыскать Силвеста. Не так уж трудно догадаться, какова должна быть цена жизни последнего, не говоря уж о годах затраченного времени.

— Как это мило с вашей стороны, — сказал Силвест, вложив столько неискренности в свой голос, сколько мог отыскать в своей натуре, — но вы как ученый должны уважать мое стремление к экспериментальной проверке фактов. Например, прочности вашего терпения. — Он вытащил из-под ветровки руку в перчатке, держа что-то двумя пальцами. Силвест допускал возможность, что одно из орудий скафандра может выстрелить в него в это мгновение, подумав, что в руке — оружие. Но Силвест считал риск оправданным. Достал он не пистолет, а небольшой картридж квантовой памяти.

— Видите это? — спросил он. — Это то, что вы просили меня принести с собой. Запись личности Кэлвина на бета-уровне. Она ведь вам нужна? Очень нужна.

Саджаки смотрел на него в упор, не произнося ни слова.

— Так вот, хрен вам, — спокойно произнес Силвест, давя картридж в пальцах и глядя, как ветер уносит пыль.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Орбита Ресургема, год 2566-й

Скафандры взлетели с Ресургема, словно отточенные копья вонзаясь в ясное небо над черной песчаной бурей. Потом над головой Силвеста появилось что-то, сперва очень маленькое, заметное лишь тогда, когда заслоняло собой звезды. Оно было похоже на кусочек уголька, который непрерывно увеличивался в объеме, пока его грубо коническая форма не стала вполне различимой, а то, что еще недавно было легким мазком тьмы, теперь обрело хорошо различимые детали, подсвеченные отраженным сиянием планеты. Суперсветовик рос, стал огромен, занимая чуть ли не полнеба, и все продолжал увеличиваться. Корабль мало изменился с тех пор, как Силвест побывал на его борту в последний раз. Силвест знал — хотя этот факт и не произвел на него такого уж большого впечатления, — что корабли, подобные этому, всегда перестраивают себя, хотя, как правило, это касается преимущественно внутренних помещений, а не радикальных переделок внешнего корпуса. Это тоже случается, но реже — раз или два в столетие. На какой-то момент Силвест даже засомневался, а обладает ли корабль

теми возможностями, которые ему нужны, но тут же вспомнил о том, что корабль сотворил с Фениксом. По правде, забыть такое было трудно, поскольку следы атаки хорошо были видны сверху: цветок серого разрушения пышно распустился на лице Ресургема.

В темном корпусе корабля открылся люк. Он показался Силвесту слишком маленьким, чтобы принять хоть один скафандр, не говоря уж о пяти, но когда скафандры приблизились, стало очевидно, что люк имеет в ширину несколько десятков метров, а следовательно, все скафандры легко пройдут в него разом. Силвест, его жена, двое Ультра с корабля, один из которых держал на руках раненую Вольеву, — все они вошли в корабельное чрево, и люк захлопнулся за ними.

Саджаки привел их в складское помещение, где они сбросили скафандры и вдохнули обычный корабельный воздух. Воздух имел особый и малоприятный привкус, который тут же напомнил Силвесту о его первом визите на борт. Он и забыл, как тут воняет.

— Ждите здесь, — велел Саджаки. Скафандры тут же занялись самоочищением, а затем прислонились к стене. — Я должен посмотреть, что с моей коллегой.

Он встал на колени и начал возиться с броней Вольевой. У Силвеста мелькнула мысль сказать ему, что не стоит тратить столько сил на помощь другому Триумвиру, но мысль не показалась удачной. Он и без того успел поиграть у Саджаки на нервах, когда раздавил картридж с записью сознания Кэлвина.

— Что же все-таки произошло там, внизу?

— Не знаю. — Типично для Саджаки. Как и все по-настоящему умные люди, которые попадались Силвесту, Саджаки никогда не делал вида, что ему понятно даже непонятное. — Не знаю, а в данное время это не имеет никакого значения. — Он считывал показания скафандра Вольевой. — Ее ранения хотя и серьезны, но, по-видимому, не смертельны. Через какое-то время она может совершенно поправиться. Кроме того, у меня есть вы. Все остальное — детали. — Затем он повернул лицо к другой женщине, которая тоже уже сняла свой скафандр: — И все же кое-что меня беспокоит, Хоури.

— Что именно? — спросила она.

— Не имеет значения... пока. — Он повернулся к Силвесту: — Между прочим, о том маленьком фокусе, который

вы выкинули с записью... Даже не пытайтесь вообразить, что он произвел на меня хоть какое-то впечатление...

— А должен был бы. Как вы думаете теперь ремонтировать своего Капитана?

— Конечно, с помощью Кэлвина. Разве вы забыли, что во время вашего последнего визита к нам я записал весь процесс работы сознания Кэлвина? Согласен, эта запись могла и устареть немного, но хирургические сюжеты присутствуют в ней целиком и полностью.

Хороший блеф, подумал Силвест. И все-таки — только блеф. Впрочем, какая-то запись, видимо, все же есть — обрывки, копии. Иначе он никогда не дал бы мне уничтожить картридж.

— Кстати, еще вопрос... а что, Капитан так сильно болен, что даже не смог встретиться со мной?

— Еще успеете, — ответил Саджаки. — Все в свое время.

Саджаки и та — другая — женщина удалили лохмотья горелой «шкуры» со скафандра Вольевой. Этот процесс удивительно напоминал снятие панциря с краба. Наконец Саджаки что-то пробормотал женщине, и она бросила работу. Видимо, было решено, что работа слишком деликатна, чтобы ее продолжать на складе. В это мгновение бесшумно вошли три робота. Двое из них подхватили Вольеву и унесли ее, сопровождаемые Саджаки и женщиной. Силвест эту женщину в прошлый раз на борту не видел, но у него сложилось впечатление, что ее роль в иерархии команды не слишком высока. Третий робот уселся на пол и уставился на Паскаль и Силвеста своим скучающим одиноким окуляром.

— Даже не велел снять маску и очки, — сказал Силвест. — Пожалуй, ему наплевать, что я у него в руках.

Паскаль кивнула. Она была занята прощупыванием своей одежды, видимо, желая убедиться, что воздух-гель не оставил на ней жирных и клейких пятен.

— Что бы там внизу ни случилось, оно явно нарушило планы Саджаки. Надо думать, он проявил бы больше радости, если бы дела шли согласно плану.

— Нет, Саджаки не таков. Высказывать радость — не его стиль. Но я все же полагал, что он отыщет несколько минут, чтобы позлорадствовать.

— Может, тот факт, что ты уничтожил запись...

— Да. Это должно было его потрясти. — Произнося это, Силвест прекрасно понимал, что их разговор почти наверняка прослушивается. — Весьма возможно, что в копии, которую Саджаки сделал с записи Кэла, несмотря на естественные последствия старения, сохранились какие-то функционирующие остатки, но в целом она, разумеется, не пригодна для установления связи между реципиентом и смоделированным, даже если сходство их мозговых структур один к одному. — Силвест отыскал пару ящиков и придвинул их, чтобы использовать вместо стульев. — Я уверен, что Саджаки уже пытался применить симуляционную запись и испытать ее на чьем-нибудь незадачливом теле.

— И наверняка потерпел неудачу.

— Да, и наверняка с очень тяжелыми последствиями. Теперь он, надо полагать, думает, что я смогу работать с этой испорченной записью без «перелива» сознания, просто полагаясь на свое знание инстинктов и методологии Кэла.

Паскаль кивнула. Она была достаточно проницательна, чтобы не задавать напрашивающийся вопрос: каковы могут быть замыслы Саджаки, если его копия слишком плоха даже для этой цели. Вместо этого она спросила:

— А как ты думаешь, что произошло там внизу?

— Не знаю. И думаю, что Саджаки сказал правду, когда высказался в том смысле, что он тоже не понимает. Как бы там ни было, в план это не входило. Может, что-то вроде борьбы за власть внутри команды разыгралось на поверхности планеты, так как внутри корабля бунтовщики не имели ни единого шанса на победу.

Хотя эта идея казалась достаточно невероятной, но ничего другого он сейчас предложить не мог. Слишком много утекло воды даже по индивидуальному времени Саджаки, чтобы Силвест мог довериться своему обычно непогрешимому аналитическому мышлению.

Придется разыгрывать свои карты очень осторожно, пока он не поймет соотношения сил внутри нынешней команды. Конечно, если ему дадут такую роскошь, как время.

Паскаль опустилась на колени около мужа. Оба уже успели снять маски, но только Паскаль сняла и очки.

— Мы в большой опасности, да? Если этот Саджаки решит, что не может тебя использовать...

— То он вернет нас живыми и невредимыми на Ресургем. — Силвест взял руки Паскаль в свои. Вокруг них вы-

сились ряды пустых скафандров, как будто они с женой были нежелательными пришельцами в египетской гробнице, а скафандры — мумиями. — Саджаки никогда не сможет отказаться от мысли, что я еще смогу пригодиться ему в будущем.

— Надеюсь, ты прав. Потому что ты пошел на страшный риск. — Она поглядела на него с выражением, которого он раньше ни разу у нее не видел. Это было выражение тихого и умиротворенного спокойствия. — Ты ведь рисковал и моей жизнью тоже.

— Саджаки мне не господин. Я был обязан напомнить ему об этом. Дать ему понять, что как бы он ни был умен, я всегда буду на шаг впереди.

— Но сейчас-то он господин, как ты этого не понимаешь? Может, у него и нет модели сознания Кэлвина, но зато у него есть ты. И в моем представлении это значит — он стоит на первом месте.

Силвест улыбнулся и ответил ей. Ответ был точен и именно таков, каким его ждал Саджаки:

— Но не на таком высоком, как он полагает.

Саджаки и та, другая женщина вернулись примерно через час в компании с огромным химерийцем. Силвест с трудом узнал этого человека, которого видел на корабле раньше и которого звали Триумвиром Хегази. Хегази был типичным представителем своего народа — он был почти так же кибернизован, как сам Капитан. Но за прошедшие годы Хегази еще глубже похоронил свою человеческую сущность под слоем машинных частей, а также заменил различные части тела новыми и более элегантными протезами. В частности, он приобрел совершенно новый оптический антураж, который, взаимодействуя с движением различных частей тела, создавал каскад радужных иллюзий, возникавших в воздухе на доли секунд и потом исчезавших, растворяясь. Саджаки же, в отличие от него, носил непритязательный корабельный костюм, лишенный украшений и знаков различия, лишь подчеркивавший изящество его телосложения. Впрочем, Силвест был достаточно умен, чтобы не судить о человеке по таким признакам, как рост, толщина или отсутствие очевидных для всех боевых протезов. Под кожей Саджаки тоже, безусловно, скрывались машины, придавая ему нечеловеческую быстроту дви-

жений и силу. Он был по меньшей мере так же опасен, как Хегази, и вдвое быстрее его. Это Силвест знал.

— Не могу сказать, что видеть вас и в самом деле удовольствие, — сказал Силвест, обращаясь к Хегази, — но, признаюсь, я испытал немалое удивление от факта, что вы не согнулись под грузом своих протезов, Триумвир.

— Думаю, тебе следует принять это как комплимент, — проворчал Саджаки другому Триумвиру. — Во всяком случае, ничего другого ты от Силвеста не дождешься.

Хегази погладил пальцами усы, которые он отращивал, несмотря на то, что протезы непрерывно распространялись по его черепу.

— Посмотрим, удастся ли ему сохранить свое остроумие, когда ты покажешь ему Капитана, Саджаки. Думаю, это зрелище быстренько сотрет ухмылку с его физиономии.

— Без сомнения, — отозвался Саджаки. — Кстати, о лицах, Дэн: вы не откроете свое? — Саджаки как бы случайно дотронулся до рукояти пистолета, висящего у него на поясе.

— С радостью, — ответил ему Силвест. Он поднял руку и сорвал очки. Позволив им соскользнуть на пол, он продолжал наблюдать за выражением — или за тем, что они считали выражением, — лиц людей, которые взяли его в плен. Ибо они впервые увидели, что случилось с глазами Силвеста. Возможно, что-то они и знали, но шок от зрелища, которое представляло рукоделие Кэлвина, был огромен. Его глаза не были ловкой попыткой улучшить оригинал, а жалкой заменой, которая лишь частично сохранила функции, присущие человеческим глазам. В древних хирургических учебниках можно найти и более сложные примеры... например, деревянные ноги.

— Вы, конечно, знали, что я лишился зрения? — спросил Силвест, переводя взгляд с одного на другого. — На Ресургеме это всем известно. Об этом даже не говорят.

— Какое же разрешение они вам дают? — спросил Хегази с искренним интересом. — Я понимаю, их трудно назвать произведениями искусства, но готов спорить, вы видите в них на всех электромагнитных волнах от инфракрасного до ультрафиолета. Возможны и акустические изображения. А может, и электронное увеличение?

Силвест одарил Хегази долгим и твердым взглядом.

— Вам следует понять одну вещь, Триумвир. При обычном освещении с не слишком далекого расстояния я могу узнать лицо своей жены.

— Вот как... — Хегази продолжал любоваться Силвестом и, видимо, был очень заинтригован.

Теперь их повели в глубь корабля. В последний раз, когда Силвест был здесь, его проводили прямо в медицинский центр. Тогда Капитан еще более или менее мог передвигаться. Во всяком случае, на малые расстояния. Но сейчас Силвеста вели куда-то, где ему все было незнакомо. Это, конечно, вовсе не обязательно означало, что они находятся далеко от медчасти, ибо корабль по сложности не уступал небольшому городу и запомнить все его «улицы» и «переулки» было очень трудно. И все-таки Силвест чувствовал, что находится на совершенно неизвестной ему территории, что он идет по таким районам корабля — Саджаки и его товарищи называли их округами которых ему раньше не показывали. Если память его не подводила, то лифт сейчас уносил его от узкого носа корабля вниз, где конический корпус расширялся до максимальных размеров.

— Незначительные технические дефекты ваших глаз меня не волнуют, — сказал Саджаки. — Мы можем их легко выправить.

— Без работающей версии Кэлвина? Я так не думаю.

— Тогда мы просто вырвем глаза и заменим их чем-нибудь получше.

— Я не стал бы этого делать. Кроме того, Кэлвина у вас все равно нет, так что толку от всего этого будет чуть.

Саджаки что-то пробормотал себе под нос. Лифт остановился.

— Значит, вы мне не поверили, когда я сказал, что у нас есть дубль? Что ж, вы, разумеется, правы. У нашей копии огромные недостатки. Она стала совершенно бесполезной задолго до того, как мы попробовали обратиться к ней.

— Такое нередко случается с программным обеспечением.

— Да... Так вот, возможно, я в конце концов все же убью вас. — Саджаки плавным движением вытащил пистолет из кобуры, дав Силвесту возможность заметить бронзовую змейку, обвивающую ствол оружия. Тип пистолета был неясен — то ли лучевой, то ли пулевой, но Силвест не

сомневался, что на таком расстоянии выстрел будет смертельным.

— Сейчас вы меня убивать не станете. Особенно учитывая, сколько труда вы положили, чтобы найти меня.

Палец Саджаки застыл на спусковом крючке.

— Вы недооцениваете мою склонность действовать по вдохновению, Дэн. Я могу убить вас хотя бы потому, что такой поступок был бы космически идиотским.

— Тогда вам придется искать кого-то другого, чтобы лечить вашего Капитана.

— И что же я потеряю? — Зеленый огонек под нижней челюстью змейки сменился красным. Палец Саджаки побелел.

— Подождите, — сказал Силвест. — Не надо меня убивать. Неужели вы поверили, что я разбил единственную в мире копию сознания Кэла?

Облегчение Саджаки было очевидно.

— Есть и другая?

— Да. — Силвест кивнул на жену. — И она знает, где ее искать. Знаешь ведь, Паскаль?

Несколькими часами позже Кэл сказал:

— Я всегда знал, сын, что ты хладнокровный и расчетливый подонок.

Они находились возле Капитана. Саджаки увел было Паскаль, но теперь она вернулась вместе с другими членами команды, которых Силвест знал. И с Призраком, которого он надеялся никогда больше не видеть.

— Бесчувственное... предательское... ничтожество... — Призрак говорил спокойно, как актер, произносящий роль только для того, чтобы рассчитать время и не впадать в эмоции. — Бессмысленная крыса!

— От ничтожества к крысе, а? — сказал Силвест. — Если иметь в виду перспективу, так это уже улучшение, не так ли?

— И не думай, сынок, — оскалился Кэлвин, наклонясь в кресле вперед. — Думаешь, ты такой неописуемо умный, да? Так вот, теперь я держу тебя за яйца, если предположить, что они у тебя есть. Они рассказали мне, что ты наделал. Как ты убивался ради того, чтобы произвести на них впечатление, будто ты разрушил их планы. — Он возвел глаза к потолку. — Какое жалкое основание для отцеубийства! Я еще мог бы оправдать его, если бы ты оказал мне

честь, укокошив меня ради какой-нибудь относительно приличной причины! Но нет! Это значило бы ждать от тебя слишком многого! Я не могу сказать, что ты разочаровал меня, ибо это означало бы признание, что была такая минута, когда я ждал от тебя чего-то значительного!

— Если бы я действительно убил тебя, — сказал Силвест, — то наш разговор мог бы выдвинуть ряд онтологических проблем. Кроме того, я всегда знал о существовании еще одного экземпляра тебя.

— Но ты убил одного из меня!

— Сожалею, но ты допускаешь одну из грубейших ошибок, с которыми я когда-либо встречался. Ты ведь всегонавсего программа, Кэл. Быть скопированным или стертым — для тебя обычная форма существования! — Силвест уже готовился к новым возражениям Кэла, но тот почему-то молчал. — И я сделал это не ради разрушения планов Саджаки. Мне было необходимо... его сотрудничество, как и ему — мое.

— Мое сотрудничество? — Глаза Триумвира сощурились.

— Мы еще дойдем до этого. Пока что я лишь говорю, что, уничтожая копию, я знал, что существует дубликат, и вы меня заставите предъявить его или сообщить, где он находится.

— Значит, ваше действие было бессмысленным?

— Нет, ни в коем случае. Какое-то время я наслаждался, видя, как вы воображаете, что все ваши планы рухнули, Ююджи-сан. Риск стоил того, чтобы заглянуть в вашу душу. К тому же зрелище было не слишком уж симпатичное.

— Откуда ты... узнал? — спросил Кэл. — Что меня скопировали?

— Я думала, что его нельзя скопировать, — сказала женщина, которую им представили как Хоури. Она была низкорослая и похожая на лисичку, но вероятно, как и Саджаки, ей нельзя было полностью доверяться. — Я думала, существуют способы защиты от копирования — спойлеры и другие...

— Это касается только имитаций на альфа-уровне, милочка, — объяснил Кэлвин. — Я — не то! Нет! Я ведь просто низший уровень бета. И не важно, что могу пройти все тесты Тьюринга, главное, что, с философской точки зрения, сознанием я не обладаю. А стало быть, у меня и души нет. И по этой причине у меня не возникнет никаких этичес-

ких проблем, если меня будет больше, чем один. Однако... — Он с шумом перевел дыхание, заполнив таким образом тишину, которую кто-нибудь из присутствующих иначе мог бы заполонить своими высказываниями. — Не верю я больше в эту нейронно-познавательную чушь. Я не имею права говорить о себе, записанном на уровне альфа, поскольку эта запись исчезла два столетия назад, но я по каким-то причинам обладаю сознанием! Не знаю, может, на то же самое способны все модели бета-уровня, а может, я один, благодаря своей повышенной сложности, перевалившей через критическую массу. Не знаю. Я знаю только, что я мыслю, а потому дико злюсь.

Все это Силвест слышал далеко не в первый раз.

— Он — запись сознания на бета-уровне, отклонившаяся от стандарта Тьюринга. Им — «бетам» — просто положено высказываться в таком ключе. Если бы они не претендовали на наличие сознания, они бы автоматически не соответствовали этому стандарту. Но это совершенно не означает, что высказывания Кэла, вернее, произносимые им звуки, имеют под собой прочный фундамент сознания.

— Я мог бы те же самые доводы приложить к тебе, — возразил Кэлвин, — и это привело бы нас, мой дражайший сын, вот куда: поскольку о судьбе альфа-записи нет даже предположений, приходится допустить, что я — это все, что от меня осталось. Далее. Может, тебе это трудно понять, но один лишь факт, что я являюсь чем-то драгоценным и уникальным, уже заставляет меня еще более решительно возражать против идеи, разрешающей кому бы то ни было снимать с меня копии. Каждый акт копирования принижает мое значение. Меня как бы ставят на ту же полку, что и любой товар. Я становлюсь чем-то, что производят, дублируют и уничтожают, если я случайно не соответствую чьему-то представлению о полезности. — Кэл помолчал. — Итак, хотя я и не утверждаю, что не приму мер к увеличению моей способности выживать, я добровольно не дам согласия на копирование — кому бы то ни было.

— Но ты же дал его. Ты разрешил Паскаль скопировать тебя в «Сошествие во тьму»!

Она сделала это очень осторожно, и на протяжении нескольких лет Силвест даже не подозревал об этом. Он сам дал ей согласие на общение с Кэлвином, чтобы облегчить ей подготовку его собственной биографии. В обмен на это она добилась для него разрешения вернуться к своей на-

вязчивой идее — амарантянам, выхлопотала ему доступ к исследовательской работе и к переписке со значительно сузившимся кругом поклонников.

— Это была его собственная идея, — оправдывалась Паскаль.

— Да... это я должен признать. — Кэл набрал в легкие воздуха, что создало впечатление, будто он готовится к длительному выступлению, несмотря на то, что запись Кэлвина «думала» куда быстрее человека. — Времена были опасные, не хуже теперешнего, конечно, как я понял после пробуждения, но тоже весьма тяжелые. Мне показалось заманчивым сохранить хоть часть себя от возможного уничтожения оригинала. Я думал не о копии, а скорее об очертаниях, абрисе. Пожалуй, даже не о думающей машине в представлении Тьюринга.

— И что же заставило тебя переменить свое решение? — спросил Силвест.

— Паскаль начала вставлять отдельные куски меня в твою биографию, в определенный период времени, исчисляемый месяцами. Выборки были маленькие. Но однажды она скопировала такой кусок оригинала, что ранее скопированные отрывки начали соединяться и взаимодействовать между собой, пока они, а вернее — я, не оказались в положении, когда идея кибернетического самоубийства ради того, чтобы доказать свою правоту, стала казаться менее привлекательной. Фактически в процессе копирования я почувствовал себя даже более живым и более самим собой, чем раньше. — Кэл наградил аудиторию улыбкой. — Конечно, я понял, в чем тут дело. Паскаль копировала на несравненно более мощной компьютерной системе — ядре правительственной системы в Кювье, где тогда набирали «Сошествие». Система была соединена с куда большим числом архивов и сетей, чем мне позволил использовать ты в Мантеле. Я получил нечто, чем мог занять свой мощный интеллект. — Кэл спокойно выдержал их взгляды, а затем мягко добавил: — Между прочим, это была шутка, если кто не понял.

— Копии биографии продавались свободно, — сказала Паскаль. — Одну из них достал Саджаки, даже не понимая, что она содержит в себе модель Кэлвина. А как ты узнал, что он там? — Она посмотрела на Силвеста. — Тебе об этом поведала скопированная версия Кэла?

— Нет, и я даже сомневаюсь, что он захотел бы сказать, будь у него такая возможность. Я просто вычислил. Биография была слишком велика для того объема материала, который в ней содержался. О, я знаю, ты поступила очень умно, закодировав Кэла среди самых незначительных файлов, но Кэла там оказалось слишком много, чтобы легко скрыть. «Сошествие» оказалось на пятнадцать процентов больше, чем должно было быть. Несколько месяцев я думал, что там должен быть скрыт целый пласт сценариев — те аспекты моей жизни, которые не были хорошо документированы, но которые ты отложила для тех, кто будет настойчив и разыщет их. Однако в конце концов я понял, что избыточная емкость вполне достаточна, чтобы спрятать там копию Кэла. Тогда все встало на свои места. Конечно, кое-какие сомнения у меня оставались, полной уверенности не было... — Он поглядел на модель Кэла. — Хотя, полагаю, ты можешь сказать, что ты и есть настоящий Кэл, а то, что я уничтожил, — всего лишь копия?

Кэл поднял ладонь с подлокотника, как бы призывая к окончанию диспута.

— Нет, то была слишком упрощенная версия. В конце концов можно признать, что когда-то я был этой копией. Но то, чем я был тогда и чем оставался в погубленном тобой картридже, — это все лишь тень того, каков я теперь. Давай скажем так: это был момент моего богоявления. И покончим на этом.

— Так... — Силвест вышел вперед, постукивая ногтем по зубам. — В таком случае, значит, я тебя вовсе не убивал?

— Нет, — ответил Кэлвин с обманчивым миролюбием. — Не убивал. Но сделать это мог, а это — главное. И поэтому, мой дорогой, боюсь, для истории ты остаешься жестоким подонком-отцеубийцей.

— Как трогательно, не правда ли? — вмешался Хегази. — Больше всего на свете я ценю доброе семейное согласие.

Они отправились к Капитану. Хоури уже бывала здесь, но, несмотря на известное знакомство с местными окрестностями, чувствовала тут себя нервно. К тому же она понимала, что зараженная материя еле сдерживается холодом, обволакивающим Капитана.

— Кажется, я знаю, чего вы от меня хотите, — сказал Силвест.

— Разве это не очевидно? — ответил Саджаки. — Вы полагаете, мы взяли на себя все эти труды только для того, чтобы спросить у вас, как вы поживаете?

— От вас всего можно ожидать, — парировал Силвест. — Ваше поведение и в прошлом казалось мне не всегда нормальным, так с какой стати ему меняться сейчас? А кроме того, не будем обманывать друг друга и утверждать, что все происходившее там — внизу — было именно таким, каким казалось.

— Что вы хотите этим сказать? — вспыхнула Хоури.

— Ох, уж не желаете ли вы меня уверить, что сами еще не разобрались в происходившем?

— Не разобралась в чем?

— Что в действительности ничего не случилось. — Силвест уставился на нее пустыми провалами своих глазниц. Этот испытующий взгляд ощущался скорее как сканирование автоматической сторожевой системой, нежели как проявление человеческого любопытства. — А может быть, и нет. Может быть, вы и впрямь ничего не поняли. Кстати, а кто вы такая?

— У вас еще будет возможность задать любые вопросы, какие вам заблагорассудится, — вмешался Хегази, который нервничал все больше, так как Капитан был уже совсем рядом.

— Нет, — огрызнулась Хоури. — Я хочу знать. Что вы хотите сказать этим своим «в действительности ничего не случилось»?

Силвест ответил медленно и спокойно:

— Я говорил о том поселении, которое Вольева стерла с лица земли.

Хоури сделала несколько шагов вперед и загородила дорогу процессии.

— А ну-ка, объяснитесь подробнее...

— Это может и подождать, — вмешался Саджаки, тоже выходя вперед и отталкивая с дороги Хоури. — Тебе еще самой придется объяснить свою роль в происходящем, да так, чтобы это объяснение меня удовлетворило. — Триумвир уже давно поглядывал на Хоури с подозрением, убежденный, что две смерти в ее присутствии не могут быть простым совпадением. Теперь, когда Вольева была без сознания, а Мадемуазель умолкла, некому было защитить Хоури. Вопрос о том, как на собственные подозрения будет

реагировать Саджаки и какие жуткие меры предпримет, — был лишь вопросом времени.

За нее ответил Силвест:

— Нет, зачем же ждать? Я думаю, что нам всем надо совершенно ясно понять, что тут происходит. Саджаки, вы спускались на поверхность Ресургема не только для того, чтобы раздобыть копию моей биографии. Так? Тогда зачем? Вы не знали, что «Сошествие» содержит ко́пию сознания Кэла до тех пор, пока я вам это не сказал. Вы взяли биографию только потому, что она могла оказаться вам полезной при переговорах со мной. Но спускались на Ресургем вы по другой причине. По совершенно другой.

— Сбор разведывательных данных, — осторожно ответил Саджаки.

— Больше того. Вы отправились собирать информацию. Это верно. Но вы должны были насадить там и свою.

— О Фениксе? — спросила Хоури.

— Не просто о Фениксе. Ему надо было создать Феникс. Его не существовало. — Силвест разрешил себе закатить актерскую паузу, прежде чем продолжить. — Это был призрак, созданный Саджаки. Его не было на старых картах, которые хранились в Мантеле, но как только мы обновили их по материалам новых карт из Кювье, Феникс возник. Мы решили, что это совсем новый поселок, которого на старых картах быть не могло. Это было глупостью, я должен был догадаться. Но мы решили, что оригиналы карт не могут быть подделками.

— Дважды глупость, — согласился Саджаки. — Тем более что вам давно следовало задуматься над вопросом, где же я нахожусь?

— Если бы я задумался хоть на минуту...

— Нисколько не жалею, что вы этого не сделали, — ответил Саджаки. — Иначе этот наш разговор мог бы и не состояться. Но, с другой стороны, мы могли бы прибегнуть и к другим средствам, чтобы заполучить вас.

Силвест кивнул головой.

— Полагаю, что логическим следующим шагом было бы уничтожение более крупного населенного пункта, но тоже фиктивного. Но я сильно сомневаюсь, что вам дважды удалось бы провернуть одно и то же. Есть у меня неприятное предчувствие, что вам пришлось бы подорвать что-то более реальное.

* * *

Холод, казалось, обладал стальной текстурой, будто тысячи острых стальных крючков мягко скребли кожу, причем каждое движение угрожало проникнуть глубже и дойти до кости. Но как только люди оказались во владениях Капитана, этот холод уже больше не ощущался, поскольку холод, в котором был заключен Капитан, был куда сильнее.

— Он болен, — сказал Саджаки. — Вариант Расползающейся Чумы. Вы, надо думать, о ней наслышаны.

— Кое-какие вести из Йеллоустона до нас доходили, — ответил Силвест. — Не могу сказать, чтобы они были подробными. — За все это время он ни разу не взглянул на Капитана.

— Нам не удалось сдержать наступление болезни, — тихо проговорил Хегази. — Во всяком случае, не удалось заставить ее отступить. Глубокая заморозка замедляет ее развитие, но не более того. Она... вернее сказать, он — вирус — медленно распространяется, поглощая массу корабля и превращая ее в собственную ткань.

— Значит, Капитан все еще жив, во всяком случае, с биологической точки зрения?

Саджаки кивнул.

— Конечно. Впрочем, ни один организм нельзя назвать живым при этих температурах. Но если бы мы стали согревать Капитана... какие-то части его могут начать функционировать.

— Вряд ли это вселяет большие надежды.

— Я доставил вас на борт, чтобы вы лечили его, а не чтобы слушать ваши заверения.

Капитан больше всего напоминал статую, обмотанную щупальцами, похожими на серебристые веревки, протянувшиеся на десятки метров во все стороны. Они завлекательно поблескивали с какой-то зловещей биомеханической злостью. Кокон для глубокого сна, находившийся в центре замороженной экспозиции, все еще, в силу чуда конструкции или случайности, номинально функционировал. Его когда-то симметрическая форма была разорвана и развалена медленной, как ползущий ледник, и такой же неостановимой силой увеличения объема тела Капитана. Большая часть жизнеобеспечивающих датчиков и приборов уже давно погибла. Не было и иллюзорных живых картин, которые разнообразили бы окружение. Из приборов, которые еще

работали и чьи экраны светились, большинство показывало несусветную чушь. Бессмысленные иероглифы машин, погрузившихся в бездны старческого маразма. Хоури обрадовалась, что техника оптических иллюзий сдохла. Ей казалось, что иначе иллюзии тоже претерпели бы жуткие деформации. Хороводы изуродованных серафимов и искалеченных херувимов только подчеркивали бы невероятную глубину и распространенность болезни Капитана.

— Вам нужен не хирург, вам нужен священник, — сказал Силвест.

— А Кэлвин говорит иначе, — ответил Саджаки. — Ему не терпится взяться за работу.

— Тогда копия, сделанная в Кювье, просто обезумела. Ваш Капитан не болен. Он даже не мертв, так как того, что было когда-то живым, уже не осталось.

— Тем не менее, — заявил Саджаки, — вы нам поможете. У вас будут помощники. Илиа, как только она поправится. Она полагает, что ей удалось вывести контрвирус для чумы — новый ретровирус. Мне сказали, что на небольших срезах ткани он работает. Но она — оружейник. Применение этого вируса к Капитану — дело медицины. Зато она может обеспечить вам инструментарий.

Силвест улыбнулся Саджаки.

— Я уверен, что вы уже обсудили это дело с Кэлвином.

— Скажем так: его известили. Он готов попытаться, думает, что вирус может сработать. Это вас ободряет?

— Я преклонился бы перед мудростью Кэлвина, — ответил Силвест. — Он врач — не я. Но прежде чем мы начнем что-то делать, надо договориться об условиях.

— Условий не будет, — твердо сказал Саджаки. — И если вы будете противиться нам, не воображайте, что мы забудем о возможности влиять на вас через Паскаль.

— Может быть, но вы об этом горько пожалеете.

Хоури что-то кольнуло. Уже несколько раз сегодня у нее возникало ощущение, что тут что-то не так. Она чувствовала, что то же самое испытывают и другие, хотя на их лицах ничего нельзя было прочесть. Слишком уж самоуверенным казался Силвест. Вот в чем дело. Слишком самоуверенным для того, кого похитили и понуждают заниматься очень неприятным делом. А он говорит так, будто в рукаве у него козырной туз и он собирается его вытащить.

— Я отремонтирую вашего дурацкого Капитана, — сказал Силвест. — Или, во всяком случае, докажу, что сделать

этого нельзя. Но в обмен вы должны оказать мне небольшую услугу.

— Извините, — вмешался Хегази. — Но когда торговля идет с позиций слабости, услуг не просят.

— А кто говорит о слабости? — Силвест опять улыбнулся, на этот раз с откровенной яростью и еще с чем-то, что, к ее удивлению, было похоже на удовольствие. — Перед тем как я покинул Мантель, мои тюремщики сделали мне последнее одолжение. Не думаю, что они почитали себя обязанными оказать мне его. Но дело было не такое уж значительное, и оно давало им возможность подложить вам свинью, что им весьма импонировало. Они теряли меня и не видели причины отдавать вам именно то, что вы мечтали получить.

— Мне все это как-то не нравится, — сказал Хегази.

— Поверьте, вам это не понравится еще больше. А сейчас я хочу задать вам вопрос, чтобы прояснить наши позиции.

— Валяйте! — бросил Саджаки.

— Вы достаточно знакомы с концепцией горячей пыли?

— Не забывайте, что вы разговариваете с Ультра.

— Да, конечно. Мне просто хотелось убедиться, что у вас не будет никаких иллюзий. И вы знаете, что частички горячей пыли могут быть заключены в «контейнеры» размером меньше булавочной головки? Конечно, знаете. — Он похлопал пальцем по подбородку, как бы разыгрывая роль опытного адвоката. — Вы слышали о прилете сюда Ремильо? Это последний суперсветовик, который торговал с Ресургемом перед вашим нынешним визитом.

— Мы знаем об этом.

— Ну так Ремильо продал колонии горячую пыль. Не так уж много. Но достаточно для колонии, которая в недалеком будущем собирается провести масштабные работы по ландшафтной архитектуре на поверхности планеты. Часть вот таких «булавочных головок» — дюжина или меньше — попала в руки людей, которые держали меня в плену. Хотите, чтобы я продолжил, или вам уже все ясно?

— Боюсь, я понял, — сказал Саджаки, — но вы все-таки продолжайте.

— Одна из этих «булавочных головок» в настоящее время включена в мою зрительную систему, которую мне в свое время изготовил Кэл. Этой системе не нужен ток, да и если бы вы разобрали мои «глаза», вы бы все равно не узнали бы,

в каком из их компонентов заключена бомба. Впрочем, вы вряд ли на это пойдете, так как попытка манипулировать с моими глазами обязательно закончится взрывом, причем сила взрыва будет такова, что превратит кусок корпуса длиной в километр в очень дорогой и совершенно бесполезный кусок колоссальной стеклянной скульптуры. Убейте меня или только причините мне вред, который изменит функциональные возможности моего тела в сравнении с их нынешним состоянием, и приборчик сработает. Это ясно?

— Как хрусталь.

— Отлично. Причините вред Паскаль, и случится то же самое. Я могу спустить пружинку по желанию, отдав ряд нейронных сигналов. Конечно, я тоже буду уничтожен — результат будет ошеломляющий. — Силвест сложил руки на груди, улыбаясь как статуя Будды. — Итак! Как вам идея небольших мирных переговоров?

Саджаки не сказал ни слова за время, показавшееся почти вечностью. Безусловно, он обдумывал то, что услышал от Силвеста. Затем сказал, даже не обращаясь к Хегази:

— Мы можем проявить гибкость.

— Отлично. Тогда, вероятно, вам будут интересны мои условия?

— Горим энтузиазмом.

— Благодаря недавним неприятностям, — сказал Силвест, — я получил неплохое представление о том, на что способен ваш корабль. Подозреваю, что та скромная демонстрация показывает лишь одно из самых небольших ваших достоинств?

— У нас есть... возможности, но вам надо поговорить с Илиа. А что вы имеете в виду?

Силвест усмехнулся.

— Сначала вы должны меня кое-куда свозить.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Система Дельты Павлина, год 2566-й

Они вернулись на мостик.

В прошлый раз Силвест тоже здесь бывал. В те времена он провел тут, надо полагать, несколько сот часов, и все же мостик и сейчас произвел на него глубокое впечатление. Расположенные по кругу ряды пустых кресел, амфитеат-

ром поднимающиеся к потолку, придавали рубке скорее вид зала суда, где вот-вот должно состояться слушание важнейшего дела. Сейчас сюда войдут члены жюри и рассядутся по концентрическим кругам кресел. Ожидаемое решение уже созрело, оно висит в воздухе и будет немедленно провозглашено. Силвест перебрал свои ощущения и не нашел среди них ничего, чтобы хоть отдаленно напоминало чувство вины, а потому решил, что положение обвиняемого ему не грозит. Однако тяжесть атмосферы ощущалась. Это была тяжесть, которую распознал бы любой судебный деятель: бремя задачи, которую предстоит решить не только публично, но и с приложением высочайших стандартов непогрешимости. И если он потерпит поражение, то пострадает не только его достоинство, а будет разорвана длинная и трудолюбиво подготовленная цепь событий, приведшая к данной точке. Цепь, которая протянулась в непредставимую даль прошлого.

Силвест огляделся и увидел в самом центре каюты голографический глобус, но его глаза с трудом распознали объект, который этот глобус изображал, хотя имелось немало признаков, говорящих, что это символическое изображение Ресургема.

— Мы все еще на орбите? — спросил Силвест.

— Теперь, когда вы у нас? — покачал головой Саджаки. — Это было бы бессмысленно. У нас на Ресургеме других дел не было.

— Беспокоитесь, что колонисты что-нибудь предпримут?

— Признаюсь, они могли бы создать для нас кое-какие неудобства.

Все помолчали, а потом Силвест сказал:

— Ресургем вас никогда не интересовал, я прав? Всю бесконечную дорогу сюда вы проделали только ради меня? Мне это представляется скудомыслием, доходящим до мономании.

— Ну, вообще-то это была работенка всего на каких-нибудь несколько месяцев, — усмехнулся Саджаки. — С наших позиций, разумеется. Но не задирайте нос, будто мы гонялись за вами годами.

— С моих позиций дело смотрится именно так.

— Ваши позиции не слишком-то надежны.

— Ваши прочнее? Вы это хотите сказать?

— Они... продолжительнее. А это кое-что значит. Вернемся, однако, к нашим делам. На ваш первый вопрос от-

вечаю: мы ушли с орбиты. Мы идем с ускорением от эклиптики уже с момента вашего появления на борту.

— Я еще не сказал вам, куда хочу нас направить.

— Нет. Вообще-то наш план состоит в том, чтобы оставить между нами и колонией хотя бы одну стандартную астрономическую единицу, после чего притормозить и обдумать ситуацию. — Саджаки щелкнул пальцами, заставив кресло-робота скользнуть к нему. Сел и подождал, пока придвинутся еще несколько кресел — для Силвеста, Паскаль, Хегази и Хоури. — За это время мы, конечно, надеемся получить вашу помощь в лечении Капитана.

— Разве я говорил, что не сделаю этого?

— Нет, — ответил Хегази, — но свое согласие вы опубликовали чертовски мелким шрифтом.

— Не стоит меня упрекать в том, что я извлек личную пользу из крайне неприятной ситуации.

— Мы не упрекали вас и не упрекаем, — сказал Саджаки, — но мы были бы рады, если бы вы прояснили ваши требования. Разве это не резонно?

Кресло Силвеста парило рядом с креслом Паскаль, которая сейчас смотрела на Силвеста с не меньшим интересом, чем остальные члены команды. Разница была лишь в том, подумал он, что она знает гораздо больше, фактически почти все из того, что можно знать, во всяком случае, столько же, сколько знал он, как бы незначительна ни была бы доля истины в этом знании.

— Могу ли я попросить показать схему всей системы Ресургема с этой точки зрения? — попросил Силвест. — Я понимаю, что в принципе могу, но разрешите ли вы мне это сделать и не поможете ли советом?

— Самые последние карты были подготовлены во время нашего перехода сюда, — отозвался Хегази. — Можете вызвать их из банка памяти корабля и спроецировать на этот дисплей.

— Тогда покажите, как это делать. Я намерен отныне какое-то время быть не только пассажиром, так что вам следует к этому привыкать.

Поиск нужных карт занял около минуты. Еще полминуты ушло на то, чтобы спроецировать их на сферу в нужном ракурсе с учетом современного положения Ресургема. Изображение имело форму модели планетарной системы, изображающей орбиты одиннадцати планет с главными спутниками и комет, нанесенные изящными цветными ли-

ниями, причем положения небесных тел изображались в реальном времени.

Поскольку принятый масштаб был довольно велик, планеты с земными характеристиками, включая Ресургем, сосредотачивались в средней части модели. Тугой узел концентрических орбит завязывался вокруг звезды Дельта Павлина. Далее шли более мелкие планеты, а еще дальше — газовые гиганты и кометы, еще дальше — два небольших газовых мира типа Юпитера, которых гигантами не назовешь, затем еще планета типа Плутона — «пойманный» кусок кометы с двумя лунами. Куйперов пояс системы из первоначального кометного вещества был виден в инфракрасной части спектра, подобно странно сформированному рою, шишковатый конец которого был направлен в сторону от звезды. Дальше в пределах примерно двадцати астрономических единиц, то есть в пределах десяти световых часов, не было ничего. Материя здесь если и присутствовала, то была очень слабо связана со звездой и ощущалась лишь как гравитационное поле, которое страшно растягивалось и легко разрушалось при вторжении каких-либо тел извне. Защитная сеть звездного магнитного поля так далеко не простиралась, и находившиеся здесь объекты существовали под воздействием частых шквалов галактической магнитосферы. Мощный ветер магнитного поля, в котором сливались поля всех звезд, похожие на маленькие завихрения в пределах гигантского циклона.

Но этот огромный объем космоса отнюдь не был пуст. Он только на первый взгляд казался единым, и то лишь потому, что масштаб изображения был слишком велик, чтобы выявить его истинную сложность. Эта сложность увеличивалась в направлении, куда указывало гало Куйперова пояса. Гравитационное притяжение превращало сферическое кольцо во вздувшийся на конце эллипс, что и служило визуальным доказательством наличия источника притяжения. Явление было почти незаметно для невооруженного глаза, разве что если эти глаза находились не далее миллиона километров от кольца. В этой точке вопрос о том, виден ли этот объект, становился наименьшей из проблем.

— Картина, вам всем знакомая, — сказал Силвест, — хотя весьма вероятно, вы ей до сих пор не придавали особого значения.

— Это нейтронная звезда, — заметил Хегази.

— Отлично. Помните что-нибудь еще?

— Только то, что у нее есть спутник, — отозвался Саджаки. — Что, в общем, вряд ли придает ей какую-то исключительность.

— Нет, разумеется, не придает. Нейтронные звезды часто имеют планеты — предполагается, что это сгустившиеся остатки испарившихся двойных звезд. Иногда же такие планеты рассматриваются как тела, каким-то образом избежавшие уничтожения, когда создавался пульсар в процессе взрыва более тяжелой звезды. — Силвест покачал головой. — Но ничего сколько-нибудь удивительного в этом нет. Итак, вы можете спросить, почему он меня в таком случае занимает?

— Вполне резонный вопрос, — фыркнул Хегази.

— Потому, что там есть нечто странное. — Силвест увеличил изображение, пока планета не стала хорошо видна. Она крутилась вокруг нейтронной звезды, и это движение было чудовищно быстрым. — Эта планета имела огромное значение для амарантян. Она появляется на артефактах поздней стадии их истории с все возрастающей частотой. Чем ближе к Событию, то есть к звездной вспышке, которая их всех погубила, — тем чаще.

Он знал, что завоевал внимание аудитории. Если угроза гибели их корабля привлекала их, так сказать, на уровне самосохранения, то теперь Силвест увлек их на уровне силы интеллекта. Он не сомневался, что с командой корабля ему на этой стадии будет легче, нежели с колонистами, ибо команда Саджаки имела преимущество — опыт космических полетов.

— Так что же это такое? — спросил Саджаки.

— Я не знаю. И именно это вы поможете мне узнать.

Хегази тоже задал вопрос:

— Вы думаете, что на этой планете может что-то быть?

— Или внутри ее. Мы никогда этого не узнаем, если не подберемся поближе.

— А может, это ловушка? — спросила Паскаль. — Не думаю, что мы можем отбросить такую возможность, особенно если Дэн прав насчет времени...

— Какого времени? — встревожился Саджаки.

Силвест похрустел пальцами.

— Я подозреваю... нет, это не подозрение, а скорее, мой вывод, что амарантяне дошли до той стадии прогресса, когда им удалось осуществить космические перелеты.

— Из того, что я узнал на поверхности, следует, что в ископаемых артефактах не обнаружено подтверждений подобной точки зрения, — сказал Саджаки.

— Так их и не может быть, не так ли? Технологические артефакты гораздо менее точны, чем какие-нибудь примитивные орудия. Гончарные изделия выдерживают, а микропроводники превращаются в пыль. Кроме того, нужен очень высокий технологический уровень, чтобы похоронить целый свой город под обелиском. Если они могли совершить такое, у нас нет оснований думать, что они не в состоянии были добраться до границ своей солнечной системы, а может, осуществить и межзвездные перелеты.

— Уж не думаете ли вы, что амарантяне достигли и других солнечных систем?

— Я этого не исключаю.

Саджаки усмехнулся.

— Тогда где же они теперь? Я допускаю, что одна технологическая цивилизация может быть уничтожена другой и не оставить после себя следов, но не могу поверить, чтобы это была цивилизация, распространившаяся на многие миры. Что-то они должны были оставить после себя!

— Возможно, так и случилось.

— Мир около нейтронной звезды? Вы думаете найти там ответы на свои вопросы?

— Если бы я знал ответы, лететь туда не было бы причин. Все, чего я прошу, это дать мне возможность самому выяснить это, то есть доставить меня туда. — Силвест положил подбородок на сцепленные пальцы. — Вы доставите меня к этой планете и обеспечите мою безопасность на это время. Если для этой цели придется применить чудовищные возможности корабля и передать их в мои руки, так тому и быть!

Хегази выглядел заинтересованным и в то же время испуганным..

— Вы думаете, мы можем там встретиться, когда туда доберемся, с чем-то таким, против чего нам понадобится наше самое совершенное оружие?

— А разве кому-нибудь мешали предосторожности?

Саждаки повернулся ко второму Триумвиру. На мгновение почудилось, что если б никого кроме них в каюте не оказалось, они обменялись бы мыслями молча, как два компьютера. Когда они заговорили, разговор был

своего рода повторением этих мыслей, предназначенным для Силвеста.

— То, что он сказал о приборчике в своих глазах, — это возможно? Я имею в виду уровень технологии на Ресургеме. Могли они установить подобное приспособление за то малое время, которое мы им предоставили?

Хегази потребовалось некоторое время для ответа.

— Я думаю, Ююджи-сан, что к этой возможности нам следует отнестись с большим вниманием.

Вольева пробудилась от сна в отделении для поправляющихся медчасти корабля. Она не нуждалась в специальном уведомлении о том, что пробыла без сознания гораздо больше нескольких часов. Ей было достаточно проанализировать состояние своего мышления и ощутить, что сон ее был глубок и длился столетия, чтобы понять — ее ранение и процесс реабилитации никак не назвать тривиальными. Иногда ей уже приходилось чувствовать, что она проспала чуть ли не всю жизнь, хотя на самом деле она задремала лишь на несколько мгновений. Но не теперь... ибо ее нынешние сны были долгими и насыщенными событиями, как самые длинные дотехнологические сказки. Она чувствовала, что заново пережила множество пыльных и бессмертных томов своих личных странствий.

И тем не менее запомнила она немногое. Она была на борту своего корабля. Да. Затем — вне его... где-то еще, а где именно — неясно... Потом произошло что-то ужасное. Все, что ей запомнилось об этом времени, — это громовый удар и ярость. Но что все это значит? Где она была?

Смутно — первоначально ей показалось, что это случайный обрывок сна, — она вспомнила Ресургем. Затем — крайне медленно — стали выползать события, но не как приливная волна и не как оползень, а как медленное хлюпающее пробуксовывание — потрошение прошлого. Этим воспоминаниям не хватало упорядоченности: они возвращались вне хронологии. Но когда удалось расположить их в более или менее удовлетворительной хронологической последовательности, Вольева вспомнила предъявленный ультиматум, произнесенный с орбиты, как это ни странно, ее голосом замершему в ужасе миру — там — внизу. А еще позже — ожидание в сердце бури, ощущение страшного жара, затем столь же ледяного холода в желудке... и, наконец, лицо стоящего над ней Саджаки и утихающую боль.

Открылась дверь, вошла Ана Хоури. Одна.

— Проснулась, — сказала та. — Так я и думала. Я наладила систему, которая должна была сообщить мне, когда твоя нейронная активность перейдет определенный порог, связанный с трезвым мышлением. Приятно видеть тебя вернувшейся к нам, Илиа. Нам тут трезвое мышление не помешает.

— Сколько... — Вольева проглатывала слова. Звучали они надтреснуто и вяло. Поэтому она начала снова: — Сколько времени я тут нахожусь? И где мы вообще?

— Десять дней со дня нападения, Илиа... Мы... ладно, к этому я еще вернусь. Долгая история. Как ты себя чувствуешь?

— Бывало и хуже. — И тут же удивилась тому, что сказала, ибо не могла вспомнить случая, когда бы чувствовала себя столь омерзительно. Но почему-то ей показалось, что в подобных ситуациях принято говорить именно так. — А что за нападение?

— Кажется, ты кое-что подзабыла?

— Я просто задала вопрос, Хоури.

Хоури приблизилась к Вольевой, а комната сама распорядилась подставить ей тяжелое кресло прямо к постели.

— Суджика, — сказала она. — Она пыталась убить тебя на Ресургеме. Ты это помнишь, да?

— Не очень.

— Мы отправились вниз, чтобы доставить Силвеста на корабль.

Вольева молчала. Имя этого человека звенело в ее голове с каким-то металлическим оттенком, будто скальпель, упавший на пол.

— Силвест... Да. Я помню, что мы почти доставили его. Получилось? Саджаки получил, что хотел?

— И да, и нет, — ответила Хоури после некоторого замешательства.

— А Суджика?

— Она хотела тебя убить из-за Нагорного.

— На всех-то не угодишь, верно?

— Я думаю, повод у нее все же был, что там ни говори. Она надеялась, что я к ней присоединюсь.

— И?

— Я ее прикончила.

— Значит, мне следует предположить, что ты спасла мне жизнь? — Впервые Вольева подняла голову с подуш-

ки. Ощущение было такое, будто голова привязана к кровати эластичным проводом. — Надо тебе прекратить это дело, Хоури, пока оно не стало привычкой. Но если тут случилась еще одна смерть, то... пожалуй, следует ожидать, что Саджаки начнет задавать вопросы.

Сейчас она не рискнула бы на большее. Предупреждение, которое она сейчас сделала, было таким, которое любой старший по команде мог сделать юнге. Оно не обязательно означало — для того, кто подслушивал, — что Вольева знала о Хоури больше, нежели другие Триумвиры.

И в то же время предупреждение было искренним. Первая смерть в тренировочном зале... другая на Ресургеме. Ни в одной из этих неприятностей Хоури не была зачинщицей, но если ее причастность к обоим случаям была достаточна, чтобы насторожить Вольеву, то, естественно, она наведет и Саджаки на определенные размышления. Допрос — пожалуй, самое мягкое определение того дознания, которое мог провести Триумвир, если уж говорить по правде. Саджаки вполне способен прибегнуть к пытке. Пожалуй, даже к глубокой промывке мозгов. Тогда — если бы он прожарил мозги Хоури — он вполне мог бы узнать о ее роли в качестве разведчика, подосланного на корабль, чтобы украсть орудия из Тайника. А его следующий вопрос наверняка был бы таким: как много из всего этого знала Вольева? И если он найдет нужным промыть мозги и Вольевой...

Этого не должно случиться.

Как только она поправится, так сразу отведет Хоури в Паучник, где можно говорить свободно. Сейчас же бессмысленно думать о вещах, которые лежат вне ее контроля.

— А что было потом? — спросила она.

— После гибели Суджики? Все, веришь ли, шло по плану. Силвеста еще надо было доставить на корабль, а Саджаки и я были целы.

Она подумала о Силвесте, который сейчас находится где-то на корабле.

— Значит, Саджаки получил то, чего добивался?

— Нет, — очень осторожно ответила Хоури. — Он только думал, что получил это. А если по правде — получилось иначе.

В течение следующего часа Хоури рассказывала Вольевой обо всем, что случилось после того, как Силвеста доставили на борт. Это знали на корабле все, и не было тут

ничего такого, что Саджаки хотел бы утаить от Вольевой. Однако Вольева продолжала твердить про себя, что получает информацию о событиях, как бы профильтрованную через собственное восприятие Хоури, и потому не обязательно полную и не обязательно надежную. Были нюансы в корабельной политике, Хоури вовсе неизвестные. Они могли остаться неизвестными и любому, кто долгие годы не появлялся на борту. Наконец ей стало казаться, что вряд ли от нее удалось бы скрыть более или менее заметный кусок истины, независимо от того, знает о нем Хоури или нет. А то, что Вольевой было рассказано, ей не слишком нравилось. Да, не слишком.

— Вы думаете, он солгал? — спросила Хоури.

— Насчет «горячей пыли»? — Вольевой удалось произвести нечто, отдаленно напоминавшее пожатие плеч. — Очень возможно. Можно считать доказанным, что Ремильо и в самом деле продал горячую пыль колонистам. Мы сами видели свидетельства этого. Однако манипулировать такой штукой — не игра для ребятишек. У них было мало времени, чтобы установить ее в глаз Силвеста, если предположить, что они ожидали до той минуты, когда будет нанесен удар по Фениксу. С другой стороны... исходить из того, что он солгал, слишком рискованно. Никакое сканирование с расстояния не может определить наличие или отсутствие горячей пыли без риска нажатия кнопки... Это накладывает на Саджаки двойные путы. Он должен ориентироваться на то, что Силвест сказал правду. Или положиться на слова Силвеста, или рискнуть всем. В последнем случае риск становится величиной легко вычислимой и определяющей.

— А ты не считаешь, что требования Силвеста сравнимы с этим риском?

Вольева хмыкнула, подумав об этих требованиях. За всю свою жизнь она еще не встречалась с чем-либо по настоящему чуждым, с чем-либо стоящим вне ее опыта. Там, надо думать, найдется немало такого, что способно обогатить этот опыт. А она сама готова усвоить пару-другую уроков. С ней Силвесту не пришлось бы прибегать к угрозам.

— Если бы он знал нас лучше, то не стал бы прибегать к угрозе, имея такую соблазнительную наживку, — сказала она. — Меня эта нейтронная звезда интригует с той самой минуты, как мы вошли в Систему. И знаешь что? Я кое-что обнаружила в непосредственной близости от нее. Сла-

бый источник эмиссии нейтрино! Похоже, он вращается вокруг планеты, которая, в свою очередь, вращается вокруг нейтронной звезды.

— А что может быть источником нейтрино?

— Многое. Но таким мощным? Могу предложить только машину. И притом относящуюся к весьма продвинутой технологии.

— Оставленную амарантянами?

— И такую возможность ведь надо учитывать? — Вольева сделала усилие и улыбнулась. Именно так она и подумала, но не было нужды выражать свои мысли столь решительно. — Полагаю, мы узнаем больше, когда доберемся до тех краев.

Нейтрино — элементарные частицы, лептоны с полуцелыми спинами. Нейтрино бывают трех типов: электронные, мюонные и тау-нейтрино, что зависит от типа породившей их ядерной реакции. Поскольку эти частицы имеют массу — они двигаются чуть медленнее, чем свет, — нейтрино во время полета меняют тип. К тому времени, когда сенсоры корабля улавливали поток нейтрино, он представлял собой трудноразделимую смесь трех возможных типов. По мере уменьшения расстояния до нейтронной звезды, а вместе с тем и сокращения времени превращения нейтрино, в смеси типов выделился один, главенствующий. Энергетический спектр стал более отчетливым, и вариации интенсивности источника в зависимости от времени стало проще отслеживать и интерпретировать. Ко времени, когда расстояние между кораблем и нейтронной звездой сократилось до одной пятой астрономической единицы, или до двадцати миллионов километров, у Вольевой сформировалось несравненно более четкое представление о том, что именно вызывает непрерывный выброс частиц, среди которых доминируют самые тяжелые — тау-нейтрино.

И это ее очень встревожило.

Но она решила подождать, пока корабль подойдет ближе, а уж потом поделиться своими мыслями с остальной командой. Силвест в конце концов все еще держал их под контролем, и вряд ли ее тревога заставит его отклониться от выбранного образа действий.

Хоури привыкала погибать.

Одним из самых раздражающих аспектов ситуационного моделирования, практикуемого Вольевой, было то, что

оно обычно переступало черту, за которой любой реальный участник был бы обязательно или убит, или по меньшей мере искалечен до такой степени, что уже не мог уследить за происходящими событиями, не говоря уж о том, чтобы как-то влиять на их ход. Вот и сейчас то же самое. Что-то неслось к ней от Цербера — какое-то неизвестное оружие, огромной разрушительной силы, и оно небрежно разнесло весь корабль. Пережить такую атаку не могло ничто, но отделенное от тела сознание Хоури все еще упорно присутствовало, наблюдая, как отдельные куски разорванного супесветовика лениво разбредаются все дальше и дальше друг от друга в розовом сиянии своих собственных ионизированных внутренностей. Это, подумала Хоури, любимый способ Вольевой наказывать за ошибки.

— Ты что, никогда не слыхала о поддержке боевого духа? — ядовито спросила Хоури.

— Приходилось, — ответила Вольева. — И никогда не соглашалась. Как по-твоему, что лучше: быть перепуганным, но живым, или радостным, но мертвым?

— Но я же все равно умираю. Почему ты так убеждена, что у нас будут неприятности, когда мы туда доберемся?

— Я всего лишь всегда предполагаю худшее, — тоскливо ответила Вольева.

На следующий день Вольева почувствовала в себе достаточно сил, чтобы повидать Силвеста и его жену. Когда они вошли в медицинский бокс, она уже сидела в постели, держа на коленях компактный компьютер и редактируя кучу сценариев атак, которые она позже будет отрабатывать на Хоури. Она быстро переключила дисплей, выведя на него куда менее воинственную заставку. Впрочем, Вольева сомневалась, что Силвесту будут понятны ее закодированные сценарии. Даже ей самой эти каракули представлялись каким-то личным языком, который она только что освоила.

— Вы поправились, — сказал Силвест, садясь рядом с ней. С другого бока к нему пристроилась Паскаль. — Это здорово.

— Здорово потому, что вы заботитесь о моем благополучии, или потому, что вам нужна моя экспертиза?

— Конечно, последнее. Между нами, Илиа, вроде бы нет любви, так к чему же нам еще и притворяться?

— Мне такое и во сне не приснится. — Она отложила компьютер в сторону. — Мы с Хоури поспорили из-за вас.

Я... нет — мы пришли в конце концов к заключению, что было бы правильнее отнестись к вам с доверием. Так что на какое-то время вы можете считать, что я принимаю все, что вы сказали, — тут она почесала бровь, — за правду. Конечно, я резервирую за собой право изменить свое мнение в будущем, причем без всякого предупреждения.

— Полагаю, что такая позиция будет самой продуктивной для нас всех, — ответил Силвест. — И уверяю вас, как ученый ученого, что она справедлива. Не только в том, что касается моих глаз.

— Планета?

— Да. Цербер. Я думаю, вас вкратце ознакомили с существом дела?

— Вы ожидаете обнаружить там нечто, имеющее отношение к гибели амарантян. Да, столько-то до меня дошло.

— Что вы знаете об амарантянах?

— В основном ортодоксальные взгляды. — Она снова подняла свой компактный компьютер и быстро вызвала файл с документами, полученными из Кювье. — Конечно, только малая часть их — ваши труды. Но у меня есть и ваша биография. В ней содержится много ваших мыслей.

— Изложенных преимущественно с точки зрения скептика, — сказал Силвест, бросив взгляд в сторону Паскаль. Это было очевидно лишь по наклону головы — судить о направлении взгляда Силвеста было невозможно.

— Естественно. Но главная мысль все же просвечивает. В рамках этой парадигмы... я согласна, что Цербер-Гадес представляет интерес.

Силвест кивнул головой. То, что она правильно произнесла название двойной системы планета — нейтронная звезда, к которой они приближались, явно произвело на него впечатление.

— Что-то притягивало сюда амарантян в конечный период их существования. И я хочу знать, что это было.

— И еще вас интересует вопрос, не имеет ли это что-то отношения к Событию?

— Это меня интересует, вы правы. — Ответ был не таким, какой ожидала Вольева. — И я был бы крайне огорчен, если бы этот предмет вас не заинтересовал тоже. В конце концов угроза нашей собственной безопасности, возможно, существует и сейчас. Если мы что-нибудь узнаем, то не исключено, что сумеем избежать судьбы амарантян.

Вольева задумалась и провела пальцем по нижней губе.

— Может быть, так же рассуждали и амарантяне.

— Тогда лучше подойти к этой ситуации с позиций силы. — Силвест снова взглянул на жену. — По чести говоря, ваше появление — дар небес. Кювье никак не смог бы послать экспедицию в этот район, даже если б я сумел убедить колонию в важности этого мероприятия. А если бы мы и смогли что-то сделать, то ничто из построенного нами не смогло бы сравниться с могучим вооружением вашего корабля.

— Небольшая демонстрация нашей огневой мощи была несколько превратно понята, не так ли?

— Возможно... но без нее меня бы, вероятно, не отпустили.

Она вздохнула.

— К сожалению, это и моя точка зрения.

Прошло еще около недели, и корабль оказался на расстоянии двенадцати миллионов километров от Цербера-Гадеса, где и встал на орбиту вокруг нейтронной звезды. Вольева предложила собрать всю команду и гостей на совещание в рубке. Теперь, думала она, будет более уместно изложить им причину своих опасений. Ей это будет тяжело, но еще вопрос — как отнесется к ее данным сам Силвест? То, что она готовилась сообщить, не только подтверждает, что они приближаются к чему-то опасному, но имеет для него личное и, вероятно, исключительно важное значение. Она не такой уж глубокий знаток характеров — даже в лучшие свои времена, — а Силвест в высшей степени сложный человек, так что поверхностный анализ возможных последствий тут ничего не даст. Главное, думала она, что новости будут для него неприятными и болезненными.

— Я обнаружила кое-что, — сказала она, когда все смолкли. — И уже довольно давно. Источник нейтринной эмиссии вблизи от Цербера.

— Как давно? — спросил Саджаки.

— Еще до того, как мы прибыли на Ресургем. — Видя, что лицо Саджаки мрачнеет, она поспешно добавила: — Тогда еще не было ничего такого, о чем следовало бы доложить вам, Триумвир. Мы ведь не имели ни малейшего представления, что нам предстоит лететь в этом направлении или в эту точку. И природа излучения тоже была не ясна.

— А теперь? — задал вопрос Силвест.

— Теперь у меня есть... более надежные данные. Когда мы приблизились к Гадесу, стало ясно, что эмиссия источника — почти чистые тау-нейтрино особого энергетического спектра, уникального характера и явно носящего все признаки человеческой технологии.

— Значит, то, что обнаружено вами, — искусственного происхождения?

— Таков мой вывод.

— Двигатель Конджойнеров, — сказал Хегази, и Вольева слегка наклонила голову.

— Да, — согласилась она. — Только двигатель Конджойнеров мог оставить чистую тау-нейтриновую «подпись», такую, чтобы была сходна с тем, что оставляет источник, вертящийся вокруг Цербера.

— Значит, там есть другой корабль? — спросила Паскаль.

— Так я подумала сразу же, — ответила Вольева, но голос ее звучал неуверенно. — И фактически не очень ошибалась. — Затем она отдала шепотом команду своему браслету, заставила центральную сферу-дисплей ожить и начать выполнять заданную программу, которую сама же установила перед совещанием. — Было очень важно подождать, пока мы не окажемся достаточно близко для визуальной идентификации источника.

Сфера показывала Цербер. Это был мир величиной с Луну. По сути же это была как бы менее гостеприимная версия Ресургема. Монотонная, серая, вся покрытая кратерами. И темная. Дельта Павлина была отсюда в десяти световых часах, а другая — ближайшая — звезда — Гадес вообще не давала света. Хотя маленькая нейтронная звезда и родилась во взрыве Сверхновой довольно раскаленной, но давным-давно остыла и продолжала излучать лишь в инфракрасной зоне спектра. Для нормальных глаз она была видима лишь тогда, когда ее гравитационное поле заставляло далекие звезды вспыхнуть яркой световой дугой. Но даже если бы Цербер купался в свете, там не было бы видно ничего, что могло бы послужить приманкой для амарантян. Самые лучшие сканеры Вольевой с разрешающей способностью около километра составили карты поверхности планеты. Объект же, вращающийся вокруг Цербера, Вольева изучала еще более детально и в большем масштабе.

Она дала увеличение этого объекта. Сначала он казался слегка вытянутым серым кусочком звездного навоза, по-

висшим на фоне тонкого серпа Цербера. Именно таким она увидела этот предмет десять дней назад, прежде чем корабль задействовал свои дальнозоркие глаза. Уже тогда она не могла больше игнорировать свои былые подозрения. А теперь, когда стали видны и детали, отпали последние сомнения. Пятно стало сплошным и начало обретать форму — конус, похожий на осколок разогретого стекла. Вольева прикинула его размеры и с помощью дальномера определила их точнее. Объект имел в длину три или четыре километра.

— При такой разрешающей способности можно было видеть, что эмиссия нейтрино исходила из двух источников.

Вольева показала их — серо-зеленые пятна были хорошо видны на утолщенном конце конического объекта. Когда детали стали видны еще лучше, выяснилось, что серо-зеленые пятна крепились к корпусу элегантными стойками или подставками.

— Какой-то суперсветовик, — сказал Хегази. Он был прав, сомнений тут быть не могло, даже если бы разрешающая способность аппаратуры была меньше. То, на что они смотрели, было другим космическим кораблем, очень похожим на их собственный. Два источника эмиссии были двумя Конджойнеровскими двигателями, помещенными по бокам корпуса.

— Можете ли вы идентифицировать корабль? — спросил Саджаки.

— В этом нет необходимости, — откликнулся Силвест. Всех поразил этот спокойный глубокий голос. — Я знаю, чей это корабль.

На дисплее по корпусу пробежала новая волна деталей, как бы смывая прежние, а сам корабль стал расти, пока не занял почти всю сферу. Теперь все стало очевидным даже для тех, кто не понял раньше: корабль был поврежден, выпотрошен, покрыт глубокими сферическими вмятинами, целые акры в его носовой части были распахнуты пустоте, открывая бесконечно сложную картину палуб, картину, которую космос никогда бы не должен был увидеть.

— Ну? — спросил Саджаки.

— Это обломки «Лорина», — спокойно произнес Силвест.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

На подходе к Церберу-Гадесу, год 2566-й

Кэлвин обрел новое место жительства в медицинском центре суперсветовика, восседая, как и прежде, в своем огромном кресле.

— И где же мы находимся? — спросил он, протирая пальцем уголок глаза, как будто только что проснувшись от приятнейшего глубокого сна. — Все еще носимся вокруг дырки от задницы этой дурацкой планеты?

— Мы покинули Ресургем, — ответила ему Паскаль, сидевшая рядом с Силвестом, который, в свою очередь, облокотился на операционный стол, застеленный простынями и полностью подготовленный. — Мы теперь на краю гелиосферы Дельты Павлина, вблизи системы Цербер-Гадес. Мы обнаружили «Лорин».

— Извините, кажется, я ослышался?

— Ничего вы не ослышались. Вы поняли меня правильно. Вольева показала его нам. Без сомнения, это тот самый корабль.

Кэлвин нахмурился. Подобно Силвесту и Паскаль, он считал, что «Лорин» наверняка давным-давно покинул систему Дельты Павлина. И это после того, как Алисия и другие мятежники украли корабль, чтобы вернуться в Йеллоустон — еще на самой заре истории колонии на Ресургеме!

— Да как это может быть «Лорин»?

— Мы не знаем, — ответил ему Силвест. — Все, что нам известно, мы тебе сказали. Ты не понимаешь ничего, так же как и мы. — В таких случаях во время бесед с Кэлвином Силвест обычно подпускал ему шпильку, но на этот раз что-то заставило его придержать язык.

— Корабль цел?

— Кто-то или что-то атаковало его.

— Есть выжившие?

— Сомневаюсь. Корабль слишком сильно пострадал. Кто бы это ни был, он напал внезапно, иначе команда постаралась бы покинуть этот район космоса.

Кэлвин помолчал, потом сказал:

— Значит, Алисия погибла. Жаль.

— Мы не знаем, как это случилось, не знаем, кто напал на корабль, — сказал Силвест, — но вполне вероятно, что в ближайшее время мы что-то выясним.

— Вольева выпустила беспилотного разведчика, — сказала Паскаль. — Это робот, который может очень быстро добраться до «Лорина». Собственно, ему уже время вернуться. Она сказала, что робот войдет внутрь корабля и узнает, не сохранились ли электронные записи.

— И тогда?

— Мы узнаем, кто их убил.

— Но ведь этого мало, не так ли? Сколько бы мы ни узнали о «Лорине», этого мало, чтобы заставить тебя повернуть назад, Дэн. Я же все-таки хорошо изучил тебя.

— Это тебе только кажется, — парировал тот.

Паскаль встала и кашлянула.

— Может, перебранку оставим на потом? Если вы не сможете работать вместе, Саджаки не получит ни от одного из вас того, что ему нужно.

— Наплевать мне на то, что он обо мне думает, — разозлился Силвест. — Саджаки будет делать то, что я ему прикажу.

— В чем-то он прав, — поддержал Кэлвин.

Паскаль приказала каюте выдавить из себя пульт управления с массой выключателей и индикаторов, весьма похожий на те, которыми пользовались на Ресургеме. Затем взяла стул и села под изящным, цвета слоновой кости, пологом пульта. Она вызвала схему коммуникаций и принялась устанавливать необходимые связи между модулем Кэлвина и системой медицинского обеспечения каюты. Было похоже, что Паскаль ткет сложную «колыбель для кошки» прямо в воздухе. Когда все подсоединения были сделаны, Кэлвин опробовал их и указал Паскаль, где надо увеличить или уменьшить полосу частот или где следует создать дополнительные связи. Эта процедура длилась всего несколько минут, а когда закончилась, Кэлвин мог оперировать сервомеханизмами медицинского центра. Он тут же создал уйму металлических рук, свисающих с потолка, подобно щупальцам медузы.

— Вы не представляете себе, каково это, — сказал Кэлвин. — В первый раз за многие годы я могу действовать, как часть физического мира. Да, в первый раз после того, как я исправил твои глаза! — Он говорил, а многосуставные руки исполняли сверкающий танец; лезвия, лазеры, клешни, молекулярные манипуляторы и сенсоры рассекали воздух вихрем свирепого серебра.

— Очень впечатляет, — сказал Силвест, ощущая на лице этот ветер. — Только будь, пожалуйста, поосторожнее!

— Да я за день мог бы переделать твои глаза! — заявил вдруг Кэлвин. — Я могу сделать их куда лучше, чем они были раньше. Я могу сделать их по виду похожими на человеческие. Черт, да с такой технологией я могу имплантировать тебе человеческие глаза — это будет даже еще легче.

— Не хочу я, чтобы ты их переделывал, — ответил Силвест. — Сейчас они — мое единственное оружие против Саджаки. Конечно, можешь чуть подправить то, что сделал с ними Фолкэндер.

— Ах да! Об этом я совсем позабыл. — Оставаясь совершенно неподвижным, Кэлвин высоко задрал брови. — А ты уверен, что такая процедура разумна?

— А ты будь поосторожнее, когда станешь тыкать в них.

Алисия Келлер Силвест была предпоследней женой Силвеста, если считать Паскаль за последнюю. Они поженились еще на Йеллоустоне, в те долгие годы, когда будущая экспедиция на Ресургем еще только планировалась в мельчайших деталях. Они вместе закладывали Кювье и в полном согласии провели здесь первые годы раскопок. Она была блестящим ученым, пожалуй, даже слишком блестящим, чтобы долго оставаться в тени славы Силвеста. Будучи человеком свободомыслящим, она стала отдаляться от мужа, как в личных отношениях, так и профессионально. Так что, когда время их пребывания на Ресургеме вступило в третий десяток лет, Алисия была уже не одинока в своих взглядах, что об амарантянах получено достаточно данных и что пришло время экспедиции — а она не задумывалась как постоянная — вернуться к Эпсилону Эридана. В конце концов если за тридцать лет работы они не узнали ничего сногсшибательного, то где гарантия, что за следующие тридцать они добьются потрясающих результатов? Алисия и ее сторонники считали, что амарантяне не заслуживают дальнейших детальных исследований, что Событие было всего лишь несчастным случаем, не имевшим космического значения. В этих взглядах нетрудно было увидеть разумное зерно. Амарантяне были к тому же не единственным вымершим видом разумных существ, известных человечеству. И было вполне вероятно, что вне пределов постоянно увеличивающегося объема исследованной Галактики в недалеком будущем откроют новые цивилизации, чьи богатей-

шие археологические клады только и ждут, когда же их раскопают. Сторонники Алисии считали, что Ресургем следует закрыть, что лучшие ученые умы колонии пора вернуть на Йеллоустон и дать им возможность отыскать более интересную цель для своих исследований.

Сторонники же Силвеста, конечно, возражали против этого самым решительным образом. К этому времени Алисия и Силвест были уже совершенно чужими людьми, но даже в глубинах вражды они сохраняли холодное уважение к способностям друг друга. Любовь выветрилась, но восхищение осталось.

А потом был мятеж. Сторонники Алисии сделали то, чем угрожали уже давно: покинули Ресургем. Им не удалось убедить противников последовать их примеру, а поэтому они захватили «Лорин», находившийся на парковочной орбите. Мятеж был бескровным, но кража корабля группой Алисии навлекла на колонию многие беды. На «Лорине» находились все шлюпы и шаттлы, предназначенные для путешествий между планетами Системы, так что колонисты оказались привязанными к поверхности Ресургема. У них не было средств, чтобы починить спутники связи или построить новые, пока через несколько десятилетий к ним не прибыл корабль Ремильо. Роботов, материалов для восстановительных технологий, для имплантации и прочего у колонистов после бегства Алисии тоже почти не осталось.

И все же именно сторонники Силвеста оказались в выигрыше.

— Запись в судовом журнале, — сказал «призрак» Алисии, вплывая в рубку. — Двадцать пять дней пути от Ресургема. Решено — против моего желания — по дороге навестить нейтронную звезду. Это не потребует значительной коррекции курса, и нам не придется делать большой крюк, чтобы попасть к Эридану. Что касается разницы во времени, то она ничтожно мала в сравнении с годами, которые нам придется преодолеть, чтобы прибыть домой.

Выглядела Алисия не такой, какой помнил ее Силвест. Как ни считай, времени прошло много. Теперь она уже перестала быть для него ненавистной. Просто чужая. На ней было темно-зеленое платье, каких никто в Кювье после мятежа не носил, а ее прическа казалась театральной или безнадежно старомодной.

— Дэн был уверен, что в этих краях находится нечто важное, но доказательств, как всегда, не имел.

Это его поразило. Она говорила это о времени, которое отстояло очень далеко от того, когда он нашел монумент с его загадочными надписями. Неужели уже тогда его одержимость амарантянами была столь сильна? Конечно, это было возможно, но получить подтверждение этому сейчас было не так уж приятно. Алисия была права. Доказательств не имелось.

— Мы увидели нечто странное, — продолжала Алисия. — То был удар кометы по Церберу — по планетке, вращающейся вокруг нейтронной звезды. Такие удары, должно быть, редки, особенно на столь большом удалении от главного Куйперового пояса. Это, естественно, привлекло наше внимание. Однако, когда мы подошли ближе, чтобы исследовать поверхность Цербера, мы не обнаружили там никакого кратера.

Силвест почувствовал, как на его голове шевельнулись волосы.

— И?.. — Он ощутил, что произнес это одними губами, как будто в рубке перед ним стояла сама Алисия, а не ее проекция, позаимствованная из банка памяти погибшего корабля.

— То было явление, на которое следовало обратить внимание, — продолжала Алисия. — Даже если оно поддерживало теорию Дэна насчет того, что в системе Цербер-Гадес есть нечто таинственное. Поэтому мы изменили курс, чтобы подойти ближе. — Она сделала паузу. — Мы обнаружили нечто значительное... нечто, трудно поддающееся объяснению... Я не думаю, что мы имеем моральное право не сообщить об этом в Кювье. Иначе мы никогда не посмеем держать голову высоко, как положено настоящим ученым. Завтра в любом случае все выяснится. Мы окажемся на том расстоянии, когда можно будет запустить беспилотные устройства.

— Есть еще что-нибудь? — спросил Вольеву Силвест. — Как долго она продолжала делать записи?

— Почти сутки, — ответила та.

Они сидели в Паучнике, в безопасности — во всяком случае, так считала Вольева — от пытливых глаз Саджаки и прочих. Они еще не слышали всего, что говорила Алисия, ибо сам акт прослушивания устных записей требовал большого времени и значительного нервного напряжения. Тем не менее истина в первом приближении уже была ясна, и

она далеко не обнадеживала. Команда Алисии была атакована чем-то — или кем-то — вблизи Цербера, причем атакована внезапно и беспощадно. Вскоре Вольева и ее товарищи будут знать гораздо больше об опасности, навстречу которой идут.

— Ты понимаешь, — сказала Вольева, — что если нас ожидают неприятности, то тебе, вероятно, придется вернуться в Оружейную.

— Не думаю, что это обязательно должно принести пользу, — ответила Хоури и, как бы оправдываясь, добавила: — Мы ведь обе знаем, какие страшные события имели место там еще совсем недавно.

— Да. Фактически... за время болезни я почти убедила себя, что ты знаешь об этом гораздо больше, чем говоришь. — Вольева откинулась на коричневый плюш кресла, поигрывая медными переключателями на старинной клавиатуре. — Я полагаю, ты сказала мне правду, когда призналась, что ты «подсадная утка». Однако, думаю, на этом правда и кончилась. Остальное — ложь, рассчитанная на то, чтобы удовлетворить мое любопытство и одновременно остановить меня и не дать мне вынести это дело на суд остальных Триумвиров... Так оно и вышло. Но меня многое в твоем рассказе не удовлетворило. Например, орудие из Тайника. Когда оно перестало нам подчиняться, то почему вдруг нацелилось на Ресургем?

— Просто потому, что это была ближайшая цель.

— Сожалею, но объяснение слабоватое. В чем-то поведение орудия было Ресургемом *обусловлено*, не так ли? И еще тот факт, что ты оказалась на нашем корабле, только когда узнала о конечном пункте нашего назначения... Да, захолустное местечко, вполне пригодное для организации попытки захвата оружия из Тайника... впрочем, ведь ничего подобного не планировалось. Ты очень хитра и ловка, Хоури, но никаких шансов на перехват контроля над этим оружием у меня или у других членов Триумвирата, ты, разумеется, не имела. — Вольева подперла подбородок рукой. — Отсюда очевидный вопрос: если твоя первоначальная версия — выдумка, то что ты делаешь у нас на корабле? — Она глядела на Хоури долго и выжидающе. — Можешь говорить откровенно, так как, клянусь, следующим, кто задаст тебе этот вопрос, будет Саджаки. Смею думать, ты заметила, что у него сейчас очень много подозрений, особенно после гибели Кжарваль и Суджики.

— В этих делах я чиста... — Потом ее голос потерял прежнюю уверенность. — Суджика объявила тебе вендетту. Ко мне это отношения не имело.

— Но ведь я к тому времени отключила тебя от контроля вооружения скафандра. Только я могла отменить этот приказ, но в это время я была слишком занята тем, что меня убивали. Как же ты смогла снять запрет и убить Суджику?

— Кто-то другой сделал это. — Хоури помолчала, прежде чем продолжить: — Кто-то другой, сказала я. Тот же самый, кто проник в скафандр Кжарваль и заставил ее напасть на меня в зале для тренировок.

— Значит, это не было делом Кжарваль?

— Нет... в действительности — нет. Впрочем, не думаю, что она меня так уж обожала... зато я почти стопроцентно уверена, что она не собиралась прикончить меня именно в тренировочном зале.

Тут было над чем подумать, но в конце концов, кажется, ее слова были приняты.

— Так все-таки что же произошло?

— Та... вещь... которая была внутри моего скафандра... повела дело так, что я оказалась в десантном отряде, предназначенном захватить Силвеста. Убрать Кжарваль из игры было для этого вернейшим ходом.

Да, в этом Вольева могла видеть определенную логику. Она никогда не задавала себе вопроса о том, как же все-таки погибла Кжарваль. Ей всегда казалось почти неизбежным, что кто-нибудь из команды возненавидит Хоури. Вероятнее всего — Кжарваль или Суджика. Равно как и то, что та или другая из них могла разозлиться на саму Вольеву. Случилось и то и другое, но сейчас она видела эти случаи как часть чего-то большего, как рябь от чего-то, чего она и представить себе не могла, чего-то, плывущего как акула под поверхностью событий.

— Почему было важно, чтобы ты была в отряде, направляющемся брать на борт Силвеста?

— Я... — Хоури уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но запнулась. — Я не уверена, Илиа, что сейчас подходящее время... сейчас, когда мы чуть ли не рядом с тем, что погубило «Лорин»...

— Я тебя пригласила сюда не для того, чтобы любоваться видами. Это я тебе говорю на тот случай, если ты думаешь иначе. Помнишь, что я сказала тебе о Саджаки?

Так что или я — единственный человек, хотя бы отдаленно похожий на твоего друга и союзника, — или Саджаки. Позже, когда он применит к тебе свои железяки, у тебя уже не будет времени думать. И это не преувеличение. Техника Саджаки по промыванию мозгов никогда не была образцом искусства и тонкости.

— Тогда я начну с самого начала. — По-видимому, последние слова Вольевой произвели на Хоури глубокое впечатление. Это было хорошо, иначе Вольевой пришлось бы подумать о том, чтобы стряхнуть пыль и с собственных не слишком корректных методов. — То, что касается моего солдатского прошлого... все правда. Вот с тем, как я попала на Йеллоустон, — тут сложнее. Даже сейчас я не знаю, что из этого случайность, а что — дело ее рук. Все, что я знаю, это то, что она выбрала меня давно именно ради этой миссии.

— А кто это — она?

— Не знаю. Знаю только, что она обладает огромными возможностями в Чазм-Сити. А может быть, и на всей планете. Называет себя Мадемуазель. Она ни разу не упомянула своего настоящего имени.

— Опиши ее. Она может оказаться кем-то, кого мы знаем. Кем-то, с кем мы имели дела в прошлом.

— Сомневаюсь. Она не... — Хоури замялась. — Она не из ваших. Может быть, раньше, но не теперь. Мне представляется, что в Чазм-Сити она давно. Но влиянием стала пользоваться позже — после Расползающейся Чумы.

— Она пользуется влиянием, а я о ней никогда не слыхала?

— В этом-то и состоит ее сила. Она не явная. Мадемуазель не нужно выставляться напоказ, чтобы ее желания мгновенно выполнялись. Она даже не слишком богата, но контролирует больше ресурсов, чем кто-либо другой на этой планете. Ей достаточно только шевельнуть рукой... А вот добыть корабль она не может... Вот почему вы ей и понадобились.

— Ты сказала, что раньше она могла быть одной из нас. Что ты этим хотела сказать?

Хоури замялась.

— Это не совсем очевидно. Но человек, который на нее работает — Манукьян — так он себя зовет, — безусловно, когда-то был Ультра. Он несколько раз оговорился, и по этим оговоркам можно было догадаться, что он нашел ее где-то в космосе.

— Нашел? В смысле — спас с погибшего корабля?

— Мне показалось, что так. У нее там было полно скульптур из рваного металла — по крайней мере поначалу я их сочла скульптурами. Позже они показались мне чем-то вроде обломков космического корабля. Вроде как она держит их для напоминания о чем-то.

Что-то пробудилось в памяти Вольевой, она даже позволила своим мыслям скользнуть куда-то ниже уровня сознания.

— Ты ее хорошо рассмотрела?

— Нет, я видела только ее компьютерную проекцию, а она вовсе не обязательно точна. Живет она в паланкине, как и все герметики.

О герметиках Вольева кое-что знала.

— Она не обязательно одна из них. Паланкин может быть создан для маскировки. Если бы знать больше о ее происхождении... Этот Манукьян больше ничего не говорил?

— Нет. Он хотел... мне показалось... но ему удалось не выдать ничего полезного.

Вольева наклонилась к Хоури.

— Почему ты подумала, будто он хотел тебе что-то сказать?

— Такой уж у него был стиль поведения. Этот парень никогда не держал рта на замке. Все время, пока он вез меня, он непрерывно травил мне всякие байки о делах, которые он будто бы совершил, и о знаменитостях, с которыми якшался. И ни единого слова о взаимоотношениях с Мадемуазель. Очень хитрый парень. Может быть, потому, что он тогда все еще работал на нее. И все-таки было видно, что он прямо горит от желания выложить мне кое-что о ней.

Вольева побарабанила пальцами по консоли.

— А не может ли быть, что он все же нашел способ как это сделать?

— Не поняла.

— Я и не ждала, что поймешь. Да он и не сказал ничего, хотя я почти уверена, что он все же *нашел* способ сообщить тебе кое-что. — То шевеление памяти, которое она ощутила несколько минут назад, все-таки что-то дало. Вольева вернулась к моменту вербовки Хоури и к осмотру, который она провела сразу же после того, как доставила ее на борт. — Я, конечно, еще не полностью уверена...

Хуори поглядела на нее.

— Ты что-нибудь во мне нашла? Что-нибудь, навязанное мне Манукьяном?

— Да. Выглядело это вполне невинно, во всяком случае, тогда. К счастью, я обладаю странным дефектом характера, который нередко встречается у нас — у тех, кто балуется научными исследованиями. Я никогда, никогда ничего не выбрасываю. — Это была правда. Вольевой потребовалось бы сделать больше усилий, чтобы выкинуть найденную безделицу, нежели взять да и оставить ее в лаборатории. В тот — первый — момент оставлять ту чепуховину казалось совершенно лишенным смысла, но зато теперь она может провести качественный анализ металлического осколка, который извлекла тогда из тела Хоури. — Если я права и это проделка Манукьяна, мы, возможно, узнаем кое-что о Мадемуазель. Возможно даже, кто она такая. Но ты обязана рассказать мне буквально все о том, чего она хотела от тебя. Впрочем, нам уже известно, что это в какой-то степени касается Силвеста.

Хоури кивнула.

— Именно так. И боюсь, что эта часть моей истории тебе особенно не понравится.

— Мы закончили более детальное изучение поверхности Цербера с нашей нынешней орбиты, — сказало изображение Алисии, — и не нашли никаких следов удара кометы об эту поверхность. Очень много метеоритных кратеров, это так, но все старые. Все это очень странно. — Тут она сообщила одну, более или менее подходящую гипотезу, которая заключалась в том, что комета погибла за мгновение до соприкосновения с Цербером. Но даже эта гипотеза предполагала использование некой оборонительной технологии. Правда, она объясняла эффект неповрежденной поверхности Цербера. — Но ничего подобного мы не обнаружили. На поверхности спутника не было заметно никаких свидетельств, говорящих о существовании каких-либо технологических структур. Тогда мы решили отправить группу беспилотных устройств, которые смогли бы сесть на поверхность планеты. Они должны были отыскать то, что мы, возможно, пропустили, — машины, спрятанные в пещерах или опущенные в каньоны и недоступные нашему глазу. Наши разведчики могли бы вызвать реакцию со стороны подобных машин, если бы они там оказались.

Да, ядовито усмехнулся про себя Силвест, они, безусловно, вызвали реакцию. Но не совсем такую, которую ожидала Алисия.

Вольева отыскала следующий отрывок записей Алисии. Роботы были отправлены — крохотные автоматические космолеты, хрупкие и верткие, как стрекозы. Они быстро падали на Цербер — там не было атмосферы, чтобы их задержать, а перед самой поверхностью резко сбросили скорость, выпустив небольшие язычки пламени — ракетные выхлопы. За ними наблюдали с «Лорина» — яркие крошечные искорки на сером полотне поверхности планеты, некоторое время служившие напоминанием о том, что этот мертвый мир на много порядков огромнее большинства человеческих творений.

— Запись в журнале, — сказала Алисия после небольшого перерыва. — Роботы сообщают о чем-то необычном. Эти сообщения только что начали поступать. — Алисия глянула куда-то в сторону, видимо, на данные дисплея. — На поверхности отмечается повышенная сейсмическая активность. Мы этого ожидали, но до сих пор кора вообще не двигалась, хотя орбита планеты не является, строго говоря, окружностью и тут возможны приливо-отливные сжатия. Похоже, роботы спровоцировали сейсмику, но это кажется нам полной чушью.

— Не больше, чем то, что планета стирает следы столкновения с кометой со своей поверхности, — заметила Паскаль. Потом добавила, поглядев на Силвеста: — Я вовсе не хотела быть несправедливой в отношении Алисии.

— Ты и не была, — ответил он. — Критика справедливая. — Затем обратился к Вольевой: — Кроме записей Алисии, нашли еще что-нибудь? Там должны быть телеметрические данные от роботов.

— Они есть, — ответила тихо Вольева. — Только мы их еще не обработали. Материал сырой.

— Покажите мне.

Вольева тихо произнесла несколько команд в свой браслет, который никогда не снимала. В ту же минуту каюта как бы исчезла, а волна синестезии ударила по чувствам Силвеста. Он погрузился в поток информации, идущей от одного из разведчиков Алисии. Как и предупреждала Вольева, материал сенсорики был совершенно сырой. Но Силвест знал, что его ждет скорее диссонанс, нежели вопли агонии. Он плыл над Цербером. О высоте судить было

трудно, так как основные детали ландшафта — ущелья, кратеры, реки застывшей лавы — с любого расстояния смотрелись бы почти одинаково. Но вот разведчик доложил, что летит на высоте полкилометра над поверхностью планеты. Он обнюхивал кору подобно охотничьему псу, охотясь за малейшими признаками сейсмической активности, о которой говорила Алисия. Цербер смотрелся вечно древним и неизменным, будто ничего не случалось здесь уже многие миллиарды лет. Единственный намек на движение исходил от ракетного двигателя разведчика, который отбрасывал радиальные тени, когда машина ложилась на крыло, меняя направление полета.

Что видели эти беспилотные устройства? Ничего на частотах человеческого зрения. Проникая в чувственную сферу разведчика (что было похоже на то, как будто Силвест надевал на свою руку чужую перчатку), он обнаруживал нейронные команды, ведущие к информационным каналам. Он обратился к температурным датчикам, но температура на поверхности не менялась. Весь электромагнитный спектр не обнаруживал никаких аномалий. Нейтрино и все экзотические частицы упорно оставались в пределах допустимых параметров. И все же, когда он переключился на гравиметрическое изображение, тут же понял, что с Цербером все обстоит неправильно. Его поле зрения было перекрыто цветными прозрачными контурами — обозначающими градиенты силы тяготения. Контуры двигались.

И в этом движении не было ничего естественного.

Какие-то предметы, достаточно большие, чтобы их зарегистрировали детекторы масс, перемещались под корой, их движения больше всего напоминали работу сжимающихся клещей. И все это происходило как раз под тем местом, над которым он парил. Какое-то мгновение он думал, что эти формы могут быть потоками разогретой магмы, но это утешительное заблуждение длилось не больше доли секунды.

На поверхности равнины появились трещины, складывающиеся в звездообразные узоры, расходившиеся от одного центра.

Смутно Силвест понимал, что такие же звездчатые узоры появляются сейчас и под остальными разведывательными аппаратами. Трещины расширялись, это были входы в глубочайшие черные провалы. Через них Силвест мог заглянуть в то, что показалось ему километрами люминесци-

рующей тьмы. Какие-то свернувшиеся в кольца механизмы шевелили голубовато-серыми щупальцами, размером в целые каньоны. Движения отличались странной согласованностью, можно сказать, оркестровкой и целенаправленностью и явно отдавали механикой. Он ощутил приступ отвращения. Это было чувство человека, откусившего кусок яблока и обнаружившего там колонию деятельно копошащихся червей. Теперь он знал. Цербер — не планета.

Это механизм.

Кольчатые создания вырвались из дыры, имевшей форму звезды, на равнину и, как во сне, стали ползти к нему, будто собираясь сорвать его с неба. Наступило страшное мгновение — какой-то бледности, которую он ощущал сразу всеми своими чувствами, но тут сенсорный прием Вольевой оборвался с визжащей внезапностью и Силвест, взревев от шока, вдруг ощутил, как человеческие чувства возвращаются назад в его тело, сидящее в капитанской рубке.

Силвест с огромным трудом собрал в кулак оставшиеся силы. У него еще хватило времени увидеть, как Алисия, с лицом, искаженным ужасом, а может быть, и счастьем овладения новым знанием, пытается выговорить что-то неповинующимися ей губами за мгновение до гибели.

И тут ее изображение распалось и исчезло.

— Наконец-то мы убедились, что он безумен, — сказала Хоури. — Если уж даже это не заставит его отказаться от мысли идти к Церберу, то, мне кажется, этого не сможет сделать ничто на свете.

— Вполне возможно, что увиденное имело обратный результат, — ответила ей Вольева. Ее голос звучал еле слышно, несмотря на относительную безопасность, даруемую им Паучником. — Теперь Силвест знает, что тут есть нечто, достойное изучения, а не просто подозревает о такой возможности.

— Механизмы инопланетян?

— Очевидно. И вполне вероятно, что мы можем высказать догадки об их предназначении. Ясное дело, Цербер не настоящая планета. В лучшем случае это планетное тело, окруженное скорлупой из машин, и с искусственной корой, защищающей эти машины. Это обстоятельство объясняет, почему не обнаружено следов от удара кометы. Кора, видимо, отремонтировала себя до того, как Алисии удалось подойти поближе.

— Что-то вроде камуфляжа?

— Похоже на то.

— Но зачем же было привлекать к себе внимание, атакуя этих безвредных разведчиков?

Вольева, похоже, уже успела продумать эти проблемы.

— Иллюзия правдоподобия, очевидно, не может гарантировать полную безопасность на расстоянии менее, скажем, километра или около того. Я предполагаю, что разведчики были уже на грани раскрытия тайны планеты, так что Церберу терять было нечего, скорее наоборот — он мог выиграть, получив некоторое количество материалов, необходимых ему.

— И все-таки зачем? Зачем снабжать планету фальшивой корой?

— Не имею представления. Думаю, что и Силвест — тоже. Вот почему он сейчас настаивает, чтобы мы подошли к ней поближе. — Вольева еще больше понизила голос. — По правде говоря, он уже попросил меня разработать стратегию.

— Стратегию чего?

— Проникновения внутрь Цербера. — Она помолчала. — Конечно, он знает об орудиях из Тайника. И считает, что их должно быть достаточно, чтобы осуществить его задачу, ослабив оборону инопланетян в каком-то из районов планеты. — Ее голос дрогнул. — Ты как думаешь, эта твоя Мадемуазель, она заранее знала, какова будет цель Силвеста?

— Она все время твердила одно: его нельзя допустить на борт корабля.

— Мадемуазель сказала тебе это еще до того, как ты попала к нам?

— Нет. После. — И она рассказала об имплантатах в своей голове. И о том, как Мадемуазель заложила ей в мозг определенное визуальное представление о себе, которое должно было контактировать с ней в полете. — Это было неприятно, — сказала Хоури. — Но все же она сделала меня иммунной к терапии лояльности, за что, как я теперь понимаю, я должна быть ей признательной.

— Моя терапия сработала как надо, — ответила ей Вольева.

— Нет, я просто притворялась. Мадемуазель подсказывала мне, что именно я должна говорить и когда именно, и

я полагаю, что она проделала неплохую работу, иначе мы вряд ли вели с тобой сейчас такую дискуссию.

— И все-таки она не могла исключить возможность, что терапия сработает, хотя бы частично.

Хоури пожала плечами.

— Разве это важно? И какое значение может иметь эта лояльность сейчас? Ты почти открыто сказала мне, что Саджаки ждет лишь малейшей ошибки с моей стороны. И вообще всю команду от распада сдерживает только одно: угроза Силвеста убить нас всех, если мы не сделаем того, что ему взбредет в голову. Саджаки — мегаломаньяк, его бы самого следовало подвергнуть терапии, которую он пробовал на тебе.

— Но ведь ты помешала Суджике, которая хотела прикончить меня?

— Точно. Это я сделала. Но если бы она сказала мне, что собирается кокнуть Саджаки или даже этого мудозвона Хегази, я уверена, что мой ответ был бы совсем другим.

Вольева помолчала, обдумывая услышанное.

— Ладно, — сказала она наконец. — Будем считать тему о лояльности исчерпанной. Что еще сделал этот имплантат для тебя?

— Когда ты подключала меня к вооружениям, она, бывало, подключалась тоже, чтобы ввести себя — или копию себя — в Оружейную. Я думаю, что она хотела подчинить себе как можно большую часть корабля, а Оружейная была для нее только отправной точкой.

— Архитектоника корабля такова, что она не позволила бы фантому выйти за пределы Оружейной.

— Она и не вышла. Насколько мне известно, она не подчинила себе ничего, кроме вооружения.

— Ты имеешь в виду орудия из Тайника?

— Она контролировала взбесившееся орудие, Илиа. Я не могла сказать тебе это тогда, но я знала, что происходит. Она хотела использовать это орудие, чтобы убить Силвеста издалека, раньше, чем мы доберемся до Ресургема.

— Мне кажется, — сказала Вольева, голосом полным отвращения, — что для этого требуется совершенно извращенное сознание. Использовать то орудие для того, чтобы убить одного человека... Я уже просила тебя рассказать, почему она так бешено рвалась к его смерти.

— Тебе это не понравится. Особенно сейчас, когда Силвест собирается сделать для нас так много.

— Говори!

— Скажу, скажу, — быстро сказала Хоури. — Но тут есть еще одна вещь, еще один осложняющий фактор. Его зовут Похититель Солнц, и я думаю, ты уже с ним знакома.

Вольева поглядела на Хоури так, будто некоторые из ее недавно залеченных ран внезапно открылись. Будто разошлись еще кровоточащие швы, и она вся превратилась в рваную ткань.

— Ух, — сказала она наконец. — Опять это чертово имя!

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На подходе к системе Цербер-Гадес, год 2566-й

Силвест всегда знал, что этот момент настанет. Но до сих пор ему всегда удавалось держать это знание подальше от своих каждодневных мыслей, признавая только самый факт его существования, но не фокусируя внимания на его возможных последствиях, подобно тому, как математик может на какое-то время забыть о недостаточно обоснованной части доказательства, пока все остальное не будет досконально выверено, чтобы там не было не только явных противоречий, но и малейшего намека на ошибку.

Саджаки настоял, чтобы они с Силвестом спустились на капитанский уровень и запретил Паскаль и остальным членам команды сопровождать их. Силвест не стал настаивать, хотя и хотел, чтобы жена была с ним. Это был первый случай после прибытия на «Бесконечность», когда Силвест остался наедине с Саджаки. Оказавшись в лифте, он стал подыскивать тему для разговора. О чем угодно, лишь бы не о той мерзости, которая ждала их впереди.

— Илиа говорит, что ее роботам на борту «Лорина» нужно еще три-четыре дня, — сказал Саджаки. — Вы уверены, что у вас есть желание продолжать эти исследования?

— У меня не появилось новых соображений, — ответил Силвест.

— Тогда у меня нет иного выбора, кроме как присоединиться к вашим пожеланиям. Я взвесил обстановку и решил поверить вашей угрозе.

— Думаете, я сам не пришел к тому же выводу? Я слишком хорошо знаю вас, Саджаки. Если бы вы мне не пове-

рили, вы заставили бы меня взяться за Капитана, еще пока мы крутились вокруг Ресургема, а потом тихонечко ликвидировали бы меня.

— Отнюдь! — Голос Саджаки явно содержал в себе игривую нотку. — Вы недооцениваете глубину моей любознательности. Я думаю, что все же разрешил бы вам добраться до этих мест для того хотя бы, чтобы посмотреть, сколько правды в ваших рассказах.

Силвест этому, конечно, не поверил, но не видел надобности устраивать дебаты по столь мелкому поводу.

— Ну а теперь, когда вы слышали сообщение Алисии, вы все равно продолжаете мне не верить?

— Так это же так легко подделать! Разрушение корабля могло быть делом рук его команды. Я никогда полностью не поверю подобным сказкам, ежели из Цербера ничего не выскочит на моих глазах и не нападет на нас.

— Сильно подозреваю, что ваше желание будет скоро удовлетворено, — буркнул Силвест. — Дней этак через четыре-пять. Если, конечно, сам Цербер не издох.

Больше они ни о чем не говорили, пока не достигли места своего назначения.

Конечно, это был далеко не первый раз, когда они навещали Капитана. То, во что превратился этот человек, все еще производило на Силвеста шоковое впечатление. Каждый раз Силвест чувствовал себя так, будто он ничего подобного никогда еще не видал. Доля истины тут была: этот визит был первым после того, как Кэлвин немного поколдовал над его глазами, используя великолепные медицинские возможности корабля, но дело было не только в этом. А в том оно было, что со времени их предыдущего визита Капитан сильно изменился. Изменился заметно, будто скорость его распространения по кораблю резко возросла, будто началась гонка к некоему непонятному будущему состоянию, которая все убыстрялась по мере того, как корабль шел к Церберу. Возможно, думал Силвест, он прибыл сюда как раз вовремя, если представить себе, что постороннее вмешательство еще может вообще хоть чем-то помочь Капитану.

Было соблазнительно предположить, что ускорение трансформации Капитана важно или даже символично. В конце концов этот человек был очень болен — если такое состояние можно назвать болезнью. Болен уже многие десятилетия, и вот теперь он выбрал время, чтобы войти в

новый виток своей трагедии. Однако такой взгляд был наверняка ошибочен. Надо было учитывать временные рамки: законы относительности сжали эти десятилетия в крошечную горсточку лет. Последний «расцвет» Капитана был менее невероятен, чем казался на первый взгляд. И ничего ужасного в нем не было.

— Как работаем? — спросил Саджаки. — Будем мы придерживаться тех же процедур, что и раньше?

— Спрашивайте Кэлвина — он тут главный.

Саджаки задумчиво кивнул, будто только что об этом узнал.

— Вы тоже могли бы кой-чего сказать, Дэн. Он ведь действует через вас.

— Именно поэтому вы не должны полагаться на мои чувства. Я тут иногда даже не присутствую.

— Я этому верить не хочу. Вы будете тут, Дэн, в полном сознании, насколько я помню по прошлому разу. Возможно, без права решающего голоса, но все равно — активный участник события. И вам это будет весьма неприятно — это мы тоже помним.

— Не слишком ли быстро вы стали экспертом, Саджаки?

— Так ведь если бы вам все это не было ненавистно, то зачем бы вы столь старательно избегали нас?

— Никого я не избегал. У меня просто не было такой возможности — бежать.

— Я говорю не только о том времени, когда вы сидели в тюрьме. Я говорю о том, как вы тут вообще появились. В этой Системе. Если это не бегство от нас, то что же это такое?

— А может, у меня были свои причины появиться здесь?

Силвест думал, что Саджаки подхватит тему, но минуты бежали, а Триумвир, видимо, решил оставить эту линию разговора без продолжения. Возможно, она ему просто наскучила. Силвесту вообще казалось, что Саджаки — человек, живущий в настоящем и думающий о будущем, а прошлое для него особого интереса не представляет. Ему было скучно копаться в возможных мотивациях или всяких там «это-могло-случиться», потому что на каком-то уровне Саджаки уже не мог управлять этими событиями.

Силвест слышал, что Саджаки побывал у Трюкачей, как сделал это и он сам перед путешествием к Завесе. Для посещения Трюкачей могла быть только одна причина, а именно желание подвергнуть себя нейронной трансформации,

открыв свой разум иным формам сознания, чего наука людей сделать не могла. Поговаривали — впрочем, это могли быть слухи, — что трансформации, проделанные Трюкачами, приводили иногда и к отрицательным последствиям, что почти все такие переделки сопровождались потерей какой-нибудь из существовавших ранее способностей. Ведь в человеческом мозгу было конечное число нейронов, да и число возможных межнейронных соединений тоже было конечно. Трюкачи могли изменить эту сеть, но только при условии разрушения ряда уже существовавших ранее соединений. Возможно, что и сам Силвест что-то потерял, но если так оно и было, то сам он эту пропажу определить не сумел. В случае же с Саджаки дело обстояло иначе. Этот человек явно утратил некоторые качества, присущие человеческой натуре, причем почти полностью. В его разговорах возникла непривычная сухость, но это было заметно лишь тем, кто наблюдал за ним специально. В лаборатории Кэлвина на Йеллоустоне Силвест однажды имел дело с ранней, но весьма хорошо сохранившейся компьютерной системой, которая была изготовлена за несколько столетий до эпохи Просвещения во времена расцвета исследований в области искусственного интеллекта. Эта система предназначалась для копирования человеческой речи, что вначале и делала, отвечая на все задаваемые вопросы с очевидной компетентностью. Но эта иллюзия исчезала после обмена первыми фразами. Вскоре становилось ясно, что машина уводит разговор в сторону от себя, отводя все неудобные вопросы с невозмутимостью сфинкса. С Саджаки дело до такой крайности не доходило, но ощущение уклончивости создавалось. Оно даже не казалось искусственным. Саджаки не делал попытки скрыть свое безразличие; не надевал на себя личину человека, как это делают социопаты. И вообще, зачем ему было давать себе труд отрицать собственную натуру? Ему нечего терять, и по-своему он был чужд человечеству не больше и не меньше любого другого члена своей команды.

В конце концов, когда стало очевидно, что он вовсе не собирается допрашивать Силвеста о причинах его эмиграции на Ресургем, Саджаки обратился к кораблю, приказав ему разбудить Кэлвина и спроецировать его смоделированное изображение на капитанский уровень. Сидящая в кресле фигура появилась почти немедленно. Как обычно, Кэлвин обратился к присутствующим с короткой пантомимой, изоб-

ражавшей пробуждение Разума, потягивался в кресле, оглядывался по сторонам, при этом не выражал ни малейшего интереса к окружающему.

— Так скоро мы начнем? — наконец спросил он. — Когда же я все-таки войду в тебя? Эти машины, с помощью которых я чинил твое зрение, Дэн, — это просто муки Тантала. В первый раз за многие годы я вспомнил, чего лишился.

— Боюсь, что нет, — ответил Силвест. — Это лишь... не знаю, как сказать... разведочный раскоп?

— Тогда зачем меня беспокоить и будить?

— Потому, что я нахожусь в крайне неприятном положении: мне нужен твой совет. — Пока он говорил, из тьмы коридора появились два робота для услуг. Это были машины-носильщики, передвигавшиеся на гусеницах. Верхняя их часть представляла собой сверкающую массу манипуляторов и датчиков. Они были абсолютно асептичны и прекрасно отполированы, но выглядели так, будто им уже лет по тысяче и их только что извлекли из музея. — В них нет ничего, за что могла бы ухватиться Чума, — сказал Силвест. — Нет частей, которые были бы невидимы для невооруженного глаза. Нет ничего саморемонтирующегося, самовоспроизводящегося или изменяющего форму. Вся кибернетика управляется из точки, расположенной в километре отсюда, и с роботами существует лишь прямая оптическая связь. Мы не прикоснемся к нему ничем, способным к самовоспроизводству, пока не используем ретровирус Вольевой.

— Очень предусмотрительно.

— Конечно, — вмешался Саджаки, — для таких работ вам придется самим брать в руки скальпель.

Силвест поднял руку ко лбу.

— Мои глаза не иммунны, тебе придется быть очень осторожным, Кэл. Если Чума их коснется...

— Я буду более чем осторожен, поверь мне. — Откинув голову на спинку своего монолитного кресла, Кэлвин громко заржал, точно пьяница, забавляющийся собственными дурацкими прибаутками. — Если твои глаза лопнут, то даже я не буду способен восстановить собственный шедевр.

— Надеюсь, ты будешь помнить о риске.

Роботы двинулись вперед к почти полностью разрушенному ангелу-хранителю Капитана. Он еще больше, чем раньше, походил на нечто, у чего не хватило терпения вылезти

из кокона медлительным движением ледника, а потому оно вырвалось оттуда с вулканической мощью, но тут же окоченело в виде шишковатой имитации взрыва. В любом направлении, не ограниченном близкими стенами, Капитан выплескивался из кокона на десятки метров. Поближе к бывшему телу этот «подрост» имел вид цилиндров толщиной в древесный ствол, цветом походивших на ртуть, но с текстурой жидкой глины, инкрустированной драгоценными камнями, постоянно шевелящимися, поблескивающими, занятыми какой-то скрытой и неопределенной деятельность. Дальше — на периферии — ветви начинали делиться и сплетаться, образуя рисунок, сходный с бронхами. Эта сеть, в конце концов становилась микроскопически тонкой и постепенно сливалась с субстратом — с самим кораблем. Вид был в своем роде замечательный, если учесть эффект дифракции, подобной той, что оставляет пленка нефти, растекшейся по воде.

Серебристые роботы, казалось, растворялись в серебряном фоне Капитана. Они встали по обеим сторонам размолоченной оболочки кокона примерно в метре от нее, в сердцевине всей этой сети, почему-то именуемой Капитаном. Там все еще было холодно: если бы Силвест дотронулся до любого места на коконе, его плоть тут же примерзла бы и немедленно инкорпорировалась в кошмарную массу Чумы. Перед началом операции придется согреть Капитана, чтобы получить возможность работать, и тем самым дать Чуме шанс резко повысить скорость трансформации. Другого пути нет, ибо при температуре, которой достиг Капитан, все инструменты, кроме самых простейших, станут непригодными для работы.

Роботы выдвинули кронштейны, кончавшиеся датчиками. Магнитные резонирующие щупы должны были глубоко проникнуть в массу чумных выделений, чтобы определить машинные, протезные и биологические участки в том, что еще недавно было человеком. Силвест приказал сенсорам вести передачу прямо на его глаза и получил изображение различных слоев Капитана, перекрывающих друг друга в лиловатом свете. Только огромным напряжением воли ему удалось выделить в этой массе остатки человеческой плоти. Это было похоже на призрачные контуры, проступающие на многократно использованном холсте старинной картины. Работа резонирующих магнитных щупов продолжалась, детали обозначались резче, изуродованная бо-

лезнью анатомия человека становилась лучше видимой. Теперь весь кошмар предстоящей работы стало невозможно не видеть. Но Силвест только глядел и не мог оторвать глаз.

— Откуда же мы... я хочу сказать ты... начнешь? — произнес он, обращаясь к Кэлвину. — С лечения человека или со стерилизации машины?

— Ни с того, ни с другого, — сухо ответил тот. — Мы ремонтируем Капитана, и я боюсь, он принадлежит обеим категориям.

— Вы мыслите безукоризненно, — сказал Саджаки, отступая от холодного кокона, чтобы дать Силвесту лучший обзор. — Теперь речь уже не идет о лечении или даже о ремонте. Я предпочел бы термин «реставрация».

— Согрейте его! — приказал Кэлвин.

— Что-о-о?

— Вы слышали. Я хочу его поддержать, заверяю вас. Только на время. Но достаточно долго, чтобы сделать несколько биопсий. Я так понимаю, что Вольева ограничила свои анализы периферией Капитана. Это было разумно. Она поступила правильно, и срезы, которые она добыла, дают бесценную картину постепенного распространения Чумы. Кроме того, без этого она не могла бы создавать свои ретровирусы. Но нам сейчас надо проникнуть в ядро. Туда, где еще осталась живая плоть. — Он усмехнулся, безусловно, наслаждаясь отвращением, которое было написано на лице Саджаки. Стало быть, у него еще сохранилась кое-какая способность к сопереживанию, подумал Силвест. Или лучше сказать — атрофированный обрубок этой способности. На мгновение он ощутил некое родство с Триумвиром.

— Чем вы так заинтересовались?

— Разумеется, его клетками. — Кэлвин погладил пальцами круглящийся конец подлокотника. — Говорят, Расползающаяся Чума поражает наши имплантаты, растворяет их в плоти, одновременно подрывая деятельность механизмов, восстанавливающих их. Я думаю, что деятельность вируса выходит за эти рамки. Я полагаю, что он стремится вызвать гибридизацию, то есть создать своего рода гармонию между живой материей и кибернетической. Именно этим и занят этот вирус здесь — ничего ужасного, кроме попытки гибридизировать Капитана с участием его собственной кибернетической сети и корабельной. Это почти благодеяние, почти художественно, почти полезно.

— Вряд ли вы говорили бы так, будь вы на его месте, — произнес Саджаки.

— Конечно, нет. Поэтому я и хочу ему помочь. И именно поэтому мне надо заглянуть в его клетки. Я хочу узнать, затронула ли Чума его ДНК, и не попытается ли она оседлать его собственную клеточную машинерию?

Саджаки протянул руку к охладителю.

— В таком случае, вперед! Даю разрешение на разогрев Капитана. Но только на то время, которое необходимо для дела. Затем я хочу, чтобы вы вернули его в прежнее состояние, и пусть он пребывает в нем вплоть до операции. И еще требую, чтобы срезы не покидали этого помещения.

Силвест заметил, что протянутая рука Триумвира мелко дрожит.

— Все это должно иметь какое-то отношение к войне, — говорила Хоури в Паучнике. — Мне это кажется достаточно ясным. Война Утренних Зорь. Так она ее называла. Это было очень давно. Миллионы лет назад.

— Откуда тебе об этом известно?

— Мадемуазель дала мне как-то урок по истории Галактики. Чтобы я поняла, что поставлено на кон. И это сработало. Вот ты разве не можешь представить себе, что сотрудничество с Силвестом — не самая благотворная из идей?

— А я никогда даже близко не подходила к мысли, что это хорошо.

Подброшу-ка я ей еще идейку, думала Хоури. Вольева была по-детски любопытна в отношении системы Цербер-Гадес, даже сейчас, когда она знала, что там таится нечто очень опасное. Пожалуй, более того — этот интерес только возрос. Раньше тайна заключалась в одном — в аномальной нейтринной «подписи». Теперь с помощью записи Алисии она собственными глазами видела инопланетную технику. Нет, в некоторых отношениях Вольева была просто заворожена этим местом и ничуть не меньше Силвеста. Разница была в одном — с Вольевой еще можно было спорить. Вольева еще сохранила какую-то часть своего разума.

— Думаешь, у нас еще есть шанс предупредить Саджаки о величине риска?

— Очень малый. Мы слишком много скрывали от него. За это он вполне способен нас убить. И меня очень беспокоит возможность того, что он займется промывкой твоих

мозгов. Совсем недавно он снова упомянул об этом. Мне удалось его чем-то отвлечь, но... — Она вздохнула. — В любом случае Силвест пока держит вожжи в своих руках. Чего Саджаки хочет и чего он не хочет — почти не имеет значения.

— Тогда нам придется попробовать достучаться до Силвеста.

— Ничего не получится, Хоури. Никакой объем самой рациональной аргументации не способен его поколебать, а в твоем рассказе, боюсь, такой аргументации вообще нет.

— Но ты-то мне веришь?

Вольева приподняла ладонь.

— Кое-чему из твоего повествования я верю, Хоури, а это далеко не то же самое. Некоторые вещи, которые ты берешься объяснить, я видела сама, например, инцидент с оружием из Тайника. И мы знаем, что на определенном уровне в дело вовлечены инопланетные силы, что мешает мне с порога отмести версию о Войне Утренних Зорь. И все же у нас нет ничего, складывающегося в большую и понятную картину. — Она помолчала. — Возможно, что когда мы закончим анализировать тот осколок...

— Какой еще осколок?

— Один из тех, которые Мадемуазель воткнула в тебя. — И Вольева рассказала Хоури о том, как она нашла осколок во время медицинского осмотра, проведенного после рекрутирования Хоури. — Я тогда решила, что это просто кусочек шрапнели, оставшийся с дней твоей солдатчины. Затем задумалась о том, почему твои медики не удалили его раньше. Надо было мне еще тогда сообразить, что в нем есть нечто странное... но это явно был не рабочий имплантат, а просто кусочек иззубренного металла.

— И ты не знаешь, что это такое?

— Нет, я... — И она рассказала Хоури, что в этом осколке было гораздо больше интересного, чем казалось с первого раза. Состав был весьма необычен даже для человека, которому приходилось работать с очень причудливыми сплавами. Кроме того, как сказала Вольева, в кусочке имелись особенности, на первый взгляд кажущиеся производственными дефектами, но на самом деле могли быть напряжениями, приложенными намного позже — усталостные изменения решетки на наноуровне.

— И все-таки я пока не знаю точно, — закончила Вольева.

— Может, эта шрапнель скажет нам то, в чем мы нуждаемся. И все-таки это мало что изменит. Я ведь все равно не могу сделать одно-единственное дело, которое вытащило бы нас всех из этой кучи дерьма. Я не могу убить Силвеста.

— Не можешь. Но если ставки поднимутся... если, например, станет предельно ясно, что убить его необходимо, тогда придется подумать о том, что для этого нужно.

Потребовалось некоторое время, чтобы истинное значение ее слов дошло до Хоури.

— Самоубийство?

Вольева мрачно кивнула.

— А пока мне надо постараться выполнить для Силвеста работу как можно лучше. Иначе я могу нас всех подвергнуть большому риску.

— Это и есть то, чего ты не можешь понять, — сказала Хоури. — Я же не говорю, что мы все обязательно погибнем, если атака на Цербер окажется неудачной, как, видимо, считаешь ты. Я говорю, что случится нечто ужасное. Даже если атака будет успешной. Именно поэтому Мадемуазель хотела его смерти.

Вольева крепко сжала губы и медленно покачала головой, что придало ей вид матери, увещевающей упрямого ребенка.

— Я не могу поднимать мятеж на основании столь туманных предсказаний.

— Тогда, возможно, мне придется поднять его самой!

— Будь осторожна Хоури. Будь очень, очень осторожна. Саджаки куда более опасный человек, чем ты представляешь. Он ждет любого повода, чтобы размозжить тебе череп и поглядеть, что у тебя там внутри. Впрочем, он может обойтись и без повода. Силвест же... не знаю. Я бы тоже дважды подумала, прежде чем переходить ему дорогу. Особенно сейчас, когда он почуял запах добычи.

— Тогда подберемся к нему с другого бока. Через Паскаль. Понимаешь? Я расскажу ей все, если увижу, что она способна привести его в сознание.

— Она тебе не поверит.

— Поверит, если ты меня поддержишь. А ведь ты это сделаешь, правда? — Она умоляюще поглядела на Вольеву. Триумвир вернула ей долгий пристальный взгляд и уже была готова ответить, когда ее браслет зачирикал. Она подняла отворот рукава и взглянула на экран. Ее вызывали наверх.

* * *

Капитанский мостик как всегда казался слишком большим для такого малого числа людей, разбросанных по обширному пространству этого огромного помещения. Экая жалкая картина, подумала Вольева, и на мгновение у нее мелькнуло желание позвать сюда всех своих любимых и давно умерших, пусть хотя бы заполнят пространство и придадут немного торжественности этому собранию. Но это было бы бессмысленно, поскольку сама Вольева, хотя и потратила на проект Силвеста колоссальные умственные силы, не ощущала даже малейшего привкуса ликования. Ее недавний разговор с Хоури убил еще теплившееся в ней расположение, которое она прежде питала ко всему этому предприятию. Хоури была, разумеется, права: они шли на невообразимый риск уже одним фактом близости к Цербер-у-Гадесу. Но что она могла поделать? И дело не просто в том, что они рискуют потерять корабль. Если верить Хоури, то это даже предпочтительнее, чем успех Силвеста, чем его проникновение в глубь Цербера. Корабль и его команда могли остаться в целости, но их кратковременная удача была бы только прелюдией к чему-то гораздо более ужасному. Если сказание Хоури о Войне Утренних Зорь хотя бы наполовину правда, все окажется гораздо хуже не только для Ресургема, не только для его Системы, но и для Человечества в целом.

Вольева уже подготовилась к тому, что могло стать худшей ошибкой ее карьеры. Впрочем, это трудно было назвать ошибкой, так как у нее просто не оставалось выбора.

— Что ж, — сказал Триумвир Хегази, величественно развалившись в своем кресле. — Я надеюсь, попытка не пытка, Илиа.

Она тоже надеялась, но выдать свои чувства Хегази считала делом недопустимым.

— Учтите, — сказала она, обращаясь ко всем, — что как только это будет сделано, отступать будет некуда. Это плохие новости, но с ними следует считаться. Мы можем вызвать мгновенную реакцию со стороны планеты.

— А может, и нет, — отозвался Силвест. — Я уже неоднократно говорил, что Цербер не сделает ничего, что могло бы привлечь к себе нежелательное внимание.

— Что ж, придется положиться на ваши надежды.

— Думаю, нам всем придется довериться доброму доктору, — вмешался Саджаки, сидевший сбоку от Силвеста. — В конце концов он смертен не меньше, чем мы.

Вольева ощутила острое желание немедленно покончить со всем этим. Она осветила ранее темную голограмму, заполнила ее изображением «Лорина» в реальном времени. Обломки выглядели так же, как и в первый раз. Корпус испещрен жуткими ранами, полученными, как они теперь знали, сразу же после того, как Цербер обнаружил, а потом уничтожил беспилотных разведчиков. Но внутри этих обломков непрерывно трудились роботы Вольевой. Сначала там был лишь небольшой отряд этих машин, созданный тем первым роботом, которого она послала на поиск журнала Алисии. Их рой рос необычайно быстро, строя себя прямо из металла корабля. Эти роботы взаимодействовали с системами самовоспроизводства и саморемонта «Лорин», которые не смогли включиться после неожиданной атаки Цербера. Все быстрее появлялись новые и новые поколения машин, и через день-два началась работа над самим кораблем: трансформация его внутреннего устройства и внешней оболочки.

Для непосвященного зрителя все это почти не было заметно, но поскольку всякая работа сопровождается выделением тепла, то внешняя поверхность погибшего корабля стала теплее, что и выдавало бешеную деятельность, кипящую внутри «Лорин». Вольева погладила браслет и убедилась, что все его индикаторы работают нормально. Сейчас и он подключится к этому процессу, который она уже ничем не могла задержать.

— Боже! — воскликнул Хегази.

«Лорин» стал меняться на глазах. Его «шкура» исчезла. Пласты пострадавшего корпуса отваливались целыми акрами. Корабль как бы медленно заворачивался в кокон из отлетающих обломков. То, что обнажалось под ними, тоже имело вид обломков кораблекрушения, но почему-то было скользким и свежим, точно новая кожа змеи. Такую трансформацию было не так уж трудно осуществить — «Лорину», в отличие от «Бесконечности», не пришлось бороться с уничтожающим его собственным вирусом. Этот корабль не сопротивлялся преобразующей его руке. Если трансформация «Бесконечности» походила на выжигание отдельных частей корабля огнем, то «Лорин» был мягкой глиной в руках опытного скульптора.

Угол зрения изменился, так как масса налипших обломков заставила «Лорин» повернуться вдоль продольной оси. Двигатели Конджойнеров все еще не отвалились и продолжали работать. Теперь они контролировались Вольевой, которая передала этот контроль своему браслету. Конечно, эти двигатели уже никогда не разовьют мощности, необходимой для достижения субсветовых скоростей, но это и не входило в намерения Вольевой. Нынешнее путешествие «Лорина» — его последнее путешествие, к сожалению, — оскорбительно коротко для такого корабля. Теперь он был почти пуст, его внутренний объем уменьшился, он был сжат «толстеющими» стенками конического корпуса. Основание корпуса открылось, и «Лорин» стал похож на колоссальный остроконечный «фунтик».

— Дэн, — сказала Вольева. — Мои машины отыскали тела Алисии и других членов команды. Большинство мятежников спали в холодильных камерах, но... они тоже не пережили атаку.

— Что вы хотите сказать?

— Я могу взять их сюда, если хотите. Это поведет к небольшой задержке, конечно, так как нам придется посылать за ними шаттлы.

Она думала, что на обдумывание ответа у Силвеста уйдет не меньше часа. Он же ответил быстро и коротко:

— Нет. Сейчас задержек быть не должно. Вы правы — Цербер наблюдает за нашими работами.

— А трупы?

Когда он ответил, ответ прозвучал так, как будто иного и быть не могло:

— Они должны упасть вместе с кораблем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Орбита Цербера-Гадеса, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Вот и подошло начало. Силвест сидел, сцепив пальцы, перед ярко освещенной оптической проекцией, занимавшей весьма значительную часть объема его каюты. Паскаль, наполовину погруженная в тень, лежала на постели и казалась собранием абстрактных скульптурных округлос-

тей. Он же, скрестив ноги, сидел на татами, слегка покачиваясь взад и вперед и наслаждаясь приятными воспоминаниями о нескольких миллилитрах произведенной на корабле водки, которые он проглотил несколько минут назад. После нескольких лет вынужденного воздержания устойчивость Силвеста к алкоголю упала до невероятно низкого уровня, что в данном случае можно было счесть за достоинство, ибо возбудило процесс отрешения Силвеста от внешнего мира. Водка не заглушила его внутренних голосов, она скорее уж породила явление, сходное с эхоотражающей камерой, так как внутренние голоса получили дополнительную интенсивность. Один из них был так громок, что чуть ли не глушил остальные. Это был голос, который осмеливался задавать вопросы о том, что именно Силвест ожидал обнаружить на Цербере. Ответа на этот вопрос не было, и у Силвеста возникало ощущение, что он шагает по темной лестнице, забыв число ее ступеней. Вместо ожидаемого пола нога могла ощутить внезапную пустоту, от которой обрывается сердце.

Подобно шаману, творящему Духов Воздуха с помощью пальцев, Силвест заставил модель планетарной системы, спроецированную перед ним, прийти в движение. Схема изображала сравнительно небольшой объем космоса, включавший Гадес, орбиту Цербера и — на самой границе — приближающиеся машины, построенные людьми, сейчас уже не скрытые планетой. Геометрическим центром этой композиции был сам Гадес, тускло светившийся зловещим багровым светом. Эта крохотная нейтронная звезда имела в диаметре всего несколько километров, но она доминировала над своим окружением — ее гравитационное поле бешено вращалось.

Объекты, находившиеся в двухстах двадцати тысячах километров от нейтронной звезды, успевали обежать ее по орбите дважды в час. Теперь, когда дневник Алисии был изучен более тщательно, выяснилось, что еще один беспилотный зонд был уничтожен именно на этом растоянии от Гадеса, и Силвест провел еще одну красную линию, которая отмечала смертельно опасную границу. Цербер убил этот зонд, будто этот маленький мир был ориентирован на защиту тайн Гадеса не меньше, чем на защиту собственного благополучия. Еще одна тайна. Что же она дает? Силвест долго искал ответа на этот вопрос, но так и не нашел. Он понял лишь одно: в этих местах нет ничего предсказуе-

мого и ничего логичного. Если он будет постоянно помнить эту истину, то у него появится шанс победить там, где тупые машины — и его жена — потерпели поражение.

Орбита Цербера находилась куда дальше, за девятьсот тысяч километров от Гадеса, и он пробегал ее каждые четыре часа и шесть минут. Силвест иллюминировал эту орбиту холодным зеленым цветом — она казалась относительно безопасной, во всяком случае, до тех пор, пока никто не приблизится к самой планете.

Что касается оружия Вольевой — бывшего «Лорина», — то оно собственными силами переходило на более низкую орбиту, что пока не вызывало какой-либо реакции со стороны Цербера. Однако Силвест не сомневался, что где-то там, внизу, есть Нечто, отлично знающее, что они тут. И это Нечто пристально наблюдает за ждущим приказа Вольевой кораблем. Надо только терпеливо ждать, когда же произойдет то, что должно произойти.

Силвест приказал модели сжаться так, чтобы их суперсветовик стал хорошо виден. Он находился в двух миллионах километров от нейтронной звезды. Всего шесть световых секунд, что примерно соответствовало предполагаемой дальности действия энергетического оружия, хотя оно должно было для этого обладать огромными размерами. Один только механизм нацеливания, чтобы дать разрешение, позволяющее увидеть корабль, должен иметь протяженность не меньше нескольких километров. Впрочем, материальное оружие на таком расстоянии было не страшно, если не считать массированной атаки релятивистских снарядов, но и это было маловероятно. Судьба «Лорина» показывала, что Цербер предпочитает действовать быстро и скрытно, не устраивая демонстрации огневой мощи, которая могла бы выдать тщательно замаскированную корой планету.

Все предсказуемо с машинной точностью. И здесь есть западня.

— Дэн, — произнесла, просыпаясь, Паскаль. — Уже поздно. Тебе нужно отдохнуть перед завтрашним днем.

— Я говорил вслух?

— Как положено истинному безумцу. — Глаза Паскаль нервно шарили по каюте и остановились на схеме. — Значит, это все же состоится? Не могу поверить, что все это на самом деле.

— Ты говоришь об этом или о Капитане?

ное внутреннее строение в серии раздражающих увеличений, что походило на действия спутника-шпиона, висящего над городом и сначала прощупывающего округа, потом улицы, а потом архитектурные детали домов. Где-то в этой каше, спрятанные в незнакомую физиологическую форму, находились данные, из которых возникал образ Мадемуазель.

Много времени прошло с ее последнего визита. Тогда — в сердце той страшной бури на Ресургеме — Мадемуазель сказала Хоури, что умирает, потерпев поражение от Похитителя Солнц. Одержал ли Похититель Солнц окончательную победу, или продолжительное молчание Мадемуазель было лишь свидетельством, что она продолжает вкладывать последние силы в длительную войну? Нагорный сошел с ума, как только Похититель Солнц овладел его черепной коробкой. Предстоит ли то же самое Хоури, или в ее случае проникновение Похитителя Солнц происходит куда как медленнее? Может быть, и это была тревожная догадка, он кое-чему научился на ошибках с Нагорным? И сколько из всего этого станет очевидным для Саджаки, когда он кончит промывать ей мозги?

Саджаки забрал Хоури прямо из ее собственной каюты. С ним был и Хегази, игравший роль резерва. Сейчас этот Триумвир отсутствовал, но даже если бы Саджаки явился один, Хоури бы и в голову не пришло сопротивляться ему. Вольева в свое время предупредила ее, что Саджаки куда сильнее, чем кажется, и хотя Хоури была неплохо обучена приемам рукопашной схватки, она нисколько не сомневалась, что Саджаки легко победил бы ее.

Помещение, предназначенное для промывки мозгов, хранило атмосферу пыточной камеры. Комната была просто пропитана страхом. Когда-то — может, десятилетия назад — здесь произошло нечто столь жуткое, что следы этого не стерлись и по сию пору. Оборудование для промывки мозгов было таким старинным и таким громоздким, что ничего подобного Хоури на корабле еще не видела. Но даже если бы эта аппаратура и была немного модифицирована, она все равно была бы несравненно более отсталой, нежели то оборудование для промывки мозгов, которым пользовалась контрразведка в армии Хоури на Краю Неба. Аппаратура Саджаки принадлежала к тому роду, который оставляет после себя след из поврежденных нейронов, подобно наглому громиле, грабящему дом. Вряд ли эти приборы были намного совершеннее, чем те

страшные разрушительные машины, которыми пользовался Кэл Силвест при сканировании своих Восьмидесяти. Вполне возможно, что оборудование Саджаки было еще хуже.

Но сейчас она была полностью в руках Саджаки. Он уже узнал что-то об ее имплантатах... выяснил особенности их структуры, прочел содержащуюся в них информацию. Зная все это, он может начать «траление» корковой зоны, извлекая из ее черепа сети нервной соединительной ткани. Хоури знала очень многое о промывке мозгов, благодаря знакомству с ребятами из разведки. Топология нервных связей определяла долговременную память и черты личности, связанные друг с другом и образующие почти нерасторжимое единство. И хотя оборудование Саджаки не блистало качеством, алгоритмы фильтрации памяти вполне могли оказаться адекватными. За несколько столетий была набрана статистика устройства памяти по выборке из более чем десяти миллиардов человек, найдена корреляция между строением нейронных связей и содержимым памяти. Одинаковые впечатления запоминались в одинаковых структурах, из которых как из кирпичиков строились более сложные воспоминания. Эти кирпичики никогда не были одинаковы у разных людей, за исключением очень редких случаев, но раскодирование их не представляло особых трудностей, поскольку природа никогда сильно не отклоняется с пути минимизации энергетических затрат для каждого конкретного решения. Статистические модели могли вполне надежно выделить подобные блоки, а затем закартировать соединения между ними, из которых, собственно, и состоит память. Все, что надо сделать Саджаки, это идентифицировать достаточное количество таких структурных «кирпичиков» и закартировать иерархические связи между ними, после чего напустить на них свои алгоритмы, которые должны разжевать эту схему. Тогда в Хоури не останется ничего такого, что не было бы известно Саджаки. Можно полеживать и свободно листать воспоминания Хоури.

Прозвучал сигнал тревоги. Саджаки поднял взгляд к одному из дисплеев и увидел, что имплантаты Хоури начинают светиться красным светом, который грозится вот-вот залить и прилегающие к ним ареалы мозга.

— Что случилось? — спросила она.

— Индуктивный нагрев, — беззаботно ответил Саджаки. — Имплантаты немного разогрелись.

— Так не лучше ли прекратить?

— Ох нет! Еще рано. Как я полагаю, Вольева должна была защитить их от электромагнитных импульсов. Небольшая температурная перегрузка не причинит им серьезного ущерба.

— Но у меня сильно болит голова... Мне кажется, не следует...

— Я уверен, что ты выдержишь, Хоури.

Откуда-то пришло ощущение давления, вызывающего сильнейшую мигрень. Оно стало совершенно невыносимым, будто Саджаки зажал ее голову в тиски и стал поворачивать винт. Повышение температуры в черепе должно быть гораздо выше, чем свидетельствуют сканеры. Без сомнения, Саджаки, который редко принимает близко к сердцу интересы своих клиентов, так откалибровал дисплеи, что они не покажут смертельную для мозга температуру, пока уже не будет поздно...

— Нет, Ююджи-сан, она не выдержит. Отпустите ее.

Чудесным образом это оказался голос Вольевой. Должно быть, Саджаки узнал о приходе Вольевой задолго до Хоури, но и в этом случае лицо его сохранило выражение скучающего безразличия.

— В чем дело, Илиа?

— Ты отлично знаешь, в чем! Прекрати промывку, пока не убил ее. — Теперь Вольева стояла так, что Хоури видела ее. Тон Вольевой был повелительный, хотя оружия у нее не было видно.

— Я еще не узнал ничего полезного, — возразил Саджаки. — Мне нужно еще несколько минут, и...

— Еще несколько минут, и она мертва. — С типичным для нее прагматизмом Вольева добавила: — И ее имплантаты будут тоже погублены без надежды на восстановление.

Возможно, завершающая часть фразы подействовала на Саджаки сильнее, чем первая. Он слегка понизил интенсивность тока. Красный цвет сменился менее тревожным розовым.

— Я думал, что имплантаты получили необходимую закалку.

— Это ведь опытные образцы, Ююджи-сан. — Вольева подошла ближе к дисплеям и тщательно обследовала их. — О нет... ты просто болван, Саджаки, ты просто проклятый идиот! Клянусь, ты почти наверняка уже разрушил их! — Было похоже, что она говорит сама с собой.

Саджаки какое-то время стоял молча. Хоури подумала, что сейчас он бросится на Вольеву и убьет ее одним неуловимым движением. Но Триумвир, скривив рот, разом повернул несколько выключателей, прекращая траление памяти Хоури. Он поглядел на гаснущие дисплеи, а затем грубо сорвал шлем с головы Хоури.

— Ваш тон... и выбор выражений... здесь неуместны, Триумвир... — произнес он. Хоури заметила, что его рука скользнула в карман брюк и нащупала там нечто, показавшееся ей похожим на шприц.

— Ты чуть не убил моего артиллериста! — сказала Вольева.

— Я еще с ней не закончил. Да и с тобой — тоже. Ты ведь что-то установила в этой аппаратуре, верно, Илиа? Сделала что-то такое, что пробудило тебя, как только она заработала. Очень изобретательно.

— Я сделала это, чтобы защитить корабельный ресурс.

— Да, разумеется...

Ответ Саджаки повис в воздухе, и в нем угадывалась угроза. Триумвир повернулся и не спеша вышел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Орбита Цербера-Гадеса, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Получается, думал Силвест, какая-то тревожно симметричная ситуация. Через каких-нибудь несколько часов орудия из Тайника Вольевой начнут битву с погребенной иммунной системой Цербера. Вирус против вируса, зуб против зуба. А накануне этой атаки Силвест собирается вступить в бой с Расползающейся Чумой, которая поедает или — в зависимости от точки зрения — гротескно увеличивает в размерах пораженного ею Капитана. Эта симметрия, казалось, намекает на наличие некоего глубоко скрытого порядка вещей, о котором он, Силвест, мог лишь строить догадки. Это ощущение было ему не по душе — вроде он был участником игры, а где-то в середине ее вдруг обнаружил, что ее правила гораздо сложнее, чем он себе представлял.

Чтобы модель Кэлвина на бета-уровне могла работать, овладев сознанием Силвеста, последнему предстояло ока-

заться в состоянии ходячей полубессознательности, сходной с состоянием лунатика. Кэлвин будет обращаться с ним, как с марионеткой, получая сенсорный посыл непосредственно через глаза и уши Силвеста и пользуясь его же нервной системой, чтобы обрести желаемую мобильность. Он и говорить-то будет через Силвеста. Подавители нейронов уже привели Силвеста в состояние, похожее на полный паралич. Оно было столь же отвратительно, каким он запомнил его с прошлого раза.

Силвест думал о себе, как о машине, в которую Кэлвин должен был превратиться из призрака.

Его руки играли роль хирургических инструментов, срезая периферию поросли. Приближаться к сердцу Капитана было слишком опасно. Слишком велик риск переноса Чумы на свои собственные имплантаты. На каком-то этапе — в этот сеанс или в следующий — им придется подобраться к самому сердцу. Это неизбежно, но сейчас Силвесту не хотелось думать об этом. Сейчас они работали относительно близко к Капитану, и Кэлвин пользовался простыми безмозглыми роботами, которых забирали из других частей корабля, но даже и они обладали определенной восприимчивостью. Недавно один из них совершил ошибку и теперь был опутан сетью тонких фиброзных щупальцев Чумы. Хотя эта машина не содержала никаких молекулярных компонентов, выяснилось, что она стала легкой добычей и оказалась вполне пригодной для поглощения трансформирующей матрицей Капитана. Так сказать, топливо для его лихорадки. Теперь Кэлвину пришлось снова вернуться к самым простым инструментам, однако это была лишь временная передышка: на какой-то фазе — и без сомнения скоро — им придется ударить по Чуме единственным оружием, которое, возможно, сразит ее, — чем-то очень похожим на нее самое. Силвест ощущал, как мысли Кэлвина шевелятся где-то за его собственными. Это было не то, что с полным правом можно было бы назвать сознанием, — модель, которая руководила его телом, была не более чем подражанием, но где-то на перекрестье с его собственной нервной системой... казалось, что-то поднимается, растет, что-то готово перешагнуть через грань хаоса. Конечно, и теории, и его собственные предрассудки отрицали такую возможность, но какие еще объяснения могли существовать для того чувства раздвоения, которое возникало у Силвеста? Он не осмеливался спросить у Кэлвина, не ощущает

ли и тот нечто подобное, ибо сомневался в том, что полученным ответам можно будет верить.

— Сынок, — сказал Кэлвин, — есть одна вещь, которую я уже давно хотел бы обсудить с тобой, но откладывал до нынешней минуты. Меня это тревожит, но я не хотел бы говорить об этом перед нашими... скажем, клиентами.

Силвест знал, что только он слышит голос Кэлвина. Ему пришлось сделать усилие, чтобы подавить желание ответить вслух, но Кэлвин уже успел перехватить контроль над голосовыми связками «хозяина».

— Сейчас тоже не время. На случай, если ты не заметил, мы сейчас находимся в разгаре операции.

— Именно об операции я и хотел бы поговорить с тобой.

— В таком случае, говори быстрее.

— Я не думаю, что здесь особо надеются на наш успех.

Силвест поглядел на свои руки, которыми сейчас управлял Кэлвин. Они продолжали работать все то время, пока шел обмен мыслями. Он чувствовал присутствие Вольевой, которая стояла рядом, ожидая инструкций. Силвест сложил в уме фразу:

— Что за дьявольщину ты несешь?

— Я думаю, Саджаки очень опасный человек.

— Дивно. Значит, нас уже двое. Но ведь это тебе не помешало с ним сотрудничать.

— Начнем с того, что я ему благодарен, — сказал Кэлвин. — В конце концов он ведь меня спас. Но потом я задумался о том, как эта ситуация выглядит с его точки зрения. Мне подумалось, а не спятил ли он малость. Мне показалось, что любой нормальный человек дал бы Капитану помереть еще много лет назад. Тот Саджаки, которого я знал когда-то, был яростно предан Капитану, но тогда в его крестовом походе был хоть какой-то смысл. По крайней мере у нас была надежда спасти Капитана.

— А сейчас ее нет?

— Он заражен вирусом, победить который не смогла система Йеллоустона с ее колоссальными ресурсами. Безусловно, эта система сама оказалась атакованной этим вирусом, но ведь там были и анклавы, им не тронутые или устоявшие в течение нескольких месяцев, места, где люди с техникой столь же изощренной, как наша собственная, боролись, отыскивая лекарство... и так и не достигли цели. Больше того, нам неизвестно, в какие тупики они заходи-

ли и как близко от цели оказывались, так и не сделав последнего шага, ибо им не хватило времени.

— Я сказал Саджаки, что им нужен чудотворец. Он мне не поверил, но это уж его проблема.

— А мне кажется, проблема в том, что он тебе поверил. Именно поэтому я и сказал тебе, что от нас победы не ждут.

В этот момент Силвест глядел прямо на Капитана, так как Кэлвин весьма рассудительно предоставил ему такую возможность. Когда его глаза натолкнулись на эту «вещь», он испытал «момент истины», мгновенно ощутив абсолютную правоту Кэлвина. Они могут провести все подготовительные ритуалы, предшествующие оздоровлению Капитана, ритуалы, которые установят, до какой степени разрушена плоть этого человека, но дальше этого они никогда не пойдут. Что бы они ни пытались делать, как бы умно ни действовали, какими блестящими ни были бы их концептуальные подходы, они все равно обречены на неудачу. Или — что еще важнее — им просто не разрешат добиться успеха. Именно понимание этого оказалось самым тревожащим, так как исходило оно от Кэлвина, а не от Силвеста. Он видел ясно то, что для Силвеста только начинало смутно вырисовываться, и теперь его видение проблемы стало казаться очевидным и ошеломляющим.

— Ты думаешь, он нам помешает?

— Думаю, он уже сделал это. Мы оба заметили, что с тех пор, как нас взяли на борт, быстрота распространения Чумы у Капитана значительно выросла, но не придали этому значения. Сочли то ли за совпадение, то ли за игру нашего воображения. Теперь я так не думаю. Я предполагаю, что Саджаки разрешил его согреть...

— Да... я и сам пришел к такому же выводу. Но ведь есть и еще что-то, не правда ли?

— Биопсия... Те срезы, о которых я спрашивал.

Силвест отлично понимал, куда все это ведет. Тот робот, который был послан, чтобы взять образцы клеток, был сейчас наполовину съеден Чумой.

— Ты не думаешь, что это была случайная ошибка? Ты полагаешь, что это работа Саджаки?

— Саджаки или кого-нибудь из членов его команды.

— Она?

Силвест почувствовал, что его глаза сами собой повернулись в сторону женщины.

— Нет, — пробормотал Кэлвин вслух, хотя в этом не было необходимости. — Не эта. Я вовсе не хочу сказать, что верю ей, но, с другой стороны, я как-то не вижу ее в роли послушной прихлебательницы Саджаки.

— О чем вы спорите? — спросила Вольева, подходя к ним.

— Не подходите слишком близко, — сказал Кэлвин, пользуясь голосом Силвеста, который на какое-то время лишился не только способности говорить, но и способности формировать фразы в уме. — Наши исследования могли привести к распылению некоторого количества спор Чумы. Вряд ли вас привлекает идея вдохнуть их.

— Мне это не повредит, — ответила Вольева. — Я не восприимчива. Во мне нет ничего такого, за что может ухватиться Чума.

— Тогда к чему этот высокомерный вид?

— Потому что тут холодно, черт побери! — Она помолчала. — Погодите-ка. С кем из вас я сейчас разговариваю? Это Кэлвин, не так ли? Думаю, вам я должна оказывать чуточку больше почтения, ведь в конце концов не вы держите нас в качестве заложников.

— Вы слишком добры, — услышал свою реплику Силвест.

— Я надеюсь, вы пришли к единому мнению в отношении стратегии? Триумвир Саджаки будет весьма недоволен, если заподозрит, что вы не выполняете своих обязательств по договору.

— Триумвир Саджаки, — вмешался Кэлвин, — запросто может оказаться частью нашей проблемы.

Теперь Вольева подошла еще ближе, хотя дрожала от холода, поскольку была лишена термальной защиты, в которую был одет Силвест.

— Я не уверена, что правильно поняла вашу последнюю фразу.

— А вы уверены, что он хочет, чтоб мы вылечили Капитана?

Она глянула так, будто получила пощечину.

— С чего бы он этого не захотел?

— Слишком давно командует, и привык к этому. Ваш Триумвират — сплошной фарс. Настоящий капитан — Саджаки, только что официально не носит этого звания. И вы с Хегази знаете это отлично. Свое место без драки он не уступит.

Она ответила слишком быстро для того, чтобы ответ прозвучал убедительно:

— Я бы на вашем месте сосредоточилась на работе, которую вы обязались выполнить, и перестала бы гадать о желаниях Триумвира. Ведь именно он привел вас сюда. Он пролетел уйму световых лет, чтобы заручиться вашей помощью. Вряд ли это работа для человека, который не хочет видеть своего Капитана здоровым.

— Он подстраховался и обеспечил наш провал, — сказал Кэлвин. — И пока мы будем терпеть неудачи, он найдет новый проблеск надежды — человека или средство, способные излечить Капитана, — только их надо будет искать. И не успеете вы сосчитать до трех, как окажетесь в новом поиске, который тоже затянется на столетия.

— В таком случае, — медленно сказала она, как будто боясь попасть в ловушку, — почему же Саджаки давно не прикончил Капитана? Это укрепило бы его позиции.

— Потому, что тогда ему бы пришлось искать место для вас.

— Место?

— Да, и об этом вам в первую очередь и следует подумать. — Кэлвин положил инструменты и отошел от Капитана, подобно актеру, готовому выйти на ослепительно освещенную сцену, чтобы произнести свой коронный монолог. — Этот крестовый поход с целью излечить Капитана — единственный Бог, которому вы готовы служить. Возможно, было время, когда это было средством достижения конца, но конец не пришел, а потом наступило время, когда все потеряло значение. У вас есть оружие на борту, я знаю о нем, знаю даже о том оружии, о котором вы не любите говорить. Сейчас оно годится лишь на то, чтобы служить противовесом в схватке, когда вам нужно что-то получить — вроде меня, который может произвести все операции по исцелению Капитана, но при этом лично не преследует никаких целей. — Силвест обрадовался, когда Кэлвин замолчал на несколько секунд. Теперь он мог перевести дух и смочить пересохший рот. — Дальше. Если Саджаки внезапно становится Капитаном, как он должен поступить? Оружие все еще в ваших руках, но против кого вы его обратите? Вам придется буквально на пустом месте создавать врага. Вряд ли у этого врага будет что-то, нужное вам, — ведь у вас есть корабль, а что еще надо? Идеологические противники? Маловероятно, ибо единственное качество, которое я в вас угадал, — это полное от-

сутствие идеологических привязанностей, разве что кроме идеи выживания. Нет. Я думаю, что Саджаки знает, так сказать, всем своим нутром, что может случиться. Он знает, что если он станет капитаном, то рано или поздно вам придется воспользоваться этими орудиями, хотя бы по той причине, что они существуют. И я имею в виду отнюдь не тот маленький опыт, который вы провели с успехом на Ресургеме. Вы же пойдете до конца — и каждый из этих кошмаров будет использован на полную катушку.

Вольева соображала быстро, и Силвест уже имел случай в этом убедиться.

— В этом случае мы должны быть лишь благодарны Триумвиру Саджаки, не так ли? Не убивая Капитана, он удерживает нас на краю пропасти. — То, *как* она это сказала, походило скорее на аргументацию адвоката Дьявола, который повторяет вслух доводы Дьявола, лишь желая подчеркнуть их еретичность.

— Да, — сказал Кэлвин с сомнением в голосе, — может быть, вы и правы.

— А я вот не верю вашей болтовне! — в неожиданном запале выкрикнула Вольева. — И если бы вы были одним из нас, то само появление подобных мыслей расценивалось бы как предательство.

— Как вам будет угодно, но мы уже видели собственными глазами, как Саджаки саботирует проведение операции.

На мгновение в ее глазах мелькнуло удивление, но она подавила это чувство со свойственной ей добросовестностью.

— Меня не интересует ваш параноидальный бред, Кэлвин. Говорю это, предполагая, что веду разговор именно с вами. У меня есть долг по отношению к Дэну, заключающийся в том, чтобы доставить его на Цербер. И у меня есть долг по отношению к вам — помочь вам вылечить Капитана. Обсуждение всяких других проблем считаю излишним.

— Значит, у вас есть ретровирус?

Вольева пошарила в кармане куртки и вытащила оттуда небольшой флакон.

— Он хорошо убивал те образцы Чумы, которые мне удалось изолировать и культивировать. Но будет ли вирус действовать эффективно против *этого* — большой вопрос.

Силвест почувствовал, как его рука рванулась, чтобы успеть подхватить брошенный Вольевой флакон. Малень-

кий стеклянный сосуд напомнил ему тот флакон, который он таскал в кармане накануне свадьбы, но то было лишь легкое воспоминание.

— Работать с вами — просто удовольствие, — сказал Кэлвин.

Вольева покинула Кэлвина или Дэна Силвеста — она никогда не знала точно, с кем имеет дело, — дав этому человеку точные инструкции, как применять ее препарат. Ее отношения с Силвестом напоминали отношения фармацевта с врачом, подумала она. Она сделала сыворотку, которая хорошо проявила себя в лабораторных условиях, что позволило сформулировать общие принципы ее применения и способ ее введения в организм. Однако окончательное решение, связанное с жизнью и смертью больного, было в компетенции врача, и она не имела права в него вмешиваться. В самом деле, если бы способ применения сыворотки не был столь важен, то зачем надо было тащить на борт корабля Силвеста? Ее ретровирус — это лишь часть лечения, хотя, возможно, и главная.

Она села в лифт, который доставил ее прямо к дверям капитанской рубки. Вольева старалась не думать о том, что сказал ей Кэлвин (она предполагала, что это был он) насчет Саджаки. Это оказалось трудным. Слишком много логики, слишком много здравого смысла высказано. А что может сказать она насчет предполагаемого саботажа лечения Капитана? Она хотела было спросить о доказательствах, но, видно, испугалась услышать вещи, которые не сможет опровергнуть. А как она сказала сама — и это было в каком-то отношении правдой, — даже думать в таком направлении — предательство.

Впрочем, она уже и без того неоднократно вела себя как предатель.

Саджаки, безусловно, сомневается в ней. Это очевидно. Ее несогласие в вопросе проводить или не проводить промывку мозгов Хоури — только один момент. А настройка аппаратуры? Так, чтобы каждый раз, когда Саджаки включает ее, Вольева была бы тут же поставлена в известность? Это, пожалуй, еще более серьезное дело. Это акт, говорящий не о незначительном превышении власти, что можно было списать на заботу о порученном ей имуществе, а акт, свидетельствовавший о паранойе, о страхе и затаенной ненависти. И все же хорошо, что она подоспела вовремя! Про-

мывка не нанесла Хоури большого вреда, ее повреждения не относились к тем, что долго не заживают. Кроме того, сомнительно, чтобы Саджаки удалось закартировать большой объем мозга Хоури в таких деталях, чтобы получить что-то большее, чем смутные воспоминания, не говоря уж о воспоминаниях, которые могли бы послужить основанием для обвинения. Теперь, думала она, Саджаки придется быть осторожнее. Потеря артиллериста была бы сейчас непростительной ошибкой. Но что будет, если фокус его подозрений перенесется на Вольеву? Ей ведь тоже можно учинить промывку мозгов. Саджаки перед этим не остановится, разве что побоится полностью разрушить отношения равенства между Триумвирами. Конечно, у нее нет имплантатов, которые можно повредить. И кроме того, теперь, когда работа с «Лорином» переведена на автоматический режим, период максимальной полезности Вольевой для Саджаки миновал.

Она переговорила со своим браслетом. Тот маленький осколок, который она вытащила из тела Хоури, задал ей куда больше работы, чем ожидалось. Теперь, когда ей более или менее удалось выяснить особенности материала и рисунок напряжений в нем, она попросила корабль сравнить осколок с другими образцами, сведения о которых могли храниться в корабельных банках памяти. Ее догадка, что это может быть работа Манукьяна, выглядела складно, ибо дробинка явно была произведена не на Крае Неба. Корабль до сих пор продолжал поиск, уходя в глубины своей памяти. Теперь он изучал технологическую информацию двухсотлетней давности. Абсурдно лезть в такую давность... но, с другой стороны, следует ли останавливаться на полпути? Через несколько часов корабль дойдет до времени основания колонии на Йеллоустоне, то есть доберется до немногих материалов, оставшихся от эпохи американцев. Во всяком случае, она сможет сказать Хоури, что поиск был глубоким, даже если и не дал результатов.

Вольева вошла в рубку. Одна.

Гигантская рубка была темна, если не считать слабого сияния, исходившего от сферы — дисплея, который сейчас застыл на изображении системы двойной звезды Дельта Павлина — Гадес. Никого из команды в рубке не было (во всяком случае, из оставшихся в живых, подумала она), не было и мертвых, которых в прежние времена неоднократно вызывали из архивных хранилищ, чтобы использовать их

познания в языках, на которых теперь уже никто не говорил. Одиночество вполне устраивало Вольеву. Она не хотела иметь дела с Саджаки (да, именно с ним в первую очередь), но и Хегази не был тем человеком, чье присутствие было бы для нее желательным. Даже с Хоури говорить не хотелось. Именно сейчас. Общение с Хоури поднимало массу вопросов, заставляло ум Вольевой обращаться к таким проблемам, думать о которых ей вовсе не улыбалось. Сейчас же, на протяжении нескольких минут, она могла побыть одна и в своем праве, и — как бы глупо это ни казалось — забыть обо всем, что угрожало превратить порядок в хаос.

И она могла быть наедине со своим очаровательным оружием.

Полностью преобразованный «Лорин» перешел на еще более низкую орбиту, не спровоцировав никаких ответных действий со стороны Цербера, хотя и оказался всего в десяти тысячах километров от поверхности этой планеты. Вольева назвала этот большой конический объект «Плацдармом» — ибо такова и была его функция. Другие к нему не имели отношения, это было оружие Вольевой, и только Вольевой, поэтому никто другой его именами не наделял. Конус имел четыре тысячи метров в длину — почти столько же, сколько их суперсветовик, который, можно сказать, являлся его прародителем. Он был пустотел. Даже стены походили на соты — в искусственных углублениях хранились запасы военных кибервирусов, по своей структуре наиболее близких к тому контрагенту, который будет использоваться для лечения Капитана. Вся эта конструкция была одета в сколько-то метровую толщу гипералмаза, который должен был обвалиться при столкновении с поверхностью планеты. Подразумевалось, что при столкновении ударные волны распространятся по всей протяженности «Плацдарма», но пьезоэлектрический кристалл постепенно поглотит их энергию и направит ее в системы вооружения корабля. Скорость «Плацдарма» при контакте с корой планеты предполагалась незначительной, во всяком случае, меньше одного километра в секунду, поскольку он должен был резко затормозить, перед тем как проткнет кору. А сама кора перед ударом будет «размягчена» — помимо собственных фронтальных орудий «Плацдарма» по ней ударят и орудия из Тайника Вольевой.

Она запросила «Плацдарм» с помощью своего браслета. Нельзя сказать, что состоявшийся разговор отличался

особым красноречием. «Личность» этого оружия была рудиментарной. Да и чего можно было ожидать от «мозга» возрастом в несколько дней? В некотором смысле это было даже хорошо. Пусть мозг «Плацдарма» будет голубиный, а то еще начнет обретать идеи, совершенно лишние для той цели, к которой он предназначен. И так как, напомнила она себе, «Плацдарму» предстоит короткая жизнь, то вряд ли ему будет польза, если он начнет анализировать свои ощущения.

Цифры, скачущие по серебристому дисплею, доложили ей об общей готовности «Плацдарма». Ей пришлось довериться тому, что сообщала система, суммирующая все показатели, так как сам «Плацдарм» был ей известен еще не очень хорошо. Она просто сообщила свои пожелания насчет будущего оружия, но основная работа по проектированию его была проделана автономной программой, которая не стала беспокоить Вольеву докладами о технических проблемах, возникавших по ходу дела, и путях их решения. В своем невежестве Вольева не так уж отличалась от матерей, которым удается произвести на свет ребенка, не зная расположения у него каждой артерии или каждого нерва. И тем не менее это ее создание, ее ребенок.

Дитя, приговоренное ею к ранней и безжалостной смерти, но дитя, уже осознающее себя.

Ее браслет зачирикал. Вольева глянула на него, ожидая, что речь пойдет о какой-нибудь технической неполадке в «Плацдарме» или о последней проверке, вызвавшей необходимость в доработках, которые и были выполнены ремонтными системами, все еще работающими внутри бывшего корабля.

Однако дело было совсем в другом.

Сообщение пришло от «Бесконечности», которая извещала, что ей удалось обнаружить нечто сходное с осколком «шрапнели». Для этого пришлось обратиться к технической документации двухсотлетней давности, но все равно сходный образчик обнаружен. И кроме рисунка напряжений, наложенных, видимо, уже после выпуска этой «шрапнели», все остальные показатели абсолютно совпадают и находятся в пределах ошибки измерений.

Вольева все еще была одна на мостике.

— Передай на дисплей, — приказала она.

Увеличенное изображение осколка в интервале видимых волн появилось на сфере. Появилась и серия увели-

ченных снимков, начиная от черно-белого, сделанного с помощью электронного микроскопа, показывающего изломанную кристаллическую структуру обломка, и кончая ярко окрашенным изображением, полученным с помощью магнитного резонанса, где отдельные атомы сливались друг с другом. В отдельных окошках дисплея появились кристаллографические и масс-спектрографические графики. Данные спорили между собой, борясь за внимание Вольевой, обрушивая на нее вал технических подробностей. Все они были хорошо ей известны: большинство измерений она делала сама.

Вольева подождала, пока все изображение сдвинулось на правую половину экрана; рядом с ним появился очень сходный набор графиков, описывающий другой очень похожий образец. Атомное разрешение было таким же, отсутствовало лишь напряжение металла. Состав, пропорция изотопов, свойства кристаллической решетки были идентичны. Множество фуллеренов, включенных в аллотропическую структуру, образовывали поразительно сложную матрицу перемежающихся слоев нескольких странных сплавов. Прослойки иттрия и скандия, следовые количества стабильных трансурановых элементов, возможно, придающих осколку невероятную стойкость... На взгляд Вольевой, на корабле можно было встретить и более странные вещества, и некоторые из них она сама и синтезировала. Осколок был необычным, но все же явно продуктом земной технологии — некоторые наполнители носили явный отпечаток эпохи демархизма, а стабильные трансурановые элементы были криком моды в двадцать четвертом — двадцать пятом столетиях.

Одним словом, осколок был удивительно похож на тот материал, из которого делался корпус космических кораблей в указанное выше время.

По-видимому, корабль Вольевой рассуждал точно так же. Но как могла Хоури получить себе в спину кусочек металла от корпуса старинного космического судна? И что хотел сказать ей Манукьян, если это было послание от него? А может, Вольева ошибалась, и осколок никоим образом не был связан с Мадемуазель, а просто представлял собой некую труднообъяснимую случайность? И все-таки: а вдруг это какой-то совершенно исключительный и чем-то знаменитый корабль?

Видимо, так оно и есть. Технология типична для определенного времени, но в известном смысле осколок уника-

лен, ибо изготовлен с учетом необходимости переносить гораздо большее давление, чем того требуют изделия, использующиеся даже в военной области. По мере того как эти мысли складывались в голове Вольевой в каком-то порядке, ей становилось все более ясно, что осколок мог принадлежать только одному типу космических кораблей — контактному кораблю Силвестовского Института Исследований Странников.

Дальнейшее тщательное изучение содержания изотопов выявило, что это был тот самый контактный корабль, который доставил Силвеста к границе Завесы Ласкаля. Теперь у Вольевой было достаточно данных. Круг замкнулся. Подтвердился тот факт, что Мадемуазель, о которой говорила Хоури, была чем-то тесно связана с Силвестом. Впрочем, Хоури знала об этом и раньше... а значит, данное послание должно было содержать значительно более важные сведения. Конечно, к этому времени Вольева уже начала догадываться, в чем тут дело, и на какое-то мгновение она даже испугалась чудовищности своей догадки. Ведь Мадемуазель никак не могла быть той женщиной, о которой она подумала. Не могла же она пережить те гравитационные шквалы, которые бушевали вблизи Завесы Ласкаля! Однако Манукьян говорил Хоури, что он нашел свою работодательницу в космосе. И весьма возможно, что ее камуфляж под герметика просто скрывал более страшные физические уродства, нежели могла оставить на теле человека даже Чума!

— Покажи мне Карину Лефевр, — распорядилась Вольева, вспомнив имя женщины, которая считалась погибшей возле Завесы.

Огромное, как образ какой-нибудь языческой богини, лицо женщины смотрело на нее с дисплея. Она была молода, и из того, что виднелось ниже шеи, можно было заключить, что одета она по моде эпохи Красоты Йеллоустона — Золотого Века этой планеты, который предшествовал веку Расползающейся Чумы. Лицо показалось знакомым — не ошеломляюще знакомым, — но достаточно, чтобы Вольева могла вспомнить, что видела его где-то. Да, она встречала эту фотографию в десятке копий исторических документов, и в каждом из них утверждалось, что женщина эта давным-давно мертва — уничтожена чудовищными космическими силами, выходящими за пределы человеческого разумения.

Конечно же! Теперь стало понятно, откуда на осколке следы чудовищных давлений. Перепады гравитации у Завесы Ласкаля сжимали металл так, что он начинал «кровоточить».

Все полагали, что именно так умерла и Карина Лефевр.

— Свинство! — выругалась Триумвир Илиа Вольева, у которой больше не осталось никаких сомнений.

Еще с тех времен, когда Хоури была ребенком, она запомнила, как возникают у нее особые ощущения, когда ей приходилось схватиться за что-нибудь горячее, например за ствол винтовки сразу же после выстрела. В таких случаях у нее внезапно появлялась боль, скорее даже не боль, а чувство предупреждения о возможности появления сильного болевого шока, который неизбежно и мгновенно последует за этим предваряющим ощущением. И когда это предваряющее боль ощущение исчезало, и на какое-то мгновение наступал полный покой, она, казалось, могла успеть отдернуть руку от раскаленного предмета. И всегда это заканчивалось одинаково: она не успевала, ощущение настоящей боли неотвратимо приходило и оставалось лишь одно — моральная готовность к ожогу. Так домоправительницу предупреждают о близком приходе нежданного гостя. Конечно, боль все же оказывалась слабее ожидаемой — видно, Хоури все же удавалось чуть-чуть отдернуть руку от источника жара, и даже шрамов на ней не оставалось. Тем не менее эта способность всегда вызывала у Хоури удивление. Если предваряющей боли было достаточно, чтобы заставить ее отдернуть пальцы, а это часто случалось, то какова цель болевого цунами, которая являлась вслед за предупреждением? Зачем приходит эта острая боль, если Хоури уже получила предупреждение и успела отдернуть руку? И даже когда она потом узнала, что временной разрыв между двумя предупреждениями имеет весьма разумное психологическое объяснение, второе все равно казалось ей почти садистским.

Вот такое первое предупреждение услышала она и сейчас, сидя с Вольевой в Паучнике. Вольева только что рассказала ей, кому, как ей кажется, принадлежит лицо на дисплее. Карине Лефевр, сказала она. И Хоури ощутила упреждающий шок, как отраженное эхо от будущего реального шока, что еще ждет их впереди. Очень слабое эхо, а затем — на мгновение — молчание.

И только потом — истинный шок.

— Как же это может быть она? — спрашивала Хоури, когда шок еще не прошел настолько, чтобы стать нормальным компонентом ее обычного состояния. — Это же невозможно! Это напрочь лишено всякого смысла!

— Я думаю, смысла тут в избытке, — ответила ей Вольева. — Все складывается в картину. И отмахнуться от этого факта нельзя.

— Но все же знают, что она умерла! И не только на Йеллоустоне знают, но во всем цивилизованном космосе! Илиа, она же умерла, и умерла страшной смертью! Мадемуазель не может быть ею!

— А я думаю, очень даже может. Манукьян сказал, что нашел ее в космосе. Вероятно, так оно и было. Возможно, он нашел Карину Лефевр дрейфующей вблизи Завесы. Вполне вероятно, что он высадился на обломки ее корабля с целью поискать поживу, а нашел Карину, спас ее и привез на Йеллоустон. — Тут Вольева остановилась, но прежде чем Хоури успела ее перебить, Триумвир быстро продолжила: — Вполне вероятно, не так ли? Таким образом, мы устанавливаем связь с Силвестом, а может быть, и с ее желанием уничтожить его.

— Илиа, я же читала о том, что с нею произошло! Ее разорвало гравитационными перепадами вблизи Завесы. От нее не осталось ничего, что Манукьян мог бы доставить домой!

— Нет... Конечно, нет. Разве что Силвест солгал. Ты вспомни: обо всем, что там произошло, мы можем судить только с его слов — ни единой записи приборов не сохранилось.

— Ты хочешь сказать, что она не погибла?

Вольева приподняла руку, как всегда делала в тех случаях, когда Хоури понимала ее не вполне точно.

— Нет... не обязательно. Возможно, что она и в самом деле умерла, но не так, как рассказывал об этом Силвест. А может, умерла, но не в том смысле, как это понимаем мы. Может, она даже сейчас жива не в общепринятом смысле, невзирая на то, что ты ее видела.

— Я ведь ее почти не видела. Просто ящик, в котором она передвигается, вот и все!

— И ты решила, что она — герметик, поскольку ездит в чем-то похожем на паланкин. А ведь возможно, что то была умышленная попытка ввести тебя в заблуждение.

— Но она же была разорвана в клочья! Это доказано!

— Возможно, что Завеса не убила ее, Хоури. Может быть, с ней приключилось что-то ужасное, но это что-то оставило ее в живых. Возможно, что-то спасло ее.

— Силвест должен это знать!

— Что ж, может быть, он не осмеливается самому себе признаться в этом. Нам надо поговорить с ним. Здесь, где нас не потревожит Саджаки. — Вольева еще не окончила фразу, как ее браслет зачирикал, а на экране появилось лицо с глазами, прикрытыми полусферами. — Заговори о черте, увидишь его рога, — выругалась Вольева. — В чем дело, Кэлвин? Вы ведь Кэлвин, не так ли?

— В данный момент, — ответил мужчина. — Хотя моя полезность в глазах Саджаки может очень быстро прийти к неизбежному концу.

— О чем вы говорите? — сказала Вольева и быстро добавила: — Есть нечто, о чем мне необходимо поговорить с Дэном. Это срочно, и я была бы вам весьма признательна...

— Думаю, то, что имею сказать я, не менее спешно, — ответил Кэлвин. — Это о вашем контрагенте, Вольева. О ретровирусе, которого вы выкормили.

— И что же?

— Он, видите ли, работает не так, как ожидалось. — Кэлвин отступил назад, и Хоури увидела за ним Капитана — серебристого и покрытого слизью, как статуя, по которой ползают слизни. — Честно говоря, мне кажется, ваш ретровирус только убыстряет смерть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Силвест не заставил себя долго ждать. К его неудовольствию, с Вольевой оказалась Хоури — женщина, спасшая ее на поверхности Ресургема. Если Вольева была чем-то вроде неизвестной переменной в его планах, то с Хоури дела обстояли еще хуже, так как Силвест совершенно не мог понять, куда клонятся ее симпатии — то ли на сторону Вольевой, то ли — Саджаки, а может, еще на чью-то. Впрочем, полностью разделяя тревогу Кэлвина, он не стал сейчас проявлять излишний интерес к Хоури.

— Что вы хотите сказать своим «убыстряет смерть»?

— Именно это, и ничего больше, — заставил сказать Силвеста Кэлвин, прежде чем обе женщины успели перевести дыхание. — Мы ввели вирус согласно вашим инструкциям. Но дело выглядит так, будто мы сделали Чуме мощную питательную инъекцию. Она распространяется быстрее, чем раньше. Если бы я не знал правды, я сказал бы, что ретровирус фактически помогает болезни.

— Черт побери! — выругалась Вольева. — Извините, не сдержалась. Измотала меня работа.

— И это все, что вы можете нам ответить?

— Я проверяла свой контрагент на небольших количествах чумного вируса, — сказала осторожно Вольева. — На них он оказывал сильное воздействие. Не могу обещать, что ретровирус будет действовать на тело, пораженное инфекцией, с той же эффективностью... но как минимум при самом отрицательном сценарии... я считаю, что положительный эффект обязательно должен иметь место, хотя, возможно, и более слабый. Чума должна бросить на ретровирус хоть часть своих ресурсов. Это обязательно. Она обязана направить часть энергии, которую она использует для экспансии, на сопротивление новому врагу. Я надеялась, что это убьет ее, вернее, обратит в форму, с которой мы сможем справиться. Даже при самом пессимистическом подходе я предполагала, что Чума, так сказать, подцепит хотя бы насморк и это замедлит ее развитие.

— Но мы наблюдаем нечто совсем иное, — ответил ей Кэлвин.

— То, что говорит Вольева, похоже на правду, — вмешалась Хоури, и Силвест почувствовал, что его раздраженный взгляд остановился на Хоури так, будто он сомневается в ее праве на существование.

— А что же вы наблюдаете? — спросила Вольева. — Вы понимаете, что я спрашиваю не из любопытства.

— Мы перестали вводить сыворотку, — ответил Кэлвин. — Так что сейчас рост прекратился. Но когда мы впервые ввели ее Капитану, Чума стала разрастаться. Впечатление было такое, будто она поглощает массу ретровируса быстрее, чем поглощала раньше вещество самого корабля.

— Но это же чудовищно! — воскликнула Вольева. — Ведь корабль Чуме не может сопротивляться! Распространяется быстрее... это означает, что контрагент просто под-

кармливает Чуму, что он поглощает организм Капитана быстрее, чем его могла бы разрушить Чума!

— Как если бы солдаты дезертировали из окопов, не успев даже услышать вражескую пропаганду, — сказала Хоури.

— Очень похоже, — задумчиво произнесла Вольева, и Силвест впервые за все время почувствовал, что между обеими женщинами есть нечто, смахивающее на взаимное уважение. — И тем не менее это невозможно. Чтобы такое произошло, Чума должна была бы подчинить себе пути репликации — ну так, как если бы они сами охотно пошли бы к ней в плен. Я вам повторяю: такое невозможно!

— Что ж, попробуйте сами.

— Нет уж, спасибо. Дело не в том, что я вам не доверяю, вы просто попробуйте взглянуть на дело с моей точки зрения. С нее все выглядит так, будто я сама развела всю эту чертовщину, то есть полная бессмыслица.

— Есть ведь и еще кое-что, — вмешался Кэлвин.

— Что же?

— А не мог ли иметь место саботаж? Я вам уже говорил, что мы подозреваем кое-кого в том, что он не хочет, чтобы лечение Капитана прошло успешно. Вы знаете, о ком я говорю. — Кэлвин говорил намеками, не желая быть откровенным в присутствии Хоури или рядом с подслушивающей системой Саджаки. — Разве вашу сыворотку нельзя подменить?

— Придется поломать над этим голову, — ответила Вольева.

Силвест использовал для лечения Капитана не весь флакон сыворотки, которую дала ему Вольева, поэтому у нее появилась возможность проверить молекулярную структуру этого вещества, используя ту же аппаратуру, которой она пользовалась при анализе осколка из тела Хоури. Когда она сравнила пробу из флакона с пробами из ее лабораторных запасов, они оказались идентичными в пределах допустимого колебания квантовой точности. Та сыворотка, которую Кэлвин ввел Капитану, была именно такой, какой она должна была быть по расчетам Вольевой, вплоть до самых второстепенных химических связей каких-то маловажных атомов в наименее значимых молекулярных компонентах.

Вольева сверила структуру контрагента со своими записями и увидела, что она ничуть не отличается от тех на-

меток, которых она придерживалась все последние годы. Все было так, как она планировала. С ее вирусом никто «не шалил», его «зубы» никто не вырывал. Вот и вся игра с гипотезой Силвеста насчет саботажа! Она ощутила громадное облегчение — ей ведь так не хотелось поверить в то, что Саджаки и в самом деле хочет подорвать процесс лечения. Мысль, что он мог умышленно затянуть болезнь Капитана, была слишком чудовищна, и Вольева обрадовалась, ибо анализ контрагента давал ей основания выбросить из головы мысль о саботаже. Конечно, она все еще не доверяла Саджаки, но доказательств, что он совершил такую омерзительную подлость, не было.

Зато существовала другая возможность.

Вольева покинула лабораторию и вернулась к Капитану, отчаянно ругая себя за то, что не подумала об этом раньше и тем самым обрекла себя на такую уйму новой работы. Силвест спросил ее, чем она занята сейчас. Она долго смотрела на него, прежде чем ответить. Да, связь с Завесой Ласкаля бесспорна. В этом она уверена. Была это только месть со стороны Мадемуазель — плата за его трусость, или за предательство, или еще за что-то, что могло ее убить вблизи от Завесы? Или причина уходила куда-то еще глубже и каким-то образом была связана с инопланетянами? Может быть, тут замешаны гениальные умы древних хранителей, которых каким-то образом зацепил Ласкаль во время своего полета? С чем она столкнулась сейчас: с человеческой злобой или с чем-то совсем чуждым и древним, как сами Странники? Было так много такого, о чем следовало поговорить с Силвестом, но сделать это можно было лишь в безопасной атмосфере Паучника.

— Мне нужна еще одна проба, — сказала она. — Из зоны инфицированной периферии, куда вы вводили сыворотку. — Она вытащила свою лазерную кюретку, быстро сделала несколько надрезов, взяла соскоб ткани, которая ощущалась как срез металла, и поместила его в подготовленный заранее бикс.

— А что с контрагентом? Он изменен?

— До него никто не дотрагивался, — ответила она. Затем вытряхнула добытую кюреткой ткань и использовала инструмент, чтобы выцарапать им мелкими буквами какую-то надпись на переборке прямо рядом с ложем Капитана. Задолго до того, как Саджаки сможет прочесть эту надпись, Капитан уже всплывет над ней, подобно подни-

мающемуся гребню приливной волны, и надпись будет скрыта.

— Что вы делаете? — спросил Силвест.

Но прежде чем он успел добавить что-нибудь еще, Вольева скрылась.

— Вы были правы, — сказала Вольева, когда они оказались в полной безопасности за пределами корпуса «Бесконечности», в Паучнике, прицепившемся к наружной оболочке корабля, подобно какому-то отважному стальному паразиту. — Это действительно саботаж. Только несколько в иной форме, чем я предполагала.

— Что вы имеете в виду? — спросил Силвест, буквально потрясенный существованием Паучника. — Я думал, что вы сравнивали ретровирус с более ранними сериями, с которыми работали над небольшими пробами плоти Капитана.

— Я сделала это, и, как я выяснила, разницы в них нет. Таким образом, осталась еще только одна возможность.

В воздухе повисло молчание. Первой его нарушила Паскаль Силвест.

— Он... она, должно быть, получила предохранительную прививку! Вот, значит, что произошло! Кто-то украл пробирку с вашим ретровирусом и денатурировал его, удалив летальность для вируса Чумы и стремление к размножению, после чего запустил его в Расползающуюся Чуму!

— Это единственная гипотеза, которая объясняет все, — отозвалась Вольева.

— Вы думаете, это дело рук Саджаки, да? — спросила Хоури. Обращалась она к Силвесту.

Он кивнул.

— Кэлвин, можно сказать, предвидел, что Саджаки попытается каким-либо путем сорвать операцию.

— Не понимаю, — возразила Хоури. — Вы же говорите, что Капитан получил прививку. Разве это не к лучшему?

— Не в данном случае. Ведь прививку получил не Капитан, а живущая в нем и на нем Чума, — ответила ей Вольева. — Нам было известно, что Расползающаяся Чума гиперадаптивна. Это всегда представляло серьезнейшую проблему: каждое молекулярное оружие, которое мы запускали в нее, в конечном счете бывало поглощено, отравлено и переработано Чумой в собственное всепоглощающее наступательное оружие. Но на этот раз я надеялась достиг-

нуть нужного результата, обогнав вирус. Ретровирус обладал огромной силой, и был шанс, что он сумеет обойти привычные для Чумы пути разложения противника. Но случилось так, что Чума как бы получила возможность познакомиться со своим противником тайком и до того, как он предстал перед ней в своей активной форме. Чума познакомилась с ним и сумела изучить и разложить ретровирус до того, как он стал для нее опасен. И к тому времени, когда Кэлвин ввел сыворотку, Чума уже «знала», на что та способна. Она успела создать способ разоружить ретровирус и заставила его присоединиться к себе, даже не затратив на это своей собственной энергии. И Капитан стал «разрастаться» еще быстрее.

— Но кто мог это сделать? — вскричала Хоури. — Я думала, что вы единственный человек на борту, кто мог бы сделать нечто в этом роде.

Силвест кивнул.

— Хотя я все еще думаю, что Саджаки старается саботировать операцию... но эта проделка не кажется мне его работой.

— Согласна, — поддержала его Вольева. — Саджаки просто не обладает нужным опытом, чтобы замыслить такое.

— А второй? — спросила Паскаль. — Химериец?

— Хегази? — Вольева покачала головой. — Можешь вычеркнуть его из списка. Он может стать проблемой, если кто-нибудь из нас начнет противоречить Триумвирату, но такая тайная деятельность лежит за пределами его возможностей в еще большей степени, чем у Саджаки. Нет. С моей точки зрения, на корабле есть только три человека, которые могли бы это сделать. Я — одна из них.

— Кто же остальные двое? — спросил Силвест.

— Один из них — Кэлвин, — ответила Вольева. — Что, в общем, автоматически вычеркивает его из числа подозреваемых.

— А второй?

— Тут мы оказываемся в области догадок. Единственный другой человек, который мог бы так обойтись с кибервирусом, это тот, кого мы пытаемся вылечить.

— Капитан? — изумленно спросил Силвест.

— С теоретической точки зрения, он мог бы это сделать, сказала бы я. — Вольева хмыкнула. — Если он еще не умер, конечно.

Хоури с большим интересом ждала, как отреагирует на ее слова Силвест, но он сохранил ледяное спокойствие.

— Не имеет значения, кто это был. Раз это не сам Саджаки, то наверняка кто-то, кто действовал в его интересах. — Силвест обратился прямо к Вольевой: — Я так понимаю, что вы убеждены?

Она наградила его кивком.

— К сожалению, да. И что это означает для вас и для Кэлвина?

— Означает для нас? — Силвест, казалось, удивился ее вопросу. — Да абсолютно ничего. Во-первых, я никогда не обещал вылечить Капитана. Я сразу сказал Саджаки, что считаю эту задачу невыполнимой. И я ничуть не преувеличивал. Кэлвин полностью согласен со мной. Если уж быть совсем откровенным, то я даже не уверен, что Саджаки нужно было саботировать операцию. Даже если бы ваш ретровирус не был денатурирован, я сомневаюсь, что сыворотка доставила бы Чуме много тревог. Так что же изменилось? Мы с Кэлвином будем притворяться, что лечим Капитана, и на какой-то фазе всем станет ясно, что у нас ничего не получается. Мы ничем не покажем Саджаки, что знаем о его саботаже. Конфронтация с этим человеком нам не нужна, особенно сейчас, когда приближается время атаки на Цербер. — Силвест спокойно улыбнулся. — И я думаю, что Саджаки не будет слишком уж разочарован, когда узнает, что наши труды были безуспешны.

— Значит, вы будете действовать так, будто ничего не изменилось? — Хоури огляделась в поисках поддержки, но ей не удалось прочесть выражение окружавших ее лиц. — Не верю я этому!

— Капитан для Силвеста ничего не значит, — сказала Паскаль. — Разве вы этого не понимаете? Он будет делает лишь то и столько, сколько необходимо, чтобы Саджаки не подумал, будто он нарушает условия договора. А вот Цербер для Дэна — это все! Это для него вроде магнита. — Она говорила так, будто Силвест был где-то далеко-далеко.

— Да, — сказала Вольева. — Я рада, что вы затронули этот вопрос, ибо есть кое-что, что нам следует с вами обсудить. Оно касается как раз Цербера.

Силвест злобно глянул на нее.

— А что вы-то знаете о Цербере?

— Слишком много, — ответила ему Хоури. — Чтоб его разорвало, вот как много!

* * *

Она начала свою историю оттуда, откуда только и имело смысл начинать, — с самого начала. От своего пробуждения на Йеллоустоне, от ее работы в качестве киллера в Игре Теней и вплоть до того, как ее рекрутировала Мадемуазель, сделавшая ей предложение, от которого было очень трудно отказаться.

— Кто она такая? — спросил Силвест, когда с частностями было покончено. — И чего она хотела от вас добиться?

— Дойдем и до этого, — отрезала Вольева. — Будьте терпеливы.

Хоури продолжила свой рассказ. Повторяя Силвесту свою историю, которую она совсем недавно поведала Вольевой, она чувствовала себя так, будто оба повествования разделены вечностью. Как она пыталась проникнуть на корабль и как была обманута Вольевой, которая решила заполучить нового артиллериста, независимо от того, согласен волонтер на эту роль или нет. Как Мадемуазель все это время находилась в ее голове, выдавая Хоури лишь ту часть информации, которая была необходима в данный момент. Как Вольева соединила Хоури с информационным пространством Оружейной и как Мадемуазель заметила, что в Оружейной появилось нечто — создание из программы, называющее себя Похитителем Солнц.

Паскаль бросила взгляд на Силвеста.

— Это имя... — сказала она. — Оно напоминает о чем-то. Я где-то слышала его раньше. Клянусь, слышала. Ты не помнишь?

Силвест ответил ей пристальным взглядом, но ничего не ответил.

— Это Существо, — продолжала Хоури, — чем бы оно ни было, уже пыталось проникнуть из Оружейной в голову одного бедолаги, рекрутированного Вольевой. И довело его до безумия..

— Не вижу, какое отношение все это имеет ко мне, — сказал Силвест. И тогда Хоури сказала ему напрямик:

— Мадемуазель вычислила, что это Создание должно было появиться в Оружейной в совершенно определенное время.

— Отлично. И что же дальше?

— И это случилось точно в то время, когда вы были на борту этого корабля в прошлый раз.

Хоури подумала, что это сообщение, вероятно, заткнет Силвесту рот или уж по меньшей мере, сотрет с его лица выражение высокомерного превосходства. В ее жизни, наполненной множеством неприятных событий, подобное происшествие было бы одним из маленьких и редких удовольствий. Нарушив тишину и сохраняя, как и раньше, полный контроль над своими чувствами, Силвест холодно спросил:

— И что же это значит?

— Это означает именно то, о чем вы думаете сами, но в чем боитесь признаться вслух! — Эти слова вырвались у Хоури сами собой. — Что бы это ни было, но вы его приволокли с собой.

— Какой-то тип нейронного паразита, — сказала Вольева, подхватив бремя объяснения, выпавшее из рук Хоури. — Он поднялся на борт с вами, а потом остался на корабле. Вполне возможно, что он находился в ваших имплантатах, а может, и в самом вашем мозгу, независимо от всякой техники.

— Чудовищное предположение! — Голосу Силвеста явно не доставало убедительности.

— Если вы о нем не знали, то вполне возможно, что вы носили его долгие годы, — продолжала Вольева. — Может быть, с тех пор, как вы вернулись назад.

— Назад откуда?

— От Завесы Ласкаля, — сказала Хоури, и ее голос вторично за сегодняшний день ударил Силвеста точно бич штормового ливня. — Мы проверили хронологию, все сходится. Этот паразит вошел в вас около Завесы и оставался с вами, пока вы не попали на этот корабль. Может быть, он даже не покинул вас, а просто поделился пополам, причем одна его часть осталась на корабле, где отыскала себе отличное убежище.

Силвест встал и сделал знак жене, чтобы она тоже встала.

— Не желаю больше оставаться здесь, чтобы выслушивать всю эту идиотскую чушь!

— Я думаю, вам придется еще потерпеть, — сказала Хоури. — Ведь мы еще не рассказали вам толком ни о Мадемуазель, ни о том, чего она от меня потребовала.

Силвест бросил на нее взгляд, постоял, как бы решая, уходить ему или оставаться, причем на его лице отражалось живейшее отвращение. Затем — по прошествии минуты или двух — он вернулся на свое место и стал ждать продолжения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

— Сожалею, — сказал Силвест, — но я сомневаюсь, чтобы этого человека можно было излечить.

Его собеседниками, не считая Капитана, были лишь двое мужчин Триумвиров. Тот, что находился поближе — Саджаки, — стоял перед Капитаном со сложенными на груди руками и с таким видом, будто с недоброжелательным интересом рассматривал модерновую фреску. Голова слегка склонена набок. Хегази же держался от Чумы на почтительном расстоянии, отказываясь подходить к Капитану, чья периферия получила недавно новый импульс к росту, ближе чем метра на три-четыре. Он старался казаться хладнокровным, но, несмотря на то, что видна была лишь малая часть его лица, там, словно татуировка, лежала печать ужаса.

— Он мертв? — спросил Саджаки.

— Нет, нет, — ответил торопливо Силвест. — Совсем нет. Дело в другом. Наши методы лечения не дают нужных результатов, а наши последние, самые надежные инъекции скорее причинили ему вред, нежели пользу.

— Ваши последние, самые надежные инъекции? — как попугай повторил Хегази, чей гулкий голос эхом отдавался от стен.

— Контрагент Илиа Вольевой. — Силвест понимал, что тут ему надо быть очень осторожным — нельзя, чтобы Саджаки понял, что его саботаж раскрыт. — По какой-то причине сыворотка не сработала так, как ожидалось. Я не виню в этом Вольеву — откуда ей было знать, как поведет себя главная часть массы тела Капитана, пораженная Чумой? Ведь Вольева раньше работала лишь с крошечными частицами тканей.

— И в самом деле откуда? — повторил Саджаки.

После этой краткой реплики, Силвест понял, что ненавидит Саджаки. Ненавистью столь же неотвратимой, как неотвратима сама смерть. Однако он знал, что Саджаки — человек, с которым ему придется работать, и что как бы он его ни презирал, ничто из происходящего здесь сейчас не должно вызвать изменения плана атаки на Цербер. Больше того, в определенном смысле ситуация даже улучшилась.

Теперь, когда Силвест убедился, что Саджаки не только не мечтает увидеть Капитана здоровым, а совсем наоборот, не осталось ничего, чтобы могло бы отвлечь Силвеста от подготовки грядущей атаки на Цербер. Возможно, ему еще какое-то время придется выносить присутствие Кэлвина у себя в голове, пока эта игра будет продолжаться, но это не такая уж высокая цена, и Силвест был готов ее уплатить. Кроме того, сейчас, пожалуй, он будет даже рад вмешательству Кэлвина. Так много всего происходит, так много надо понять и усвоить, что на какое-то время, может быть, и неплохо иметь второй разум, паразитирующий на его собственном, чтобы расчищать завалы и разрабатывать ловушки.

— Лживый подонок, — шепнул Кэлвин. — Раньше у меня еще были кое-какие сомнения, но теперь я знаю точно. Надеюсь, что Чума когда-нибудь доест последний атом этого корабля, а вместе с ним и Саджаки. Он это заслужил.

Силвест обратился к Саджаки:

— Все сказанное вовсе не означает, что мы сдались. С вашего разрешения, мы с Кэлом продолжим работу...

— Делайте, что можете, — ответил Саджаки.

— Ты разрешаешь им продолжать? — закричал Хегази. — И это после того, как они его чуть не прикончили?

— У вас возникли какие-то проблемы? — спросил Силвест, ощущая, что весь диалог строится совсем как в пьесе. — Если мы не будем рисковать...

— Силвест прав, — сказал Саджаки. — Кто может сказать, как отреагирует Капитан на самое невинное вмешательство? Чума — живой организм, и она вовсе не обязана подчиняться каким-либо логическим правилам, а потому каждый наш шаг чреват определенным риском — даже если этот шаг теоретически безвреден, — например, обработка Капитана магнитным полем. Чума сможет, например, интерпретировать это как стимул для перехода в новую фазу роста или, наоборот, возьмет да и рассыплется в порошок. Я сомневаюсь, что Капитан сможет перенести как первый, так и второй сценарий.

— В таком случае, — отозвался Хегази, — нам, возможно, вообще лучше сложить руки и сдаться.

— Нет, — ответил ему Саджаки так холодно, что Силвест испугался за жизнь Хегази. — Это вовсе не значит, что мы сдаемся. Это значит, что нам нужна новая парадигма — нечто, находящееся за пределами хирургического вмешательства. У нас есть самый талантливый кибернетик из всех,

родившихся после Эпохи Возрождения, и никто не обладает большим опытом работы с молекулярным оружием, нежели Вольева. Медицинские системы корабля не уступят никаким системам, существующим в мире. И тем не менее мы потерпели поражение. И по очень простой причине. Мы имеем дело с чем-то, что сильнее, быстрее и адаптивнее, нежели мы в состоянии себе вообразить. То, что мы подозревали раньше, оказалось истиной. Расползающаяся Чума — болезнь внегалактического происхождения. Вот почему она нас всегда опережает и будет опережать. Если, конечно, мы будем воевать, исходя из наших представлений, а не по ее собственным правилам.

Вот, подумал Силвест, пьеса и подошла к своему еще не написанному концу. Начинается чистая импровизация.

— Какую же парадигму вы имеете в виду?

— Единственный логический ответ, — сказал Саджаки так, будто открывал то, что было заведомо известной истиной, — заключается в том, что эффективное лекарство против чуждой нашему миру болезни можно найти лишь в чуждой для нас медицине. Вот это мы и будем искать, независимо от времени, которое нам потребуется, и от дальности полетов.

— Инопланетная медицина, — пробормотал Хегази, как будто пробуя эту фразу на вкус. Может, он просто привыкал к тому словосочетанию, которое будет отныне слышать многократно? — Какой же тип инопланетной медицины ты имеешь в виду?

— Сначала мы поищем у Трюкачей, — сказал Саджаки так равнодушно, как будто в каюте не было никого, кроме него. Он как бы развлекался в одиночестве. — А если они не сумеют его вылечить, будем искать дальше. — Внезапно его внимание переключилось на Силвеста. — Мы ведь были у них однажды, знаете ли. Я и Капитан. А стало быть, вы тут не единственный, кто попробовал на вкус соленую водичку их океанов.

— Не стоит терять ни минуты на пребывание в обществе этого психа, — шепнул Кэлвин, а Силвест кивнул головой в знак молчаливого согласия.

Вольева уже в шестой или седьмой раз за последний час сверилась со своим браслетом, хотя сообщаемые ей данные за это время почти не изменились. То, что говорил браслет, и то, что она знала, заключалось в том, что злосча-

стный «брак» между Цербером и «Плацдармом» должен состояться примерно через полдня, и что никто пока не высказал по этому поводу возражений, а тем более не сделал попытки помешать этому союзу.

— Ты смотришь на эту штуковину чуть ли не ежеминутно, но ведь от этого ровно ничего не меняется, — сказала Хоури, которая осталась в Паучнике вместе с Вольевой и Паскаль. Уже несколько часов они находились вне корпуса корабля, заходя внутрь лишь изредка, например, чтобы проводить Силвеста на встречу с остальными Триумвирами. Саджаки не удивился отсутствию Вольевой. Он, без сомнения, считал, что она занята в служебных помещениях, добавляя последние штрихи к своей стратегии атаки. Но через час-другой ей придется показаться, если она не хочет возбудить подозрений. А потом начнется и сама операция, начало которой положит «размягчение» коры планеты, для чего Вольева использует часть орудий из Тайника, направив всю их мощь на ту точку Цербера, куда вслед за этим обрушится «Плацдарм». Когда Вольева снова взглянула на браслет — на этот раз невольно, — Хоури сказала:

— Скажи, на что ты все-таки рассчитываешь?

— А вдруг этот «Плацдарм» начнет дурить? Нам бы вовсе не помешала какая-нибудь авария.

— Значит, ты действительно не хочешь, чтобы эта идиотская затея удалась? — спросила Паскаль. — Несколько дней назад ты буквально носилась с этим проектом, будто то был твой звездный час. Странный поворот на сто восемьдесят градусов!

— Это было до того, как я поняла, кто такая Мадемуазель. Если б это выяснилось раньше... — Вольева внезапно обнаружила, что не знает, чем закончить свою фразу. Теперь ей стало совершенно очевидно, что в этой ситуации использование такого страшного оружия, как «Плацдарм», — акт потрясающей безответственности. Но разве это понимание было способно что-то изменить? Неужели она чувствует себя обязанной использовать это оружие только потому, что она в состоянии пустить его в ход? Только потому, что оно так изящно, и ей так хочется, чтобы равные ей увидели, сколь сказочные вещи могут быть рождены ее замыслами? Какие изощренные боевые машины может она придумать? Мысль, что она способна на подобное, вызывала тошноту, но — по-своему — была целиком верна. Она породила «Плацдарм», но она же питала надежду, что сможет помешать его использованию

на каком-то более позднем этапе. Короче, в своих мыслях она оказывалась в том самом положении, в котором оказалась на практике в настоящий момент.

«Плацдарм» — перестроенный «Лорин» — сближался с Цербером, медленно сбрасывая скорость. К тому времени, когда они соприкоснутся, скорость «Плацдарма» будет не больше, чем скорость пули, но масса этой «пульки» составит несколько миллионов тонн. Если бы «Плацдарм» ударился на этой скорости о планету с обычной поверхностью, его кинетическая энергия превратилась бы в тепловую, последовал бы страшный взрыв, и драгоценная игрушка Вольевой сгорела бы как спичка. Но Цербер не был обычной планетой. По ее оценке, подтвержденной многократным моделированием, «Плацдарму», обладающему колоссальной массой, предстояло прорвать всего лишь тонкий слой искусственной коры, покрывающей внутренний мир планеты. А вот что случится, когда «Плацдарм» прорвет поверхностную пленку и ударится о само тело Цербера, Вольева не имела ни малейшего понятия.

И теперь это страшно пугало ее. Интеллектуальное тщеславие (а может, и что-то еще) привело Силвеста к этой опасной точке, но и Вольеву было трудно́ счесть невинной, она тоже повиновалась труднообъяснимым побуждениям. Сейчас она сожалела, что принялась за этот проект с таким жаром, что направила все свои силы на то, чтобы добиться успеха для своего «Плацдарма». И сейчас ей даже страшно подумать о том, что произойдет, если ее дитя не подведет ее.

— Если бы только знать... — сказала она наконец. — Возможно, мне что-нибудь и удалось бы изменить. Но я и тогда не знала, не знаю и теперь, так какое все это имеет значение?

— Если б ты только прислушалась ко мне, — упрекнула ее Хоури. — Я же говорила, что это безумие надо остановить. Но ты не вняла моим словам. Вот мы оказались в полном дерьме.

— Вряд ли я выступила бы против Саджаки на основании каких-то «видений», которые якобы были у тебя в Оружейной. Я уверена, что он бы просто убил нас обеих, вот и все.

Хотя сейчас, подумала она, нам все равно, быть может, придется выступить против Саджаки. Пока мы еще что-то можем сделать, опираясь на Паучник, но скоро его будет мало.

— Тебе надо было решиться и поверить мне, — повторяла Хоури.

Если бы обстоятельства были иными, подумала Вольева, я бы тебе крепко врезала по башке, но именно поэтому ответила она очень мягко:

— Ты имела бы право говорить о доверии к себе, если бы не врала мне и не проникала бы на корабль обманом, а теперь чего уж тут болтать.

— А чего ты хочешь от меня? Ведь Мадемуазель держит в своих лапах моего мужа!

— Вон оно что! — Вольева наклонилась вперед. — А ты это точно знаешь, Хоури? Я хочу сказать... ты его видела своими глазами, или это опять из набора ее хитрых фокусов? Ведь воспоминания могут быть имплантированы, тебе это известно.

Голос Хоури смягчился, как будто две женщины не обменялись только что колючими словами.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что, возможно, с ним ничего не случилось. Ты подумала об этом? Может быть, он никогда не покидал Йеллоустона — тем способом, который ты считала наиболее вероятным.

Паскаль просунулась между обеими женщинами.

— Слушайте, да перестаньте вы ссориться! Если тут и в самом деле может произойти что-то жуткое, то раздоры нужны нам меньше всего. На случай, если вы не заметили, скажу, что на этом корабле я — единственный человек, который не просился на борт и не желал тут оказаться.

— Да, тебе, можно сказать, не больно повезло, — отозвалась Хоури.

Паскаль бросила на нее свирепый взгляд.

— Ладно, пусть не все, что я сейчас сказала, — правда. Мне тоже кое-что необходимо. У меня есть муж, и я не хочу, чтобы он пострадал, да и никто из окружающих его — тоже, только потому, что он чего-то страстно желает. Вот потому-то я и нуждаюсь в вас — в обеих, — ведь вы мне кажетесь здесь единственными, которые смотрят на вещи примерно так же, как смотрю на них я.

— А как смотришь ты? — задала вопрос Вольева.

— Мне кажется, что все происходящее здесь — неправильно, — ответила Паскаль. — Во всяком случае, с тех пор, как ты употребила одно имя.

Вольева даже не спросила, что это за имя такое.

— Ты вела себя так, будто узнала его.

— Мы — оба — узнали его. Похититель Солнц — амарантянское имя, имя одного из их богов или мифологических героев, а может быть, и реально существовавшего исторического персонажа. Дэн слишком упрям, а может, и испуган, чтобы признаться в этом.

Вольева снова взглянула на свой браслет. Никаких новостей. Она согласилась выслушать историю Паскаль. Та хорошо рассказывала. Не было ни преамбулы, ни описаний, просто благодаря хорошо отобранным фактам, которые изложила Паскаль, Вольева как будто собственными глазами увидела все, что необходимо. События были изложены артистически скупо. Теперь Вольева поняла, почему Паскаль так блестяще оформила биографию Силвеста. То, что говорила Паскаль, касалось амарантян — исчезнувшей расы разумных существ, происходивших от птиц и обитавших на Ресургеме. К этому времени команда корабля уже получила от Силвеста достаточно сведений об амарантянах, чтобы суметь поставить историю, рассказанную Паскаль, в правильный контекст. Вольеву очень взволновало обнаружение причастности амарантян к сложившейся ситуации. Правда, ей с большим трудом удалось связать свои собственные проблемы и со Странниками. Но причинные зависимости здесь были вполне очевидны. А вот как подогнать ко всей этой каше еще амарантян? Какая может быть связь между двумя расами инопланетян, которые совершенно несхожи между собой и давным-давно выпали из галактической реальности? Даже время их существования разительно не совпадало. Согласно тому, что рассказал Ласкаль Силвесту, Странники исчезли, удалившись в свои сферы реконструированного пространства-времени за много миллионов лет до появления амарантян, забрав с собой артефакты и технологии, которые нельзя было оставить в руках менее развитых видов разумных существ. Именно это в конце концов заставило Силвеста и Лефевр появиться на границе Завесы: приманка складированных знаний. Сами Странники чудовищно чужды — с точки зрения человеческого опыта, они одеты в панцирь, подобно ракообразным или черепахам, у них множество ног, словом, какие-то выходцы из кошмарных снов. Что касается амарантян, то, несмотря на предков-птиц, они ходили на двух ногах и имели четыре конечности, благодаря чему выглядели куда менее чуждыми.

Похититель Солнц создавал необходимую связь между событиями. Корабль Вольевой никогда раньше не посещал Ресургем. Он никогда не имел на борту никого знакомого с амарантянским аспектом этой запутанной истории, но тем не менее Похититель Солнц стал частью жизни Вольевой на несколько лет субъективного времени и многих десятилетий — планетарного. Силвест был ключевой фигурой — это ясно, хотя кое-какие логические связи упорно ускользали от Вольевой.

Паскаль продолжала свое повествование, а мозг Вольевой уже забегал вперед и пытался привести все события в какой-то порядок. Паскаль говорила о погребенном городе — огромном скопище амарантянских строений, раскопанном во время тюремного заключения Силвеста. О том, что центральное здание этого города, увенчанное высоким шпилем, было украшено фигурой, которая не совсем походила на амарантян, а скорее на амарантянский аналог ангела — за исключением того, что его творец относился со скрупулезным вниманием к анатомическим особенностям: ангел выглядел так, будто умел летать.

— И это был Похититель Солнц? — спросила пораженная Хоури.

— Не знаю, — ответила Паскаль. — Нам известно лишь то, что настоящий Похититель Солнц был обыкновенным амарантянином и что он создал стаю ренегатов. Если угодно — социальную секту ренегатов. Мы думаем, что то были экспериментаторы, изучавшие природу своего мира и подвергавшие сомнению древние мифы. У Дэна есть теория, будто Похититель Солнц занимался оптикой и изготовлял зеркала и линзы. Буквально — похищал Солнце. Возможно, он экспериментировал с полетами, что-нибудь вроде простых машин и глайдеров. Во всяком случае, то была ересь.

— Тогда что же это за статуя?

Паскаль рассказала все: как стая ренегатов стала известна под названием Отверженных, как они исчезли из истории амарантян на несколько тысячелетий.

— Если я осмелюсь выдвинуть теорию на этом этапе, — прервала ее Вольева, — то, возможно, что Отверженные удалились в какой-нибудь укромный закуток планеты и наизобретали там уйму всякой всячины?

— Дэн тоже так считает. Он думает, что они прошли колоссальный путь развития и обрели возможность вооб-

ще покинуть Ресургем. Затем, они — незадолго до События — вернулись обратно, но теперь для тех, кто оставался на планете, они были... как боги. Так что эта статуя создана для прославления новых богов.

— Боги, ставшие ангелами? — спросила Хоури.

— Генная инженерия, — уверенно ответила Паскаль. — Летать они не могли даже с помощью тех штуковин, которые они себе отрастили. Зато они победили силу гравитации. Стали космонавтами.

— И что дальше?

— Народ Похитителя Солнц вернулся на Ресургем незадолго до конца эпохи амарантян. Нам трудно по археологическим данным составить временной график, но, похоже, они привезли его с собой.

— Привезли что?

— Событие. То, что прикончило жизнь на Ресургеме.

Когда они брели коридором, по колено затопленным жижей, Хоури спросила:

— Есть ли какая-нибудь возможность остановить твое оружие до его встречи с Цербером? Иными словами, сохраняешь ли ты над ним контроль?

— Заткнись ты, — свирепо прошипела Вольева. — Все, что мы говорим тут — внизу... — Она не окончила фразу и указала на стены, подразумевая все виды запрятанных там подслушивающих устройств — часть шпионской сети, которую, как она считала, контролировал Саджаки.

— Ты должна вернуться к остальным Триумвирам? И что будет? — Хоури сильно понизила голос — какой смысл нарываться на неприятности, но бросать разговор неоконченным ей тоже не хотелось. — Если дела и дальше пойдут так, как идут сейчас, то очень скоро нам предстоит восстать против тех двоих. Кроме того, я думаю, что подслушивающая сеть Саджаки не так уж вездесуща, как ты полагаешь. Суджика тоже так считала. Но если мы и ошибаемся, то в данный момент он все равно слишком занят.

— Опасно, очень опасно! — Однако, поняв смысл слов Хоури, что в недалеком будущем их увертки должны непременно перерасти в открытый мятеж, Вольева подтянула рукав куртки вверх, чтобы взглянуть на браслет, на экране которого горели схемы и бежали, сменяя друг друга цифры. — С помощью этого я могу контролировать почти все. Но какой толк? Саджаки убьет меня, если поймет, что я

собираюсь саботировать операцию. А он узнает все, как только «Плацдарм» отклонится от заранее заданного курса. И еще не забывай: Силвест держит нас всех в заложниках. А я не знаю, какова будет его реакция!

— Плохая, но я думаю, это ничего не изменит.

Тут вмешалась Паскаль:

— Он не сделает того, чем грозит. Ничего такого в его глазах нет. Он сам мне сказал это. Но Саджаки этого не знает, так что Дэн уверен в своем конечном выигрыше.

— Ты абсолютно уверена, что он тебе не солгал?

— К чему такие вопросы?

— В данных обстоятельствах такой вопрос совершенно уместен. Я боюсь Саджаки, но если возникнет необходимость, то смогу потягаться с ним. А вот с твоим мужем — нет.

— Этого не произойдет, можешь мне верить.

— Похоже, у нас появился выбор, — сказала Хоури. Она как раз подошла к лифту. Дверь открылась, но им пришлось сделать усилие, чтобы ступить на пол лифта, так как кабина остановилась слишком высоко. Хоури отряхнула слизь с ног, постучала носками сапог в стенку и сказала: — Илиа, ты обязана остановить это дело. Если оружие достигнет Цербера, мы все погибнем. Именно это Мадемуазель и знала всю дорогу, потому-то и считала, что Силвеста надо уничтожить. Да, она знала это, знала, что он так или иначе попробует добраться сюда. Сейчас у меня в голове нет полной ясности, но в одном я точно уверена: Мадемуазель знала, что нам всем придется плохо, если Силвесту удастся задуманное. Плохо и даже очень плохо.

Лифт продолжал подниматься, но Вольева все еще не сказала им, куда они направляются.

— Похоже, Похититель Солнц науськивает его, — сказала Паскаль. — Подбрасывает ему идейки, формирует его судьбу.

— Идейки? — удивилась Хоури.

— Вроде полета сюда — в эту систему. — Сейчас Вольева заметно оживилась. — Хоури, а ты помнишь, как мы с тобой оживляли ту запись Силвеста, что хранилась в памяти корабля со времени первого его визита на борт? — Хоури кивнула. Она хорошо помнила, как смотрела в глаза записи и воображала, что будет убивать реального человека. — И как он намекнул, что уже тогда строил планы посылки экспедиции на Ресургем? Нас это обеспокоило, так

как в те времена он еще не мог ничего знать об амарантянах, и мы это понимали. Ну, так теперь все становится понятным. Дело в Похитителе Солнц, который тогда уже проник в мозг Силвеста и направлял его мысли. Я не думаю, чтобы Силвест понимал, что с ним происходит, но фактически Похититель Солнц уже контролировал его действия.

Хоури задумчиво произнесла:

— Похоже, Похититель Солнц и Мадемуазель сражаются друг с другом, но в этой войне они используют нас... Похититель Солнц — существо, созданное программированием, а Мадемуазель заключена в паланкине на Йеллоустоне... вот они и дергают за веревочки, натравливая нас, как марионеток, друг на друга.

— Полагаю, ты права, — ответила Вольева. — Похититель Солнц уже давно поселил во мне чувство беспокойства. Тревогу. Кстати, а ведь мы не слыхали о нем с тех пор, как было уничтожено орудие из Тайника.

Хоури промолчала. Она-то знала, что Похититель Солнц вошел в ее мозг во время последнего посещения Оружейной. Позднее, на Ресургеме, Мадемуазель поведала Хоури, что Похититель Солнц постепенно поглощает ее и неминуемо победит буквально через несколько часов или — в крайнем случае — дней. Но с тех пор прошло уже много недель. Согласно своим подсчетам, сама Мадемуазель должна быть уже мертва, а Похититель Солнц празднует победу. Но внешне ничего не изменилось. По правде говоря, ее голове стало гораздо лучше, лучше, чем было тогда, когда Хоури проснулась на орбите Йеллоустона. Проклятый имплантат Игры Теней — тот, что давал ей возможность ощущать близость жертвы, — не работает. Никаких мерзких ночных визитов и наставлений Мадемуазель. Казалось, и сам Похититель Солнц, одержав победу, тут же отдал концы. Но Хоури в это не верила; отсутствие Похитителя вызывало в ней чувство тревоги и растущего напряжения. Ожидание будет расти и расти, пока — она уверена, так оно и будет — он не появится вновь. И откуда-то она точно знала, что Похититель Солнц будет еще менее приятным обитателем ее мозга, нежели была Мадемуазель.

— А зачем ему показываться? — спросила Паскаль. — Он же в любом случае уже почти победил.

— Почти победил, — согласилась Вольева, — но то, что мы собираемся сделать, может заставить его вмешаться. Мне

кажется, нам следует подготовиться к этому. Особенно тебе, Хоури. Ты же знаешь, что Похититель Солнц проник в Бориса Нагорного, и можешь мне поверить, знакомство с ним не доставило Борису большого удовольствия.

— Так, может, будет лучше, если ты запрешь меня где-нибудь, пока еще не поздно? — Сама Хоури сначала этим словам особого значения не придала, но прозвучали они весьма серьезно. — Я не шучу, Илиа. Предпочитаю, чтобы ты это сделала, а то еще придется пристрелить меня как-нибудь вечерком.

— С удовольствием бы, — сказала Вольева, — но пока что-то не заметно, чтобы мы численно превосходили противников. В данный момент нас трое против Хегази и Саджаки. И один Господь Бог знает, чью сторону возьмет Силвест, если дело дойдет до драки.

Паскаль промолчала.

Они достигли Боевого Архива — цели, которую Вольева имела в виду с самого начала их сегодняшнего путешествия, хотя она никому об этом не сказала, пока они не прибыли на место. В этой части корабля Хоури никогда еще не бывала, но зато она не нуждалась в том, чтобы ей разъясняли, что за штука такая — Боевой Архив. Ей приходилось бывать во множестве арсеналов, а этот, в общем, был сходен с остальными.

— Кажется, мы завариваем крутую кашу, — сказала она. — Верно?

Довольно большая часть Архива представляла собой помещение, соединявшее в себе функции хранилища оружия и мастерских по его производству. Здесь насчитывалось около тысячи образцов вооружения, лежавшего на стеллажах в полной боевой готовности. А за короткий срок можно было изготовить еще десятки тысяч единиц — собрать их по голографическим чертежам, хранившимся в других помещениях корабля.

— Да, — ответила Вольева, и в голосе ее прозвучало нечто, странно напоминавшее об удовольствии. — И в этом случае, нам следует иметь в своем распоряжении кое-какое достаточно эффективное огнестрельное оружие. Поэтому, Хоури, воспользуйся своим боевым опытом и знаниями и подбери нам то, что нужно. И поторопись, вряд ли следует дать Саджаки возможность запереть нас здесь до того, как мы получим то, зачем пришли.

— А ты, кажись, начинаешь входить во вкус?

— Начинаю. И знаешь почему? Совершаем мы самоубийство или нет, но все же мы начинаем что-то *делать*. И если это что-то не даст нужных результатов или даже приведет нас к смерти, но все-таки мы ввяжемся в бой, если дело до того дойдет.

Хоури согласно наклонила голову. Теперь, когда Вольева говорит такие вещи, с ней не поспоришь. Прерогатива солдата — не позволять событиям идти своим путем, а вмешиваться в них, даже если это вмешательство ни к чему хорошему не ведет. Вольева быстро показала ей, как работает система выдачи оружия с верхних стеллажей, — это оказалось делом несложным, — а затем взяла Паскаль за руку и повернулась, чтобы уйти.

— И куда же ты идешь?

— В рубку. Саджаки хочет, чтобы я присутствовала там при операции «размягчения» коры Цербера.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Силвест уже несколько часов не виделся со своей женой и теперь опасался, что не увидит ее и на кульминации того, к чему он стремился чуть ли не всю свою жизнь. Оставалось всего лишь десять часов до того времени, когда «Плацдарм» Вольевой войдет в соприкосновение с Цербером, а меньше чем через час должна была начаться первая волна атаки, имевшая целью «размягчить» кору планеты. Это было важным событием, и вот, по-видимому, он обречен наблюдать за ним в отсутствие своей жены.

Телекамеры корабля ни на секунду не выпускали из поля зрения «Плацдарм», и даже сейчас его изображение парило на дисплее рубки, будто находилось совсем рядом с кораблем, хотя на самом деле их разделяло около миллиона километров. Они видели его сбоку, так как «Плацдарм» начал свой подход с Троянской точки, когда корабль находился как бы в подвешенном состоянии на девяносто градусов по ходу часовой стрелки от линии, соединяющей Гадес с его невидимым сейчас спутником. Ни тот, ни другой ко-

рабль не занимал истинных постоянных орбит, но слабое гравитационное поле Цербера давало возможность удерживать их на этих траекториях с минимальным расходованием топлива на коррекционную тягу.

С Силвестом в рубке сидели Саджаки и Хегази, освещенные красноватым светом дисплея. Красный цвет господствовал. Гадес был достаточно близок, чтобы выглядеть весьма заметным пурпурным пятнышком, а Дельта Павлина — хотя и далекая — тоже источала ржаво-красное сияние на все, что кружилось в ее системе. И поскольку дисплей был единственным источником света в рубке, часть красноты досталась и ей.

— Где же, во имя всех чертей, застряла эта корова Вольева? — шипел Хегази. — Я полагаю, что в такое время ей бы уже следовало быть здесь, чтобы демонстрировать свою камеру ужасов в действии.

«Неужели эта баба рискнула сделать то, что она еще ни разу не рискнула высказать вслух?» — подумал Силвест. Неужели она все же посмеет погубить атаку, хотя весь замысел операции принадлежит ей самой? Если так, значит, он не понял истинного характера этой женщины. Она решила свалить на него свои собственные грехи, руководствуясь бредовыми галлюцинациями другой идиотки — Хоури... но как она могла принять их всерьез? Да нет, она просто разыгрывала роль адвоката дьявола, проверяла прочность его собственных убеждений!

— Молись, чтобы дело обстояло именно так, сынок, — шепнул ему Кэлвин.

— Ты что же, теперь принялся читать мои мысли? — громко спросил Силвест, решив пока ничего не утаивать от неполного Триумвирата, собравшегося вокруг него. — Не дурен фокус, Кэлвин.

— Можешь назвать это прогрессирующей адаптацией, — продолжал внутренний голос. — Согласно ряду теорий, если ты разрешишь мне оставаться у тебя в мозгу достаточно долгий срок, то может произойти что-то именно в этом духе. А если по-настоящему, то дело вот в чем: я конструирую все более совершенную модель твоих нервных процессов. Сначала я мог лишь коррелировать то, что считывал с твоих реакций. А теперь мне не нужно даже ожидать твоей реакции, чтобы догадаться, какова она будет.

— Ну, так прочитай вот это: а пошел ты в...

— Если ты хочешь отделаться от меня, — сказал Кэлвин, — то мог сделать это еще несколько часов назад. Однако мне кажется, что ты начал привыкать видеть меня там, где я нахожусь, и тебе даже стало нравиться это.

— Только на время, — ответил Силвест. — И не вздумай привыкать к этому, Кэл. Я вовсе не планирую видеть тебя здесь на постоянной основе.

— Меня беспокоит твоя жена.

Силвест глянул на Триумвиров. Внезапно ему разонравилась идея давать им слушать свою половину разговора с Кэлвином, а поэтому он мгновенно переключился на «мозговую» беседу и сказал:

— Я тоже беспокоюсь о ней, но это совершенно не твое дело.

— Я видел, как она среагировала, когда Вольева и Хоури пытались перетащить ее на свою сторону.

Да, подумал Силвест. И кто, говоря по совести, способен упрекнуть ее за это? Ему самому было достаточно неприятно, когда Вольева внезапно ввернула в разговор имя Похитителя Солнц. Точно глубинную бомбу запустила. Конечно, Вольева не могла знать, какое огромное значение имеет это имя, и какое-то мгновение Силвест надеялся, что его жена не вспомнит, где она его слышала, или даже вообще не вспомнит, что слышала. Но Паскаль слишком умна для этого. И это одна из причин, по которым он ее любит.

— Это не значит, что им удалось добиться своего, Кэл.

— Я рад, что ты так уверен в себе.

— Она не станет пытаться остановить меня.

— Ну, это еще вопрос, — сказал Кэлвин. — Видишь ли, если она вообразит, что ты становишься на опасный путь, и если она любит тебя так, как это представляется мне, то тогда остановить тебя станет для нее поступком, вытекающим как из чувства любви, так и из чистой логики вещей. Впрочем, возможны и другие варианты. Это не значит, что она вдруг тебя возненавидит, или что будет извлекать удовольствие из того, что не даст тебе осуществить свои амбиции. Фактически все наоборот. Мне кажется, твое решение ранит ее.

Силвест опять взглянул на дисплей, на коническую скульптурную массу вольевского «Плацдарма».

— Что я думаю, — наконец заговорил Кэлвин, — так это вот что: в происходящем есть нечто, пока от нас ускользающее. И нам следует быть очень осторожными.

— Мне кажется, что до сих пор я был очень осторожным.

— Я знаю и даже сочувствую. Тот факт, что где-то поблизости таится опасность, сам по себе увлекателен. Он похож на приглашение двигаться дальше и вперед. Именно такое у тебя и возникает ощущение, не правда ли? Любой аргумент, который они против тебя выдвигают, только укрепляет твою решимость. Это потому, что Знание вызывает у тебя новый приступ голода, и этому голоду ты не способен противостоять, даже если знаешь, что то, чем ты объедаешься сегодня, может завтра тебя погубить.

— Я сам не мог бы выразить эту мысль лучше, — ответил Силвест и порадовался этому, хотя и не долго. Затем повернулся к Саджаки и громко спросил: — Где, черт бы ее побрал, эта проклятая баба? Неужели она не понимает, что нам надо работать?

— Я здесь, — откликнулся голос Вольевой, вошедшей в рубку в сопровождении Паскаль. Молча она вызвала пару кресел, и обе женщины поднялись к центральному ряду, где устроились неподалеку от остальных. Отсюда спектакль, разыгрывавшийся на дисплее, был виден лучше всего.

— Тогда пусть грянет бой, — приказал Саджаки.

Вольева вызвала Тайник. Это был ее первый контакт с тамошними ужасами после инцидента с мятежным орудием.

Где-то на задворках ее мозга копошилась мысль, что в любое время любое из этих орудий может начать действовать столь же своевольно и непредсказуемо, как и первый мятежник. Оно может силой отнять у нее контроль и взять на себя ответственность за свои действия. Она никак не могла изгнать эту мыслишку, хотя и готовилась взвалить риск на свои плечи. А если Хоури говорила правду, и Мадемуазель, перехватившая управление взбунтовавшимся орудием, сейчас мертва и беспощадно поглощена Похитителем Солнц, то, значит, не она, а кто-то другой может попытаться повернуть орудия Тайника против планируемой атаки.

Для атаки на Цербер Вольева отобрала несколько орудий. Это были те страшилища, которые, по ее мнению, стояли в самом конце списка, составленного по убыванию разрушительной силы. Их деструктивный потенциал можно было сравнить с потенциалом систем корабельной артиллерии. Она активизировала шесть из них, и они доло-

жили о готовности через браслет, надетый на запястье Вольевой. Их странные эмблемы, изображавшие черепа, грозно пульсировали. Пользуясь системой рельсов, машины медленно покинули свои места и оказались в маленьком переходном зале, откуда вышли за пределы корпуса «Бесконечности», превратившись как бы в перенасыщенный разрушительными орудиями космический корабль-робот. Все боевые машины были не похожи друг на друга, хотя надписи, украшавшие бока этих выходцев из ада, были одинаковы. Две машины — релятивистские ракетометы — обладали некоторым функциональным сходством, каким и должны были бы обладать модели, призванные обеспечить выполнение одной и той же задачи, поставленной заказчиком перед двумя разными конструкторскими бюро. Видом они немного смахивали на старинные гаубицы. На длинном стволе торчали десятки каких-то трубок и окуляров неизвестного назначения и похожих на раковые опухоли вспомогательных систем. Четыре других орудия тоже не блистали особой красотой и включали в себя гамма-лучевой лазер (на порядок больший по размерам, чем соответствующая корабельная установка), суперсимметричный лучемет, кварковый дезинтегратор и орудие, стреляющее снарядами с начинкой из антиматерии. Все это было куда слабее, нежели то мятежное орудие, которое могло с легкостью уничтожить целую планету. Но Вольевой совершенно не хотелось больше видеть такие чудовища активизированными рядом со своим кораблем. Кроме того, она напомнила себе, что ее план заключается вовсе не в том, чтобы разрушить Цербер, а лишь в том, чтобы расколоть скорлупу этой планетки, а такая работа требует исключительной тонкости в управления оружием.

О да... тонкости и искусства.

— А теперь дай-ка мне что-нибудь подходящее для новичка, — сказала Хоури, возбужденно роясь в каталогах и прейскурантах арсенала. — Заметь, игрушки мне ни к чему, оружие должно иметь приличную убойную силу.

— Лучевое или пулевое, мадам?

— Лучше лучевое, не высокого напряжения. Мы же не хотим, чтобы Паскаль наделала дырки в корпусе корабля.

— О, прекрасный выбор, мадам. А не пожелает ли мадам присесть, пока я поищу что-нибудь, соответствующее пожеланиям мадам?

— Если не возражаешь, то мадам лучше постоит.

В каталожной Хоури обслуживала личность, записанная на уровне гамма и состоявшая лишь из угрюмой и глуповатой голографической физиономии, спроецированной на высоте человеческого роста над прилавком с многочисленными прорезями в крышке. Сначала Хоури остановила свое внимание на оружии, висевшем в витринах с подсвеченными этикетками, где указывался принцип действия, дата выпуска, история применения и так далее. Это было удобно, и Хоури быстро отобрала для себя и Вольевой легкие электромагнитные пистолеты, стрелявшие иглами. По конструкции они примерно соответствовали тому оружию, которое использовалось в Игре Теней на Йеллоустоне.

Поскольку Вольева несколько зловеще упомянула и о более тяжелом вооружении, то Хоури решила позаботиться и о нем, но выставленных образцов ей показалось мало. Она нашла лишь отличную многозарядную плазменную винтовку, выпущенную столетия три назад, но ничуть не устаревшую, причем нейронная система наведения на цель делала ее исключительно удобной в ближнем бою. Когда Хоури взяла винтовку в руки, то ей показалось, что она встретилась со старым добрым другом. В чехле из черной кожи, пропитанном маслом и начищенном до блеска, в прорезях которого были видны счетчики и циферблаты, было что-то возбуждающее. Эта винтовка вполне годилась для нее, но что взять для Вольевой? Она шарила по стеллажам так долго, сколько позволяла ситуация, то есть минут пять, и, хотя тут не было недостатка в завлекательных и даже потрясающих ружьях, она не нашла того, что соответствовало бы ее замыслу.

Вот тогда-то Хоури и обратилась к банку памяти арсенала. Ее уведомили, что существует около четырех миллионов образцов ручного огнестрельного оружия, изготовленных за двенадцать столетий истории оружейной промышленности, от простейших кремневых аркебуз с раструбом на конце ствола до невообразимых компактных предметов, гарантирующих мгновенную аннигиляцию.

Однако даже это колоссальное собрание образцов оружия не исчерпывало всего потенциала арсенала. Последний ведь обладал еще и творческими способностями. Получив примерную спецификацию требуемого образца, арсенал разрабатывал его чертежи, комбинируя оптимальные характе-

ристики уже существующих видов, пока не возникало новое и готовое к производству оружие. Буквально через несколько минут после изготовления чертежа, оружие могло быть синтезировано.

Когда все эти операции были проделаны (равно как и с пистолетом для Паскаль, который вообразила себе Хоури), крышка на прилавке отскочила, и на обитой фетром подставке из глубин прилавка появились оба образца — сверкающие ультрастерильностью и еще хранящие тепло закалки.

Хоури взяла пистолет Паскаль, поглядела вдоль ствола, проверила балансировку, пробежала пальцами по кнопкам, регулирующим мощность луча, доступ к которым открывался нажатием клавиши на рукоятке.

— Он вам очень идет, мадам, — сказал каталог.

— Это не для меня, — ответила Хоури, пряча пистолет в карман.

Шесть боевых машин, отобранных Вольевой, включили ракетные двигатели и разлетелись в разных направлениях от корабля, следуя сложными курсами к боевым позициям, с которых предстояло нанести удары с различными углами наклона по точке будущего приземления «Плацдарма». «Плацдарм» же в это время все еще продолжал сокращать расстояние, отделяющее его от Цербера, одновременно непрерывно сбрасывая скорость. Вольева была почти уверена, что планета уже сообразила: к ней приближается объект искусственного происхождения и весьма внушительных размеров. Возможно, Цербер даже распознал в этом объекте нечто, бывшее в прошлом «Лорином». Безусловно, где-то в глубине коры, созданной механизмами, уже идут дебаты. Некоторые компоненты наверняка доказывают, что объект следует немедленно атаковать и что лучше ударить по приближающейся махине до того, как она станет реальной проблемой. Другие же компоненты оборонительной системы призывают к осторожности, указывая, что объект еще весьма далек от Цербера и что атака против него по необходимости должна быть мощной, дабы обеспечить полную аннигиляцию до того, как объект сможет сам нанести ответный удар, и что такая преждевременная демонстрация силы может привлечь нежелательное внимание со стороны. Более того, могут утверждать пацифистски настроенные системы, приближающийся объект

пока не проявил никакой враждебности. А может, он и не подозревает, что Цербер — искусственная планета. Вполне возможно, он только обнюхает ее и улетит прочь.

Вольевой не хотелось победы пацифистов. Она желала победы стратегам массированного превентивного удара и хотела, чтобы это случилось немедленно. Она всем сердцем жаждала увидеть, как Цербер наносит удар и этот удар означает конец «Плацдарма». Тогда со всеми про́блемами будет покончено и — примерно так, как уже произошло с беспилотными устройствами, — все вернется на круги своя. Вполне возможно, что склонность Цербера наносить контрудары не есть та угрожающая миру опасность, которую так хотела предотвратить Мадемуазель. Ведь пока никто еще не проникал внутрь планеты. Так что у них — у Силвеста — есть возможность признать свое поражение и отправиться по домам.

Впрочем, вероятно, ничего подобного не произойдет.

— Эти машины из Тайника, — прервал молчание Саджаки. — Ты собираешься командовать их стрельбой отсюда, Илиа?

— А почему бы и нет?

— Я предпочел бы, чтобы ими занималась Хоури из Оружейной. В конце концов это ее прямая обязанность. — Он повернулся к Хегази и шепнул достаточно громко, чтобы услышали все: — Я начинаю подумывать, зачем мы вообще рекрутировали эту женщину... и почему я разрешил Вольевой остановить процесс промывки ее мозгов?

— Я всегда считал, что у нее есть свой узкий участок работы, — ответил химериец.

— Хоури находится в Оружейной, — солгала Вольева. — На всякий случай, разумеется. Но я не стану вызывать ее, если в том не будет необходимости. Так будет надежнее, не так ли? Ведь это мои орудия, и ты не имеешь права отстранять меня от командования ими, раз вся операция находится под моим руководством.

Информация на ее браслете — частично поступавшая и на дисплей рубки — сообщила ей, что через тридцать минут машины из Тайника появятся в своих расчетных точках на расстоянии примерно четверти миллиона километров от корабля. Когда они прибудут туда, у нее уже не останется оправданий для дальнейшего оттягивания начала атаки.

— Ладно, — ответил Саджаки. — Мне просто померещилось, что ты как-то потеряла интерес к нашей операции. Но сейчас я снова слышу старую нашу верную Вольеву.

— Что внушает надежды, — буркнул Силвест.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Черные «иконки» орудий из Тайника стремительно шли к своим позициям, их жуткий потенциал притаился, ожидая, когда же его спустят с цепи. От планеты пока не поступило даже намека на ответ. Никакого намека, что она нечто совсем иное, а не то, чем кажется. Она просто висела в космосе — серая и изгрызенная метеоритами, будто затылок молитвенно склоненного черепа.

Когда наконец наступил момент удара, со стороны сферического дисплея прозвучало лишь тихое чириканье, а по экрану браслета быстро-быстро пробежала цепочка цифр, стремящихся к нулю, по достижении которого цифры снова стали расти.

Первым обрел голос Силвест. Он повернулся к Вольевой, которая уже несколько минут соблюдала каменную неподвижность:

— Разве ничего не должно было произойти? Разве не предполагалось, что сейчас ваши проклятущие орудия откроют огонь?

Вольева подняла глаза от браслета, который, казалось, приковывал все ее внимание. Теперь она вела себя так, будто вышла из транса.

— Я не отдала им такого приказа, — ответила она так тихо, что расслышать ее можно было, только напрягая слух. — Я не отдала им приказа открыть огонь.

— Прости, что ты сказала? — переспросил Саджаки.

— Ты прекрасно слышал, что я сказала, — ответила она, повышая голос. — И не отдам.

И снова наигранное спокойствие Саджаки показалось страшнее любой вспышки ярости.

— Есть еще несколько минут, в течение которых атака еще может быть произведена, — сказал он. — Быть может,

тебе лучше хорошенько подумать, как их использовать, прежде чем ситуация станет необратимой?

— Я думаю, — прервал его Силвест, — что ситуация стала таковой уже некоторое время назад.

— Этим делом должен немедленно заняться Триумвират! — воскликнул Хегази, и костяшки его стальных пальцев звякнули от удара по подлокотнику. — Илиа, если ты отдашь этот приказ немедленно, то мы, быть может...

— А я не собираюсь этого делать, — ответила Вольева. — Называйте это мятежом или предательством, если вам угодно. Мне наплевать. Мое участие в этом безумном предприятии закончилось. — Она поглядела на Силвеста с неожиданной злостью. — Вы знаете мои мотивы, так что нечего тут корчить рожи.

— Она права, Дэн. — Это присоединилась к разговору Паскаль, так что все глаза обернулись к ней. — Ты ведь знаешь, что она говорит правду. Мы не должны идти на такой риск, несмотря на твое желание.

— Значит, ты тоже прислушалась к болтовне этой Хоури, — сказал Силвест. Хотя новость о переходе его жены на сторону Вольевой для него вряд ли была неожиданностью, и потому ему было не так горько, как можно было ожидать. Его чувство был странно и противоречиво, но тем не менее в нем преобладало восхищение женой.

— Она знает то, чего мы не знаем, — ответила Паскаль.

— Да какого дьявола эта Хоури сует нос в наши дела? — спросил Хегази, метнув возмущенный взгляд в сторону Саджаки. — Она же просто пустое место. Не можем ли мы вообще сбросить ее со счетов?

— К сожалению, нет, — ответила Вольева. — Все, что вы слышали, — правда. Продолжение эксперимента было бы самой худшей ошибкой за всю историю человечества.

Саджаки развернул свое кресло в сторону Вольевой.

— Если ты не собираешься отдать приказ об атаке, то по крайней мере передай контроль над Тайником мне. — И он протянул руку, как бы предлагая ей снять с руки браслет и передать ему.

— Мне кажется, ты должна выполнить то, чего требует Саджаки, — сказал Хегази. — В противном случае у тебя будут большие неприятности.

— В этом я ни минуты не сомневаюсь, — ответила Вольева и одним движением сорвала с запястья браслет. —

Для тебя он совершенно бесполезен, Саджаки. Тайник повинуется только мне и Хоури.

— Давай сюда браслет!

— Ты еще пожалеешь об этом. Считай, я тебя предупредила.

Вольева протянула браслет Саджаки. Тот жадно схватил его, будто драгоценный золотой амулет, и долго вертел в пальцах, как бы играя, прежде чем застегнуть на своем запястье. Он смотрел, как загорается крошечный дисплей, как бегут по нему цифры и графики — точно так, как только что бежали они на руке у Вольевой.

— Говорит Триумвир Саджаки, — сказал он, облизывая губы, перед тем как произнести каждое новое слово. — Мне неизвестно, каков протокол передачи власти, а потому я прошу вашей помощи и содействия. Я хочу, чтобы шесть отправленных орудий Тайника выполнили...

Саджаки смолк на середине фразы. Он поглядел на собственное запястье сначала с удивлением, а мгновение спустя — с выражением, близким к ужасу.

— Подлая старая сука! — заорал изумленный Хегази. — Я так и знал, что у тебя найдется туз в рукаве, но уж никак не думал, что буду прав в буквальном смысле этого слова!

— А я вообще все понимаю буквально, — отозвалась Вольева.

Лицо Саджаки выражало нестерпимую муку, а сжимающийся браслет уже заметно врезался в его плоть. Кулак разжался, кисть мгновенно стала бледной и приобрела восковой оттенок. Свободной рукой он пытался сорвать браслет, но все было напрасно, и Вольева это знала наперед. Застежка браслета, видимо, сомкнулась навеки, и теперь Саджаки предстоял долгий и болезненный процесс ампутации кисти методом сжатия, по мере того, как полимерные цепи в пластмассе браслета, на которых записывалась информация, стягивались все туже и туже. Браслет ведь с самого начала знал, что его поместили на запястье человека с неправильной ДНК, которая не совпадает с той, что записана в его памяти. Однако сжиматься он начал только, когда Саджаки отдал приказ. Эту отсрочку Вольева была склонна рассматривать как проявление широты ее души.

— Скажи ему, пусть перестанет, — выдавил Саджаки. — Пусть отпустит... ты гребаная сука... ради Бога...

Вольева уже подсчитала, что через две-три минуты браслет перережет кисть. Две-три минуты — и в безмолвной каюте раздастся скрежещущий звук разгрызаемой кости... если предположить, что его не перекроют звуки всхлипываний и стонов Саджаки.

— Ты пострадал из-за своих дурных манер, — сказала она. — Разве так просят? Надо было хорошенько подумать и не жалеть вежливости ради доброго дела.

— Прекрати это, — воскликнула Паскаль. — Прошу тебя... Пожалуйста... Что бы ни произошло дальше... это не так важно, как то, что происходит сейчас...

Вольева пожала плечами и обратилась к Хегази:

— Ты можешь не хуже меня удалить браслет, Триумвир, а то тут скоро станет очень грязно. Уверена, что у тебя для этого найдутся средства.

Хегази поднял одну из своих стальных рук для осмотра, как бы желая удостовериться, что она не сделана из плоти и крови.

— Скорее! — визжал Саджаки. — Сними это с меня!

Хегази поставил свое кресло впритык к креслу другого Триумвира и принялся за работу. Этот процесс, по-видимому, доставил Саджаки даже больше страданий, нежели сокращение браслета.

Силвест молчал.

Наконец Хегази удалось сорвать браслет. К этому времени его металлические руки были по локоть измазаны человеческой кровью. То, что осталось от браслета, вырвалось из его пальцев и упало на пол метрах в двадцати.

Саджаки, который все еще жалобно стонал, с отвращением смотрел на повреждения, нанесенные браслетом его руке. Кисть еще держалась, но кость и мышцы вылезли наружу, а кровь толчками лилась из широкой раны и каскадом падала на пол. Пытаясь остановить кровь, Саджаки прижал поврежденную руку к животу. Наконец он перестал стонать и после долгого молчания повернул пустое лицо к Вольевой.

— Ты мне еще заплатишь за это, — сказал он. — Клянусь, заплатишь.

И как раз в это мгновение в рубку вошла Хоури и открыла огонь из винтовки.

Конечно, у нее уже давно был разработан план действий на такой случай, хотя и не до мельчайших деталей. И когда

Хоури вступила в рубку и увидела целый водопад того, что явно было кровью, она не стала терять время на тщательную проверку этого плана. Вместо этого она решила палить в потолок до тех пор, пока не привлечет к своей персоне всеобщее внимание.

Времени на это много не потребовалось.

Для стрельбы Хоури выбрала плазменную винтовку, поставила ее на минимальную мощность и отключила автоматический режим, с тем, чтобы нажимать на собачку перед каждым выстрелом. Уже первый выстрел оставил после себя на потолке кратер диаметром около метра. Кратер ответил извержением ливня зазубренных обожженных осколков потолочного перекрытия. Опасаясь, что дыра может стать слишком глубокой, Хоури послала следующий заряд чуть левее, а тот, что последовал за ним, — чуть правее кратера. Здоровенный осколок рухнул на голографический дисплей, какое-то время огромная сфера мигала и дергалась, пока ей не удалось восстановить свою стабильность. Затем Хоури, которая столь театрально анонсировала свое появление, «выключила» винтовку и повесила ее на плечо. Вольева, которая, надо думать, представляла себе дальнейшие действия подруги, вылетела из своего кресла и прыгнула к ней, преодолев разом расстояние метров в пять. Хоури швырнула ей один из легких игольных пистолетов, которые она нашла в витрине арсенала.

— А вот этот — для Паскаль, — сказала она, бросая следом низкоэнергетический лучевой пистолет. Вольева поймала оба и быстро перебросила Паскаль ее игрушку.

Хоури, которая к этому времени уже успела оценить обстановку, еще раз взглянула на кровавый дождь — он уже почти прекратился, — источником которого был Саджаки. Последний выглядел очень плохо и нянчил свою руку так, будто она была сломана или в нее влепили пулю.

— Илиа, — сказала Хоури, — ты начала бал, не дождавшись меня. Я разочарована.

— Так уж сложились обстоятельства, — ответила Вольева.

Хоури поглядела на дисплей, пытаясь понять, что произошло за стенами корабля.

— Тайниковые открыли огонь?

— Нет, я не отдала им приказа.

— А теперь уже и не может, — вмешался Силвест. — Хегази только что сломал ее браслет.

— Означает ли это, что он перешел на нашу сторону?

— Нет, — ответила Вольева. — Это значит, что он плохо переносит вид крови. Особенно если это кровь Саджаки.

— Ему нужна помощь, — вмешалась Паскаль. — Ради Бога, не можем же мы позволить ему истечь кровью и умереть!

— Не умрет, — ответила ей Вольева. — Он же химериец, как и Хегази, только не такой явный. Лекарственные вещества, которые растворены у него в крови, уже начали свою деятельность по быстрому восстановлению запасов крови. Даже если бы браслет совсем оторвал ему руку, он отрастил бы себе новую. Разве я не права, Саджаки?

Тот поглядел на нее. Его лицо, казалось, лишилось прежней силы настолько, что ее не хватило бы отрастить новый ноготь, а не то что руку. Потом он кивнул.

— Кто-нибудь должен помочь мне добраться до амбулатории — в моей фармакопее нет ничего магического, и она имеет свои ограничения. Что же касается моих болевых рецепторов, то они работают на полный ход. Можете мне поверить.

— Он прав, — поддержал Хегази. — Вам не следует переоценивать порог его выносливости. Чего вы хотите — чтобы он жил или чтобы умер? Лучше решайте побыстрее. Что касается амбулатории, то я могу проводить его туда.

— С остановкой для подпитки в арсенале? — Вольева покачала головой. — Спасибо, но лучше не надо.

— Тогда я, — сказал Силвест. — Я отведу его. Настолько-то вы мне доверяете?

— Я доверяю вам не больше, чем взбесившемуся роботу, — сказала Вольева. — Но вы не знаете, как обращаться с арсеналом, даже если попадете туда. А Саджаки не в том состоянии, чтобы давать вам здравые указания.

— Это означает согласие?

— Только побыстрее, Дэн. — Вольева подкрепила свой приказ, ткнув в него пистолетом, причем ее палец прочно лежал на спусковом крючке. — Если не вернетесь через десять минут, пошлю за вами Хоури.

Через минуту-другую мужчины покинули рубку. Саджаки опирался на Силвеста всем своим весом, он явно не мог передвигаться без поддержки. Хоури подумала, что Саджаки может лишиться сознания еще до того, как они доберутся до медицинского отсека, и обнаружила, что ей на это глубоко наплевать.

— Кстати, об арсенале, — сказала она. — Вряд ли стоит беспокоиться о том, что кто-то может им воспользоваться. Я расстреляла его на фиг сразу же после того, как получила то, что мне было нужно.

Вольева обдумала это сообщение, а потом одобрила его кивком.

— Это было здравое тактическое решение, Хоури.

— Тактика тут ни при чем. Это из-за той рожи, что управляла арсеналом. Мне захотелось покончить с ней, ну я сожгла ее к чертям.

— Значит ли это, что мы победили? Я хочу знать, достигли ли мы поставленных целей? — спросила Паскаль.

— Думаю, да, — ответила Хоури. — Саджаки сошел со сцены, и я не верю, что наш друг Хегази способен доставить нам много неприятностей. Но похоже, что твой муж собирается сдержать свое слово и укокошит нас всех, если не получит того, чего хочет.

— Ах, как жаль, — буркнул Хегази.

— Я же вам говорила уже, — ответила Паскаль. — Он блефовал. Стало быть, все кончилось? И мы можем отозвать эти машины? — Теперь она с жадностью смотрела на Вольеву, которая тут же ответила ей кивком головы.

— Конечно. — Она порылась в кармане куртки и защелкнула на запястье новый браслет так, будто это была самая обычная вещь в мире. — Полагаю, было бы очень глупо не носить с собой запасного.

— Я всегда верила в тебя, Илиа, — хмыкнула Хоури.

Вольева поднесла браслет к губам и тихо сказала что-то, прозвучавшее словно мантра. Это была целая связка команд, посланная в обход многих уровней безопасности. Когда внимание всех присутствующих сконцентрировалось на браслете, Вольева приказала:

— Всем боевым машинам из Тайника вернуться на корабль. Повторяю, всем боевым машинам из Тайника вернуться на корабль.

И не произошло ровным счетом ничего. Не произошло, даже когда истекло несколько секунд, необходимых для преодоления временного лага. Только «иконки», изображавшие на дисплее эти механизмы, вдруг из черных стали красными и начали мигать с какой-то неприятной регулярностью.

— Илиа, — спросила Хоури, — что это значит?

— Это значит, что они приготовились и сейчас откроют огонь, — сказала она очень спокойно, как будто все время ожидала именно этого. — Это значит, что сейчас произойдет нечто очень скверное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Итак, она снова утратила контроль.

Вольева беспомощно наблюдала, как орудия из Тайника открывали огонь по Церберу. Лучевые орудия, разумеется, первыми установили свои цели, и указанием на это явились бело-голубые вспышки на аридном сером заднике планеты в той самой точке, где в недалеком будущем «Плацдарм» должен был коснуться ее поверхности. Орудия, стреляющие релятивистскими снарядами, лишь немного отстали от лучевых, и сведения об их успехах дошли до зрителей несколькими секундами позже. Возникли эффектные, быстро следующие друг за другом пульсации — это дождем сыпались на цель и вонзались в кору Цербера снаряды, начиненные нейтронием и антиматерией. Все это время Вольева продолжала отрывисто отдавать команды в браслет, но с каждой командой у нее угасала надежда на то, что она снова обретет власть над своим оружием. На какую-то жалкую секунду ей в голову закралась мысль, что новый браслет — всего лишь подделка. Впрочем, даже это не могло объяснить, почему боевые машины вдруг стали работать в автономном режиме. Они действовали целенаправленно, точно так же, как тогда, когда отказались вернуться во чрево корабля.

Потому, что кто-то или что-то захватил контроль над ними.

— Что происходит? — воскликнула Паскаль тоном человека, который, если говорить по правде, и не ожидает получить разумный ответ на свой вопрос.

— Должно быть, это Похититель Солнц, — ответила Вольева, оставив, наконец, попытки воспользоваться браслетом и отказываясь от надежды вернуть орудия из Тайника под свое управление. — Дело в том, что это вряд ли

может быть Мадемуазель в голове Хоури. Если бы даже она обрела силы и смогла воздействовать на эти машины, она использовала бы их на то, чтобы избежать происходящего сейчас.

— Должно быть, часть Похитителя Солнц осталась в Оружейной, — сказала Хоури. И тут же, видимо, пожалела об этом, так как резко оборвала фразу и после некоторой заминки продолжила: — Я хочу сказать, нам уже давно известно, что он может контролировать Оружейную. Вот почему он мог воспрепятствовать Мадемуазель в ее попытке уничтожить Силвеста с помощью того — мятежного — орудия из Тайника.

— Но как он добился столь полного контроля? — Вольева с сомнением покачала головой. — Не все мои команды, отдаваемые машинам из Тайника через посредство браслета, должны проходить через Оружейную. Я же понимала весь риск такого положения.

— Ты хочешь сказать, что он заблокировал и эти каналы?

— Так мне, во всяком случае, представляется.

Теперь дисплей показывал, что боевые машины прекратили атаку, и, лишившись запасов снарядов и энергии, дрейфуют в направлении Гадеса, где им суждено оставаться на своих орбитах миллионы лет, пока какая-нибудь мощная гравитационная пертурбация не швырнет их на Цербер или не унесет к Троянским точкам, где они переживут даже смерть Дельты Павлина, которой не избежать судьбы всех красных гигантов. Вольева испытывала какое-то странное удовлетворение от мысли, что этим орудиям уже никогда не быть востребованными. И против нее самой они уже не обратятся. Но это было слабым утешением. Ущерб Церберу нанесен, остановить движение «Плацдарма» невозможно, он уже на подходе. На дисплее она уже видела результаты атаки — уносимые в космос плюмажи распыленного реголита.

Силвест добрался до медицинского отсека, таща на себе тяжело обвисшего Саджаки. Тот оказался куда тяжелее, чем можно было предположить по его сравнительно худощавому телу. Силвест подумал, а не происходит ли это из-за той массы механизмов, которые сейчас бегут по кровеносным сосудам Саджаки, дремлют в каждой клетке его тела в ожидании кризиса — такого, как нынешний, — чтобы проснуть-

ся к новой жизни. Возможно, что тяжесть тела связана и с тем, что лекарственные вещества в организме Саджаки начали бешено размножаться, собирая в кулак свои разрозненные силы, чтобы справиться с трагической ситуацией, призывая молекулы из «нормальных» тканей, чтобы восполнить нанесенный организму урон. Когда Силвест глянул на кисть Триумвира, он увидел, что кровь уже не течет, а жуткая рана, опоясывавшая запястье, прикрыта похожей на мембрану оболочкой. Сквозь ткань просвечивает нечто янтарного цвета.

Из медцентра появились роботы-служители, подбежали к ним, сняли с плеча Силвеста обвисшего Саджаки и положили его на каталку. Машины копошились вокруг него еще несколько минут, над кроватью нависли мониторы, похожие на лебединые шеи. Разнообразные нейронные датчики нежно ощупали череп. По-видимому, ни один из них не интересовался раной Саджаки. Вполне возможно, другие системы уже проконтролировали ход ее самозалечивания и причин для вмешательства не обнаружили. Саджаки, как заметил Силвест, несмотря на свою слабость, был в сознании.

— Вам не следовало так доверять Вольевой, — сказал Силвест со злостью. — Теперь все пропало, и это из-за того, что у нее было слишком много власти. Это фатальная ошибка, Саджаки.

Голос Саджаки был еле слышен.

— Разумеется, мы ей верили. Дурак вы, она же была одной из нас! Член Триумвирата! — Потом с хрипом выдавил: — А что вам известно о Хоури?

— Она — «подсадная утка», — ответил Силвест. — Ее подсунули на корабль с заданием найти меня и убить.

Саджаки отреагировал на это так, будто такая мелочь не имеет ни малейшего значения.

— И это все?

— Это все, чему я поверил. Не знаю, кто ее послал и почему, но она имела какие-то сумбурные объяснения, которые Вольева и моя жена приняли за истинную правду.

— Это еще не конец, — прошипел Саджаки. Его широко открытые глаза были обведены желтыми кругами.

— Что вы хотите сказать своим «это еще не конец»?

— Я знаю, что говорю, — ответил Триумвир, закрывая глаза и откидываясь на подушку. — Еще ничего не окончилось.

* * *

— Он выживет, — произнес Силвест, входя в рубку. Он явно не представлял себе того, что тут только что произошло.

Силвест огляделся, и Вольева отчетливо ощутила его смятение. На первый взгляд тут ничего не изменилось за то время, которое прошло с той минуты, когда он увел отсюда Саджаки в медицинский центр. Те же самые люди, держащие в руках то же самое оружие, а вот настроение полностью изменилось. Хегази, например, даром что находился под прицелом игольного пистолета Хоури, явно не выглядел как побежденный. Впрочем, и особо радостным его было трудно назвать.

Что-то мы упустили, подумала Вольева, и Хегази это понимает.

— Что-то у вас вышло не так, как хотелось? — спросил Силвест, увлеченный видом Цербера на дисплее, его развороченной «корой» и «кровью», вытекающей в космос. — Ваши орудия все же открыли огонь, как мы и предполагали.

— Очень жаль, — Вольева покачала головой, — но от меня это не зависело.

— Тебе следовало бы прислушаться к тому, что она говорит, — сказала Паскаль. — То, что тут происходит, происходит не по нашей воле. Оно сильнее нас, Дэн. И сильнее тебя, как ни трудно в это поверить.

Силвест злобно оскалился.

— Ты что, еще не поняла? Именно так все и было задумано Вольевой!

— Вы с ума сошли! — воскликнула Вольева.

— Теперь она получила свой шанс, — продолжал Силвест. — Вы еще увидите в действии ее Убийцу Планет, причем ваша нежная совесть будет спасена благодаря этому спектаклю — «неудача предотвращения грозного несчастья». — Он дважды хлопнул в ладоши. — Нет, клянусь, я действительно сражен талантом постановщика.

— А вот сейчас ты сдохнешь по-настоящему, — выкрикнула Вольева.

И хотя она ненавидела Силвеста за то, что он посмел высказать, какая-то часть ее сознания, твердила, что простым отрицанием тут не обойтись. Она и в самом деле готова была отдать все за то, чтобы остановить орудия и не дать им выполнить свою миссию. Черт побери, она *сделала*

все зависящее от нее, но ничто не сработало. И даже если бы она не отдала приказ орудиям покинуть корабль, то Похититель Солнц сделал бы это за нее — в этом она абсолютно уверена. Но теперь, когда атака все же состоялась, на нее вдруг снизошел дух неуемного любопытства. Прибытие «Плацдарма» все равно состоится, как и было запланировано, если ей не удастся его остановить, а до сих пор все ее умение растрачивалось впустую. И раз способа предотвратить то, что произойдет, нет, какая-то часть ее существа начала с интересом следить за событиями, с нетерпением ожидая не только прихода новых знаний, но и подтверждения того, насколько успешно справится со своей задачей и ждущими его трудностями ее детище. Что бы ни случилось, каковы бы ни были жуткие последствия, для Вольевой они теперь были всего лишь увлекательным зрелищем — самым увлекательным из всего, что она видела до сих пор. Хотя, может быть, и самым страшным.

Да и делать нечего. Только и остается, что ждать.

А часы шли не быстро и не медленно, ибо события, которые должны были произойти, одновременно и страшили Вольеву, и завораживали. В тысяче километров над Цербером «Плацдарм» готовился к последней фазе торможения. Сияние двух конджойнерских двигателей было похоже на ослепительный свет двух солнц, внезапно включившихся и с беспощадной четкостью осветивших ландшафт планеты. Ее кратеры и пропасти вдруг обрели преувеличенные глубины, и на какое-то мгновение под этим жестоким сиянием весь мир планеты и в самом деле показался искусственным, будто его творец переборщил по части старания представить Цербер изможденным метеоритными бомбардировками, длившимися бесчисленные тысячелетия.

На дисплее своего браслета Вольева видела изображение, поступавшее с обращенных вниз камер на корпусе «Плацдарма». Они образовывали кольца, отстоявшие друг от друга на несколько сот метров и разбросанные по всей его четырехкилометровой длине. Таким образом, как бы глубоко конус ни проник под поверхность планеты, некоторые камеры остались бы над ней. Сейчас Вольева пыталась заглянуть под кору Цербера — сквозь ту, еще не залеченную рану, которая была нанесена орудиями из Тайника.

Силвест не лгал.

Там внизу находилось Нечто. Огромное, органическое, похожее на гигантские трубы или гнездо колоссальных змей. Жар атаки уже рассосался, и, хотя серые облака все еще клубами выходили из дыры, Вольева решила, что эти облака связаны скорее с горящим металлом, нежели с кипящей лавой. Ни одна из змееподобных труб не шевелилась, их серебристые сегментированные бока были покрыты черными пятнами и разрывами шириной в сотни метров, откуда вырывались наружу пучки более тонких «змеек».

Да, Вольева тяжело ранила Цербера.

Она не знала, смертельна ли эта рана или это всего лишь ссадина, которая заживет через несколько дней. Понимание этой проблемы заставило ее вздрогнуть. *Она* ранила нечто чуждое, нечто непознаваемое.

И тут инопланетное Существо ответило ударом на удар.

Когда это произошло, Вольева вскочила с места, хотя и умом, и эмоциями ждала этого момента. Случилось это, когда «Плацдарм» находился всего в двух километрах от поверхности Цербера, то есть на расстоянии примерно в половину длины конуса.

Действие развернулось столь стремительно, что с трудом воспринималось зрением. Между двумя ничтожно малыми мгновениями «кора» изменилась с невероятной быстротой. Вокруг дыры почти километрового диаметра образовались концентрические круги серых бугров, выпирающих подобно волдырям. Вольева только успела их заметить, как они лопнули, испустив облака сверкающих спор и серебристых осколков, которые рванулись к «Плацдарму» искрящимися роями светляков. Вольева не знала, что это такое — комочки антиматерии, или крошечные боеголовки, или капсулы с вирусами, или миниатюрные пушечные батареи, — она понимала одно: эти тучи несут гибель ее детищу.

— Ну, — шептала она, — ну же...

Ей не пришлось разочароваться. Возможно, что по другому счету было бы лучше, если б созданное ею оружие было немедленно уничтожено, но в этом случае Вольева лишилась бы огромного удовольствия наблюдать, как оно реагирует на нападение, реагирует с той эффективностью, которую она сама в него вложила. Системы вооружения, расположенные вокруг днища конуса, пришли в действие, прощупывая лазерными и бозерными

лучами каждый сверкающий уголек задолго до того, как тому удавалось коснуться конического защитного щита из гипералмаза.

«Плацдарм» увеличил скорость, преодолев оставшиеся два километра за треть минуты. Кора вокруг дыры сверкала и светилась от парирующих ударов «Плацдарма». На его конусе тоже возникли небольшие кратеры в местах попаданий, в каждом из них сверкали споры, полыхающие короткими розовыми вспышками, но это не наносило ущерба боевым качествам «Плацдарма». Острая как игла вершина конуса уже прошла сквозь кору, точно угодив в центр дыры.

Бежали секунды, расширяющаяся часть корпуса уже задевала рваные края дыры. Кора начала рваться, разламываться, линии новых разломов побежали по радиусам в разные стороны. Каменные «волдыри» все еще выплевывали свои споры, но теперь уже на больших расстояниях от «раны», как будто механизмы, питавшие их, или повреждены, или истощили свои запасы. Теперь «Плацдарм» вошел в недра Цербера уже на сотни метров, ударные волны расходились от центра по радиусам, стенки корпуса содрогались по всей длине. Пьезоэлектрические буферные устройства, которые Вольева вживила в «шкуру» конуса, смягчали эти удары, превращая их энергию в тепловую, которая направлялась к оборонительным вооружениям «Плацдарма».

— Скажите мне, что мы побеждаем, — молил Силвест. — Ради Бога, подтвердите, что мы побеждаем.

Вольева считывала сводки, поступавшие на ее браслет. На какое-то время антагонизм, существовавший между ней и Силвестом, бесследно исчез. Осталось лишь присущее обоим любопытство.

— Мы справляемся, — отвечала она. — «Плацдарм» уже проник на глубину одного километра. Он двигается с постоянной скоростью километр за девяносто секунд. Ракетная тяга доведена до максимума, что говорит о силе механического сопротивления, которое нам оказывается.

— Через какие препятствия он проходит?

— Не знаю. Данные Алисии говорят, что искусственная кора имеет толщину около полукилометра, но в оболочке нашего оружия слишком мало датчиков — они бы ослабили его сопротивляемость кибернетическим видам вооружения.

То, что было видно на дисплее — результат работы камер корабля, — было похоже на абстрактную композицию: конус, как бы разрезанный посередине и поставленный вверх ногами на мертвую серую поверхность. Эту поверхность корчат судороги боли, «волдыри» мечут свои споры во всех направлениях, будто их прицельные механизмы сошли с ума. «Плацдарм» замедляет продвижение вниз, и, хотя вся сцена разыгрывается в полной тишине, Вольева вполне в состоянии вообразить оглушительный треск ломаемого трением камня и металла. Именно это услышала бы она, будь здесь атмосфера, способная передавать звуки, а также уши, которые не оглохли бы от чудовищного грохота и лязга. Сейчас, подсказал ей браслет, давление на острие конуса сильно понизилось, как будто оружие пробилось сквозь кору и теперь движется в пустоте под ней. Прямо в царстве исполинских змей.

Спуск снова замедлился.

Символы черепа и скрещенных костей танцуют на браслете, означая начало новой мощной атаки молекулярного оружия против «Плацдарма». Вольева ожидала именно этого. Вот уже антитела просачиваются сквозь щит, встречая и отражая инопланетных врагов.

Медленнее... еще медленнее... и вот уже полная остановка.

Глубина проникновения примерно равна расчетной. Километр с третью конуса еще торчат над изрытой трещинами поверхностью Цербера, что выглядит так, будто это верхняя часть какого-то гигантского фортификационного сооружения. Опоясывающие его орудия все еще палят по вооружениям вокруг невидимого сейчас кратера, но залпы «спор» теперь приходят с расстояния в несколько десятков километров. Ясно, что явной угрозы они не представляют, разве что сама кора окажется способной на быструю регенерацию.

Теперь «Плацдарм» — якорная стоянка, закрепляющая достигнутый успех, она будет анализировать формы молекулярного оружия, используемые врагом и разрабатывать стратегии противодействия ему.

«Плацдарм» не посрамил своего творца.

Вольева развернула свое кресло так, чтобы сидеть лицом к остальным, и вдруг заметила — впервые за много тысячелетий, — что в руке у нее все еще зажат пистолет.

— Мы вошли в него! — сказала она.

* * *

Все это выглядело как урок биологии для богов или как моментальный снимок чего-то порнографического, способный позабавить более чувственные планеты.

Те часы, что прошли после того, как «Плацдарм» встал на якорь, Хоури провела рядом с Вольевой, вместе с ней анализируя постоянно меняющийся ход вялотекущей битвы. Геометрические формы противников напоминали ей гигантскую сферическую клетку и — карлика в сравнении с ней — конический вирус, которые изо всех сил пытались уничтожить друг друга. И ей приходилось все время напоминать себе, что этот конус имеет размеры приличной горы, а клетка занимает целую планету.

Казалось, там вообще ничего не происходит, но это только потому, что конфликт шел на молекулярном уровне, на невидимом и почти не представимом фронте, охватывающем какие-то жалкие десятки квадратных километров. Сначала, без особого успеха, Цербер пытался избавиться от насильника с помощью высокоэнтропийного оружия. Он стремился превратить врага в мегатонны атомного пепла. Теперь же стратегия Цербера пошла по линии пищеварительного процесса. Он все еще жаждал раздробить «Плацдарм» на атомы, но хотел сделать это системно, как ребенок, который разбирает игрушку на мелкие части, вместо того, чтобы грубо разбить ее в куски. При этом он аккуратно складывает детальки в разные коробочки, чтобы в будущем использовать в каком-нибудь головокружительном проекте. В этом подходе была своего рода логика — несколько кубических километров планеты были аннигилированы орудиями из Тайника, а оружие Вольевой состояло предположительно из материи с тем же содержанием изотопов и элементарных частиц, как и у той части Цербера, что была уничтожена в бою. Враг имел огромный потенциальный резервуар материала для ремонта, который вполне мог покрыть нужду планеты и избавить ее от необходимости использовать собственные весьма ограниченные запасы. Вполне возможно, что Цербер всегда стремился пользоваться случайно заброшенными сюда материалами, чтобы чинить повреждения, нанесенные неизбежными ударами миллиардов метеоритов и разрушительным действием космических лучей. Не исключено, что первый беспилотный разведчик Силвеста был захвачен именно потому, что планетарный механизм был голоден, а не из-за глупого желания со-

блюсти секретность. Цербер действовал, исходя из слепых инстинктов, как действует венерианская летающая ловушка, вовсе не заботясь о будущем.

Однако «Плацдарм» Вольевой создавался вовсе не для того, чтобы его переваривали без всякого сопротивления.

— Смотрите, Цербер учится у нас, — произнесла она, сидя на своем кресле в рубке. Она вычерчивала графики содержания нескольких десятков различных компонентов в молекулярном арсенале, который планета использовала против ее любимого «Плацдарма». То, что Вольева им показала, было больше всего похоже на страничку из учебника этиологии — науки о происхождении болезней: коллекция металлических узкоспециализированных жучков. Некоторые из них были как бы демонтированы — передовая линия амарантянской оборонительной системы. Их обязанность заключалась в физической атаке на поверхность корпуса «Плацдарма». Они отрывали атомы и молекулы с помощью своих манипуляторов, разрывали и растаскивали химические связи. Они должны были также участвовать в рукопашной схватке с передовыми линиями войск Вольевой. Те вещества, которые им удавалось урвать, они передавали более откормленным «букашкам», стоявшим позади боевого фронта. Как неутомимые писари, эти существа трудились, определяя и сортируя куски вещества, полученные ими с фронта. Если это было легко сделать — например, имея дело с цельным, недифференцированным куском железа или углерода, то его быстро передавали третьей породе жучков, которые анализировали полученное на предмет установления полезных качеств. Если таковые имелись, то они изучались, копировались и передавались фабричным «букашкам». Таким образом, следующее поколение становилось немножко более продвинутым, чем предыдущее.

— Обучаются у нас, — повторила Вольева, как будто она открыла нечто в высшей степени интересное, но и очень тревожное. — Они перенимают наши контрмеры и включают этот дизайн в своих бойцов, укрепляя их силы.

— Не понимаю твоего радостного волнения, — сказала Хоури, откусывая кусок яблока, выращенного на корабле.

— А что? Очень даже элегантная схема. Я из нее тоже смогу кое-что позаимствовать, но это другое дело. То, что происходит там, — это просто очень методичный бесконечный процесс, но за ним нет никакой творческой мысли.

Она произнесла это с искренним восхищением.

— Да, весьма поучительно, — отозвалась Хоури. — Слепое воспроизводство — ничего хитрого. Но так как происходит это в миллиардах мест одновременно, они выигрывают у нас, беря просто своей численностью. Разве не так? Ты вот будешь сидеть тут и ломать голову, а на конечный исход это не окажет никакого влияния. Рано или поздно, они разгадают любой трюк, который есть у тебя в заначке.

— Пока еще не совсем так, — сказала Вольева, кивком указав на схему. — Ты думаешь, что я настолько глупа, что попробую нанести им удар с помощью наших самых продвинутых методик? Такого в войне не бывает, Хоури. Ты никогда не тратишь против врага больше энергии или разума, чем совершенно необходимо в данной ситуации. Точно так же ты никогда не откроешь при игре в покер сильные карты слишком рано. Ты будешь ждать, пока ставки не вырастут, чтобы сорвать куш побольше. — И она пояснила, что нынешние контрмеры, примененные «Плацдармом», — самые устарелые и не слишком эффективные. Она адаптировала их, позаимствовав в старинных записях голографической информации арсенала корабля. — Лет на триста отстают от сегодняшнего дня, — добавила она.

— Но Цербер учится.

— Верно, но масштабы технического превосходства достаточно стабильны, возможно, именно благодаря бессмысленности способа, которым используются наши секреты. Здесь интуитивные прыжки почти не применимы, поэтому амарантянская система развивается линейно. Это все равно как если бы кто-то попытался раскрыть компьютерный код с помощью древних счетов. А поэтому я могу довольно точно определить, сколько им потребуется времени на то, чтобы достигнуть нашего нынешнего уровня. Сейчас они тратят примерно десять дней на каждые 3—4 часа нашего корабельного времени. Это дает нам фору примерно около недели. Вот тогда-то и начнется самое интересное.

— А разве это не интересно? — Хоури покачала головой, чувствуя — и уже не впервые, — что есть многое, чего она в Вольевой не понимает. — Но какой ценой достигается эта эскалация? Твой «Плацдарм» имеет в своем распоряжении весь архив арсенала?

— Нет, это было бы слишком опасно.

— Верно. Все равно что послать солдата в тыл противнику, нагрузив его всеми секретами, которыми рас-

полагает командование. А как же с обучением «Плацдарма»? Передаешь ему требуемые данные, только когда они становятся ему необходимыми? Разве это не так же рискованно?

— Ты права, происходит что-то в этом роде, но с высокой степенью защиты, гораздо более высокой, чем ты думаешь. Передачи зашифрованы с использованием одноразового шифровального блокнота. Случайный набор знаков указывает на изменения, которые должны быть внесены в каждый бит информации, содержащейся в сигнале. Надо ли добавить ноль или единицу. После того как сигнал зашифрован с помощью блокнота, враг не имеет никакой возможности расшифровать сигнал, не имея собственной копии блокнота, а эта копия спрятана неимоверно глубоко — за стенами из алмаза толщиной в несколько десятков метров, с гиперзащищенными оптическими подводками к контрольной системе ассемблера. Только в том случае, если «Плацдарм» подвергнется массированной атаке, может возникнуть угроза захвата блокнота. Тогда я немедленно прекращу передачу.

Хоури доела яблоко, включая и лишенную семян сердцевину.

— Значит, такая возможность все же есть, — сказала она после недолгого обдумывания.

— Возможность чего?

— Да прикончить все это. Мы же все этого хотим, не так ли?

— А ты не допускаешь, что урон, которого мы боимся, уже нанесен?

— Наверняка мы этого знать не можем. Однако давай предположим, что это не так. В конце концов все, что мы видели пока, — лишь слой камуфляжа, ниже которого расположен слой защитных вооружений, задача которых этот самый камуфляж защищать. Все это, конечно, удивительно, и самый факт, что технология нам абсолютно чужда, означает, что тут нам есть чему поучиться, но мы все равно не знаем, что за всем этим скрывается. — Хоури крепко стукнула кулаком по подлокотнику, как бы подчеркивая значение своих слов, что заставило Вольеву вздрогнуть. — Там есть что-то, до чего мы еще не добрались. Даже глазом не заглянули, и не заглянем до тех пор, пока Силвест туда не пробрался.

— А мы не позволим ему туда сунуть свой нос! — Вольева погладила свой игольный пистолет и заткнула его за пояс. — Теперь тут хозяева — мы.

— И рискнем, что он покончит с нами, нажав на кнопку той штучки, что спрятана у него в окулярах?

— Но ведь Паскаль сказала, что это был блеф?

— Ага, и я верю, что она действительно так думает. — Хоури не надо было продолжать. Она просто подчеркнула свою мысль медленным наклоном головы, и Вольева поняла ее. — Есть лучшая возможность. Пусть Силвест отправляется, если хочет, но мы постараемся сделать так, чтобы проникнуть внутрь ему оказалось бы чертовски трудно.

— А под этим ты подразумеваешь...

— Ладно, скажу уж сама, раз ты боишься. Придется дать «Плацдарму» умереть, Вольева. Пусть победит Цербер.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

— Все, что мы знаем, — произнес Силвест, — это то, что «Плацдарм» Вольевой проник глубже внешней оболочки планеты. Возможно, в уровень, занятый машинами, которые я видел во время первого полета разведчика.

С тех пор как «Плацдарм» встал на якорь, прошло уже пятнадцать часов, и за это время Вольева не сделала ровным счетом ничего, отказавшись даже послать в недра планеты своих беспилотных шпионов.

— Похоже, функция этих машин — поддерживать существование камуфляжной оболочки. Они чинят ее, когда в ней возникают дыры, они поддерживают иллюзию реальности ландшафта, они собирают материалы, в которых нуждаются. Кроме того, это первая линия обороны.

— Но что лежит внизу? — спросила Паскаль. — Мы ничего не успели толком рассмотреть, когда раскрылась кора. Не думаю, однако, что машины стоят прямо на коренных породах. Не могу поверить, что за этим механизированным фасадом лежит самое обыкновенное планетное тело.

— Об этом мы скоро узнаем, — сказала Вольева и крепко сжала свои узкие губы.

Ее механические шпионы были просто смехотворны по своей примитивности. Они были даже проще роботов, которых Кэлвин и Силвест использовали в начальной стадии работы над Капитаном. Эта примитивность была частью главной идеи Вольевой — не дать Церберу ознакомиться с технологией более изощренной, чем это необходимо для решения первоочередных задач. Беспилотные устройства могли производиться «Плацдармом» в огромных количествах, и именно их многочисленность должна была восполнить нехватку у них собственного интеллекта. Каждое было размером с кулак и снабжено достаточным числом конечностей, необходимых для передвижения, а также глаз, что в первую очередь и оправдывало их существование. Мозги начисто отсутствовали — не было даже простейшей сети с несколькими тысячами нейронов. Не было даже таких мозгов, которые дают возможность среднему насекомому казаться весьма башковитым созданием. Зато у них было небольшое прядильное устройство, как у паука, которое производило оптическую нить, одетую изоляционным материалом. Управлялись они «Плацдармом». Все команды и вся информация передавались в обоих направлениях через оптический кабель, что гарантировало сохранение секретности.

— Кажется, мы обнаружили еще один слой автоматов, — заметил Силвест. — Возможно, это еще один уровень защиты. Но ведь должно же где-то быть и то, что надлежит вот так защищать?

— Да есть ли оно? — спросила Хоури, которая все еще продолжала держать свою зловещую плазменную винтовку нацеленной на Силвеста с той самой минуты, когда началось их совещание. — А не пали ли вы сами жертвой скороспелых соображений? Болтаете, будто там внутри есть драгоценное Нечто, до которого наши грязные пальчики недостойны даже дотронуться, поскольку существует вся эта камуфляжная оболочка. Чтобы обезьяны сюда не лезли, одним словом. А что, ежели там сидит просто какая-то большая бяка?

— Она, возможно, права, — поддержала Паскаль.

Силвест поглядел на винтовку.

— Не следует доводить себя до такого состояния, когда вам начинает казаться, будто в мире существует хоть одна

возможность, которую я бы еще не рассмотрел, — сказал он холодно, не заботясь о том, кому он отвечает — Хоури или жене. Пусть понимают, как хотят.

— Бог с вами, такое мне и в страшном сне не приснится, — тут же парировала Хоури.

Через девяносто минут после того, как первый разведчик размотал свой кабель и исчез сквозь дыру в полом пространстве под корой планеты, Силвест увидел то, что его там ждало. Он не сразу смог разобраться в том, что открылось его взгляду. Гигантские, похожие на невиданных змей, формы — истерзанные и, насколько ему казалось, мертвые, высились над разведчиком точно трупы павших богов — переплетенные и сраженные. Невозможно было даже предположить, какие неведомые функции выполняли эти машины, хотя, вероятно, главной из них было обеспечение благополучия лежавшей над ними коры. Очевидно, именно в них проснулись к жизни молекулярные орудия, брошенные навстречу пришельцам. Сама кора фактически тоже являлась машиной, функция которой заключалась в поддержании сходства Цербера с обыкновенной планетой. У «змей» такой строгой специализации, видимо, не было.

Здесь было не так темно, как ожидал Силвест. Свет сквозь «рану» уже не просачивался, так как она теперь была прочно заткнута пробкой «Плацдарма». Зато «змеи» сами испускали слабое серебристое сияние, подобно кишкам некоторых глубоководных океанских существ, населенным биолюминесцентными бактериями. Функции этого свечения определить было невозможно, да, впрочем, их могло и не быть. Вероятно, это был случайный, побочный продукт амарантянской нанотехники. Как бы там ни было, благодаря свечению можно было видеть на десятки километров туда, где потолок или кора планеты сходился с горизонтом пола, на котором лежали кольца «змей». Еще какие-то громадные штуковины, похожие на корявые древесные стволы, поддерживали — без видимого порядка — крышу. Впечатление было такое, будто находишься в залитом лунным светом доисторическом лесу. Неба не видно, земля под ногами почти неразличима из-за густого подлеска. Корни деревьев сплетаются друг с другом, образуя сложную решетку. Все окрашено графитно-серым цветом. Таков пол этой полости.

— Хотелось бы знать, что там ниже, — сказал Силвест.

* * *

Вольева была занята обдумыванием проблемы детоубийства. Избежать последнего было невозможно. Лишить «Плацдарм» информации, необходимой, чтобы создавать средства защиты от атаки механизмов, создаваемых Цербером, — значило приговорить ее детище к медленной и мучительной смерти. Без необходимой поддержки корабля молекулярное оружие, встроенное в ядро «Плацдарма», не может обновляться и совершенствоваться. Оно останется замороженным, способным лишь на производство спор, устарелых на пару столетий, неспособных прервать бесконечный марш идиотского прогресса, демонстрируемого инопланетной оборонительной системой. Удивительное, хотя и грубое создание Вольевой будет переварено до последнего атома, его тонким слоем размажут по коре планеты, и его жалкие останки будут выполнять совсем другие функции в течение неисчислимых миллионов лет.

И все же придется пойти на это.

Хоури права: саботаж против «Плацдарма» — единственная неиспользованная пока форма воздействия на ситуацию. Возможности уничтожить «Плацдарм» нет, так как орудия Тайника захвачены Похитителем Со́лнц, и он подавит любую попытку воспользоваться этими боевыми машинами. Так что остается одно: медленно убить свое дитя, лишив его притока знаний.

Жестокое решение.

Пока еще никто не видит дисплея ее браслета, который непрерывно передает требования «Плацдарма» о немедленной посылке ему новой информации. Уже час, как «Плацдарм» заметил, что обещанная ему расписанием новая информация не поступила. Первый запрос носил чисто технический характер — проверка, работает ли передающий луч. Позднее «Плацдарм» стал настойчивее, хотя вежливости не утратил. Теперь он стал терять дипломатические навыки — машина ощутила эквивалент тревоги.

Конечно, пока это еще не был страх. Системы Цербера еще не превзошли возможности сопротивления «Плацдарма», но беспокойство росло, Вольеву даже проинформировали о том, сколько времени корабль сможет продержаться, если исходить из нынешнего темпа эскалации возможностей противника. Времени в обрез. Через два часа напор Цербера сравняется с силой сопротивления «Плацдарма», а затем судьба последнего будет решена — время гибели

будет зависеть лишь от массы обеих сторон. Цербер победит — такова математическая необходимость.

Так умирай же скорее, подумала Вольева.

И именно в тот момент, когда слова этой молитвы возникли в ее мозгу, произошло нечто невозможное.

Выражение спокойствия, которое Вольевой еще удавалось сохранять на лице, внезапно исчезло.

— Что случилось? — спросила Хоури. — Ты будто увидела...

— Вот именно, — ответила та. — Я увидела призрак. Его зовут Похитителем Солнц.

— Что случилось? — вмешался Силвест.

Она с трудом оторвала глаза от браслета. Нижняя челюсть отвисла.

— Он возобновил трансляцию информации «Плацдарму»! — Глаза Вольевой снова вернулись к браслету, видимо, в надежде, что случившееся — всего лишь мираж. По выражению ее лица было видно, что как бы чудовищно ни было увиденное ею, оно все еще отражается на дисплее.

— Что же нам следует сделать в первую очередь? — спросил Силвест. — Я был бы весьма обязан, если бы поставили меня в известность...

Хоури еще крепче сжала теплый, обтянутый кожей приклад плазменной винтовки. Ей мало нравилась ситуация в прошлом, но нынешнюю она ощущала как острый клинок ужаса.

— «Плацдарм» не обладает средствами для оценки собственного морального износа, — сказала она, но тут же вздрогнула, будто сбрасывая с себя чужие чары. — Нет... я хочу сказать...есть вещи, которые ему не следует знать, за исключением тех случаев, когда он остро нуждается... — Она помолчала, с тревогой оглядывая слушателей, не будучи уверена, что ее понимают. — Ему не положено знать, как усилить свои оборонительные средства до того момента, пока такое развитие не делается жизненно важным. Тут очень важно правильно рассчитать...

— Иными словами, вы решили уморить его голодом? — сказал Силвест. Хегази, сидевший с ним рядом, промолчал, но подкрепил его слова слабым кивком, словно был правителем, подтверждающим приговор.

— Нет, я...

— Не надо оправдываться, — настаивал на своем Силвест. — Если бы я хотел того же, чего хотите вы, то есть саботажа всей операции, я совершил бы что-то в таком же духе. Ваш учет времени тоже безупречен — вы ждали до тех пор, пока наблюдение за действиями вашего оружия могло доставлять удовольствие. Вы же испытывали наслаждение от того, как здорово работает ваша игрушка!

— Ах ты гнусный хрен! — визжала, плюясь, Хоури. — Мерзкий малюсенький хренишко!

— Поздравляю, — поклонился ей Силвест. — Вот вы уже и перешли к односложным словам. И все-таки я попрошу вас направить эту дурацкую железяку не мне в лицо, а куда-нибудь в другое место.

— С удовольствием, — ответила она, не позволяя, однако, винтовке отклониться ни на дюйм. — Я вот как раз размышляю насчет одной детали вашей вонючей анатомии.

Хегази повернулся к другому присутствующему члену Триумвирата:

— Не объясните ли вы мне, что тут происходит?

— Похититель Солнц, видимо, захватил управление всеми коммуникационными системами корабля, — ответила Вольева. — Это единственная возможность. Только таким путем моя команда прекратить передачу информации на «Плацдарм» могла быть аннулирована. — Еще не договорив, она отрицательно мотнула головой: — Впрочем, это маловероятно. Мы же знаем, что он торчит в Оружейной, а между Оружейной и коммуникациями физической связи нет.

— Должно быть, теперь она есть, — отозвалась Хоури.

— Но если она есть... — Все увидели в полутьме рубки яркие полумесяцы белков Вольевой. — Не существует логического барьера между коммуникациями и остальным кораблем. Если Похититель Солнц продвинулся так далеко, нет ничего, до чего он не мог бы дотянуться.

Молчание затянулось. Похоже, всем, даже Силвесту, нужно было время, чтобы оценить весь ужас ситуации. Хоури пыталась понять мысли Силвеста, но даже сейчас не смогла оценить, что он принимает, что — нет. Она все еще подозревала, что он рассматривает происходящее как параноидальную фантазию, сплетенную ее собственным подсознанием. От нее заразилась Вольева, а позже — и Паскаль.

Вероятно, какая-то часть Силвеста все еще отказывалась верить словам Хоури, несмотря на факты. А впрочем, какие такие факты? Если оставить в стороне восстановление сигнала на «Плацдарм» и его значение, то ничего, что бы подтверждало бы выход Похитителя Солнц за пределы Оружейной, не существовало. А вот если он выбрался...

— Ты! — крикнула Вольева, нарушая молчание. Она ткнула пистолетом в сторону Хегази. — Ты, свинья! Ты же участвовал в этом, верно? Саджаки вышел из игры, у Силвеста нет нужных знаний, значит, это ты!

— Не понимаю, о чем ты?

— Ты помогал Похитителю Солнц! Ты сделал это, сознавайся!

— Возьми себя в руки, Триумвир.

Хоури совсем растерялась. Она даже не знала теперь, в какую сторону ей надо направить свою плазменную винтовку. Силвест был потрясен не меньше Хегази. Он явно не понимал, что хочет сказать Вольева своим неожиданным вопросом.

— Слушай, — сказала Хоури. — Тот факт, что он вылизывает задницу Саджаки с тех пор, как я появилась на корабле, еще не значит, что он способен на подобную глупость.

— Похоже, за такие слова я должен быть вам благодарен, — произнес Хегази.

— Ты отнюдь не оправдан, — воскликнула Вольева. — Отнюдь нет. Хоури права. Сделать то, что ты сделал, — акт величайшего идиотизма. Но это не значит, что ты на него не способен. У тебя были возможности. И ты химериец. Вполне возможно, что Похититель Солнц поселился и в тебе. В этом случае нам слишком опасно быть с тобой рядом.

Она кивнула Хоури.

— Хоури, отведи-ка ты его к какому-нибудь шлюзу.

— Ты собираешься меня убить, — сказал Хегази, когда Хоури вела его по затопленному коридору под прицелом своей плазменной винтовки. Перед ними ошалело метались сторожевые крысы. — Ведь ты и вправду думаешь так поступить? Хочешь вышвырнуть меня в космос?

— Нет, она хочет посадить тебя туда, откуда ты не сможешь вредить нам, — ответила Хоури, у которой вовсе не было желания вести с пленником оживленную беседу.

— Что бы она там ни думала, я этого не делал. Мне стыдно, но я не обладаю нужным опытом. Это тебя удовлетворяет?

Он ей крепко надоел, но Хоури чувствовала, что разговор следует поддержать, чтобы Хегази побыстрее заткнулся.

— Я не уверена, что ты это сделал, — сказала она. — Ведь тебе потребовалось бы провести кое-какую подготовку до того, как ты допер до мысли, что Вольева собирается саботировать собственное оружие. Когда же это стало ясно всем, у тебя уже не было времени. Ты торчал все время в рубке.

Они подошли к воздушному шлюзу. Он был маленький — в нем помещался лишь один человек в скафандре. Как и все остальное в этой части корабля, ручка двери и сама дверь шлюза были покрыты слизью, заржавели и поросли плесенью. И все-таки все это чудом еще работало.

— Так зачем же ты делаешь это? — спросил Хегази, когда дверь со скрежетом открылась и Хоури втолкнула его в тесный и плохо освещенный шлюз. — Раз не думаешь, что я способен на тот поступок?

— А потому, что ты мне не нравишься, — сказала она и заперла дверь снаружи.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

Когда они наконец оказались в своей каюте, Паскаль тихо сказала:

— Из этой истории, боюсь, тебе благополучно не выбраться, Дэн. Ты понимаешь, о чем я?

Силвест дико устал, но мозг его продолжал бешено работать, хотя ему хотелось думать только об одном — о том, как хорошо бы заснуть. Ведь если «Плацдарм» протянет достаточно долго, чтобы путешествие в недра Цербера могло состояться, как запланировано, сейчас — последний шанс, чтобы как следует выспаться эдак часиков десять, а еще лучше — пару-другую дней. Ему надо быть предельно осторожным и бодрым, именно теперь, когда он собирает-

ся ступить в неведомый и чуждый мир. И именно теперь Паскаль собирается снова отговаривать его от этого.

— Сейчас уже слишком поздно, — ответил Силвест устало. — Мы выдали себя, мы причинили огромный ущерб Церберу. Этот мир осведомлен о нашем присутствии. Мое появление на Цербере вряд ли значительно повлияет на ситуацию, за исключением того, что мы узнаем гораздо больше, нежели от полудохлых роботов-шпионов Вольевой, даже если я буду ждать от них результатов всю оставшуюся жизнь.

— Ты же не знаешь, что ждет тебя там, внизу, Дэн.

— Нет, знаю. Ответ на вопрос, что случилось с амарантянами. Неужели ты не понимаешь, какую ценность для людей имеет эта информация?

Он видел, что она понимает это, но лишь на сугубо теоретическом уровне. Потом она сказала:

— А что, если в тебе сейчас говорит точно такое же любопытство, которое когда-то довело их самих до гибели? Ты же видел, что произошло с «Лорином».

И снова Силвест подумал об Алисии, погибшей во время той атаки. Какое чувство заставило его пожалеть время, которое требовалось для того, чтобы извлечь ее тело из-под обломков? Даже сейчас его приказ — спустить ее тело вместе с «Плацдармом» на Цербер — на какое-то мгновение показался таким бездушным, как будто был отдан не им. И даже не Кэлвином, а кем-то, спрятавшимся за их спинами. Эта мысль заставила его поморщиться, и он тут же похоронил ее под грузом других мыслей, раздавив, как давят таракана.

— Но мы же узнаем, не так ли? — сказал он. — Мы наконец-то узнаем. И даже если это нечто убьет нас, кто-нибудь другой все равно узнает, что случилось — кто-нибудь на Ресургеме или даже в другой системе. Ты должна понять, Паскаль. Я считаю такой риск оправданным.

— Значит, тут не одно любопытство! — Она смотрела на него так, будто ожидала развернутого ответа. Он же сразу отвел глаза, зная, каким обманчивым может показаться отсутствие в них выражения и странная фокусировка. Паскаль между тем продолжала: — Хоури устроили на этот корабль, чтобы убить тебя. Она созналась мне в этом. Вольева же говорит, что ее послал кто-то, кто может оказаться Кариной Лефевр.

— Я считаю это не просто невозможным, а прямым оскорблением!

— И все же это может оказаться правдой. А еще — чем-то гораздо более серьезным, чем обыкновенная вендетта. Возможно, Лефевр и вправду умерла, но Нечто, принявшее ее облик, унаследовало ее тело и что-то еще, причем оно знает, как опасно то, с чем ты столь легкомысленно играешь. Разве тебе не кажется, что такую возможность следует учитывать, какой бы странной она ни казалась?

— Ничто из случившегося возле Завесы Ласкаля не может иметь отношения к тому, что произошло с амарантянами.

— Ну как ты можешь быть столь самоуверенным!

Силвест разозлился и бросил ей в лицо:

— Потому что я там был! Потому что я отправился туда, куда ходил Ласкаль, то есть в Пространство Космического Откровения, и то, что они показали Ласкалю, было показано и мне! — Он старался говорить тише, но нервно схватил ладони Паскаль и крепко сжал их. — Они ужасно древние. Они такие чужие, что я дрожал от ужаса. Они касались моего мозга... я видел их... и они ничуть не походили на амарантян.

Впервые со времени отлета с Ресургема он заглянул в прошлое, вернулся к тому моменту, когда его изуродованный контактный модуль несся вдоль чудовищной Завесы. Древние ископаемые умы Странников вползали в его мозг. То было мгновение пронзительного прозрения. Сказанное Ласкалем было истиной. Возможно, Странники были чужими в биологическом смысле, возможно, они вызывали в нем отвращение только потому, что они неимоверно далеки от того, что человеческий разум считает идеалом или хотя бы достойной формой существования. Зато в динамике мышления они были куда ближе к людям, чем можно было ожидать, учитывая различия в строении тел. Какое-то время невероятность этой дихотомии тревожила его... но потом тревога прошла. А как же иначе могли бы Трюкачи так наладить его мозг, чтобы он мог мыслить как Странники, если бы основные формы мышления не были сходны? Затем он припомнил саднящую тошноту их общения, и волну черной памяти, обрушившуюся на него, — беглый взгляд на историю Странников. Миллионы лет они рыскали по всей Галактике — по той, давней, непохожей на нынешнюю, вынюхивая и собирая брошенные опасные игрушки других народов и еще более древних, чем их собственная, цивилизаций. Теперь все эти сказочные вещи

лежали совсем рядом с ним. За мембраной Завесы... Он уже почти проник туда с помощью хитрости. И вдруг что-то совсем иное...

Что-то на мгновение возникшее как будто появилось на секунду в просвете между облаками или полотнищами театрального занавеса, что-то мимолетное, о чем он почти забыл, о чем вспомнил только сейчас... Что-то открылось ему, что-то, предназначенное быть потаенным, скрытым под пластами личностного... и памятью давно исчезнувшей расы... изношенной, как камуфляж.

И еще нечто, полностью погруженное в Завесу... и еще один довод в пользу его существования...

Но это воспоминание было таким трудноуловимым, оно так ловко ускользало от его аналитического ума, что пока он не остался наедине с Паскаль, оно ощущалось лишь как осадок сомнения...

— Обещай, что ты никуда не пойдешь, — молила Паскаль.

— Мы еще обговорим это утром, — ответил он.

Силвест очнулся в своей каюте. Короткий сон, который ему все же удалось урвать, прогнал из его крови лишь малую часть усталости.

Что-то заставило его проснуться, но он не мог ни рассмотреть, ни услышать того, что нарушило сон. Вдруг он заметил, что голографический экран возле кровати слегка светится, подобно зеркалу, отражающему лунный свет.

Силвест пододвинулся, чтобы активизировать экран, не разбудив при этом спящую Паскаль. Впрочем, он напрасно опасался — Паскаль спала очень крепко. Спор, который они вели перед сном, казалось, принес ей успокоение, которое и погрузило ее в сон.

На экране появилось лицо Саджаки, на заднем плане была видна какая-то медицинская аппаратура.

— Вы один? — тихо спросил Саджаки.

— Здесь моя жена, — прошептал Силвест. — Она спит.

— Тогда буду краток. — Саджаки протянул изуродованную руку как бы для осмотра. Влажная корочка уже вернула запястью прежнюю форму, хотя все еще продолжала светиться, свидетельствуя, что интенсивное лечение далеко не окончено. — Я чувствую себя достаточно хорошо, чтобы покинуть медицинский отсек. И вовсе не собираюсь идти по стопам Хегази.

— Тогда перед вами серьезная проблема. Вольева и Хоури вооружены, и они приняли меры, чтобы вам не удалось получить в свои руки ничего столь же опасного. — Силвест еще больше понизил голос. — Я не думаю, что Вольеву будет трудно убедить в том, что меня следует посадить под замок. Мои угрозы насчет судьбы корабля особого впечатления на нее не производят.

— Она просто уверена, что вы не посмеете зайти так далеко.

— А если она права?

Саджаки покачал головой.

— Теперь все это уже не имеет значения. Через несколько дней — самое большее через пять — ее «Плацдарм» начнет сдавать позиции. Но пока у вас еще есть окошко, через которое вы можете пролезть внутрь планеты. Только не говорите мне, что ее роботы-шпионы способны вас удовлетворить.

— Это я уже знаю.

Паскаль зашевелилась.

— Тогда принимайте мое предложение, — сказал Саджаки. — Я сам проведу вас в эти недра. Мы вдвоем, и никого больше. Мы возьмем пару скафандров того типа, который доставил вас сюда с Ресургема. Нам не понадобится даже корабль. До Цербера мы доберемся меньше чем за день. Еще два дня понадобятся нам, чтобы забраться внутрь, день, чтобы там оглядеться, и еще день — на возвращение тем же путем. К тому времени вы будете сами знать дорогу.

— А вы?

— Я пойду с вами. Я уже говорил, как мы с вами будем дальше работать с Капитаном.

Силвест кивнул.

— Вы надеетесь, что мы найдем в Цербере что-то необычное, что поможет нам исцелить Капитана.

— Надо же с чего-то начинать.

Силвест огляделся. Голос Саджаки был подобен шороху листьев, колеблемых ветром, что подчеркивало тишину каюты, делая ее какой-то таинственной. Скорее она походила на картинку, показанную через волшебный фонарь, нежели на обыкновенное жилое помещение. Он подумал о битве, кипящей в недрах Цербера в эту самую минуту. О ярости сталкивающихся механизмов, хотя большинство их размерами лишь немного превосходит бактерию. Грохот их сражения был неуловим для человеческих чувств. Но бит-

ва все равно существовала, и Саджаки прав: у них осталось всего несколько дней до тех пор, пока верные Церберу механизмы начнут разрушать могучую осадную машину Вольевой. Каждая минута, на которую он отложит свой поход в недра Цербера, означает минуту, которую он мог бы провести бы там, но не проведет, ту самую минуту, которая приближает срок его неизбежного возвращения на корабль. А рубка в это время уже может оказаться закрытой. Снова шевельнулась Паскаль, но Силвест знал, что она крепко спит. Казалось, она присутствует здесь не больше, чем те мозаичные птицы, которые украшают стены каюты. Во всяком случае, разбудить ее не легче, чем этих птиц.

— Все произошло слишком неожиданно, — сказал Силвест.

— Но вы же ждали этого чуть ли не всю жизнь, — ответил Саджаки, повышая голос. — Не говорите мне, что вы не готовы воспользоваться таким шансом. Не говорите, что боитесь того, что можете там обнаружить!

Силвест знал: решение надо принимать немедленно, пока вся невероятность этой секунды еще не дошла до сознания.

— Где же я встречусь с вами?

— Мы встретимся вне корабля, — ответил Саджаки и тут же объяснил почему: для него слишком рискованно назначить встречу там, где он может случайно столкнуться с Вольевой, Хоури или даже с женой Силвеста. — Они все еще считают меня больным, — добавил Саджаки, поглаживая пленку, прикрывавшую рану на запястье. — Но если они встретят меня за пределами больнички, то поступят так же, как с Хегази. Отсюда же мне легче добраться до скафандра, минуя те районы корабля, где мое присутствие может быть зарегистрировано.

— А я?

— Идите к ближайшему лифту. Я прикажу ему отвезти вас к скафандру, который находится к вам ближе всего. Вам не придется ничего делать самому. Он сам все сделает.

— Саджаки, я...

— Через десять минут вы должны покинуть корабль. Ваш скафандр доставит вас ко мне. — Саджаки усмехнулся, перед тем как отключиться. — И я настоятельно советую вам не будить жену.

Саджаки сдержал слово. Лифт и скафандр, казалось, знали совершенно точно, куда надо доставить Силвеста.

По пути он не встретил никого, никто не мешал, пока скафандр измерял его, адаптировался к нему и мягко и приветливо обволок собой Силвеста.

Не было никаких доказательств того, что корабль заметил открытый люк или что Силвест вышел в космос.

Вольева проснулась внезапно. Ее одноцветный сон, в котором фигурировали армии каких-то воинственных насекомых, прервался без всякого предупреждения.

Хоури лупила кулаком в дверь ее каюты и кричала что-то, чего Вольева спросонья понять не могла. Когда она все же открыла дверь, то оказалось, что ей прямо в глаза смотрит ствол плазменной винтовки. Хоури заколебалась, а потом неохотно опустила оружие, как будто была не слишком уверена в том, что за дверью больше никто не прячется.

— Что случилось? — спросила Вольева.

— Паскаль подняла тревогу, — выдохнула Хоури. Пот крупными каплями выступил у нее на лбу, на ложе винтовки мокрые ладони оставили темные пятна. — Она проснулась, а Силвеста и след простыл.

— Простыл след?

— Но он оставил кое-что! Она жутко переживает, но все же отдала это, чтобы я показала тебе. — Она опустила винтовку, так что та повисла на ремне, и вытащила из кармана какой-то клочок.

Вольева протерла глаза и взяла бумагу. Прикосновение осязательных бугорков пальцев активизировало скрытое послание, и на фоне переплетающихся птичьих силуэтов неясно проявилось лицо Силвеста.

— Боюсь, я солгал тебе, — звучал его голос с бумаги. — Паскаль, мне очень жаль, ты можешь возненавидеть меня, хоть я и надеюсь, что этого не случится после того, как мы столько перенесли вместе. — Его голос был сейчас еле слышен. — Ты умоляла меня обещать, что я откажусь от похода внутрь Цербера. И все же я ухожу. В ту минуту, когда ты читаешь эти слова, я уже в пути, и меня никто не может остановить. Я ничем не могу оправдать свой поступок, кроме того, что я должен его совершить, и, думаю, ты всегда знала это. Тем более мы волей судеб оказались так близко от этого места. — Он замолк, чтобы или перевести дух, или обдумать дальнейшее. — Паскаль, ты единственная, кто догадался о том, что в действительности произошло у Завесы

Ласкаля. И ты знаешь, как я восхищаюсь тобой. Вот почему я не побоялся признаться тебе и сказал правду. Клянусь, то, что я рассказал тебе, мне казалось тогда истиной. Это ни в коем случае не была еще одна ложь. И вот теперь эта женщина — Хоури — говорит, будто та, кто послала ее за мной, может быть Кариной Лефевр, и что она, Хоури, должна убить меня, чтобы не дать мне попасть к Церберу.

На несколько мгновений бумага смолкла. Затем опять возник голос Силвеста:

— Я действовал так, Паскаль, будто не поверил ни единому ее слову, и, возможно, я действительно тогда не поверил. Я хотел, чтобы все эти призраки, наконец, угомонились, хотел убедить себя самого, что все это не имеет никакого отношения к тому, что случилось там — у Завесы.

Ты понимаешь меня, не так ли? Я обязан пройти такой долгий путь — иначе мне не заставить этих фантомов умолкнуть. Может быть, я должен поблагодарить эту Хоури. Она дала мне повод сделать шаг, хотя я никогда еще не испытывал такого страха перед своей возможной находкой. Я не уверен, что она — или даже все они — плохие люди. И уж это никак не относится к тебе, моя Паскаль. Я знаю, тобой движет услышанное от них, и это не твой выбор. Ты пытаешься отговорить меня из любви ко мне. И то, что я делаю — то, что я собираюсь сделать, — тяжко ранит меня, ибо я предаю твою любовь.

Поймешь ли ты меня? И сможешь ли простить, когда я вернусь? Разлука не будет долгой — каких-нибудь пять дней. А может быть, и гораздо меньше. — Он опять смолк, прежде чем добавить постскриптум. — Я беру с собой Кэлвина. И сейчас, когда я произношу это, он во мне. Я бы солгал, если бы сказал, что мы оба не пришли к новому... равновесию. Я думаю, он будет полезен.

Изображение на бумаге померкло.

— Знаешь, — сказала Хоури, — были моменты, когда мне становилось его жаль, и он делался даже симпатичным. Но он все погубил.

— Ты сказала, что Паскаль переживает.

— А что бы ощутила ты?

— Кто знает. Может, он прав. Возможно, она действительно знала о том, что должно произойти. И вполне вероятно, что ей следовало бы дважды подумать, прежде чем выходить замуж за такую свинью.

— Думаешь, он уже далеко?

Вольева бросила взгляд на бумагу, как будто надеялась почерпнуть новую информацию из ее складок.

— Надо полагать, ему помогли. Тех, кто мог помочь, осталось мало. В общем-то ни одного, если не считать Саджаки.

— Наверняка нам не стоит его исключать. Возможно, лекарства Саджаки излечили его быстрее, чем мы полагали.

— Нет, — ответила Вольева. Она нажала на свой магический браслет. — Я знаю, где находится каждый член Триумвирата. Хегази в воздушном шлюзе, Саджаки — в клинике.

— Не возражаешь, если мы на всякий случай проверим?

Вольева схватила комплект одежды, достаточно теплый, чтобы можно было посетить любую часть корабля, где имелась искусственная атмосфера, и не подцепить там гипотермию. Сунула за пояс игольный пистолет, а через плечо повесила тяжелый двуручный автомат, который Хоури отобрала для нее в арсенале. По сути дела, это было спортивное оружие с огромной начальной скоростью пуль, изобретенное в двадцать третьем столетии. Продукт Первой Европейской Демархии в чехле из черного неопрена. По бокам ложа были инкрустированы два китайских дракона из золота и серебра, с рубиновыми глазами.

— Ни в малейшей степени не возражаю, — сказала она.

Они достигли воздушного шлюза, в котором был заключен Хегази. Последнему нечем было занять себя, кроме любования собственной персоной в полированных стенках шлюза. Так, во всяком случае, считала Вольева в те редкие минуты, когда вспоминала о засунутом туда Триумвире. Вообще-то ненависти к Хегази она не испытывала. Для этого чувства он был слабоват. Слишком уж очевидно было, что он вообще не мог бы существовать нигде, кроме как в тени Саджаки.

— У тебя с ним не было затруднений? — спросила Вольева.

— Нет, разве что он все время доказывал свою невиновность. Говорил, что вовсе не он освободил Похитителя Солнц из Оружейной. Звучало это довольно искренне.

— Это старинная техника, известная под именем лжи, Хоури.

Вольева движением плеча поправила ремень автомата с китайскими драконами и взялась за задвижку, поворот которой должен был открыть внутреннюю дверь шлюза. Ноги ее прочно уперлись в покрытый слизью пол.

Нажим.

— Не могу открыть.

— Давай я попробую! — Хоури слегка оттерла ее и попыталась открыть дверь. — Нет, — сказала она после нескольких попыток повернуть задвижку. — Заело, должно быть. Не могу повернуть.

— Ты, часом, не заварила ее или что?

— Нет, хотя это и глупо с моей стороны!

Вольева постучала в дверь.

— Хегази, ты меня слышишь? Что у тебя там с дверью? Она не открывается.

Ответа не было.

— Он там, — сказала Вольева после консультации с браслетом. — Может, он не слышит через броню?

— Мне это не нравится, — буркнула Хоури. — Дверь была в полном порядке, когда я уходила. Придется стрелять в замок. — Не ожидая согласия Вольевой, она крикнула: — Хегази! Ты слышишь меня? Мы будем стрелять в дверь!

Она быстрым движением сорвала с плеча плазменную винтовку. На предплечье напряглись крутые мышцы. Другой рукой она прикрыла лицо и для гарантии отвернулась.

— Подожди! — крикнула Вольева. — Мы слишком торопимся. А что, если открыта внешняя дверь шлюза? Вакуум воздействовал бы на сенсоры давления, и они закрыли бы внутреннюю дверь.

— В этом случае Хегази не доставит нам никаких неприятностей. Разве что он умеет жить, не дыша по нескольку часов.

— Верно. И все же нам не следует дырявить эту дверь.

Хоури подошла к двери вплотную.

— Если бы тут была панель, показывающая давление за дверью, то она все равно скрылась бы под грязью. Я могу поставить луч на самый малый диаметр. Просверлим дырку с иголку.

— Валяй, — согласилась Вольева после некоторого колебания.

— Мы изменили план, Хегази! Я просверлю дырку вверху двери. Если ты стоишь, то ляг на пол и подумай о приведении своих дел в порядок.

Ответа не последовало.

Хорошей плазменной винтовке поставленная задача могла бы показаться просто оскорбительной, подумала Вольева. Слишком уж тонкая работа для нее, все равно что использовать промышленный лазер, чтобы нарезать свадебный торт.

И все же Хоури своего добилась. Вспышка, треск. Это плазменная винтовка выплюнула тонкое продолговатое семечко шаровой молнии прямо в дверь. На мгновение из узкого лаза древоточца, который она просверлила, вышел кончик серого дыма.

На секунду.

А затем из двери забила тонкая темная шипящая дуга кипятка.

Хоури не теряла времени даром и тут же высверлила в двери дыру большего диаметра. Теперь ни Хоури, ни Вольева не сомневались, что за дверью в шлюз нет никого живого. Хегази был или мертв — неясно, по какой причине, — или каким-то образом покинул шлюз. Эта струя жидкости, находящаяся под высоким давлением, была его последним посланием бывшим тюремщикам.

Хоури снова выстрелила, и струя коричневой солоноватой жидкости превратилась в поток толщиной в руку, бьющий с такой силой, что Хоури отшвырнуло спиной прямо в толстый слой слизи на полу. В ту же лужу, глубиной по колено, со звоном полетела и винтовка. Слизь зашипела, коснувшись раскаленного ствола. К тому времени, когда Хоури, шатаясь, поднялась на ноги, поток сильно ослабел и уменьшился до струек, которые с хлюпаньем толчками вытекали из отверстий в двери. Хоури подняла винтовку, стерла с нее грязь и подумала, а будет ли винтовка когда-нибудь стрелять снова.

— Это корабельная слизь, — сказала Вольева. — Такая же, как и та, в которой мы стоим. Я бы эту вонь всюду узнала.

— Значит, шлюз полон слизи?

— Только не спрашивай меня откуда. Сделай еще дыру побольше и пониже.

Хоури так и поступила. Потом просунула в дыру руку и стала возиться с внутренними запорами, стараясь не касаться раскаленного металла двери. Вольева права, думала она, именно датчики давления заперли дверь. Но каким образом в шлюз могло накачаться этой пакости столько, что он мог бы и вообще взорваться?

Дверь открылась, последние плевки слизи торжественно выплыли в коридор.

Выплыли вместе с тем, что осталось от Хегази. Трудно было сказать, что тут послужило причиной — давление, которому он подвергся, или взрывное прекращение оного, но металлические элементы его тела и кусочки плоти, по-видимому, пришли к дружескому согласию и без печали расстались друг с другом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Цербер-Гадес, Дельта Павлина, гелиопауза, год 2566-й

— Полагаю, тут без сигареты не разберешься, — сказала Вольева. Ей потребовалась чуть ли не минута, чтобы вспомнить, куда она засунула свою пачку. Когда она наконец отыскала курево в том кармане куртки, которым реже всего пользовалась, то не стала особо торопиться ни с открыванием пачки, ни с выуживанием из нее одной из мятых белых трубочек, что лежали внутри. Она медлила, и только когда слегка пришла в норму, сделала глубокую затяжку и дала нервишкам окончательно успокоиться, точно снежному вихрю, который взмыл вверх, а затем медленно опал на землю.

— Его убил корабль, — сказала она, пристально вглядываясь в останки Хегази, но стараясь не вдумываться в то, что лежало перед ней. — Только так и можно все это объяснить.

— Убил? — спросила Хоури, все еще нацеливая винтовку на те лохмотья Триумвира, которые покачивались на липкой густой слизи вблизи от ее ног, будто опасаясь, что эти полуразложившиеся куски плоти могут вдруг заняться самовосстановлением. — Ты хочешь сказать, что это не был несчастный случай?

— Нет, это не несчастный случай. Я знаю, что он был в сговоре с Саджаки, а следовательно, и с Силвестом. И все же убил его Похититель Солнц. Стоит подумать, не так ли?

— Ага, полагаю, что так.

Может, Хоури и сама просчитала бы варианты, но Вольева на всякий случай решила разжевать ей все случившееся.

— Силвест ушел. Он уже на пути к Церберу, и так как мне не удалось уничтожить «Плацдарм», ничто уже не может остановить Силвеста при его попытке проникнуть внутрь планеты. Понимаешь? Это значит — победа в руках Похитителя Солнц. Ему больше нечего беспокоиться. Остальное — всего лишь вопрос времени и поддержания статус-кво. А этому, похоже, ничто не угрожает.

— Только мы угрожаем, — произнесла Хоури, запинаясь, подобно умному ученику, который хочет произвести приятное впечатление на учителя, но не желает вызвать зависть у своих одноклассников.

— Более чем. И не только я и ты, но даже и Паскаль. Хегази тоже, с точки зрения Похитителя Солнц, был потенциальной угрозой. И только по одной причине — он был человек. — Разумеется, Вольева гадала на кофейной гуще, но ей все сказанное казалось разумным и логичным. — Для такого создания, как Похититель Солнц, человеческая лояльность... субстанция текучая и хаотичная, возможно, даже непознаваемая. Он вывернул Хегази наизнанку, а может, заодно и тех, по отношению к кому Хегази был лоялен. Но разве он мог постичь механизм лояльности и то, как им управлять? Сомневаюсь. Хегази был компонентом, который приносил определенную пользу, но который мог дать сбой в дальнейшем. — Вольева ощущала ледяное спокойствие, которое исходило из понимания ее собственной полной незащищенности, и знала, что еще никогда не приближалась к этому пониманию столь близко. — А поэтому он должен был умереть. Теперь, когда цель Похитителя Солнц почти достигнута, я думаю, он захочет поступить точно так же и с нами.

— Если он захочет погубить нас...

— А разве он уже сейчас не занят этим? Полагаю, несколько попыток уже сделано. Весь корабль уже вышел из-под нашего контроля, и временная безрезультатность этих попыток означает, что Похититель Солнц все же ограни-

чен в своих действиях. Зато он овладел телом полупарализованного, полупрокаженного и полусъеденного Чумой Капитана.

— Как поэтично! Но что это дает нам?

Вольева закурила новую сигарету. Первая была докурена до мундштука.

— Это означает, что он попытается убить нас, но что выбор средств, которыми он воспользуется для этого, трудно предугадать. Он не может, например, выпустить в космос всю атмосферу корабля, поскольку каналов для передачи такой команды просто не существует. Даже я не смогла бы сделать это, если не прибегла бы к открытию всех шлюзов, но для этого пришлось бы обезвредить тысячи различных электромеханических предохранительных устройств. Вполне возможно, что затопить помещения площадью больше воздушного шлюза он тоже не сможет. Но что-нибудь он придумает, за это я ручаюсь.

Внезапно, почти не думая, она схватила свой автомат и направила его ствол в темноту длинного затопленного коридора, ведущего к шлюзам.

— В чем дело?

— Ни в чем, — ответила Вольева. — Просто я боюсь. Смертельно боюсь. Думаю, у тебя нет никаких соображений на этот счет, Хоури?

У той они, однако, оказались.

— Нам надо отыскать Паскаль. Она гораздо хуже нас ориентируется на корабле. И если начнется заваруха...

Вольева раздавила недокуреную сигарету о ствол своего автомата.

— Ты права. Нам не следует разделяться. И мы не будем этого делать. Как только...

Что-то с шумом возникло из темноты и остановилось метрах в десяти от них.

Вольева тут же взяла фигуру на прицел, но стрелять не стала. Какой-то инстинкт сказал ей, что эта штуковина явилась сюда не для того, чтобы убивать их. Во всяком случае, не сейчас. Это был один из гусеничных роботов, которых, как она помнила, Силвест использовал в неудачной операции над Капитаном. Машина не имела какой-нибудь тонкой специализации. Короче, одна из тех, что управлялись кораблем, а не собственным мозгом.

Его фасеточные глаза, укрепленные на невысоких членниках, уставились на них.

— Он не вооружен, — выдохнула Вольева и тут же поняла, что шепот тут ни к чему. — Думаю, он послан выследить нас. Мы в одном из тех отсеков, куда не достигает зрение корабля. Слепой отсек.

Сенсоры робота делали легкие движения взад и вперед, как будто он пытался точно определить расположение женщин. Затем стал отступать во тьму.

Хоури застрелила его.

— Зачем ты это сделала? — спросила Вольева, когда эхо взрыва умерло вдали, и ее глаза перестали жмуриться от яркой вспышки, сопровождавшей взрыв. — Все, что он видел, уже передано кораблю. Стрельба бессмысленна.

— Мне не понравилось, как он на меня таращил глаза, — ответила Хоури. — И вообще... одной заботой меньше.

— Понятно, — сказала Вольева. — А зная скорость, с которой корабль производит вот таких, можно считать, что через двадцать секунд его заменит новый.

Хоури поглядела на нее так, будто Вольева выдала шутку, смысл которой не поддается расшифровке. Однако та говорила совершенно серьезно. То, что она заметила только что, вызвало у нее дрожь, куда более сильную, чем от появления робота. В конце концов предположить, что корабль рано или поздно возьмется за роботов ради получения информации, было совершенно естественно. Логично предположить, что он будет искать возможности подготовить такие машины и для убийства оставшихся членов экипажа и пассажиров. Все это она могла предсказать и сама — рано или поздно. А вот это — нет! Никак не то, что сейчас приподнялось над пеной корабельной слизи. На какое-то мгновение оно остановило свои черные крысиные глазки-бусинки на Вольевой, а затем взмахнуло голым хвостом и исчезло в темноте.

Вольева вспомнила, что сторожевые крысы тоже подчиняются кораблю.

Когда сознание вернулось — а Силвест не сразу смог вспомнить, когда оно его оставило, — его окружала большая компания как бы размазанных звезд. Они совершали что-то вроде замысловатого танца, и если он еще до сих пор не ощущал тошноты, то тут решил, что пляшущих звезд вполне хватит, чтобы вызвать сильнейший приступ рвоты. И почему он так плохо чувствует себя — будто в каждую клеточку тела засунули ватный тампон? А потому, что он в скафандре, вот почему! В одном из тех специальных ска-

фандров, которыми располагает команда корабля! Такой же, как тот, который доставил их с Паскаль с поверхности Ресургема на корабль. Этот скафандр заставил его наполнить легкие какой-то мерзкой жидкостью вместо воздуха!

— Что случилось? — произнес он про себя так, чтобы дать возможность скафандру, который, как он помнил, обладает простейшим встроенным приборчиком для чтения мыслей, уловить этот вопрос.

— Я разворачиваюсь, — проговорил его скафандр. — Инверсия с использованием ракетного двигателя.

— А какого дьявола мы тут делаем? — Разбираться в своих воспоминаниях было отвратительно. Все равно что искать конец в мотке запутанной веревки. Он никак не мог понять — откуда положено начинать.

— Мы находимся примерно в миллионе километров от корабля, а это чуть меньше, чем расстояние до Цербера.

— И мы прошли этот путь... — Он замолчал. — Нет, постой, я не имею представления о том, как долго мы летим.

— Мы вылетели семьдесят четыре минуты назад. — Чуть больше часа, подумал Силвест. Но если бы скафандр сказал, что прошли целые сутки, Силвест поверил бы ему безусловно. — Наше среднее ускорение — десять *g*. Мне было приказано спешить за Триумвиром Саджаки.

Вот теперь он вспомнил. Появление Саджаки чуть ли не в полночь. Пробежка к хранилищу скафандров. Потом всплыло, хотя и не во всех деталях, прощальное письмо, которое он оставил Паскаль. Это была уступка с его стороны, единственная роскошь, которую он себе позволил. Все равно если бы в его распоряжении были даже целые дни для подготовки бегства, то это вряд ли что-нибудь изменило по существу. Наверняка он не взял бы с собой ни средств для записи своих впечатлений, ни аппарата для фиксации подземных видов. Ведь у него есть доступ к библиотеке скафандра и к его богатой сенсорике. Скафандры были, как хорошо знал Силвест, вооружены, они могли защищать себя от всех тех видов атакующего оружия, с которыми сейчас столкнулся «Плацдарм» Вольевой. Скафандры умели «выдавливать» из себя инструментарий для различных анализов, могли создавать в себе пустоты для хранения в них образцов и результатов их тестирования. Кроме того, подобно космическому кораблю, скафандр мог действовать автономно. Внезапно он понял, что ошибается:

скафандр на самом деле и *был космическим кораблем*. Это сложный, необычайно гибкий аппарат для космических полетов, в котором было место лишь для одного пассажира. Это космический аппарат, который может действовать и в качестве шаттла, и — если необходимо — может быть превращен в средство передвижения по поверхности планеты. Если уж по правде, то, только имея скафандр, он мог надеяться осуществить путешествие в глубины Цербера.

— Я рад, что, пока ты набирал скорость, я спокойно дрыхнул, — сказал Силвест.

— А у тебя не было другого выбора, — ответил скафандр, демонстрируя полное отсутствие интереса. — Пришлось подавить твое сознание. А теперь, будь добр, готовься к снижению скорости. Когда ты снова очнешься, мы уже будем близки к цели нашего путешествия.

Силвест начал уже было подбирать формулировку для следующего вопроса — он намеревался узнать, почему Саджаки не объявился до сих пор, невзирая на обещание сопутствовать Силвесту, но прежде чем ему удалось конкретизировать свои мысли, скафандр снова погрузил его в сон, столь же лишенный сновидений, как и предыдущий.

Пока Хоури будет разыскивать Паскаль, Вольева решила побыть в рубке. Теперь она уже не рисковала прибегать к помощи лифтов, но, к счастью, ей предстояло подняться всего лишь на двадцать уровней. Утомительно, но переносимо. Кроме того, подобное путешествие практически безопасно. В лестничные шахты корабль роботов посылать не может, это ей известно. Даже машин на воздушных подушках, даже тех, что плавают в атмосфере обычных коридоров, пользуясь магнитными полями или сверхпроводимостью. И все же она держала свой автомат наготове, пока кружила по бесконечным лестничным спиралям, останавливаясь лишь перевести дыхание да вслушаться, не слышно ли шелеста существ, крадущихся за ней или поджидающих ее впереди.

Поднимаясь наверх, она развлекалась, обдумывая способы, которыми корабль может убить ее. Это была весьма интересная интеллектуальная задача, которая требовала проверки глубины ее знания корабля, причем в аспекте, о котором ей раньше думать не приходилось. Теперь нужно было смотреть на те же вещи с совершенно иных позиций. Однажды — и не так уж давно — она сама была в ситуации,

аналогичной той, в которой сейчас находился корабль. Она хотела убить Нагорного ускорением или хотя бы не дать ему превратиться в угрозу для нее, что практически было одно и то же. В конце концов она убила Нагорного, так как он первым попробовал уничтожить ее физически. Теперь способ, которым она добилась своего, занимал ее мысли. Она убила Нагорного, ускоряя и замедляя скорость движения корабля, изменяя режимы движения с такой быстротой, что тот заживо превратился в пульпу. Рано или поздно — и она не видела никаких препятствий, которые могли бы этому помешать, — корабль сам по себе обратится к той же идее. И когда это произойдет, ей лучше бы находиться где-нибудь подальше от этой жестяной коробки.

Вольева достигла рубки без помех, хотя не пропустила ни одной тени, без того, чтобы проверить, что это такое — прячущаяся машина или еще хуже — крыса. Она не знала, на что способны крысы, но узнавать это ей вовсе не хотелось.

Рубка была пуста. Она осталась такой же, какой была, когда Вольева покинула ее совсем недавно. Весь разгром, устроенный Хоури, остался не ликвидированным. Даже пятна крови Саджаки на полу этого гигантского полусферического помещения были на месте. Голографический дисплей все еще светился, забрасывая Вольеву массой все время обновляемых данных, касающихся вращения Цербера, «Плацдарма» и так далее. На мгновение к ней вернулся материнский интерес к собственному созданию, которое так стойко держалось против антибиотических сил, обрушенных на него планетой. И хотя она испытывала законное чувство гордости, ей все равно хотелось, чтобы «Плацдарм» проиграл и чтобы Силвесту не удалось проникнуть в недра Цербера. Разумеется, если ему все же удалось добраться живым до планеты.

— Зачем ты пришла сюда? — спросил чей-то голос.

Она повернулась, будто получив обжигающий удар хлыстом. Там стояла фигура, глядевшая на нее сверху вниз с одного из высоких ярусов рубки. Фигура была незнакомая — просто закутанный в темный плащ мужчина со скрещенными на груди руками и оскалом черепа вместо лица. Вольева выстрелила, но фигура не дрогнула, даже когда пуля пронзила ее, а ионный след в воздухе затрепетал точно стяг.

Рядом с первой появилась вторая фигура, одетая несколько иначе.

— Срок твоей аренды истек, — сказала она на самом древнем варианте языка Норт. Этот вариант Вольева знала плохо, так что с большим трудом поняла значение слов.

— Чего ты хочешь добиться? — спросил первый мужчина, но тут рядом с ним появился еще один, а затем еще и еще. Тени далекого прошлого теснили Вольеву со всех сторон. — Эта наглость... — но голос утонул в голосах других призраков, стоявших справа от нее.

...у тебя нет таких прав, Триумвир. Я обязан предупредить тебя...

...ты серьезно злоупотребляешь властью и должна передать ее...

...горько разочаровались, Илиа, и обязаны, со всей деликатностью, потребовать, чтобы ты...

...сняла с себя привилегии...

...полностью неприемлемо...

Когда хор голосов превратился в непрерывный бессловесный рев, а конгрегация мертвецов заполонила весь зал, Вольева закричала. Куда бы она ни обращала взор, всюду ее окружала масса древних лиц, шевелящих широко разинутыми ртами, будто каждый из призраков был тут единственным оратором. И будто каждый воображал, что всеобщее внимание обращено именно на него. Казалось, они молятся ей. Молятся, ибо она всемогуща. Молятся и одновременно жалуются. Сначала со злобой, будто она их чем-то разочаровала, потом с ненавистью и презрением, как будто она не только обманула их, но обманула постыдно и при этом еще совершила неслыханный грех, такой мерзкий, что о нем даже сказать нельзя, а можно лишь кривить губы и сверкать глазами, в которых полыхает стыд за нее.

Вольева подняла автомат. Соблазн выпустить в этих придурков всю обойму был нестерпим. Убить их, конечно, нельзя, зато можно повредить систему их запуска. Но боеприпасы надо беречь. Арсенал теперь недоступен.

— Убирайтесь! — завопила она. — Убирайтесь от меня куда подальше!

Один за другим мертвецы смолкали и исчезали. А перед тем как исчезнуть, каждый обескураженно качал головой, будто ему в такую минуту стыдно находиться рядом с ней. Наконец-то Вольева почувствовала себя свободной. Теперь она дышала короткими вздохами, ей надо было хоть немного успокоиться. Она зажгла сигарету, она курила ее медленно, стараясь дать отдых мозгам. Пальцы руки по-

глаживали автомат. Вольева радовалась, что истратила на мертвецов лишь один патрон, хотя полное разрушение рубки доставило бы ей чувство острого наслаждения. Прикосновение к оружию было необычайно приятно. Хоури сделала великолепный выбор. На ложе автомата золотом и серебром горели китайские драконы.

И тут с дисплея раздался новый голос.

Вольева подняла глаза и увидела лицо Похитителя Солнц.

Именно таким он и должен быть, решила она еще тогда, когда Паскаль открыла ей значение его имени. Он был такой, каким она его себе представляла, только много хуже. Потому что она не просто видела, как выглядит этот инопланетянин. Она видела его таким, каким он видел себя сам, а, по-видимому, с мозгами у Похитителя Солнц дело обстояло не слишком благополучно. Она вспомнила Нагорного и только теперь поняла, почему тот сошел с ума. Она не винила его, поскольку он жил с этим страшилищем, угнездившимся в его голове, и не имел понятия о том, откуда оно там взялось и чего от него хочет. Нет! Теперь она только жалела погибшего артиллериста, этого несчастного беднягу! А может, и она уже погрузилась в психопатию, встретившись с этим фантастическим придурком, оживающим в каждом сне и в каждой мысли, рождающейся поутру.

Когда-то Похититель Солнц был, вероятно, амарантянином. Затем он изменился, возможно, по собственной воле — благодаря генной инженерии, вылепив из себя и своих Отверженных совершенно новый биологический вид. Они переделали свое анатомическое строение для полетов в условиях нулевой гравитации. Вырастили огромные крылья. Теперь она видела их — они возвышались над круглой лысой головой, которая, казалось, была выдвинута в сторону Вольевой.

Это был, скорее, череп. Правда, глазницы были не совсем пусты. Не пустота заполняла их до краев, а черная абсолютная глубина, такая же черная и бездонная, какой Вольева представляла Завесу Странников. Кости Похитителя Солнц светились безжизненным светом.

— Несмотря на то, что я говорила раньше, — сказала Вольева, когда первый шок от того, что она видела, прошел, или вернее, понизился до отметки, на которой она

могла его переносить, — я думаю, что ты уже нашел способ убить меня. Если, конечно, твоя цель заключалась в этом.

— Ты не можешь знать, чего я хочу.

Когда он говорил, то слов слышно не было. Было безмолвное отсутствие, которое непонятным способом передавало смысл, как бы вырезая его из молчания. Сложные челюсти этого создания вообще не двигались. Разговор, как она вспомнила, вообще никогда не был у амарантян средством общения. Их общество развивалось, так сказать, на основе визуальных связей. Надо думать, нечто столь важное сохранилось и после того, как Похититель Солнц покинул Ресургем и стал трансформировать свой народ. Трансформация была столь радикальна, что когда они позже вернулись на свою старую планету, их приняли как крылатых богов.

— Зато я знаю, чего ты не хочешь, — сказала Вольева. — Ты не хочешь ничего, что способно помешать Силвесту достигнуть Цербера. Вот почему ты обрек нас на смерть. Чтобы мы не нашли способа помешать ему.

— Его миссия имеет для меня колоссальное значение, — ответил Похититель Солнц, но тут же поправился. — Для нас. Для тех, кто выжил.

— Выжил после чего? — Может, это будет ее последний шанс достигнуть с ним согласия. — Нет, подожди! Что еще вы могли пережить, кроме гибели амарантян? Или это действительно так? Неужели ты нашел способ не умирать?

— Ты теперь знаешь, где я вошел в Силвеста. — Это не был вопрос. Утверждение. Вольева подумала о том, многие ли из их рассуждений стали известны Похитителю Солнц.

— Это должна быть Завеса Ласкаля, — сказала она. — Только в этом и есть хоть какой-то смысл, хотя и не слишком большой, должна признаться.

— Это было там, где мы обрели Убежище. Девятьсот девяносто тысяч лет назад.

Совпадение было слишком знаменательное, чтобы ничего не значить.

— То есть с того времени, как жизнь на Ресургеме погибла?

— Да. — Это слово сопровождалось звуком, похожим на шипение. — Завесы придуманы нами. Это была последняя отчаянная попытка нашей Стаи, предпринятая уже после того, как оставшиеся на поверхности планеты амарантяне были испепелены.

— Не понимаю... Ласкаль рассказывал, да и сам Силвест обнаружил...

— От них скрыли истину. Ласкаль видел нечто вроде фантастического романа, где наша сущность была подменена изображением представителей куда более древней культуры, совсем непохожими на нас. Истинная цель Завес осталась для него скрытой. Ему показали ложь, которая могла пробудить интерес у других, и повести их вдаль.

Теперь Вольева поняла, как сработали эту ложь. Ласкалю сказали, что Завесы представляют склады опасных технологий — вещей, к которым Человечество втайне стремилось, — двигателей, позволяющих развивать скорость больше скорости света, и так далее. Когда Ласкаль поведал это Силвесту, стремление последнего проникнуть за Завесу, разумеется, еще больше разгорелось. Ему удалось получить поддержку всей демархистской общины Йеллоустона и с ее помощью осуществить свою цель, так как выгоды подобного предприятия для группы, которой удалось бы прикоснуться к этим тайнам, трудно себе вообразить.

— Но если это ложь, — спросила Вольева, — то какова же истинная функция Завес?

— Мы создали их, чтобы спрятаться за ними, Триумвир Вольева. — Казалось, Похититель Солнц наслаждается игрой с ней, как наслаждается и ее непониманием. — Это Убежища. Области реконструированного пространства-времени, где мы можем жить в безопасности.

— В безопасности от кого?

— От тех, кто пережил Войну Утренних Зорь. От тех, кто получил прозвище Подавляющих.

Она кивнула. Многого она еще не понимала, но одна вещь для нее была вполне ясна. То, что рассказала ей Хоури — фрагменты того странного сна, который она увидела в Оружейной, — очень походило на правду. Хоури запомнила далеко не все, многое она передавала Вольевой не в правильной последовательности, но теперь стало очевидным, что все это происходило потому, что от Хоури ожидали понимания чего-то слишком огромного, слишком чуждого, слишком апокалиптического, чего ее разум просто не умел понять и сохранить. Она честно старалась, но одного старания тут мало. Теперь же Вольевой предлагали самой сложить куски этой картины, хотя и с совсем-совсем другой точки зрения.

О Войне Утренних Зорь Хоури рассказала Мадемуазель, которая не хотела, чтобы Силвест добился успеха. А Похититель Солнц, напротив, больше всего на свете желал удачи предприятию Силвеста.

— Так что же происходит? — спросила Вольева. — Я догадываюсь, чем ты тут занят. Ты задерживаешь меня. Ты заставляешь меня терять время, ибо знаешь, что я готова на все, лишь бы получить ответы, которыми обладаешь ты. И отчасти ты прав. Я хочу знать. Я хочу знать все.

Похититель Солнц молча ожидал возможности ответить на кучу вопросов, которые она тут же начала ставить перед ним. Задав их и получив ответы, Вольева решила, что может использовать один из патронов своей обоймы. Она выстрелила в дисплей, и огромный стеклянный шар разлетелся на миллиард осколков. В том же взрыве исчезло и лицо Похитителя Солнц.

Хоури и Паскаль шли кружным путем к медицинскому отсеку, избегая лифтов и свежеотремонтированных коридоров, по которым легко могли передвигаться роботы. Обе все время держали на взводе свои пистолеты и предпочитали уничтожать все, что казалось им хоть немного подозрительным, даже если это подозрительное оказывалось всего лишь сгустком теней или страшным пятном на стене.

— А он тебя не предупредил, что хочет отправиться так скоро? — спросила Хоури.

— Нет. Он не собирался уходить немедленно. Вернее, вчера мне что-то померещилось, но я постаралась его отговорить.

— А что ты теперь о нем думаешь?

— А чего ты от меня ждешь? Он мой муж. И мы любим друг друга. — Сказав это, Паскаль чуть не упала, а Хоури протянула руки, чтобы поддержать ее. Паскаль терла глаза до тех пор, пока они совсем не покраснели. — Я ненавижу его за то, что он сделал. И ты бы чувствовала то же самое. И я не понимаю его. Но я все равно люблю. Я все думаю... а может, он уже умер? Это ведь возможно, да? А если и нет, то где гарантия, что я его увижу?

— Там, куда он отправился, не слишком безопасно, — сказала Хоури и тут же подумала: а опаснее ли там сейчас, чем у нас на корабле?

— Да, я знаю. Я думаю, он даже не подозревает, какой опасности подвергает он себя... или всех нас.

— И все же твой муж — не обсевок в поле. Мы же говорим не о ком-нибудь, а о самом Силвесте! — Хоури напомнила Паскаль, что до сих пор жизнь Силвеста текла полосами невообразимых удач, и было бы странно, если бы фортуна покинула его в тот час, когда то, к чему он стремился всю свою жизнь, оказалось от него на расстоянии протянутой руки. — Он, конечно, скользкий прохвост, а потому шанс, что он и отсюда выберется, достаточно высок.

Этот панегирик хоть и немного, но все же успокоил Паскаль.

Только после этого Хоури рассказала ей о гибели Хегази и о том, что корабль, по всей вероятности, вознамерился уничтожить всех, кто еще остался на борту.

— Саджаки здесь не должно быть, — сказала Паскаль. — Я хочу сказать, что ему тут делать просто нечего. Ведь Дэн не знает, как добраться до Цербера. Поэтому он нуждается в помощи кого-то из вас.

— Вот и Вольева так думает.

— Тогда зачем мы сюда пришли?

— Полагаю, Илиа ждет подтверждения своих предположений.

Хоури сильным толчком отворила дверь, ведущую в медицинский отсек из частично затопленного короткого коридора. Одновременно она успела отвесить ловкий пинок сторожевой крысе, мешавшей ей войти в дверь. В клинике воняло. И воняло исключительно противно. Она тут же узнала этот запах.

— Паскаль, мне тут очень не нравится.

— Я... А что полагается говорить в подобных случаях? «Иди, я прикрою»? — Паскаль держала свой низкоэнергетический пистолет в руке, причем выглядела так, будто была не слишком уверена в своем умении с ним обращаться.

— Да, — отозвалась Хоури. — Прикрой меня. Совсем неплохая мысль.

Она прошла в клинику, выставив вперед ствол винтовки.

Когда Хоури вошла в комнату, та отреагировала на ее присутствие, тут же задействовав освещение. Хоури в свое время, после ранения Триумвира, навещала здесь Вольеву и считала, что достаточно хорошо разбирается в местной географии.

Прежде всего она взглянула на кровать, где должен был лежать Саджаки. Над кроватью висел тщательно отобранный набор шарнирных и откидных сервомеханических медицинских инструментов, расходящихся от одной точки, будто то была стальная рука мутанта с неожиданно многочисленными пальцами, каждый из которых заканчивался острым когтем. И все они были густо измазаны кровью. Она уже успела загустеть и походила на потеки красного стеарина.

— Паскаль, не надо сюда...

Но та уже успела увидеть то, что лежало на кровати под инструментами. Похоже, этот предмет был когда-то человеком по имени Саджаки. Кровать тоже залита красным. Разглядеть, где кончался Саджаки, а где начинались его выпотрошенные внутренности, представлялось почти невозможным. Он чем-то напоминал Хоури Капитана, но вместо серебристой окраски здесь была кроваво-красная. Как будто художник нарисовал на одну и ту же тему две картины, одна из которых была исполнена в более плотских и ярких тонах. Две половины одного страшного диптиха.

Грудь трупа вздулась и высоко поднялась над постелью, будто струи гальванизирующих токов все еще текли сквозь тело Саджаки. Но сама грудная клетка была разодрана. На дне расселины, тянувшейся от грудины до лобка, лужей стояла запекшаяся кровь, как будто чья-то стальная ручища разорвала Саджаки почти пополам и вырвала из живота все внутренности. Скорее всего так все оно и было. Возможно, это произошло, когда Саджаки заснул. Пытаясь удостовериться в этом, Хоури вгляделась в его лицо. Впрочем, выражения лица не различить — его скрывал слишком густой слой крови.

Нет, Триумвир Саджаки почти наверняка не спал.

Хоури спиной ощутила присутствие Паскаль.

— Не забывай, что я уже видела смерть, — сказала та. — Я ведь видела, как убивали моего отца.

— Но такого тебе видеть не приходилось.

— Да, — ответила Паскаль, — ты права. Ничего подобного я еще не видала.

И тут грудь Саджаки вроде как взорвалась. Что-то вылетело из нее, что-то такое, что было надежно закамуфлировано фонтаном крови, который оно само вызвало к жизни, так что было совершенно невозможно различить, что же это такое, пока оно не плюхнулось на покрытой кровью пол и не помчалось прочь, волоча за собой похожий на голого червя хвост.

И тут же еще три крысы высунули из груди Саджаки свои острые морды, нюхая воздух и злобно тараща на Хоури и Паскаль одинаковые черные бусины глаз. Эти зверьки тоже перескочили через края «кратера», образованного ребрами Саджаки, шлепнулись на пол и последовали за той крысой, которая уже успела убежать. Все они моментально скрылись в каком-то укромном темном углу комнаты.

— Давай-ка смоемся отсюда, — сказала Хоури. Не успела она еще договорить, как что-то сдвинулось. Кисть стальных пальцев, двигаясь со слепящей быстротой, схватила ее парой своих когтистых, ромбических клешней, да так ловко, что она успела лишь пронзительно взвизгнуть. Клешня вцепилась в куртку и принялась терзать ее, в то время как Хоури, напрягая все силы, пыталась вырваться из стального капкана.

Она все же вырвалась, но машина уже успела вцепиться в ее винтовку и мощным рывком заставила женщину разжать пальцы. Хоури рухнула в жидкую грязь на полу. Обнаружив, что ее куртка измазана в крови Саджаки, она тут же заметила несколько ярких кровавых потеков на ложе винтовки, которые, должно быть, принадлежали уже ей самой.

Хирургическая машина подняла винтовку и подержала ее на виду, как бы хвалясь захваченным охотничьим трофеем. Парочка наиболее ловких манипуляторов попала куда надо и начала ощупывать клавиши управления и поглаживать кожу приклада, явно испытывая при этом извращенное наслаждение. Медленно, медленно манипуляторы наводили ствол на Хоури.

Паскаль подняла свой лучевой пистолет и разнесла всю установку. Измазанные засохшей кровью металлические обломки рассыпались по останкам Саджаки. Плазменная винтовка Хоури упала на пол обугленной, от нее шел вонючий дым. Из затвора и ствола летели голубые искры. Хоури поднялась с пола, всем телом ощущая кровавую грязь, измазавшую ее с ног до головы.

Безнадежно испорченная плазменная винтовка злобно жужжала, фонтаны искр сыпались все обильнее.

— Сейчас взорвется! — крикнула Хоури. — Скорее бежим отсюда!

Они повернули к двери и только спустя секунду сообразили, что выход уже блокирован. Их были тысячи. Они шли в три слоя, утопая в скользкой жиже, причем каждой отдельной крысе было плевать на собственную жизнь, они перли безумной массой в предчувствии близкой победы. А сзади нажи-

мали новые крысы — сотни, тысячи новых крыс, они лезли друг на друга, они покрывали весь пол коридора в пределах видимости. Могучий прилив грызунов, готовящийся ворваться внутрь отсека — цунами жадного крысиного аппетита.

Хоури выхватила единственное оставшееся у нее оружие — маленький, не слишком эффективный игольный пистолет, который она таскала с собой только ради точности его боя. Она повела стволом вдоль фронта наступающей волны крыс, тогда как Паскаль глушила их своим лучевым оружием, — тоже не сказать, чтобы хорошо приспособленным к этой задаче. Крысы взрывались и горели там, куда женщины направляли свое оружие, но тут же на их месте возникали десятки новых. Крупный отряд крыс уже просачивался в медицинский отсек.

Внезапно коридор вдали осветился ослепительной вспышкой, за которой последовала серия взрывов, таких частых, что они сливались в сплошной рев. Гром взрывов и вспышки света приближались. Теперь крысы взлетали на воздух, подброшенные ударными волнами взрывов. Вонь от горящих грызунов казалась непереносимой. Здесь воняло даже хуже, чем в клинике. Постепенно крысиная волна стала спадать, а затем и вовсе пропала. В дверях возникла Вольева. Из ее автомата, точно икота, вылетали клочки дыма, дуло светилось раскаленной лавой. Молчание испорченной винтовки Хоури вдруг стало зловещим.

— Самое время уходить, — выдохнула Вольева.

Обе женщины бросились к ней, давя уже дохлых крыс и крыс, ищущих убежища. Внезапно Хоури ощутила мощный удар в спину. Это был удар ветра, воздушной волны, пышущей таким жаром, которого она еще никогда не ощущала. Она почувствовала, что теряет контакт с полом, что поднимается в воздух и летит.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

На подходе к поверхности Цербера, год 2566-й

На этот раз ощущение потери памяти прошло быстрее, хотя место, в котором оказался Силвест, было незнакомым и каким-то особенно чужим.

— Мы спускаемся к «Плацдарму» на Церберe, — проинформировал его скафандр голосом ровным и приятно

лишенным всякой аффектации, как будто это было самое заурядное событие в мире. По щитку, закрывающему лицо скафандра, бежали какие-то изображения, но глаза Силвеста не успевали сфокусироваться на них, так что в конце концов ему пришлось приказать скафандру проецировать изображения прямо в мозг. Стало лучше. Фальшивые контуры поверхности — теперь уже огромные, заполняющие половину неба, — рисовались в лиловых тонах. Их сложные конфигурации должны были имитировать разнообразие геологических структур и коренных пород, но сейчас планета казалась еще более искусственной и придуманной, нежели раньше. Естественное освещение практически отсутствовало, исключая два слабых красных маячных огня — Гадеса и самой Дельты Павлина. Скафандр это скомпенсировал, переведя изображения, полученные в инфракрасном режиме, в спектр, воспринимаемый человеческим глазом.

На снимках над горизонтом что-то торчало, отсвечивая зеленоватым тоном.

— «Плацдарм», — сказал Силвест, желая хотя бы услышать человеческий голос. — Я вижу его.

Отсюда плацдарм казался совсем маленьким, похожим на кончик небольшого осколка, изгадившего статую самого Господа Бога. Цербер имел в диаметре около двух тысяч километров, «Плацдарм» всего четыре километра в длину, но большая часть корпуса была сейчас погружена в кору планеты. В некотором смысле именно малая величина этого сооружения в сравнении с огромностью Мира говорила об искусстве Илиа. «Плацдарм» был мал, и все же это был шип, воткнутый в тело Цербера. Это было отлично видно даже отсюда: кора вокруг «Плацдарма» выглядела воспаленной и сморщенной, нанесенные им увечья далеко выходили за пределы выносливости к боли, данной этой планете. В радиусе нескольких километров от «шипа» кора отказалась от попытки выглядеть реальной. Здесь она обнаружила свою истинную сущность — сеть с металлическими гексагональными ячейками, по краям приросшая к камню.

Через несколько минут Силвест должен был оказаться над «пастью» — открытым основанием конуса. Силвест уже ощущал, как сила гравитации начинает давить на его нутро, хотя он, как и раньше, находился в жидком воздухе скафандра. Сила тяготения составляла тут четверть земной,

но падение с той высоты, на которой сейчас был Силвест, было бы фатально, что без скафандра, что в нем.

Теперь — в конце путешествия — появилось еще нечто, разделявшее вместе с ним тот небольшой объем космоса, который его окружал. Он громко крикнул в разговорное устройство и тут же увидел скафандр — точно такой же, как его собственный, серебристо сверкающий на фоне черного неба и чуть-чуть опережающий его в полете. Он двигался по той же траектории, направляясь к «Плацдарму», вернее, к круглому отверстию, ведущему в него. Два летящих объедка от даров моря, подумал он, которых тяготение несет прямо в колоссальную глотку поджидающего их «Плацдарма», которого, в свою очередь, переваривает чрево Цербера.

А пути-то назад нет, мелькнуло в его мозгу.

Три женщины бежали по коридору, выстланному ковровой дорожкой из мертвых крыс и еще каких-то почерневших жестких скорлупок, которые, видимо, тоже когда-то были крысами, но теперь к ним было отвратительно даже прикоснуться, чтобы узнать, что это такое. На всех имелся только один исправный автомат, но он вполне мог уничтожить любого робота, высланного им наперерез. Небольшие пистолеты тоже были на это способны, но только если с ними правильно обращаются, да и удача тоже нужна.

Время от времени пол под ногами женщин дергался, что весьма действовало им на нервы.

— В чем дело? — спрашивала охромевшая Хоури, которая получила весьма солидную ссадину при взрыве в медицинском отсеке. — Что все это значит?

— Это значит, что Похититель Солнц экспериментирует, — ответила Вольева. После каждых двух-трех шагов ей приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание. У нее мучительно болел бок — все раны, зажившие после Ресургема, казалось, были готовы открыться заново. — До сих пор он пытался покончить с нами простейшими средствами. Роботы, крысы. Однако он понял, что если научится как следует управлять ускорением, причем будет делать это, оставаясь сам в пределах безопасности, то сумеет убить нас просто резкими рывками тяги. — Задыхаясь, она сделала еще несколько мелких прыжков. — Именно так я убила Нагорного. Но Похититель Солнц еще плохо знаком с кораблем, хотя ему и удалось захватить его. Он пытается ме-

нять скорость постепенно, так как не понимает, как работает двигатель. А когда поймет...

— Неужели нет места, где бы мы могли чувствовать себя в безопасности? Куда не смогли бы проникнуть ни крысы, ни механизмы? — спросила Паскаль.

— Да, есть. Но такого, куда не проникло бы ускорение и не смогло бы нас уничтожить, такого нет.

— Тогда нам надо поскорее покинуть корабль. Ты это имеешь в виду?

Вольева остановилась и внимательно оглядела коридор, в котором они находились. Ей показалось, что он не из тех, которые прослушиваются.

— Слушайте, — сказала она. — Не следует питать иллюзий. Если мы убежим с корабля, то очень сомнительно, что потом найдем дорогу обратно. С другой стороны, у нас есть долг — надо остановить Силвеста, если, конечно, на это есть хоть один шанс. Даже если мы в этой попытке погибнем.

— Но как мы доберемся до Дэна? — спросила Паскаль. Очевидно, идея остановить Силвеста в ее представлении означала, что его надо сначала разыскать, а уж потом — не дать убежать вперед. Вольева решила не лишать ее этой иллюзии, во всяком случае сейчас. У нее-то лично представления были совсем иные.

— Я думаю, твой муж забрал один из скафандров, — сказала она. — Если верить моему браслету, то все шаттлы на своих местах. К тому же у него нет опыта их пилотирования.

— А может, он получил помощь от Похитителя Солнц? — вмешалась Хоури. — Слушайте, не лучше ли нам поспешить? Мне кажется, мы бежим наобум, но все равно я предпочла бы двигаться, вместо того, чтобы торчать здесь.

— Наверняка он взял скафандр, — сказала Паскаль. — Это больше в его стиле. Но он не сделал бы этого в одиночку.

— А как насчет помощи Похитителя Солнц?

Паскаль затрясла головой.

— Забудьте об этом! Он ведь в Похитителя Солнц даже не верит. Если бы у него и появилась мысль, что его кто-то ведет, кто-то толкает к чему-то, то он бы отказался от такой помощи.

— А может, у него не было выбора? — произнесла Хоури. — Но черт с ним, предположим, он взял скафандр. Как же мы поймаем его?

— Только на Цербере. — Об этом не хотелось думать. Вольева прекрасно знала, как быстро можно преодолеть миллион километров, если человек способен выдержать постоянное ускорение в десять *g*. — Сами мы скафандры не возьмем. Опасно. Особенно того типа, которым воспользовался твой муж. Нам придется взять шаттл. У него скорость меньше, но зато и меньше шансов, что Похититель Солнц захватит власть над нами.

— Почему так?

— Клаустрофобия. Шаттлы примерно на три столетия устарели в сравнении со скафандрами.

— И чем это нам может помочь?

— Поверь мне, когда мы имеем дело с заразными паразитами, обитающими в умах инопланетян, я всегда предпочитаю пользоваться простейшими средствами. — Затем, спокойная, будто ставила точку в конце разговора, Вольева прицелилась и пристрелила сторожевую крысу, которая осмелилась высунуть нос в коридор.

— Я помню это место, — сказала Паскаль. — Именно сюда ты привела нас, когда...

Хоури заставила дверь открыться. Ту, на которой был изображен паук.

— Входи, — пригласила она. — Чувствуй себя как дома. И можешь начать читать какую-нибудь молитву, чтобы я вспомнила, как Вольева обращалась с этой штуковиной.

— А где она встретится с нами?

— Снаружи, — ответила Хоури. — Я на это искренне надеюсь. — К этому времени она уже закрыла дверь Паучника и теперь, глядя на медные и бронзовые переключатели, с нетерпением ждала, что в ее голове вспыхнет хоть слабая искорка воспоминания о том, как ими пользоваться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Орбита Цербера-Гадеса, год 2566-й

Подходя к Капитану, Вольева выхватила свой игольный пистолет. Она понимала, что ей необходимо как можно быстрее добраться до ангара шаттлов и что любая задержка может дать Похитителю Солнц время, чтобы убить ее. Но было нечто такое, что она была обязана исполнить. Это

было нелегко, это было нерационально, но она знала — в любом случае это необходимо сделать. Она спустилась по трапу на капитанский уровень и ощутила такой жуткий холод, что, казалось, дыхание у нее замерзает прямо в глотке. Крысы тут не попадались: слишком холодно. Да и роботам сюда добираться трудно из-за риска превратиться в часть Капитана, стать добычей Чумы.

— Ты слышишь меня, подонок? — Перед этим она отдала браслету приказ слегка подогреть Капитана, дабы восстановить его мыслительный процесс. — Если да, то слушай внимательно. Наш корабль захвачен.

— А мы все еще болтаемся у Жировика?

— Нет... нет, мы не у Жировика. Жировик был очень давно.

Прошло несколько секунд, и Капитан спросил:

— Так ты говоришь, что корабль захвачен? И кем же?

— Кем-то совсем нам чуждым. Кем-то с весьма неприятными амбициями. Большинство наших погибли. Саджаки, Хегази и все члены команды, которых ты мог знать. Остальные — немногие, — оставшиеся в живых, собираются, если удастся, бежать с корабля. Я не думаю, что мы когда-нибудь вернемся сюда опять. Вот почему я собираюсь совершить нечто, что может показаться тебе, скажем так, чрезмерным.

Она наставила на него пистолет. Ствол был точно нацелен на покрытую трещинами бесформенную массу холодильной установки, обволакивавшей Капитана.

— Я собираюсь тебя подогреть, понял? Несколько последних десятилетий все, что мы могли сделать, это держать тебя в холоде, при самых низких температурах. Это ничего нам не дало, так что, надо думать, наш подход к данной проблеме был неверен. Кто знает, возможно, нам следовало позволить тебе захватить весь этот проклятый корабль, любым путем, которым тебе заблагорассудилось бы.

— Я не думаю...

— А мне наплевать, что ты думаешь, Капитан. Я все равно поступлю, как захочу.

Ее палец на спусковом крючке напрягся. В уме она подсчитывала, с какой скоростью начнет Капитан распространяться в стороны, когда «разогреется», и цифры получались совершенно потрясающие... но ведь они никогда не предполагали, что сделают это.

— Илиа, пожалуйста...

— Слушай, ты, свинья! — почти крикнула она. — Может, это сработает, может, нет. Но если я когда-нибудь демонстрировала тебе свою лояльность — должен же ты помнить меня, — то я прошу за это только одного: чтобы ты тоже сделал для нас кое-что.

Она уже приготовилась стрелять, уже хотела всадить заряд в холодильную установку Капитана, когда что-то заставило ее повременить.

— Есть еще одна вещь, которую я хочу тебе сказать. Она касается того, кем ты являешься. Или, скорее, черт бы тебя побрал, кем ты стал.

Она ощущала во рту горькую сухость, она чувствовала, как стремительно убегает такое драгоценное для нее время, но что-то настоятельно требовало от нее продолжения.

— Что ты хочешь мне сказать?

— Ты вместе с Саджаки летал на планету Трюкачей, не так ли? Я знаю это. В команде об этом говорили, даже сам Саджаки рассказывал. А вот о чем никто рта не разевал, так это о том, что там с вами случилось, что Трюкачи сделали с вами обоими. О, мне известны слухи, но слухи — они только слухи. Их выдумал сам Саджаки, чтобы сбить меня со следа.

— А ничего там и не произошло.

— Нет! Не так! Там вот что произошло: много лет назад ты убил Саджаки.

Его голос звучал насмешливо, будто он просто не расслышал Вольевой.

— *Я* убил Саджаки?

— Ты заставил Трюкачей сделать это. Ты уговорил их стереть его сознание и переписать поверх его нервной матрицы твою. Ты стал им.

Ей пришлось остановиться, чтобы восстановить дыхание, хотя она уже почти выговорилась.

— Одного собственного существования тебе было мало. А может быть, ты понимал, что этого тела тебе надолго не хватит. Особенно из-за того, что вокруг кишмя кишат вирусы. Поэтому ты «колонизировал» своего помощника, а Трюкачи исполнили то, чего ты от них добивался, ибо они столь чужды нам, что не способны постичь концепцию убийства. Все это правда, не так ли?

— Но...

— Заткнись! Вот почему «Саджаки» не хотел, чтобы ты выздоровел — к этому времени он уже был тобой и со-

вершенно не был заинтересован в том, чтобы ты выздоровел. И вот почему он смог денатурировать мою сыворотку против Чумы — он обладал твоим опытом. Да я бы убила тебя за одно это, свинья, но ты и без того уже мертв, ибо то, что осталось от «Саджаки», сейчас украшает наш медицинский центр.

— Саджаки мертв? — Похоже было, что слова о других смертях среди членов команды не достигли его сознания.

— Думаешь, тебя это оправдывает? Теперь ты один. Волен поступать, как хочешь. И единственное, что ты можешь сделать, чтобы защитить свое существование от Похитителя Солнц, — это распространяться все дальше и дальше, пока не захватишь весь корабль. Иначе говоря, тащить за собой повсюду свою Чуму.

— Но... пожалуйста...

— Ты убил Саджаки, Капитан?

— Это было... так давно... — Однако в его голосе было нечто такое, что не давало возможности считать эти слова отрицанием. Вольева выпустила целую обойму прямо в холодильную установку. Увидела, как еще сохранившиеся на коконе циферблаты и счетчики мигнули в последний раз и погасли, почувствовала, что воздух становится чуть теплее и увидела, как по мере согревания лед на холодильнике начинает отсвечивать влагой.

— Я ухожу, — шепнула она. — Мне нужно было узнать истину. Думаю, что имею право пожелать тебе удачи, Капитан.

А потом побежала прочь, боясь оглянуться и увидеть то, что происходит за ее спиной.

Скафандр Саджаки, дразня, маячил впереди Силвеста все время, пока они спускались в воронку «Плацдарма». Наполовину погруженный в тело планеты перевернутый конус, который еще несколько минут назад казался таким крошечным, теперь занимал все поле зрения Силвеста, а его крутые, почти отвесные стены загораживали горизонт во всех направлениях. Временами конус содрогался, и Силвесту пришлось вспомнить, что этот механизм ведет смертельную битву с защитными системами Цербера, а потому слепо полагаться на его защиту никак не следует. Как только «Плацдарм» будет побежден, понимал Силвест, он будет поглощен и переварен буквально за считанные часы. Рана

в коре планеты затянется, а с ней исчезнет и путь отступления.

— Надо пополнить реакторную массу, — сказал скафандр.

— Что?

Впервые за все время с тех пор, как они покинули корабль, ему ответил сам Саджаки.

— Мы использовали значительную часть своего запаса этой массы, чтобы добраться сюда. Необходимо пополнить его до того, как мы окажемся на вражеской территории.

— Каким способом?

— Оглянитесь. Тут колоссальные ресурсы этой массы, которые только и ждут, чтобы ее кто-то использовал.

Конечно же! Никто не может помешать им забрать себе часть запасов этой массы у самого «Плацдарма»! Силвест согласился, тем более что самому ему делать ничего не пришлось, так как Саджаки взял на себя управление и его скафандром. Одна из крутых, слегка изогнутых стен, поднималась совсем рядом, а на ней торчали какие-то красные наросты и группы механизмов. Масштабы этой стены поражали воображение. Она походила на дамбу, концы которой, закругляясь, сходились где-то далеко-далеко. Где-то в этой стене, подумал Силвест, замурованы тела Алисии и ее сторонников — мятежников.

Здесь существовала определенная сила тяжести, с которой был связан и страх высоты. Он отнюдь не умерялся тем, что конус суживался книзу, превращаясь в бесконечно глубокую шахту. Где-то — почти километром ниже — походившее на звездочку пятнышко скафандра Саджаки приземлилось на полку примерно метровой ширины. Ноги скафандра мягко коснулись выступа, и Саджаки встал в полный рост, готовый рухнуть в Ничто, находившееся за его спиной.

— Что мне делать? — спросил Силвест.

— А ничего, — ответил Саджаки. — Ваш скафандр все прекрасно знает сам, что ему делать. Я предложил бы вам начать доверять ему. Он ведь уже давно занят сохранением вашей жизни.

— И, по-вашему, это должно меня воодушевить?

— А вы полагаете, в данный момент такое воодушевление вам не нужно? Вы ведь готовитесь вступить в совершенно чуждую вам среду обитания, где до сих пор не бы-

вал еще ни один смертный. Думаю, вы нуждаетесь в какой-либо подстраховке.

Пока они обменивались этими фразами, из груди скафандра Силвеста вылезло нечто вроде хобота, который коснулся стены «Плацдарма». Еще несколько секунд, и хобот мерзко запульсировал, по всей его длине от стены к скафандру побежали утолщения.

— Отвратительно, — буркнул Силвест.

— Почему же? — возразил Саджаки. — Он всасывает из стены тяжелые элементы. «Плацдарм» щедро делится с нами, так как видит в скафандрах своих друзей.

— А что будет, если у нас кончится энергия, когда мы будем находиться в недрах Цербера?

— Задолго до того, как проблема энергии станет проблемой для вашего скафандра, вы будете уже мертвецом. Ему приходится пополнять лишь реакторную массу для своих двигателей. Прочей энергии у него достаточно, но ему нужно топливо для работы тормозных двигателей.

— Знаете, мне не слишком понравилась та часть вашего спича, где говорилось о моей возможной смерти.

— Что ж, возвратиться еще не поздно.

Проверяет меня, подумал Силвест. Сначала это показалось ему даже разумным, но только на мгновение. Он боялся, да, боялся, даже больше, чем хотелось бы признаться самому себе. Примерно так же, как боялся тогда, когда шел к Завесе Ласкаля. Но, как и тогда, он знал, что единственный способ преодолеть страх — это идти вперед. Чтобы встретиться с тем, что порождает этот страх. Но когда пополнение запаса топлива завершилось, Силвесту потребовалось преодолеть огромное нервное напряжение, чтобы соскочить с карниза и продолжить спуск в пустоту, оконтуренную стенами «Плацдарма».

Они опускались все ниже и ниже, падая сквозь казавшиеся бесконечными секунды, время от времени прерываемые выхлопами ракетных двигателей. Теперь Саджаки частично передал управление скафандром Силвесту, медленно снизив доминирующую автономность скафандра, чтобы им управлял сам Силвест. Этот переход был почти незаметен. Сейчас они спускались со скоростью тридцать метров в секунду, но казалось, что скорость возрастает по мере того, как стены воронки сжимаются. Теперь Саджаки держался от Силвеста на расстоянии нескольких сот метров, но отсутствие у скафандра лица как-то уничтожало

ощущение человеческого присутствия, не создавало ощущения товарищества. Словом, Силвесту было ужасно одиноко. Мелькнула мысль, что для этого есть причина. Вполне возможно, что ни одно разумное существо не приближалось к Церберу так близко со времени последнего визита амарантян. Чьи же призраки обитали тут последние тысячи столетий?

— Приближаемся к последней трубе с форсункой, — предупредил Саджаки.

Стены конуса сошлись так близко, что диаметр образованного ими круга был не более тридцати метров. Сами стены теперь уходили куда-то в бездонную глубь почти вертикально. Скафандр падал прямо по центру этого колодца, держась так без приказа самого Силвеста. Саджаки летел слегка позади.

— Не стану отнимать у вас честь войти первым, — сказал Триумвир. — В конце концов вы так долго добивались этого.

Теперь они спускались по узкой шахте, конца которой не было видно. Почувствовав их появление, на стенах сами собой зажглись редкие красные светильники. Впечатление от скорости усилилось, она казалась громадной, чувство тошноты стало почти непереносимым — наверняка такие ощущения должны были бы возникнуть у существа, которого выдавливают наружу из громадного шприца. Силвест припомнил, как Кэлвин демонстрировал ему когда-то движение эндоскопа сквозь кровеносную систему одного из своих больных. Старинный медицинский инструмент, с объективом на одном конце тонкого кольчатого тела. Он вспомнил, как этот «червь» быстро проник в артерию. А потом почему-то вспомнился ночной полет в Кювье, после ареста во время раскопок обелиска. Тогда он долго летел по узким каньонам в руки своей политической Немезиды. А было ли в его жизни время, когда он знал бы точно, что ждет его там — за пределами слепых, летящих мимо него стен?

Потом шахта вдруг исчезла, и скафандры понеслись сквозь пустоту.

Вольева достигла ангара и остановилась возле одного из обсервационных окон, проверяя, что все шаттлы на месте и что данные, сообщенные ей ее браслетом, еще не изменены Похитителем Солнц. Приводимые в движение плаз-

мой, трансатмосферные крылатые корабли были в полном порядке, они стояли в своих «стойлах» и походили на ряды наконечников стрел в мастерской лучника. Она могла сейчас же начать готовить себе шаттл, воспользовавшись браслетом, но это было слишком опасно, слишком легко могло привлечь внимание Похитителя Солнц и насторожить его, что неминуемо привело бы к крушению ее планов. В данный момент она была в относительной безопасности, поскольку пребывала вне той части корабля, куда свободно могли проникнуть датчики Похитителя Солнц. Во всяком случае, она на это надеялась.

Просто взойти на борт какого-нибудь шаттла Вольева не могла. Обычные пути туда проходили по тем отсекам корабля, в которых она боялась показаться. По отсекам, где был простор для передвижения роботов-служителей, где сторожевые крысы находились на прямой биохимической связи с Похитителем Солнц. У нее осталось лишь одно оружие — игольный пистолет. Свой автомат она отдала Хоури, и хотя не сомневалась в своем профессионализме, но понимала, что существует предел того, чего можно добиться умением и настойчивостью. Особенно на корабле, который располагал временем для синтеза вооруженных автономно передвигающихся роботов.

Поэтому Вольевой долго пришлось искать оптимальный путь к воздушному шлюзу — не к тому, что вел в космос, а к тому, который давал выход в ангар с его сильно пониженным давлением атмосферы. Помещение шлюза было подтоплено корабельной слизью, его системы освещения и отопления не работали. Следовательно, был шанс, что Похититель Солнц не сможет наблюдать за ней и даже не узнает, что она тут. Вольева открыла шкаф в шлюзе и очень обрадовалась, обнаружив, что в нем лежит скафандр, ничуть не пострадавший от корабельной слизи. Скафандр был не таким громоздким, как тот, которым воспользовался Силвест. Он был и менее разумен, не имел сервосистем и интегральных силовых установок. Вольева произнесла — очень четко — серию кодовых слов в свой браслет, а затем настроила его так, чтобы он подчинялся лишь голосовым командам, произнесенным в ее коммуникатор, а не полученным через его акустические сенсоры. После этого Вольева укрепила на спине ракетный ранец, быстро, но тщательно изучила клавиатуру управления. Умение обращаться с ним само собой постепенно всплывало из глубин ее

памяти, вызванное оттуда напряжением воли, и она решила, что основные принципы управления вернутся к ней, как только это понадобится. Засунув пистолет за пояс с инструментами, надевавшийся поверх скафандра, она из шлюза без приключений проникла в ангар, используя самый низкий уровень тяги ранца, чтобы не взмыть к потолку помещения. Ни в одной части корабля сейчас не было состояния невесомости, поскольку он еще не встал на постоянную орбиту вокруг Цербера, а удерживал нужную высоту небольшими энергетическими усилиями своих двигателей.

Потом Вольева выбрала шаттл, которым намеревалась воспользоваться. Это была сферическая «Грусть расставания». В конце ангара Вольева заметила парочку роботов-служителей бутылочно-зеленого цвета, которые снялись со своей стоянки и медленно направились к ней. Это были механизмы автономного полета — шары, украшенные клешнями и режущим оборудованием для производства ремонтных работ на шаттлах. По-видимому, войдя в ангар, Вольева оказалась на территории, на которую распространялась шпионская сеть Похитителя Солнц. Что ж, ничего не поделаешь. Она захватила игольный пистолет не для того, чтобы деликатничать с примитивными рабочими машинами. Вольева расстреляла обоих, причем ей потребовалось потратить несколько игл, чтобы нащупать жизненно важные узлы каждого.

Изувеченные роботы плавали по ангару, истекая дымом.

Вольева поиграла с тумблерами на ранце, чтобы заставить его ускорить движение. «Грусть» была уже близко. Уже видны были крошечные предупредительные огоньки и технические надписи на фюзеляже, хотя почти все они были выполнены на неизвестных ныне языках. Из-за круглого бока шаттла вылез еще один робот. Он был крупнее первых двух, его охристое тело отличалось эллипсоидальными очертаниями. На теле — многочисленные манипуляторы и датчики.

Нечто в его руке было направлено на Вольеву.

Все вокруг приобрело яркую, радостную, ослепительно зеленую окраску. Вольевой захотелось вырвать глаза из глазниц. Робот навел на нее лазер. Вольева ругнулась — ее скафандр вовремя утратил прозрачность, но зато она временно практически ослепла.

— Похититель Солнц! — крикнула она, предположив, что он слышит ее. — Ты совершаешь грубую ошибку!

— Я так не думаю.

— А ты ведешь себя лучше, чем раньше, — сказала она. — Раньше ты был слишком сух, во всяком случае, во время нашего разговора. Что случилось? Может, ты добрался до более современных трансляторов?

— Чем больше времени я провожу среди вас, тем лучше вас узнаю.

Скафандр снова обретал прозрачность.

— Во всяком случае, лучше, чем ты понимал Нагорного.

— Я вовсе не хотел, чтобы его терзали ночные кошмары.

Голос Похитителя Солнц как бы отсутствовал, он походил на шепот, пробивающийся сквозь фоновый шум приемника.

— Я в этом не сомневаюсь, — хмыкнула Вольева. — Ты же не хочешь убивать меня, верно? Других — пожалуй, но не меня. Пока, во всяком случае. Пока «Плацдарму» еще может понадобиться мой опыт и мое умение.

— То время уже прошло, — ответил Похититель Солнц. — Силвест уже вошел в Цербер.

Плохие новости. Совсем плохие, хотя она уже несколько часов назад полагала, что должно произойти именно это.

— Тогда должна быть иная причина. Иная причина, по которой ты нуждаешься в том, чтобы «Плацдарм» оставался действующим. Вряд ли ты заботишься о том, чтобы Силвест благополучно вернулся обратно. Но если «Плацдарм» погибнет, ты не узнаешь, проник ли Дэн на необходимую глубину внутрь структуры Цербера. А тебе ведь это надо знать, разве не так? Тебе необходимо знать, как глубоко он забрался. И совершил ли то, что ты считаешь нужным и важным совершить.

Вольева приняла отсутствие реакции со стороны Похитителя Солнц за молчаливое признание того, что она близка к истине. По-видимому, инопланетянин еще не овладел всеми возможностями уклончивого обмана, искусство которого, быть может, присуще лишь людям, а потому ново для него.

— Позволь мне взять шаттл, — попросила она.

— Корабль такой конфигурации слишком велик, чтобы войти в Цербер, если ты надеешься найти там Силвеста.

Неужели он в самом деле воображает, будто такая мысль не пришла ей в голову? На какое-то мгновение ей искренне стало жаль Похитителя Солнц, который мыслит столь односторонне, что до сих пор не смог понять, как именно работает человеческий мозг. На одном уровне он действует вполне удовлетворительно, например, когда разбрасывает приманку в виде страха или выгоды. Наживки, зависящие от эмоций. И не в том дело, что его логика небезупречна, просто он переоценивает ее роль в человеческих делах. Он как будто указывал Вольевой, что самоубийственный характер той миссии, которую она готова принять на себя, должен задержать ее. Он думает, что завербовал ее на свою сторону. Ах ты жалкий несчастный монстр, подумала она.

— Я должна сказать тебе одно слово, — говорила она, одновременно почти незаметно продвигаясь по площадке к воздушному шлюзу, ведущему в космос, и вызывая робота на то, чтобы он попытался пресечь это движение. А потом произнесла это слово, предварительно быстро повторив все заклинания, которые должны были придать необходимую эффективность этому главному слову. Это было слово, которое, как она считала, никогда не будет произнесено кем-нибудь другим в данном контексте. В свое время она — тогда это ее удивило — уже вспоминала его в силу обстоятельств. Еще удивительнее то, что потом она его не забыла. Вольева считала, что время полагаться на благие пожелания давно прошло.

Слово было — *Паралич.*

На робота оно оказало потрясающее действие. Этот механизм даже не попытался задержать Вольеву, когда она подбежала к шлюзу и полезла в «Грусть». В течение нескольких секунд робот бессмысленно парил в воздухе, а затем врезался в стену, потеряв контакт с кораблем и самонадеянно положившись на свой скромный менталитет и свои поведенческие привычки. С самим роботом ничего не произошло, так как команда «Паралич» касалась лишь корабля и его главных систем. А первой системой, которая отключилась, была радиооптическая командная система, обслуживавшая всех корабельных роботов. Только автономные роботы еще продолжали функционировать так, будто никакого воздействия не испытали, но они и без того Похитителем Солнц не контролировались. Теперь по всему кораблю тысячи роботов, ранее управлявшихся кораблем, будут толпиться у терминалов, где они могли бы подсоеди-

ниться к контролирующей системе напрямик. Даже крысы и те впадут в депрессию, так как аэрозоли, рассылающие им биохимические указания, тоже окажутся среди парализованных систем. Лишенные постоянного контроля, грызуны начнут возвращаться к архетипу, характерному для их диких предков.

Вольева закрыла шлюз и с облегчением почувствовала, как сразу начал разогреваться шаттл. Она на руках подтянулась в кабину, на ходу читая показания приборов, уже готовая работать с командным интерфейсом.

Все, что еще оставалось сделать Вольевой, — выбраться в шаттле из корабля.

— Ты тоже почувствовала это? — спросила Хоури, осваиваясь с бархатно-бронзовой роскошью Паучника. — Весь корабль дрожит, будто после землетрясения.

— Думаешь, это связано с Илиа?

— Она приказала нам отцепиться от корабля, когда мы услышим сигнал. И еще сказала, что пропустить его нельзя. А эту трясучку трудно счесть незаметной, правда?

Хоури хорошо знала себя: если она будет ждать, то неизбежно начнет сомневаться в свидетельстве собственных ощущений, начнет сомневаться, а была ли и в самом деле тряска на корабле. А затем окажется, что они опоздали, ибо если Вольева давала когда-либо отчетливые указания, то именно сегодня: услышав сигнал, Хоури должна поворачиваться побыстрее. Времени у них с гулькин нос, сказала она.

И Хоури начала вертеться.

Она повернула два одинаковых медных переключателя до упора, но сделала это не так, как обычно делала Вольева — решительно и спокойно, — а в надежде, что принятое наугад, резкое и, возможно, глупое решение приведет к столь же неожиданному и нетривиальному результату — например, Паучник возьмет да и отцепится от корпуса корабля только потому, что она — Хоури — жаждет этого больше всего на свете.

И Паучник в самом деле отвалился от корпуса.

— В следующие несколько секунд, — сказала Хоури, чей желудок от внезапного перехода к невесомости подступил к самому горлу, — выяснится, выживем мы или погибнем. Если то был сигнал, который собиралась дать Илиа, то покинуть корабль можно без опасений. А если нет, то

мы окажемся на расстоянии прицельного огня корабельной артиллерии уже через несколько секунд.

Хоури наблюдала, как корабль уменьшается, падая куда-то вверх и вбок, пока ей не пришлось отвести глаза из-за ослепительного сияния конджойнеровых двигателей. Они теперь сияли далеко вверху, но яркий их свет не уступал солнечному. В Паучнике где-то было управление системой, которая опускала шторы и ставни на окна, но эта деталь в памяти Хоури, как и многие другие, не удержалась.

— Почему нас немедленно не расстреляли?

— Слишком велик был риск нанести вред самому кораблю. Илиа говорила, что подобные ограничения встроены в систему управления вооружениями, и даже Похититель Солнц с этим ничего поделать не сможет. Приходится принимать правила игры. Думаю, мы сейчас подходим к границе дальности действия бортовой артиллерии.

— А как ты думаешь, что это был за сигнал? — Видимо, Паскаль была не прочь поболтать.

— Есть такая программа. Она погребена в глубинах корабля. Там, где Похитителю Солнц до нее не добраться. Ей подчиняются тысячи разъемов по всему кораблю. Когда Вольева ее запустит, вернее, если ее удастся запустить, будут выключены тысячи систем управления. Наступит всеобщий паралич. Отсюда и сотрясение, я думаю.

— И орудия тоже будут обезврежены?

— Нет... не совсем так. Если я верно запомнила то, что она мне сказала, пострадают некоторые датчики и некоторые системы наведения, но сама Оружейная не будет повреждена. Это я помню точно. Думаю, однако, что весь корабль так разболтается, что Похитителю Солнц придется затратить изрядное время, чтобы собрать его по кусочкам. Да еще скоординировать все, сверить цели... Только после этого он сможет заняться стрельбой.

— Но орудия сами по себе, значит, способны навестись на цель?

— Вот потому-то нам и пришлось поторапливаться.

— Но пока-то мы живы — сидим, разговариваем. Не значит ли это...

— Я думаю, да. — Хоури удалось выдавить слабую улыбку. — Полагаю, мы поняли сигнал правильно и будем в безопасности. Во всяком случае, на какое-то время.

Паскаль тяжело вздохнула.

— И что же дальше?

— Нам надо найти Илиа.

— Это, должно быть, не так трудно. Она сказала, что нам ничего не надо делать. Только ждать сигнала, и она будет... — Хоури оборвала фразу. Она пристально вглядывалась в корабль, висевший над ними, подобно соборному шпилю. Что-то с ним было не то...

Что-то нарушило его симметрию.

Что-то рвалось из глубин наружу.

Все началось с появления ничтожно малого выступа. Будто сквозь скорлупу яйца высунул кончик клюва цыпленок. Потом вспышка белого света, потом серия взрывов. Отскочил кусок обшивки в виде гриба, его тут же схватила рука гравитации, и под сорванной завесой открылась картина нанесенного кораблю ущерба. Это была сравнительно небольшая дыра, проделанная в корпусе. Отсюда на фоне огромного корабля она казалась совсем маленькой, хотя ее диаметр был не меньше ста метров.

Сейчас через это отверстие, проделанное Вольевой, на свободу вырывался ее шаттл. Он на мгновение повис рядом с колоссальной махиной корабля, затем сделал пируэт и нырнул в направлении Паучника.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Орбита Цербера-Гадеса, год 2566-й

Хоури предоставила Вольевой проделать всю работу, чтобы погрузить Паучник на борт «Грусти». Операция была достаточно головоломная, во всяком случае, куда более трудная, чем казалось сначала. Паучник был слишком велик, чтобы сразу поместиться в грузовой отсек, так как его висящие «ноги» наотрез отказались сложиться столь аккуратно, чтобы не мешать дверям отсека закрыться. В конце концов, спустя несколько минут после начала операции, Вольевой пришлось вызвать чуть ли не взвод роботов, которые силой заставили «ноги» принять нужное положение. Наблюдателю со стороны, которого тут, разумеется, не было, если не считать нависшей над ними массы полупарализованного корабля, эта процедура могла бы напомнить суету бригады эльфов, захвативших какое-то крупное насекомое в шкатулке с драгоценностями.

Наконец Вольевой удалось закрыть люк, ликвидировав последний крохотный прямоугольник дрожащего небосвода, видимый невооруженным глазом. Зажглись внутренние огни, раздался нарастающий вой — это уравнивалось атмосферное давление шаттла и Паучника. Снова появились роботы и быстро пришвартовали Паучника, чтобы он не вздумал мотаться по ангару. Минутой позже в Паучник вошла Вольева, уже без скафандра.

— Следуйте за мной, — приказала она звенящим голосом. — Чем скорее мы окажемся за пределами дальности огня корабельных орудий, тем будет лучше.

— А какова точно их дальность? — задала вопрос Хоури.

— Точно — не знаю.

— Здорово ты его трахнула по башке своей программой, — сказала Хоури, когда все трое, перебирая руками по перилам, вскарабкались в кабину шаттла. — Отличная работа, Илиа. Мы ее даже здесь ощутили — мамочка шлепнула от души!

— Думаю, его потрясло, — ответила Вольева. — Учитывая мой опыт с мятежным орудием из Тайника, на этот раз я ввела «Паралич» с кое-какими новыми ограничениями. Он должен был проникнуть глубже, а не только в обшивку корабля. Жаль только, что я не установила взрывных устройств вблизи корабельных двигателей. Тогда мы могли бы разнести корабль, а потом уж бежать.

— Но разве это не затруднило бы нам возвращение домой?

— Весьма вероятно. Зато почти наверняка это был бы конец Похитителю Солнц. Кроме того, — добавила она, подумав, — без корабля «Плацдарм» начал бы сдавать свои позиции быстрее, поскольку никаких указаний из Архива арсенала он больше не получил бы. Значит, мы одержали бы полную победу.

— Можно ли считать это самым оптимистическим из твоих возможных прогнозов?

Вольева ничего не ответила.

Они достигли верхней палубы, которая показалась Хоури достаточно современной, как и многое другое из того, с чем она здесь столкнулась. Все белое и стерильное, точно в кабинете дантиста.

— Слушай, — сказала Вольева, глядя на Паскаль, — я не знаю, как глубоко проник «Плацдарм» внутрь, но если

он сейчас погибнет — чего мы все хотим, — это совсем не наверняка принесет пользу твоему мужу.

— Если считать, что он туда уже добрался.

— О, я полагаю, что на это мы вполне можем положиться!

— С другой стороны, — заметила Хоури, — если он уже внутри, то поражение «Плацдарма» ничего не изменит, разве что помешает нам добраться до Силвеста. — Помолчав, она добавила: — Но ведь мы же хотим остановить его, верно? Я хочу сказать, что нам остается только одно — попробовать.

— Кто-то же должен, — сказала Вольева, усаживаясь в одно из пилотских кресел, закрепляя на себе пояс безопасности и протягивая пальцы к старинной консоли управления с множеством клавишей. — А теперь я настоятельно советую вам выбрать себе сиденья поудобнее. Я собираюсь оставить как можно больше пространства между нами и кораблем, причем сделаю это в максимально короткий срок.

Она еще не закончила свою фразу, как двигатели взвыли, свидетельствуя о своей полной готовности, а до сих пор почти никем не замечаемые стены, пол и потолок, вдруг обрели весьма жесткую реальность.

Когда стены шахты вдруг исчезли, а Силвест провалился в пустоту, тело его сразу напряглось, реагируя на воображаемую потерю скорости. Конечно, то была чистая иллюзия: он все еще падал, даже быстрее, чем раньше, но здесь не было ориентиров, а потому исчезало и ощущение движения.

Силвест оказался в недрах Цербера.

— Что ж, — сказал Кэлвин, причем это были его первые слова, произнесенные за много дней, — неужто стоило ждать столько времени, чтобы увидеть вот это?

— Пока это еще ничто, — ответил Силвест. — Так — прелюдия.

И все же здесь наблюдалось что-то вроде архитектуры искусственного происхождения, и это была самая удивительная архитектура из всех виденных Силвестом, а вся обстановка вообще показалась ему чудовищно странной. Над ним круглился потолок — крыша этого мира, пронзенная узким концом «Плацдарма». Местность была слабо освещена собственной люминесценцией, исходившей, видимо, от гигантских «змей», свернувшихся в колоссальные кольца на том, что он принял за пол. Огромные, вроде как бы

древесные, стволы поднимались к потолку — искривленные и, похоже, органического происхождения. Видно было куда лучше, нежели на изображении, которое транслировалось на корабль роботом-разведчиком. Теперь Силвест видел, например, что «стволы» росли не с пола до потолка, а скорее наоборот: они выходили из потолка, а корни терялись в полу. «Свод небесный» казался менее живым и был явно кристаллического происхождения. Мгновенное озарение, и Силвест понял: пол куда старше потолка — последний создан вокруг планеты тогда, когда сотворение пола было уже завершено. Похоже, они возводились на двух различных фазах развития амарантянского Знания.

— Смотрите, куда падаете, — сказал Саджаки. — Удариться об пол на большой скорости нежелательно. А еще меньше смысла врезаться в какую-нибудь оборонительную систему, которую «Плацдарм» еще не успел нейтрализовать.

— Вы думаете, что здесь могут оказаться опасные для нас химические соединения?

— Надеюсь, еще не на этом уровне, — сказал Триумвир, — но ниже мы вполне можем столкнуться с ними. Подобные системы, вероятно, не использовались ни разу за последний миллион лет, а потому могут оказаться несколько... — он, видимо, искал нужное слово, — ...заржавевшими.

— Но ведь нам вряд ли стоит на это особо полагаться.

— Да, пожалуй, не стоит.

Реактивный двигатель скафандра работал с напряжением, вместе с этим росло и ощущение силы тяжести. Пока всего четверть *g*, а потолок все еще выглядит как колоссальное произведение чьих-то искусных рук. Силвеста и потолок разделяет не меньше километра. Значит, чтобы уйти отсюда, тоже потребуется преодолеть тот же километр, разумеется, если он захочет это сделать. Конечно, у него под ногами лежат еще тысячи километров тела планеты, но нет ни малейшего представления о том, в какие бездны ему еще предстоит опуститься, чтобы найти то, к чему его так влечет. Он надеялся, что не очень глубоко. Номинальные пять дней, которые он отвел себе на путь туда и обратно, были, как оказалось теперь, отпущены слишком скупо. Когда ты на корабле и изучаешь расчеты Вольевой, то они вызывают полное доверие или кажутся вполне реальными. А вот здесь, где силы,

введенные в ее уравнения, кристаллизируются в колоссальных и страшных структурах, Силвест стал терять уверенность в верности любых прогнозов.

— Медвежья болезнь, сынок? — съязвил Кэлвин.

— Ты же читаешь мои эмоции, не так ли?

— Нет. Просто твои эмоции — зеркальное отражение моих. Мы же думаем почти одинаково — ты и я. — Кэлвин помолчал. — А я не стыжусь признаться, что очень и очень боюсь. Возможно, я боюсь даже больше, чем вправе бояться кусок компьютерной программы. Какая глубокая мысль, а Дэн?

— Сохрани свои глубокие мысли для будущего. Я уверен, они тебе еще пригодятся.

— Уверен, вы ощущаете свое ничтожество, — вмешался Саджаки так, будто с самого начала участвовал в разговоре. — Что ж, подобные чувства вполне оправданы. Вы и в самом деле ничтожества. А это место — величественно. А вы бы небось хотели, чтобы было наоборот?

Навстречу им бежал испещренный геометрическими узорами пол. Тревожный сигнал скафандра говорил о его близости. Оставалось меньше километра, хотя казалось, протяни руку — и вот он. Силвест ощущал, как его скафандр начинает сжиматься, готовясь к операции приземления. Сто метров. Они опускались на плоский кристаллический блок — возможно, кусок потолка, упавший сверху. Величиной не меньше солидного танцевального зала. Силвест видел, как в полированной поверхности блока отражаются ракетные выхлопы скафандра.

— Выключи ракетный двигатель за пять секунд до посадки, — распорядился Саджаки. — Нам не нужно, чтобы жар запустил в действие какую-нибудь оборонительную систему.

— Да, — ответил Силвест, — это, пожалуй, последнее, о чем стоит помечтать.

Он знал, что скафандр защитит его от падения с небольшой высоты, хотя потребовалось большое напряжение воли, чтобы последовать инструкции Саджаки и перейти на свободное падение за пять секунд до приземления. Скафандр слегка раздулся и выдавил из себя пружинящие армированные подушки. Плотность гель-воздуха возросла. На какое-то мгновение Силвест отключился. Контакт с полом был осуществлен так плавно, что почти не ощущался.

Силвест моргнул и тут же понял, что лежит на спине. Шикарно, подумал он, но можно ли считать подобное положение проявлением достоинства? Затем скафандр подскочил, и Силвест вместе с ним оказался на ногах.

Он ступил на Цербер.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Внутри Цербера, год 2567-й

— Сколько прошло времени?

— Вне корабля мы провели один день. — Голос Саджаки казался тонким и далеким, хотя его скафандр находился всего лишь в нескольких десятках метров от Силвеста. — У нас еще полным-полно времени. Не следует волноваться.

— Верю, — ответил Силвест. — Во всяком случае, часть меня верит. А вот другая часть — она настроена не так доверчиво.

— Другая часть, это, надо думать, я, — тихо произнес Кэлвин. — И, кроме того, я не верю, что у нас все еще много времени. Может, оно и так, но рассчитывать на это не стоит. Пока мы знаем так мало.

— Если твои слова должны были внушить мне уверенность...

— Отнюдь.

— Тогда заткнись, пока у тебя не родится что-нибудь более конструктивное.

Теперь они уже проникли на несколько километров во второй уровень Цербера. По другим меркам — вполне приличный прогресс, поскольку по вертикали они спустились на расстояние, сравнимое с высотой самых знаменитых пиков земных гор. Но все равно они шли слишком медленно. При такой скорости они никогда не смогут вернуться вовремя, даже если им удастся добраться до той цели, к которой они столь страстно стремятся. Задолго до этого «Плацдарм» сдастся под неустанным давлением энергии, брошенной на него системами защиты коры, и, по всей вероятности, будет поглощен или выплюнут в космос, как вредное семечко.

Второй слой — коренные породы, на которых извивались «змеи» и в который запускали свои корни поддер-

живающие крышу «деревья», имел структуру, сходную с кристаллической, заметно отличавшуюся от квазиорганических структур, лежавших выше. Людям в скафандрах пришлось спускаться вниз по узким расселинам между тесно сходящимися кристаллическими формами, подобно муравьям, снующим вдоль зазоров между кирпичами. Это было медленное дело, оно быстро истощало запасы реакторной массы, так как падение вниз приходилось постоянно притормаживать реактивной тягой. Сначала Силвест предложил воспользоваться «кошками» с одножильным шнуром, которые могли выпускать (выращивать, выдвигать — Силвест не вникал в детали) скафандры, но Саджаки возразил. Это сэкономило бы реакторную массу, но сильно замедлило спуск, а предстояло пройти еще сотни километров. Кроме того, это связало бы их, заставив пользоваться лишь строго вертикальными шахтами, и превратило в естественные цели для гипотетических контрпартизанских систем. Поэтому большую часть пути они пролетели по воздуху, останавливаясь лишь для сбора образцов минералов, из которых состоял Цербер. Последний пока не возражал против подобных вампирских наклонностей гостей, а кристаллы содержали достаточно тяжелых элементов, чтобы заполнить топливные резервуары скафандров.

— Похоже, Цербер не знает о нашем присутствии, — заметил Силвест.

Ему ответил Кэлвин:

— Может, и не знает. В его памяти, возможно, не сохранилось никого, кто спустился бы так глубоко. Системы, призванные обнаруживать незваных гостей и защищаться от них, могли атрофироваться от долгого неупотребления, если допустить, что они существовали в действительности.

— Скажи, а почему я на тебя произвожу впечатление человека, которого все время надо подбадривать?

— Предполагаю, потому, что я принимаю твои интересы очень близко к сердцу. — Силвест представил себе ухмылку Кэлвина, хотя модель не содержала в себе визуальных компонентов. — Во всяком случае, я верю в то, что сказал. Думаю, чем глубже будем мы спускаться, тем меньше вероятность того, что в нас почуют нечто вредоносное. Это как человеческое тело — большая часть болевых рецепторов лежит в коже.

Силвест вспомнил желудочные колики, которые однажды вызвал тем, что выпил слишком много холодной воды во время поездки из Чазм-Сити, и подумал, есть ли хоть капелька смысла в том, что ему только что сказал Кэлвин. Впрочем, сказанное действительно успокаивало, в этом сомнения нет. Но правда ли, что все, что лежит глубже, обязательно будет полусонным? Тогда мощные наружные оборонительные системы теряют смысл, ибо то, что лежит ниже, не работает так, как того хотели амарантяне? Не был ли Цербер шкатулкой для драгоценностей, которая обладает прочным замком и ослепительной полировкой, но которая не содержит ничего, кроме проржавевших насквозь побрякушек.

Думать так не стоит. Если все происходящее имеет смысл, если последние пятьдесят лет его жизни имеют хоть какое-то значение, а не наполнены пустыми мечтами, то здесь должно быть Нечто, стоившее того, чтоб его искали. Это ощущение было трудно выразить словами, но Силвест был уверен в нем больше, чем в чем-либо другом.

Миновал и еще один день спуска. Почти все время Силвест спал. Иногда скафандр его будил, но это случалось лишь тогда, когда происходило нечто, заслуживающее особого внимания. Или если внешняя обстановка менялась сильнее, чем то полагала нормальным встроенная в скафандр система толерантности, и последний считал нужным, чтоб Силвест увидел это своими глазами. Спал ли Саджаки, Силвест точно не знал, но он догадывался об аномальных особенностях физиологии Триумвира. Его кровь сгущалась и очищалась с помощью циркулирующих в ней лекарств. Его мозг, измененный Трюкачами, мог функционировать, не нуждаясь в нормальном или хотя бы двухтрех часовом сне. Когда путь был легким, они спускались со скоростью до километра в минуту. Обычно это случалось, когда им попадалась глубокая абиссальная шахта. Разумеется, обратный путь займет меньше времени, так как скафандры запомнят правильную дорогу, если, конечно, в структуре самого Цербера не произойдет серьезных изменений. А пока с ними нередко случалось так, что, спустившись на несколько километров, они вдруг оказывались в тупике или шахта становилась слишком узкой. В этом случае приходилось отступать и искать новый путь среди многочисленных боковых ответвлений. Это был метод проб и ошибок, ибо сенсоры скафандров видели всего на несколько

сот метров вперед, особенно если дорога была блокирована завалами разрушившихся кристаллов. И все же хоть и медленно, но они преодолевали километр за километром, омываемые болезненным зеленовато-бирюзовым светом от стен шахт. Постепенно характер геологической формации снова стал меняться. Появились полосы шириной в несколько километров, тусклые и невыразительные, точно глетчеры.. Кристаллы тут как бы слипались, но сводчатые полости и вертикальные разломы между ними создавали впечатление, будто они свободно плывут в пространстве, молчаливо отрицая само понятие гравитации. Что это такое? — недоумевал Силвест. Мертвая — вернее, кристаллическая — материя или нечто куда более загадочное? Это целое или только части целого? Возможно ли, что это детали какого-то гигантского механизма, охватывающего всю планету, механизма столь огромного, что его невозможно ни увидеть, ни вообразить? Если это машины, то они должны создавать какой-то туманный вид квантовой реальности, где концепции тепла или энергии растворялись бы в неустойчивости. Естественно, они были холодны как лед, о чем сообщали температурные датчики скафандра, но иногда за их полупрозрачными фасадами он ощущал мощное сублимированное движение, будто сквозь покров лусита проглядывали внутренности тикающих часов. Когда же Силвест обратился к скафандру с просьбой проанализировать это явление с помощью его сенсорики, результаты оказались слишком неопределенными, чтобы от них была польза.

После сорока часов утомительного спуска, они сделали важное и полезное открытие. Кристаллическая толща стала как бы истончаться, образовав переходную зону, толщиной около километра. Шахты стали в ней шире, чем большинство тех, с которыми они имели дело раньше. Диаметр некоторых из них достигал двух километров. Все десять исследованных шахт излучали тот же тошнотворный зеленоватый свет, как и кристаллы на более высоких уровнях, причем их стены подрагивали в каком-то странном ритме, так что можно было предположить, будто все это — части огромного механизма, выполняющего множество разнообразных функций. Силвест старался вспомнить то, что знал когда-то о великих пирамидах Египта. Они тоже были пронизаны лабиринтами шахт и туннелей — это диктовалось строительной техникой: пути отхода для рабочих, которые

замуровывали расположенные внутри пирамид захоронения. Может, и тут имело место что-то в этом роде, а может, шахты когда-то отводили жар от работавших внизу огромных машин, которые сейчас бездействовали.

То, что они нашли эти шахты, можно было считать божьим даром — они сильно облегчали спуск. Но дар был не без недостатков — стены ровные, если на пришельцев нападут, то спасения искать негде. Путей отхода лишь два. Однако если оттягивать спуск, то опасность застрять в Цербере возрастает, ведь «Плацдарму» долго не удержаться. Тоже малоприятное положение. Поэтому они решили спуститься в шахты.

Просто падать было нельзя. Это еще было приемлемо тогда, когда высота падения составляла не больше километра, но здесь размеры шахт вызвали к жизни новые проблемы. Исследователи вскоре обнаружили, что стены шахт таинственно притягивают их к себе и что нужны корректирующие действия ракет, чтобы предотвратить удары об отвесные обрывы блеклой яшмы. Разумеется, это действовала сила Кориолиса — та же самая невидимая сила, от которой ветры на поверхности вращающихся планет закручиваются циклонами. Здесь же сила Кориолиса мешала линейному спуску, ибо Цербер тоже вращался. Силвест и Саджаки должны были создавать дополнительный угловой импульс при движении к центру планеты. И все же спуск стал быстрее, чем раньше.

Они успели спуститься на сотню километров, когда атака началась.

— Он движется, — сказала Вольева.

Прошло уже десять часов, как они покинули корабль. Она была совершенно измотана, несмотря на то, что успела несколько раз вздремнуть, зная, что очень скоро ей могут понадобиться все силы. Правда, такой сон мало чему помогал. Ей требовалось нечто гораздо более солидное, нежели короткие промежутки ощущения безопасности, чтобы снять с себя последствия физических и ментальных стрессов, пережитых за последние дни. Но сейчас Вольева взбодрилась, как будто усталость ее тела достигла последних границ, за которыми обнаружилась небольшая лужица резервной энергии. Бесспорно, этого запаса надолго не хватит, но сейчас она радовалась своей жизненной силе, своей энергичности.

— Что движется? — спросила Хоури.

Вольева кивком указала на окошечки с горящими данными, которые она сама только что вызвала на белую, сверкающую, изогнутую подковой консоль шаттла.

— Что же еще, как не этот трижды проклятый корабль!

Паскаль широко зевнула, просыпаясь.

— Что̀ у вас тут случилось?

— Случилось то, что мы опять вляпались, — ответила Вольева, и ее пальцы легко забегали по клавиатуре, вызывая другие показатели, хотя вообще-то она не так уж и нуждалась в дополнительной информации. Плохие новости говорили сами за себя. — Суперсветовик лег на курс и движется. Это означает две новости, обе скверные: Похититель Солнц восстановил все главные системы управления, которые я заблокировала программой «Паралич».

— Что ж, лишние десять часов — совсем недурно. Во всяком случае, это дало нам возможность уйти довольно далеко. — Паскаль кивнула на дисплей, показывавший их положение: шаттл прошел почти треть расстояния, отделявшего его от Цербера.

— А вторая? — спросила Хоури.

— А то, что Похититель Солнц накопил достаточно опыта в управлении тягой. Раньше он только осторожно обнюхивал ее, боясь повредить корабль.

— И что это означает для нас?

Вольева указала на тот же дисплей, что и Паскаль.

— Давайте примем за данность, что он теперь полностью контролирует тягу и знает допустимые отклонения от нормы. Нынешний вектор его движения нацелен на траекторию, идущую нам наперехват. Похититель Солнц старается захватить нас до того, как мы доберемся до Дэна или хотя бы до «Плацдарма». На этом расстоянии мы слишком малая цель и лучевые орудия для нашего уничтожения непригодны, так как дают слишком рассеянный луч. Что же касается снарядов, то мы можем уклониться от них, поставив автопилот на зигзагообразный, произвольно меняющийся курс. Однако скоро корабль подойдет к нам ближе и нас будет легко уничтожить.

— И когда же это может случиться? — нахмурилась Паскаль. Не самая приятная привычка этой женщины, подумала Вольева, но от комментариев воздержалась. — Разве мы недостаточно его опередили?

— Опередили. Однако сейчас ничто не может помешать Похитителю Солнц повысить ускорение корабля до нескольких десятков *g*. Нам такие ускорения недоступны, так как нас они просто превратят в кашу. А для него предела нет. Ведь на корабле не осталось живых существ, кроме тех, что бегают на четырех лапах, пищат и оставляют после себя грязные пятна, когда ты их пристрелишь.

— И еще Капитана, — сказала Хоури, — хотя я и не уверена, что его можно принимать в расчет.

— Я спросила, когда это может быть, — напомнила Паскаль.

— Если нам повезет, то мы как раз успеем дойти до Цербера, — ответила Вольева. — Но у нас не останется времени на разведку и на размышления. Нам придется забраться внутрь планеты, чтобы спастись от корабельных орудий. И даже там нам следует уйти как можно глубже. — Она громко хмыкнула. — Может быть, твой муж был прав всю дорогу. Он наверняка в куда более безопасном положении, чем мы. Во всяком случае, пока.

Узоры на стенах шахты и какие-то кристаллические участки начали светиться более интенсивно. Узоры были такие большие, что Силвест не сразу узнал в них огромные графические изображения амарантянских пиктограмм. Дело было даже не в размерах, а в том, что они отличались от того рисуночного письма, с которым он был знаком раньше. Почти другой язык. Интуитивно он мгновенно понял, что видит письменность, которой пользовались Отверженные — стая, последовавшая за Похитителем Солнц в изгнание, а потом — к звездам. Десятки тысячелетий отделяли эту письменность от тех надписей, которые он видел раньше, и ему казалось чудом, что он может увидеть в ней какой-то смысл.

— О чем они говорят? — спросил Кэлвин.

— Это не приветствие, — ответил Силвест, очень удивленный тем, что надписи говорят ему хоть что-то. — И это еще мягко сказано.

Саджаки, видимо, услышал их тихий разговор.

— И что же именно?

— Они говорят, зачем создали этот уровень, — ответил Силвест. — Создали в буквальном смысле этого слова.

— Думаю, — произнес Кэлвин, — ты наконец убедился — это место действительно создано руками амарантян.

— При других обстоятельствах можно было бы по этому поводу и пропустить стаканчик, — откликнулся Силвест, который лишь одним ухом следил за разговором. Он был потрясен тем, что читал на стенах, и теми мыслями, которые рождались у него под воздействием этих впечатлений. Он уже не раз ощущал то же самое, когда погружался в чтение амарантянских письмен, но никогда эти ощущения не бывали столь отчетливы, и никогда он не был в такой степени уверен в своей правоте. Он был одновременно и увлечен, и испуган.

— Пожалуйста, продолжайте, — голос Саджаки.

— Как я уже говорил — это предупреждение. Здесь говорится, что дальше идти запрещено.

— Пожалуй, это может означать, что мы находимся вблизи от того, за чем явились.

У Силвеста было аналогичное впечатление, хотя обосновать его он вряд ли сумел бы.

— Предупреждение гласит, что там — внизу — есть нечто, чего нам не следует видеть, — сказал он.

— Видеть? Это следует понимать буквально?

— Амарантяне мыслили образами, Саджаки. Но как бы там ни было, они не хотят, чтобы мы подходили близко к этому Нечто.

— Что свидетельствует, что Нечто имеет ценность, не так ли?

— А что, если это действительно предупреждение? — вступил в разговор Кэлвин. — Я не имею в виду угрозу. Я имею в виду чистейший, идущий от самого сердца, совет держаться подальше. Ты не можешь определить это, исходя из контекста?

— Будь это обычный амарантянский текст, это было бы вполне возможно. — Однако Силвест скрыл, что в душе он чувствовал: послание есть именно то, о чем говорил Кэлвин, хотя обосновать это ощущение он — Силвест — ничем не может. Но и остановить его это ощущение тоже не в состоянии. Тогда он стал обдумывать вопрос о том, что могло побудить амарантян поступить именно таким образом. Что может быть столь ужасным, что требуется специальное факсимильное предупреждение, оставленное на планете, вооруженной самым страшным оружием, которое было известно этой цивилизации? Какого же монстра создала эта цивилизация?

Или обнаружила?

Эта мысль поразила его, она нашла вакантное отделение в его уме и чудесно расположилась в нем. Как будто всегда там сидела. *Они нашли Нечто. Стая Похитителя Солнц. Где-то далеко-далеко, на самом краю Системы, они отыскали Нечто.*

Силвест все еще пытался разобраться со своими ощущениями, как вдруг ближайший к ним иероглиф отделился от стены шахты, оставив пустоту на том месте, где был раньше. За ним последовали и другие. Целые слова, фразы и абзацы отпадали от стены и кружились возле людей. Огромные, как дома, они окружали Силвеста и Саджаки со спокойствием опасных хищников. Они плавали свободно, поддерживаемые каким-то непостижимым механизмом, невидимым для защитных систем скафандров. Похоже, что ни гравитационное поле, ни магнитное к этому делу отношения не имели. Сначала Силвест был просто поражен нескрываемой чужеродностью этих объектов, но потом понял, что за всем этим стоит железная, но чужая логика. Если предупреждение не действует, оно должно само себя подкрепить.

Но для отвлеченных размышлений неожиданно не осталось времени.

— Защитным системам скафандров перейти на автоматический режим, — приказал Саджаки. Его голос поднялся почти на октаву в сравнении с обычным ледяным спокойствием. — Мне кажется, эти чучела пытаются нас раздавить.

Как будто это не было понятно без его комментариев!

Плавающие слова окружили их наподобие корраля, а затем принялись тяжело кружиться по спирали. Силвест предоставил своему скафандру полную свободу действий. Тот первым делом опустил защитные лицевые щитки, предохраняющие глаза даже от ослепительных плазменных взрывов. Потом временно отключил системы ручного управления. Это было разумно: последнее, что скафандру было бы нужно, — чтобы человек пытался сделать работу, которую скафандр сделает лучше. Даже за опущенными защитными щитками в глазах Силвеста, казалось, вспыхнул фейерверк, и он понял, что за тонкой шкурой скафандра бушует ад радиации широкого спектра. Он переносил могучие толчки и подвижки, удары реактивных двигателей, бросающие его то вниз, то вверх (так ему казалось), такие сильные, что он терял и вновь обретал сознание, будто мчался в

поезде сквозь серию коротких горных туннелей. Казалось, что скафандр пытается удрать, но его перехватывают с невероятной силой торможения.

Наконец Силвест потерял сознание всерьез и надолго.

Вольева наращивала тягу «Грусти», пока не набрала четыре *g* постоянного ускорения с запрограммированными случайными скачками на тот случай, если суперсветовик решит использовать против шаттла свое кинетическое оружие. Больших перегрузок они не могли бы выдержать без специальных скафандров или же противоперегрузочных костюмов. Конечно, и четыре *g* — не рай, особенно для Паскаль, которая к таким делам была еще более непривычна, чем Хоури. Это означало, что из кресел не встать, что движения рук должны быть сведены к минимуму. Правда, они могли разговаривать — не слишком свободно — и даже вести что-то вроде вялых дискуссий.

— Ты же говорила с ним, ведь, правда, говорила? — настаивала Хоури. — С Похитителем Солнц, я имею в виду. Я это сразу поняла по выражению твоего лица, когда ты спасла нас от крыс в медицинском отсеке. Я права ведь, права?

Голос Вольевой звучал так, будто ее то ли душили, то ли она подавилась.

— Если у меня и были бы какие-нибудь сомнения в правдивости твоей истории, они испарились бы мгновенно, когда я взглянула в его лицо. Не было ни малейшего сомнения в том, что я вижу инопланетное чудовище. И я начала понимать, через какие муки прошел Борис Нагорный.

— Ты хочешь сказать, ты поняла, отчего он сошел с ума?

— Поверь, мне кажется, со мной случилось бы примерно то же самое, если бы Похититель Солнц оказался внутри моей головы. И еще меня беспокоит вот что: а что, если кое-что, что было в голове самого Нагорного, попало в голову Похитителя Солнц и расстроило его рассудок?

— Тогда подумай, каково мне! — воскликнула Хоури. — Ведь эта хрень сидит и в моей голове!

— Это не так. В твоей голове Похитителя Солнц нет. — Вольева отрицательно покачала головой — жест при перегрузке в четыре *g* эквивалентный клиническому идиотизму. — Он сидел в тебе некоторое время, Хоури, даже дос-

таточно долго, чтобы сокрушить то, что осталось от Мадемуазель. А затем ему пришлось уйти.

— Когда же он ушел?

— Когда Саджаки решил промыть тебе мозги. Думаю, это была моя ошибка. Я не должна была позволить ему даже включать установку для чтения мыслей. — Для человека, признающегося в своей вине, голос Вольевой звучал до странности лишенным сожаления. Вероятно, Вольева считала, что одного факта признания ошибки уже более чем достаточно. — Когда Саджаки проверил характер твоих нервных окончаний, Похититель Солнц вошел в них и достиг механизма извлечения мыслей, закодировав себя там. Отсюда у него открылась возможность выхода в любую другую систему корабля.

Паскаль и Хоури слушали Вольеву в полном молчании, пока Хоури наконец не разразилась:

— Дать Саджаки заниматься со мной этим — не самое разумное твое решение, Илиа.

— Пожалуй, — ответила та, как будто эта мысль пришла ей в голову впервые. — Мне тоже так показалось.

Когда Силвест пришел в себя — а это могло произойти несколькими десятками секунд или минут позже начала обморока, — щитки, закрывавшие ему обзор, уже исчезли, а сам он неудержимо падал в глубь шахты. Он глянул вверх и, хотя это и было в нескольких километрах над его головой, увидел на месте недавней схватки пожарище. Стены шахты были покрыты выбоинами и следами ожогов в тех местах, куда ударили энергетические шквалы. Некоторые слова еще крутились в воздухе, но большая часть их была обрублена, так что идеограммы потеряли смысл. И как бы подтверждая, что их предупреждение стало совершенно бесцельным, слова перестали быть оружием. Силвест видел, как они возвращаются в свои углубления в скалах, будто вспугнутые вороны, летящие на свои деревья.

И еще что-то было не так.

Где же Саджаки?

— Что за чертовщина? — спросил он, надеясь, что скафандр справится с идиоматической лексикой. — Где он?

— Имело место наступление на автономные оборонительные системы, — информировал его скафандр, будто сообщал о погоде сегодняшнего утра.

— Спасибо, это я уже понял, но где же Саджаки?

— Его скафандр получил серьезнейшие повреждения при отступлении. Запасные телеметрические механизмы сообщили об обширных и, возможно, непоправимых повреждениях главных и вспомогательных ракетных двигателей.

— Я спросил тебя, *где* он?

— Его скафандр не в состоянии ни затормозить и снизить скорость падения, ни преодолеть силу Кориолиса, прижимающую его к стене шахты. Телеметрические наблюдения показывают, что сейчас он в пятнадцати километрах от нас и все еще падает со скоростью около одного км/сек.

— Он все еще падает?

— Похоже на то. Его ракетные двигатели не работают, а задействовать для торможения кошку со шнуром он при такой скорости не может. Он будет падать, пока его падение не будет остановлено дном шахты.

— Ты хочешь сказать, что он погибнет?

— В условиях прогнозируемой конечной скорости выживание исключается всеми прогностическими моделями.

— Один шанс на миллион, — вмешался Кэлвин.

Силвест изогнулся так, чтобы получить возможность глядеть вертикально вниз. Пятнадцать километров — это в семь раз превосходит ширину шахты. Он пристально всматривался вниз, продолжая одновременно падать в эту пропасть. Ему показалось, что он увидел вспышку — раз или два — на самом пределе видимости. Подумал, а не искры ли это, когда Саджаки ударяется в процессе падения о стены. И если он и в самом деле видел эти вспышки, то они, по-видимому, делались все меньше. Больше он не видел ничего, кроме гладких стен шахты.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Орбита Цербера-Гадеса, год 2567-й

— Ты все же кое-что узнала, — сказала Паскаль. — Похититель Солнц что-то тебе сказал. Поэтому ты с тех пор с такой настойчивостью пытаешься остановить его.

Она обращалась к Вольевой, которая уже не чувствовала себя столь уязвимой с той минуты, как шаттл совершил поворот на полпути между Цербером и той точкой, где она увеличила тягу до четырех *g*. Теперь, когда огненные вых-

лопы дюз уже не были обращены к преследующему их кораблю, шаттл превратился в гораздо менее уязвимую цель. Конечно, отрицательным следствием этого маневра явилось то, что теперь дюзы были обращены к Церберу, что могло быть расценено им как свидетельство враждебности, даже если планета еще раньше не усвоила, что гости-люди вовсе не склонны в первую очередь соблюдать ее интересы.

Но с этим, к сожалению, приходилось мириться.

Суперсветовик шел с постоянным ускорением в шесть *g*, чего было вполне достаточно, чтобы постепенно сокращать расстояние между собой и шаттлом и часов через пять выйти на дистанцию убойного огня. Похититель Солнц мог бы идти и с большим ускорением, но не сделал этого. Его действия подсказали Вольевой, что он все еще продолжает тактику осторожного экспериментирования с правилами кораблевождения. Дело не в том, думала она, что он озабочен собственным благополучием, а в том, что, если корабль разрушится, за ним вскоре последует и «Плацдарм». И хотя Силвест уже находится внутри планеты, возможно, Похитителю Солнц важно точно знать, что его цель достигнута, для чего следует как можно дольше сохранять в целости дыру в коре Цербера, чтобы, скажем, посланный изнутри сигнал мог беспрепятственно выйти в космос. Вольева считала, что благополучное возвращение Силвеста при этом планами Похитителя не предусматривалось.

— Было ли это то же самое, что показывала мне Мадемуазель? — спросила Хоури. После нескольких часов тяжелых перегрузок ее голос звучал так, будто она участвовала в продолжительной попойке. — Вещь, которая никак не укладывается у меня в голове... это о ней шла у вас речь?

— Не уверена, что мы когда-нибудь в этом разберемся, — ответила Вольева. — Все, что я знаю, это то, что он мне показал. Думаю, это правда, но сомневаюсь, что мы об этом узнаем наверняка.

— А не начать ли вам с самого начала и не рассказать ли мне, о чем идет речь? — сказала Паскаль. — А уж потом можете драться между собой из-за отдельных деталей.

Консоль зажужжала, как она уже делала пару раз за последние несколько часов. Это означало, что радарный луч с корабля только что засек их с кормы. В данную минуту это была не слишком важная новость, поскольку расстояние между кораблем и шаттлом измерялось еще световыми се-

кундами, то есть шаттл мог свободно изменить свое положение и выйти из зоны нащупанной радаром. И все же это действовало на нервы, так как доказывало, что суперсветовик на них охотится и наверняка попытается определить их точное местоположение, чтобы открыть огонь. Пройдут еще часы, прежде чем такая ситуация сложится в действительности, но намерения преследователя очевидны.

— Тогда начну с того, что мне известно, — начала Вольева, с трудом втягивая в легкие большую порцию воздуха. — Когда-то Галактика была населена гораздо плотнее, чем теперь. Миллионы различных культур, но при этом лишь небольшая горсточка по-настоящему крупных игроков. Фактически все это походило на то, что должно было бы быть сейчас по расчетам на основе процента звезд типа «G» и планет земного типа, обладающих жидкой водой. — Вольева явно отклонялась в сторону, но Паскаль и Хоури решили не спорить с ней. — Расхождение этой модели с реальностью всегда было основным парадоксом. По теории жизнь должна встречаться куда чаще, нежели мы сталкиваемся с ней в реальности. Теоретические разработки, касающиеся разума, способного к изготовлению орудий труда, исходят из еще более жестких условий, но и они наталкиваются на ту же проблему. Цивилизаций должно быть гораздо больше, чем есть.

— Отсюда и парадокс Ферми, — заметила Паскаль.

— Чего, чего? — всполошилась Хоури.

— Старинная дихотомия между относительной простотой межзвездных полетов, особенно для кораблей-роботов, и полное отсутствие таких полетов у негуманоидных культур. Единственный логический вывод — в Галактике не было никого, кто мог бы послать в космос такие корабли.

— Но Галактика так огромна, — возразила Хоури. — Разве не может быть так, что где-то такие цивилизации существуют, но мы об их существовании ничего не знаем?

— Не сходится, — уверенно ответила Вольева. Паскаль тоже кивнула головой в знак согласия. — Галактика, конечно, велика, но не настолько, а кроме того, у нее весьма почтенный возраст. Как только какая-то цивилизация начинает посылать в космос своих роботов, то все остальные узнают об этом, скажем, на протяжении всего миллиона лет. А Галактика старше в несколько тысяч раз. Согласна, несколько поколений звезд должны родиться и умереть, прежде чем накопится достаточное количество тяжелых

элементов, чтобы поддержать существование жизни, но даже если цивилизации, строящие машины, будут возникать раз в миллион лет, у них будет тысяча возможностей подчинить себе всю Галактику.

— На все эти вопросы всегда было только два ответа, — возразила Паскаль. — Во-первых, они есть, но мы их не видим. Такой ответ годился несколько сот лет назад, сейчас он не проходит. Во всяком случае, теперь, когда каждый квадратный дюйм планетарных систем сотен звезд уже закартирован.

— Тогда, может быть, они и не существовали никогда?

Паскаль кивнула.

— Такое объяснение годилось для того времени, когда мы знали о Галактике очень мало, в частности, не предполагали, что она подозрительно пригодна для существования жизни, во всяком случае, в главном. Вольева нам это только что изложила: правильные типы звезд, правильные планеты, размещенные в правильных местах. И биологические модели, которые твердят, что жизнь должна встречаться чаще, и в том числе разумная жизнь.

— Значит, модели врут, — возразила Хоури.

— Или же не врут, — снова вмешалась Вольева. — Когда мы вышли в космос, когда мы покинули Первую Систему, мы начали обнаруживать по всей Галактике мертвые цивилизации. Все они погибли не меньше чем за один миллион лет до нашего времени, а некоторые гораздо раньше. Но их былое существование говорит об одном: наша Галактика была в прошлом гораздо более населенным местом. Почему же теперь не так? Почему она внезапно так оскудела?

— Война! — воскликнула Хоури, и на несколько минут воцарилось молчание. Оно прервалось лишь тогда, когда снова заговорила Вольева. На этот раз она говорила мягко и печально, будто обсуждала что-то глубоко потаенное.

— Да, — сказала она. — Война Утренних Зорь. Так они ее назвали, верно?

— Я помню.

— Когда же это было? — спросила Паскаль, и на мгновение Вольева почувствовала симпатию к этой женщине, оказавшейся между ней и Хоури — двумя женщинами, которые явно знали что-то загадочное, но в то же время были заинтересованы не столько в посвящении ее в это знание, сколько в выявлении ошибочных представлений и неве-

жества друг друга. Всего этого Паскаль еще не понимает. Пока.

— Это было миллиард лет назад, — ответила Хоури, и на этот раз Вольева позволила ей продолжать, не перебивая. — И видимо, война всосала в себя все эти цивилизации, выплюнув после окончания боевых действий совсем не в тех формах и образах, в которых они существовали перед вступлением в войну. Думаю, нам никогда не узнать, из-за чего все это произошло, и кто пережил эту войну, за исключением того, что выжившие были ближе к машинам, чем к живым существам, хотя и те и другие для нас трудно представимы — это вроде как сравнивать машины с орудиями каменного века. Впрочем, у них были названия, а может, им их дали потом... детали забываются. Но одно название я запомнила.

— Подавляющие, — напомнила Вольева.

Хоури кивнула.

— И они его заслужили.

— Почему?

— Из-за того, что они сделали потом, — сказала Хоури. — Не во время войны, а после ее окончания. Похоже, они выработали нечто вроде символа веры. Дисциплинарный устав. Разумная органическая жизнь появилась ко времени Войны Утренних Зорь. После войны они стали совсем другими. Постинтеллектуалы. Во всяком случае, им было куда легче добиться своего.

— И что же это было?

— Подавление. В буквальном смысле. Они стали подавлять развитие разумных культур по всей Галактике, чтобы предотвратить возникновение Новой Войны Утренних Зорь.

Теперь пришла очередь Вольевой.

— Но дело было не только в том, чтобы полностью уничтожить цивилизации, пережившие войну. Пришлось изменять условия на тех планетах, где окружающая среда могла с течением времени привести к развитию разумной жизни. Это не было звездной инженерией — такое вмешательство было бы слишком радикальным, что могло противоречить их собственным жестким установлениям. Поэтому препятствия развитию жизни создавались в несколько меньших масштабах, без вмешательства в эволюцию звездных систем. Это могли быть, например, незначительные изменения орбит планет, с тем, чтобы, метеоритные атаки продолжались там более длительное время, чем в нормальных

условиях. Жизнь, возможно, находила бы ниши, в которых можно было бы сохраниться, например — под землей или вблизи геотермальных выходов, но вряд ли она достигла бы сложных форм. И уж, конечно, не тех, которые угрожали бы Подавляющим.

— Вы говорите, это было миллиард лет назад, — сказала Паскаль. — Но мы-то за это время прошли путь от одноклеточных существ до хомо сапиенс. Мы что же... проскочили сквозь их сеть?

— Именно так, — ответила Вольева. — Потому что сеть стала рваться.

Хоури кивнула в подтверждение.

— Подавляющие «засеяли» Галактику машинами, которые должны были отслеживать появление жизни, а затем подавлять ее. В течение довольно долгого времени, похоже, все шло по плану, вот почему сегодня Галактика не кишит разумной жизнью, хотя условий для ее существования хватает. — Она покачала головой. — Я говорю так, будто мне все досконально известно.

— Может, ты и в самом деле знаешь, — сказала Паскаль. — Во всяком случае, я хочу узнать все, о чем ты можешь рассказать. Обо всем!

— Ладно, ладно. — Хоури завозилась в своем кресле, пытаясь сделать то, что Вольева делала весь последний час: не дать перегрузкам воздействовать на старые ссадины и синяки. — Их машины работали прилично несколько сот миллионов лет. Затем дела пошли хуже. Машины стали ломаться, работать не так эффективно, как ожидалось. Начали появляться разумные существа, что раньше пресекалось еще при их зарождении.

На лице Паскаль появилось выражение, говорившее, что она начинает разбираться в связи явлений.

— Как, например, амарантяне.

— Именно, как амарантяне. Но это была не единственная культура, проскочившая через сеть. Правда, эти оказались по случайности совсем близко к нашей части Галактики, что дало им возможность оказать на нас... влияние.

Разговор опять перешел к Вольевой:

— Возможно, существовало какое-то машинное устройство, которое должно было следить за Ресургемом. — Но, если это и так, оно, вероятно, перестало работать задолго до зарождения там разумной жизни. Поэтому амарантяне создали цивилизацию, а затем среди них появился подвид,

совершивший космические путешествия, и все это почему-то не привлекло внимания Подавляющих.

— Похититель Солнц.

— Да. Он увел в космос Отверженных, изменил их биологически и умственно, пока они не потеряли сходства с теми, что остались дома, сохранив его лишь в языке и в общности происхождения. Они исследовали собственную солнечную систему, а позже ушли за ее границы.

— Где они нашли... — Паскаль кивнула на изображение Гадеса и Цербера. — Вот их. Ты это хочешь сказать?

Хоури сделала утвердительный знак и стала досказывать.

Досказывать было почти нечего.

Силвест все еще падал. В процессе падения он почти забыл о необходимости следить за временем. Он достиг той точки, где за ним осталось почти двести километров шахты, а впереди — только несколько километров до ее дна. Внизу светились, мигая, огоньки, собираясь в узоры, напоминавшие созвездия. На мгновение ему показалось, что он пролетел гораздо большее расстояние, а эти огоньки — звезды, что означало, что он вот-вот покинет Цербер. Не успев родиться, эта мысль тут же умерла. В том, как мигали эти огоньки, было что-то слишком регулярное, слишком искусственное, беременное рассудочным дизайном.

Из шахты он выпал в пустоту, точно так же, как раньше выпал в пустоту из воронки «Плацдарма». И обнаружил, что продолжает падать сквозь огромный, ничем не занятый объем, причем этот объем показался ему куда больше, чем тот гигантский зал под корой Цербера. Никаких корявых стволов с хрустального пола тут не поднималось и потолка не подпирало. И вообще он сомневался, что за пределами кривизны горизонта тут есть еще что-нибудь. А вот пол под ним — тот точно был, как, возможно, был и потолок, только ничем не поддерживаемый и нависающий над этим огромным объемом — миром внутри мира. Какая-то сила уравновешивала тут силу гравитации, а может, было и еще нечто, лежавшее за пределами воображения Силвеста. А вообще-то он падал к звездному полу, лежащему под ним на расстоянии десятка километров.

Найти скафандр Саджаки было вовсе не трудно. Просто Силвест не сразу начал поиск. Его собственный ска-

фандр прекрасно функционировал и сделал все нужное: взял координаты своего погибшего спутника — вернее, того, что от спутника осталось, — а затем доставил к нему Силвеста, который и приземлился в десятке метров от того места, где рухнул скафандр Саджаки. Триумвир врезался в пол на большой скорости. Это было совершенно очевидно. Впрочем, что еще могло случиться с человеком, который падал на протяжении двухсот километров по вертикали, не имея никакой возможности управлять своим полетом? Оказалось, что скафандр Саджаки наполовину погрузился в металлический пол, затем подпрыгнул вверх, и, наконец, вновь рухнул на пол лицом вниз. Так и лежал, будто решил отдохнуть.

Силвест не ожидал увидеть Саджаки живым, но раздавленный и изодранный скафандр производил ужасное, близкое к шоку впечатление. Больше всего он походил на фарфоровую куклу, которая подверглась жуткому насилию со стороны злобного мальчишки. Скафандр был весь в дырах, ободран, он даже окраску свою потерял. Все это, видимо, случилось с ним во время сражения, да и потом, когда он падал, сила Кориолиса швыряла его на стены шахты.

Силвест с помощью своего скафандра с трудом перевернул его на спину. Он знал, что это зрелище вряд ли будет приятно, но все равно это нужно пережить, хотя бы и большим напряжением воли. Он не ощущал к Саджаки ничего, кроме антипатии, с некоей примесью иронического уважения к его уму и к свирепому упорству, которое позволяло ему многими десятилетиями выслеживать Силвеста. Тут не было ничего, даже отдаленно похожего на дружбу. Просто отношение мастера к инструменту, который выполняет свою работу очень хорошо. Таков Саджаки, думал Силвест, отлично заточенный инструмент, прекрасно отделанный, но пригодный лишь для выполнения одной-единственной работы.

Лицевой щиток скафандра Саджаки был прорезан широкой — в палец — трещиной. Что-то заставило Силвеста наклониться, а затем и встать на колени, так что его лицо оказалось вровень с расколотым шлемом погибшего Триумвира.

— Мне жаль, что все кончилось вот так, — шепнул Силвест. — Я не могу сказать, что мы были друзьями, Ююджи, но я могу сказать, что под конец мне хотелось, чтобы ты

смотрел вперед с тем же интересом, что и я. Я думаю, тебе было бы приятно узнать об этом.

И тут он увидел, что скафандр пуст. Это была всего лишь пустая скорлупа и не более того.

А вот что знала Хоури.

Отверженные достигли далеких окраин своей солнечной системы примерно через тысячу лет после их отлучения от главного русла амарантянской культуры. Благодаря обстоятельствам своей жизни они прогрессировали медленно, так как им приходилось бороться не только с ограничениями технологического характера. Им пришлось преодолевать ограничения собственной психологии, то есть барьеры, крайне труднопроницаемые.

Сначала Отверженные все еще сохраняли стайные инстинкты своих братьев. Амарантянин, потерявший свое положение в стае, заболевал своего рода психозом, эквивалентным массированной сенсорной недостаточности. Даже мелкие группы — и те не могли избежать подобного ужаса. Это обусловливало невероятную стабильность амарантянской культуры и ее устойчивость против всяческих заговоров и предательств. Поэтому Отверженные развивали общество, крайне зависимое от визуальных средств общения, организованное в крупные коллективы, где индивидуум был куда менее значим, чем целое. И тем не менее, оказавшись в изоляции, Отверженные не смогли избежать некоего вида безумия.

Они приняли это как данность и стали бороться против него. Они изменили себя. Культурная социопатия. Только через несколько сотен поколений Отверженные перестали быть стаей и разбились на десятки узкоспециализированных кланов, каждый из которых обладал особой формой помешательства. Или чего-то, что казалось безумием тем, кто остался дома.

Способность функционировать в рамках небольших групп позволила Отверженным уходить от Ресургема все дальше и дальше и отвыкать от необходимости пользоваться теми способами коммуникации, которые зависели от наличия света. Самые психопатические индивидуумы уходили так далеко от своего солнца, что наконец обнаружили Гадес и странную загадочную планету, которая крутилась вокруг него. К этому времени Отверженные уже прошли через ряд философских увлечений, которые Вольева и Пас-

каль кратко суммировали ради Хоури, слабо разбиравшейся в таких запутанных делах. Почему Галактика, которая должна была бы быть гораздо более оживленным местом, если верны их воззрения, таковым местом не является? И не значит ли это, что все их научные взгляды дефектны? Они искали по радио, по оптической связи, на гравитационных и нейтринных диапазонах голоса других культур, сходных с ними, но не ловили ничего. Самые авантюристические натуры из них, а может быть, просто сильнее деградировавшие — в зависимости от точки зрения, — уходили даже за пределы своей Системы, но и там не нашли ничего важного, о чем стоило бы известить соплеменников. Несколько развалин там и сям, странный, похожий на студень организм, обнаруженный на океанической планете, будто туда его умышленно завезли, вот и все.

И вдруг все это потеряло значение в сравнении с загадочной находкой на том камне, который крутился вокруг Гадеса.

Эта вещь была, бесспорно, искусственного происхождения. Она была доставлена сюда какой-то цивилизацией, немереное количество миллионов лет назад. Казалось, она активно зазывает их войти внутрь и ознакомиться с тайнами, которых там полным-полно. И они стали исследовать эту вещь.

Вот тогда-то и возникли проблемы.

— Это был Подавитель! — воскликнула Паскаль. — Это его они нашли, правда?

— Он ждал там миллионы лет, — ответила Хоури. — Ждал там все время, пока они эволюционировали, как мы думаем, от динозавров или птиц. Ждал там, пока они развивались в разумный вид, учились пользоваться орудиями, открывали для себя огонь...

— Просто ждал, — эхом отозвалась Вольева.

За ее спиной тактический дисплей уже несколько минут пульсировал красным светом, указывая, что шаттл только что попал в пределы действия лучевого оружия корабля. Уничтожение шаттла с такого расстоянии было маловероятно, но и не невозможно, хотя требовало некоторого времени.

Она продолжила:

— Ожидал кого-то явно разумного, который приблизился бы к нему. На дальнем расстоянии он бессмысленно

не действует и не уничтожает, так как это означало бы неправильное использование ресурсов и нарушение его предназначения. Подавители приглашают к себе жертвы, чтобы узнать о них как можно больше. Откуда они? Какая у них технология? Как они мыслят? Как совещаются и взаимодействуют?

— Сбор разведданных.

— Да. — Голос Вольевой был печальнее похоронного колокола. — Он очень спокоен, понимаете? Но рано или поздно приходит минута, когда он решает, что вся нужная информация получена. И тогда... только тогда он действует.

В этом пункте все три женщины были едины.

— Вот почему погибли амарантяне на Ресургеме, — сказала с удивлением Паскаль. — Он что-то сделал с их солнцем, он начал мудрить с ним, он запустил какой-то процесс в огромной солнечной короне, и этого было достаточно, чтобы сжечь Ресургем, уничтожить на нем жизнь и превратить его в мишень для метеоритов на несколько сот тысяч лет.

— Вообще-то Подавители не должны функционировать столь безумно долгий срок, — заметила Вольева, — но этот был установлен очень поздно, вот и дотянул до наших времен. Но и не только поэтому. Дело в том, что Отверженные уже стали обитателями космоса, рожденными для полетов. Теперь Подавитель должен был охотиться за ними, преследовать их на десятки световых лет, если придется.

И тут снова возник сигнал датчиков в корпусе, предупреждавших о прямом попадании в шаттл радарного луча. Затем последовал и второй сигнал — доказывающий, что корабль-преследователь проводит пробную фокусировку луча.

— Механический Подавитель, вращавшийся вокруг Гадеса, должен был поднять тревогу где-то еще, — сказала Хоури, стараясь не обращать внимания на предвестника неминуемой опасности. — Он должен был передать куда-то собранную им разведывательную информацию, предупреждая кого нужно, что Отверженные близко.

— Вряд ли это был тот случай, когда надо сидеть на месте и ждать, пока Отверженные объявятся, — сказала Вольева. — Машина, надо думать, переключалась от пассивного ожидания на что-то более активное. Например, на производство машин для охоты, натасканных на химические

матрицы Отверженных. И независимо от того, в каком направлении бежали бы Отверженные, свет все равно обогнал бы их. Подавители всегда были бы на шаг впереди в этой игре — настороженные и ожидающие своего часа.

— У Отверженных не было ни единого шанса.

— Немедленное истребление — вряд ли единственный путь, — вмешалась Паскаль. — Отверженные, например, имели возможность вернуться на Ресургем. Имели время для сохранения чего-то от прежней культуры. Даже если знали, что на них открыта охота и что их Солнце готовится разрушить их родную планету.

— Возможно, на это ушло десять лет, возможно — сто. — То, как это было сказано, говорило, что для Вольевой срок не имеет значения. — Все, что мы знаем, это то, что им удалось проникнуть дальше, чем другим.

— Но ведь никто не уцелел? — возразила Паскаль.

— Кое-кто выжил, — ответила Хоури. — В каком-то смысле.

За спиной Вольевой завопил тактический дисплей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Внутри Цербера, год 2567-й

Последний уровень был пуст.

Силвесту потребовалось три дня, чтобы добраться сюда. Прошел целый день с тех пор, как он ушел от пустого скафандра Саджаки, оставленного на полу третьего уровня примерно в пятистах километрах от поверхности. Силвест знал, что если он остановится и начнет думать о пройденных расстояниях, то вообразит, что уже давно спятил в буквальном смысле этого слова, а потому ему следует немедленно изгнать из мозга всю эту цифирь. Вполне достаточно и того факта, что он находится здесь — в совершенно чуждой для человеческого сознания обстановке. И ни к чему дополнять обуревающий его страх изрядной дозой клаустрофобии. И все-таки наложенный им запрет на мысли о пройденном пути был недостаточно крепок, так как за каждым воспоминанием прятался неуемный сокрушительный ужас — а вдруг какой-нибудь жест или поступок нарушит тонкую балансировку, существующую здесь, и гигантский,

непредставимый по сути своей, потолок обрушится ему на голову.

Каждый новый уровень, который проходил Силвест, видимо, представлял особую фазу амарантянской строительной методики. А может — и истории. Впрочем, пожалуй, дело обстояло даже сложнее. Дело в том, что сменявшие друг друга по мере спуска уровни, как казалось Силвесту, не отражали технического прогресса. Скорее каждый из них выражал смену философских подходов строителей. Было похоже, что когда сюда прибыли первые амарантяне, они обнаружили Нечто (что именно, он даже не брался гадать), и решили окружить его искусственной оболочкой, укрепленной средствами автоматической защиты. Затем, похоже, прибыла вторая группа, которая решила окружить эту Вещь второй оболочкой, вероятно, посчитав, что их фортификационные сооружения будут более прочными. Самая последняя группа сделала еще один логический шаг вперед, так закамуфлировав свои фортификации, что они потеряли всякое сходство с искусственными сооружениями. Было совершенно невозможно определить время, когда эти уровни создавались и сколько тысячелетий уходило на каждый из них. Силвест не стал даже размышлять об этой проблеме. Возможно, различные уровни строились почти одновременно, а может, процесс растянулся на тысячи или миллионы лет, прошедших между отлетом Похитителя Солнц с Ресургема и возвращением его обратно уже в образе Бога.

И естественно, Силвесту ничуть не добавляло спокойствия то, что он не обнаружил в скафандре Саджаки.

— А его там никогда и не было, — сказал Кэлвин, проникая в мысли Силвеста. — Все это время ты думал, что в скафандре находится Саджаки, а его там отродясь не бывало. Пустой был скафандр. Неудивительно, что он никогда не разрешал тебе сблизиться с ним.

— Ловкий подонок!

— Уж это точно! Но ведь фактически-то ловким подонком был вовсе не Саджаки.

Силвест изо всех сил пытался объяснить этот парадокс, но особого успеха не достиг.

— Но если не Саджаки... — Он не кончил фразы, вспомнив, что за все время их путешествия вне корабля он ни разу не видел Триумвира во плоти. Саджаки разговаривал

с ним из клиники, но у Силвеста не было никаких оснований считать, что это действительно был Саджаки.

— Послушай, но ведь кто-то приводил скафандр в движение, пока он не грохнулся с высоты? — Кэлвин занимался своим излюбленным делом — притворялся абсолютно спокойным, невзирая на тяжесть ситуации. Только сейчас обычной бравады в нем было меньше. — Я бы сказал, что существует лишь один логически обоснованный персонаж...

— Похититель Солнц! — Силвест произнес эти слова вслух, намеренно проверяя таким образом абсурдную мысль Кэлвина. Лекарство оказалось не таким уж горьким, как ему представлялось. — Это был он, не правда ли? Значит, Хоури была права во всем.

— Я бы сказал, что на данном этапе мы выглядели бы весьма глупо, отклонив эту гипотезу. Хочешь, я продолжу?

— Нет, — сказал Силвест. — Пока не надо. Дай мне время самому обдумать ситуацию, а потом можешь одаривать меня своей божественной мудростью сколько захочешь.

— Да о чем думать-то?

— Это-то очевидно. Будем ли мы двигаться дальше или вернемся.

Решение было отнюдь не самым легким в его жизни. Теперь он знал, что все время — или часть времени — им манипулировали. Но как далеко зашло это манипулирование? Например, простиралось ли оно на его мыслительные способности? Был ли его мыслительный процесс целенаправленно руководим с того самого момента, как он вернулся от Завесы Ласкаля — то есть чуть ли не всю его жизнь, — с тем, чтобы привести к такому вот концу? Может быть, он вообще умер там, а в Йеллоустон вернулся своего рода автомат, действующий и чувствующий как прежний «он», но в действительности направляемый к одной-единственной цели, которой он сейчас почти достиг? Ладно, но если по чести, так имеет ли это все хоть какое-нибудь значение?

В конце-то концов, как ни отмеряй, как бы ни были фальшивы его чувства, какой бы иррациональной ни была логика, но именно в этом месте он мечтал оказаться всю жизнь.

Обратно повернуть он не может. Пока, во всяком случае. До тех пор, пока не узнает.

* * *

— Свинская скотина! — воскликнула Вольева.

Первый прицельный направленный взрыв произошел у самого носа шаттла через тридцать секунд после того, как завыла сирена тактического дисплея. Этого времени едва хватило, чтобы дипольный отражатель успел выбросить облако, предназначенное для поглощения начальной энергии гамма-фотонов. Как раз перед тем, когда иллюминаторы рубки автоматически обрели непроницаемость, Вольева успела увидеть серебристую вспышку — это «жертвенная» броня корпуса шаттла исчезла в облаке металлических ионов. Мощнейший удар потряс фюзеляж шаттла, как если бы в него попал тяжелый снаряд. Новые сирены присоединились к вою прежних. Большая часть обширной поверхности тактического дисплея переключилась на режим атаки, графически изображая степень готовности вооружений шаттла.

Бесполезно. Все бесполезно. Оборонительные системы «Грусти» слишком слабы и слишком ориентированы на ближний бой, чтобы противостоять мегатонному противнику. А что удивительного — некоторые орудия «Бесконечности» куда больше всего шаттла, а ведь они еще даже не побеспокоились подключиться к обстрелу.

Колоссальное серое тело Цербера заполнило треть неба, видимого из иллюминаторов шаттла. Сейчас надо бы сбросить скорость, а они теряют драгоценные секунды, хотя жаркое уже, так сказать, начало подгорать. Даже если бы они отбили атаку, скорость шаттла осталась бы опасно большой.

А между тем значительная часть корпуса уже превратилась в пар.

Вольева предоставила своим пальцам заниматься привычным делом — вводить в программу хитроумный зигзагообразный курс, который должен бы вывести их из-под огня. Единственным недостатком программы было то, что она включала в себя перегрузки до десяти *g*.

Вольева выполнила все рутинные приемы и тут же хлопнулась в обморок.

Помещение было гулким, но не пустым.

Три сотни километров в ширину, подумал Силвест, беря эту цифру почти что «с потолка», ибо его скафандр решительно отказался дать точные данные о размерах этой по-

лости, хотя Силвест требовал их несколько раз. Нет сомнения: то, что находилось в центре этой полости, доставляло скафандру большие затруднения. Это Силвест понимал. Еще бы! Такая штуковина и ему — Силвесту — была не по зубам. У него от нее голова раскалывалась.

Фактически «штуковин» было две, и Силвест даже под страхом смерти не мог бы ответить на вопрос, какая из них более удивительна, а какая — менее. Они двигались, вернее, одна двигалась по орбите вокруг другой. Та, что ходила по орбите, походила на гемму, но гемму столь сложную и к тому же находящуюся в непрестанном движении, что определить ее форму или даже цвет и силу отражения света, которые непрерывно менялись, было просто невозможно. Все, что мог сказать Силвест, это что гемма огромна — десятки километров в диаметре, как ему казалось, но опять-таки когда он попросил скафандр проверить его оценку, тот не смог дать внятного ответа. С тем же успехом он мог бы просить скафандр прокомментировать подтекст свободной хайку, в смысле которой Силвест сам разобраться не мог.

Он попытался увеличить какой-нибудь участок поверхности геммы с помощью своей глазной механики, но она, похоже, «не пожелала» увеличиваться и даже скорее уменьшалась при этой попытке. Что-то странное происходило с пространством-временем вблизи этой драгоценности.

Попытался Силвест сделать и моментальный снимок геммы, пользуясь техническими особенностями своих «глаз», но и тут его ожидала неудача, так как снимок показал нечто, гораздо более парадоксально расплывчатое, чем он видел в реальности, как будто объект менялся гораздо быстрее на микроскопически малых отрезках времени, чем на отрезках, изменяемых секундами. Силвест попытался удержать эту концепцию в памяти и, видимо, ему это на какое-то время удалось, но потом все вылетело у него из головы — иллюзия понимания причин улетучилась.

Что же до другой «штуковины»...

Та «штуковина» — стационарная — была, если это возможно, еще хуже первой. Это была как бы рваная рана в реальности — широко разверстая пасть дыры, откуда бил белый ослепительный свет — вроде как изо рта Бесконечности. Необычайно интенсивный, он был куда чище и ярче, чем что-либо виденное в этом духе Силвестом. Такой свет видят умирающие — он манит их к жизни после смерти.

Силвест тоже ощутил этот призыв. Свет был так силен, что Силвест должен был бы ослепнуть, но чем сильнее он вглядывался в сверкающие глубины этого источника, тем меньше слепил свет, тем быстрее превращался в успокаивающую бездонную белизну.

Свет отражался в летящей по орбите гемме, которая отбрасывала многокрасочные быстро сменяющие друг друга лучи на стены гигантского зала. Это было великолепное, яркое, бесконечно изменчивое зрелище.

— В этот момент, — произнес Кэлвин, — испытываемое мной чувство собственной ничтожности представляется в высшей степени уместным. У тебя такое же впечатление?

— Конечно. — Если он и произнес это слово, то беззвучно. Но Кэлвин понял.

— Тогда, может, хватит? Я хочу сказать, что ты узнал то, что они хотели скрыть от нас. Что-то невероятно странное... Один Бог знает, что это такое.

— Возможно, это Он и есть. Бог.

— Глядя на этот свет, я готов согласиться с тобой.

— Значит ли это, что ты ощущаешь то, что только что высказал?

— Я не уверен в том, что ощущаю. И не уверен в том, что мне нравятся мои ощущения.

— Как ты думаешь, они это сами создали или случайно наткнулись? — спросил Силвест.

— Ты в первый раз интересуешься моим мнением. — Кэлвин нарочито колебался, но его ответ не показался странным. — Нет, они этого не сотворили, Дэн. Они, бесспорно, были умны, возможно, умнее нас. Но амарантяне не были богами.

— Тогда это был кто-то другой.

— Это был кто-то, кого, я надеюсь, мы никогда не встретим.

— Не сотрясай даром воздух, так как, насколько я понимаю, мы с этим другим встретимся очень скоро.

Пребывая почти в невесомости, Силвест направил свой скафандр в глубь зала, туда, где танцевала драгоценная гемма и где находился источник обжигающе прекрасного белого света.

Когда Вольева пришла в себя, она услышала вой сирены, предупреждающий о начале лучевой атаки. Это озна-

чало, что «Бесконечность» готовится перенацелить свою артиллерию. На это уйдет лишь несколько секунд, даже с учетом программы зигзагообразного хода шаттла.

Вольева взглянула на индикатор состояния корпуса и увидела, что слой защитной или «жертвенной» металлической обшивки насчитывает сейчас лишь несколько миллиметров толщины, что аппаратура дипольных отражателей вышла из строя и что — при реалистическом подходе — их шаттл не выдержит даже одного-двух попаданий с корабля.

— Мы все еще тут? — спросила Хоури, явно пораженная тем, что она еще может сформулировать подобный вопрос.

Еще одно попадание, и корпус начнет протекать в десятке мест, выпуская воздух в космическое пространство, если, конечно, не испарится полностью. Жар первых попаданий был успешно поглощен, но последние парировать было труднее, и их летальные раскаленные выбросы проникали внутрь шаттла.

— Отправляйтесь в Паучник, — крикнула Вольева, мгновенно сбрасывая скорость, чтобы создать вокруг корабля завихрения. — Изоляционная обшивка обеспечит вам возможность перенести еще несколько ударов луча.

— Нет, — теперь Хоури уже почти вопила. — Мы не можем! Здесь у нас есть хоть какой-то шанс!

— Она права, — поддержала Паскаль.

— Вы и получите этот шанс в Паучнике, — ответила Вольева. — Фактически он там выше. Как цель Паучник меньше. Думаю, что корабль предпочтет заняться шаттлом, а может быть, вообще примет Паучник за обломок крушения.

— А что же будет с тобой?

Вольева разозлилась.

— Неужели ты думаешь, что я отношусь к людям, которые разыгрывают из себя героев? Я тоже приду туда. С вами или без вас, но мне нужно сначала заложить в компьютер программу полета. Если ты думаешь, что можешь сделать это лучше...

Хоури заколебалась, поскольку слова Вольевой трудно было назвать абсурдными. Затем она отстегнулась от своего кресла, поманила пальцем Паскаль и с огромными усилиями пошла к дверям. Она старалась так, будто от этого зависела ее жизнь.

Что, если подумать хорошенько, наверняка так и было.

Вольева исполнила то, что обещала, заложив в программу столь хитрый маневр ускользания, от которого у нее самой шевелились волосы. Этот маневр был таков, что она абсолютно не была уверена, смогут ли его пережить и она сама, и ее подруги — несколько секунд им придется выдержать перегрузку в пятнадцать *g*. Но разве это важно? Сама идея гибели в теплом туманном оцепенении, вызванном обмороком от перегрузок, в вакууме, в невидимом жаре гамма-лучей...

Взяв шлем, который она захватила, пробираясь в шаттл, она уже готовилась присоединиться к остальным, мысленно повторяя отсчет времени, оставшегося до начала маневра.

Хоури уже прошла полпути до ожидающего их Паучника, когда почувствовала, как волна жара хлестнула ее по лицу, а за этим последовал омерзительный звук — со скрежетом стал прогибаться корпус шаттла. Освещение в грузовом отсеке погасло — электрическая проводка шаттла не вынесла атаки. А у Паучника была собственная система энергоснабжения, поэтому его плюшевое великолепие было отлично видно через смотровые окна.

— Входи! — заорала она Паскаль, и, хотя грохот, сопровождавший гибель шаттла, был подобен концерту, разыгрываемому на металлических листах, жена Силвеста услышала этот вопль и влезла в Паучник как раз в то время, когда страшная ударная волна пронеслась по отсеку (или по тому, что от него осталось), сорвав Паучник с якорей, на которые он был поставлен роботами Вольевой.

Теперь послышалось и жуткое завывание воздуха, вырывающегося изо всех отсеков шаттла. Хоури ощутила его напор, резко затруднивший продвижение вперед. Паучник накренился и повернулся, его ноги наугад дико царапали палубу. В смотровом окне она видела Паскаль, но эта женщина ей ничем помочь не могла. А как управлять Паучником, она знала еще хуже Хоури.

Хоури обернулась, молясь, чтобы увидеть Вольеву, которая знает, как и что надо делать, но ничего там — за ее спиной — не было, кроме пустого коридорчика и этого жуткого хлюпающего звука — звука истекающего в космос воздуха.

— Илиа!..

Проклятая дура сделала именно то, чего боялась Хоури! Осталась позади, хотя и отрицала, что останется там.

В слабом свете она увидела, как дрожит корпус шаттла, совсем как дека скрипки. И вдруг внезапно та буря, что тащила Хоури прочь от Паучника, утихла. Ей противостояла теперь яростная декомпрессия, тоже бушевавшая в грузовом отсеке. Глаза Хоури уже не различали почти ничего — по ним ударил ледяной холод, и она рухнула головой вперед, туда, где еще секунду назад был металл...

— Где?..

И как только она открыла рот, Хоури тут же поняла, где она находится — в Паучнике. Ошибиться было нельзя. Во всяком случае, если ты провела в нем много времени. Здесь было тепло, спокойно, удобно. Здесь было тихо. Целая вселенная, казалось, отделяла ее от той минуты, о которой она ничего и помнить не хотела. Руки болели, по правде говоря, очень болели, но она чувствовала себя гораздо лучше, чем имела право надеяться, ибо ее последним воспоминанием было падение из гибнущего шаттла в направлении открытого космоса.

— Нам удалось... — говорила Паскаль, хотя в голосе ее звучало все, что угодно, но только не триумф. — Не пытайся дергаться. Только не сейчас — ты страшно обожгла руки.

— Обожгла? — Хоури лежала на одной из вельветовых кушеток, которые тянулись вдоль стен, головой на обитом медью месте для ног. — Что случилось?

— Ударилась о Паучник. Тебя этим сквозняком швырнуло прямо на него. И все же тебе удалось по стенке добраться до воздушного шлюза. Ты дышала вакуумом по меньшей мере секунд пять-шесть. Металл так быстро остыл, что ты получила морозные ожоги там, где руки коснулись металла.

— Ничего не помню. Ничего. — Но достаточно было взглянуть на ладони, чтобы понять: сказанное — правда.

— Ты упала в обморок, как только оказалась на борту. Можно понять. — В голосе Паскаль звучал все тот же тоскливый тон, который как бы свидетельствовал, что все, сделанное Хоури, бесполезно. И Хоури подумала, а может, Паскаль права? Самое лучшее, что их ждет, — это сесть на Цербере, а потом долго вычислять, сколько им удастся выстоять в борьбе с оборонительными вооружениями его «коры». Интересное занятие, но не более того. А если не это, то долгое мучительное беспокойство, не обнаружит ли их собственный суперсветовик. Потом они умрут от холода

и удушья, когда кончатся их скудные ресурсы. Хоури рылась в памяти, стараясь припомнить, что говорила Вольева о том, сколько времени может прожить Паучник сам по себе.

— Илиа...

— Она не успела, — ответила Паскаль. — Погибла. Я видела, как это произошло. Через секунду после того, как ты оказалась на борту, шаттл взорвался.

— Как ты думаешь, Вольева сделала это по расчету, чтобы дать нам шанс спастись? Чтобы нас приняли за обломки, как она сама сказала?

— Если так, то мы ей обязаны жизнью.

Хоури стащила куртку, сняла рубашку, снова натянула куртку и, разорвав рубашку на тонкие полосы, перевязала черные, покрытые пузырями ладони. Они жутко болели, но это было не так уж страшно, особенно если сравнить эту боль с той, которую она испытывала на тренировках от веревочных ожогов или от перетаскивания тяжелых пушек. Вспомнив об этом, она скрипнула зубами и решила в рассуждениях этого дня не вспоминать о боли.

Но прочие проблемы, когда она сосредоточилась на них, сделали перспективу погрузиться в море боли весьма соблазнительной. Однако Хоури воспротивилась. Ей вдруг до слез захотелось узнать о своем жизненном предназначении, даже если она в нем ничего не сможет изменить. Ей страстно хотелось узнать, что ждет ее впереди. Ведь все равно что-то должно случиться с ней, разве не так?

— Крышка нам? — спросила Хоури.

Паскаль кивнула.

— Но не так, как ты думаешь, держу пари.

— Думаешь, не сядем на Цербер?

— Не сядем. Даже если бы умели управлять Паучником. Но с Цербером мы не столкнемся, а скорость наша такова, что и на орбиту вокруг него нам не встать.

Теперь, когда Паскаль упомянула про Цербер, его полушарие, видимое в смотровые окна, казалось гораздо большим, чем было до атаки. Должно быть, они проскочили мимо планеты с той скоростью, которую обрели благодаря методу подхода шаттла, равной нескольким сотням километров в секунду.

— Так что же тогда случится?

— Я могу только гадать, — ответила Паскаль, — но думаю, мы упадем на Гадес. — Она кивнула в сторону лобо-

вого смотрового окна, откуда было видно красную точку впереди. — Мне кажется, что, грубо говоря, положение звезды совпадает с направлением нашего полета.

Хоури не надо было напоминать, что Гадес — нейтронная звезда, также не стоило говорить и о том, что на свете не существует такой штуки, как безопасное сближение с нейтронной звездой. Ты или держишься от нее подальше, или погибаешь. Таковы правила, и нет во вселенной такой силы, которая бы их изменила. Тяготение отдает приказ, и тяготение не принимает жалоб на обстоятельства — справедливы они или нет. Петиции не рассматриваются.

Тяготение сокрушает все, а вблизи поверхности нейтронной звезды тяготение сокрушает абсолютно, пока даже из алмаза не потечет вода, пока горы не сожмутся в горсточку пыли. Собственно, для того, чтобы испытать эти силы, нет смысла приближаться к звезде слишком близко. Нескольких сот тысяч километров будет в самый раз.

— Да, — сказала Хоури. — Думаю, ты права. И это не есть хорошо.

— Нет, — отозвалась Паскаль. — Могу себе представить, что не есть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Внутри Цербера, год 2567-й

Силвест думал об этом месте, как о Дворце Чудес.

Название казалось ему вполне подходящим. Он пробыл тут менее часа (во всяком случае, так ему чудилось, поскольку еще задолго до прихода сюда он перестал замечать время) и за это время не видел ничего, что было бы не чудесным, но зато видел много такого, для чего это слово казалось слишком обыденным. Каким-то образом он проникся убеждением, что всей его жизни не хватит на то, чтобы ознакомиться хотя бы с малой долей того, что есть в этом помещении и понять суть этих вещей и явлений. Ему уже приходилось испытывать подобные ощущения, когда он натыкался на области потенциального Знания, которых никто до него не видел, не определил и не попробовал освоить, хотя бы в теории. Однако он понимал, что те ощущения были лишь бледной тенью нынешних.

У него оставалось лишь несколько часов, которые он мог провести здесь, иначе он потеряет последние шансы на спасение. А что можно сделать за эти жалкие часы? Очень мало даже в обычных условиях. Зато к его услугам были системы скафандра, а также собственное зрение, так что можно было рискнуть попробовать. История не простит ему, если он сделает меньше того, что может. И что еще важнее, он сам себе этого не простит.

Он приказал скафандру идти к центру зала, к тем двум предметам, которые так разожгли его любопытство: разрез, испускающий трансцедентальный свет, и некая вещь, похожая на гигантскую драгоценность, вращающаяся вокруг него. Когда Силвест добрался туда, стены зала стали передвигаться, как будто их засасывало вихревое поле этих двух объектов, как будто само пространство вдруг стало свертываться, увлекаемое крутящимся вихрем, как будто природа пространства начала меняться, приобретая черты жидкостного состояния. Его скафандр пытался сообщить ему нечто по этому поводу, он нашептывал Силвесту результаты анализа изменений субстрата, квантовые индексы перескакивали в какие-то новые вселенные. Силвест припоминал, что нечто подобное происходило и на пути к Завесе Ласкаля. Как и тогда, его ощущения представлялись ему естественными, хотя по мере приближения к гемме и ее сверкающему спутнику Силвест чувствовал, что все его существо кем-то описывается и переводится в некие символы.

Потребовались часы, чтобы достигнуть геммы, и он уже стал сомневаться, что верно определил размеры зала. По мере его приближения скорость вращения геммы неуклонно сокращалась, пока не достигла нуля. Теперь с головокружительной скоростью вращались уже стены зала. Силвест откуда-то знал, что уже подошел достаточно близко, хотя размеры геммы ничуть не изменились в сравнении с теми, которые он наблюдал, увидев ее впервые. Сейчас она снова двигалась, больше всего напоминая ему детский калейдоскоп. Здесь тоже непрерывно менялись симметричные узоры, рожденные мельканием отражений цветных лучей света, но только происходило это в трех, а может быть, и в большем числе измерений. Временами гемма угрожающе метала в него стрелы и копья света, так что ему приходилось в страхе отшатываться. Однако в целом он удерживал свои позиции и даже умудрялся продвигаться вперед, в те минуты, когда гемма впадала в период отно-

сительного покоя и процесс ее изменений замедлялся. Силвест понимал, что его выживание нисколько не зависит от того, с какого расстояния его скафандр будет брать свои анализы. Такие мелочи тут значения не имели.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил Кэлвин так тихо, что его голос был почти неотличим от мыслей самого Силвеста.

— А я-то надеялся, что ты просветишь меня по этому вопросу.

— Ну, извини, у меня запас озарений кончился. Разошелся за долгую жизнь.

Вольева дрейфовала в космосе.

Она не погибла при взрыве «Грусти», хотя и не успела добраться до Паучника вовремя. Зато ей удалось натянуть шлем как раз перед тем, как корпус шаттла вспыхнул, как вспыхивает крыло бабочки, коснувшись огонька свечки. Падая в гуще других обломков, Вольева перестала быть мишенью для суперсветовика. Он игнорировал ее так же, как игнорировал Паучник.

Она не могла просто умереть — это решительно было бы не в ее стиле. И хотя знала, что шансы на выживание статистически ничтожны, а то, что она делает совершенно нелогично, она считала необходимым полностью прожить те часы, которые ей отпустила судьба. Вольева проконтролировала запасы воздуха и энергии, убедилась, что они невелики. Совсем невелики. Ведь свой скафандр она натянула наспех, думая, что он ей нужен только для того, чтобы добраться через ангар до шаттла. У нее не хватило ума подключить его к одному из модулей и подзарядиться, пока она торчала на шаттле. А ведь это подарило бы ей еще несколько дней жизни, тогда как теперь у нее оставалась лишь жалкая доля суток. И в то же время какая-то извращенность в характере мешала ей немедленно и навсегда покончить со всеми своими делами. Она знала, что сможет растянуть свои ресурсы на больший срок, если будет спать все время, когда от нее не требуется бодрствования. Конечно, придется учесть, что ей какое-то время надо быть в полном сознании.

Она запрограммировала скафандр на свободный полет и распорядилась, чтобы он разбудил ее лишь в том случае, если произойдет что-либо интересное, или — что вернее —

угрожающее. И теперь, раз она проснулась, следовательно, что-то случилось.

Она спросила у скафандра: что именно?

Он ответил.

— Ч-черт! — прокомментировала она.

Оказалось, ее только что засек радар «Бесконечности». Тот же самый, который нащупал шаттл перед тем, как в ход были пущены гамма-лазеры. Луч был мощный, значит, корабль совсем близко от нее. Не более десятков тысяч километров. По такой большой, беззащитной, почти неподвижной и очень заметной цели, как Вольева, — это просто стрельба в упор.

Правда, она надеялась, что у него хватит милосердия прикончить ее каким-нибудь быстрым способом. Можно надеяться, что, каков бы этот способ ни был, это будет какая-то из систем вооружений, которые она сама разрабатывала.

Не в первый раз уже она прокляла собственную добросовестность.

Она с трудом воспользовалась бинокуляром скафандра и стала обшаривать звездное небо в том направлении, откуда пришел луч радара. Сначала она видела только звезды да черноту, но затем возник и корабль — маленький светящийся уголек, неуклонно с ней сближавшийся.

— Это не амарантянские дела, верно? В этом мы согласны?

— Ты имеешь в виду гемму?

— А черт ее знает, что это такое. И еще я уверен, что уж этот свет явно обязан своим появлением не им.

— Согласен. Он, разумеется, не их рук дело. — Силвест только теперь стал понимать, как он рад присутствию здесь Кэлвина, каким бы иллюзорным оно ни было. И не имеет значения, что это всего лишь обман. — Чем бы ни были обе эти штуковины и в чем бы ни была их связь друг с другом, амарантяне их только нашли.

— Полагаю, ты прав.

— Может, они даже не понимали, что такое они нашли, во всяком случае не до конца. Однако по той или иной причине они окружили эти предметы оболочкой, спрятали их. Почему-то пришлось спрятать это дело от всей остальной вселенной.

—Из ревности?

— Все может быть. Только это предположение не объясняет предупреждения, полученного нами, когда мы сюда добирались. Разве не может быть, что амарантяне скрыли эти предметы в виде одолжения всему живущему? Уничтожить их они не могли, увезти куда подальше — тоже.

Силвест задумался.

— Тот, кому первоначально принадлежали эти вещи, явно хотел привлечь к ним внимание, раз оставил их болтаться вокруг нейтронной звезды. Как полагаешь?

— Используя ее как наживку?

— Нейтронные звезды — штука не такая уж редкая, и все-таки это экзотика, особенно для цивилизации, только недавно достигшей стадии космических полетов. С известной гарантией можно предположить, что амарантяне обязательно заглянут сюда, хотя бы из чистого любопытства.

— Но они ведь не были последними, да?

— Нет. Не думаю... — Он перевел дыхание. — Ты не считаешь, что нам следует уйти отсюда, пока еще есть время?

— С точки зрения разума — да. Такого ответа с тебя хватит?

И они пошли дальше.

— Давай сначала приблизимся к Свету, — сказал Кэлвин несколькими минутами позже. — Хотелось бы взглянуть на него поближе. Мне кажется — может, это звучит глупо, — мне кажется, что он более загадочен, чем тот, другой, предмет. И если я должен умереть за право рассмотреть какую-то из этих вещей, то пусть это будет Свет.

— Я чувствую то же самое, — отозвался Силвест.

Он уже начал выполнять то, что предложил Кэлвин, как будто сам этого желал. Сказанное Кэлвином было верно: в необычайности Света было нечто глубинное, нечто древнее, нечто необъяснимое. Силвест не мог выразить свои чувства в словах или даже уяснить их для себя, но теперь они вырвались наружу, и он знал, что они верны. Именно Свет был тем, к чему им следовало идти.

Текстура света была серебристой. Сверкающая щель в реальности, одновременно и яростная, и спокойная. Приближаясь к ней, стремительная — правда, сейчас неподвижная — гемма, казалось, уменьшалась в размерах. Ровное жемчужное сияние окружало скафандр. Силвест подумал, что оно должно было бы повредить его зрению, но не ощущал ничего, кроме теплоты, да еще чувствовал, как мед-

ленно растет у него способность понимать. Постепенно он потерял из виду и остальной зал, и гемму, теперь его обволакивала метель из серебра и белизны. Но страха он не испытывал. Чувства опасности — тоже. Только смирение, но смирение радостное, идущее изнутри. Медленно, точно подчиняясь волшебству, его скафандр стал обретать прозрачность, серебристое сияние сочилось сквозь него, потом оно коснулось кожи Силвеста, а там проникло и глубже — в плоть и кости.

Это было не совсем то, чего он ждал.

Потом, когда к Силвесту вернулось сознание (вернее, когда он спустился к нему, ибо в тот момент ему представлялось, что он находится над сознанием), у него осталось лишь ощущение понимания всего сущего.

Теперь он снова был в зале, на довольно значительном расстоянии от белого Света, но все еще внутри описываемой геммой орбиты.

Теперь он знал.

— Ну, — сказал Кэлвин, и голос его был столь же неожиданен и неуместен в тишине этого зала, как был бы рев трубы. — Ничего себе был экспериментик, а?

— Ты... испытал то же, что и я?

— Можно сказать и так. Это было самое странное ощущение в моей жизни, будь оно неладно. Как тебе такой ответ?

Такой ответ годился. Да и не было никакой необходимости выходить за эти рамки, не было нужды убеждать себя, что Кэлвин разделяет все, что ощущает Силвест или что на какое-то время их мысли — и даже нечто большее — слились и невидимо потекли вместе с триллионами разумов других существ. И что он прекрасно усвоил все, ибо в момент слияния разумов на все вопросы были даны исчерпывающие ответы.

— Нас прочли, не так ли? Этот Свет — сканирующее устройство, машина для считывания и хранения информации. — Эти слова звучали вполне здраво, пока их произносили, но произнеся их, Силвест понял, что выражается крайне примитивно, что снижает значение артефакта, о котором шла речь, благодаря грубости и бедности самого языка. Для того, чтобы выразить точно и полно то, что он понял и ощутил в этом Месте, его словарь мал и скуден. И даже сейчас эти ощущения и знания как бы стали выцветать —

уже с первых же минут пробуждения. А ведь ему необходимо высказаться, необходимо хоть как-то сформулировать свои чувства, записать все это в банк памяти скафандра, хоть для потомства, что ли. — На мгновение мне показалось, что нас самих превратили в информацию и что в тот момент мы были подсоединены ко всем другим источникам информации, когда-либо существовавшим или по крайней мере уловленным этим Светом.

— Я тоже ощутил это, — отозвался Кэлвин.

А Силвест подумал о том, разделяет ли с ним Кэлвин и растущую амнезию — постепенную утечку полученных знаний?

— Мы ведь были на Гадесе, верно? — Силвест чувствовал, как рвутся его мысли, как толкутся в тесных воротах в стремлении быть выраженными в словах, прежде чем испариться неизвестно куда. — Гадес вовсе не нейтронная звезда. Может, он и был ею, но теперь это не так. Его трансформировали, переделали в...

— В компьютер, — продолжил за него Кэлвин. — Вот что такое Гадес. Это компьютер, сделанный из атомизированного вещества, из звездной материи, призванный обрабатывать информацию и хранить ее. И Свет — это вход в компьютер, путь для подключения к компьютерной матрице. Думаю, что в какой-то момент мы оказались внутри нее.

Но то, что было на самом деле, было еще невероятнее.

Когда-то звезда, имевшая массу в тридцать—сорок раз больше массы земного Солнца, подошла к концу своего ядерного существования. После нескольких миллионов лет расточительного расходования энергии звезда взорвалась и превратилась в сверхновую, а в ее сердце чудовищное гравитационное давление сжало кусок материи в пределах радиуса Шварцшильда, и там образовалась черная дыра. Черной дырой она называлась потому, что ничто — даже свет — не могло вырваться за пределы критического радиуса. Материя же и свет могли падать в черную дыру, увеличивая ее и без того огромную массу и силу притяжения. Возник замкнутый круг.

И вот появилась цивилизация, нашедшая форму использования этого явления. Ей была известна техника, с помощью которой черную дыру можно было преобразовать в нечто несравненно более редкое и куда более парадоксальное. Во-первых, пришлось подождать, пока вселенная не

станет значительно старше, чем была, когда черная дыра образовалась, подождать, пока большая часть звезд не превратится в очень старых красных карликов — звезд, чьей собственной массы не хватало для того, чтобы инициировать ядерную реакцию. Затем около дюжины таких карликов были согнаны к черной дыре и образовали вокруг нее хоровод, который стал питать дыру звездным веществом, проливая его за поглощающий свет горизонт.

Это Силвест понял или уговорил себя думать, что понял. А вот следующую часть — ядро всего проекта — охватить умом было куда труднее. Ведь утверждение, которое содержит внутреннее противоречие, понять всегда труднее простого. Он понял лишь, что, попав на рубеж черной дыры, частицы вещества продолжали падать туда по своим траекториям и орбитам, которые заставляли их в конце концов вращаться вокруг ядра невероятной плотности, являвшегося сердцем дыры. Скользя по этим силовым линиям, пространство и время начинали как бы сливаться, переходить друг в друга, пока их уже нельзя было разделить. И, что самое главное, был там один набор траекторий, где они просто полностью поменялись местами, и траектория в пространстве становилась траекторией во времени и наоборот. А один подвид этой связки позволял открыть туннель, по которому можно было перебрасывать материю в прошлое, в частности, во времена начала формирования черной дыры.

— Я вспоминаю книги из двадцатого столетия, — пробормотал Кэлвин, который явно следил за течением мыслей Силвеста. — Этот эффект был известен — вернее, предсказан — уже тогда. Видимо, он проистекал из математических уравнений, описывавших черные дыры. Только тогда к нему никто серьезно не отнесся.

— У тех, кто создавал Гадес, подобных предрассудков не было.

— По-видимому, ты прав.

А дальше произошло то, что свет, энергия, потоки частиц проникали по этим особым траекториям, все глубже уходя в прошлое с каждым оборотом вокруг ядра. С точки зрения остальной вселенной ничего не происходило — ведь ее отгораживал барьер дыры, и обнаружить нарушения закона причинности было невозможно. Согласно математическим положениям, о которых вспоминал Кэлвин, таких нарушений и быть не могло, так как траектории не должны были выйти наружу в окружающую вселенную.

И все же происходило именно это. Математики проглядели, что тут был особый случай: некоторые подвиды-подвидов-подвидов траекторий — ничтожные доли процентов их всех — фактически несли кванты назад, к зарождению черной дыры при возникновении сверхновой в результате взрыва ее предшественницы.

И в этот момент незначительное давление, нацеленное наружу, созданное частицами, прибывшими из будущего, задерживало гравитационный поток.

Эта отсрочка была почти неизмерима, она вряд ли длилась дольше, чем самая малая теоретически возможная доля кванта времени, но все равно она существовала в реальности. И как бы ни была она мала, ее было достаточно, чтобы послать рябь причинного шока обратно в будущее.

Рябь причинного шока сталкивалась с поступающими извне частицами и создавала решетку причинных связей — стоячую волну, симметрично уходящую в прошлое и будущее.

Попавший в эту решетку объект теперь уже не мог быть уверен, что попадет в черную дыру. Начальные условия для него были пограничными; такой подвешенности можно было избежать, если бы объект оставался над радиусом Шваршильда или коллапсировал бы в стабильную конфигурацию слабых кварков и вырожденных нейтронов.

И объект начинал бесконечно метаться между двумя состояниями. Неопределенность выкристаллизовывалась, и то, что оставалось, было чем-то совершенно уникальным в нашей вселенной, разве что подобные события происходили и в других черных дырах, где могли возникнуть сходные парадоксы причины.

Объект останавливался в какой-то стабильной конфигурации, и потому его парадоксальная природа не была непосредственно заметна из внешней вселенной. Внешне он напоминал нейтронную звезду, во всяком случае, на глубину до нескольких сантиметров ее коры. Ниже звездное вещество было катализовано в сложные формации, способные производить вычисления с быстротой молнии. Подобная самоорганизация вырабатывалась спонтанно в результате пребывания в двух противоположных состояниях. Верхняя часть коры — перекипевшая и переработанная — могла хранить информацию на уровне теоретически максимально возможной в нашей вселенной плотности вещества.

И она мыслила.

Глубже кора незаметно переходила в мерцающую бурю несостоявшихся возможностей, где внутренняя часть коллапсировавшего объекта плясала под музыку отсутствия причин. И пока кора занималась бесконечным моделированием и столь же бесконечными расчетами, ядро сближало прошлое с будущим, позволяя информации беспрепятственно перетекать из одного в другое. Таким образом, кора превратилась в один из элементов колоссального параллельного процессора, причем другими его элементами были остальные версии его самого, но лежащие в прошлом и будущем.

И он знал.

Этот процессор знал, что, несмотря на свою тотальную мощность, охватывающую бесконечные тысячелетия, он был лишь частью чего-то несравненно большего.

И у него было имя.

Силвесту было необходимо дать хотя бы короткий отдых мозгу. Необъятность постигнутого уходила, оставались лишь гулкие отзвуки, похожие на эхо финальных аккордов самой великой симфонии, когда-либо исполнявшейся перед публикой. Еще несколько мгновений, и вот он уже сомневается, а сможет ли он припомнить даже это? Его голова просто не в состоянии вместить столько знаний. И странное дело: он нисколько не жалел об этом, не ощущал ни малейшей скорби об ускользающих от него познаниях. Да, то были потрясающие минуты, когда он обладал всечеловеческим Знанием, но одному человеку не под силу знать столько. Лучше хранить память о памяти, нежели сгибаться под непосильным грузом знания.

Он не создан для того, чтобы мыслить как бог.

Казалось, прошло еще сколько-то минут, но когда Силвест сверился с часами своего скафандра, он лишь слегка удивился, обнаружив потерю нескольких часов. Если, конечно, считать, что предыдущая сверка была верна. Еще есть время, чтобы выбраться отсюда, подумал он. Еще есть время вылезти на поверхность, пока «Плацдарм» не обрушился вниз.

Он поглядел на гемму. Несмотря на приобретенный им опыт, она не стала ничуть менее таинственна. Она продолжала исчезать и появляться и не потеряла своей неотразимой привлекательности. Он чувствовал, что теперь знает о

ней куда больше, что время, проведенное в преддверии матрицы Гадеса, научило его кое-чему, но воспоминания об этом были слишком переплетены со всем, только что испытанным, и он не мог сейчас подвергнуть их рациональному изучению.

Он знал только, что сейчас появилось у него мрачное предчувствие, которого раньше не было.

И все-таки он пошел вперед, к гемме.

Агонизирующее кровавое око Гадеса теперь заметно увеличилось в размерах, но сама нейтронная звезда, находящаяся в центре этой горящей точки, всегда останется для них лишь слабым проблеском. Во-первых, она имеет всего лишь несколько километров в диаметре, а во-вторых, Паскаль и Хоури будут мертвы задолго до того, как приблизятся настолько, чтобы рассмотреть ее как следует. Их разорвет на клочки дикая сила гравитации.

— Мне кажется, я должна поделиться с тобой, — сказала Паскаль. — Вряд ли то, что должно с нами случиться, произойдет быстро. Разве что нам очень повезет.

Хоури приложила все силы, чтобы изгнать раздражение из своего голоса. Ей не нравился тон Паскаль, выражающий претензию на высшее знание, но она понимала, что Паскаль действительно знает здесь больше нее.

— Откуда у тебя такие познания? Ты же не астрофизик?

— Нет, но я помню, что Дэн рассказывал мне о приливо-отливных волнах гравитации, которые не дают возможности беспилотным роботам-разведчикам достигнуть Гадеса.

— Ты говоришь о нем так, будто он уже умер.

— Нет, я не думаю, что он мертв, — ответила Паскаль. — Я думаю, что он выжил. Но нам-то суждено другое. Сожалею, но для меня это почти одно и то же.

— Все еще, значит, обожаешь своего подонка?

— Хочешь верь, хочешь нет, но он тоже любил меня. По своим действиям, по поступкам он кажется одержимым, и со стороны этого не было видно, но он меня любил. И никто никогда не будет знать, насколько сильно.

— Может быть, его не будут судить так строго, когда узнают, что его использовали как марионетку?

— Думаешь, об этом узнают? Мы же единственные, Хоури, кому это известно. А для всей остальной вселенной он просто маньяк с навязчивой идеей. Они не понимают, что

он использовал других людей только потому, что другого выбора у него не было. Потому, что нечто гораздо большее, чем мы с тобой, гнало его вперед.

Хоури кивнула.

— Знаешь, я когда-то страстно хотела убить его, но только потому, что это для меня была единственная возможность вернуть себе Фазиля. Ненависти в моих чувствах не было. Если уж по правде, так я бы не сказала, что он мне не нравится. Я всегда восхищалась людьми, которые обладают таким нахальством, точно все принадлежит им то ли по праву рождения, то ли как еще. Большинство-то мужиков на это не тянут. А вот он держался, что твой король. И это было уже не нахальство, это было что-то совсем другое. Что-то, чем надо восхищаться.

Паскаль ничего не ответила, но Хоури знала — хотя бы часть сказанного та признала справедливым. Возможно, вслух она этого не скажет — не готова. Не готова сказать, что она любит Силвеста за то, что он был самоуверенным подонком и что, будучи таковым, совершил кое-что благородное и сделал это с таким апломбом, что обрел достоинство, которого не обрел бы, надев власяницу.

— Слушай, — порывисто сказала Хоури. — У меня есть идея. Когда эти приливы и отливы начнут рвать нас на кусочки, ты хочешь пребывать в чуточку затуманенном сознании, или готова встретить их во всеоружии своего разума?

— Что ты имеешь в виду?

— Илиа мне говорила, что эта штучка была построена, чтобы развлекать клиентов и любоваться видом корабля снаружи. Речь шла о тех клиентах, на которых хотели произвести впечатление в надежде заполучить хороший контракт. Полагаю поэтому, что тут где-нибудь имеется хороший бар. Наверняка прилично обеспеченный выпивкой, ежели ее дочиста не вылакали за последние несколько столетий. Но опять же он может оказаться самопополняющимся. Поглядим, а?

Паскаль ничего не ответила, а ведь каждое мгновение гнало их к гравитационному колодцу Гадеса. И в тот момент, когда Хоури окончательно убедилась, что ее спутница решила не слышать этого предложения, Паскаль отвязалась от кресла и решительным шагом направилась в корму Паучника, в неизведанные области плюша и бронзы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Внутри Цербера, последний зал, год 2567-й

Гемма сияла. Ее сияние сейчас обрело весьма голубоватый оттенок, как будто приближение Силвеста умиротворило спектральную изменчивость драгоценного камня и заставило его временно остановить игру света. Силвест, как и прежде, ощущал, что приближаться к гемме опасно, но его любопытство, а также ощущение предопределенности происходящего гнали его вперед. Будто вырастала из самых основ его разума потребность противостоять опасности и даже, если получится, то приручить ее. Это был инстинкт, который пробудился в нем при первом прикосновении огня, при первом ощущении боли и мудрости, которая из этой боли родилась.

Гемма вдруг разверзлась перед ним, предварительно претерпев ряд геометрических трансформаций, которым Силвест не посмел уделить особого внимания из страха, что мозг не выдержит и расколется по линиям, сходным с расколами геммы.

— Ты думаешь, что поступаешь разумно? — спросил Кэлвин. Его бурчание больше, чем когда-либо содействовало формированию внутреннего диалога, который вел Силвест.

— Теперь слишком поздно возвращаться, — произнес Голос.

Голос не принадлежал ни Кэлвину, ни Силвесту, но казался знакомым, будто был составной частью Силвеста, но почему-то обреченной на долгое молчание.

— Похититель Солнц, это ты?

— Он был с нами всю дорогу, — сказал Кэлвин. — Я не ошибаюсь, друг?

— Дольше, чем вы можете себе представить. С тех самых пор, как ты, Дэн, вернулся от Завесы Ласкаля.

— Значит, все, что говорила Хоури, — правда, — сказал Силвест, хотя он уже и раньше знал это. Если пустой скафандр Саджаки не полностью подтвердил ее, то после откровений, полученных в Свете, сомнений уже не существовало. — Чего же ты хочешь от меня?

— Только чтобы ты вошел в... гемму, как ты ее называешь. — Голос Похитителя Солнц — а это было единственное, что слышал Силвест, — шипел. И от шипения шел

мороз по коже. — Не бойся. Тебе не сделают вреда и не помешают вернуться назад.

— Ты сейчас готов наобещать все, что угодно.

— Я говорю правду.

— А что с «Плацдармом»?

— Он пока еще действует. И будет действовать, пока ты не покинешь Цербер.

— Проверить-то ничего нельзя. — Включился Кэлвин. — Все сказанное им может оказаться ложью. Он обманывал нас и направлял каждый наш шаг. И все только для того, чтобы затащить тебя сюда. С какой же стати он будет говорить правду *теперь?*

— Потому, что теперь все это уже не важно, — ответил Похититель Солнц. — Теперь, когда ты зашел так далеко, твои личные стремления не имеют никакого значения.

И Силвест вдруг ощутил, что скафандр сделал шаг вперед, прямо в распахнутую гемму, туда, где великолепно ограненный сверкающий коридор уходил в самую глубину драгоценного камня.

— Что... — начал было Кэлвин.

— Я ничего не делаю, — ответил Силвест. — Этот мерзавец перехватил контроль над моим скафандром.

— Похоже на то. Контролировал же он скафандр Саджаки. Видно, до сих пор он предпочитал держаться в тени и предоставлял тебе делать всю грязную работу. Ну и лентяй!

— В данных условиях, — сказал Силвест, — я не думаю, что, оскорбляя его, мы сильно улучшим наше положение.

— У тебя есть идеи получше?

— Честно говоря...

Теперь коридор окружал его со всех сторон — пылающий, похожий на трахею туннель, который разветвлялся и поворачивал в разные стороны, пока Силвест не начал сомневаться, что он все еще находится внутри геммы. Но тогда, сказал он себе (а у него никогда не было четкого представления о величине геммы), она может иметь в поперечнике от нескольких сот метров до десятков километров. Непрерывное изменение ее формы затрудняло ответ на этот вопрос, возможно, что ответа и вообще не было. То же относилось и к определению объема этого тела.

— Хм... ты что-то сказал?

— Я говорил... — Силвест оборвал фразу. — Похититель Солнц, ты все еще слышишь меня?

— Как всегда.

— Я не понимаю, зачем пришел сюда. Если тебе удалось оживить скафандр Саджаки, если ты своим разумом контролируешь и мой скафандр, то зачем тебе понадобилось тащить меня сюда? Если тебе нужно Нечто, находящееся в гемме, что ты хотел бы вынести наружу, то ведь ты мог сделать это и без меня?

— Это устройство реагирует лишь на органическую жизнь. Пустой скафандр оно интерпретировало бы как думающую машину.

— Эта... вещь... она — устройство? Ты это хочешь сказать?

— Это Подавитель.

Какое-то мгновение это слово казалось лишенным смысла. Затем — смутно — оно коснулось памяти, извлеченной из времени, проведенного Силвестом в портале матрицы Гадеса. Эти воспоминания вели к другим — создавалась бесконечная пряжа ассоциаций.

Только теперь он стал что-то понимать.

Более того, он знал, что пора со всем этим кончать, что если он достигнет центральной части этого огромного драгоценного камня — или Подавителя, — он теперь знал, как называется это устройство, — то будет плохо, очень плохо. Если по правде, то трудно даже вообразить насколько плохо.

— Мы не должны идти дальше, — сказал Кэлвин. — Я теперь понимаю, что это такое.

— Я тоже понял, хотя и с опозданием.

Устройство было оставлено тут Подавляющими. Они поместили его на орбиту вокруг Гадеса, рядом с мерцающим белым порталом. Портал был более древним, нежели Подавляющие. Их не особенно беспокоило, что они не слишком хорошо понимали его функции и не имели надежного представления о том, кто его доставил в окрестности нейтронной звезды, которую они, как показывали некоторые параметры, оставили неисследованной, хотя она и была совсем не похожей на другие нейтронные звезды. Впрочем, если оставить в стороне загадку ее происхождения, она вполне отвечала планам Подавляющих. Их собственные механизмы были созданы как своего рода приманки для привлечения разумных органических существ, и, поместив один из них рядом с еще более поразительным явлением, Подавляющие получали гарантию появления визитеров. Именно такой стратегии они придерживались

во всей Галактике: устанавливали свои Подавители или вблизи объектов, представляющих большой астрофизический интерес, или поблизости от руин уже исчезнувших цивилизаций. В тех местах, которые могли пробудить интерес.

Так сюда и попали амарантяне, занявшиеся космическими исследованиями и в силу этого попавшие в сферу внимания Подавителя. Он изучил амарантян и вызнал все их слабые места. А потом уничтожил их всех, кроме горсточки потомков Отверженных, которым удалось найти два средства, с помощью которых они преодолели беспощадную жестокость Подавляющих. Одни воспользовались порталом и включили себя в корковую матрицу, где и продолжили свое существование в виде моделей, сохраненных навеки в янтаре ядерного вещества, служившего рабочим материалом для компьютерных операций.

Вряд ли это можно считать жизнью, подумал Силвест, но кое-что от них все же сохранилось.

Были и другие, нашедшие иной путь спасения от Подавителя. Этот путь бегства был ничуть не менее суров и не менее безвозвратен, чем первый.

— Они стали Странниками, не так ли? — Теперь говорил Кэлвин, хотя, впрочем, это мог быть и сам Силвест, который нередко говорил сам с собой вслух в моменты наибольшего умственного напряжения. Этого он и сам не знал, да и было это ему не интересно. — То были последние дни амарантян. Ресургем уже погиб, большинство Рожденных в Космосе загнаны и аннигилированы Подавляющими. Горсточка вписалась в матрицу Гадеса. Другая группа, изучив проблемы управления пространством-временем (возможно, на примере трансформаций, происходивших вблизи портала), нашла иное решение: забаррикадироваться от оружия Подавляющих. Они разработали способ свертывания пространства-времени, сгустили его и даже превратили в твердое тело. Таким образом, оно стало для них непроницаемым щитом. За этой преградой они затаились, затворив за собой врата навеки.

— И все же это лучше, чем сгинуть без следа.

На мгновение разум Силвеста обрел полную ясность. Он понял, как бесконечно долго сидели они за своими Завесами, как бесконечно долго ждали, почти ничего не зная о том, что происходит вовне, почти не имея никаких средств

для связи с внешним миром. Так крепки, так непроницаемы были стены, которыми они себя окружили.

И все это время они ждали.

Им было известно — даже когда они обрекали себя на заточение, — что системы, созданные Подавляющими, приходят в упадок, постепенно теряют способность подавлять разум. Не слишком скоро — даже для них, — но спустя миллионы лет они, заключенные в свой кокон из пространства-времени, стали задумываться, а не исчезла ли уже угроза их жизни.

Просто так демонтировать Завесы, а потом начать осматриваться по сторонам они не могли, это было бы слишком опасно, так как машины Подавляющих могли быть начеку. Их очевидное молчание вполне могло обернуться ловушкой — игрой, предназначенной запутать амарантян, ставших Странниками, выманить их из укрытий на огромную арену пустого космоса, где их можно было легко прикончить и тем прикрыть миллионолетнюю историю преследования и уничтожения этого вида разумных существ.

И вдруг оказалось — в космосе появились другие!

Возможно, в этом регионе космоса было нечто, благотворно влиявшее на развитие позвоночных существ, а может быть, то было случайное совпадение, но в недавно появившихся людях-космонавтах Странники увидели эхо того, чем они сами были когда-то. В них было даже что-то от их прежнего психоза — погоня за одиночеством и дружбой, потребность в обществе себе подобных и тяга к пустынным просторам космоса. Психоз, который гнал их вперед, всегда вперед.

Первым, с кем они встретились, был Филипп Ласкаль, а произошло это вблизи от Завесы, носящей его имя.

Мучительное пространство-время вскрыло его разум, вывернуло его наизнанку и собрало заново, в результате чего из того, каким он был раньше, получился бормочущий недоумок. Но даже в этом недоумке был свой шарм. Странники вложили в него Нечто, а именно — знания, которые он должен был передать кому-то другому, кто будет к ним ближе по интеллекту... А еще они вложили туда ложь, которая заставит этого другого искать с ними встречи.

Перед смертью Ласкаль передал свои знания юному Дэну Силвесту.

Иди к Трюкачам, сказал он Дэну.

Это потому, что амарантяне когда-то посетили Трюкачей. Больше того, они имплантировали свой мысленный код в океан Трюкачей. Эти коды могли стабилизировать пространство-время вблизи Завес. Они позволяли пришельцам глубже погрузиться в толстые складки Завес, вместо того, чтобы быть разорванными в куски гравитационными напряжениями. Именно таким путем Силвест, перенеся на планете Трюкачей определенную трансформацию разума, получил возможность вплыть на волнах гравитационной бури в глубины самой Завесы.

Оттуда он вышел живым.

Но изменившимся.

Кроме того, с ним вернулось и еще Нечто. Оно называло себя Похитителем Солнц, хотя теперь Силвест узнал, что это всего лишь мифологическое прозвище. С тех пор это существо жило с Силвестом, и из них образовалась новая симбиотическая сущность — искусственно созданное существо, сотканное в оболочке Завесы теми Странниками, которые желали использовать его как своего эмиссара. В задачи же эмиссара входило распространить влияние Странников за пределы непроходимого кокона из пространства-времени.

Если оценивать с позиций прошлого, ничего особенного от Силвеста не требовалось.

Полететь на Ресургем, где покоились кости их предков.

Найти Подавитель.

Занять такую позицию, в которой, если Подавитель все еще действует, последний мог бы идентифицировать Силвеста как представителя новой разумной цивилизации.

В этом случае, если Подавляющие по-прежнему существуют, человечество будет ими признано за тот вид, который необходимо немедленно уничтожить.

Если же нет, Странники выйдут на свободу.

Теперь голубоватое свечение, окружавшее Силвеста, казалось ему зловещим. Несказанно зловещим. Он знал, что уже одним своим появлением здесь он нанес непоправимый вред. Он уже успел продемонстрировать свою разумность в размерах, которые убедят машину Подавителей в том, что он представляет образчик вида, вполне достойного уничтожения.

Он ненавидел амарантян. Ненавидел себя за то, что отдал большую часть жизни их изучению. Но что он мог сделать теперь? Да и времени на обдумывание не было.

Туннель расширился, и Силвест оказался в огромном фасетчатом зале, купающемся в том же мертвенном голубом сиянии. Зал был полон странными, повисшими в воздухе, предметами, которые чем-то напоминали ему человеческие клетки под микроскопом. Эти предметы были очерчены прямыми линиями и образовывали сложные переплетения квадратов, многоугольников и ромбоидов. Висящие скульптуры было невозможно соотнести ни с одной эстетической тенденцией.

— Что это? — спросил он почему-то шепотом.

— Думай о них, как о головоломках, — ответил Похититель Солнц. — Идея заключается в том, что ты, будучи разумным исследователем, должен ощутить любопытство и желание завершить их, собрать в некие геометрические конструкции то, что предстало перед тобой в виде отдельных частей.

Силвест понимал, что имеет в виду Похититель Солнц. Вот, например, ближайшее к нему сочетание... Было очевидно, что несколькими движениями, он сможет превратить его в тессеракт... хм... соблазнительно...

— Я не хочу делать этого, — сказал он.

— А тебе и хотеть не надо. — Для демонстрации Похититель Солнц заставил руки скафандра протянуться вперед к набору, который, кстати, был куда ближе, чем казалось Силвесту. Его пальцы ухватили первую форму и перенесли ее на нужное место. — Будут и другие тесты, и другие кабинеты и залы, — продолжал инопланетянин. — Твои ментальные процессы будут подвергаться испытаниям, а позже то же самое произойдет и с твоей биологией. Я не могу сказать, что последние процедуры доставят тебе большое удовольствие. Но и фатальными они тоже не будут. Конечно, они задержат проведение других тестов, которые призваны дать более обширную картину образа врага. — В голосе этого существа появилось нечто отдаленно похожее на юмор. Похоже, долгое пребывание в компании людей позволило ему обзавестись кое-какими человеческими чертами. — Ты, к сожалению, будешь единственным образцом человека, который войдет в эту машину, но заверяю тебя, образец из тебя получится великолепный.

— Вот тут-то ты ошибаешься, — ответил Силвест.

В безжалостном, почти беззвучном голосе Похитителя Солнц послышался первый намек на испуг.

— Прошу изъясниться.

Некоторое время Силвест молчал, как будто обдумывая его требование.

— Кэлвин, — начал он, — я хочу кое-что сказать. — Даже в этот момент он еще не знал ни того, что он скажет, ни того, к кому он обращается. — Когда мы были в Белом Свете, когда мы разделяли с тобой все, содержащееся в этой матрице Гадеса, я выяснил кое-что. Кое-что, что я должен был бы узнать годы назад.

— О себе, не так ли?

— Да, о себе. О том, кто я такой. — Силвесту хотелось разрыдаться. И разрыдаться именно сейчас, когда представился последний шанс сделать это, но искусственные глаза не позволили. Он никогда не плакал. — Это я о том, почему не могу тебя ненавидеть, если не обращу ненависть на себя самого. При условии, если я вообще ненавидел тебя когда-нибудь.

— Значит, все-таки не сработало? Я имею в виду то, что я хотел сделать из тебя. Но не стану врать — я вовсе не разочарован тем, что из тебя получилось. — Кэлвин тут же поправился: — Тем, что получилось из меня.

— А я рад, что все выяснилось, хоть и поздно.

— Что ты собираешься сделать?

— Ты отлично знаешь что. Мы же все теперь делим пополам. — Силвест вдруг обнаружил, что смеется. — А теперь ты узнал и все мои секреты.

— А, так ты о том — самом маленьком? Да?

— Что? — проскрипел Похититель Солнц. Его голос походил на треск разрядов в приемнике, вызванный деятельностью далеких квазаров.

— Я ведь считал, что ты знаешь все о моих разговорах на корабле, — сказал Силвест, обращаясь уже к инопланетянину. — Я имею в виду тот вечер, когда я блефовал.

— Блефовал? О чем ты?..

— О горячей пыли в моих глазах, — ответил Силвест.

Он снова расхохотался, но теперь уже громче и веселее. А потом задействовал несколько нервных спусковых сигналов, которые так долго и прилежно хранил в памяти и которые, в свою очередь, вызвали целый каскад событий в токах его искусственных глаз, а затем и в крупинках антиматерии, вделанных в них.

И тогда появилась вспышка, такая яркая, такая чистая, что равных он не видел даже в портале, ведущем в Гадес.

И больше не было ничего.

* * *

Вольева первой увидела это.

Она все ждала, когда же «Бесконечность» прикончит ее. Она следила за огромным коническим корпусом корабля, черным как ночь, который, затмевая звезды, скользил к ней с акульей неуклонностью. Где-то внутри этой огромной туши различные системы спорили между собой, как лучше отправить ее на тот свет и какой способ будет занимательнее. Только этот спор и мог служить объяснением тому факту, что ее еще не убили, поскольку сейчас она была в досягаемости для любого орудия корабля. Возможно, что присутствие на корабле Похитителя Солнц придало «Бесконечности» болезненное чувство юмора, готовое, например, предать ее смерти с садистской медлительностью — процесс, который начался с убийственного ожидания того, чтобы хоть что-нибудь произошло. Воображение Вольевой превратилось сейчас в ее самого заклятого врага. Оно умело напоминало ей обо всех системах, какие могли бы потрафить вкусам Похитителя Солнц: о таких, которые могли кипятить ее несколько часов или обрубать ей конечности одну за другой, не убивая, или, например, о лазерах, которые могут использоваться для прижигания плоти, или, наконец, об отрядах роботов, которые просто раздавят ее. О, мозг Вольевой работал великолепно! Именно его плодовитости она была обязана возникновением столь большого числа способов казни.

И вдруг она увидела *это*.

Это была вспышка на поверхности Цербера, примерно там, где находится «Плацдарм». Она длилась какую-то долю секунды — гигантский светляк, вспыхнувший в недрах этой планеты только для того, чтобы тут же погаснуть.

Или это был колоссальный взрыв?

Ей казалось, что она видит, как взлетают вверх обломки камней и оплавленных механизмов.

Хоури потребовалось время, чтобы примириться с фактом, что она все еще не умерла, несмотря на уверенность в том, что уж сейчас-то все должно неизбежно кончиться. Как самое малое, она ожидала прихода боли, когда ее сознание перестанет действовать, а Гадес начнет рвать ее на части. Ее тело, равно как и душа, будут раздавлены и разорваны с помощью гигантских лапищ силы тяжести нейтронной звезды. Было вероятным и предположение, что она

проснется и ощутит самую дикую головную боль — хуже той, с помощью которой Мадемуазель будила в ней погребенную память о Войне Утренних Зорь. Только на этот раз мигрень должна была быть следствием перебора алкогольных напитков.

Они-таки разыскали тот бар.

И вылакали весь алкоголь, который там был.

Однако, несмотря на выпитое, голова Хоури была совершенно чиста и подобна вымытому и высушенному оконному стеклу. Итак, Хоури пришла в себя быстро и без малейших следов похмелья, будто ничего не пила вообще. И еще: вдруг оказалось, что она находится вовсе не в Паучнике. Напрягая память, она припомнила, что уже просыпалась, припомнила возникновение чудовищных приливо-отливных волн и то, как они с Паскаль ползут на середину каюты, где разница напряжений, кажется, была меньше. Но из этого, должно быть, ничего не вышло, так как она знала — ни единого шанса на спасение у них нет. Им оставалось одно — найти способ уменьшить боль.

Но где же, черт побери, она находится?

Она проснулась, лежа навзничь на какой-то твердой поверхности, неподатливой как бетон. А над ней крутились звезды, подобные колесам повозок, разъезжавших по всему небу с необычайной быстротой. Что-то было в этом движении совершенно неправильное, будто смотрела она на них сквозь толстые линзы, простирающиеся от горизонта и до горизонта.

Обнаружилось, что двигаться она может. Хоури попыталась встать, но тут же упала.

На ней был скафандр.

Но ведь когда она была в Паучнике, не было на ней никаких скафандров. Этот же был того самого типа, который она надевала во время экспедиции на поверхность Ресургема, такой же, как тот, что Силвест взял, чтобы добраться до Цербера. Как же так? Если то, что с ней происходило, было сном, то он ничем не походил на те, что ей снились раньше, причем она могла спокойно обсуждать внутренние противоречия этого видения, и ничего вокруг нее не рассыпалось в пыль.

Она находилась на равнине. Равнина имела цвет остывающего металла. Металл сверкал, но не так сильно, чтобы слепить глаза. Равнина была плоской — ну, как берег, с которого только что схлынул прилив. На местности — те-

перь Хоури это отлично видела — был какой-то рисунок. Не случайный, а хорошо продуманный рисунок персидского ковра. За каждым уровнем узоров можно было видеть другой, пока где-то в глубине узор не становился совсем мелким, почти микроскопическим. Вполне возможно, что дальше шли полосы с еще более мелким рисунком — на уровне субъядерном или квантовом. Эти узоры двигались, они то выходили из фокуса, то снова входили в него и никогда не повторялись, непрерывно изменяясь. В конце концов от всего этого ей стало муторно и поэтому она отвела взгляд к горизонту.

Он был совсем близко.

Хоури встала и пошла. Под ногами хрустел блестящий грунт. Узоры перестраивались, появились ровные ступенчатые камни, на которых ее ноги чувствовали себя очень удобно.

Впереди что-то появилось.

Оно поднималось над дугой горизонта. Небольшой холмик с цоколем возвышался на фоне звездного купола. Хоури подошла ближе и уловила какое-то движение. Холмик был похож на вход в метро — три низкие стены обрамляли ступеньки, которые спускались вниз, уходя в глубь этого странного мира.

А движение — фигурка, поднимающаяся из глубин. Женщина. Она поднимается по ступенькам, в ее походке сила и спокойствие, как будто она собралась на утреннюю прогулку. В отличие от Хоури на ней нет скафандра. Больше того, она одета так же, как была, когда Хоури видела ее в последний раз.

Паскаль Силвест.

— Долго же мне пришлось ждать, — сказала она, и ее голос с трудом донесся до Хоури сквозь черное пространство, что простерлось между ними.

— Паскаль?

— Да, — ответила та, а потом уточнила: — В некотором смысле. Ох, дорогая, это так трудно объяснить, но у меня не было времени, чтобы отрепетировать...

— Что случилось, Паскаль? — Хоури почему-то показалось неприличным расспрашивать, почему на ней нет скафандра. И почему она не умерла. — Где мы?

— А ты еще не догадалась?

— Жаль, но должна тебя разочаровать.

Паскаль улыбнулась сочувственно.

— Ты на Гадесе. Помнишь о таком? Нейтронная звезда, та, что притягивала нас. Вернее, не притягивала. Нейтронная звезда, хочу я сказать...

— На ней?

— На ней, да. Не думаю, что ты этого ожидала.

— Нет, можешь мне поверить.

— Я тут столько же, сколько и ты, — сказала Паскаль. — То есть всего несколько часов. Но я проводила время под корой, где события случаются быстрее. Так что мне кажется, что я тут нахожусь куда дольше.

— Насколько дольше?

— Лет эдак на десять... хотя, вообще-то говоря, время тут в некоторых отношениях вообще не течет.

Хоури кивнула, будто поняла, о чем идет речь.

— Паскаль... я думаю, тебе лучше было бы объяснить...

— Хорошая мысль. Я сделаю это по пути вниз.

— На пути куда?

Паскаль показала Хоури на ступени, спускающиеся в красно-вишневую равнину, как будто приглашая соседку на коктейль.

— Внутрь, — сказала она. — В матрицу.

А смерть все медлила.

Целый час Вольева, используя специальный слой на лицевом щитке скафандра, позволявший получать увеличенное изображение, наблюдала, как «Плацдарм» теряет форму, подобно неудачному гончарному изделию. Потом он стал рассасываться в коре. Она поглощала его, поскольку бой с Цербером был проигран.

Как быстро! Слишком быстро.

Нескладность всего, что произошло, грызла Вольеву. Пусть близка ее собственная гибель, но ей все равно отвратительно наблюдать смерть одного из своих творений, которое к тому же, черт побери, погибало заведомо преждевременно. Не в силах больше терпеть, она обернулась к кораблю, приближавшемуся с упорством кинжала, и широко раскинула руки. Она не знала, принимает ли корабль распоряжения, отданные голосом.

— Иди же, свинья! Давай кончай меня! Мне все осточертело. Не хочу видеть этого! Кончай же!

Где-то на борту конического корпуса мелькнул оранжевый огонек внутреннего освещения — это открылся люк. Вольева ожидала появления какого-то тупого и отврати-

тельного оружия и, напрягаясь, старалась вспомнить, что именно скрывается в том месте, где был этот люк. Что-нибудь такое, что она сотворила в припадке пьяного вдохновения...

Вместо этого из борта вылез шаттл и медленно направился к ней.

Если верить тому, что Паскаль рассказывала Хоури, то получалось, что нейтронная звезда фактически таковой не была. А если точнее, то была ею раньше или будет в будущем, если не помешает воздействие какой-нибудь третьей силы. В деталях говорить об этом Паскаль наотрез отказалась. Но общий смысл был ясен. Эту нейтронную звезду превратили в гигантский, невероятно быстро работающий компьютер, который обладал фантастической способностью связываться со своими прошлыми и своими будущими «Я».

— А что тут делаю я? — спросила Хоури, когда они спустились вниз. — Нет, лучше я спрошу иначе: а что тут делаем мы? И как это получилось, что ты знаешь обо всем этом куда больше меня, да еще так внезапно всему научилась?

— Я уже говорила тебе, — ответила Паскаль, останавливаясь на ступеньке, — что пробыла в матрице дольше тебя. Послушай, Хоури, тебе не понравится то, что я сейчас скажу. Дело в том, что ты мертва... во всяком случае сейчас.

Хоури удивилась меньше, чем сама ожидала. Сказанное Паскаль показалось ей вполне естественным.

— Мы погибли в приливно-отливных колебаниях гравитации, — совершенно спокойно продолжала Паскаль. — Мы слишком приблизились к Гадесу, и перепады разорвали нас в клочки. Надо сказать, это было пренеприятное испытание, но большая часть твоих ощущений не была записана, так что сейчас ты об этом ничего не помнишь.

— Записана?

— Согласно всем законам природы, нас должно было разнести на атомы. В известном смысле именно это с нами и произошло. Но информация, которая нас описывает, была сохранена в потоке гравитонов, который лился между тем, что осталось от нас, и Гадесом. Эта сила убила нас, записала нас, передала информацию о нас коре...

— Понятно, — медленно ответила Хоури, уже готовая принять сказанное как данность, во всяком случае, на ка-

кое-то время. — И что же произошло, когда нас передали в кору?

— Мы... хм... были смоделированы назад — к жизни. Конечно, моделирование в коре идет несравненно быстрее, чем в реальной жизни, и я провела там несколько десятилетий субъективного времени.

Голос ее звучал так, будто она считала нужным извиниться за свое поведение.

— А я не помню, чтобы я где-то провела несколько лет.

— Это потому, что с тобой было все не так. Нас оживили, но ты тут оставаться не захотела. И поэтому ничего не помнишь. Фактически ты сама отказалась от этих воспоминаний. Тут не было ничего такого, что могло удержать тебя.

— Намекаешь, что здесь есть нечто, способное удержать *тебя?*

— Разумеется, — удивилась Паскаль. — Еще бы! Но до этого мы еще дойдем.

Они спустились по лестнице почти до конца. От этого места отходил освещенный коридор, где посверкивали разноцветные огоньки, явно заимствованные из сказок о феях. Стены, когда Хоури обратила на них внимание, показались ей живыми от того искусственного сияния, которое она видела на поверхности Гадеса. Создавалось впечатление интенсивной деятельности, сложнейших алгебраических расчетов, ведущихся где-то на расстоянии протянутой руки.

— Что я такое? — спросила Хоури. — И что такое ты? Ты сказала, что я умерла. Но я-то этого не ощущаю. И я не чувствую, что смоделирована на какой-то там матрице. Я же была на поверхности, разве не так?

— Ты состоишь из плоти и крови, — ответила Паскаль. — Ты умерла, и тебя создали заново. Твое тело сконструировано из химических элементов, уже присутствовавших в матрице наружной коры, а затем тебя реанимировали и довели до уровня возникновения сознания. Скафандр, который ты носишь, тоже восстановлен матрицей.

— Ты хочешь сказать, что когда-то некто, одетый в скафандр, неосторожно приблизился к Гадесу и был убит гравитацией...

— Нет... — Паскаль осторожно подбирала слова. — Нет. Есть и другой путь в матрицу. Гораздо более легкий. Или был когда-то, во всяком случае.

— Должно быть, я все же мертва. На нейтронной звезде нельзя жить. И в ней — тоже нельзя, — уж если говорить начистоту.

— Я ж тебе говорила — это не настоящая нейтронная звезда. — И она объяснила, как это стало возможно. Как матрица сама создала «карман» вполне выносимой гравитации, в котором они могут существовать. Как этому способствовала циркуляция в более глубоких горизонтах коры огромных количеств дегенерировавшей материи. Возможно, она является побочным продуктом процесса компьютерного моделирования. А может быть — нет. Но подобно линзам, вызывающим рассеивание луча, поток этой материи отвел гравитацию прочь. Другие же не менее могучие силы удерживали в это время стены от обрушивания на скоростях чуть меньше скорости света.

— А как было с тобой?

— Я не такая, как ты, — ответила ей Паскаль. — Тело, которое я ношу, — оно что-то вроде марионетки. Я его надела, чтобы встретиться с тобой. Оно создано из того же ядерного вещества, что и кора. Нейтроны связаны странными кварками, и поэтому я не разлетаюсь на частички под напором собственного квантового давления. — Паскаль дотронулась до лба. — И я сама не мыслю. Мышление — оно тут кругом — в самой матрице. Ты меня уж извини, хоть это и может показаться грубостью, но у меня наверняка мозги бы закостенели, если бы меня заставили день-деньской ничего не делать, а только трепать языком с тобой. Я уже говорила, что наши вычислительные уровни совершенно различны. Ты не обиделась? Правда? В этом нет ничего личного. Надеюсь, ты это поймешь.

— Забудем, — отозвалась Хоури. — Уверена, я чувствовала бы то же самое.

Теперь коридор расширился и вдруг превратился в прекрасно обставленный рабочий кабинет, в оборудовании которого сочетались приборы и материалы, изготовленные за последние пять-шесть столетий. Преобладающим цветом в комнате был коричневый, что определялось скорее всего возрастом. Коричневый тон лежал на книжных полках, украшавших стены, на корешках старинных бумажных книг, стоявших на них, на полировке старинного письменного стола красного дерева, на золотисто-коричневатом металле древних инструментов, стоявших на периферии стола для украшения. Деревянные шкафы занимали место в простен-

ках, где отсутствовали стеллажи. В них лежали пожелтевшие кости инопланетных животных, которые на первый взгляд напоминали динозавров, если забыть об очень вместительных черепах, говоривших о мощном интеллекте, обитавшем в них когда-то.

Были тут и современные аппараты — сканеры, новейшие хирургические инструменты, полки с картриджами памяти и кристаллическими пластинками, хранившими голографические изображения. Относительно новый робот-служитель неподвижно застыл в углу, слегка наклонив голову, как будто верный лакей, который, несмотря на дремоту, продолжает надежно стоять на ногах.

На одной стене щелевидные окна выходили на сухой, вылизанный ветрами пейзаж плоскогорий, сложенных легко разрушающимися горными породами, купающимися в красноватом свете заходящего солнца, которое уже почти исчезло за зубчатым горизонтом.

Из-за письменного стола, с таким видом, будто ему помешали, встал Силвест.

Сначала их вторжение, видимо, рассердило его, но затем выражение его лица смягчилось, а на губах возникло нечто, похожее на улыбку.

Хоури поглядела ему в глаза — обычные человеческие. Она впервые видела у него такие.

— Я рад, что вы нашли время навестить нас, — сказал он. — И надеюсь, Паскаль ответила вам на все вопросы, которые вы смогли придумать.

— Почти на все, — ответила Хоури, входя в кабинет и удивляясь утонченности его убранства. Это была великолепная имитация, лучше которой ей еще не приходилось видеть. К тому же — мысль и любопытная, и пугающая — все здесь было сделано из ядерного вещества такой большой плотности, что даже самый маленький предмет на столе — пресс-папье — упал бы на пол в центре комнаты, если бы его швырнуть в стену. — Но не на все. Как вы-то тут оказались?

— Возможно, Паскаль упомянула, что в матрицу ведет и другой путь. — Он протянул Хоури свои руки. — Я его отыскал. Вот и все. Прошел его насквозь.

— А что же случилось с...

— С моим реальным «Я»? — Его улыбка говорила, что он как бы забавляется остротой, которую вряд ли оценит собеседник. — Сомневаюсь, чтобы оно уцелело. Откровен-

но говоря, меня это не интересует. Я и сам вполне реален. Таков, каким был всегда.

— А что случилось на Цербере?

— Это долгая история, Хоури.

И все-таки он ее рассказал. О том, как он спустился в глубь планеты. О том, что скафандр Саджаки оказался пустым. Как, узнав об этом, он еще тверже уверился, что надо идти вперед, и о том, что он нашел в последнем зале. Как он попал в матрицу (тут его воспоминания отделились от воспоминаний его другого «я»). Но когда он сказал Хоури, что уверен, будто его другое «я» погибло, он сказал это столь убежденно, что Хоури подумала: а нет ли иного пути познания случившегося? Возможно, существовала какая-то другая, менее материальная связь между ними, просуществовавшая до самого конца.

Были и другие вещи, которые Силвест понимал не до конца. Это она почувствовала. Он не постиг Божество, во всяком случае, не больше, чем на то мгновение, когда купался в ослепительном белом свете портала. Не тогда ли он сделал свой выбор? Знает ли это он сам? — подумала она. Если матрица смоделировала его и если матрица бесконечна в своей способности познавать... то какие ограничения наложены на него кроме тех, которые выбрало его собственное сознание?

И вот что еще она узнала: Карину Лефевр в живых удержала часть Завесы, но ничего случайного в этом не было.

— Похоже, среди Странников было две фракции, — говорил Силвест, поигрывая старинным микроскопом на столе. Он наклонял его зеркальце то в одну, то в другую сторону, будто стремясь поймать последний луч заходящего солнца. — Одна, которая желала, чтобы я разузнал, существует ли еще Подавитель и может ли он представлять для них угрозу. А другая — тоже, я думаю, о человечестве заботилась не больше первой. Но была осторожнее. Она полагала, что должен быть какой-то путь получше, нежели совать нос в изобретение Подавляющих, чтобы узнать, реагирует ли еще оно на органику.

— А что теперь будет с нами? Кто же в конечном счете победил? Похититель Солнц или Мадемуазель?

— Ни тот, ни другая, — ответил Силвест, отставляя микроскоп. Оббитое бархатом подножие мягко стукнуло по крышке стола. — Во всяком случае, таково мое интуитив-

ное ощущение. Я думаю, что мы — я — подошли совсем близко к тому, чтобы запустить этот механизм, к тому, чтобы дать ему стимул возбудить все остальные оставшиеся механизмы и начать войну против человечества. — Он расхохотался. — Впрочем, называть это войной — значит подразумевать, что в ней будут две стороны. Но я не думаю, чтобы дело обстояло так.

— И вы считаете, что дела не зашли так далеко?

— Я надеюсь на это, я молюсь об этом. Вот и все. — Он пожал плечами. — Конечно, могу и ошибиться. Это раньше я говорил, будто никогда не ошибаюсь. Теперь я получил хороший урок.

— А что насчет амарантян и Странников?

— Время покажет.

— И все?

— Я не знаю всех ответов, Хоури. — Он оглядел кабинет, будто оценивая книги на полках и желая увериться, что они еще там. — Их нет даже здесь.

— Время идти, — внезапно произнесла Паскаль. Она появилась возле мужа, держа в руке стакан с какой-то прозрачной жидкостью. Водка, надо полагать. Поставила стакан на стол, рядом с отполированным черепом цвета пергамента.

— Куда это?

— В космос, Хоури. Разве не этого жаждешь ты? Не хочешь же ты провести остаток вечности здесь?

— Так ведь некуда же идти, — жалобно сказала Хоури. — Ты это знаешь лучше меня, Паскаль. Корабль против нас. Паучник уничтожен. Илиа убита...

— Нет, она не убита, Хоури. Она выжила, когда шаттл взорвался.

Значит, ей все же удалось натянуть скафандр? Ну и что с того? Хоури уже хотела было спросить об этом Паскаль, но тут же поняла: все сказанное ей этой женщиной — правда, какой бы дикой или невероятной она ни казалась, какой бы бесполезной ни была и как бы мало все это ни имело значения.

— А что будете делать вы оба?

Силвест потянулся к стакану с водкой и сделал маленький глоток.

— Неужто ты еще не догадалась? Этот кабинет вовсе не для того, чтобы удивлять тебя. Мы с Паскаль живем в нем,

не говоря уж о том, что мы оба существуем еще и в компьютерной версии в самой матрице. И не только в этой комнате, но и в остальной части Гадеса. Словом, как всегда, только теперь все это — наше.

— И все?

— Нет... не совсем.

И тогда Паскаль придвинулась к нему, обняла за талию, и оба одновременно посмотрели в бойницу окна на истекающий кровью чужой закат, на аридный пейзаж Ресургема — безжизненный и уходящий вдаль.

И он стал меняться.

Первые изменения возникли на горизонте. Смывающая все волна трансформации неслась на них со скоростью наступающего дня. На небе возникли груды облаков — огромные, точно империи. Теперь небо стало голубым, хотя солнце все еще погружалось в сумерки. И ландшафт уже был не аридный, он взрывался, превращаясь в бушующую зелень, в стремительную волну кустарников и деревьев. Хоури видела озера, незнакомые деревья, потом появились тропинки, вьющиеся между похожими на яйца домиками, которые собирались в деревушки, а на горизонте уже возникали и города, в том числе один — самый большой, где поднимался высокий тонкий шпиль. Она не могла оторвать взгляда от дали, она онемела от громадности увиденного — мира, вернувшегося к жизни. А может, то был обман зрения, но она видела, что среди домиков движутся фигурки, движутся со скоростью птиц, никогда, однако, не поднимаясь в небо.

— Вот так оно было когда-то, — сказала Паскаль. — Или, во всяком случае, такой вид записан в матрице. Это не археологическая реконструкция, Хоури. Это Ресургем, где они обитают сейчас. Возвращенный к жизни силой воли тех, кто выжил. Это мир, точный до малейшей детали.

Хоури оглядела комнату и поняла.

— Вы будете его изучать, верно?

— Не просто изучать, — отозвался Силвест, отпивая еще глоток. — Мы будем жить в нем. Пока нам не наскучит, чего, я надеюсь, теперь никогда уже не произойдет.

Хоури ушла, оставив их вдвоем в их кабинете, где тут же возник глубокий, полный мудрости разговор, отложенный только для того, чтобы доставить Хоури удовольствие.

* * *

Хоури поднялась вверх по лестнице и снова оказалась на поверхности Гадеса. Кора планеты все еще горела кровавым огнем, она все еще жила компьютерными расчетами. Теперь, когда Хоури пробыла здесь достаточно долго и нервы ее успокоились, она поняла, что кора непрерывно гудит у нее под ногами, будто в глубинах планеты ревет огромная бесперебойно работающая машина. Такая мысль, подумала она, наверняка не далека от истины. Ведь весь этот мир и есть огромный компьютер.

Она думала о Силвесте и Паскаль, начинающих свой новый день исследований сказочного мира. За то время, которое прошло с минуты их расставания, у них, вероятно, протекли многие годы. Впрочем, какое это имеет значение? Она была убеждена — смерть они выберут только тогда, когда все остальное перестанет их интересовать. А это, сказал Силвест, вряд ли произойдет в ближайшем или отдаленном будущем.

Хоури включила коммуникатор скафандра.

— Илиа! Ты слышишь меня? Черт, идиотизм, конечно, но они сказали, что ты еще жива?

Только треск помех. Надежды рухнули. Хоури оглядела опаленный пейзаж и подумала: ну и что же дальше?

И вдруг:

— Хоури, это ты? Какого дьявола! Неужто тебе удалось выкарабкаться?

Голос был странный. Он то резко повышался, то стихал, будто говорившая была пьяна, хотя подъемы и падения происходили с какой-то непонятной регулярностью.

— Я могла бы задать тебе такой же вопрос. Последнее, что я помню, это как шаттл перекинулся брюхом вверх. Уж не собираешься ли ты сообщить мне, что все еще дрейфуешь?

— Я устроилась куда лучше, — сказала Вольева. — Сижу в шаттле. — Ее голос продолжал подниматься и понижаться по всему спектру. — В шаттле, понятно? Я на борту шаттла.

— Как это?

— Его послал корабль. «Бесконечность». — Теперь все стало ясно — Вольева просто задыхается от волнения. Она умирает от желания высказаться. — Я-то думала, он хочет меня убить. Все время только и обмозговывала это. Все

ждала последней атаки. А ее не было. Вместо этого он послал за мной шаттл.

— Я что-то никак не пойму. Ведь корабль все еще в руках Похитителя Солнц? А он желает нас всех укокошить.

— Нет, — ответила Вольева с каким-то девичьим восторгом. — Нет! Все так и должно быть, если то, что я сделала, сработало, а оно не могло не сработать.

— А что ты выкинула такое, Илиа?

— Я... гм... подогрела Капитана!

— Ты сделала это?

— Именно! Это был весьма решительный подход к решению проблемы, надо признаться. Я подумала: если один паразит хочет захватить контроль над кораблем, то самый надежный способ его победить — это выпустить на него еще более сильного паразита. — Вольева остановилась, как будто ожидала от Хоури подтверждения, что это весьма разумный взгляд на проблему. Поскольку подтверждения не последовало, она продолжала: — Это было сутки назад. Чума уже наверняка трансформировала за несколько часов значительную часть корабля. Скорость трансформации невероятная — сантиметр в секунду!

— И ты полагаешь, это умно?

— Хоури, это самая глупейшая идея за всю мою жизнь! И все же она, по-видимому, сработала. В худшем случае мы сменим одного мегаломаньяка на другого, но тот — другой — уже не станет настаивать на нашем уничтожении.

— Значит, шаг в правильном направлении. А где ты сейчас? Ты еще не на корабле?

— Едва ли. Последние часы я провела в поисках тебя. Где ты находишься, черт бы тебя побрал? Я никак не могу взять твой пеленг.

— Лучше и не надо.

— Ладно, посмотрим. Но я хочу как можно скорее залучить тебя на корабль. И я не вернусь на этот суперсветовик одна — это на случай, если у тебя есть на этот счет сомнения. Не думаю, что он выглядит сейчас таким, каким мы его видели в последний раз. Ты... хм... можешь добраться до меня?

— Думаю, да.

Хоури сделала то, что, как ей говорили, она должна сделать, если ей придет охота покинуть поверхность Гадеса. Она не видела в этих действиях смысла, но Паскаль стояла на своем, говорила, что это та команда, которую матрица

обязательно поймет. Команда, которая заставит матрицу направить свой пузырек, содержащий низкий уровень гравитации, прямо в космос. Таким образом, получится что-то вроде бутылки, в которой Хоури поплывет в безопасные края.

Хоури раскинула широко руки, будто у нее есть крылья, будто она умеет летать.

Красная почва, вечно дрожащая и сверкающая, медленно и ровно ушла из-под ног.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru **http://www.ast.ru**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Рейнольдс Аластер

Космический Апокалипсис

Редактор М.Б. Левин
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редакор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

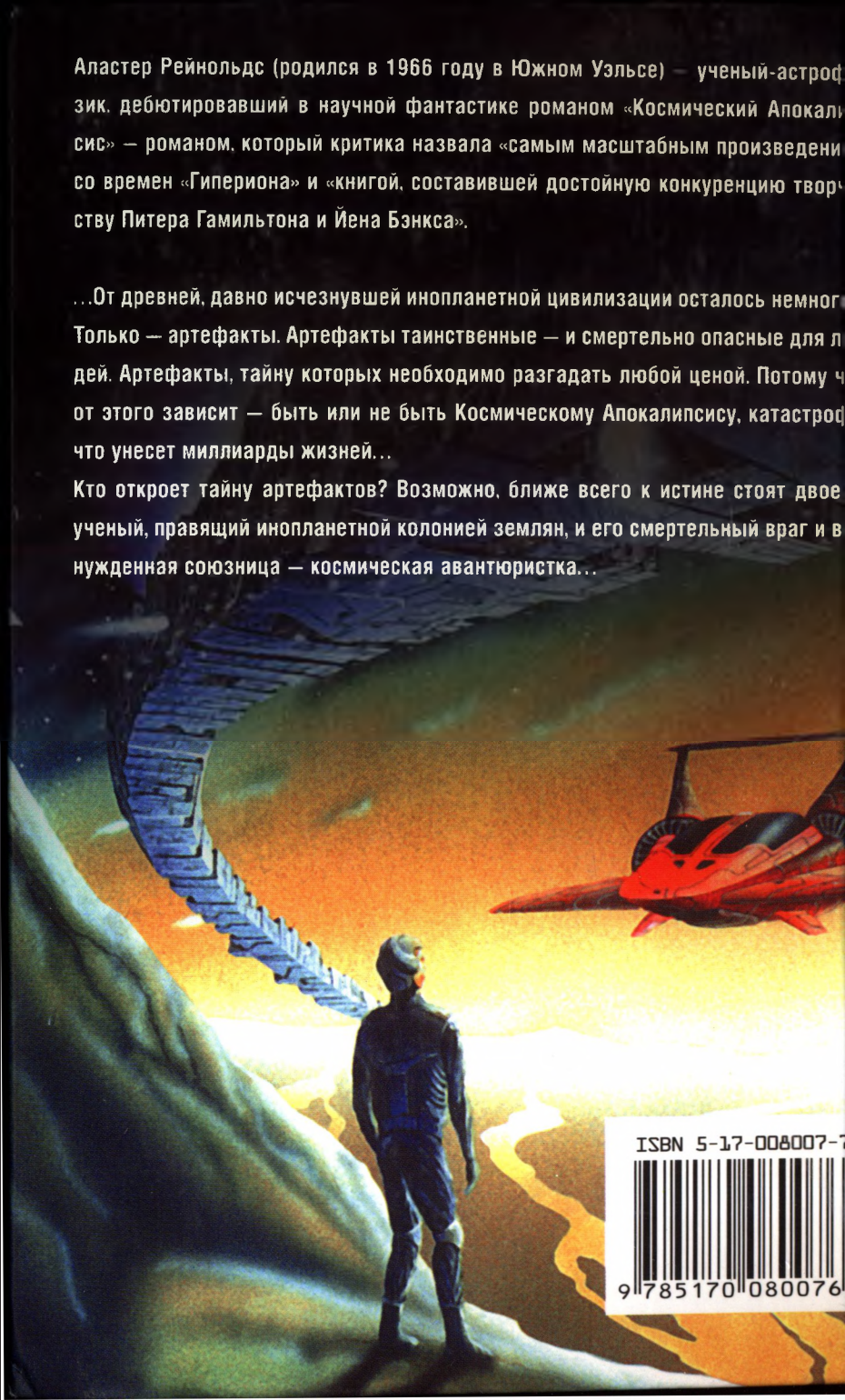
ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Аластер Рейнольдс (родился в 1966 году в Южном Уэльсе) — ученый-астроф
зик, дебютировавший в научной фантастике романом «Космический Апокали
сис» — романом, который критика назвала «самым масштабным произведени
со времен «Гипериона» и «книгой, составившей достойную конкуренцию твор
ству Питера Гамильтона и Йена Бэнкса».

...От древней, давно исчезнувшей инопланетной цивилизации осталось немног
Только — артефакты. Артефакты таинственные — и смертельно опасные для л
дей. Артефакты, тайну которых необходимо разгадать любой ценой. Потому ч
от этого зависит — быть или не быть Космическому Апокалипсису, катастроф
что унесет миллиарды жизней...

Кто откроет тайну артефактов? Возможно, ближе всего к истине стоят двое
ученый, правящий инопланетной колонией землян, и его смертельный враг и в
нужденная союзница — космическая авантюристка...



ISBN 5-17-008007-
9 785170 080076